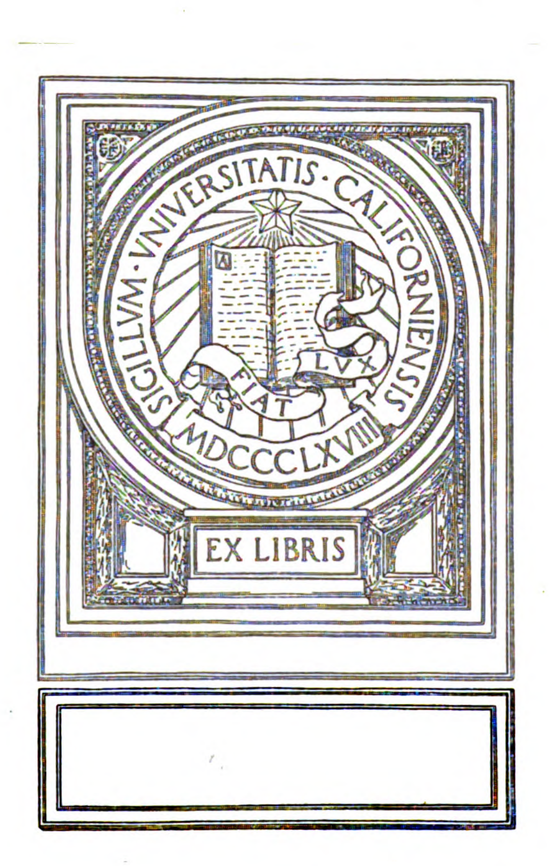
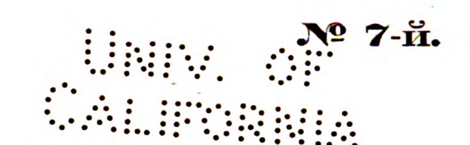

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIII-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

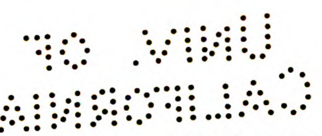
САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XIII-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го іюня 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЖОРЖЪ САНДЪ

(Аврора Дюдеванъ)

Род. 1 іюля 1804 г., ум. 1876 г.

ЖОРЖЪ САНДЪ И ПИСАТЕЛИ-ПРОЛЕТАРІИ.

(ПЕРДИГЪЕ, ПОНСИ, МАГЮ, ЖИЛЬЯНЪ и др.).

По неизданнымъ документамъ.

Перваго іюля исполняется столѣтняя годовщина рожденія Авроры Дюпенъ, по мужу Дюдеванъ, съ литературнымъ псевдонимомъ которой—Жоржъ Сандъ—неразрывно связана ея слава одной изъ самыхъ выдающихся писательницъ прошлаго вѣка. Жоржъ Сандъ (принятое у насъ раньше ошибочное написаніе *Ж. Зандъ* — есть неумѣстный германизмъ, который давно пора отстранить) принадлежитъ, конечно, не одной только французской литературѣ, но занимаетъ видное мѣсто и въ исторіи нашей умственной жизни, какъ въ виду популярности, которую пріобрѣли у насъ ея произведенія, такъ и по тому вліянію, которое она въ свое время оказала на корифеевъ нашей литературы—Тургенева, Достоевскаго, Щедрина и др. Вспомнимъ, что и Бѣлинскій, во второмъ періодѣ своей дѣятельности, называлъ Жоржъ Сандъ „вдохновенной пророчицей великаго будущаго". Ея почину приписываютъ зачатки народнической литературы и съ ея именемъ связанъ одинъ изъ фазисовъ „женскаго вопроса". Читателямъ нашего журнала уже были предложены переводы — изъ автобіографіи Жоржъ Сандъ („Исторія моей жизни", пер. Л. Давыдовой, см. „Міръ Божій" 1893 г., окт., нояб. и дек.), изъ ея деревенскихъ разсказовъ („Чортово болото", 1892 г., нояб. и дек.), а также рядъ статей Ев. Дегена—„Ж. Зандъ и ея время" („Міръ Божій" 1900 г., іюль, августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь). Авторъ этихъ статей, подводя итогъ біографіямъ Ж. Сандъ, справедливо указывалъ на многіе недочеты ея жизнеописаній, въ которыхъ—„не мало темныхъ мѣстъ, полное разъясненіе которыхъ абсолютно невозможно для тѣхъ біографовъ, которымъ недоступны подлинные документы".

Въ болѣе счастливомъ положеніи именно обладанія „подлинными и неизданными документами" оказался авторъ обширной монографіи о Ж. Сандъ, Вл. Каренинъ, выпустившій первую часть своего труда, почти одновременно по-русски и по-французски, пять лѣтъ тому назадъ (1899 г.). Первая часть заканчивалась 1838 годомъ. Въ настоящее время Вл. Каренинъ приготовляетъ къ печати второй томъ своей работы, одна глава которой печатается здѣсь. Она касается второго періода дѣятельности знаменитой писательницы. Тогда какъ произведенія перваго періода были по преимуществу посвящены вопросамъ личнаго чувства, съ конца тридцатыхъ и особенно въ 40-хъ годахъ Жоржъ Сандъ обращается къ болѣе широкимъ общественнымъ темамъ и усердно распространяетъ въ беллетристической формѣ идеи и теоріи тогдашнихъ общественныхъ мыслителей и дѣятелей. Важную роль сыграли при этомъ ея непосредственныя отношенія къ тѣмъ писателямъ самоучкамъ—изъ народа, интересы котораго она такъ энергично отстаивала. Если въ настоящее время

теоретическая или, точнѣе, „доктринерская“ часть романовъ Жоржъ Сандъ представляется наиболѣе устарѣвшей, то, какъ справедливо замѣтилъ Э. Каро въ своей монографіи о Ж. С.,—не умерли сами общественныя проблемы, которыя выдвинула Жоржъ Сандъ: „не умерла моральная и экономическая необходимость задумываться надъ этими проблемами и искать имъ хотя бы частичнаго рѣшенія. Не умерло печальное и неотстранимое обязательство для всякаго, у кого только есть совѣсть и сердце, посвятить часть своихъ думъ и своей жизни страданіямъ нашихъ невѣдомыхъ братьевъ“. Дѣло, конечно, не въ самихъ теоріяхъ, которыя мѣняются сообразно времени и обстоятельствамъ, а въ той потребности сердца къ любви и къ справедливости, которая составляла главную силу Жоржъ Сандъ и придаетъ понынѣ ея облику неотразимое обаяніе.

Ред.

Какъ нѣкогда Жоржъ Сандъ черезъ Мишеля изъ Бурера познакомилась съ разными парижскими и беррійскими республиканскими дѣятелями, такъ черезъ Пьера Леру и его друзей она въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ мало-по-малу сошлась съ цѣлымъ рядомъ выдающихся личностей изъ народа, точнѣе сказать изъ городского пролетаріата, чрезвычайно характерныхъ и для своей эпохи, и для XIX и нынѣшняго вѣка вообще. Хотя Виллоны и Гансы Саксы существовали и появлялись во всѣ времена, но на ремесленникахъ-поэтахъ, о которыхъ мы говоримъ и дружескія отношенія съ которыми Жоржъ Сандъ сохранила до конца жизни, лежитъ не только совсѣмъ особый отпечатокъ той эпохи, но и сами эти личности привлекаютъ къ себѣ наше живѣйшее вниманіе и симпатіи всѣмъ своимъ душевнымъ складомъ и чертами.

Первымъ изъ поэтовъ - простолюдиновъ, съ которымъ Жоржъ Сандъ познакомилась около 1839 г., былъ знаменитый Агриколь Пердигье, поэтъ-публицистъ, авторъ извѣстныхъ сочиненій о compagnonnage'ѣ (ремесленныхъ союзахъ). По профессіи это былъ просто столяръ (родился онъ въ 1805 г. близъ Авиньона), хорошо чертившій и рисовавшій, знавшій немного архитектуру и исторію искусства, и потому, въ подспорье къ своему скромному заработку отъ столярничества, открывшій у себя, послѣ переселенія въ Парижъ, «курсъ черченія и стиля» для ремесленниковъ: въ тѣ времена не существовало еще художественно-промышленныхъ школъ. Жена Пердигье, Лиза—простая, малограмотная, но, повидимому, чрезвычайно развитая и отъ природы умная женщина (судя по ея письмамъ), была по профессіи швея, а также держала нѣчто въ родѣ меблированныхъ комнатъ для ремесленниковъ и комми-вояжеровъ. Пердигье состоялъ членомъ одного изъ ремесленныхъ сообществъ или артелей (compagnonnages), которыя сохранились еще съ среднихъ вѣковъ, раздѣлялись на различныя *devoirs* либо по ремеслу членовъ, его составлявшихъ (напримѣръ, devoir du trait чертежниковъ), либо названныхъ въ честь теологическихъ добродѣтелей или отвлеченныхъ понятій (въ родѣ devoir de la Liberté, de la Vertu и т. д.) и представлявшихъ изъ себя нѣчто среднее между

средневѣковымъ цеховымъ устройствомъ и франкъ-массонскими ложами, съ ихъ таинственными статутами, обрядами и искусами при вступленіи въ число членовъ. У каждаго devoir была своя *mère*, какая-нибудь уважаемая всѣми женщина, содержавшая нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома или общинной братской квартиры и пользовавшаяся громаднымъ авторитетомъ среди «товарищей» артели, а каждый изъ этихъ товарищей носилъ особое прозвище въ своемъ devoir'ѣ; такъ, самъ Пердигье, принятый въ Devoir de la Liberté», носилъ названіе «Avignonnais la «Vertu». Онъ рано почувствовалъ стремленіе къ изученію, много читалъ, потомъ сталъ писать стихи и, наконецъ, обратился къ изученію рабочаго вопроса. Онъ принималъ близко къ сердцу всѣ вопросы, волновавшіе лучшіе европейскіе умы во вторую четверть прошлаго вѣка, и, не безъ основанія полагая, что артельное или общинное устройство compagnonnages'ей является вполнѣ демократически-христіанскимъ учрежденіемъ, во многомъ годнымъ для нашего времени и способнымъ воспринять всѣ освободительныя и христіанско-соціальныя его идеи, рѣшилъ всѣми силами способствовать полнѣйшему объединенію и наивозможному усовершенствованію всѣхъ разсѣянныхъ по Франціи devoirs'овъ и compagnonnages'ей. Для этого онъ воспользовался однимъ изъ §§ статута своей артели, обязывавшаго своихъ членовъ совершать круговыя путешествія по Франціи (tour de France), и сталъ періодически объѣзжать всю Францію, останавливаясь и въ городахъ, и въ мѣстечкахъ, вездѣ собирая вокругъ себя ремесленниковъ (ferrandiniers, corroyeurs, tanneurs, menuisiers, tailleurs de pierre и т. д. и т. д.), принадлежавшихъ къ devoirs'амъ, и убѣждая ихъ бросить всѣ ихъ мелочныя взаимныя распри, всѣ ихъ прежнія средневѣковыя, утратившія смыслъ, церемоніи, кулачные бои однихъ devoirs'овъ противъ другихъ и т. п., а наоборотъ, призывалъ ихъ просвѣщаться, учиться, стремиться ко всеобщему соединенію и единодушію, къ союзу между всѣми ремесленниками и рабочими, который могъ бы представить *силу* для борьбы съ бѣдностью, съ невѣжествомъ, съ эксплуатаціей. Наряду съ личными проповѣдями и путешествіями, Пердигье и въ книжкахъ своихъ старался проповѣдовать то же самое *). Сначала его рѣчи встрѣчали гдѣ недоумѣніе, насмѣшки и непониманіе, а гдѣ и явный отпоръ и вражду. Но мало-по-малу его идеи проникли въ косную ремесленную массу, стали распространяться, члены товариществъ поняли его цѣли, и когда онъ, уже въ 1863 г., совершалъ свой третій tour de France,—его путешествіе было сплошнымъ тріумфомъ. Во всѣхъ городахъ его встрѣчали съ музыкой, съ пѣніемъ «братскихъ»

---

*) Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: „Le Compagnonnage“ (1839), „Le Livre du Compagnonnage“ (ibid), „Histoire d'une scission“ (1843), „Mémoires d'un Compagnon“ (1854), „Histoire démocratique des peuples anciens et modernes“ (1849—1851), оставшаяся неоконченной и т. д.

*

и демократическихъ пѣсенъ, обѣдами, банкетами, дарили ему разные символическіе подарки (въ родѣ золотого кольца—символа единенія, или серебряной братины), и такимъ образомъ дали ему на закатѣ дней ясно увидѣть, что дѣло всей его жизни принесло благіе плоды, что ремесленники вездѣ объединены, соціально-христіанскіе принципы вездѣ привились и въ близкомъ будущемъ могутъ высказаться ярко и сильно. Исторія показала, что надежды Пердигье не были ложными. Но пока онъ достигъ такихъ результатовъ, ему пришлось вынести массу непріятностей и трудностей, бороться противъ интригъ, клеветы и тупости. Одни, запуганные полиціей и клерикалами, видѣли во всякомъ человѣкѣ, пропагандировавшемъ какія бы то ни было идеи,—зловреднаго агитатора и злонамѣреннаго революціонера; другіе утверждали, что Пердигье преслѣдуетъ какія-то личныя, честолюбивыя цѣли, и, дабы дискредитировать его, прежде чѣмъ онъ куда-нибудь пріѣзжалъ подсылали подложныя письма, якобы исходившія отъ цѣлаго какого-нибудь devoir'а и предостерегавшія противъ Пердигье товарищей въ другомъ городѣ. Третьи упорно твердили: «при отцахъ нашихъ такъ заведено, нечего намъ измѣнять что бы то ни было». Письма Пердигье къ Жоржъ Сандъ полны разсказовъ о томъ, какъ онъ усовѣщевалъ, спорилъ, стыдилъ или выводилъ на чистую воду разныхъ своихъ враговъ, клеветниковъ или робкихъ товарищей, и зачастую они изъ враговъ дѣлались его горячими поклонниками и друзьями. Таковы были, напр., его столкновенія съ «Parisien ami des arts», съ «le Bayonnais» и разными другими. Въ этихъ же письмахъ Пердигье описываетъ и разныя свои путевыя впечатлѣнія: природу Воклюзы и Авиньона, безобразный и отвратительный бой быка съ людьми, медвѣдемъ и собаками въ одномъ изъ южныхъ французскихъ городовъ; изображаетъ и косность сельскаго люда и обскурантизмъ духовенства въ сельской общинѣ Morières, гдѣ жилъ отецъ Пердигье, и т. д. И не говоря уже о томъ, что письма эти написаны превосходнымъ языкомъ и стилемъ, но они свидѣтельствуютъ и о глубокомъ умѣ писавшаго, о его разностороннемъ развитіи и о полномъ проникновеніи и своими мыслями, и идеями своего времени.

Пердигье дважды выступалъ и на собственно политическую арену. Въ 1848 г. онъ былъ огромнымъ большинствомъ голосовъ избранъ въ Національное собраніе, потомъ участвовалъ и въ Законодательномъ; послѣ coup d'état былъ сначала заключенъ въ тюрьму, а затѣмъ и изгнанъ изъ Франціи. Онъ прожилъ въ изгнаніи нѣсколько лѣтъ сначала въ Бельгіи потомъ въ Швейцаріи, но затѣмъ ему было дозволено вернуться во Францію и онъ поселился вновь въ Парижѣ, гдѣ держалъ маленькую книжную лавочку. Дождавшись провозглашенія третьей республики, онъ въ послѣдніе годы жизни могъ и послужить ей, исполняя обязанности помощника мэра въ одномъ изъ парижскихъ округовъ и издавая горячо и просто написанныя брошюрки, въ ко-

торыя призывали къ единенію, согласію и братству всѣ фракціи республиканскихъ партій. Умеръ онъ въ 1875 г.

Прочтя все вышеизложенное, читатель безъ сомнѣнія сразу признаетъ въ лицѣ Пердигье черты героя романа Жоржъ Сандъ—«Товарищъ артели круговыхъ путешествій», Пьера Гюгена и придетъ къ заключенію, что онъ списанъ съ натуры. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Для насъ, въ наши дни, не рѣдкость встрѣтить развитого, читающаго рабочаго, не только интересующагося кровными вопросами своего сословія и способствующаго по мѣрѣ силъ просвѣщенію своихъ собратьевъ, общему благосостоянію своего класса, но интересующагося и общею жизнью міра и его дѣлами. Не то было до 1848 года во Франціи. Личности, въ родѣ Пердигье, были настолько рѣдки, что когда Жоржъ Сандъ, хотя и вдохновившись имъ, какъ оригиналомъ, и начитавшись его книги, но еще очень мало знавшая о близкихъ его товарищахъ, слесарѣ Жильянѣ, ткачѣ Магю, Шарлѣ Понси и др., изобразила почти по предвидѣнію этотъ рабочій мірокъ, слагавшійся въ тѣ дни изъ элементовъ, наполовину вновь нарождающихся, наполовину сохранившихся отъ глубокой старины, то всѣ критики и публика закричали, что писательница нарисовала какихъ-то невѣроятныхъ людей, что такихъ развитыхъ рабочихъ не бываетъ, что все это плоды ея фантазіи и даже, что весь романъ испорченъ длиннѣйшими описаніями обычаевъ и установленій рабочихъ товариществъ. Лишь немногіе критики и біографы Жоржъ Сандъ замѣтили мимоходомъ, что «кажется-де для написанія этого романа. Жоржъ Сандъ воспользовалась книгой Пердигье» *) или «повидимому разсказы Пердигье послужили толчкомъ для написанія этого романа»... Но почти всегда критики и біографы, замѣчавшіе это, тотчасъ и оговаривались по поводу того же Пьера Гюгенена, что, молъ, фигура этого столяра черезчуръ идеализирована и что такихъ столяровъ въ натурѣ не существуетъ.

Очень интересно, что и сама Жоржъ Сандъ, не отдавая себѣ яснаго отчета, изъ какихъ элементовъ сложился въ ея воображеніи образъ Пьера, считала, что она лишь «предвидѣла», что такой типъ «явится», и черезъ 5 лѣтъ по написаніи «Товарища», уже близко познакомившись съ другимъ рабочимъ-писателемъ, Понси, увидѣла въ немъ живое олицетвореніе Пьера. Она пишетъ ему въ неизданномъ письмѣ отъ 24-го ноября 1845 года:

Ноганъ. 24-го ноября 1845 г.

„Когда я набрасывала характеръ Пьера Гюгенена, я хорошо знала тоже, что Пьеръ Гюгененъ еще не проявился. Но я была убѣждена, что онъ уже находился, существовалъ гдѣ-нибудь, и когда мнѣ говорили, что надо подождать

---

*) Это тѣмъ легче было замѣтить, что Жоржъ Сандъ сама это указала въ предисловіи, написанномъ въ 1852 г. къ „Compagnon du tour de France" для собранія сочиненій, вышедшаго между 1852—56 гг. съ рисунками Tony Lohannot и Maurice a Sand.

еще двѣсти или триста лѣтъ, я объ этомъ нисколько не безпокоилась. Я знала, что дѣло стало лишь за нѣсколькими годами, и что вскорѣ какой-нибудь пролетарій будетъ совершенно-законченнымъ человѣкомъ, наперекоръ всѣмъ тѣмъ препятствіямъ, которыя законами, предразсудками и привычками ставятся его развитію.

„Я не говорю теперь, что вы дѣйствующее лицо романа, называющееся Пьеромъ Гюгененомъ. Вы нѣчто гораздо большее и я не стараюсь пріукрасить васъ, прилагая къ вамъ форму одного изъ моихъ вымысловъ. Я и не думаю объ этомъ. Вы знаете, что я не помню болѣе ни о формѣ, ни о подробностяхъ моихъ сочиненій. Но что я помню—такъ это тѣ убѣжденія, изъ которыхъ они родились, то, что я считала несомнѣнной возможность существованія пролетарія умственно равнаго людямъ изъ привилегированныхъ классовъ, вносящаго въ ихъ среду древнія добродѣтели и прирожденныя силы своего сословія. До сихъ поръ я видѣла лишь молніи, пролетающія по небосклону, и сгущающіяся темныя тучи, часто очень гадкія: напр. какъ нашъ другъ С. Но то, что поражало деликатную и утомленную душу Шопена, нисколько меня не поколебало. Уже давно я пріучилась ждать, и я не прождала напрасно! Пьеръ Гюгененъ остался въ числѣ вымысловъ, но мысль, заставившая меня натолкнуться на типъ Пьера Гюгенена, тѣмъ не менѣе была проникновеніемъ истины. Вы иной и вы лучше. Вы поэтъ, значитъ, вы богаче одарены, и Вы гораздо болѣе человѣкъ, чѣмъ онъ. Вы не искали идеала любви во враждебномъ сословіи. Совсѣмъ юный еще, вы полюбили равную себѣ, *сестру*, и вы не нуждались въ очарованіи ложныхъ благъ и ложныхъ преимуществъ для того, чтобы влюбиться въ простоту, наивность, истинную красоту. Наконецъ, вы смотрите такъ же далеко впередъ, какъ и онъ, а почерпаете свои радости, волненія, силу въ болѣе здоровой и дѣйствительной средѣ“...

Итакъ, только что упомянутые легковѣсные критики напрасно кричали о неправдоподобности главнаго героя этого романа. Другіе разбирали романъ болѣе подробно, но только почти исключительно со стороны его любовной интриги, и справедливо находили, что она «испорчена излишнею примѣсью теоретическихъ разглагольствованій Гюгенена», но тотчасъ впадали въ ошибку, прибавляя: «и изображеніемъ обычаевъ товариществъ». Одинъ нашъ отечественный критикъ впалъ въ другую крайность, утверждая, что особый интересъ представляютъ отношенія двухъ главныхъ героевъ, съ ихъ презрѣніемъ къ богатству, и всѣ ихъ рѣчи противъ него. *Идея*, руководившая авторомъ, очевидно заставляетъ критика закрыть глаза на всѣ промахи и недостатки *выполненія*,—эта демократическая идея «опрощенія», сближенія съ «народомъ» была очень присуща русской, современной критику, жизни; она уже создала въ ней цѣлый рядъ своеобразныхъ положеній, и оттого то онъ такъ и восхваляетъ изображеніе аристократической дѣвицы Изольды де-Вильпрё, влюбленной въ простолюдина-столяра Гюгенена. Гораздо точнѣе и тоньше замѣчаніе, высказанное г. Каро, что фигура Изольды, неудачная и блѣдная, кромѣ того явилась и исторически невѣроятной во Франціи сороковыхъ годовъ и что лишь въ наши дни «когда русскій романъ показалъ намъ Изольду - нигилистку», этотъ типъ кажется болѣе правдоподобнымъ.

Но при тщательномъ изученіи романа, обстоятельствъ его написанія и людей, окружавшихъ тогда Жоржъ Сандъ, мы прежде всего должны обратить вниманіе на то, что въ этомъ романѣ Жоржъ Сандъ, при всей утопичности его основной идеи, заключается цѣлая масса чисто реальныхъ, прямо взятыхъ съ натуры, подробностей, масса видѣннаго авторомъ воочію или записаннаго со словъ Пердигье. И въ письмахъ и въ разсказахъ своихъ онъ очевидно передалъ много такихъ характерныхъ чертъ быта и склада мыслей «товарищей круговыхъ путешествій», подлинная реальность которыхъ не можетъ быть ничуть заподозрѣна. И мы лично должны сказать, что романъ этотъ, въ общихъ чертахъ чрезвычайно устарѣвшій для нашихъ дней и очень наивный, интересенъ какъ разъ тѣми бытовыми, списанными съ дѣйствительности подробностями, тѣми описаніями обычаевъ, повадокъ и устройствъ compagnonnages'ей, на которыя такъ нападали прежніе критики, а также живымъ отраженіемъ дѣйствительнаго лица—идеалиста рабочаго Пердигье, въ лицѣ главнаго героя. Поэтому тѣ страницы, гдѣ разсказывается о *дракахъ и бояхъ* товариществъ—(Жоржъ Сандъ разъ въ юности сама была свидѣтельницей подобной драки между двумя devoirs'ами),—о бесѣдахъ и спорахъ у «mère Savinienne», объ образѣ жизни Гюгенена и его друга «le Corintin ami des arts» *) полны интереса и жизненности и въ наше время. Фабула же романа, сводящаяся къ разсказу о двухъ параллельныхъ любовныхъ интригахъ двухъ искусныхъ столяровъ изъ артели des Gavots, пріѣхавшихъ въ замокъ графа де-Вильпрё для реставраціи рѣдкой старинной деревянной рѣзьбы въ часовнѣ и влюбляющихся, одинъ—въ мечтательную и проникнутую гуманными и свободолюбивыми идеями дочь владѣльца, а другой въ кокетливую и жизнерадостную вдовушку,—эта фабула мало интересна.

Поклонникъ вдовушки, пылкій, слабый и тщеславный Корентьенъ—истинно художническая натура (обрисованная, прибавимъ мы, весьма живо, ярко и мѣтко)—скоро обращается и въ любовника ея, порабощенный столько же ея чувственной прелестью, какъ и тщеславной мыслью о трудности обладанія этой, казалось бы, недостигаемой для него аристократической красавицей. Пьеръ Гюгененъ, мрачный, задумчивый и суровый въ выполненіи того, что онъ считаетъ своимъ долгомъ т.-е. въ служеніи какъ высшимъ идеаламъ братства, равенства и свободы, такъ въ частности въ строгомъ исполненіи своихъ профессіональныхъ обязанностей,—тоже узнаетъ объ отвѣтной любви къ себѣ обожаемой имъ дѣвушки. Но гордый, самолюбивый, не желающій терпѣть унизительнаго положенія относительно стараго Вильпрё и его касты и полный

*) См. въ „Temps" фельетоны Plauchut 1891 г., подъ заглавіемъ „Autour de Nohant". Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ они вошли въ томикъ „Autour de Nohant", дополненный нѣсколькими новыми главами.

благороднаго намѣренія возвысить въ своемъ лицѣ весь свой классъ, онъ отказывается отъ руки Изольды, заставляя ее закончить романъ добродѣтельнымъ пожеланіемъ... обѣднѣть и такимъ образомъ лишь современемъ, ставъ равной ему, соединиться съ нимъ узами любви. Вся эта несложная исторія, сшитая довольно бѣлыми нитками и страдающая книжностью, разыгрывается, какъ мы уже сказали, на яркомъ фонѣ нравовъ и обычаевъ соперничающихъ между собою ремесленныхъ артелей, ихъ стычекъ и примиреній, интригъ и дебатовъ и ихъ патріархальнаго преклоненія предъ личностью добродѣтельной, республикански-суровой, но женственно-заботливой о своихъ постояльцахъ *mère*. И этотъ «фонъ» интересенъ и полонъ couleur locale, а потому реаленъ и жизненъ. Финалъ же грѣшитъ преизбыткомъ «благородства чувствъ», который испортилъ или сдѣлалъ скучными столько прекрасныхъ романовъ, комедій и драмъ, и мы полагаемъ, что Пьеръ Гюгененъ ничуть не сталъ бы хуже въ глазахъ читателя, а много выигралъ въ жизненности и правдоподобіи, если бы не побоялся раздѣлить съ Изольдой ея состояніе. Оригиналъ, съ котораго онъ списанъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, ничуть не считалъ унизительнымъ въ минуту жизни трудную обращаться за матеріальною помощью къ Жоржъ Сандъ и вообще вовсе не отличался никакимъ донъ-кихотскимъ отношеніемъ къ «презрѣнному металлу». Мало того, изъ его писемъ оказывается, что въ 1840 г. Жоржъ Сандъ даже дала ему средства на «круговое путешествіе по Франціи», и потому онъ въ каждомъ письмѣ, изъ разныхъ пунктовъ этого «кругового пути», благодаритъ ее за ея великодушіе. Совершенно основательно замѣчая, что онъ не свободенъ даже писать ей, когда ему хочется, «ибо нужда дѣлаетъ меня невольникомъ и безжалостно привязываетъ къ станку», онъ тѣмъ болѣе цѣнитъ дружескую помощь Жоржъ Сандъ, давшую ему возможность поработать на пользу общую, для дѣла, важнаго всѣмъ рабочимъ. «Я надѣюсь не оскорбить васъ,—пишетъ онъ 16-го августа 1840 г.,—сказавъ правду: я часто говорю про васъ, я разсказалъ друзьямъ, какимъ образомъ я могъ предпринять такое длинное путешествіе, вашъ великодушный поступокъ вызвалъ взрывъ восторга и заставилъ проливать слезы радости. Всякій благословляетъ мадамъ Жоржъ Сандъ и чувствуетъ, что ей онъ будетъ въ большой мѣрѣ обязанъ тѣмъ благомъ, которое я могу сдѣлать»... Объ этой же «добротѣ и великодушіи» онъ говоритъ и въ письмахъ отъ 7-го іюня, 19-го сентября и др. Жена его, въ отсутствіи мужа, тоже пишетъ о «предложеніи (offre) которое можетъ сдѣлаетъ ее счастливой» и о томъ, что болѣе не колеблется принять его. (Повидимому, Жоржъ Сандъ дала ей возможность взять къ себѣ и воспитывать дочку, которую бѣдная женщина, зарабатывавшая хлѣбъ шитьемъ, должна была кудато помѣстить. Жоржъ Сандъ помогла ей и деньгами, и работой). А въ это самое время Агриколь Пердигье, истратившись въ пути,

тоже просто и прямо обратился къ Жоржъ Сандъ съ слѣдующимъ письмомъ, котораго, вѣроятно, Пьеръ Гюгененъ не рѣшился бы написать.

Бордо, 2-го сентября 1840 г.

«Милостивая государыня, я пишу вамъ сегодня всего лишь нѣсколько словъ, чтобы сообщить вамъ, что я пріѣхалъ въ Бордо здоровымъ и совершенно безъ денегъ. Согласно многократно повторенному вами наставленію, я, не стѣсняясь и безъ обиняковъ, признаюсь, въ какомъ я положеніи. Я не ожидаю вашего отвѣта здѣсь же, но въ Нантѣ. Одинъ пріятель дастъ мнѣ взаймы, чтобы доѣхать до этого города, и я расплачусь съ нимъ какъ можно скорѣе. Я еще далеко отъ Парижа, мнѣ нужно еще побывать въ Ла-Рошели, въ Нантѣ, Турѣ, Орлеанѣ, Шарнзѣ и др. городахъ. Мнѣ нужно, какъ мнѣ кажется, minimum сто франковъ, ибо мнѣ еще предстоитъ проѣхать большое пространство. Адресуйте ваше письмо къ г. Дарно, въ улицу св. Леонарда, 20, Нантъ. Благодарю васъ за то, которое я нашелъ, пріѣхавъ въ Бордо. Вы можете надѣяться на все, что отъ меня зависитъ. Я напишу вамъ изъ Нанта или изъ Тура письмо подробнѣе этого. Прощайте, сударыня! Тотъ, который никогда васъ не забудетъ, Пердигье».

Замѣтимъ, что въ своемъ письмѣ къ редактору «Entr'acte'а» отъ 00 января 1841 г. *) Жоржъ Сандъ отрицаетъ всякую свою матеріальную помощь Пердигье или его роднымъ и увѣряетъ (довольно туманно), что если «нѣкоторыя средства и были мною предоставлены ему, дабы позволить ему прекратить свою столярную работу въ теченіе части года, но эта маленькая коллекта является пожертвованіемъ нѣсколькихъ лицъ, проникнутыхъ святостью дѣла, которое предпринято имъ, а вовсе не милостыня заинтересованнаго милосердія». (Послѣднія слова относятся до опровергаемаго ею ложнаго извѣстія, будто Пердигье былъ «посланъ» ею въ путь и «посланъ» съ цѣлью собрать матеріалы для ея романа). Это письмо Ж. Сандъ написано ею по просьбѣ Пердигье, обратившагося къ ней 5-го января 1841 г. съ письмомъ, въ которомъ онъ, указывая ей на появившуюся въ «Антрактѣ» «оскорбительную», по его словамъ, для него и для писательницы статью «Жоржъ Сандъ и Агриколь Пердигье» **), проситъ ее «немедленно» заступиться за него и опровергнуть взводимыя на него клеветы. Однако, какъ мы только что видѣли, Ж. Сандъ *дѣйствительно* сама дала средства Пердигье на поѣздку, поэтому ея отрицаніе этого факта является лишь такъ называемою «благочестивою ложью» по евангельскому завѣту, что—«правая рука не вѣдаетъ, что творитъ лѣвая». Много, много разъ въ своей жизни Жоржъ Сандъ лѣвой рукой щедро помогала, а правой писала, что ничего этого не было.

---

*) Въ „Correspondance“, т. II, стр. 346, письмо ошибочно помѣчено 1846 годомъ.

**) См. „Entr'acte“ 1841 г.

Ж. Сандъ въ теченіе всей послѣдующей жизни сохранила къ столяру-писателю самыя задушевныя отношенія, переписывалась съ нимъ до самой его смерти и постоянно помогала ему и его женѣ. Мало того, изъ переписки ихъ явствуетъ, что и еще одно изъ ея произведеній—романъ «Evenor et Leucippe», появившійся лишь въ 1855 г., обязанъ своимъ возникновеніемъ Пердигье, или, точнѣе сказать, желанію Жоржъ Сандъ оказать ему услугу, когда, изгнанный изъ Франціи послѣ декабрьскаго переворота и перебивавшійся съ семьею въ Швейцаріи, Пердигье обратился къ Ж. Сандъ отъ имени одного тамошняго издателя съ предложеніемъ написать рядъ полу-историческихъ, полу-беллетристическихъ произведеній подъ общимъ заглавіемъ «Les Amants illustres». «Evenor et Leucippe» и былъ первымъ и единственнымъ романомъ изъ этой серіи и написанъ былъ съ цѣлью дать Пердигье возможность при заключеніи контракта съ издателемъ (Collier) заработать процентъ въ свою пользу *).

Но вернемся къ «Compagnon du Tour de France», который сыгралъ немаловажную роль въ сношеніяхъ Жоржъ Сандъ съ ея издателемъ и редакторомъ журнала «Revue des deux Mondes» Бюлозомъ, значительно испортившихся уже со времени написанія ею «Спиридіона». Будучи навѣяннымъ знакомствомъ съ Пердигье, а черезъ него и съ рабочимъ движеніемъ 30-хъ годовъ, «Товарищъ круговыхъ путешествій» въ то же время несомнѣнно проповѣдовалъ одно изъ основныхъ положеній Леру: борьбу съ кастовыми предразсудками и уничтоженіе несогласій между разными общественными группами. Мы недавно уже разсказали въ печати **) о томъ, какъ произошелъ разрывъ между Жоржъ Сандъ и Бюлозомъ изъ-за несоотвѣтствующихъ духу журнала идей знаменитой писательницы, которая въ концѣ концовъ основала новый журналъ, названный по ея иниціативѣ «Независимымъ Обозрѣніемъ» («Revue Indépendante»): акціонерами, редакторами и издателями этого журнала были сообща Леру, Луи Віардо и она сама. И съ первыхъ же книжекъ «Revue Indépendante» въ немъ появился цѣлый рядъ произведеній Жоржъ Сандъ, замѣчательныхъ и въ художественномъ, и въ идейномъ отношеніи. Такъ, въ № 1, въ ноябрѣ 1841 г. появилась статья «О народныхъ поэтахъ» и романъ «Орасъ», во 2-мъ и 3-мъ №№ продолженіе «Ораса» и статья «Ламартинъ-утопистъ», въ январѣ «Діалоги о поэзіи пролетаріевъ». Затѣмъ въ теченіе двухъ съ небольшимъ лѣтъ—съ ноября 1841 г. по мартъ 1844 г.,—тамъ появились: весною 1842 г., одновременно съ окончаніемъ «Ораса» начало «Консюэло», которая тянулась по мартъ 1843 г., потомъ «Предисловіе

---

*) Неизданное письмо Пердигье къ Ж. Сандъ отъ 16-го сентября 1854 г. изъ Женевы.

**) См. литературный сборникъ „Къ Свѣту“: „Объ „Орасѣ“ Жоржъ Сандъ“— по неизданнымъ документамъ.

къ полному собранію сочиненій Жоржъ Сандъ» (для новаго изданія выходившаго у Перротена, это предисловіе является въ нѣкоторомъ родѣ profession de foi писательницы), затѣмъ статьи: «О послѣднемъ произведеніи г. де-Ламеннэ», «Янъ Жишка», «Прокопъ Великій», романъ «Графиня Рудельштадтская», статья «О Фаншеттѣ», «Письмо къ Ламмартину», статья объ «Adieux Делатуша» и романъ «Изидора». Изъ писемъ Леру видно, что Луи Віардо, кромѣ того, просилъ Жоржъ Сандъ для перваго же № написать что-либо и по части художественной критики и ждалъ отъ нея статьи о «Салонѣ», однако, повидимому эта статья не была ею написана. И Жоржъ Сандъ, и Леру, очевидно, не жалѣли ничего для того, чтобы придать блеску своему молодому журналу, при чемъ Жоржъ Сандъ всѣми силами старалась распространять новый журналъ въ провинціи и вербовала ему подписчиковъ — ради вящаго распространенія идей Леру, ибо, по ея мнѣнію, ея романы должны были служить лишь внѣшней приманкой для «большой публики». Несомнѣнно они составляли лучшее украшеніе книжекъ «Revue». Но чрезвычайно замѣчательны и *статьи* Жоржъ Сандъ помѣщенныя тамъ и особенно рядъ ея статей «О народныхъ поэтахъ». Совершенно естественно, что разъ Леру и его единомышленники и сотрудники проводили необходимость скорѣе покончить со всѣми кастовыми и имущественными преградами и разграниченіями и вѣровали, что «гласъ народа» дѣйствительно — «гласъ Божій», ибо де людямъ простымъ, съ нераздвоеннымъ сознаніемъ и волею, со свѣжимъ чувствомъ, неиспорченной массѣ народа, большинству, истина гораздо доступнѣе и скорѣе откроется,—совершенно естественно, говоримъ мы, что особое вниманіе ихъ должны были возбудить тѣ дѣятели, поэты и писатели, которые выросли изъ среды этого самаго народа и которые являлись какъ бы прямыми выразителями его духа, его мнѣній и чувствъ. Въ первомъ же № «Revue Indépendante» были напечатаны стихи двухъ молодыхъ поэтовъ изъ народа—Шарля Понси—тулонскаго каменщика *), и парижскаго башмачника—Савиньена Лапуанта. Стихи перваго были присланы въ редакцію при письмѣ Араго, который сообщалъ кое-какія біографическія свѣдѣнія о немъ.

Незадолго передъ этимъ и знаменитая въ свое время поэтесса m-me Амабль Тастю написала маленькое предисловіе къ книжкѣ стиховъ, напечатанныхъ скромной работницей Мари Карпантье, а одинъ изъ учениковъ Сенъ Симона, Олендъ Родригъ, издалъ цѣлый сборникъ

---

*) Согласно съ др. свѣдѣніями Понси былъ даже и не каменщикъ, а ouvrier en vidanges, т.-е. занимался профессіей, прославившейся благодаря толстовскому Акиму. Ничто не ново подъ луною,—даже и представители народной мудрости и чистоты душевной, являющіеся въ то же время факторами общественной ассенизаціи.

стихотвореній простонародныхъ поэтовъ подъ общимъ заглавіемъ «Poésies sociales» *). Разумѣется на него обратила самое неблагосклонное вниманіе вся консервативная критика, съ Лерминье во главѣ, который, между прочимъ, увѣщевалъ друзей народа не захваливать этихъ поэтовъ, не поощрять ихъ стремленій къ интеллигентной жизни и пугалъ ихъ призракомъ самоубійства, къ которому-де неминуемо приведутъ ихъ разочарованія, какъ привели уже нѣкоего Boyer.

И Араго, и m-me Тастю упоминали въ своихъ статейкахъ, что, кромѣ этой молодой работницы и кромѣ тулонскаго каменщика, существуетъ еще цѣлая плеяда поэтовъ-простолюдиновъ, какъ-то: только что умершій Hégésippe Moreau, Лебретонъ—коленкорщикъ изъ Руана, Жасменъ—парикмахеръ изъ Гасконіи, Дюранъ—столяръ изъ Фонтенбло, Руже—портной изъ Невера, Магю—ткачъ изъ Лизи на Уркѣ, Бёзвиль—оловянщикъ изъ Руана, и Венсаръ, и Понти, и Ребуль—булочникъ изъ Нима, и Элиза Моро, и такъ рано умершая Элиза Меркёръ, и Луиза Кромбахъ, и Мари Карпантье, и Антуанета Карре, и т. д. и т. д., не говоря уже о родоначальникѣ всѣхъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа,—знаменитымъ, не только не нуждавшемся въ чьихъ либо похвалахъ или рекомендаціяхъ, но самимъ раздававшемъ аттестаты на безсмертіе,—«великомъ» Беранже.

Тѣмъ временемъ Жоржъ Сандъ, которая «принимала близко къ сердцу все, что и близко дѣлу народному», какъ она сама вскорѣ выразилась, и которая черезъ Араго познакомилась заочно съ Понси, а черезъ Пердигье *лично* сначала съ Магю, а потомъ и его будущимъ зятемъ-слесаремъ Жильяномъ, была не только въ совершенномъ восхищеніи отъ ихъ стиховъ, но еще болѣе того заинтересовалась этими, въ высшей степени замѣчательными и непохожими одна на другую, индивидуальностями, а также увидѣла глубокій смыслъ въ самомъ фактѣ того нарожденія и процвѣтанія народной поэзіи, представителей которой во Франціи не появлялось уже цѣлыхъ 200 лѣтъ, со временъ знаменитаго неверскаго столяра, мэтра Адама Бильо или Било. И вотъ Жоржъ Сандъ посвятила цѣлыхъ 4 статьи въ «Revue Indépendante» этому новому, «соціальному» вѣянію въ поэзіи, ибо столько же хотѣла помочь распространенію извѣстности поэтовъ-пролетаріевъ, сколько указать вниманію читателей на соціальное значеніе самого факта ихъ нарожденія на свѣтъ, являющагося нагляднымъ подтвержденіемъ теоріи Леру о «непрерывномъ прогрессѣ».

Въ первой статьѣ «Sur les poètes populaires» **) Жоржъ Сандъ какъ бы лишь указываетъ на Понси, какъ на талантъ, заслуживаю-

---

*) Olinde Rodrigues. „Poésies sociales des ouvriers“. 1841.

**) Статья эта подписана псевдонимомъ „Gustave Bonnin“. Къ псевдониму Бонненъ Жоржъ Сандъ не разъ прибѣгала и впослѣдствіи, замѣнивъ лишь имя Гюстава именемъ „Блэза“.

щій полнаго вниманія со стороны публики, и затѣмъ пространно и сочувственно цитируетъ предисловіе m-me Тастю къ томику Мари Карпантье, заключающее въ себѣ прежде всего и главнымъ образомъ ту мысль, что теперь, молъ, первенствующая и творческая роль въ поэзіи принадлежитъ простолюдинамъ, народу въ тѣсномъ смыслѣ слова; до XVII-го вѣка поэзія и литература были исключительнымъ дѣломъ дворянства, потомъ на сцену выступила магистратура и высшая буржуазія, потомъ средніе классы, а теперь очередь за народомъ. Какъ въ какой-нибудь симфоніи Бетховена музыкальная тема проходитъ по очереди черезъ всѣ инструменты оркестра, такъ и даръ поэзіи—черезъ всѣ классы общества, благодаря чему онъ не умираетъ, а вѣчно свѣжъ и вѣчно обновляется. «Это внезапное появленіе множества поэтовъ изъ народа,—говоритъ, въ свою очередь, Араго въ своей замѣткѣ,—свидѣтельствуетъ объ интеллектуальномъ пробужденіи его, а оно является несомнѣннымъ признакомъ и показателемъ скораго и полнаго освобожденія, противъ котораго мнимые государственные люди тщетно будутъ стараться напрягать свои слабыя ручки».

Это пробужденіе столькихъ творческихъ талантовъ въ народѣ, говоритъ Жоржъ Сандъ на разные лады въ своихъ четырехъ статьяхъ, свидѣтельствуетъ о нравственномъ и умственномъ ростѣ народа, обего интеллектуальной зрѣлости, о томъ, что и онъ можетъ теперь внести свою лепту въ сокровищницу человѣческихъ пріобрѣтеній, что онъ объ руку съ другими можетъ работать на пользу общую, на пользу *человѣчества*, оно доказываетъ связь всѣхъ людей въ человѣчествѣ, подтверждаетъ *прогрессивность* человѣчества.. Теперь главная задача человѣчества — рѣшеніе великихъ соціальныхъ вопросовъ, великаго вопроса равенства и братства, всеобщей солидарности, съ практическимъ рѣшеніемъ его въ видѣ всеобщаго обученія, обезпеченности труда и средствъ къ жизни всѣмъ, — естественно, что объ этомъ намъ будутъ говорить тѣ, кто въ этомъ наиболѣе заинтересованъ—рабочіе пролетаріи.

Поэзія, говоритъ она въ статьѣ «Lamartine Utopiste», отражаетъ самыя живыя идеи и чувства въ человѣчествѣ; если уже такой поэтъ, какъ Ламартинъ, одними считающійся за беззаботнаго бряцателя на какія угодно темы, другими—за холоднаго себялюбца, третьими — за политическаго честолюбца, если и онъ написалъ стихотвореніе «Утопія», гдѣ развилъ ту мысль, что никакія страданія человѣчества ему не могутъ быть чужды, что онъ страдаетъ и мучится за всѣхъ, и видитъ свое призваніе въ такомъ единеніи съ человѣчествомъ, то чего же мудренаго, что впервые возвысили свои голоса и всѣ народные поэты: всѣхъ проникаетъ вѣяніе эпохи, всѣ благородныя души проникнуты чаяніями будущаго, равенства, прогресса, и слова истины на всѣхъ устахъ, знаменитыхъ

ли поэтовъ или простыхъ риөмачей, Ламартина или Савиньена Лапуанта.

Нельзя требовать,—говоритъ Жоржъ Сандъ въ своихъ «Dialogues familiers»,—чтобы, впервые выступивъ на литературное поприще, пролетарій сразу сказалъ свое слово оригинально, безупречно, безъ всякаго подражанія кому бы то ни было, нельзя требовать отъ нихъ того, чего не требуютъ отъ поэтовъ другихъ классовъ. Назовите такихъ современныхъ свѣтскихъ поэтовъ, которые не рядились бы то въ Отелло, то въ героевъ Кальдерона, то въ какихъ-то свирѣпыхъ пашей, а если люди, давно навыкшіе владѣть языкомъ, копируютъ идеи другихъ, вдохновляются великими образцами,—чего же удивительнаго, если начинающее молодое сословіе копируетъ тоже прекрасные образцы въ родѣ Ламартина (какъ Бёэвиль) или Беранже (какъ Понси). Но если между простонародными поэтами и есть поющіе съ чужого голоса и вдохновляемые знаменитыми примѣрами, то есть и оригинальныя свѣжія дарованія. Таковъ Магю. Напрасно думаютъ, что онъ бросилъ свой челнокъ и станокъ ради пера, что его слава вскружила ему голову, нѣтъ, это истинный работникъ, истинный труженикъ, но именно потому истинный поэтъ, что говоритъ свое, идущее прямо изъ души, оригинальное, смѣлое, непритязательное слово, наивное, безыскусственное, но часто весьма острое и согрѣтое истинно художественнымъ огонькомъ. Напрасно господа критики консерваторы боялись и старались запугать пролетаріевъ-поэтовъ трудностями литературной карьеры, опасались, какъ бы они не бросили ради нея своего ремесла, какъ бы не соблазнились ею и не утратили, такъ сказать, своего специфическаго аромата настоящихъ работниковъ: карьера литературная такъ мало выгодна и привлекательна, что врядъ ли кто-нибудь рѣшится забросить свое ремесло и предаться ей одной; нечего опасаться и разочарованій, доводящихъ до самоубійства, какъ Бойе: слабыя, невыносливыя, несчастныя души встрѣчаются во всѣхъ профессіяхъ и во всѣхъ классахъ, и, вовсе не будучи ни поэтомъ, ни пролетаріемъ, онъ могъ бы также легко дойти до самоубійства отъ огорченій и разочарованій—это есть вовсе не спеціальное слѣдствіе его принадлежности къ поэтамъ-пролетаріямъ.

Вторую половину своей статьи «Dialogues familiers» Жоржъ Сандъ написала почти черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ первой—въ сентябрѣ 1842 года—и она не касается спеціально народныхъ поэтовъ, выступившихъ въ сороковыхъ годахъ на литературное поприще, а, напротивъ того, занимается жившимъ въ XVII вѣкѣ Адамомъ Бильо — поэтомъ-столяромъ *). Она пытается доказать, что, несмотря на всѣ неблаго-

*) Въ этомъ 1842 г. вышло новое изданіе произведеній Бильо: „Poésies du maître Adam Billaut, menuisier de Nevers, précédées d'une notice biographique et littéraire par M. Ferdinand Denis et accompagnées de notes por M. Fer-

пріятныя современныя ему условія,—зависимость отъ принцевъ-меценатовъ, необходимость «воспѣвать» ихъ за всякій новый дарованный кафтанъ или даже пару башмаковъ,—Адамъ Бильо, если разобрать какъ слѣдуетъ его стихотворенія, являетъ собою истинно народнаго поэта, истиннаго демократа, говорящаго высшимъ міра сего: «если не въ этой жизни, то въ ту минуту, когда Харонъ нагихъ повезетъ насъ въ своей ладьѣ, мы будемъ всѣ равны, такъ старайтесь же, чтобы при жизни еще здѣсь васъ поэты воспѣли и уготовили вамъ хотя нѣкоторое безсмертіе, славу и репутацію, дѣйствительно, высокихъ покровителей поэзіи, великодушныхъ и щедрыхъ покровителей поэтовъ». Словомъ, мэтръ Адамъ Бильо на свой ладъ и согласно со своей эпохой является уже въ XVII вѣкѣ достойнымъ родоначальникомъ современныхъ поэтовъ изъ народа, человѣкомъ внѣшне зависимымъ отъ сильныхъ міра сего, но внутренно совершенно независимымъ, признававшимъ равенство и братство всѣхъ людей, поэтомъ «въ свой жестокій вѣкъ», высоко цѣнившимъ свое призваніе и гордившимся имъ.

Но Жоржъ Сандъ не ограничилась этими общими четырьмя статьями о «соціальной поэзіи»: съ великодушіемъ истинно великаго писателя она еще не разъ постаралась прославить и поддержать начинающихъ собратьевъ, и потому какъ съ самаго начала взялась держать корректуру стиховъ Савиньена Лапуанта и указала ему на тѣ исправленія, которыя слѣдовало бы сдѣлать въ его стихахъ для ихъ же пользы*), такъ и впослѣдствіи не жалѣла времени и труда всякій разъ, что надо было рекомендовать публикѣ сборникъ стиховъ того или иного изъ ея скромныхъ товарищей по перу. Такъ, она написала предисловія къ сборникамъ Понси: «Мастерская», «Пѣсни всѣхъ ремеслъ» и «Букетъ маргаритокъ», къ «Собранію стихотвореній» Магю и къ «Conteurs Ouvriers» («Разсказчики-рабочіе») Жильяна и вообще, по своей всегдашней безконечной добротѣ и вѣчной готовности помочь, на всѣ лады въ теченіе долгихъ лѣтъ была поддержкой и истиннымъ другомъ этихъ поэтовъ. Сохранившіяся письма Магю, Жильяна, Понси, какъ и письма Пердигье, свидѣтельствуютъ о томъ, что съ первыхъ же дней знакомства и до самой смерти эти люди имѣли въ Жоржъ Сандъ вѣрнѣйшаго, преданнѣйшаго друга и покровителя, по-

---

dinand Wagnien, édition ornée de 8 portraits et de 2 vues du Nivernais. Nevers. 1842 г. 1 vol in 8°.

*) Въ неизданномъ письмѣ безъ числа, написанномъ на бланкѣ „Revue Indépendante“, Леру пишетъ: „Вотъ, дорогой другъ, продолженіе вашей корректуры и корректура стиховъ Савиньена Лапуанта, которые вы будете такъ добры заставить его поправить. Я согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ и нахожу эти стихи замѣчательными; то, что вы подчеркнули, какъ ошибки, напечатано курсивомъ. Такимъ образомъ онъ легко увидитъ, на что указываетъ ему ваша справедливая критика“...

могавшаго имъ въ крупныхъ и мелкихъ ихъ дѣлахъ, заботившагося о нихъ съ чисто материнской нѣжностью и внимательностью. Немудрено, что и всѣ эти поэты и семьи ихъ платили ей самой восторженной любовью и преданностью. Часы, проведенные нами за чтеніемъ переписки Жоржъ Сандъ съ этими пролетаріями-поэтами, были одними изъ самыхъ отрадныхъ впечатлѣній всей нашей долгой работы; такъ какъ мы не только чувствовали себя въ атмосферѣ абсолютной преданности обожанія, поклоненія великой писательницѣ со стороны простыхъ, искреннихъ душъ, умѣвшихъ, однако, цѣнить ея великую душу, но, кромѣ того, заочно познакомились съ нѣсколькими чрезвычайно привлекательными личностями, и намъ совершенно понятно, что и Жоржъ Сандъ не могла не относиться къ каждому изъ нихъ съ искреннимъ расположеніемъ и интересомъ.

Вотъ передъ нами Шарль Понси изъ Тулона *), сдѣлавшійся впослѣдствіи другомъ всей семьи Сандовъ — Мориса и Соланжъ — и отъ времени до времени навѣщавшій ихъ въ Ноганѣ и даже со всею своей маленькой семьей, женой Дезире и дочерью Соланжъ. Отношенія Жоржъ Сандъ къ Понси настолько стали съ самаго же начала дружескими, что, напримѣръ, многія обстоятельства ея личной жизни, о которыхъ она не говорила никому, были извѣстны Понси; такъ она писала ему подробнѣйшія и интереснѣйшія письма въ 1847 году, въ эпоху своего разрыва съ дочерью и Шопеномъ, когда душа ея была преисполнена горечи и страданій. Да и до самой смерти отношенія эти оставались столь же близкими. Шарль Понси былъ, повидимому, наиболѣе культурнымъ изъ всѣхъ друзей Жоржъ Сандъ изъ числа пролетаріевъ-поэтовъ, а въ поэзіи его было болѣе оттѣнковъ, сложныхъ чувствъ, но зато и менѣе чертъ, отличающихъ его отъ поэтовъ изъ высшихъ классовъ, чѣмъ въ произведеніяхъ «папаши Магю» или «Жильяна-слесаря». Но тѣмъ не менѣе Понси такъ заинтересовалъ Жоржъ Сандъ и она увидѣла въ немъ такое выдающееся дарованіе и такія дорогія для нея убѣжденія, что она именно успѣха и побоялась для него и потому вслѣдъ за выходомъ его «Маринъ» **) написала ему письмо, въ которомъ предостерегала его противъ соблазновъ этого успѣха, соблазновъ богатства и покровительства сильныхъ міра, и въ то же время указывала на то, что авторъ, написавшій предисловіе къ этому сборнику (г. Ортолинъ), недостаточно оцѣнилъ Понси, и что потому она хочетъ сама написать о немъ, когда онъ снова что-нибудь издастъ.

---

*) Шарь Понси род. въ 1821 г., ум. 30-го января 1891 г.

**) Изъ „Корреспонденціи Беранже" (см. т. III, стр. 267. Примѣчаніе) и изъ интересной книги Канонжа „Lettres choisies dans une correspondance de poète", мы узнаемъ, что Жоржъ Сандъ очень старалась распространить эту книжку молодого поэта и съ собственноручными письмами послала ее къ Беранже и къ Канонжу.

Изъ переписки Жоржъ Сандъ съ Понси видно, что она не только старалась матеріально помогать своему бѣдному другу, не только оказывала ему всевозможныя дружескія услуги, но старалась и въ литературномъ отношеніи быть ему полезной своими совѣтами. Въ этихъ же письмахъ она высказываетъ чрезвычайно замѣчательныя мысли, чрезвычайно характерныя для ея тогдашняго міровоззрѣнія и исповѣданія вѣры—эти письма какъ бы являются resumé ея тогдашнихъ соціальныхъ и художественныхъ воззрѣній и потому они невольно останавливаютъ наше особое вниманіе. Но въ то же время они чрезвычайно интересны съ чисто литературной и даже технической точки зрѣнія. Десятки страницъ ея писемъ къ Понси наполнены разборомъ отдѣльныхъ строчекъ и словъ изъ его стихотвореній, совѣтами, какъ сказать лучше, критикой неудачныхъ выраженій. Не ограничиваясь этими мелкими указаніями, она часто преподаетъ ему и совѣты *по существу*, чрезвычайно цѣнные и важные. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 23-го іюня 1842 года, сообщая ему, что у нея сильная болѣзнь глазъ, мѣшающая ей даже работать, и что она хочетъ лишь отвѣтить ему на его вопросы, и будетъ очень рада принять его пріятеля, г. Гэмара, который привезетъ ей новыя стихотворенія Понси, она затѣмъ пишетъ:

„Ваши стихи попрежнему прекрасны и возвышенны; вашъ „Праздникъ Вознесенія“—это святѣйшее и торжественнѣйшее обѣщаніе никогда не разбивать братской чаши, изъ которой вы, съ людьми сильнаго закала, пьете мужество и страданія. Пишите побольше стиховъ въ этомъ родѣ, чтобы они дошли до сердца народнаго и чтобы сильный голосъ, который небо даровало вамъ для пѣсенъ на берегу моря, не замеръ бы среди скалъ, какъ голосъ „Арфы бурь“. Возьмите въ ваши сильныя руки арфу человѣчества и пусть она звучитъ какъ ее еще никогда не заставляли звучать. Вамъ предстоитъ большой шагъ впередъ (говоря въ литературномъ смыслѣ слова), *чтобы соединить ваши величественныя описанія дикой природы съ человѣческой мыслью и чувствомъ.* Подумайте о томъ, что я подчеркиваю. Вся будущность, все призваніе вашего генія въ этихъ двухъ строчкахъ... Въ сущности, трудность, которую я вамъ предлагаю,—говоря другими словами: *соединить артистическое чувство и живописность съ чувствомъ гуманнымъ и нравственнымъ*,—вы ее уже инстинктивно разрѣшили великолѣпнымъ образомъ во многихъ мѣстахъ своихъ стиховъ. Во всѣхъ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ вы говорите о себѣ и своемъ ремеслѣ, вы отлично чувствуете, что если въ васъ съ радостью видятъ личность, такъ какъ она особенно даровита, то еще болѣе радуются видѣть въ васъ каменщика, пролетарія, рабочаго. А почему? потому что человѣкъ, который рисуется (se pose) поэтомъ, чистымъ художникомъ, Олимпіо, какъ большинство нашихъ буржуазныхъ и аристократическихъ великихъ людей, очень скоро надоѣдаетъ намъ своею личностью. Грезы, радости и страданія его честолюбія, зависть его соперниковъ, клеветы его враговъ, оскорбленія критиковъ—развѣ насъ касается все это, что они намъ докладываютъ... Люди дѣйствительно интересуются лишь постольку единичнымъ человѣкомъ, поскольку этотъ человѣкъ интересуется человѣчествомъ. Его страданія вызываютъ симпатію и интересъ лишь постольку, поскольку они переживаются всѣмъ человѣчествомъ. Его мученичество лишь тогда велико, когда оно напоминаетъ страданія Христа; вы это

знаете, вы это чувствуете, вы это высказали. Вотъ почему на васъ возложили терновый вѣнецъ. Это для того, чтобы со всякимъ изъ этихъ жгучихъ шиповъ въ ваше могущественное чело проникло одно изъ страданій или ощущеніе одной изъ несправедливостей, претерпѣваемыхъ человѣчествомъ. А страдающее человѣчество это не мы, писатели, это не я, которая (можетъ быть, къ несчастью для меня) не знаю ни голода, ни нищеты, это даже не вы, мой дорогой поэтъ, который найдетъ въ славѣ и въ признательности своихъ собратьевъ такую высокую награду за свои личныя бѣды,—это народъ, народъ невѣжественный, заброшенный, полный бурныхъ страстей, возбуждаемыхъ въ дурную сторону или усмиряемыхъ безъ вниманія къ этой силѣ, которую Богъ-то, вѣдь, не напрасно же далъ ему. Это народъ, отданный во власть всѣхъ страданій души и тѣла, безъ... служителей истинной религіи, безъ жалости и *безъ вниманія* по сей день со стороны тѣхъ образованныхъ классовъ, которые заслуживали бы снова впасть въ первобытную грубость, если бы Богъ не былъ всемилостивъ, всетерпѣливъ и всепрощающъ...

„Итакъ, я говорю, что вы разрѣшали этотъ трудный вопросъ всякій разъ, что говорили о трудѣ. Теперь надо вездѣ слить воедино величественную внѣшнюю живописность съ основной идеей вашей поэзіи. Надо писать *морскіе этюды*, они слишкомъ прекрасны, чтобы во мнѣ возникло желаніе удерживать васъ отъ нихъ, но надо, не жертвуя живописностью, сдѣлать эти прекрасныя стихотворенія, такія сильныя и колоритныя,—и плодотворными. Вы иногда наталкивались на идею, но я не нахожу, чтобы вы извлекли изъ нея все, что нужно. Такъ, всѣ ваши *марины* слишкомъ *искусство для искуества*, какъ говорятъ наши бездушные художники. Пусть это безжалостное море, которое вы такъ хорошо знаете и изображаете, будетъ болѣе олицетворено, болѣе многозначительно, и пусть посредствомъ одного изъ тѣхъ чудесъ поэзіи, на какія я могу лишь намекнуть, но которыя вы съумѣете найти, тѣ впечатлѣнія, какія оно въ васъ вызываетъ, страхъ и восхищеніе, свяжутся съ вѣчно человѣческими и глубокими чувствами. Словомъ, надо говорить воображенію лишь для того, чтобы проникнуть въ душу глубже, чѣмъ посредствомъ разсужденія...

„Что касается стиховъ, посвященныхъ вами мнѣ, я ихъ сохраню пока для себя. Я очень ими тронута и горжусь. Но ихъ не надо печатать въ слѣдующемъ сборникѣ („Le Chantier")—это помѣшало бы мнѣ распространять его, какъ мнѣ того хочется. Будетъ казаться, что ваши стихи мнѣ нравятся, потому-что вы меня хвалите. Дураки только это и увидятъ и скажутъ, что я хлопочу о томъ, чтобы самой себѣ воздвигать алтари. Это повредитъ вашему успѣху, если можно назвать успѣхомъ газетную молву. Но какъ бы она плоха ни была, она до извѣстной степени нужна...

„Если я строга къ содержанію—будьте мужественны и терпѣливы. Не въ томъ дѣло, чтобы второй томъ вышелъ такъ же хорошъ, какъ первый. Въ поэзіи кто не идетъ впередъ—идетъ назадъ. Надо, чтобы вышло гораздо лучше. Я вамъ не говорила о недостаткахъ и небрежностяхъ вашего перваго тома. Приходилось столько восхищаться и удивляться, что въ моемъ умѣ не осталось мѣста для критики. Но во второмъ томѣ не должно быть этихъ неправильностей и ошибокъ. Надо въ самое короткое время стать мастеромъ. Берегите, впрочемъ, ваше здоровье, мое бѣдное дитя, и не торопитесь слишкомъ... Когда вы не въ ударѣ, отдыхайте и не заставляйте заразъ работать тѣло и духъ, сверхъ силъ. У васъ достаточно времени, вы такъ молоды, а мы всѣ слишкомъ скоро изнашиваемся. Пишите лишь, когда вдохновеніе владѣетъ вами и погоняетъ васъ"...

Чрезвычайно замѣчательныя мысли и совѣты мы находимъ и въ письмѣ Жоржъ Сандъ отъ 21-го января 1843 года. Извѣщая съ самаго

начала, что она получила его письмо и присланныя имъ черезъ г. Гэмара и давно ожидаемыя стихотворенія, она затѣмъ объясняетъ ему, что онъ напрасно жалуется на ея молчаніе. Во-первыхъ, она страдаетъ глазной болѣзнью, имѣетъ мало досуговъ и всегда не любила безцѣльной частной корреспонденціи, вѣрнѣе—по многимъ причинамъ любитъ писать лишь когда можетъ что-нибудь хорошее сдѣлать своимъ письмомъ, а «свою экспансивность давно заперла на ключъ». Если бы она открыла для него свой ящичекъ, то что же вынуть оттуда? Похвалы? Его и такъ, кажется, слишкомъ захвалили.

„Я нахожу въ вашей манерѣ говорить о самомъ себѣ слишкомъ большое довѣріе къ себѣ, которое я очень хотѣла бы видѣть уменьшеннымъ настолько, чтобы послѣ вдохновенія вы назавтра добросовѣстно и хладнокровно отдѣлывали бы свои стихи.

„Что же еще вынуть изъ сундучка? Симпатію, интересъ, дружбу? Такія серьезныя вещи не слѣдуетъ при всякомъ удобномъ случаѣ вытаскивать на свѣтъ Божій, тѣмъ болѣе, что вы хорошо знаете, что ящикъ набитъ ими. Остаются совѣты, указанія, дружескія отповѣди. Но какъ слишкомъ частыя похвалы и засвидѣтельствованія дружбы и участія могутъ повести къ тщеславію, такъ слишкомъ частые упреки и нотаціи огорчить".

Поэтому не слѣдуетъ ему огорчаться на ея молчаніе. Но разъ уже заговорили о нотаціяхъ и упрекахъ, то она и на сей разъ преподнесетъ ему нѣсколько. Во-первыхъ, онъ, повидимому, по молодости лѣтъ любитъ изліянія, жалобы и т. д. Что же касается нея, то если онъ хочетъ пользы отъ ея дружбы, то пусть будетъ покойнѣе, серьезнѣе и терпѣливѣе, ибо—

„Я по натурѣ очень сосредоточена, очень по внѣшности холодна, разсудительна и серьезна. Если вы меня не поймете, я вамъ буду ни на что не годна. Моя спокойная и мало экспансивная дружба будетъ васъ оскорблять, не убѣждая, и я буду волненіемъ въ вашемъ существованіи, а не благодѣяніемъ".

Во-вторыхъ, и письма его, выражающія, разумѣется, лишь сыновнюю довѣрчивость, очень ее трогающую, написаны такимъ страстнымъ языкомъ, что могутъ ввести въ заблужденіе всѣхъ, кто не знаетъ или забудетъ, что онъ поэтъ, да еще южанинъ и имѣетъ склонность все преувеличивать. Живя среди людей, «такихъ же спокойныхъ, какъ и она сама, которые, не зная южнаго энтузіазма и не помня о своемъ собственномъ энтузіазмѣ въ юности, ничего не поняли бы въ его письмахъ, если бы она ихъ показала имъ», она жжетъ эти письма тотчасъ по прочтеніи, но... удивляется, какъ такой поэтъ, значитъ художникъ слова, *работникъ языка*, можетъ, не замѣчая того, писать такія несообразности. Наконецъ, она бранитъ его за рядъ вычурно-эротическихъ и фантастическо-романтическихъ стихотвореній, годныхъ развѣ что для обыденнаго буржуазнаго поэта. Для народнаго поэта писать весь этотъ выдуманный вздоръ не пристало.

„Я нахожу въ этомъ нарушеніе достоинства вашей роли. Народный поэтъ долженъ преподносить уроки добродѣтели нашимъ испорченнымъ классамъ, а если онъ не болѣе суровъ, не болѣе чистъ, не болѣе любитъ добро, чѣмъ

наши поэты, тогда онъ ихъ подражатель, ихъ обезьяна, ихъ подчиненный. Потому что великаго поэта дѣлаетъ не умѣніе подбирать слова: это лишь второстепенное дѣло, это слѣдствіе извѣстной причины. Причина должна быть въ великомъ чувствѣ, въ громадной и серьезной любви къ добродѣтели, ко всѣмъ добродѣтелямъ,—нравственность выше всѣхъ испытаній, наконецъ душевное превосходство и превосходство убѣжденій, которое выливается въ каждой чертѣ его стиховъ и которое заставляетъ прощать несовершенство художника во имя величія личности... Словомъ, если вы хотите быть великимъ поэтомъ, будьте святымъ, а когда ваше сердце будетъ свято, вы увидите, какъ вашъ умъ будетъ вдохновлять васъ"...

Говоря затѣмъ о выборѣ и исправленіи присланныхъ ей съ Гэмаромъ новыхъ вещей Понси для новаго тома и о мнѣніи Беранже, также высказавшагося въ томъ смыслѣ, что второй томъ долженъ быть выше перваго, она заключаетъ свое письмо слѣдующими строчками:

„Я со своей стороны прошу васъ часто слагать стихи объ вашемъ ремеслѣ; это самыя оригинальныя произведенія вашего пера. Вы вкладываете въ нихъ такую смѣсь здоровой веселости и поэтической грусти, какую никто кромѣ васъ, не съумѣлъ бы найти. Тѣ три или четыре строфы вашего „Письма къ Беранже", въ которыхъ вы говорите о своей лопаточкѣ съ такой наивностью и философскимъ спокойствіемъ, отличаются такимъ сильнымъ и свѣжимъ складомъ, что создаютъ вамъ истинную индивидуальность. Эти самыя строфы возбудили вниманіе и понравились и здѣсь, гдѣ такъ много поэтовъ, гдѣ печатаются тысячи тысячъ стиховъ въ недѣлю, гдѣ всѣ пресыщены поэзіей, гдѣ она всѣмъ такъ надоѣла, гдѣ всѣ такъ требовательны и насмѣшливы; здѣсь, гдѣ все воспѣли: и небо, и море, и любовь, и грозу, и одиночество, и грезы, словомъ, все, что воспѣваютъ поэты,—здѣсь не знаютъ народной поэзіи, и „Revue Indép." осмѣлилась открыть ее въ одинъ прекрасный день.

„Если вы не хотите затеряться въ толпѣ писакъ, не надѣвайте общепринятаго одѣянія, являйтесь въ литературѣ съ руками въ той известкѣ, которая васъ отличаетъ, а насъ интересуетъ, потому что вы умѣете ее представить чернѣе чернилъ. Это чисто литературный вопросъ. Но, повторяю, будьте человѣкомъ изъ народа до глубины души, и если вы обережетесь отъ тщеславія и испорченности такъ называемыхъ *среднихъ и высшихъ* классовъ, все будетъ ладно. Иначе, вашихъ силъ не хватитъ дальше извѣстнаго предѣла, и онѣ не перейдутъ за границы своего прихода".

По всей вѣроятности, на эту же тему Жоржъ Сандъ говорила и Магю, но Магю и самъ, по своему природному здравому уму и сметкѣ, отлично сознавалъ, въ чемъ заключается его главная сила и оригинальность, и потому, какъ мы увидимъ ниже, не соглашался даже излишне шлифовать свои безхитростные стихи. Относительно же Понси совѣты Жоржъ Сандъ не пропали даромъ и второй томъ Понси, дѣйствительно, вышелъ лучше перваго, какъ то свидѣтельствуетъ и Беранже и Жоржъ Сандъ *). А когда въ 1844 г. вышелъ этотъ второй сборникъ подъ общимъ заглавіемъ «Le Chantier» («Мастерская»), Жоржъ Сандъ привела въ исполненіе свое намѣреніе, и дѣйствительно написала къ нему предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, съ большимъ сочувствіемъ говорила о Беранже, какъ о поэтѣ-самородкѣ, не только создавшемъ новый жанръ, но и вдохновившемъ своимъ примѣромъ и своими пѣснями такъ многихъ изъ новоявленныхъ народныхъ поэтовъ; за-

тѣмъ Жоржъ Сандъ указывала на то, какъ самъ этотъ «царь пѣсенниковъ» сочувственно отнесся къ Понси *), и приводила письмо Беранже къ послѣднему, написанное за 2 года передъ тѣмъ по случаю напечатанія въ «Revue Indépendante» оды Шарля Понси, посвященной Беранже. Беранже, всегда высоко цѣнившій Жоржъ Сандъ **), въ отвѣтъ на сочувственныя ему страницы Предисловія великой писательницы къ «Станку» написалъ ей ***):

„Ахъ, сударыня, какъ много прекраснаго вы съ такой добротой наговорили обо мнѣ въ вашемъ превосходномъ предисловіи. Не подумайте, что я буду скромничать и жеманиться (faire la petite bouche), подобныя похвалы съ вашей стороны доставляютъ мнѣ слишкомъ много удовольствія, для того чтобы я хоть слово уступилъ изъ нихъ. Многіе (вѣроятно, льстецы) обвиняютъ меня въ скромности. Но сегодня я принимаю всѣ ваши похвалы, и мое тщеславіе такъ и загребаетъ ихъ (s'en donne à coeur joie); пусть смѣется кто хочетъ, я во всякомъ случаѣ увѣренъ, что у меня много завистниковъ,—случай весьма рѣдкій въ наше время, когда самодовольство обращаетъ зависть въ актъ смиренія, а это весьма немногимъ нравится. Если бы не это, сколькихъ завистниковъ вы имѣли бы, сударыня, вслѣдствіе массы причинъ, которыя я назвалъ бы, когда бы не было такъ смѣшно хвалить васъ въ то время, какъ я приношу вамъ благодарность за все то хорошее, что вы обо мнѣ думаете. Гораздо приличнѣе поговорить съ вами, сударыня, о Понси. Я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ: этотъ второй томъ выше перваго. Стиль болѣе чистый, больше силы и мысли, словомъ, ребенокъ сдѣлался мужемъ и притомъ изъ самыхъ выдающихся. Это дѣло рукъ доброй феи, пролетѣвшей мимо, доброй феи, которая приноситъ не менѣе помощи идіотамъ, чѣмъ и талантливымъ людямъ и которая тѣмъ не менѣе точно не знаетъ всей своей власти. Это единственный упрекъ, который я ей дѣлаю...

„Прощайте, милостивая государыня, примите съ моей искренней благодарностью увѣренія въ моей почтительной преданности". *Беранже.*

„P.S. Еще одно замѣчаніе: на стр. 12 вы говорите о портнихѣ изъ Дижона и въ примѣчаніи прибавляете: „Мари Карпантье о которой уже говорилось". Портниху изъ Дижона зовутъ Антуанетта Карре и, по моему, она тоже достойна занять мѣсто въ вашемъ перечисленіи".

Послѣднее примѣчаніе Беранже, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ издателямъ сочиненій Жоржъ Сандъ, и въ послѣднемъ по времени изданіи ихъ, Lévy, въ статьѣ «Préface du Chantier» попрежнему въ примѣчаніи къ словамъ «портниха изъ Дижона» стоитъ «Мари Карпантье» ****).

---

*) См. ниже объ отношеніяхъ Беранже къ старику Магю.

**) Интересное и чрезвычайно сочувственное мнѣніе Беранже о Жоржъ Сандъ мы между прочимъ находимъ въ книгѣ Nap. Peyrat. „Béranger et Lamennais„. (Paris 1861 Meyrueis) См. письмо Беранже къ Пейрà отъ 20-го ноября 1834 года, въ которомъ онъ ее называетъ: „la reine de notre nouvelle génération littéraire".

***) Corresp. de Béranger, t. III, 303.

****) Кстати, эта самая Мари Карпантье, слывшая впослѣдствіи учредительницей и руководительницей знаменитыхъ „материнскихъ" или пріютскихъ школъ для дѣтей младшаго возраста и издавшая цѣлый рядъ интересныхъ педагогическихъ сочиненій и журналовъ по вопросамъ первоначальнаго обу-

Въ томъ же томѣ Корреспонденціи Беранже на стр. 267 напечатано слѣдующее письмо Жоржъ Сандъ къ Беранже, не вошедшее въ ея корреспонденцію и которое мы потому цѣликомъ приводимъ здѣсь.

Издатели относятъ его къ 1842 году, полагая, что оно сопровождало посылку романистской перваго томика (Маринъ) Понси. Но мы склонны видѣть въ немъ отвѣтъ Жоржъ Сандъ на предыдущее письмо Беранже. Позволяемъ себѣ также подчеркнуть тотъ тонъ нѣкотораго недовѣрія къ искренности Беранже, который сквозитъ въ немъ и о которомъ уже было указано въ литературѣ о Беранже.

„Милостивый государь.

„Если бы я не знала, что вы самый милый насмѣшникъ на свѣтѣ, я бы серьезнѣйшимъ образомъ поблагодарила васъ за то, что вы благоволите благодарить меня. Но я полагаю, что вы должны считать совершенно естественнымъ и простымъ мое преклоненіе передъ вами и что вы не можете быть мнѣ „безконечно признательнымъ“ за то, что у меня есть глаза, чтобъ видѣть свѣтъ, и языкъ для того, чтобы говорить, что ничего прекраснѣе свѣта нѣтъ въ природѣ. Я очень хорошо знаю, что въ наше время существуютъ странные умы, которые ради новизны говорятъ, что царство прекраснаго должно уступить мѣсто царству безобразнаго, но даже самые эксцентричные люди, въ своемъ фанатизмѣ новшествъ, не съумѣли, насколько я знаю, обрѣсти мужество отрицать или не признавать васъ. Итакъ, прошу васъ, не будьте нисколько „признательны“ мнѣ за то, что я не безсмысленна; я уже и то, можетъ быть, бываю таковою въ другихъ отношеніяхъ.

„Сегодня, утромъ, я получила письмо отъ Понси, который поручаетъ мнѣ приложить записочку къ подносимому вамъ тому. Я уже предупредила его излишній совѣтъ, отославъ къ вамъ книгу. Но вотъ и письмо, хоть и заднимъ числомъ, но, какъ мнѣ извѣстно, вполнѣ искренное, нисходящее отъ чистаго сердца.

„Вѣрьте, милостивый государь, что Понси не одинъ называетъ васъ своимъ любимымъ учителемъ, и если бы я не боялась показаться менѣе наивной, чѣмъ онъ, я тоже сказала бы вамъ, что̀ я думаю о томъ мѣстѣ, какое вы занимаете среди самыхъ великихъ восхищеній моей жизни“. G. Sand.

Кромѣ предисловія къ «Chantier» Жоржъ Сандъ, какъ мы уже упомянули, написала предисловія и къ другимъ трудамъ Понси, способствуя такимъ образомъ его литературной славѣ.

Вотъ рядомъ съ Понси другой писатель-пролетарій, старикъ Магю: наивная и дѣтски-чистая душа; здоровый, веселый, острый умъ; это простой деревенскій ткачъ, съ грѣхомъ пополамъ обучившійся грамотѣ, но поэтъ отъ природы, поэтъ-самородокъ, начавшій писать стихи, какъ птицы научаются пѣть, и воспѣвшій стихами свою неза-

---

ченія и цѣлый рядъ книгъ: для начинающихъ читать, для предметныхъ уроковъ, для ознакомленія съ простѣйшими геометрическими фигурами начинающихъ рисовать и, наконецъ, методику обученія чтенію,—эта самая Мари Карпантье, въ замужествѣ Папъ, заслужила особенное вниманіе Жоржъ Сандъ этими двумя послѣдними своими сочиненіями, а методу ея великая писательница, какъ извѣстно всегда интересовавшаяся вопросами первоначальнаго обученія, признала чрезвычайно замѣчательной, какъ это видно изъ ея писемъ къ m-me Мари Папъ-Карпантье.

тѣйливую и свѣжую, какъ идиллія, любовь къ своей кузинѣ (ставшей затѣмъ m-me Магю) — скромной, трудящейся, наивной деревенской дѣвушкѣ, вначалѣ, по словамъ поэта, «умѣвшей лишь отличать гвоздику отъ розы, но не стихи отъ прозы», а впослѣдствіи сдѣлавшейся не только вѣрнымъ товарищемъ, но и добрымъ совѣтникомъ мужа даже въ дѣлахъ литературныхъ. Прекрасная жена и мать большой семьи (у ней было 14 человѣкъ дѣтей), она всю свою жизнь была надежной помощницей мужа и въ глубокой старости, когда Магю ослабѣлъ и глазами, и памятью и не могъ уже почти ничего зарабатывать, она, чтобы поддержать мужа, принялась вновь ходить на тяжелую поденную полевую работу, получая по 60 сантимовъ въ день, но не вынесла этого напряженія и умерла, оставивъ старика безутѣшнымъ. И когда ее уже похоронили, онъ «молился ей», становясь на колѣни передъ ея кроватью, «какъ передъ святыней» *), такъ онъ преклонялся передъ душевными качествами этой превосходной простой женщины. За время болѣзни жены окончательно обнищавшій, самъ больной, полуслѣпой, отъ слабости терявшій временами память и съ трогательною искренностью сознававшійся, что его умственныя силы ослабѣли, и что ему грозитъ худшее изъ золъ—безуміе, и потому, по совѣту врача, отказавшійся отъ всякаго умственнаго труда, Магю въ страшныхъ лишеніяхъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ у дочери своей Фелиси, переживъ зятя своего Жильяна, и умеръ въ Парижѣ, въ больницѣ Шарите, отъ сотрясенія мозга, вслѣдствіе паденія. Но несмотря на всѣ удары судьбы (между прочимъ наградившей его парой сынковъ, еще при жизни отца старавшихся завладѣть тѣми крохами, которыя у него остались отъ его литературныхъ трудовъ), лишившись сначала, вслѣдствіе революціи, королевской пенсіи въ 200 фр., а подъ конецъ и послѣдней своей матеріальной поддержки—ежегоднаго пособія въ 100 фр. отъ министра народнаго просвѣщенія, безконечно ограничивъ свои потребности и лишь не отказывая себѣ въ «табачкѣ», который ему иногда присылала Жоржъ Сандъ, знавшая, что это единственная утѣха бѣдняка, часто набивавшаго свою трубочку простой травой, старый поэтъ до послѣдняго дня жизни сохранилъ дѣтскую незлобивость и ясность души. Безъ всякой горечи, а съ какой-то добродушной шутливостью сообщаетъ онъ въ своихъ письмахъ къ Жоржъ Сандъ о своемъ тяжкомъ житьѣ-бытьѣ, лишеніяхъ и болѣзняхъ. Со стыдливостью и чуть не съ извиненіемъ сознается онъ, что, сдѣлавшись вегетаріанцемъ, можетъ изъ предписаній и рѣшительныхъ настояній доктора исполнить лишь его требованія относительно вина, но отнюдь не относительно мяса, и тотчасъ же защищается авторитетомъ Байрона и Ламартина, точно опасаясь, что его вегетаріанство могутъ счесть за признакъ «слабоумія». Лишь изрѣдка позволяетъ онъ

*) Неизданное письмо Магю отъ 29-го октября 1859 г

себѣ чуть-чуть ироническую жалобу вродѣ того, что вотъ, молъ, онъ «членъ-корреспондентъ семи литературныхъ учрежденій въ Парижѣ и провинціи, имѣетъ 7 дипломовъ за стекломъ въ рамочкахъ, 4 серебряныя и золотыя медали», но... «если бы всѣ члены этихъ академій удѣляли ему хоть по 10 сант. въ день, то онъ бы прожилъ безбѣдно», а теперь онъ даже изъ-за предписаннаго вина или табачка долженъ безпокоить добрую m-me Сандъ» *).

Но, экономизируя на всемъ, славный старикъ, сохранившій всѣ свои убѣжденія и вѣрованія, ухитрялся откладывать свои послѣдніе гроши на покупку какой-нибудь новой хорошей газетки, съ интересомъ слѣдилъ за всѣми общественными дѣлами, зачитывался сочиненіями Тьера, «приславшаго старику - барду свои 16 томовъ въ отвѣтъ на поднесенные Магю два скромные томика стиховъ» **), слѣдилъ за каждымъ вновь выходившимъ произведеніемъ Жоржъ Сандъ, которыя «читалъ со слезами», и до самой смерти своей не прекращалъ съ великой романисткой переписки, обращаясь къ ней со всякимъ своимъ горемъ и радостью и не переставая любить ее, какъ только умѣютъ любить простыя, благодарныя, честныя сердца. И на ряду съ вездѣ сказывающейся въ его письмахъ сердечностью, трогательной задушевностью, видно, что это былъ преостроумный, насмѣшливый, веселый умъ, умѣвшій во всемъ находить комическую сторону, шутившій съ чисто галльской бойкостью, не пропускавшій случая, чтобы сказать свое мѣткое словцо, и самымъ наивно-лукавымъ образомъ трунившій и надъ собою, и надъ другими и даже надъ собственными своими бѣдствіями или удачами. Магю умеръ 13 марта 1860 года, а уже въ апрѣлѣ этого 1860 г. Жоржъ Сандъ написала романъ «La Ville noire», изъ быта заводскихъ рабочихъ; но посреди этихъ рабочихъ она помѣстила чрезвычайно интересную фигуру Одебера, наивнаго старика-поэта изъ народа, сохранивъ за своей копіей многія даже мелкія черты того милаго оригинала, съ котораго она писала; только поэтъ изъ «Чернаго города» подъ конецъ жизни временно впадаетъ въ совершенное безуміе отъ горя,—чего не было въ жизни Магю. Зато въ заключительныхъ главахъ романа, гдѣ разсказывается, какъ старикъ-поэтъ принимаетъ участіе въ праздникѣ въ честь благодѣтельницы «Адской долины»—Тонины, прочитавъ свои стихи на торжественномъ банкетѣ, въ день ея свадьбы, почти буквально воспроизведены послѣднія письма Магю къ Жоржъ Сандъ, въ которыхъ онъ съ добродушнымъ юморомъ описываетъ свое участіе въ празднествахъ въ честь Лафонтена, для которыхъ его заставили написать стихи, заслужившіе всеобщее одобреніе, ибо... «вѣроятно - де эти добрые шампенуазцы не очень

---

*) Неизданное письмо Магю, вѣроятно, отъ октября или ноября 1859 г.
**) Ibidem отъ февраля 1859 года.

требовательны» *) какъ онъ съ скромною шутливостью замѣчаетъ, въ доказательство чего и приводитъ часть своего послѣдняго стихотворенія.

Мы искренно желали бы, чтобы всѣ письма Магю къ Жоржъ Сандъ были напечатаны, а пока ограничиваемся слѣдующими образцами:

(На штемпелѣ: 25 апрѣля 1842 г.).

„Сударыня! Мнѣ только что одолжили № „Revue des deux Mondes", содержащій статью подъ названіемъ „О литературѣ рабочихъ" **). Если бы эта статья появилась четыре года назадъ и если бы она мнѣ попалась на глаза, она меня обезкуражила бы, и я весьма воздержался бы издать мой томикъ. И что же вышло бы? Какъ разъ обратное тому, что говоритъ г. Лерминье! Тогда нищета гнела меня, у меня были долги, двое изъ дѣтей моихъ еще не могли зарабатывать себѣ хлѣбъ, глаза мои, пораженные офтальміей, уже не позволяли мнѣ работать, какъ прежде; я не знаю, до чего довели бы меня горе и отчаяніе, если бы мнѣ не посовѣтовали собрать мои стихотворенія и издать ихъ отдѣльнымъ томомъ. Я выпустилъ въ свѣтъ объявленіе и вскорѣ болѣе 600 подписчиковъ потребовали у меня кто по одному, а кто и по нѣскольку экземпляровъ; многіе захотѣли уплатить по 5 фр. за томъ, вмѣсто 4-хъ, многіе заплатили мнѣ по 10, 15 и до 20 фр., мои 2.000 экз. разошлись менѣе, чѣмъ въ годъ; тогда я смогъ расплатиться съ моими долгами, поставить на ноги мою дочь и моего младшаго сына,—и радость вернулась въ мое сердце. Второе изданіе этого тома тоже разошлось уже частью, изъ 2.000 экз. у меня осталось всего около 600. Мой второй томъ тоже хорошо продается... Чтобы возвратиться къ тому, что говорилъ г. Лерминье, который утверждаетъ, что поэзія ничего не приноситъ,—этотъ добрый малый (le bon homme) очень ошибается или вводитъ насъ въ заблужденіе: Дюрану изъ Фонтебло гораздо лучше живется съ тѣхъ поръ, какъ онъ издалъ свои стихи, столярной работы у него стало очень много, онъ можетъ теперь держать нѣсколькихъ подмастерьевъ, скоро его сдѣлаютъ библіотекаремъ. Лебретонъ въ Руанѣ уже сдѣлался имъ; онъ имѣетъ 400 фр. дохода отъ литературы, а я 200. Я купилъ домикъ, за который еще не все уплачено, но за который я смогу заплатить, когда продамъ оставшіеся экземпляры. Итакъ, я такъ же мало отказываюсь отъ стиховъ, какъ и отъ челнока, и что бы ни говорилъ г. Лерминье, я ничуть не намѣренъ сдѣлаться самоубійцею, равно какъ и мои товарищи, и я вовсе не жалѣю, что могу представить ему это опроверженіе. „Это, де, самолюбіе заставляетъ насъ писать", говоритъ онъ далѣе. Ложь!—по отношенію ко мнѣ и вышеназваннымъ моимъ товарищамъ; мы писали только потому, что *могли* писать, а не потому что *хотѣли*. Я никому не показывалъ моихъ стиховъ, за исключеніемъ развѣ что нѣкоторыхъ стихотвореній, посвященныхъ друзьямъ, которые помимо меня послали ихъ въ газету въ Мо, что взволновало всѣхъ профессоровъ коллегіи, такъ что прислали нѣсколькихъ изъ нихъ, чтобы убѣдиться, правда ли это, дѣйствительно ли я ткачъ и (пропущено слово, вѣроятно: „написалъ") все это самъ. Дюранъ тщательно пряталъ свои стихи въ ящикъ съ инструментами; г. Мишо, королевскій прокуроръ въ Фонтенбло, случайно ихъ нашелъ. Почти то же самое было и съ Лебретономъ. По мнѣнію г. Лерминье, удѣлъ средняго класса, не являющагося жертвой ни нищеты, ни невѣжества, которыя препятствуютъ полету мысли, это: все видѣть и все высказывать, и т. д. Это весьма лестно для этого класса, но не помѣшаетъ

*) Неизданное письмо Магю отъ 4-го сентября 1854 года изъ Шато-Тьери.

**) Статья Лерминье „De la littèrature des Ouvriers" была помѣщена въ декабрьской книжкѣ „Revue des deux Mondes" 1841 г.

намъ оспаривать у него эту монополію, и можетъ быть, мы это и совершимъ съ успѣхомъ, особенно съ такими помощниками, какъ вы и ваши сотрудники.

„У меня еще остается немного вашего превосходнаго табаку, но, чтобы сохранить его, мнѣ необходимо принять мѣры предосторожности. Представьте, сударыня, что во многихъ кружкахъ, гдѣ я бывалъ, въ Парижѣ, мнѣ случилось проговорить, набивая трубку: „Вотъ это табакъ отъ m-me Жоржъ Сандъ". Тогда каждый меня начиналъ просить дать ему табаку, чтобы сдѣлать папироску, и всѣ руки простирались, чтобы схватить мой ящичекъ, хотя, удивленный тѣмъ, что у столькихъ человѣкъ разомъ не было табаку, и замѣчая по гримасамъ весьма многихъ, что они курили впервые, я спрашивалъ, зачѣмъ они именно этотъ день выбрали для начала куренія,—и всѣ мнѣ отвѣчали, что это потому, что табакъ былъ присланъ вами! Съ тѣхъ поръ я остороженъ.

„Видѣли ли вы г. Перротена *)? Уговорили ли вы его купить у меня остатокъ экземпляровъ, что было бы для меня очень желательно; я ему уступилъ бы по очень выгодной цѣнѣ. Какъ я уже говорилъ, сударыня, мои книги не бывали еще въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ. Ліонъ, Бордо, Нанси, Лиль, Марсель и т. д., гдѣ я извѣстенъ, какъ и въ Парижѣ, еще не видѣли моихъ произведеній. Ловкій издатель съумѣлъ бы все помѣстить менѣе, чѣмъ въ годъ, а такому честному человѣку, какъ г. Перротенъ, я бы далъ такой срокъ, какого онъ попросилъ бы, чтобы заплатить мнѣ.

„Одна благодѣтельная дама изъ прихода Св. Рока попросила меня въ прошломъ году написать для нея молитвословіе для мѣсяца Пресвятой Дѣвы Маріи. Эта дама показала мои стихи королевѣ, которая сохранила ихъ, а меня поручила вниманію министра народнаго просвѣщенія. Чтобы поблагодарить ее,—я послалъ ей мою книжку. Она, чтобы поблагодарить меня въ свою очередь, только что прислала мнѣ 100 фр., а я, чтобы опять ее поблагодарить, тотчасъ послалъ ей три пѣсни во славу Пречистой Дѣвы. Я прибавилъ къ этому, въ видѣ посвященія, дюжину александрійскихъ стиховъ. Увидимъ, кто первый устанетъ благодарить! Простите мнѣ, сударыня, эту длинную болтовню, но сегодня воскресенье, и я отдыхаю пріятнымъ образомъ за письмомъ къ вамъ.

„Имѣю честь просто на просто быть вашимъ поклонникомъ и преданнымъ слугою. Магю-ткачъ.

„*Кузина* и ея дочь просятъ меня передать вамъ ихъ поклоны или вѣрнѣе усердные реверансы".

Въ другомъ письмѣ, отъ апрѣля 1842 г., Магю сообщаетъ Жоржъ Сандъ, что онъ выдаетъ дочь замужъ, и вводитъ знаменитую писательницу во всѣ частности своихъ семейныхъ дѣлъ: «Какъ только они женятся,—пишетъ Магю,—Жильянъ (его будущій тесть) надѣется работать у себя дома, а его хозяинъ будетъ давать ему работу; а впослѣдствіи, скопивъ себѣ кое-что, онъ купитъ себѣ собственные инструменты, для того, чтобы работать на свой страхъ. Такъ какъ онъ не хочетъ начинать съ того, чтобы надѣлать долговъ, то свадебныхъ торжествъ не будетъ» и т. д.

Изъ дальнѣйшихъ писемъ Магю и изъ *неизданныхъ* писемъ Беранже къ нему и къ Жоржъ Сандъ мы узнаемъ, что Жоржъ Сандъ и Беранже были назначены въ 1844 году душеприказчиками нѣкого Шопена,—котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его великимъ однофамильцемъ,—второстепеннаго писателя и давнишняго пріятеля и покровителя Магю, завѣ-

*) Извѣстный издатель въ Парижѣ.

щавшаго старому ткачу нѣкоторую сумму денегъ, которая должна была пойти на новое изданіе его произведеній. Магю просилъ Беранже приписать нѣсколько страницъ къ предисловію Жоржъ Сандъ въ этомъ изданіи, но Беранже счелъ достаточнымъ одного имени Жоржъ Сандъ. Магю, оправдываясь передъ Жоржъ Сандъ въ своей просьбѣ къ Беранже, выражаетъ ей особую признательность за вниманіе и между прочимъ, пишетъ: «насъ бѣдныхъ, маленькихъ никогда бы не было видно, если бы тѣ, кто велики и сильны, какъ вы, сударыня, не давали себѣ труда немножко приподнять насъ, чтобы насъ замѣтили». Слѣдуютъ жалобы на издателей и новыя просьбы написать предисловіе.

Жоржъ Сандъ, дѣйствительно, написала «Предисловіе къ стихотвореніямъ Магю» и оно появилось въ вышедшемъ въ самомъ концѣ 1844 г. и помѣченномъ 1845 годомъ, новомъ томикѣ стиховъ стараго ткача.

«Самый наивный и пріятный (aimable) среди этихъ только что проявившихся въ народной средѣ поэтовъ, на нарожденіе которыхъ мы много разъ уже указывали,—пишетъ Жоржъ Сандъ въ своемъ предисловіи,—это добрякъ Магю... Онъ на много лѣтъ предшествовалъ Бёзвилю, Лебретону, Понси, Савиньену Лапуанту и даже Дюрану... Онъ вдохновлялся Лафонтеномъ и угадалъ Беранже, но, не достигая ни до того, ни до другого, не отстаетъ ни отъ кого, когда остается въ сферѣ собственныхъ своихъ идей и своего таланта. Менѣе ловко владѣя новымъ языкомъ, чѣмъ Понси и Лапуантъ—эти блестящіе продукты романтической школы,—онъ пѣлъ на добромъ старомъ французскомъ языкѣ, сохранивъ его наивные и ясные обороты, мѣткую сжатость и игривую грацію. Нашимъ юнымъ поэтамъ-пролетаріямъ часто не безосновательно ставили въ упрекъ отсутствіе той оригинальности, которую можно было бы ожидать отъ поколѣнія, только что посвященнаго въ тайны поэзіи. По правдѣ сказать, отъ нихъ требовали болѣе того, что они пока могли почерпнуть изъ движенія современныхъ идей. Хотѣли чудесъ языка одновременно энергичнаго и величественнаго, совершенно новыхъ формъ, чего-то неизвѣстнаго, внесеннаго ими сразу, съ перваго же начала, въ поэзію... Мы могли бы доказать, что та соціальная среда, гдѣ живетъ поэтъ-пролетарій, не даетъ ему того вдохновенія, котораго не имѣютъ и не такъ-то скоро будутъ имѣть и поэты богатыхъ классовъ.

«Но здѣсь не мѣсто подымать эти жгучіе вопросы: Магю спокойный умъ, мстящій за соціальное неравенство съ такимъ прелестнымъ лукавствомъ, что никто не можетъ на это обидѣться, покоряющійся своей судьбѣ съ терпѣніемъ, скромностью и кротостью, полными трогательной и тонкой прелести. Съ нашей стороны было бы поэтому очень нелюбезно, если бы мы на его мирную стезю набросали бы камешковъ и пыли и если бы въ заголовкѣ его труда завели бы споръ, среди котораго его смиренная и улыбающаяся физіономія была бы искажена нашими грустными мыслями и тягостными размышленіями

Это было бы тѣмъ болѣе неумѣстно, что никто никогда не упрекалъ Магю въ томъ, въ чемъ мы хотѣли бы оправдать и его собратьевъ, благородныхъ поэтовъ-рабочихъ. Всѣ, наоборотъ, замѣтили, что Магю и въ стихахъ своихъ, и въ жизни истый рабочій; что онъ не дѣлаетъ ни малѣйшихъ усилій, чтобы говорить языкомъ ученыхъ людей, а наивный языкъ музъ дается ему совершенно естественно, во всемъ соотвѣтствуя его положенію, привычкамъ и образу жизни. Поэзія открылась ему въ той истинной формѣ, какую она должна принять въ деревнѣ, у деревенскаго очага, у ткацкаго станка... Лишь за послѣдніе нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался, самъ не зная какъ, знаменитымъ, и очень удивляясь тому, что его бѣдныя риѳмы, какъ онъ ихъ называетъ, нашли многочисленныхъ поклонниковъ и завоевали читающую публику. Хотя его чествовали и ласкали во многихъ парижскихъ салонахъ, хотя его домикъ посѣщали разные умники и свѣтскія красавицы, онъ не возгордился. Веселый, полный естественности, прямоты, но умѣющій быть и разборчивымъ, добрякъ поразилъ всѣхъ умнымъ и увлекательнымъ разговоромъ и прелестью своихъ сердечныхъ писемъ, проникнутыхъ инстинктивнымъ пониманіемъ того, что принято въ свѣтѣ. Не надо пробыть болѣе десяти минутъ съ ткачемъ изъ Лизи, чтобы убѣдиться, какой это сильный умъ, не только какъ поэтъ, но и какъ человѣкъ практической жизни. Онъ не отрекся ни отъ одежды, ни отъ привычекъ ремесленника, но онъ умѣетъ придавать столько изящества своей простотѣ, что кажется, будто видишь одного изъ дѣйствующихъ лицъ, которыхъ мы встрѣчаемъ на сценѣ или въ романахъ, говорящаго то какъ мужикъ, то какъ свѣтскій человѣкъ, а разсуждающаго почти всегда лучше и того и другого. Самые враждебные къ народной поэзіи читатели были обезоружены стихами Магю, и мало кто изъ поэтовъ внушалъ столько симпатій и благоволенія. Это потому, что и стихи его дышатъ и той и другимъ. Они такъ льются, такъ добродушно лукавы, такъ сердечны, такъ убѣдительны, что всякій принужденъ полюбить ихъ и не замѣтитъ кое-какихъ промаховъ по части изящества или правильности. Встрѣчаются прямо такіе очаровательные стихи, что чувствуешь себя тронутымъ и не имѣешь мужества, чтобы критиковать что бы то ни было».

Магю, разумѣется, былъ чрезвычайно доволенъ этимъ предисловіемъ, приведеннымъ нами лишь въ отрывкахъ, и поспѣшилъ поблагодарить Жоржъ Сандъ слѣдующимъ письмомъ отъ 3-го января:

„Добрѣйшая m-me Сандъ.

„Зная, что вы вернулись въ Парижъ, я спѣшу написать вамъ, чтобы поздравить васъ съ новымъ годомъ, а также, чтобы поблагодарить васъ за хорошенькое предисловіе, которое теперь можно прочесть во главѣ новаго изданія моихъ стиховъ. Я, право, не знаю, какъ это вы съумѣли сказать такъ много хорошаго и добраго въ мою пользу; даже самый пресыщенный стихами читатель не сможетъ отказаться отъ чтенія моихъ стиховъ, если онъ прочтетъ тѣ нѣсколько страницъ, которыми я обязанъ вашей благосклонной дружбѣ. Кузина тоже весьма довольна тѣмъ, что и у нея будетъ извѣстность и что ею она обязана вамъ.

„Я продалъ все изданіе книгопродавцу Шарпантье. Жильянъ сообщитъ вамъ, каковы наши условія. Бѣдняга Жильянъ! Здоровье его гибнетъ, онъ часть лѣта проболѣлъ. Докторъ не постѣснился сказать ему, что излишекъ работы единственная тому причина, что онъ долженъ воздерживаться отъ писанія и отдыхать. Отдыхать!.. Когда еженедѣльно ему уменьшаютъ заработную плату и неизвѣстно, до чего это дойдетъ. Съ его умомъ и поведеніемъ ему нужно было бы небольшое мѣсто или должность. Тотъ, кто поручитъ ему таковую, долженъ будетъ лишь радоваться на свое довѣріе къ нему. Поэтому я осмѣливаюсь рекомендовать его вамъ, тѣмъ болѣе, что вы уже его знаете, и что онъ имѣлъ счастье заслужить ваше уваженіе. Примите, сударыня, съ моимъ искреннѣйшимъ пожеланіемъ счастья, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и моей живѣйшей признательности. „Магю-ткачъ".

Лизи-на-Уркѣ.
3-го января 1845 г.

Остановимся теперь и на не менѣе, чѣмъ старый ткачъ и тулонскій каменщикъ, интересной фигурѣ только что упомянутаго зятя Магю, на молодомъ слесарѣ Жильянѣ.

Жеромъ-Пьеръ Жильянъ родился въ 1815 году, въ маленькой общинѣ Сентъ-Одъ, въ пастушеской семьѣ. По бѣдности онъ лишь 3 года посѣщалъ школу и уже съ 11 лѣтъ долженъ былъ заработывать себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ. Когда его семья переселилась въ Парижъ, его отдали къ золотыхъ дѣлъ мастеру, ибо у него были способности къ рисованію и онъ не могъ равнодушно проходить мимо магазиновъ картинъ, такъ его восхищали снимки съ произведеній Гро, Ораса Верне и др., причемъ, конечно, опаздывалъ къ хозяину, посылавшему его съ какимъ-нибудь порученіемъ, за что его жестоко били. Онъ страстно жаждалъ знанія и принялся съ юныхъ лѣтъ читать все, что могъ достать и пріобрѣсти; чуть не сдѣлался безнравственнымъ, благодаря чтенію всякой, часто безнравственной, дряни, продававшейся подъ видомъ дешевыхъ книжекъ для народа, но чтеніе настоящихъ великихъ писателей, «отъ Марка Аврелія до Фенелона и отъ Сократа до св. Венсена де-Поля», по его словамъ, «спасло» его. Видя вокругъ себя безпросвѣтную нужду и безправіе, униженіе человѣческаго достоинства и грубыя удовольствія, горе и трудъ, тяжелый трудъ, необезпечивавшій даже самымъ честнымъ и работящимъ хотя бы спокойной старости, онъ задался идеей поднять свое униженное рабочее сословіе и этому дѣлу посвятилъ всю свою жизнь. И примѣромъ, и проповѣдью, устной и письменной, онъ старался просвѣтить своихъ собратьевъ. Онъ самъ всю жизнь остался простымъ рабочимъ, изъ убѣжденія, хотя могъ бы быть мастеромъ, основывалъ разныя ассоціаціи и артели, основалъ журналъ «L'Atelier», въ которомъ помѣщалъ статьи по вѣчно занимавшему его вопросу о моральномъ и матеріальномъ возрожденіи рабочаго класса. Послѣ февральской революціи временное правительство посылало его «съ деликатнымъ порученіемъ—успокоить умы въ Бюзансе», гдѣ населеніе волновалось, помня слишкомъ недавнія событія кровавой революціи и ея финала. Когда начались выборы въ національное собраніе, до 20.000

голосовъ были за кандидатуру Жильяна, но передъ окончательными выборами реакціонеры не пожалѣли самыхъ черныхъ клеветъ и инсинуацій, чтобы избраніе его не состоялось. Мало того, когда послѣ кровавыхъ іюньскихъ дней, въ которыхъ онъ не только не принималъ никакого участія, а наоборотъ, все время пробылъ въ своей квартирѣ, съ ужасомъ прислушиваясь къ доходившимъ извѣстіямъ о подробностяхъ плачевныхъ событій этихъ дней,—итакъ, когда онъ по миновании ихъ отправился съ дѣтьми къ старику Магю, его внезапно схватили, засадили въ тюрьму, продержали тамъ безъ всякаго слѣдствія цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ и, наконецъ, судили военнымъ судомъ, но за голословностью взведеннаго на него обвиненія въ анархизмѣ и подстрекательствѣ къ мятежу судъ оправдалъ его. Сидя въ тюрьмѣ, онъ занимался изданіемъ своего перваго сборника разсказовъ «Les Conteurs ouvriers», вышедшаго въ мартѣ 1849 г. Затѣмъ, Жильянъ былъ избранъ членомъ законодательнаго собранія, но въ слѣдующемъ году его опять притянули къ суду за напечатанные отрывки изъ его новаго произведенія «Les Contrastes sociaux», въ которыхъ прокуратура опять усмотрѣла подстрекательство къ насиліямъ. Послѣдніе годы жизни, уже больной чахоткой, онъ продолжалъ пропагандировать среди провинціальныхъ рабочихъ идеи о необходимости учиться, нравственно возвышаться и опираться и поддерживать другъ друга мирными ассоціаціями, ибо лишь такимъ путемъ рабочіе могутъ, по его мнѣнію, достигнуть благосостоянія, равенства и достойнаго положенія среди другихъ классовъ общества. Жильянъ умеръ, послѣ мучительныхъ страданій, всего 39 лѣтъ отъ роду, 12-го марта 1854 г. *)

Несмотря на то, что онъ былъ тоже почти самоучка, онъ является въ своихъ писаніяхъ и письмахъ человѣкомъ чрезвычайно развитымъ. Намъ онъ кажется немного озлобленнымъ несчастьями своихъ собратьевъ и своими собственными, но съ горячимъ сердцемъ и глубокимъ, хоть и нѣсколько прямолинейнымъ, пессимистическимъ умомъ. Вообще онъ является рабочимъ совершенно новаго склада, убѣжденнымъ республиканцемъ - прогрессистомъ, но гуманнѣйшимъ и сострадательнѣйшимъ поэтомъ. Мы знакомимся изъ переписки Жоржъ Сандъ и съ женою его Фелиси, такой же вѣрной подругой мужа, какъ старушка Магю или Лиза Пердигье. Мы узнаемъ также чрезвычайно интересные, чисто романтическіе эпизоды изъ жизни молодого Жильяна до встрѣчи его съ семьей Магю **). Въ своемъ предисловіи къ «Conteurs Ouvriers» Жильяна Жоржъ Сандъ приводитъ много подробностей изъ обширнѣйшей автобіографической записки Жильяна, присланной имъ Жоржъ Сандъ въ письмѣ отъ 18-го января 1849 года, которыхъ

*) Извѣстилъ Жоржъ Сандъ объ этомъ его тесть, Негріе, письмомъ отъ 13-го марта 1854 г.

**) Вродѣ, напр., увлеченія чтеніемъ до воображенія себя героемъ романовъ, юношеской фантастической страсти къ... герцогинѣ Беррійской и т. д., и т. д.

мы здѣсь, разумѣется, приводить не будемъ, но отмѣтимъ теперь же тотъ интересный фактъ, что не мало эпизодовъ біографіи Жильяна послужили для характеристики Поля Арсеня въ «Орасѣ», начиная съ его работы у ювелира, страсти къ рисованію и горячаго интереса къ картинамъ геніевъ живописи и кончая романическимъ отношеніемъ къ падшей женщинѣ, спасеніе которой онъ видитъ въ любви къ ребенку и воспитаніи его. Намъ кажется положительно, что этотъ эпизодъ, относящійся ко времени, предшествовавшему его женитьбѣ на Фелиси Магю, и, вѣроятно, извѣстный писательницѣ еще въ 1841 г., навѣялъ тѣ страницы «Ораса», гдѣ разсказывается, какъ Paul-Arsène изъ глубокой любви къ Мартѣ старается спасти не только эту падшую дѣвушку, но изъ-за этой любви къ ней беретъ воспитывать и чужого ребенка. Но въ скромной средѣ интеллигентныхъ рабочихъ, окружавшихъ Жоржъ Сандъ въ тѣ годы, примѣровъ такого великодушія и рыцарства было вообще не мало. Такъ, напр., Ашиль Леру — братъ Пьера, долгіе годы воспитывалъ ребенка любимой имъ женщины, брошенной, какъ и пріятельница Жильяна, какимъ-то господиномъ изъ буржуазіи, и даже принужденъ былъ вести впослѣдствіи (въ 1844 г.) процессъ противъ этого господина, когда онъ вдругъ, послѣ многихъ лѣтъ равнодушія и забвенія, нашелъ нужнымъ по суду требовать «своего» ребенка. Изъ писемъ Пьера и Ашиля Леру къ Жоржъ Сандъ мы узнаемъ, что и въ этомъ дѣлѣ она помогала имъ и словомъ, и дѣломъ, и перомъ, и деньгами. Повидимому, она рекомендовала имъ и адвоката — знаменитаго Мари, дала и денегъ на веденіе процесса и даже написала нѣсколько страницъ для брошюры, написанной Ашилемъ, которую Пьеръ Леру, прибавивъ къ ней отъ себя кое-что, издалъ и роздалъ въ томъ городѣ, гдѣ жилъ его братъ, для возстановленія его репутаціи послѣ процесса, проиграннаго въ первой инстанціи *); весьма вѣроятно также, что эти написанныя Жоржъ Сандъ страницы вошли въ кассаціонную жалобу. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что Жоржъ Сандъ своимъ перомъ вступилась за Ашиля Леру, пострадавшаго чисто благодаря своему же великодушію, совершенно подобному тому рыцарскому поведенію Поля Арсеня, прототипомъ которому послужилъ и Жильянъ. Неизданныя письма Пьера и Ашиля Леру, относящіяся до этого эпизода, чрезвычайно важны и интересны. Недостатокъ мѣста позволяетъ намъ привести лишь одно изъ нихъ.

6-го декабря 1844 г.

„Благодарю, другъ; благодарю, добрая; благодарю, великая, благородная, мужественная! Когда я написалъ вамъ мое письмо послѣдній разъ, я сталъ думать о томъ, о чемъ вы думали по поводу „Развѣдчика“. Моя просьба была безсмысленна. Что прикажете дѣлать! Въ чрезвычайныхъ горестяхъ становишься безсмысленнымъ. Мнѣ хотѣлось написать вамъ, но у меня было такое чувство, что вы лучше меня будете знать, что надо сдѣлать и чего не дѣлать.

---

*) Achille Leroux. „La Vérité sur un procès où l'on examine des théories qui outragent la nature“. 1845.

И вы дѣйствительно лучше меня знаете это. Теперь я долженъ лишь сдѣлать *рамку*. Къ несчастію у меня тысяча заботъ, которыя отнимаютъ у меня время. Но все-таки я сдѣлаю ее, я *буду* ее дѣлать. Присланное вами заставляетъ меня рѣшиться. Я немного колеблюсь еще по причинѣ быстроты, съ которой будутъ судить, но хотя бы я долженъ былъ умереть надъ работой, надо, чтобы *рамка* была сдѣлана. Я просижу надъ этимъ ночь, если нужно, я, который не умѣю работать по ночамъ и пишу съ такимъ трудомъ, что просто жалость беретъ. О великая рѣка добрыхъ чувствъ и великихъ мыслей, какъ я хотѣлъ бы походить на васъ, чтобы защитить эту бѣдную женщину, и въ лицѣ ея дѣло всѣхъ женщинъ! Развѣ эти судьи, которые заставляютъ женщину исповѣдываться передъ ними, и этотъ человѣкъ, который хочетъ отнять у нея дѣтей, не признанныхъ имъ и которыя не его, не кажутся вамъ пьяными дикарями? Еще судьи могутъ хоть оправдать себя закономъ, который молчаливо дозволяетъ имъ эту вольность, предоставляя все на ихъ произволъ; но онъ и адвокаты, оплаченные имъ! Мари удивительно говорилъ въ прошлый понедѣльникъ. Онъ будетъ продолжать и въ будущій. Онъ взялся за наше дѣло съ совершеннымъ безкорыстіемъ; это извѣстно и это дѣлаетъ ему честь; въ то же самое время уваженіе, которымъ онъ пользуется, очень полезно дѣлу защиты. Селліе тоже составилъ памятную записку, и фактическую, и points de droits, которая очень хорошо редактирована.

„Наша пріятельница m-me Шарлотта *) постаралась повидать жену одного изъ членовъ суда, которую она знаетъ. Можно положительно сказать объ этомъ дѣлѣ: „*Oh! si les femmes savaient!*" Я узналъ третьяго дня, что Шопенъ вернулся и что вы съ Морисомъ и Соланжъ скоро пріѣдете. Я хотѣлъ бы, чтобы вы уже были въ Парижѣ. До свиданія, до скораго же! Если дѣло не будетъ рѣшено (а оно и не будетъ ранѣе 2—3 недѣль), вы посовѣтуете мнѣ что-нибудь, вы поможете мнѣ, о добрая, великая, благородная, мужественная! Я могу лишь повторять мое славословіе и всякій изъ этихъ эпитетовъ прочувствованъ въ глубинѣ моего сердца"...

Переписка Жоржъ Сандъ съ Жильяномъ отличается и отъ писемъ ея къ Понси, въ которыхъ наряду съ общественными вопросами и взглядами Жоржъ Сандъ всего болѣе останавливается на чисто литературныхъ вопросахъ, и отъ юмористическихъ, простодушныхъ или трогательно-задушевныхъ писемъ старика Магю; какъ мы уже сказали, Жильянъ былъ убѣжденнымъ республиканцемъ и даже революціонеромъ, а потому письма его къ Жоржъ Сандъ и ея къ нему и касаются всего чаще политическихъ вопросовъ и отличаются серьезнымъ, а со стороны Жильяна часто мрачнымъ тономъ, какимъ, впрочемъ, отличается и весь тотъ томикъ Жильена—«Рабочіе-разсказчики» (Conteurs ouvriers), вышедшій въ мартѣ 1849 г., къ которому Жоржъ Сандъ написала предисловіе. Но въ то же время и письма самого Жильяна и письма жены его къ Жоржъ Сандъ показываютъ, что они относились къ великой писательницѣ, какъ къ самому близкому, вѣрному другу, оповѣщали ее обо всякой радости, обо всякомъ своемъ горѣ, разсказывали до малѣйшихъ подробностей о своемъ житьѣ-бытьѣ и никогда не сомнѣвались въ томъ, что все это ей нужно и дорого знать, что она все приметъ близко къ сердцу, на все отзовется, всему

*) Пріятельница Шопена и Ж. Сандъ, жена испанскаго консула въ Парижѣ—Шарлотта Мармани.

поможетъ. Особенно это видно въ письмахъ, которыя Жильянъ писалъ изъ тюрьмы въ Мо лѣтомъ 1848 г. Между тѣмъ, въ публикѣ, очевидно, ходили преувеличенные слухи объ участіи Жоржъ Сандъ къ поэтамъ-пролетаріямъ; многіе, повидимому, предполагали, что она попросту пишетъ за нихъ. По крайней мѣрѣ, въ 1850 г., во время уже упомянутаго нами процесса противъ Жильяна по поводу напечатанныхъ въ газетѣ «Vote Universel» отрывковъ изъ его «Les Contrastes sociaux», прокуроръ Сюенъ, осуждая эти «Contrastes sociaux», поспѣшилъ оговориться, что это, де, написано одной знаменитой писательницей и лишь подписано именемъ Жильяна. Жильянъ былъ этимъ глубоко возмущенъ и написалъ объ этомъ Жоржъ Сандъ, жалуясь на то, какъ и ее оскорбили, принявъ его плохія писанія за ея стиль, да и его тоже, допустивъ, что онъ живетъ чужимъ трудомъ. Жоржъ Сандъ исправила это письмо, сгладивъ кое-какія черезчуръ рѣзкія и фамильярныя выраженія, и въ такомъ исправленномъ видѣ письмо это появилось въ «Vote Universel» вмѣстѣ съ ея письмомъ.

Въ послѣднихъ письмахъ своихъ Жильянъ сообщаетъ Жоржъ Сандъ и о своихъ трудахъ по устройству разныхъ рабочихъ ассоціацій и артелей и разбираетъ весьма подробно и тонко новыя, только что выходившія произведенія Жоржъ Сандъ, и вспоминаетъ о своемъ пребываніи въ Ноганѣ, гдѣ онъ жилъ въ павильонѣ въ саду, какъ о самыхъ отрадныхъ минутахъ, часто упоминаетъ о томъ, что сталъ хворать и слабѣть, и, наконецъ, радуется новому дешевому изданію «съ картинками» сочиненій Жоржъ Сандъ, которое будетъ доступно всѣмъ и привлечетъ даже тѣхъ, кто не привыкъ читать, «распространится въ деревняхъ», и тамъ сдѣлаетъ благо, всѣхъ измѣняя къ лучшему и смягчая...

„Благодарю васъ, — пишетъ Жильянъ въ письмѣ отъ 18-го октября 1851 г.,—благодарю за себя и за своихъ бѣдныхъ братьевъ, которымъ вы откроете искусства и которые будутъ прославлять васъ, никогда не видѣвъ и не зная васъ. Пока васъ читали лишь буржуа и мы, учащіеся рабочіе, но отнынѣ свѣтъ снизойдетъ и въ цѣлыя массы и согрѣетъ ихъ, какъ лучи солнца“...

Просто удивляешься, откуда брала Жоржъ Сандъ время и силы для того, чтобы среди своего непрестаннаго литературнаго труда, въ самый разгаръ своей писательской дѣятельности, ежемѣсячно печатая романы, статьи и предисловія, еще находить возможность вести всю эту громадную переписку со всѣми этими поэтами, жить ихъ жизнью и интересами, слѣдить за каждымъ изъ нихъ въ мельчайшихъ подробностяхъ этой жизни и чуть не ежедневно знакомиться все съ новыми и новыми представителями интеллигентнаго пролетаріата, дѣятелями республиканскихъ партій, писателями и всевозможными юношами изъ провинціи и изъ Парижа, впослѣдствіи сдѣлавшимися по большей части знаменитыми или извѣстными, а въ тѣ дни дѣлавшими лишь свои первые шаги на публицистическомъ, политическомъ или писательскомъ поприщѣ. Такъ, за эти годы она познакомилась и болѣе или менѣе

сошлась и переписывалась съ Анри Мартеномъ, Луи Бланомъ. Ледрю Ролленомъ, съ Фюльберомъ Мартеномъ, Надò, Александромъ Ламберомъ, Эмилемъ Окантомъ, Люкомъ Дезажемъ, Эрнестомъ Перигуа, Патюро - Франкеромъ, Маркомъ Дюфресомъ, Люме и его семьей, Ансельмомъ Пететеномъ, Теофилемъ Торе и т. д., и т. д., и т. д., не говоря уже о братьяхъ Леру, братьяхъ Араго и всѣхъ прежнихъ друзьяхъ. Прочитавъ вороха писемъ къ Жоржъ Сандъ и ея самой къ многочисленнымъ ея адресатамъ, особенно за періодъ времени съ 1838 по 1862 г., можно только сказать, что этой необычайно дѣятельной, живой переписки, всѣхъ этихъ заботъ о десяткахъ разныхъ лицъ хватило бы на чью-нибудь цѣлую жизнь безъ всякой прибавки громаднаго литературнаго труда. Изъ одного перечня произведеній Жоржъ Сандъ, появившихся въ одной лишь «Revue Indépendante» за время редакторства Леру и его преемниковъ, мы уже видѣли, сколько въ тѣ годы работала Жоржъ Сандъ.

Мы не можемъ лучше заключить наше повѣствованіе объ отношеніяхъ Жоржъ Сандъ къ народнымъ поэтамъ и писателямъ изъ рабочихъ, какъ приведя письмо того же Жильяна, написанное имъ въ августѣ 1848 г. изъ тюрьмы въ Мò:

„Bonne, chère madame!

„Вы все та же къ намъ, внимательная и благожелательная, какъ сестра, преданная и симпатизирующая, какъ мать! Жена моя получила 50 фр., которые вы намъ прислали; и если я васъ до сихъ поръ не извѣстилъ о полученіи, такъ это потому, что я все надѣялся дать вамъ добрую вѣсть, но ничего не измѣнилось въ моемъ положеніи. Я жду часа правосудія, которое все медлитъ, я жду его безъ нетерпѣнія и безпокойства. Тысячу разъ благодарю васъ, сударыня, за обѣ помощи: за письмо и за деньги; я нуждался въ томъ и другомъ. Вы никогда себя достаточно не оцѣниваете и потому не понимаете, какое счастье для меня читать васъ. Тюремный священникъ одолжилъ мнѣ отцовъ церкви; я читаю Св. Бернарда; въ этой книгѣ есть дивныя страницы. Ну, такъ вотъ я и беру по очереди Св. Бернарда и ваши письма, и мое сердце испытываетъ большее облегченіе съ вами, чѣмъ съ нимъ. Онъ насъ очаровываетъ, властвуетъ надъ нами, привлекаетъ насъ, но вдругъ онъ становится повелительнымъ, строгимъ до того, что мы повержены, смущены и дрожимъ: онъ слишкомъ святъ. А у васъ, у васъ его величіе, его просвѣщеніе, его могущество убѣжденія, его смиреніе предъ Богомъ, а вы не устрашаете: за вами всюду послѣдуешь! Но вы такъ печальны! Печаль вашей души такъ же велика, какъ оплакиваемыя вами несчастья. Мужайтесь, сестра моя, вы, у которой столько могущества, вы, такая сильная, такая великая, такая совершенная, такая плодотворная: что станется съ нами, если вы ослабѣете? Надо все-таки вѣрить въ людей, въ преданность, самоотверженіе, добродѣтели, въ доброту; въ доброту, которая, можетъ быть, гаснетъ въ душахъ, которыя сомнѣваются, но всегда вновь возрождается въ тѣхъ, которыя надѣятся. О, какъ я хотѣлъ бы быть подлѣ васъ и чтобъ вы были мужчиной. Я воображаю постоянно, что вы Жанъ-Жакъ Руссо, вернувшійся на землю, и я люблю васъ еще болѣе, чѣмъ любилъ бы его, потому что онъ совершилъ ужасный проступокъ; онъ бросилъ своихъ дѣтей!.. Что дѣлаетъ нашъ милый Морисъ! Я не хочу, чтобъ онъ огорчался, я хочу, чтобъ онъ работалъ, чтобъ онъ сдѣлался великимъ художникомъ и взялъ бы меня къ себѣ когда-нибудь въ услуженіе — растирать ему краски и быть у него на посылкахъ. Можетъ быть, республика станетъ возродительницей искусствъ, которыя были унижены... Руже-де-Лилль далъ въ свое

время безсмертное созданіе; наше время ждетъ подобнаго же своего произведенія; картина стоитъ поэмы; художники должны намъ дать свою марсельезу.

„Когда я говорю, что хотѣлъ бы быть слугою Мориса, я говорю это отъ чистаго сердца и прямо какъ думаю. Современемъ не будетъ болѣе унизительныхъ положеній: всякій, кто будетъ полезенъ ближнему, будетъ имъ почитаемъ и будетъ имѣть право на его благодарность. Вы скажете, что намъ далеко еще до такихъ временъ. Но я могу отвѣтить вамъ съ евангеліемъ: „Истинно говорю вамъ, царство это уже среди насъ". Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вы не обращаетесь со мною, какъ съ равнымъ? Я ѣмъ вашъ хлѣбъ, а вы же меня благодарите. Вѣдь вы видите, что тутъ всѣ братья и первый изъ насъ намъ слугою! Вотъ поэтому я бы и хотѣлъ, чтобъ вы были мужчиной, а я бы жилъ подлѣ васъ, потому что тогда я цѣловалъ бы васъ и въ домѣ и на дорогахъ за всякое доброе слово, произнесенное вами, утромъ при пробужденіи вашемъ и вечеромъ при прощаніи. У меня есть друзья, но они не такіе, какъ вы, потому что они не могутъ походить на васъ. Папаша Магю изрѣдка навѣщаетъ меня. Онъ утверждаетъ, что я долженъ гордиться, что сижу въ тюрьмѣ, и что однажды я буду за это вознагражденъ. Онъ все видитъ на свой ладъ и всегда съ хорошей стороны, счастливый человѣкъ! Жена его впадаетъ въ противоположную крайность. Вотъ такъ парочка! Къ счастью, это между ними продолжается такимъ образомъ вотъ уже скоро пятьдесятъ лѣтъ. Моя маленькая Фелиси понимаетъ васъ и любитъ васъ, какъ свою старую мать. Она не посмѣла отвѣтить вамъ, потому что находитъ, что недостаточно умна для этого. Надо простить ей этотъ маленькій недостатокъ; онъ далеко не всѣмъ свойственъ. Если я смѣлѣе ея, то это потому, что лучше знаю васъ. Я знаю, что для того, чтобы хорошо умѣть говорить съ вами, надо, когда ты честенъ лишь открыть вамъ свое сердце.

„Я ничего не могу сообщить вамъ новаго относительно моего положенія. Мои земляки попрежнему проявляютъ тѣ же любезности и ту же трогательную благосклонность. Были между ними и такіе, которые пришли къ моему хозяину и увѣряли, что я единственно сожалѣю о томъ, что не застрѣлилъ его, прежде чѣмъ уѣхалъ изъ Парижа. Я, кажется, уже говорилъ вамъ объ этомъ человѣкѣ, съ которымъ я въ наилучшихъ отношеніяхъ и который часто оказывалъ мнѣ услуги. Онъ достойнымъ образомъ отвѣтилъ на эту гнусность: онъ и жена его нарочно съѣздили въ Мо, чтобы повидать меня, и плакали, обнимая меня. Этотъ поступокъ навѣки покорилъ имъ мое сердце. Въ дни самыхъ высшихъ моихъ вдохновеній я бы не могъ сдѣлать ничего лучшаго! Не правда ли, сударыня, какъ это прекрасно? Моего брата тоже арестовали въ Парижѣ, у моихъ отца съ матерью. Я не знаю, виновенъ ли онъ, но знаю, что онъ до того простоватъ, что если слѣдствіе будетъ ведено не по честному, то изъ него вытянутъ все, что угодно. Онъ сидитъ въ казематѣ форта Роменвиль, вѣроятно, лишенный воздуха и солнца, лежитъ на вонючей соломѣ, въ зловоніи и сырости, не имѣя друга, съ которымъ бы посовѣтоваться и который обнадежилъ бы его: съ нимъ нельзя ни видѣться, ни говорить. Посудите, каково положеніе моихъ бѣдныхъ старыхъ родителей. Изъ троихъ братьевъ — двое въ тюрьмѣ и неизвѣстно, что съ ними будетъ, а послѣдній вотъ уже 7 лѣтъ воюетъ въ Африкѣ и кто знаетъ, вернется ли онъ! Вы были, я знаю, несчастной матерью; сравните же теперь себя съ моей матушкой. Когда-то мы увидимъ конецъ этимъ мученіямъ. Не безпокойтесь, пожалуйста, еще присылать намъ денегъ. Я получилъ съ разныхъ сторонъ помощь и у меня будетъ работа, какъ только я освобожусь. Впрочемъ, обѣщаю вамъ, что никогда не буду въ нуждѣ, не сообщивъ объ этомъ вамъ. Прощайте, chère madame, передайте мои дружескіе поклоны всѣмъ окружающимъ васъ, и будемте надѣяться на будущее!.. *Жильянъ*".

В. Каренинъ.

ДУБЪ.

Съ меня сорвали мой уборъ,
Грабежъ докончили метели...
Червонцы растерялъ ли воръ,
Листы-ль мои кругомъ желтѣли—
Вы долго не могли понять,
И я, привыкшій защищать,
Не могъ найти себѣ защиты.
Внимая бури шумъ сердитый,
Я обездоленный стою.
Сжимаетъ вѣтви зимній холодъ,
И, видя нищету мою,
Къ корнямъ приникнулъ жадный голодъ.
Но ужъ повѣяло тепломъ,
Спѣшатъ къ родимымъ гнѣздамъ птицы,
Шумятъ трепещущимъ крыломъ
Ихъ перелетныя станицы.
Я позже всѣхъ проснусь весной,
Но я спою вамъ пѣснь свободы—
Въ ней голодъ, выстраданный мной,
Мои обиды и невзгоды.
Ее землѣ я пропою
И небесамъ, гдѣ ходятъ грозы...
Поймутъ ли только пѣснь мою
Лѣниво дремлющія розы?

Вл. Ладыженскій.

ПРИРОДА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **А. М. Өедорова.**

(*Продолженіе* *).

Глава IV.

Когда Лосьевъ на другой день явился къ Падарину, онъ засталъ тамъ Вѣтвицкаго.

Художникъ собирался уходить. Онъ былъ въ черномъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы сюртукѣ, и худощавая фигура его казалась еще болѣе плоской, но элегантной.

Онъ довольно свободно поздоровался съ Лосьевымъ, но тотъ все же понялъ, что Вѣтвицкій только что сдѣлалъ предложеніе. Это видно было и по выраженію его лица, въ которомъ просвѣчивало то безпокойство, какое у большинства людей всегда слѣдуетъ за рѣшительнымъ шагомъ, все равно вѣрнымъ или ошибочнымъ.

Чувствовалось это и по тому не совсѣмъ естественному вниманію, съ которымъ старики Падарины провожали гостя.

Ирина стояла взволнованная, съ покраснѣвшими щеками у рояля, опершись на него локтями, и вся фигура ея отражалась въ трюмо на противоположной стѣнѣ такъ четко, что Лосьевъ, входя, едва не поклонился отраженію.

Повидимому, Николай не подозрѣвалъ о присутствіи Вѣтвицкаго, потому что самъ остановился въ замѣшательствѣ при видѣ этой сцены, но затѣмъ весело представилъ его своимъ и тѣмъ ускорилъ проводы собиравшагося уходить гостя.

Лосьевъ бросилъ быстрый, укоризненный взглядъ на Николая, затѣмъ почтительно раскланялся со стариками и Ириной, прямо поглядѣвъ въ ея влажныя отъ волненія глаза съ нѣжными и чистыми, какъ у дѣтей, вѣками. Въ немъ всегда жило это таинственное предчувствіе близости, быть можетъ, далекой, никогда

---

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь, 1904 г.

не осуществляющейся, но возможной, и когда ихъ глаза встрѣтились, онъ ощутилъ гдѣ-то глубоко въ себѣ слабо вспыхнувшую искорку. Ему захотѣлось услышать ея голосъ и отчасти для этого, а еще болѣе, чтобы смягчить неловкость этого несвоевременнаго появленія, онъ сказалъ, переводя глаза съ нея на Вѣтвицкаго.

— Такъ передать натуру! Вотъ талантъ! Настоящій талантъ.

— Вы говорите о моемъ портретѣ?—живо отозвалась Ирина, и голосъ ея такъ же шелъ къ ней, какъ ея глаза и волосы.

— Да.

Вѣтвицкій въ эту минуту, почтительно наклонившись, поцѣловалъ сухую руку ея матери, принужденно улыбнувшись, кивнулъ ему за любезность и направился къ выходу, сопровождаемый всей семьей, кромѣ Николая, который остался съ товарищемъ.

Когда они ушли въ переднюю, Николай съ комической гримасой прищелкнулъ языкомъ и произнесъ:

— Abgemacht! Ну, теперь у меня прибавился еще одинъ банкъ. Будемъ называть его художественнымъ въ отличіе отъ коммерческаго, гдѣ состоитъ директоромъ мой отецъ.

— Ты меня поставилъ въ глупое положеніе,—съ досадой обратился къ нему Лосьевъ.—Я...

Но онъ не договорилъ, заслышавъ шаги возвращавшейся въ гостиную матери.

— Мамуся!—напрямки обратился къ ней сынъ.—Борисъ сдѣлалъ предложеніе?

Она мелькомъ взглянула на Лосьева, но такъ какъ скрывать было нечего, отвѣтила:

— Да.

Ирина возвращалась назадъ, обнявъ крупную фигуру отца и нѣжно заглядывая ему въ глаза.

Тогда Лосьевъ, стоя посреди комнаты, готовый сейчасъ же удалиться, обратился къ Падариной.

— Я только что обрушился на Николая за то, что онъ такъ несвоевременно ввелъ меня къ вамъ. Но прежде всего позвольте принести мнѣ свое искреннее поздравленіе...

Онъ раскланялся передъ нею и передъ дочерью съ отцомъ.

Николай щелкнулъ передъ сестрой каблуками, какъ въ мазуркѣ и поцѣловалъ ее въ щеку.

Лосьевъ собрался уходить, но его удержали. Мать еще наканунѣ была предупреждена Николаемъ о томъ, что у нихъ будетъ завтракать его старый товарищъ, вернувшійся изъ Парижа. Онъ остался.

За завтракомъ Лосьевъ долженъ былъ разсказать о своей заграничной жизни, но разговоры эти естественно переплетались съ бесѣдой объ этомъ важномъ событіи. Повидимому, оно было нѣ-

сколько неожиданно для стариковъ, огорчало ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляло. Они, какъ всѣ родители, не могли отрѣшиться отъ взгляда на своихъ дѣтей именно, какъ на дѣтей. Для нихъ и Ирина и Коля остались все тѣми же слабыми маленькими вѣточками, которыя трудно было отдѣлить отъ родныхъ корней; поэтому они съ новымъ чувствомъ взглядывали иногда на дочь, не повѣряя другъ другу своихъ взбудораженныхъ мыслей, и имъ странно было, что все это произошло такъ незамѣтно и даже какъ будто помимо ихъ самихъ.

Дѣти подсмѣивались надъ этими обычными родительскими чертами, не переходя, однако, границъ, за которыми ихъ улыбки могли показаться обидными.

Николай подшучивалъ надъ сестрой, но она не жеманилась, не краснѣла, а отвѣчала просто, шутливо и подчасъ наивно, заставляя всѣхъ невольно улыбаться ясной чистотѣ ея настроенія, которое сказывалось не только въ ея словахъ, но и въ каждомъ взглядѣ и въ голосѣ. Лосьевъ иногда закрывалъ глаза, слушая этотъ голосъ и особенно смѣхъ. Ему показалось, что онъ гдѣ-то недавно его слышалъ, и вдругъ вспомнилъ, уловивъ тѣ же самыя ноты, которыя слышалъ наканунѣ въ паркѣ. Онъ почувствовалъ тотъ же самый холодокъ, который ощущалъ вчера ночью.

Въ концѣ завтрака на столѣ неожиданно появилось шампанское, на что мать Ирины снисходительно замѣтила мужу:

— Кто же днемъ пьетъ шампанское, Михаилъ Ильичъ?

Тотъ только махнулъ рукой и добродушно проговорилъ:

— Этотъ этикетъ можно забыть для такого торжественнаго случая!

Онъ взволнованно взглянулъ на дочь, неожиданно прослезился и торжественно выговорилъ:

— Ну, Софья Матвѣевна, пожелаемъ Иринѣ Михайловнѣ счастья.

Ирина бросилась на шею къ отцу, потомъ къ матери, внезапно скрылась и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ покраснѣвшими глазами, но съ растроганнымъ улыбающимся лицомъ.

Лосьевъ протянулъ ей свой бокалъ и, чокнувшись, значительно сказалъ:

— Ирина Михайловна. Я вѣрю, что вы будете счастливы. Въ васъ чувствуется много природы, и если вы въ этомъ случаѣ слушаетесь ея, она не обманетъ васъ, потому что природа никогда не лжетъ.

Эти слова прозвучали для нея пустыми звуками. Въ ея природѣ еще не вполнѣ проснувшейся и не вполнѣ разцвѣтшей, не было этого зова; она отвѣтила на его слова безъ всякаго отношенія къ себѣ:

— Вы сказали—природа никогда не лжетъ. Нѣтъ, она лжетъ на каждомъ шагу. Какая-нибудь бабочка, животное,—развѣ они не лгутъ, одѣваясь въ тѣ цвѣта, среди которыхъ живутъ, чтобы ихъ не замѣтили враги.

Лосьевъ снисходительно улыбнулся.

— Въ такомъ случаѣ, вы будете называть ложью и ваше стремленіе одѣться потеплѣе зимой? Ложь—это язва сознанія, его открытое оружіе. Безсознательное не можетъ назваться лживымъ.

Она не нашлась сразу, что ему отвѣтить, но все ея лицо выражало протестъ противъ этихъ словъ. Ей пришелъ на помощь отецъ, со своими грубоватыми, но забавными оборотами рѣчи:

— Ну, положимъ, это все равно, какъ—запрегъ Антипъ пару коней, одного назадъ, другого напередъ—недалеко уйдетъ. Съ одной стороны теплое платье, значитъ—сознательное, а дѣлаете уподобленіе тому, что сами называете безсознательнымъ. Въ сущности, Ирина права, что природа лжетъ на каждомъ шагу. Не природы нужно слушаться, а разума, того высшаго въ человѣкѣ, что выработано вѣками культуры, вѣками борьбы съ этой самой природой.

Лосьеву это возраженіе показалось банальнымъ и стариковскимъ. Старики любятъ спорить, выкладывая при этомъ всю книжную мудрость, уцѣлѣвшую подъ пылью развалинъ. Да его и не интересовало мнѣніе отца. Все свое вниманіе онъ сосредоточилъ на дочери. И въ этомъ упрямомъ, чистомъ, какъ слоновая кость лбѣ старался угадать то настоящее, въ чемъ сказывается вся натура человѣка. Она, обдумывая свое возраженіе, не слушала того, что говорилъ отецъ; она почти инстинктивно угадала въ словахъ Лосьева, еще хорошо не сознавая этого, какой-то намекъ, какой-то уколъ тому, который будетъ ей совсѣмъ близкимъ. Она незамѣтно для себя выпила весь бокалъ шампанскаго, цѣдя его холодные искры сквозь неровные зубы, удивительно оживлявшіе ея, пожалуй, большой, но чрезвычайно выразительный ротъ.

— Природа! Разумъ! Я не знаю, нужно ли слушаться того или другого, и не знаю, какъ называется то, что заставляетъ меня поступать такъ. Я даже не знаю, обманетъ это меня или нѣтъ; но что-то во мнѣ говоритъ: поступи такъ,—и я такъ поступаю.

— Отлично, сестренка, такъ и поступай! И я всегда такъ поступаю и оттого я всегда веселъ, доволенъ самъ собой и всѣмъ міромъ.

Выходка любимца Николая заставила мать улыбнуться. Она была довольна, что споръ, представлявшійся ей какъ-то неумѣстнымъ, сейчасъ прекратился.

Недопитое шампанское скучало въ бокалахъ и казалось такого

же голубовато-золотистаго тона, какъ небо, клочки котораго были точно вставлены въ окна вмѣсто стеколъ. Въ минуту молчанія послѣ фразы Николая послышалось, какъ глухо, по весеннему, по мостовой простучалъ экипажъ.

Всѣмъ сразу стало душно.

Отецъ всталъ изъ-за стола и за нимъ поднялись другіе. Въ то время, какъ старики стояли въ сторонѣ, молодежь потянуло къ окнамъ.

Николай оперся на косякъ и мечтательно продекламировалъ:

Выставляется первая рама;
И въ комнату шумъ ворвался:
И благовѣстъ древняго храма...

— Ахъ, Коля!—съ досадой остановила его сестра.—И всегда такъ. Ну можно ли перевирать стихи? Не древняго храма, а ближняго храма.

— Нѣтъ, древняго!

— Нѣтъ, ближняго!

— Нѣтъ, древняго!

— Нѣтъ, ближняго.

— Давай пари.

— Давай... Ты мнѣ—свою чернильницу.

— А ты мнѣ бинокль.

— Дѣти! — смѣясь на этотъ ребяческій споръ, отозвалась мать.—Всегда они спорятъ изъ-за пустяковъ.

— И онъ всегда проигрываетъ и никогда не отдаетъ,—добавила Ирина.

Братъ весело сверкнулъ своими красивыми глазами и, чтобы не слышали отецъ и мать, шепнулъ:

— Если бы я еще сестрѣ отдавалъ проигранное, мнѣ бы давно пришлось отпустить бороду: на парикмахера не хватило бы.

Но она уже не слушала брата и, закинувъ руки за голову, докончила начатое имъ стихотвореніе, съ ясной искренностью проговоривъ двѣ послѣднія строки:

И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ радостно сыплетъ цвѣтами весна.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, не отправиться ли намъ за городъ? Теперь уже фіалки начали цвѣсти. Я еще ни разу не была нынче весной у моря. Вотъ что,—съ внезапно загорѣвшимся желаніемъ воскликнула она,—я сейчасъ отправлю письмо Борису Сергѣевичу, это такъ близко, и мы поѣдемъ къ морю, на дачи. Ахъ, если бы онъ былъ дома! Вы съ нами поѣдете?—обратилась она къ скульптору и брату.

— Ну, загорѣлось!—снисходительно-ворчливо замѣтилъ отецъ.

— Вотъ такъ всегда. Загорится, вынь да положь.

Онъ поцѣловалъ дочь въ лобъ и, подавъ руку скульптору, сказалъ ему:

— Простите... я долженъ идти на работу. А насчетъ природы вы все-таки не правы. Если слушаться ее, такъ этакъ скоро на четвереринькахъ люди забѣгаютъ. — Затѣмъ, обращаясь къ женѣ, уходя, добавилъ: вы, Софья Матвѣевна, съ ними поѣдете, разумѣется?

На что она утвердительно кивнула головой:

— Разумѣется.

Когда Ирина явилась черезъ двѣ минуты, просушивая только что написанное письмо, Николай сталъ дразнить сестру, что Вѣтвицкій ни за что не согласится пріѣхать, если даже и дома, онъ терпѣть не можетъ всякихъ partie de plaisir, и тотчасъ же пресмѣшно представилъ его манеру и даже голосъ.

Они опять стали держать пари, приглашая Лосьева разнимать ихъ руки, и, коснувшись кисти ея руки, онъ долго сохранялъ въ своихъ чувствительныхъ пальцахъ впечатлѣніе прикосновенія къ гладкой, нѣжной и теплой кожѣ.

Черезъ четверть часа прислуга возвратилась съ отвѣтомъ: Вѣтвицкій сказалъ, что сейчасъ будетъ. Одержавъ побѣду, Ирина съ гордостью взглянула на Николая.

Рѣшено было ѣхать въ коляскѣ. Мѣста было какъ разъ на четверыхъ. Николай заявилъ, что ѣдетъ на велосипедѣ.

— По крайней мѣрѣ, когда захочу, тогда и удеру отъ васъ.

— Опять въ паркъ?—шепнулъ ему Лосьевъ, намекая на минувшій вечеръ.

— Нѣтъ, чортъ побери, придется избрать болѣе теплое мѣсто, а то можно получить гриппъ.

— Изъ этого слѣдуетъ, что нельзя пѣть на воздухѣ.

Послышался сдержанный звонокъ и вошелъ Вѣтвицкій. Ирина бросилась къ нему въ переднюю и съ изумленіемъ остановилась передъ нимъ, оглядывая его съ ногъ до головы. Вѣтвицкій былъ въ тепломъ пальто. Онъ понялъ ея взглядъ, но нисколько не смутился и объяснилъ:

— Не забудьте, что еще только начало весны. Мы, вѣроятно, будемъ возвращаться вечеромъ, да у моря и сыро.

Глава V.

Всѣ четверо сѣли въ коляску. Ирина съ матерью въ глубинѣ, художникъ и скульпторъ противъ нихъ.

— Вы поѣзжайте вчетверомъ. Мнѣ надо заѣхать въ мастерскую,—заявилъ Николай.

— А у тебя мастерская отдѣльно?—спросилъ Лосьевъ.

— Да. Это во многихъ отношеніяхъ удобнѣе.

Они вышли.

— Я на велосипедѣ васъ догоню, сказалъ Николай, высовываясь въ открытое окно и закладывая въ петлицу пиджака вѣточки ландыша, сорванныя изъ жардиньерки, куда были уже высажены нѣсколько сортовъ весеннихъ цвѣтовъ.

— Брось, Николай, и мнѣ нѣсколько цвѣточковъ ландыша,— крикнула ему изъ экипажа Ирина.

Лосьевъ выскочилъ изъ экипажа, подбѣжалъ къ окну и подставилъ шляпу, куда, какъ зеленыя стрекозы съ бѣлыми крылышками, мягко слетѣли вѣточки ландыша.

Ирина взяла ихъ, поднесла къ лицу, проводя ими по своимъ щекамъ, вдыхая ихъ ароматъ и жмурясь отъ удовольствія, затѣмъ протянула одну изъ вѣточекъ Вѣтвицкому, желая вдѣть ее въ петлицу его пальто, но онъ былъ наглухо застегнутъ вплоть до горла; тогда она приподнялась и, смѣясь, вдѣла вѣтку за ленту его черной, мягкой касторовой шляпы, на фонѣ которой бѣлые маленькіе цвѣточки дрожали, какъ мухи.

Въ этомъ ея движеніи было столько нѣжности и мягкости, что въ душѣ у Лосьева шевельнулось что-то похожее на зависть.

Она, вся проникнутая трепетаніемъ этого тонкаго, еще не совсѣмъ пробудившагося чувства, такъ шла къ этому ласковому апрѣльскому дню, пропитывающему все тѣло своимъ молодымъ, возбуждающимъ тепломъ и немного болѣзненной нѣгой!

Лошади нерѣшительно стукнули копытами, точно давая знакъ, что пора ѣхать. Бородатый кучеръ вопросительно повернулся и, получивъ приказаніе, тронулъ лошадей.

Шины мягко запрыгали по мостовой, обсаженной съ двухъ сторонъ начинавшей просвѣчивать желтоватой зеленью акацій, подъ яркимъ, но не горячимъ солнцемъ, отъ котораго синеватымъ блескомъ отливали сильные колеблющіеся крупы вороныхъ лошадей, лакированныя крылья коляски и такая же лакированная шляпа кучера.

— Раскрой зонтъ,—посовѣтовала мать Иринѣ; но та только отрицательно покачала головой, закинувъ ее немного назадъ, полураскрывъ губы, зажмуривъ глаза, какъ бы купая свое лицо въ колебаніи весенняго воздуха и свѣта, обливавшаго ее широкими встрѣчными волнами, отъ которыхъ свѣтился пушокъ, покрывавшій ея щеки, и на ея вискахъ мягкіе бѣлокурые волосы, казавшіеся золотой тонкой паутиной.

Они обгоняли извозчичьи пролетки, экипажи, конки, которыя звонили и кричали ослиными рожками, ѣхали имъ навстрѣчу и оставались позади, переплетаясь въ этомъ свѣтломъ весеннемъ

воздухѣ въ пеструю, красочную калейдоскопическую панораму, гдѣ пятна весеннихъ красокъ, костюмовъ такъ сливались со звуками, что и звуки казались окрашенными въ такіе же мягкіе весенніе тона.

Иногда Иринѣ приходилось отвѣчать на поклоны знакомыхъ, проѣзжающихъ во встрѣчныхъ экипажахъ и движущихся лѣниво въ толпѣ на тротуарахъ; поклонившись ей, они съ завистью провожали глазами экипажъ. На перекресткѣ одной изъ главныхъ улицъ, вдоль тротуара на маленькихъ скамеечкахъ бордюромъ пестрѣли ландыши, розы, гіацинты и фіалки, фіалки, отъ которыхъ отдѣлялся молодой ароматъ земли и весны.

Лошади остановились. Вѣтвицкій и Лосьевъ выскочили изъ экипажа и вернулись съ цвѣтами въ рукахъ.

У Лосьева были только одни фіалки, которыя онъ высыпалъ на колѣни Ирины, и онѣ упали и разлились по свѣтло-сѣрому фону ея пальто живымъ, благоухающимъ каскадомъ, и нѣсколько цвѣтковъ лиловыми каплями упали на пестрый коврикъ подножья.

Вѣтвицкій протянулъ свои цвѣты матери, но та взяла изъ нихъ пучокъ туберозъ, а съ остальными онъ поступилъ такъ же, какъ и Лосьевъ.

Цвѣты на ея колѣняхъ смѣшались, перепутались. Она быстро сдернула съ рукъ перчатки и погрузила пальцы въ цвѣты, шевеля и наслаждаясь ощущеніемъ почти живого ихъ прикосновенія.

Лосьевъ поднялъ фіалки съ коврика, и Ирина замѣтила, какъ онъ съ заботливымъ вниманіемъ вдѣлъ ихъ въ петлицу.

Она поняла, что это вниманіе къ цвѣтамъ вызвано ею, и что-то мимолетное коснулось ея души; она скользнула по нему благодарнымъ взглядомъ и, невольно замѣтивъ его пристальный горячій взглядъ, перевела свои глаза на Вѣтвицкаго, ласково и трогательно улыбаясь ему.

Все это, вмѣстѣ съ сознаніемъ новизны своего положенія и присутствіемъ этихъ двухъ молодыхъ мужчинъ, восхищенные взгляды которыхъ она чувствовала на себѣ даже тогда, когда на нихъ не смотрѣла, волновало ее новымъ и не совсѣмъ чистымъ волненіемъ. Въ нее проникло сознаніе власти, могущества молодости и красоты, и, можетъ быть, она въ первый разъ въ жизни почувствовала себя въ эти минуты женщиной.

Экипажъ, колеблясь и подпрыгивая на резинѣ, несся мимо парка по шоссе широкой аристократической улицы, гдѣ не было уже такой будничной суеты и шума, гдѣ больше слышался глуховатый стукъ лошадиныхъ копытъ, чѣмъ стукъ колесъ.

Лосьевъ вспомнилъ ощущеніе минувшей ночи и оно показалось ему какъ бы предчувствіемъ того, что онъ переживалъ въ настоящую минуту.

— Вотъ и я! — раздался съ правой стороны веселый голосъ. Николай догналъ ихъ на велосипедѣ, стальныя спицы котораго ослѣпительно мигали на солнцѣ. Лицо его было возбужденно и весело, повидимому, онъ не безъ удовольствія провелъ эти полчаса въ своей мастерской.

— Вы не находите, что Коля за послѣднее время нѣсколько похудѣлъ? — обратилась Падарина къ Вѣтвицкому.

— Да, пожалуй.

— Онъ слишкомъ много работаетъ, — вздохнувъ замѣтила мать. — Цѣлые дни проводитъ въ мастерской.

— Да его и вечерами почти никогда не бываетъ дома,—отозвалась сестра.

— Долженъ же мальчикъ отдохнуть послѣ труда. Ахъ, искусство! Это вовсе не такая легкая вещь, какъ думаютъ со стороны,—закончила она, задумчиво глядя на Николая.

— Но, мама, гдѣ же его картины? Я совсѣмъ не вижу ихъ.

— Что же тутъ удивительнаго! Онъ хочетъ создать серьезную вещь, а такія вещи не дѣлаются ежедневно? Не правда ли?— призвала она въ свидѣтели художниковъ.

Тѣ постарались сдержать невольныя улыбки и съ напускною важностью поддержали искусство.

Николай продолжалъ легко вертѣть колеса своими сильными, стройными ногами съ подвернутыми поверхъ щегольскихъ ботинокъ брюками; онъ держалъ въ правой рукѣ папиросу, управляя велосипедомъ больше движеніями своего тѣла, чѣмъ рулемъ, который поддерживалъ лѣвой рукой.

— Вы были въ мастерской?—остановилъ его Вѣтвицкій вопросомъ.

— Да, да, — отозвался тотъ съ внезапнымъ смѣхомъ и сталъ разсказывать, что къ нему пришелъ Бугаевъ, который въ извѣстные часы пользуется его мастерской, и засталъ въ мастерской Анну Павловну.

— Я ихъ оставилъ вдвоемъ,—качаясь отъ смѣха, закончилъ Николай.—Бѣдный малый опять врѣжется по уши, потому что это, дѣйствительно, чудное существо: красива, удивительно сложена.

— Не можешь ли ты ее прислать ко мнѣ?—прервалъ его Лосьевъ.—Мнѣ надо приниматься за работу, а нѣтъ натурщицы.

— О, она не заправская натурщица и позируетъ только мнѣ, въ платьѣ, притомъ наглухо застегнутомъ. Это такая строгая, такая строгая дѣвушка. Ну, словомъ, у нея есть женихъ. Морякъ. Впрочемъ, онъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе, и навѣрное утонетъ въ свое время,—закончилъ Николай, махнувъ рукой, и засмѣялся еще веселѣй.

— Нельзя ли избавить насъ отъ этой болтовни?—строго остановила его мать.

Но Николай не слышалъ этого выговора, онъ налегъ на педали и сразу очутился далеко впереди, ловко объѣзжая экипажи, точно цвѣтами наполненные дѣтьми и женщинами въ веселыхъ весеннихъ костюмахъ.

Коляска миновала рядъ великолѣпныхъ дачъ, принадлежащихъ мѣстнымъ богачамъ. Бѣлые красивые дома разнообразной архитектуры выглядывали, точно изъ-за вуалей, изъ-за рѣшетчатыхъ заборовъ и перепутавшихся вѣтвей еще голыхъ деревьевъ, около которыхъ работали садовники съ огромными ножницами и пилами. Пахло парниками, почками. Но вотъ къ этому запаху примѣшался сырой, солено-горькій, щекочущій обоняніе запахъ. Это дышало своей огромной волнующейся грудью море.

Экипажъ остановился. Вѣтвицкій подалъ руку матери, Ирина, точно желая предупредить любезность Лосьева, быстро пошла, почти побѣжала впередъ одна, ловкимъ движеніемъ подобравъ юбку, подъ которой переливалось волнующимися линіями ея налитое молодостью тѣло.

Лосьеву хотѣлось догнать ее, схватить ея руку, и мальчишески броситься съ ней внизъ подъ гору, но онъ только ускорилъ свои шаги и, перекинувъ на плечо пальто, послѣдовалъ за ней.

— Ирина!—окликнула ее мать.

Та обернулась назадъ съ вопросительнымъ выраженіемъ.

— Не останавливайте ее,—сказалъ Вѣтвицкій, которому показалось, что мать это сдѣлала для него.—Пусть дѣлаетъ то, что ей хочется дѣлать; мнѣ именно и нравится въ ней эта непосредственность ея свѣжей, здоровой натуры. Мнѣ это не свойственно, но въ другихъ я люблю. И я никогда стѣснять ее не буду.

Она искоса взглянула на него, обрадованная тѣмъ, что опасенія, хотя и смутныя, за свободу своей дочери, которыя все-таки безпокоили ее, разсѣивались. Она сказала:

— И вы никогда въ этомъ не раскаетесь. Я увѣрена, что моя дочь ничего не сдѣлаетъ дурного. Вы не знаете, какъ насъ, женщинъ, трогаетъ довѣріе и свобода.

И Вѣтвицкій внутренно рѣшилъ не измѣнять тому, что онъ сейчасъ сказалъ.

Лосьевъ въ это время нагналъ Ирину и сразу попалъ въ тактъ ея походки; они пошли рядомъ по спуску къ морю.

Здѣсь сразу почувствовалось холоднѣе. Да и солнце уже заходило, и лучи его слабо трепетали на влажныхъ стволахъ и вѣткахъ деревьевъ. Среди молодой золотистой травы деревья стояли черныя, точно обгорѣлыя.

Протяжное ворчанье моря, напоминающее шумъ удаляющагося поѣзда, слышалось издали. Оно все открылось здѣсь передъ ними, мягко тушуясь въ фіолетовой дали и переливаясь холодною зеленью и синевою ближе. Тяжеловѣсное и огромное, море грузно колебалось безъ морщинъ и складокъ и лѣниво лизало черные, торчавшіе изъ воды, какъ огромные клыки, камни и мелкій гравій берега, и, несмотря на это глухое ворчаніе, похожее больше на вздохи, сама тишина качалась на этой медленно колыхавшейся поверхности.

— Я давно не видѣлъ открытаго моря,—взволнованный и возбужденный этимъ запахомъ и этой далью и необъятностью, тихимъ и глубокимъ голосомъ сказалъ Лосьевъ.—Прежде, когда я здѣсь жилъ, я никогда не чувствовалъ, что оно такъ громадно... такъ громадно...—повторилъ онъ удивленно и торжественно. Стихія... стихія, какъ этимъ много сказано. И какъ все во мнѣ открывается навстрѣчу ей.

— А мнѣ жутко... мнѣ жутко видѣть и чувствовать эту громадность. Но зато, когда я въ ней, когда я купаюсь, я чувствую, что оно мнѣ родное. Хочется заплыть на самое глубокое мѣсто, закрыть глаза и медленно погружаться туда, книзу, ко дну.

— А тамъ...—продолжалъ Лосьевъ:

Въ бездонной, прозрачной пучинѣ,
Гдѣ спитъ голубая волна,
Гдѣ ползаютъ гады морскіе
И вѣчно царитъ тишина,
Гдѣ жемчугъ вплетаютъ русалки
Въ воздушныя кольца кудрей,
Стоитъ мой коралловый замокъ.
Я царь, я владыка морей.

— Вы хорошо читаете; у васъ красивый голосъ,—замѣтила Ирина.—И вы блѣднѣете, какъ артистъ.

— Какъ плохой артистъ,—поправилъ ее Лосьевъ.

— Почему плохой?

— Настоящіе артисты никогда не блѣднѣютъ. Къ слову сказать, я терпѣть не могу этихъ господъ, торгующихъ чужими словами и чувствами.

Когда они сошли на берегъ, Николай сидѣлъ тамъ въ задумчивой позѣ, охвативъ руками колѣни и мечтательно смотрѣлъ на море; рядомъ съ нимъ на pескѣ лежалъ велосипедъ.

Ирина подошла къ брату и, положивъ руки ему на плечи, склонилась къ его лицу и спросила:

— О чемъ ты задумался, Николай?

— О томъ...—онъ сдѣлалъ паузу и съ паѳосомъ проговорилъ:—

какъ бы хорошо было выпить рюмку коньяку, но, къ сожалѣнію, буфетъ не открытъ.

— Ты все еще меня считаешь за ребенка и постоянно шутишь со мной.

Она отошла отъ него въ сторону обиженная.

Матовый мѣсяцъ невысоко висѣлъ на блѣдно - зеленоватомъ небѣ, онъ не свѣтилъ, но на потемнѣвшей водѣ отъ него уже поблескивали блѣдныя искры, невидимо падавшія отъ мѣсяца, а противъ него, какъ слезка, трепетала первая звѣздочка и казалось,—они любовались другъ другомъ.

Иринѣ захотѣлось быть около Вѣтвицкаго. Она увидѣла его идущимъ по берегу и пошла навстрѣчу.

Мать приняла свою руку, Ирина молча заняла ея мѣсто и Вѣтвицкій повинуясь ея движеніямъ, пошелъ съ ней вдоль берега.

Красныя осыпи скалъ подергивались матовымъ налетомъ, а вдали, точно длинный вытянутый языкъ, которымъ земля лизала воду, выступалъ въ море мысъ. Золоченная купальня стояла надъ водою на длинныхъ высокихъ сваяхъ, обросшихъ внизу косматымъ мохомъ, волны глухо покачивали ея зеленоватое отраженіе, мохъ шевелился, отчего казалось, что купальня, какъ живая, движется по водѣ на своихъ длинныхъ, прямыхъ ногахъ.

— Какъ хорошо! — сказала Ирина, невольно прижимаясь къ нему такъ, что онъ почувствовалъ подъ своею рукою ея ровно колебавшуюся грудь.

— Да, я люблю это время. Въ немъ есть предчувствіе свѣтлой жизни и тепла, — мягко и спокойно произнесъ Вѣтвицкій, ощущая близость не только ея тѣла, но и того счастья и покоя, на которое онъ разсчитывалъ. Онъ въ эту минуту хотѣлъ сказать ей что-нибудь значительное, нѣжное, что навсегда проникло бы въ ея душу, чего онъ не высказалъ ей даже при первомъ объясненіи. Опустивъ голову, сосредоточенно глядя передъ собою, онъ медленно, съ глубокой простотой и серьезностью въ голосѣ говорилъ:

— Такое же предчувствіе испытываю и я сейчасъ. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я такъ мало говорилъ вамъ о своихъ чувствахъ. Но самая важность того шага, который я сдѣлалъ, говоритъ за меня. Мнѣ казалось, что уже къ этому нечего прибавить, но вотъ сейчасъ у меня есть потребность внушить вамъ, вдохнуть въ васъ ту же вѣру въ наше будущее, которое сейчасъ мнѣ представляется необыкновенно яснымъ.

Она обернулась къ нему и такъ благодарно взглянула на него своими чистыми глазами, въ которыхъ какъ-бы отражались эти серебристыя весеннія сумерки, что онъ понялъ, что она также раздѣляетъ его вѣру. И ему захотѣлось говорить снова, продол-

жая идти впередъ, подъ это протяжное шуршаніе моря, аккомпанировавшаго его словамъ.

— Мнѣ кажется, что эта жизнь мнѣ дастъ то, чего такъ недоставало — ну вотъ... вотъ такъ, какъ въ вашемъ портретѣ недоставало того важнаго, того внутренняго освѣщенія, которое далось такъ неожиданно, какъ откровеніе. И сказать ли вамъ, — я это ясно понялъ только вотъ сейчасъ. Онъ остановился, выпустивъ ея руку, и смотрѣлъ прямо въ ея глаза, которые на виду у него наполнялись слезами, отливавшими звѣзднымъ свѣтомъ.

Онъ тихо взялъ ея руки, тихо привлекъ ее къ себѣ. И она почувствовала на своихъ губахъ легкое прикосновеніе его сухихъ и холодныхъ губъ.

Она стояла, опустивъ глаза, съ которыхъ набѣжавшія слезы ушли куда-то снова вглубь, неожиданно пораженная страннымъ ощущеніемъ ожиданія чего-то не довершеннаго. Она подняла на него глаза и увидѣла его неестественно напряженное лицо и нѣсколько странно топорщившійся усъ.

Она быстро снова опустила глаза, чего-то испугавшись, отчего ей сразу стало холодно,—и вдругъ стало жаль чувствъ, которыя ушли куда-то, какъ слезы, и трогательныхъ словъ, которыя больше уже не звучали въ воздухѣ. Ей хотѣлось внутренно повторить ихъ полными того же значенія и ласки, что бы они всегда жили въ ней. И принимая это желаніе за дѣйствительность, она сказала, взявъ его за руку:

— Да, я никогда, никогда не забуду того, что вы сейчасъ говорили.

Ей уже не хотѣлось идти впередъ. Увидѣвъ на берегу опрокинутую вверхъ дномъ лодку, она направилась къ ней.

— Осторожнѣе, лодка, кажется, только что окрашенная, — предупредилъ ее Вѣтвицкій.

Ирина остановилась. Вѣтвицкій подалъ ей руку и они молча вернулись обратно.

Издали до нихъ доносились громкіе голоса, смѣхъ; приблизившись, они увидѣли Лосьева и Николая борющимися на пескѣ.

— Держись!—крикнулъ Лосьевъ. Онъ поднялъ Николая, точно на пружинахъ на своихъ вытянутыхъ рукахъ, со смѣхомъ повторяя:

— Проси пощады, проси пощады!

Мать съ ужасомъ смотрѣла на дрожавшее отъ смѣха въ воздухѣ тѣло Николая.

— Вы уроните его! Уроните его, — воскликнула она, забывъ, что Николай уже не маленькій ребенокъ.

Лосьевъ опустилъ его на песокъ и тотъ, обдергивая свой костюмъ, сказалъ:

— Ну, чортъ возьми, можно ли быть такимъ сильнымъ!

— Помялъ бы ты полтора года глину, какъ это дѣлалъ я, у Родена, за право пользоваться его уроками!

Ирина съ нѣкоторымъ страхомъ смотрѣла на сильныя движенія Лосьева, когда онъ поднималъ на воздухъ Николая и инстинктивно прижималась къ Вѣтвицкому, который съ брезгливой миной смотрѣлъ на это вульгарное проявленіе физической силы, всегда казавшееся ему чѣмъ-то грубымъ, животнымъ.

Николай поднялъ свой велосипедъ и пощупалъ шины, затѣмъ досталъ насосъ и сталъ накачивать ихъ, двигая вверхъ и внизъ не только рукой, но и всѣмъ тѣломъ. Окончивъ это, онъ снялъ съ своихъ кудрявыхъ волосъ каскетку, сдѣлалъ шутливый книксенъ и произнесъ:

— Милостивые государи и милостивыя государыни, какъ вамъ угодно, а я удаляюсь, такъ какъ обѣщалъ дамѣ вернуться черезъ полтора часа.

— Значитъ, тебя не ждать обѣдать? прервала его мать.

— Нѣтъ, не ждите, я закушу кое-что у себя. Кстати, мама... онъ на минуту замялся, повелъ мать въ сторону и сталъ ей что-то шептать.

Мать пожимала плечами и укоризненно качала головой, однако, достала кошелекъ и передала золотую монету сыну.

Тотъ поцѣловалъ ея руку, поклонился всѣмъ и пошелъ съ своимъ велосипедомъ вверхъ, но съ дороги крикнулъ Лосьеву:

— Такъ я тебя жду!

Лосьевъ кивнулъ головой.

— Не пора ли и намъ? Становится сыро,—нерѣшительно замѣтила Софья Матвѣевна.

— Нѣтъ, мама, подождемъ немного; когда луна уйдетъ съ моря, и мы уйдемъ.

— Я тоже нахожу, что становится нѣсколько сыровато. Боюсь, что у меня будетъ мигрень.

Эта поддержка ея предложенія въ устахъ Вѣтвицкаго, почти обидѣла Софью Матвѣевну за дочь.

Когда Ирина сказала, капризно надувъ губки:

— Вѣдь, это не долго. Такой вечеръ не повторится,—Софья Матвѣевна поддержала ее.

— Уступимъ ея капризу, Борисъ Сергѣевичъ, тѣмъ болѣе, что это ваша первая прогулка. Можно сѣсть тамъ... наверху. Пойдемте, тамъ не такъ сыро.

«Непремѣнно будетъ мигрень», подумалъ Вѣтвицкій. Однако, согласился и сталъ подниматься съ Софьей Матвѣевной наверхъ.

Ирина наклонилась, подняла камень и швырнула его довольно далеко въ море.

Лосьевъ поймалъ въ ея движеніи выраженіе досады и поспѣшилъ придать этому другой оборотъ.

— Ого! Вы ловко бросаете камни и совсѣмъ по-мужски.

— Я и плаваю по-мужски!—воскликнула она.

— Давайте, кто броситъ дальше!

Она увидѣла, что онъ замѣтилъ ея досаду, ей было пріятно, что онъ поспѣшилъ съ такимъ тактомъ разсѣять ее, и она благодарно на него взглянула.

— Давайте!

Онъ размахнулся и съ такой силой бросилъ свой камень, что въ сумеркахъ не было видно, гдѣ онъ упалъ, и только по отдаленному всплеску воды ясно было, что онъ шлепнулся очень далеко, и отъ этого стало странно жутко.

Мать съ Вѣтвицкимъ усѣлись на ближайшей скамеечкѣ, и, глядя на спины Лосьева и дочери, бросавшихъ каменья, она почувствовала нѣкоторую досаду, что тамъ съ ея дочерью не Вѣтвицкій, и втайнѣ удивлялась, какъ могъ онъ въ такой вечеръ, когда все такъ должно способствовать расцвѣту новаго, молодого чувства, сидѣть съ ней, оставляя свое мѣсто другому.

Ей вспомнилась ея молодость, рыцарски-сентиментальное отношеніе ея мужа, пожатіе рукъ, тихіе разговоры и уединеніе, и она вздохнула, что ея дочь не переживаетъ сейчасъ этихъ трогательныхъ, нѣжныхъ минутъ.

Когда она увидѣла, что они уже перестали бросать каменья и передъ ея дочерью стоитъ Лосьевъ и горячо ей что-то говоритъ, она крикнула:

— Ирина! Ты простудишься тамъ на пескѣ. Подымайся наверхъ.

Занятая, повидимому, бесѣдой, та, ни слова не говоря, взяла предложенную Лосьевымъ руку, и они ровнымъ, спокойнымъ шагомъ, одновременно наклоняясь то въ одну, то въ другую сторону, всходили наверхъ.

Лосьевъ продолжалъ говорить убѣжденнымъ, неоспоримымъ тономъ.

Любовь, настоящая любовь—это молнія. Она зажигаетъ мгновенно. Но бѣда въ томъ, что люди рабски боятся довѣриться ея порывамъ, какъ это въ природѣ. Имъ нужно съѣсть этотъ подлый пудъ соли, прежде чѣмъ броситься другъ другу въ объятія; самыя свѣтлыя минуты любви посыпаются этой торгашеской солью. Да, да, именно торгашеской! Скажите, развѣ это не похоже на торгашество, на какую-то ужасную мѣну! Онъ, она чувствуютъ, что полюбили другъ друга, то-есть встрѣтили, вѣрнѣе, угадали то, что въ природѣ называется пара, и вмѣсто того, чтобы слить эти два полныя сердца въ одно, они начинаютъ

переливать свои чувства изъ одной чаши въ другую, взвѣшивать, мутить и продѣлывать еще чортъ знаетъ какіе гнусные опыты, пока не расплещутъ самыхъ драгоцѣнныхъ, чистыхъ капель, изъ которыхъ каждая капля одна стоитъ цѣлаго моря этого мѣщанскаго, просоленнаго опытомъ, общностью интересовъ и тысячами другихъ пошлостей семейнаго благополучія.

Ирина, шла сильно опершись на его руку, приподнявъ другой рукой передъ юбки, задумчиво глядя на узкіе концы своихъ сѣрыхъ замшевыхъ ботинокъ, которые поочередно показывались наружу. И, точно повинуясь ихъ ритму, она склоняла и поднимала свой торсъ. Нѣкоторые изъ словъ Лосьева, особенно сильно и громко произнесенныя, долетѣли до сидящихъ наверху, и каждый изъ нихъ подумалъ: «Какъ это, однако, они такъ скоро отъ бросанія камней, перешли къ такому разговору». Когда они приблизились, Вѣтвицкій спросилъ:

— О чемъ вы такъ горячо говорили?

Она, нисколько не смущаясь, отвѣтила:

— О любви, которая вспыхиваетъ, какъ молнія.

— А поводомъ послужила ваша любовь,—добавилъ Лосьевъ.

По лицу Вѣтвицкаго скользнула едва уловимая тѣнь недоумѣнія.

Ирина это замѣтила и поспѣшила объяснить.

— Я сказала вашему товарищу, какъ неожиданно и быстро у насъ съ вами все это произошло.

Вѣтвицкаго покоробило отъ этой, по его мнѣнію, скороспѣлой и даже оскорбительной для ихъ обоюдныхъ чувствъ интимности, особенно послѣ ихъ разговора и поцѣлуя. Чувствуя обычное враждебное легкое скрипѣніе въ головѣ, онъ подумалъ: «Мигрень разыграется непремѣнно».

Вѣтвицкій поднялся, подошелъ къ периламъ обрыва, подъ которымъ глухо и зловѣще шуршало внизу уже покрытое сумракомъ море, отороченное бѣлой пѣной, которая дѣлала его траурнымъ; одинокая огненная точка, топовый фонарь на мачтѣ проходящаго парохода, свѣтилась вдали, и только по ея медленному движенію впередъ ее можно было отличить отъ звѣзды. Вокругъ было нелюдимо и глухо, волны мертвенно качали тѣнь заколоченной купальни, и отъ этого огня и отъ этой качающейся тѣни все вокругъ казалось ему еще глуше и нелюдимѣе. И онъ почувствовалъ обычное одиночество, которое шло у него изъ глубины и охватывало снаружи, какъ этотъ проникающій влажный сумракъ.

Софья Матвѣевна оглянулась вокругъ, и почувствовавъ жуткость безлюдія и запустѣнія, она сказала:

— Ну, ужъ теперь рѣшительно ѣдемъ; и твоя луна давно ушла съ моря.

На обратномъ пути всѣ точно отъ усталости молчали.

Вѣтвицкій, какъ-то осѣвъ въ своемъ тепломъ пальто, надвинувъ низко шляпу, прислушивался къ тому все разростающемуся скрипѣнію въ головѣ, котораго онъ боялся и одновременно надѣялся, что оно сейчасъ прекратится, какъ это иногда съ нимъ бывало.

Лосьевъ какъ будто погасъ послѣ своей вспышки, и лицо его сдѣлалось скучнымъ и даже ординарнымъ. Софья Матвѣевна отъ времени до времени зѣвала.

Иринѣ стало холодно, она окутала ноги пледомъ и откинулась въ уголъ коляски, безъ думъ прислушиваясь къ глухому стуку лошадиныхъ копытъ о мостовую. Изрѣдка въ ея памяти возникали отдѣльныя фразы Лосьева и слова Вѣтвицкаго; они сливались, перепутывались, но, опьяненная воздухомъ и новизною впечатлѣній, она не разбиралась въ нихъ и отдавалась ихъ приливамъ и отливамъ, какъ плавному колебанію коляски.

На углу одной изъ тихихъ улицъ коляска остановилась, и Лосьевъ, простившись со всѣми, направился въ мастерскую Николая.

Глава VII.

— На самый верхъ!—указалъ дворникъ Лосьеву мастерскую Николая, и скульпторъ побѣжалъ наверхъ, прыгая черезъ двѣ и даже три ступеньки не потому, что очень спѣшилъ въ гости, а потому, что терпѣть не могъ медленно взбираться со ступеньки на ступеньку.

На послѣдней лѣстницѣ онъ уже тяжело дышалъ, но, сдѣлавъ еще усиліе, снова переступилъ черезъ двѣ ступеньки и очутился у двери, изъ-за которой доносился женскій голосъ, подъ аккомпаниментъ гитары пѣвшій народную итальянскую канцонету.

Лосьевъ сразу узналъ и этотъ голосъ и эту канцонету, слышанную имъ наканунѣ въ паркѣ, и когда слабый, но пріятный теноръ Николая взялъ нѣсколько нотъ, онъ уже ни на минуту не сомнѣвался больше, что это тотъ самый дуэтъ.

Онъ постучалъ; пѣніе оборвалось и сразу послышалось нѣсколько голосовъ и стукъ сапогъ, а затѣмъ дверь отворилась, оттуда хлынула полоса свѣта и въ этой полосѣ стоялъ Николай, гостепріимнымъ жестомъ приглашая Лосьева войти.

Лосьевъ вошелъ съ веселымъ смѣхомъ и громкой фразой:

— Это высоко, какъ Монбланъ! Должно быть, такую же высокую лѣстницу видѣлъ Іаковъ во снѣ.

— Здѣсь воздухъ лучше и больше свѣта. Мы только что говорили о тебѣ,—вставилъ Николай между прочимъ,—тутъ есть одна особа, которая сгораетъ желаніемъ съ тобой познакомиться.

— Неправда!—отозвался тихій благороднаго тембра женскій голосъ, въ которомъ Лосьевъ узналъ голосъ пѣвицы.

— А почему же вы думаете, что я говорилъ именно о васъ?

Лосьевъ, слегка зажмурясь отъ свѣта, взглянулъ по направленію говорившей и увидѣлъ довольно высокую фигуру и красивое женское лицо съ матовой кожей безъ румянца, съ черными пышными волосами, раздѣленными прямымъ проборомъ. Она держала въ рукѣ гитару, еще продолжавшую звенѣть и во всѣ глаза глядѣла на новаго гостя.

Скульпторъ прежде всего направился къ ней, не дожидаясь, когда его представитъ Николай и, прямо глядя ей въ глаза своими вспыхнувшими глазами, назвалъ свою фамилію:

— Вы, пожалуйста, не вѣрьте тому, что онъ говоритъ,— произнесла дѣвушка, краснѣя, но не опуская своихъ глазъ передъ внимательнымъ взглядомъ Лосьева.

— О, я не такъ самонадѣянъ!—отозвался онъ, держа руку ея въ своей рукѣ.

— Нѣтъ, не потому, а потому, что я васъ не знаю и значитъ не могла интересоваться вами.

— А я васъ тоже не зналъ, а, однако, интересовался вами,— какъ бы нечаянно уронилъ онъ фразу и, не дождавшись ея отвѣта, направился къ другимъ гостямъ: Бугаеву, Кичу и Апостоли, хлопотавшимъ около бензиновой лампочки, на которой кипятился чай. Баронъ, сидя рядомъ съ дѣвушкой, настраивалъ гитару.

Большая висячая лампа освѣщала довольно просторную комнату, настоящую комнату художника, съ желѣзною печью, упраздненною по случаю наступившаго тепла, но еще не убранною отсюда, съ картинами на стѣнахъ и около стѣнъ, мольбертами, папками, коврами и драпировками, придававшими ей красивую уютность.

Огромное окно на высотѣ колокольни было открыто и въ него виднѣлись крыши зданій, освѣщенныя окна которыхъ среди деревьевъ переглядывались между собою. Далеко за ними переливались огни электрическихъ фонарей на морѣ, по временамъ окутываясь просвѣчивающимъ дымомъ и паромъ, точно не выдерживавшими этого свѣта и разрывавшимися на клочки. Даль моря темнѣла, какъ чернила и огненный глазъ маяка старался заглянуть туда и открыть тамъ мучившую его тайну.

Большой столъ, съ котораго свалили въ уголъ художественные журналы и эстампы, былъ заставленъ всевозможными закусками, бутылками съ виномъ и фруктами.

Лосьеву хотѣлось ѣсть, но онъ раньше попросилъ хозяина указать ему, гдѣ можно вымыть руки.

Одна изъ драпировокъ, вмѣсто двери, закрывала входъ въ узенькую комнатку сбоку, не то уборную, не то переднюю, такъ какъ въ ней помѣщалась вѣшалка, а въ углу виднѣлась раковина съ краномъ.

Николай провелъ его туда, извиняясь за свой примитивный умывальникъ.

— Полно. А мнѣ все это очень нравится. Но больше всего нравится твоя дѣвочка. Она прелесть.

— Столько же моя, сколько вотъ эта луна,—указалъ Николай въ окно.

— Говори! А вчерашній дуэтъ въ паркѣ?

— Онъ не сдѣлалъ ее моей. Серьезно, у нея женихъ.

«Вотъ повезло мнѣ на знакомство съ невѣстами», подумалъ Лосьевъ, сбросилъ пиджакъ, засучилъ рукава и холодная вода полилась ему на руки изъ крана. Онъ продолжалъ намыливать руки подъ журчанье и плескъ воды.

— Откуда ты добылъ ее? Судя по ея словамъ, тону—она не маркиза, но по лицу, фигурѣ, даже манерамъ и тембру голоса—это незаконная дочь... ну, по крайней мѣрѣ, графа. Каково ея position social?

— Училась въ гимназіи, но, кажется, не кончила. Она просто дочь своихъ родителей.

— Это само собой разумѣется. Но кто эти родители?

— Кажется, отецъ ея служитъ гдѣ-то или что-то въ родѣ этого.

— А она?

— Дочь своего отца.

— Еще?

— Невѣста моряка.

— Но я на это смотрю такъ же, какъ и ты,—напомнилъ онъ Николаю его легкомысленную болтовню часъ тому назадъ.

— Увѣряю тебя, я болталъ вздоръ... такъ для краснаго словца и каюсь въ этомъ.

— Въ тебѣ заговорила ревность.

— Я не имѣю права на нее.

— Ты боишься, что я, какъ выражаются моряки, обрѣжу тебѣ носъ!

— Увѣряю тебя, она порядочная дѣвушка.

— Я не придерживаюсь раздѣленія женщинъ на порядочныхъ и непорядочныхъ. Пусть только онѣ не продаются. Остальное—условность.

— Я хочу сказать...—онъ запнулся.

— Ты хочешь сказать—она невинна?

— Да. Она никого не любила.

— А морякъ?

— Мало ли дѣвушекъ выходятъ замужъ не любя.

Лосьевъ насторожился и съ дѣланной наивностью замѣтилъ:

— Ну да, изъ расчета.

— Это—счастливое меньшинство. Больше—изъ боязни остаться въ старыхъ дѣвахъ, еще больше—по неопытности.

— Послѣднее я не совсѣмъ понимаю.

— Это такъ просто,—пустился объяснять Николай.—Что знаетъ дѣвушка, выросшая въ четырехъ стѣнахъ, въ семьѣ, наблюдавшая изъ мужчинъ только своего отца да брата, а всѣхъ остальныхъ издали, по наслышкѣ. Ей достаточно незначительнаго вниманія со стороны мужчины, чтобы принять его за страсть, своей благодарности за это вниманіе, чтобы принять ее за любовь. Если еще къ этому прибавить увлеченіе какимъ бы то ни было ореоломъ, украшающимъ нашего брата, да сожалѣніе, которое вызываемъ мы своими слабостями и даже подчасъ недугами,—этого достаточно, чтобы такой суррогатъ былъ принятъ дѣвушкой за настоящее чувство.

Лосьеву хотѣлось расцѣловать его за эти слова, но ужъ конечно не потому, что это было для него новостью.

Онъ начиналъ чувствовать къ нему съ этого утра особенное расположеніе, даже нѣжность. Занятый своими мыслями, онъ довольно разсѣянно слушалъ, какъ Николай говорилъ дальше.

— Мое убѣжденіе, что дѣвушка должна быть хоть разъ обманута, прежде чѣмъ выйти замужъ. Что касается Уники...

— Какой Уники!—перебилъ его скульпторъ, вытирая сильныя грубоватыя руки.

— А это я такъ зову эту дѣвушку, Анну Павловну... Она, дѣйствительно, Уника, единственная въ своемъ родѣ, ее не такъ легко провести на пустыхъ. Эти дѣвушки, выросшія въ мѣщанской средѣ, обладаютъ удивительнымъ практической сметкой и... и упорствомъ въ извѣстныхъ вещахъ. Тутъ и здоровье, и здравый смыслъ.

— Просто онѣ больше знаютъ цѣну этимъ извѣстнымъ вещамъ.

— Пусть. Такъ вотъ, что касается Уники, она очень ясно смотритъ на эти вещи. Дуэты со мной... Она запасается опытомъ безъ всякаго риска для себя, хотя натура страстная и смѣлая. Если она полюбитъ,—это будетъ сильно и красиво. Вообще, несмотря на ея происхожденіе и отсутствіе того, что мы зовемъ воспитаніемъ, въ ней много прирожденнаго благородства, вкуса, такта.

— Да ты влюбленъ въ нее?

— Немножко.

Голоса и легкій перезвонъ настраиваемой мандолины и гитары доносились къ нимъ, смягчаемые тканью портьеръ. Когда Лосьевъ и Николай вошли въ мастерскую, Кичъ и Апостоли уже разливали чай, баронъ и Уника сидѣли на диванѣ, задрапированные въ какія-то цвѣтныя ткани, придававшія имъ цыганскій видъ, и уговаривались, что имъ играть, а Бугаевъ восторженными глазами смотрѣлъ на Унику и, улыбаясь всѣмъ своимъ ря-

бымъ, некрасивымъ лицомъ, какъ отъ счастья, просилъ ее, не смѣя назвать такъ, какъ называли ее всѣ.

— Анна Павловна, «Испанское болеро»,—чудесно у васъ это выходитъ, просто необыкновенно. Ей-Богу! — говорилъ онъ съ сильнымъ удареніемъ на о.

Она вопросительно взглянула на входившихъ, повидимому, ожидая эффекта отъ своего импровизированнаго костюма, выраженія ихъ желаній. Лосьевъ присоединилъ свой голосъ.

— Да, да, пожалуйста, Уника, если вы позволите мнѣ васъ называть, какъ они. Это такъ къ вамъ идетъ.

— Называйте.

Бугаевъ покраснѣлъ отъ ревности и зависти къ тому, что всѣмъ имъ давало право на эту смѣлость.

Уника дала знакъ барону, струны одновременно вздрогнули и слились въ одинъ аккордъ. Бравурное граціозное болеро, съ красивыми варіаціями, съ страстно игривыми, блещущими, какъ искры шампанскаго, звуками, лилось и звенѣло, какъ шампанское, опьяняя кровь, заставляя невольно дѣлать движенія въ тактъ музыкѣ. Сильнымъ взрывомъ струнныхъ звуковъ окончивъ это болеро, съ неподвижно открытыми глазами и поблѣднѣвшимъ лицомъ, она немножко театрально уронила на платье гитару.

— Уника никогда еще такъ не играла! — въ одинъ голосъ отозвались Кичъ и Апостоли.

Баронъ отбросилъ мандолину, сталъ передъ ней на одно колѣно и воскликнулъ:

— Ручку!

Бугаевъ вскочилъ съ мѣста и, возбужденно ероша длинные прямые волосы, повторялъ:

— Здорово, чортъ возьми, ей-Богу! Можно жить на свѣтѣ.

Но она глядѣла на Лосьева, машинально протянувъ руку барону, и съ нетерпѣніемъ ждала, что скажетъ онъ.

Николай, нѣсколько задѣтый молчаніемъ, воскликнулъ:

— Вѣдь это прелестно, не правда ли?

— Да, красиво,—похвалилъ Лосьевъ, поймавъ ея взглядъ и почувствовавъ, что въ этой музыкѣ было много для него; по тому вопросительному взору, въ которомъ онъ уловилъ огонекъ, не разъ видѣнный имъ въ глазахъ женщинъ при встрѣчѣ съ нимъ, онъ понялъ, что произвелъ впечатлѣніе, и эта новая маленькая побѣда влила въ него свою теплую, отравленную струйку. Онъ подсѣлъ къ ней на мѣсто барона, который все еще стоялъ на колѣняхъ и, заикаясь, выражалъ ей свои восторги.

— Ты, что хочешь ѣсть, я тебѣ положу,—напомнилъ ему о его аппетитѣ Николай.—Вотъ икра, сардинки, ветчина, анчоусы... Чего хочешь, того просишь.

— Я буду ѣсть все, я голоденъ, какъ тигръ. Уника будьте

моей укротительницей, покормите меня. Я всегда съ большимъ аппетитомъ ѣмъ изъ женскихъ рукъ, особенно такихъ красивыхъ, какъ ваши.

— Хорошо. Я буду ваша укротительница.

Уника весело встала и направилась къ столу, гдѣ неторопливо и ловко стала приготовлять тартинки и бутерброды для Лосьева.

— А вы отнынѣ мой тигръ. Такъ я и буду васъ звать.

— Развѣ я, дѣйствительно, похожъ на этого хищника?

— Да, у васъ есть что-то въ глазахъ, въ движеніяхъ. Но только не тогда, когда вы улыбаетесь.

— А что же тогда?

— Вы похожи на ребенка.

— А вѣдь это правда. Браво Уника! — съ восторгомъ привѣтствовалъ ея слова Николай.—Какъ она скоро замѣтила это. О, она удивительно наблюдательна!

Свѣтъ лампы, падая на нее сверху, когда голова ея была наклонена, оставлялъ ея лицо въ тѣни, и Апостоли съ Кичемъ, слѣдя за каждымъ ея движеніямъ, открыто любовались ею и громко перебивали другъ друга:

— Ты гляди, гляди... Это сейчасъ Вандейкъ...

— Скорѣе Рембрандъ.

А когда она поднимала голову и поворачивала лицо къ свѣту, оно становилось блѣднымъ и нѣжнымъ.

— А теперь Грёзъ.

— Къ чорту Грёзъ. Здѣсь краски... Это самъ Тиціанъ.

— Вотъ такъ всегда! Они избалуютъ меня своими комплиментами, постаралась она обратить на эти похвалы вниманіе Лосьева.

— Повѣрьте, Уника, это не комплименты,—съ тонкой, застѣнчивой улыбкой возразилъ Кичъ.

— Мы восхищаемся вами искренно, какъ художники, для которыхъ красота въ природѣ, въ женщинѣ не больше, какъ матеріалъ для искусства. Не такъ ли Саша?

— Правда,—поддержалъ его товарищъ.

— А что я вамъ говорилъ! — съ торжествомъ взглянувъ на дѣвушку, присоединился къ нимъ Николай.

Маленькій Кичъ серьезно и даже нѣсколько высокопарно продолжалъ:

— Эта красота черезъ искусство должна была бы служить откровеніемъ, утѣшеніемъ для людей, а она служитъ имъ только забавой, утѣхой. Утѣхой вмѣсто утѣшенія! — поднимая палецъ вверхъ, продолжалъ онъ.—Двѣ большія разницы, какъ говорятъ у насъ.

— Эти черти всѣ подговариваются, чтобы Анна Павловна позировала имъ, какъ натурщица,—грубовато объяснилъ Бугаевъ скульптору всѣ ихъ разглагольствованія.

— А что же, это понятно!—вслухъ отвѣтилъ ему Лосьевъ.

— Что такое?—спросилъ Николай.

— Да, вотъ, Бугаевъ шепнулъ мнѣ, что всѣ вы добиваетесь, чтобы Уника позировала вамъ нагая. И вы правы.

— Я не говорилъ этого!—закричалъ при этомъ святотатствѣ Бугаевъ, не смѣя взглянуть на дѣвушку, покраснѣвъ, какъ помидоръ, и въ ужасѣ отмахиваясь длинными руками.

Николай упалъ отъ смѣха на диванъ и задрыгалъ ногами, а Кичъ и Апостоли, пораженные этой смѣлостью, во всѣ глаза взглянули на него, а потомъ украдкой на Унику, думая, что она разсердится, обидится, смутится.

Но та только слегка покраснѣла и мелькомъ бросила на Лосьева удивленный взглядъ. Тотъ такъ же просто и безъ тѣни стѣсненія продолжалъ:

— Красота такая рѣдкая вещь, что я понимаю ревнивую досаду художника, когда она проходитъ мимо него, погибаетъ, отцвѣтаетъ и мнется жизнью и временемъ, не отраженная, не запечатлѣнная въ томъ, что онъ считаетъ единственно важнымъ и что дѣйствительно единственно важно—искусство. Образъ красоты долженъ быть общественнымъ достояніемъ. Это особенно важно для скульптуры, и я, если бы былъ королемъ, обязалъ бы красивѣйшихъ женщинъ служить моделями для скульпторовъ!—шутливо заключилъ онъ.

Художники, кромѣ Бугаева, громко возстали противъ такой монополіи скульптуры и съ болью и огорченіемъ опять перешли къ натурщицамъ. Большинство ихъ, бѣдняки, брали натурщицъ съ улицы и часто съ ужасомъ опускали карандашъ передъ тѣми уродствами, которыя обнажались передъ ними. Красота женскаго тѣла, воспитывающая глазъ, пріучавшая его съ любовью вникать въ гармонію линій, часто была недоступна имъ и они жаловались, что разучатся рисовать.

Бугаевъ все время ходилъ взадъ и впередъ, разглаживая руками и нетерпѣливо подергивая свои рѣдкіе длинные усы и то съ досадой бросая взгляды на товарищей, то испытующе и почти съ боязнью глядя на дѣвушку, опасаясь, что эти рѣчи произведутъ на нее надлежащее впечатлѣніе. Наконецъ, онъ не выдержалъ и, обращаясь къ ней, прервалъ ихъ, волнуясь и неловко выражая свои мысли:

— Чепуху они говорятъ, Анна Павловна... Ей-Богу... Не слушайте ихъ. Разучатся рисовать!.. Мало природы. Рисуй, что хочешь: лошадей, деревья, камни. Нѣтъ, имъ непремѣнно подай красивую женщину. Ну, еще скульптура туда-сюда. Она только красивымъ тѣломъ и питается и, пожалуй, издохнетъ безъ этого. А живопись! Да, Господи Боже мой, была бы охота да талантъ!.. Надо только умѣть видѣть, почувствовать. А эта красота,—онъ

указалъ на дѣвушку и съ особенной мягкостью и нѣжностью закончилъ:—пусть себѣ она живетъ на свѣтѣ и радуетъ душу. Это ужъ много... страшно много... Ей-Богу...

Всѣ хоромъ набросились на него, такъ что онъ былъ ошеломленъ, смутился, разставилъ ноги и глядѣлъ то на одного, то на другого, а потомъ сталъ хохотать, повторяя сквозь смѣхъ:

— Ну, васъ! Вотъ черти! Право, черти. Они меня поколотятъ еще.

— Собственно говоря, если хочешь, тебя и слѣдовало бы поколотить... за такую ересь... А еще художникъ!

Бугаевъ скромно улыбнулся. Онъ былъ художникъ, художникъ вплоть до ногтей своихъ, и изъ его узловатыхъ длинныхъ рукъ, которыя онъ не зналъ куда дѣвать въ обществѣ, выходили изящнѣйшія маленькія картины на дощечкахъ, не превышающихъ величину сигарнаго ящика.

— Позволь, Бугай, но вѣдь ты не отказался бы, если бы Уника согласилась тебѣ позировать такъ?—лукаво обратился къ нему Николай.

Та съ вопросительной и кокетливой улыбкой на него поглядѣла.

Онъ опять покраснѣлъ и проворчалъ:

— Отказался бы.

— Ахъ!—воскликнула она.—Я убита.

— Врешь, Бугай, врешь... Онъ вретъ... Ломается...

— Отказался бы. Ей-Богу!—еще настойчивѣе повторилъ онъ.

— Но почему?.. Почему?

— Почему?—спросила и она.

— Я бы только смотрѣлъ. Я не сдѣлалъ бы ни одной линіи. У меня бы дрожали руки.

Онъ сказалъ это съ глубокой серьезностью, не сводя съ нея ставшихъ влажными отъ застѣнчивости глазъ, но всѣ, не исключая и ея, такъ и покатились со смѣху.

Не смѣялся только скульпторъ. Онъ, пораженный тѣмъ, что въ этой некрасивой натурѣ жила такая мягкая, глубокая душа, подошелъ къ нему, растерянному и уничтоженному, съ болѣзненной чуткостью понявшему, что виной этого смѣха опять-таки все та же его проклятая некрасивость, и сказалъ съ подкупающей дружеской ласковостью:

— Такъ. Я понимаю васъ. Это красиво, что вы сейчасъ сказали.

При первыхъ же его словахъ дѣвушка перестала смѣяться.

— Ну, вотъ еще... Что тутъ красиваго!

Но скульпторъ уже загорѣлся своими мыслями.

— Красиво потому, что сильно. Только на сильную душу можетъ такъ дѣйствовать красота, природа, и я завидую вамъ. Покажите мнѣ ваши работы.

— А, не стоитъ. Послѣ.

— Нѣтъ, пусть покажетъ, пусть покажетъ.—Закричали со всѣхъ сторонъ.

— Что тамъ ночью смотрѣть. Это надо смотрѣть днемъ.

— Все равно. Лосьевъ свой братъ мастеровой.

— Да, у меня здѣсь и нѣтъ почти ничего... Ей-Богу...

— Ну, нéчего, нéчего, показывай! Да что тутъ толковать! Вотъ послѣдняя вещь его: «Поединокъ».

Николай бросился въ сторону и снялъ съ мольберта маленькую дощечку.

— Эхъ, не люблю, ей-Богу,—съ неудовольствіемъ ворчалъ художникъ, все еще упорствуя, и взявъ изъ рукъ Николая свою вещь, прищурившись, посмотрѣлъ на нее, склонивъ на бокъ голову, улыбнулся сквозь свиснувшіе усы и протянулъ Лосьеву:

— Ну, смотрите, что-ль.

Лосьевъ взглянулъ и тоже улыбнулся. Всѣ другіе толпились вокругъ него, глядя на картинку, и стали улыбаться, какъ онъ.

На заросшемъ травою глухомъ пустырѣ, съ поломаннымъ старымъ заборомъ, за которымъ синѣло осеннее небо и виднѣлась маленькая сквозная колоколенка, боролись два маленькихъ бутуза, а двое другихъ, пыжась и присѣдая отъ усиленнаго вниманія, слѣдили за этой борьбой.

Трудно было сказать, что заставляло такъ хорошо улыбаться всѣхъ,—знакомый ли съ самаго ранняго дѣтства мотивъ или веселые, свѣжіе тона картины.

— Какъ славно! Какъ славно!—повторялъ Лосьевъ.—Какъ свѣжо и тонко! И на такой дощечкѣ!

— Это прямо Мейсонье!—воскликнулъ въ восторгѣ Николай.

— Эка, хватилъ!—съ добродушнымъ смѣхомъ отозвался художникъ, убирая свою картинку и рѣшительно отказываясь показать что-нибудь другое.

— Да, онъ нашелъ самого себя!—со вздохомъ отозвался Кичъ.

— Днемъ приходите, если хотите. А то краски мѣняются при этомъ худосочномъ свѣтѣ. Теперь ты вотъ покажи свой «Вечеръ»,—обратился онъ къ Николаю.

Тотъ сталъ отказываться и скромничать въ свою очередь, но Лосьевъ настаивалъ. Ему только хотѣлось выказать Николаю вниманіе, такъ какъ онъ не надѣялся встрѣтить что-нибудь путное у этого легкомысленнаго человѣка, мальчишески гонявшагося за юбками. Но когда тотъ показалъ свою акварель, — эта темная, легкая, какъ тѣнь, фигура, съ золотымъ, какъ у святыхъ, вѣнчикомъ вокругъ головы, ступающая по окутаннымъ серебристымъ сумракомъ ступенямъ лѣстницы, терявшейся среди молитвенно склонившихся черныхъ деревьевъ, заставила его искренно воскликнуть:

— Это хорошо. Интересно. Ново. Да вы здѣсь, оказывается, молодцы.

— А ты думалъ, мы стекломъ утираемся!—хвастливо пошутилъ Николай.—Нѣтъ, братъ, орденъ тринадцати журавлей стойко держится девиза: «Лучше журавль въ небѣ, чѣмъ синица въ рукахъ». Мы предпочитаемъ скорѣе съ честью провалиться, чѣмъ держаться за старый, полусгнившій хвостъ рутины.

— Браво!

— Собственно говоря, если хотите, иначе не имѣетъ смысла заниматься искусствомъ. Надоѣло старье. Въ этомъ отношеніи, такъ сказать, мы стойко слѣдимъ другъ за другомъ.

— И судимъ провинившагося по всей строгости журавлиныхъ законовъ.

— Если хотите, этимъ, собственно говоря, и сильно наше товарищество.

— Мы держимъ боевую линію.

— И на наши выставки уже обратили вниманіе въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Мы покуда только устраиваемъ ихъ здѣсь, на югѣ, но потомъ думаемъ двинуть и туда.

— Знай нашихъ!

— Вотъ какъ! Браво! Я буду радъ, если вы посвятите меня въ свой орденъ. Я тоже держусь такого принципа, какъ вы, даже слыву, по уличнему опредѣленію, декадентомъ, но я только хочу изображать природу по своему.

— Хочешь, мы съ завтрашняго же дня начнемъ съ тобой шататься по журавлямъ. Теперь всѣ готовятся къ выставкѣ и ты увидишь насъ въ полномъ блескѣ.

— Вѣрнѣе, въ полномъ художественномъ дезабильѣ, такъ какъ мало у кого что-нибудь есть готоваго. Всѣ только собираются родить.

— Да, я до сихъ поръ не знаю, что выставлю! — грустно вздохнулъ Кичъ.

— Мы начнемъ съ нашего учителя Цвѣтаева, — продолжалъ Николай.

— Да, да, съ Цвѣтаева,—съ уваженіемъ и чувствомъ произнесли всѣ имя извѣстнаго художника.

— Затѣмъ пойдемъ къ Лозинскому, этому чудаку, скупцу и замурованному таланту, къ Бойцову и всѣмъ другимъ...

— Ну, однако, тигръ, вы забыли о ѣдѣ,—соскучившись ихъ разговорами и невниманіемъ къ себѣ, прервала ихъ Уника.—Заговорили о своемъ искусствѣ и забыли обо всемъ на свѣтѣ. И вы такой же, какъ они.

Всѣ, спохватившись, съ громкими извиненіями бросились къ ней, а Лосьевъ счелъ нужнымъ оправдаться.

— Они увлекли меня. Хотя, право, помимо всего, нельзя не считать дурнымъ тономъ всѣ эти разговоры объ искусствѣ.

Онъ поблагодарилъ Унику и принялся за ѣду.

— Вамъ вина или чаю?—продолжала Уника ухаживать за нимъ.

— Если вы чокнетесь со мною,—тогда вина.

— А если нѣтъ?

— Тогда?.. Тогда тоже вина! — со смѣхомъ отозвался скульпторъ.

— Краснаго, или бѣлаго?

— Бѣлаго.

Она налила ему стаканъ.

— А себѣ что же?

Она подумала и налила себѣ.

— Какъ, Уника также согласилась выпить вина? — удивился Николай.

— Я только глотокъ.

— Тогда и мнѣ! Чтобы чокнуться съ вами.

— Налейте и мнѣ,—попросилъ баронъ.

— И мнѣ, и мнѣ!—откликнулись другіе.

Бугаевъ мрачно попросилъ налить ему въ стаканъ водки.

Она вопросительно и съ укоромъ на него поглядѣла. Онъ отвернулся.

— Но, вѣдь, вы только что предъ ихъ приходомъ обѣщали мнѣ не пить.

Онъ вспыхнулъ.

— Мало ли что! Вы вотъ никогда не пьете, а сейчасъ хотите выпить. Я тоже хочу чокнуться съ вами, — прибавилъ онъ съ насильственной улыбкой, видя, что она поморщилась при его грубоватомъ замѣчаніи.

— Нѣтъ, вы не будете пить, — упрямо заявила она, повидимому, только ради того, чтобы настоять на своемъ.

— А вы будете?

— Я буду. И выпью цѣлый стаканъ, если вы станете такъ коситься.

Чтобы скрыть свое смущеніе, онъ пятерней откинулъ волосы и съ неуклюжей покорностью сказалъ:

— Ну, хорошо. Тогда я... чаемъ чокнусь съ вами. Налейте.

— То-то же!

— Ого! Да вы и впрямь укротительница звѣрей! — небрежно уронилъ фразу Лосьевъ, которому не понравилась эта настойчивость и показное вліяніе на Бугаева. Всѣ тоже замѣтили эту сцену, переглянулись между собою, удивляясь ея несдержанности. До сихъ поръ она ровно относилась ко всѣмъ, никого не балуя предпочтеніемъ.

Неужели въ этихъ замѣтныхъ имъ и немного обидныхъ для нихъ мелочахъ виноватъ Лосьевъ, котораго она видѣла въ первый разъ?

«Кажется, я напрасно такъ старался заинтересовать ее этимъ малымъ», подумалъ не безъ ревнивой досады Николай, но его успокоило одно обстоятельство, не ускользнувшее отъ его хитрыхъ глазъ,—это, что Лосьеву больше нравилась Ирина. «Нѣтъ, ужъ я лучше постараюсь вовлечь его въ ту невыгодную сдѣлку, чѣмъ допустить до этой дѣвочки», рѣшилъ онъ и, протянувъ скульптору свой стаканъ, тихо и интимно сказалъ:

— Чокнемся за счастье Ирины.

Лосьевъ живо обернулся къ нему.

— Охотно. О, она несомнѣнно будетъ счастлива!

— Съ нимъ?

— Ну, разумѣется. Что за вопросъ!

Николай только еле замѣтно шевельнулъ бровью и, вмѣсто отвѣта, звонко чокнулся съ Лосьевымъ, взглянувъ ему прямо въ глаза.

Лосьева сбила съ толку эта неожиданная выходка и онъ готовъ былъ приписать ее тому, что Николай уже успѣлъ порядочно выпить.

Отъ Уники не ускользнули ни этотъ тостъ, ни живость, съ которой отозвался на него скульпторъ, и она вдругъ безотчетно притихла.

Художники ѣли, пили, дурачились и смѣялись, и въ ихъ дурачествѣ было много ребяческаго, но къ ней вернулось ея прежнее настроеніе только тогда, когда Лосьевъ сталъ многозначительно просить ее спѣть съ Николаемъ ту итальянскую канцонету, которую онъ слышалъ при входѣ.

Она согласилась, но спѣла эту пѣсенку уже безъ особеннаго увлеченія и, сама признавшись въ этомъ, заявила, что устала и потому хочетъ идти домой.

Лосьевъ тотчасъ же вызвался проводить ее.

Она вопросительно взглянула на Бугаева.

Тотъ опустилъ голову и, казалось, затаилъ дыханіе въ ожиданіи отвѣта.

Ей стало жаль его.

— Васъ слѣдовало бы наказать за непослушаніе, но я всегда исполняю свои обѣщанія.

Она обернулась къ Лосьеву.

— Благодарю васъ. Меня проводитъ Бугаевъ.

— Но позвольте, Уника, вѣдь это же не мазурка, которую вы обѣщали ему одному. Мы всѣ можемъ идти провожать васъ!—возсталъ Николай.

— Конечно, — четко выговаривая букву ч, — обрадовалась Уника.—И вы пойдете, тигръ?

— И я пойду, Уника.

Лицо Бугаева замѣтно омрачилось, но ему ничего не оставалось, какъ примириться съ этимъ. Онъ грустно помогъ ей надѣть скромную черную кофточку и, въ ожиданіи, когда одѣнутся другіе, подошелъ къ окну.

Ночь нѣсколько измѣнилась. Мѣсяцъ давно уже скрылся и за окномъ стало темно и сыро. Молочно-мутный туманъ обволокъ всѣ зданія, въ которыхъ огоньки уже не переглядывались между собою, а кое-гдѣ блестѣли въ туманѣ, какъ багровые угли изъ-подъ пепла. Моря не было видно совсѣмъ и даже огни его просачивались едва замѣтно сквозь густой влажный воздухъ, и слышно было, какъ на маякѣ глухо и неестественно страшно ревѣла сирена и колебались безпомощные колокольные удары, которые глотала ночь.

— Я не стану закрывать окна, а то мы здѣсь такъ накурили, что плавать можно,— отворяя дверь наружу, сказалъ Николай.

— Я нынче ночую у тебя,—заявилъ Бугаевъ.—Можно?

— Понятно. Только у меня здѣсь нѣтъ постельнаго бѣлья.

— Чепуха! А то мнѣ далеко къ себѣ, да и работать я завтра примусь съ утра,—старался оправдать Бугаевъ свою фантазію.

Они гурьбой вышли наружу.

Туманъ обволокъ ихъ со всѣхъ сторонъ, прилипая къ платью и дѣлая его тяжелымъ. Не было видно не только звѣздъ, но и самого неба. Все расплывалось, терялось и глохло, и предметы казались жидкими, готовыми разлиться, раствориться въ этой проникающей ихъ таинственной ѣдкой сырости. Воображеніе невольно искало неестественныхъ образовъ, даже чудовищъ. Черныя, окутанныя густымъ покровомъ, деревья поднимались съ обѣихъ сторонъ улицы, согбенныя, точно несущія на своихъ плечахъ эту глухую, тяжелую ночь. При траурномъ свѣтѣ фонарей, казавшихся дымными, какъ погребальные факелы, этотъ свѣтъ ихъ круглыми пятнами просачивался во мракъ и на нихъ кое-гдѣ чернѣли спутанныя паутиной голыя вѣтви деревьевъ, похожія на паучьи сѣти.

— Должно быть вотъ такъ на днѣ моря,—съ жуткостью въ голосѣ передала свое впечатлѣніе ихъ спутница.

— А мнѣ такъ это нравится!—мрачно возразилъ Бугаевъ.

— Ну, что тутъ можетъ нравиться! — съ досадой отозвался скульпторъ.—Это болѣзнь природы, ея бредъ. Надо любить солнце, свѣтъ, радость жизни.

— Да, кому эта жизнь улыбнется.

— А вы сами улыбайтесь ей, и она улыбнется вамъ.

— Слова это только.

— Да, но это мои слова, а мои слова—часть меня самого,— сухо отозвался скульпторъ.

Эта сырость и въ немъ, и въ его товарищахъ вызывала безотчетное раздраженіе и подавляла ихъ. Они миновали церковь, казавшуюся въ туманѣ огромной и мягкой, какъ сажа и колеблющейся, и совсѣмъ пошли молча. Слышенъ былъ только глухой шумъ подошвъ, прилипавшихъ къ мокрому, жирному асфальту, да равномѣрный стукъ большой китайской палки Кича.

Иногда съ деревьевъ срывались тяжелыя капли и падали, какъ свинецъ, на тротуаръ.

При прощаніи скульпторъ товарищескимъ тономъ сказалъ дѣвушкѣ, слегка задерживая ея руку въ своей.

— Если вамъ, Уника, придетъ въ голову добрая мысль посѣтить меня, я буду очень радъ.

— Я прійду къ вамъ, тигръ,—также твердо отвѣтила она.— Прощайте, Бугаевъ!

— Прощайте! — безнадежнымъ тономъ выговорилъ онъ и, только кивнувъ своимъ товарищамъ, быстро пустился назадъ. Скоро высокая и неуклюжая фигура его потонула въ туманѣ.

Они двинулись обратно.

— Чудакъ! Даже не простился какъ слѣдуетъ,—замѣтилъ Кичъ.

— Точно топиться побѣжалъ:—со смѣхомъ отозвался Николай.

— Если хотите, собственно говоря, онъ влюбленъ въ Унику.

— Ну, разумѣется, влюбленъ. Онъ всегда въ кого-нибудь влюбленъ, но бѣднягѣ не везетъ по этой части! Такъ до завтра,— обратился Николай къ Лосьеву.—Мы, не откладывая, съ утра начнемъ наши визиты.

— Ахъ, да! Да!

— Заѣхать за тобой или ты за мной заѣдешь? — въ видѣ легкаго испытанія задалъ вопросъ Николай.

— Пожалуй, удобнѣе, если я. У меня еще безпорядокъ.

— Конечно, это удобнѣе и для меня, — улыбаясь въ усы, отозвался Николай, и они разошлись въ разныя стороны.

Только Кичъ и Апостоли пошли вмѣстѣ, всегда провожая одинъ другого.

У Вѣтвицкаго въ эту ночь была безсонница, и онъ одѣтый бродилъ подъ стеклянымъ потолкомъ, который также былъ мутенъ, какъ туманъ, и также дѣлалъ большую пустынную залу похожей на дно моря.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО ЯПОНІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

„Если вы пробыли въ Японіи шесть недѣль, вы все понимаете. Черезъ шесть мѣсяцевъ вы начинаете сомнѣваться. Черезъ шесть лѣтъ вы ни въ чемъ не увѣрены“ Petrie Watson «Japan“, ст. 9.

Есть какая-то грань между всѣмъ, выработавшимся вѣками, духовнымъ складомъ европейца и японца, между самымъ угломъ зрѣнія того и другого. Въ этомъ различіи нѣтъ, конечно, ничего мистическаго и абсолютнаго, оно достаточно объясняется естественными историческими и географическими причинами. Быть можетъ, со временемъ тѣсныя международныя сношенія и взаимное треніе народовъ изгладятъ самое воспоминаніе о немъ. Но въ настоящее время это неуловимое «нѣчто», мѣшающее европейцу разобраться до дна въ душевной жизни японца, взглянуть на міръ его глазами, предсказать въ каждомъ данномъ случаѣ его поступокъ, однимъ словомъ понять его психологію—еще очень сильно. Поэтому такъ разнообразны и противорѣчивы отзывы о немъ жившихъ тамъ европейцевъ и такъ противоположны ходячія характеристики. Европеецъ, сколько бы онъ ни прожилъ въ Японіи, едва ли можетъ установить вполнѣ правильную психологію японскаго народа. Онъ неизбѣжно будетъ прилагать къ нему свои европейскія мѣрки и или пойметъ его невѣрно, или совсѣмъ не пойметъ. Одинъ изъ послѣднихъ опытовъ дать ключъ къ пониманію японской націи, появившійся въ текущемъ 1904 году, начинается слѣдующимъ заявленіемъ: «Что неясно въ этой книгѣ,—пишетъ самъ авторъ,—это мнѣніе автора о Японіи. Оно заключается въ томъ, что Японія непонятна, не можетъ быть понята. Положимъ, это самая избитая вещь, какую онъ или кто-либо другой можетъ сказать о Японіи. Тѣмъ не менѣе, написавъ цѣлую книгу, онъ можетъ повторить только это. Это его исповѣдь. Онъ не понимаетъ Японіи. Основа его книги—непонятность, непостижимость, таинственность Японіи. Онъ написалъ книгу о томъ, чего онъ не понимаетъ,—фактъ, не новый въ литературѣ. Онъ прожилъ въ Японіи три года въ непосредственномъ, тѣсномъ, ежедневномъ общеніи съ населеніемъ, съ его задачами, съ

его политикой. Тѣмъ не менѣе онъ не понялъ Японіи» *). Какъ мало отличаются эти слова отъ того, что сказалъ нашъ русскій путешественникъ Гончаровъ, посѣтившій Японію въ 1854 году, когда ея гавани впервые были открыты для европейцевъ. «Да гдѣ же это я въ самомъ дѣлѣ!—восклицаетъ онъ во время званнаго обѣда у японцевъ.— Кто кругомъ меня съ этими смуглыми, какъ у мумій, щеками, съ поникшими головами и полуопущенными вѣками, въ длинныхъ широкихъ одеждахъ, неподвижные, едва шевелящіе губами, изъ-за которыхъ съ подавленными вздохами вырываются неуловимые для нашего уха глухіе звуки?.. Ужъ не древніе ли покойники встали изъ тысячелѣтнихъ гробницъ и собрались на совѣщаніе?.. Ходятъ ли они, улыбаются ли, поютъ ли, пляшутъ ли? Знаютъ ли нашу человѣческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли въ долгомъ снѣ, какъ живутъ люди» **). А между тѣмъ съ тѣхъ поръ прошло полвѣка, и Японія изъ страны дѣйствительно никому невѣдомой превратилась въ страну всѣмъ интересную и всѣмъ извѣстную хотя бы по наслышкѣ. Намъ кажется поэтому, что единственный способъ составить себѣ хоть нѣкоторое самостоятельное представленіе о Японіи заключается въ томъ, чтобы заранѣе отказаться отъ всякой попытки проникнуть въ душу японскаго народа и ограничиться изученіемъ ея исторіи и ея современнаго соціальнаго и экономическаго строя. Настоящіе очерки и представляютъ собой попытку свести разбросанныя въ разныхъ трудахъ данныя, касающіяся природныхъ условій Японіи, ея исторіи и ея современнаго положенія.

Литература.

K. Rathgen. „Japans. Volkswirtschaft und Staatshaushalt". Leipzig, 1890. Одно изъ самыхъ солидныхъ изслѣдованій по исторіи и соціально-экономическому строю современной Японіи.

Hesse Wartegg. „China und Japan". Leipzig. 1897. Путешествіе и очерки быта японцевъ.

Xr. Siebold. „Nippon Archiw zur Beschreibung von Japan". Leipzig, 1897. Серьезное этнографическое изслѣдованіе и путешествія.

Helmolt. Weltgeschichte. Одна часть представляетъ сжатый очеркъ исторіи Японіи.

Tokuzo Fukuda, dr. der Stadtswirtschaft. „Die gesellschaftliche und wirtschaftliche Entwickelung in Japan". Stuttgardt, 1900 г. Очень обстоятельная экономическая исторія Японіи, написанная японцемъ.

Dr. Toyokisti Harada. „Die Japanischen Inseln". Berlin, 1890. Топографически-геологическое изслѣдованіе, составленное японцемъ.

Adolf Fischer. „Wandlungen im Kunstleben Japans". Berlin, 1900. Очерки современнаго состоянія живописи и скульптуры въ Японіи.

Dr. Ehrn Schultze. „Freie öffentliche Bibliotheken". Stettin, 1900.

---

*) W. Petrie Watson „Japan: Aspects and Destinies". London, 1904. Preface.

**) „Фрегатъ Паллада", т. 7, стр. 198.

Dr. Ioseph Lauterer. „Japan—das Land der aúfgehenden Sonne". Lepzig. 1902. Готовится русскій переводъ.

Dr. Brunn. „Die Japanishe Verfassungskunde". Leipzig. Переводъ съ японскаго. Дословный текстъ японской конституціи.

Chamberlain. „Tings Japanese". Необходимая справочная книга для изученія Японіи. London, 1902.

W. E. Griffis. „The Mikado's Empire". New-York, 1894. Серьезная работа по исторіи Японіи.

W. Griffis. „The Religion of Japan". New-York, 1895.

David Murray. „Japan". London, 1894. Подробная исторія Японіи до 1868 г.

R. Alcock. „Art and art Industries in Japan". London, 1878.

A. Colquhoun. „The Mastery of the Pacific". London, 1902.

Petrie Watson. „Japan: Aspects and Destinies". London, 1904. Опытъ психологической характеристики японцевъ.

Henry Dumolard. „Le Japon politique, économique et sociale". Paris, 1903. Есть русскій переводъ.

André Bellesort. „La société japonaise". Paris, 1904. Впечатлѣнія туриста.

W. G. Aston. „La Literature japonaise". Paris, 1904. Есть русскій переводъ

Богуславскій. „Японія". Изданіе при содѣйствіи генеральнаго штаба. Спб. 1904 г. Богатая матеріаломъ справочная книга.

А. Беконъ. Женщина въ Японіи". Русскій переводъ англійскаго сочиненія „Japonese Girls and Women". New-York, 1903.

Муттеръ. „Исторія живописи въ XIX вѣкѣ". Спб., 1900 г., т. II.

Воейковъ. „Климаты земного шара". Спб., 1884 г.

Шрейдеръ. „Японія и японцы". Спб., 1895 г.

Южаковъ. „Добровольцъ Петербургъ". Спб., 1895 г. Очень интересная глава посвящена положенію женщины въ Японіи.

Головинъ. „Въ плѣну у японцевъ въ 1811—1813 г.". Спб., 1851 г.

Максимовъ. „На дальнемъ востокѣ". 1894 г.

I.

Природныя условія Японіи.

1.

«Когда я вызываю въ памяти безчисленныя страны, какія я видѣлъ въ различныхъ частяхъ земного шара, я не могу найти ни одной, которая по чудной красотѣ мѣстоположенія, по идиллической прелести могла бы сравниться съ Японіей — этимъ раемъ восточной Азіи». Такъ говоритъ нѣмецкій путешественникъ Гессе-Вартегъ, объѣхавшій Японію въ 1897 году и имѣвшій дѣйствительно богатый матеріалъ для сравненія. Передъ тѣмъ онъ издалъ рядъ описаній своихъ путешествій по разнымъ частямъ Европы, Азіи, Африки и Сѣверной и Южной Америки. Съ этимъ мнѣніемъ сходятся, впрочемъ, отзывы всѣхъ почти изслѣдователей и туристовъ, посѣщавшихъ Японію. По разнообразію природы Японія не имѣетъ себѣ равныхъ, по красотѣ отдѣльныхъ пейзажей она можетъ соперничать съ самыми прославленными уголками Стараго и Новаго Свѣта.

Пространство поверхности японской имперіи составляетъ около

363.000 кв. верстъ (или километровъ), т.-е. по территоріи она приблизительно равна Финляндіи (328 т.) и немногимъ больше Англіи (275 т.). Береговая же линія Японіи достигаетъ 25.776 верстъ. Узкая полоса составляющихъ ее острововъ протянулась на громадное пространство отъ 22° до 51° сѣверной широты. Сѣверные пункты ея — Курильскіе острова лежатъ на одной широтѣ съ средней полосой Россіи, съ Берлиномъ и Лондономъ, а Формозу пересѣкаетъ пополамъ тропикъ Рака, т.-е. она соотвѣтствуетъ Сахарѣ и югу Аравіи. Если даже взять собственно Японію, исключивъ Формозу и мелкіе присоединенные острова, то она все-таки займетъ по меридіану протяженіе почти отъ 30° до 50° градуса, т.-е. приблизительно отъ Варшавы или Лондона до Каира. Это громадное протяженіе Японіи съ сѣвера на югъ въ связи съ ея островнымъ характеромъ *) создаетъ въ ней большое разнообразіе климатовъ и чрезвычайное богатство растительности. Положеніе среди океана дѣлаетъ климатъ Японіи морскимъ и влажнымъ, но не сглаживаетъ его разницы въ отношеніи температуры **). Зависитъ это оттого, что восточные и южные берега Японіи омываются теплымъ океанскимъ теченіемъ Куро-Сива, между тѣмъ какъ съ сѣвера и сѣверо-запада, наоборотъ, проходитъ холодное Курильское теченіе. Вслѣдствіе этого зима на сѣверѣ Японіи, на островѣ Хоккаида и даже въ сѣверной части Ниппона, соотвѣтствуетъ нашей Финляндіи и сѣверной Швеціи, между тѣмъ какъ на югѣ она не холоднѣе, чѣмъ въ сѣверной Италіи — средняя температура января 0°. Лѣтомъ разница еще больше, такъ какъ на сѣверѣ Японіи и лѣтняя температура равняется приблизительно нашей Финляндіи, между тѣмъ какъ на югѣ средняя температура + 27° по Цельсію, т.-е. выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, приблизительно такъ, какъ въ нашемъ Закавказьѣ. Сильные вѣтра—Японія лежитъ еще въ области муссоновъ,—дующіе зимой преимущественно съ сѣверо-востока, а лѣтомъ съ юго-запада, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ съ моря, приносятъ туда массу влаги и вызываютъ лѣтомъ сильнѣйшіе дожди, а зимой обильный снѣгъ. Снѣгъ даже въ южныхъ частяхъ Японіи выпадаетъ въ такомъ изобиліи, что иногда покрываетъ землю на нѣсколько футовъ. Постоянная влажность атмосферы и сильная жара лѣтомъ при мягкой снѣжной зимѣ даютъ возможность на югѣ Японіи развиться буйной, почти тропической растительности. При первыхъ же холодахъ густой снѣгъ окутываетъ естественнымъ покровомъ растенія и защищаетъ ихъ отъ холода. Эта роскошная растительность на фонѣ причудливо изрѣзан-

---

*) Японская имперія состоитъ изъ 523 острововъ, изъ нихъ 4 большіе Ниппонъ (Хондо), Шикоку, Кіу-Сіу и Іезо или Хоккаидо, нѣсколько среднихъ—Садо, Окушима, Цушима, Икишима, Аваджи, остальные мелкіе, исключая Формозы.

**) Всѣ климатическія данныя взяты у Воейкова „Климаты земного шара". Спб., 1884 г.

ныхъ гористыхъ береговъ, создаетъ тѣ волшебные пейзажи, которые поражали и восхищали всѣхъ путешественниковъ, впервые подъѣзжавшихъ къ Японіи. Главная дорога къ Японіи идетъ обыкновенно отъ одного изъ китайскихъ портовъ, по большей части Шанхая, къ Нагасаки. Бухта Нагасаки — это первый японскій пейзажъ, который можно найти чуть не у всякаго европейскаго путешественника, побывавшаго въ Японіи. Ее же первую привѣтствовалъ Гончаровъ, въ ту эпоху, когда Японія была еще заповѣдной страной, внутрь которой не могъ заглянуть иноземецъ.

«Что это такое!—восклицаетъ онъ, стоя на борту фрегата «Паллада».—Декорація или дѣйствительность? Какая мѣстность! Близкіе и дальніе холмы, одинъ другого зеленѣе, покрытые кедровникомъ и множествомъ другихъ деревьевъ—нельзя разглядѣть какихъ, толпятся амфитеатромъ, одинъ надъ другимъ. Нѣтъ ничего страшнаго, все улыбающаяся природа. За холмами вѣчно смѣющіяся долины, поля... А вотъ и Нагасаки! Какіе виды кругомъ, что за перспектива вдали!.. Декорація бухты, рейда, со множествомъ лодокъ, страннаго города, сѣренькихъ домовъ, проливовъ и холмовъ, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ холмахъ, все такъ гармонично, живописно, непохоже на дѣйствительность, что сомнѣваешься, не нарисованъ ли весь этотъ видъ, не взятъ ли цѣликомъ изъ волшебнаго балета? Вездѣ уступы, мыски или отставшія отъ берега, обросшія зеленью и деревьями глыбы земли. Мѣстами группы зелени и деревьевъ лѣпятся на окраинахъ утесовъ, точно исполинскіе букеты цвѣтовъ. Вездѣ перспективы, картины, точно артистически обдуманная прихоть!» *). Эпитеты сказочный, волшебный, феерическій такъ и пестрятъ во всѣхъ описаніяхъ южныхъ береговъ Японіи. «При взглядѣ на эти олимпійски прекрасные пейзажи невольно приходитъ въ голову, что они должны быть населены греческими богинями или сказочно прелестными сестрами г-жи Хризантемъ», говоритъ Вартегъ. Но Гончаровъ смотрѣлъ на эти чудные берега только съ борта «Паллады». Если бы онъ могъ осуществить свое желаніе и пройтись по цвѣтущимъ лѣсистымъ холмамъ, онъ увидѣлъ бы тамъ не одни кедры. На всемъ южномъ островѣ Японіи, Кіу-Сіу, растительность настоящая тропическая—магноліи, камфарное дерево, фикусы, криптомеріи, апельсинныя и бамбуковыя рощи и изрѣдка пальмы, не говоря о безчисленныхъ цвѣтущихъ кустарникахъ, чередуются съ рисовыми плантаціями и на южныхъ склонахъ взбираются довольно высоко — выше 1.000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Такой же живописный характеръ береговъ и такое же богатство растительности сохраняется и дальше къ сѣверу. Особенно славится по красотѣ такъ называемое Внутреннее Японское море. Это море раз-

*) „Фрегатъ Паллада", стр. 12. Т. II.

дѣляетъ главные острова Японіи—Ниппонъ (Хондэ), Кіу-Сіу, Шикоку и Аваджи. Оно тянется не широкой полосой на 350 верстъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ; въ ширину оно не больше пятидесяти верстъ, а мѣстами съуживается такъ, что превращается въ узкій проливъ въ нѣсколько верстъ шириной. Съ Японскимъ моремъ оно соединяется однимъ узкимъ Симоносекскимъ проливомъ, а съ Великимъ океаномъ тремя болѣе широкими. По всему его протяженію разбросано множество мелкихъ островов и цѣлыхъ группъ живописныхъ островковъ. Вообще Внутреннее море и его прибрежья считаются самой живописной мѣстностью Японіи. «Чтобы получить приблизительное представленіе объ Внутреннемъ морѣ,—пишетъ Вартегъ,—надо вообразить себѣ прославленное итальянское Лаго-Маджіоре съ его Барромейскими островами, только въ сто разъ увеличенное. Никакой другой уголокъ земли не можетъ выдержать сравненія съ нимъ, и даже Лаго-Маджіоре далеко не такъ очаровательно и въ то же время величественно... Сотни, тысячи островов разбросаны по его поверхности; острова всякихъ величинъ, кончая крошечными въ нѣсколько метровъ высоты скалами, торчащими изъ воды. И всѣ они такъ живописны по формамъ и такъ художественно сгруппированы, что не устаешь удивляться ихъ идеальной красотѣ... Вдали, точно декораціи, поднимаются высокія горныя цѣпи, то покрытые лѣсомъ склоны, то голыя и угрюмыя пики вулкановъ. По спокойной глади воды снуютъ взадъ и впередъ безчисленныя парусныя лодки со своими ослѣпительно-бѣлыми четырехъугольными парусами»... Потомъ эти оживленныя, веселыя картины смѣнялись другими—вокругъ узкихъ проливовъ тѣснятся грозныя скалы, волны съ шумомъ ударяются объ нихъ и разсыпаются бѣлой пѣной. Пароходъ долженъ съ большею осторожностью проходить черезъ эти тѣснины. Потомъ море снова расширяется и изъ голубыхъ волнъ вырастаютъ причудливые острова. Чуть только островокъ побольше, на немъ уже правильными террасами тянутся обработанныя поля. «А въ зеленыхъ долинахъ, подъ тѣнистыми рощицами пріютились чистенькіе домики земледѣльцевъ. Иногда на берегу виднѣются города побольше, съ ихъ храмами и пагодами и оживленнымъ пароходнымъ движеніемъ у пристаней» *).

Внутреннее море самый большой водный резервуаръ внутри Японіи. Озеръ въ ней немного. Большое озеро Бива, въ самомъ узкомъ мѣстѣ острова Ниппона, явившееся по преданію въ одну ночь, и еще нѣсколько меньшихъ. Рѣкъ и рѣчекъ, наоборотъ, очень много. Все это во большей части быстроводныя горныя рѣки, сильно переполняющіяся въ періодъ дождей и во время таянія снѣговъ и очень усыхающія зимой и лѣтомъ. Тѣмъ не менѣе для внутренняго сообщенія эти рѣки

*) Hesse Wartegg. „China und Japan“, стр. 361.

играютъ значительную роль. Всевозможные товары легко сплавляются по нимъ въ японскихъ плоскодонныхъ лодкахъ, фуне. Истоки всѣхъ этихъ рѣкъ лежатъ въ безчисленныхъ горныхъ цѣпяхъ, перерѣзывающихъ Японію.

Японія чрезвычайно гористая страна. Изъ европейскихъ странъ она можетъ быть сравнена въ этомъ отношеніи только со Швейцаріей. Средняя высота горъ отъ 6.000 до 7.000 футовъ, хотя есть вершины, достигающія 9.000 и выше, одна гора на островѣ Хоккаидо—Токаси-Тако имѣетъ 11.500 футовъ, а знаменитая японская гора—вулканъ Фуджи-Яма имѣетъ 13.438 футовъ, т.-е. почти равняется Монблану (14.000). Она имѣетъ почти правильную конусообразную форму и вершина ея покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Во всей Японіи она пользуется большой извѣстностью и любовью. Громадное большинство остальныхъ японскихъ горъ не достигаетъ линіи вѣчныхъ снѣговъ. Только въ ущельяхъ и разсѣлинахъ, защищенныхъ отъ солнца, лежитъ тамъ годами не тающій снѣгъ. Главное направленіе японскихъ горныхъ хребтовъ—съ сѣверо-востока на юго-западъ или съ сѣвера на югъ, т.-е. параллельно главной оси гряды японскихъ островокъ. Вслѣдствіе этого горы тамъ еще увеличиваютъ разницу между восточной и западной частями островокъ. Теплый вѣтеръ, дующій зимой съ Великаго океана, отъ теченія Куро-Сива, задерживается горами, онѣ же служатъ преградой для холодныхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, дующихъ съ Азіатскаго материка. Поэтому климатъ вообще гораздо мягче и зимы теплѣе на востокѣ Японіи. Но оказывая замѣтное вліяніе на климатъ страны, горы Японіи не мѣшали существованію и развитію внутреннихъ сношеній между жителями. Для этого онѣ недостаточно высоки и, кромѣ того, по всѣмъ направленіямъ перерѣзаны долинами. Удобные проходы есть вездѣ, даже въ самыхъ высокихъ хребтахъ.

Изъ минеральныхъ богатствъ, добываемыхъ въ японскихъ горахъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ мѣдь. Добыча ея все увеличивается и въ послѣдніе годы возросла до милліона слишкомъ пудовъ ежегодно, такъ что Японія заняла по добычѣ мѣди четвертое мѣсто среди другихъ странъ. Благородные металлы добываются тамъ въ значительно меньшихъ количествахъ. Золота очень немного на Хоккаидо и серебра въ западныхъ хребтахъ Ниппона. За послѣднее время разработка серебра уменьшилась, вслѣдствіе паденія цѣнъ на этотъ металлъ. Желѣзо довольно высокаго качества, но добыча его не особенно значительна. Драгоцѣнными камнями японскія горы не особенно богаты. Изъ нихъ чаще всего встрѣчается аметистъ и горный хрусталь. Главное ископаемое богатство Японіи—каменный уголь. Залежи его встрѣчаются больше всего на Хоккаиде въ сѣверной части Ниппона и на Кіу-Сіу. Японскій уголь не самаго высокаго качества, уступаетъ англійскому и американскому, но тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ очень большой сбытъ и разработка его все

увеличивается, такъ что уже въ 1898 году она дошла до 415 милліоновъ пудовъ. Далѣе можно упомянуть нефть, добыча которой тоже все растетъ, сѣру и свинецъ.

Наибольшая часть японскихъ горъ и плоскогорій покрыта лѣсами или своеобразными японскими лугами, «хара», поросшими самыми разнообразными цвѣтущими растеніями и кустарниками. Безчисленные виды роскошныхъ японскихъ лилій, мимозы, ирисы, хризантемы, вишневый кустарникъ и тысячи другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ европейцамъ растеній заполняютъ эти естественные цвѣтники, роскошнымъ ковромъ покрывающіе склоны горъ, недоступные для обработки. Еще выше надъ ними, на уровнѣ болѣе 3.000 футовъ, начинается лѣсистый поясъ и поднимается вверхъ еще тысячи на четыре футовъ. На югѣ эта полоса подымается еще выше, на сѣверѣ спускается ниже. Характеръ лѣсовъ, конечно, тоже сильно измѣняется съ сѣвера на югъ. На югѣ—апельсинныя рощи, магноліи, фикусы, бамбуковыя рощи и пальмы; на сѣверѣ—сосна, пихта и другія знакомыя намъ хвойныя деревья. Впрочемъ, хвойныя деревья встрѣчаются и въ южныхъ полосахъ Японіи. Но всего лучше лѣса въ центральной Японіи, въ средней части острова Ниппона, къ сѣверо-западу отъ Токіо. «Это поистинѣ царство небесное!—воскликнулъ Вальтеръ фонъ-Фогельвейде, войдя въ нѣмецкій лѣсъ,—такъ начинаетъ свое описаніе японскихъ лѣсовъ Лаутереръ.—Но еще лучше остатки лѣсовъ въ южной Европѣ, еще красивѣе кажутся мнѣ лѣса въ Сѣверной Америкѣ. Прекраснѣе вѣчно зеленый лѣсъ Патагоніи и Новой Зеландіи, прекраснѣе, перевитыя ліанами чащи восточной Австраліи, величественнѣе дѣвственные лѣса по теченію Амазонки въ Бразиліи, но прекраснѣе дивныхъ лѣсовъ близъ Никко въ средней Японіи я ничего не видалъ. Нога человѣка никогда не вступала въ болѣе величественный, болѣе торжественный лѣсъ, чѣмъ лѣсъ кедровъ, простирающихъ къ небу свои вѣтви близъ Никко въ Японіи» *).

Въ общемъ лѣса покрываютъ 53% всей поверхности Японіи. Затѣмъ около 30% занимаетъ неудобная земля, т.-е. вершины горъ, на которыхъ ничего не растетъ, «хара» и другіе участки, не поддающіеся обработкѣ, и только 17,5% составляетъ обработанная поверхность. Почва почти на всемъ протяженіи Японіи не особенно хорошаго качества, это по большей части образовавшаяся отъ вывѣтриванія горныхъ породъ глина, суглинокъ, супесокъ и песокъ. Но благодаря прекрасному, частью естественному, частью искусственному орошенію, почва эта оказывается очень плодородной. Большая часть (90%) обработанной площади Японіи занята пищевыми растеніями. Изъ нихъ первое мѣсто безусловно принадлежитъ рису, занимающему 46% всей пищевой площади. Дальше идетъ ячмень (20%), пшеница, просо, го-

*) Lauterer „Japan, das Land der aufgehenden Sonne“, ст. 307.

рохъ, бобы и картофель простой и сладкій, занимающій послѣднее мѣсто въ ряду пищевыхъ растеній. Изъ остальныхъ растеній въ Японіи культивируется чайное дерево, постепенно все болѣе распространяющееся тамъ; шелковица, — также какъ и чай, — преимущественно на Ниппонѣ и на южныхъ островахъ, потомъ хлопокъ, табакъ, конопля и индиго. Наибольшимъ распространеніемъ пользуются шелковичныя плантаціи, занимающія почти 5% всей обработанной площади.

Вообще, несмотря на не особенно высокое достоинство почвы, въ Японіи ни одинъ клочокъ земли, поддающійся хоть какой-нибудь обработкѣ, не пропадаетъ даромъ. А что не поддается обработкѣ человѣческими руками, о томъ заботится сама природа. Кромѣ голыхъ скалистыхъ вершинъ, все въ Японіи цвѣтетъ и зеленѣетъ.

Любопытно, что при такомъ громадномъ богатствѣ и разнообразіи японской флоры, фауна тамъ очень бѣдна. Большая часть породъ животныхъ, водящихся въ соотвѣтствующихъ широтахъ на Азіатскомъ материкѣ, въ Японіи неизвѣстны. Крупныхъ хищниковъ—львовъ, тигровъ и леопардовъ—тамъ нѣтъ совсѣмъ. Водится только безхвостая дикая кошка, да и та завезена изъ Кореи. Японскіе волки и лисицы значительно меньше европейскихъ. Медвѣдь тоже сильно отличается отъ своего европейскаго родича. На сѣверѣ встрѣчается и бѣлый медвѣдь. Олени и антилопы, гораздо болѣе мелкіе, чѣмъ европейскіе, водятся нерѣдко въ лѣсистыхъ горахъ Японіи. Изъ нашихъ мелкихъ грызуновъ тамъ извѣстны бѣлки, кролики, зайцы и крысы. Въ лѣсахъ южной части Японіи довольно много обезьянъ изъ породы макакъ.

Домашнія животныя тоже очень немногочисленны въ Японіи, и всѣ они вывезены въ разное время съ материка, преимущественно изъ Кореи. Среди нихъ можно упомянуть лошадей, ословъ, коровъ и свиней. Кромѣ того, повсемѣстно встрѣчаются собаки и кошки. Въ общемъ животный міръ дѣйствительно очень бѣденъ въ Японіи. Но о моряхъ, окружающихъ Японію, никакъ нельзя сказать того же. Напротивъ, рыбой Японія чрезвычайно богата. Особенно на сѣверѣ ея, около Хоккаидо и Курильскихъ острововъ, вылавливается рыбы несмѣтное количество. Бѣдное населеніе Хоккаидо и теперь почти сплошь состоитъ изъ рыбаковъ, и питающихся, и торгующихъ исключительно рыбой.

2.

До сихъ поръ, говоря о природѣ Японіи, мы не упоминали еще объ одномъ явленіи, оказавшемъ большое вліяніе и на характеръ самой страны, и на нѣкоторыя стороны быта ея населенія. Японія, какъ извѣстно, страна вулкановъ и землетрясеній. «Ежегодно ея жители

испытываютъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ ударовъ,—говоритъ профессоръ Дж. Мильнъ,—а время отъ времени то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ страны происходятъ страшныя катастрофы». Въ періодъ времени съ 1885 по 1892 годъ Мильнъ наблюдалъ 8.831 ударъ, т.-е. въ среднемъ еженедѣльно по три удара; если считать не удары, а настоящія землетрясенія, то въ нѣкоторые годы въ среднемъ приходится по одному землетрясенію на два дня. На характерѣ этихъ грозныхъ явленій, ихъ причинахъ и мѣрахъ защиты отъ нихъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе *).

Землетрясеніе—одно изъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій, какими угрожаетъ человѣку природа. Кромѣ громадной непосредственной опасности, оно дѣйствуетъ на человѣка еще особымъ образомъ, вызываетъ въ немъ мистическій ужасъ; онъ чувствуетъ, какъ начинаетъ колебаться то, что служитъ его единственнымъ пріютомъ, его естественной опорой—земля. Отъ землетрясенія негдѣ спастись, нечѣмъ защититься. Города и селенія колеблются, какъ судно въ океанѣ, пока снова не возстановится нарушенное равновѣсіе. Страшныя колебанія наступаютъ внезапно, а полное успокоеніе приходитъ не сразу; часто цѣлые мѣсяцы продолжаются легкіе удары и слабое осѣданіе почвы, сопровождаемое подземнымъ гуломъ. Но Японія страдаетъ не только отъ землетрясеній; изверженія вулкановъ тоже до сихъ поръ составляютъ тамъ обычное явленіе. Едва успокаиваются колебанія почвы, какъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ страны людямъ угрожаютъ страшныя вулканическія изверженія. Въ 1888 г. изверженія на склонѣ вулканической горы Бандай-санъ, остававшейся въ покоѣ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, стоило жизни 600 человѣкъ, погребеннымъ вмѣстѣ съ четырьмя селеніями подъ обломками вулкана и продуктами изверженія; менѣе чѣмъ въ 10 минутъ пространство земли въ 130 кв. миль было затоплено глубокими—до 100 футовъ—водами запруженныхъ рѣкъ. Въ 1902 г. цѣлый островъ Тори-Сима, къ югу отъ Кіу-Сіу, со своимъ, немногочисленнымъ, по счастью, населеніемъ рыбаковъ былъ уничтоженъ изверженіемъ.

Можно отмѣтить въ Японіи три линіи, по которымъ вулканическая энергія стремится открыть себѣ путь къ поверхности земли. Около этихъ линій расположены коническія награможденія изверженнаго матеріала. Первая изъ этихъ линій, длиною до 1.000 миль проходитъ отъ Камчатки черезъ Курильскіе острова и Хоккаидо до Ниппона. Здѣсь она встрѣчается со второй, длиною до 1.500 миль, которая почти подъ прямымъ угломъ къ первой проходитъ черезъ острова Бонинъ къ островамъ Маріанскимъ въ Тихомъ океанѣ. Третья линія отъ Филиппинскихъ острововъ черезъ Формозу достигаетъ до центра Кіу-Сіу,

*) Всѣ данныя, касающіяся землетрясеній, сообщены намъ бывшимъ профессоромъ геологіи горнаго института К. Ив. Богдановичемъ.

гдѣ она заканчивается вулканомъ Асосанъ съ громаднымъ кратеромъ до десяти миль въ діаметрѣ. Всего въ Японіи 48 вулкановъ, изъ которыхъ 17 продолжаютъ обнаруживать дѣятельность.

Но въ той области Японіи—въ центрѣ Ниппона, гдѣ наиболѣе часто бываютъ землетрясенія, дѣйствующихъ вулкановъ нѣтъ совсѣмъ. Наиболѣе значительный потухшій вулканъ Ниппона Фуджи-Яма находится въ области относительно меньшаго развитія землетрясеній сравнительно съ пространствами къ востоку и къ западу. Чаще же всего землетрясенія бываютъ на Тихоокеанскомъ побережьѣ страны, и проявленія ихъ не имѣютъ никакого соотношенія съ вулканической дѣятельностью. Проф. Мильнъ, Науманъ и другіе, посвятившіе много лѣтъ изученію геологіи Японіи вообще и ея землетрясеній въ особенности, высказываются категорически, что причиной землетрясеній въ этой вулканической странѣ служатъ болѣе общіе и широкіе процессы горообразованія, медленно изгибающіе и разламывающіе поверхностныя части земной коры. Поднятія береговой линіи, какія наблюдаются и сейчасъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Японіи, свидѣтельствуютъ, что упомянутые процессы продолжаются до настоящаго времени.

Вслѣдствіе неоднородности матеріаловъ, слагающихъ земную кору, напряженіе развивается при этомъ не однообразно, возникаютъ внезапные разломы, вызывающіе тѣ страшныя колебанія, которыя проявляются на поверхности землетрясеніями. За первыми содроганіями слѣдуетъ рядъ болѣе слабыхъ, пока снова не возстановится равновѣсіе. Интересно, что нѣкоторыя землетрясенія, въ томъ числѣ и въ Японіи, сопровождаются разрывомъ подводныхъ кабелей, слѣдовательно, происходятъ измѣненія на днѣ океана, именно осѣданія, которыя нѣкоторые ученые склонны признавать не слѣдствіями, а скорѣе причинами землетрясеній. Въ 1896 г., 15-го іюня, на берега Ниппона съ Тихаго океана наступили громадныя волны; имъ предшествовали только легкіе удары и отдаленные раскаты, напоминавшіе артиллерійскую канонаду. Подземная катастрофа произошла тогда на разстояніи не ближе тысячи верстъ отъ береговъ, но волны эти поглотили тамъ около 30.000 жизней и превратили въ развалины цѣлые города. Подобныя явленія бывали въ Японіи и раньше, напр., въ 1854 г. когда въ Симоди наступила волна, высотою до 9 метровъ.

Вулканическими изверженіями, землетрясеніями и моретрясеніями родная природа постоянно угрожаетъ японцамъ. Одной изъ наиболѣе страшныхъ катастрофъ еще на памяти очевидцевъ считаютъ землетрясеніе Анзей, продолжавшееся цѣлымъ періодомъ въ теченіе 1854—1855 гг. Въ теченіе этого періода Японія служила какъ бы центромъ содроганій, потрясавшихъ земную поверхность въ самыхъ различныхъ мѣстахъ. Въ 1854 г. испытали болѣе или менѣе значительные удары Ницца, Туринъ и Александрія; въ 1855 жестокая катастрофа разразилась въ Новой Зеландіи, въ Южной Австраліи, на берегахъ Мрамор-

наго моря, удары чувствовались въ Швейцаріи, Ломбардіи и Южной Франціи. Въ первый годъ этого періода содрогалась вся южная Японія, въ особенности островъ Шикоку; въ слѣдующій годъ больше всего пострадала восточная часть Ниппона, гдѣ многіе города и селенія были превращены въ груды развалинъ. Въ октябрѣ 1891 года провинціи Мино и Овари на Ниппонѣ подверглись катастрофѣ, которая, по словамъ очевидцевъ, превзошла ужасы катастрофы 1855 года. Эти провинціи представляютъ собой сплошные сады и воздѣланныя поля; плотность населенія здѣсь по оффиціальнымъ даннымъ 304 человѣка на квадратный километръ. Потрясенная область захватила всѣ равнины и горы Мино, Овари и сосѣднихъ провинцій. По оффиціальнымъ даннымъ *) убито было 7.279 чел., ранено 17.393, совершенно разрушено строеній 197.530.

Если обратить вниманіе, что на площади въ 11.111 кв. кил. были разрушены всѣ постройки, включая и крупныя техническія сооруженія, какъ фабрики, желѣзнодорожные мосты и т. п. (вся область распространенія этого землетрясенія обнимала 60% всей имперіи), то число жертвъ сравнительно съ густотой населенія и количествомъ разрушенныхъ построекъ нужно признать относительно небольшимъ. Землетрясенія въ Шемахѣ 31-го января 1902 г. и въ Андижанѣ 3-го декабря 1902 г. даютъ относительно гораздо большее число жертвъ.

Въ Японіи, гдѣ, по словамъ проф. Наумана, крупныя землетрясенія происходятъ въ среднемъ по одному на каждые 5—9 лѣтъ, грозная природа научила людей и предохранять себя отъ проявленій ея внезапной энергіи. Но здѣсь же мы видимъ, что одного опыта, освященнаго вѣковой традиціей, недостаточно. Для выработки лучшихъ условій жизни нужна и культура, быстрые успѣхи которой въ Японіи наглядно отражаются и въ дѣлѣ защиты населенія отъ катастрофъ землетрясенія. Обыкновенный типъ японскаго дома представляетъ легкую постройку, сложенную изъ 4—5-дюймовыхъ брусьевъ, связанныхъ между собой сравнительно прочно. Промежутки между двумя рядами такихъ брусьевъ заполнены бамбуковымъ плетеніемъ, обмазаннымъ глиною. Этотъ остовъ покоится на рядахъ обтесанныхъ камней. Легкость этихъ построекъ такова, что нерѣдко можно видѣть, какъ значительныя постройки перевозятъ съ мѣста на мѣсто на деревянныхъ каткахъ. Храмы и пагоды также построены изъ дерева, но отдѣльные брусья такъ прочно связаны между собой, что эти постройки оказываются упругими во всѣхъ направленіяхъ. Многіе такіе храмы выдерживали удары землятрясеній въ теченіе вѣковъ. Впрочемъ, и обыкновенные японскіе дома устойчивѣе европейскихъ, построенныхъ безъ надлежащаго вниманія къ особымъ условіямъ страны. Проф. Милькъ считаетъ, что японскія постройки представляютъ наи-

*) „Journal of the Coll. of Sciens, Imper. Univers., Japan“, 1893, vol. V.

лучшій типъ въ отношеніи устойчивости. Но землетрясеніе, напр., 1891 г. показало, что и такія постройки разлетаются, какъ карточные домики. Практика указываетъ, что существеннымъ недостаткомъ ихъ служатъ тяжелыя крыши, не соотвѣтствующія легкимъ стѣнамъ. Вся тяжесть крыши лежитъ на поддерживающихъ ея подпоркахъ, и какъ только подпорки повреждены, она валится внизъ, раздавливая все подъ собою. Легкія деревянныя постройки, уменьшающія количество жертвъ при землетрясеніяхъ, ведутъ къ страшнымъ опустошеніямъ во время пожаровъ. Во время землетрясенія 1891 г. въ одномъ только Гифу (провинція Мино) сгорѣло 1.242 дома. Въ Токіо ежегодно за зиму бываетъ нѣсколько пожаровъ, уничтожающихъ отъ 100 до 500 домовъ. Повышеніе культуры и разумныя указанія техники рѣзко измѣнили къ лучшему эти условія. За послѣдніе годы количество пожаровъ значительно сократилось. Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ противъ пожаровъ считаютъ распространеніе особенныхъ лампъ, которыя гаснутъ при опрокидываніи. Здравый смыслъ японцевъ научилъ ихъ во время землетрясеній не торопиться выбѣгать на улицу. Люди съ самообладаніемъ стараются встать въ дверяхъ подъ притолками, а другіе ищутъ спасенія подъ прочно сдѣланными столами. При легкой конструкціи японскихъ домовъ этотъ, довольно забавный, способъ спасенія оказывается тѣмъ не менѣе часто весьма дѣйствительнымъ.

Однимъ изъ важныхъ актовъ при введеніи европейской культуры было между прочимъ учрежденіе такъ называемаго сейсмологическаго общества въ 1880 г. Это общество, имѣя во главѣ проф. Дж. Мильна, приглашеннаго незадолго передъ тѣмъ профессоромъ въ токійскій университетъ, дало рядъ очень важныхъ трудовъ не только по изученію землетрясеній въ Японіи, но и по разработкѣ сейсмологіи, какъ науки о движеніяхъ земной коры вообще. Изъ среды этого общества вышли такія крупныя научныя силы, какъ японскіе профессора Секія и Омори, хорошо извѣстные и въ Европѣ. Въ 1882 г. правительство учредило особую сейсмическую коммиссію по образцу весьма немногихъ въ то время. Раньше подобныя коммиссіи существовали только въ Англіи, Швейцаріи и Италіи. Японская коммиссія сразу обнаружила оживленную дѣятельность, подготовленную трудами хорошо организованнаго сейсмологическаго общества. Сѣть хорошо поставленныхъ станцій для наблюденія надъ землетрясеніями, снабженныхъ самыми совершенными приборами, быстро покрыла Японію (около 1.000 станцій). Въ 1899 г. знаменитый сейсмологъ Реберъ Патвидъ въ своемъ предложеніи объ устройствѣ международной сѣти сейсмическихъ станцій писалъ, что «Японія обладаетъ наилучшей организаціей по наблюденіямъ надъ землетрясеніями». Въ такомъ видѣ сейсмическія наблюденія поставлены въ настоящее время только въ Италіи, между тѣмъ какъ другая классическая страна землетрясеній—Греція до сихъ поръ не

имѣетъ правильной организаціи сейсмологическихъ наблюденій. Цѣль такихъ изслѣдованій заключается въ изученіи движеній, направляющихся отъ очага землетрясенія черезъ массу земли. По такимъ наблюденіямъ составляются карты площади распространенія каждаго удара. По такимъ картамъ можно опредѣлить перемѣщеніе исходныхъ точекъ удара, повторяемость и продолжительность ударовъ, измѣненіе характера сейсмическихъ волнъ, слѣдовательно, приблизиться къ опредѣленію законовъ движенія, т.-е. динамики твердой земной коры.

Данныя сейсмологіи, выведенныя изъ образцовыхъ наблюденій и опытовъ въ нынѣшнее время широко привиты японскимъ инженерамъ, примѣняющимъ выводы науки въ своихъ сооруженіяхъ. Между прочимъ въ 1901 г. въ Страсбургѣ проф. Омори сдѣлалъ крайне интересный докладъ о примѣненіи сейсмологіи къ техникѣ, особенно къ сооруженію желѣзнодорожныхъ мостовъ.

Единственная въ мірѣ каѳедра по сейсмологіи имѣется пока только въ токійскомъ университетѣ. Ее занимаетъ теперь проф. Омори. Въ Японіи настолько сознаютъ пользу сейсмологіи, что ни одна станція сейсмологическаго общества во время землетрясенія 1891 г. не была покинута своимъ наблюдателемъ, хотя многіе изъ послѣднихъ при этомъ пострадали. Въ 1883 г. въ Японіи была первая выставка сейсмологическихъ приборовъ. Сейсмоскопы, т.-е. приборы, извѣщающіе о наступленіи землетрясенія и о направленіи ударовъ, распространены тамъ не менѣе, чѣмъ термометры. Въ настоящее время японскіе ученые придумали не мало усовершенствованій въ сейсмическихъ приборахъ и изобрѣли нѣсколько новыхъ.

Японія въ силу своеобразности своей природы и благодаря энергіи своихъ передовыхъ ученыхъ представляетъ одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ широкой популяризаціи одной изъ самыхъ новыхъ наукъ — сейсмологіи.

Конечно, всѣ успѣхи науки и техники не могутъ все-таки защитить японцевъ отъ губительныхъ катастрофъ. И до сихъ поръ всякое значительное землетрясеніе, всякое новое изверженіе уноситъ многія человѣческія жизни, разрушаетъ плоды долгихъ трудовъ.

3.

Природа Японіи—это двуликій Янусъ. Съ одной стороны привѣтливая, роскошная и богатая, съ другой—непокорная, коварная и губительная. Съ незапамятныхъ временъ она дѣйствовала на человѣка этими своими противорѣчивыми качествами. Она привлекала его своей красотой, своей мягкостью, своей бьющей черезъ край производительностью, но не давала ему ни на минуту сложить руки и успокоиться, пожиная непосѣянные плоды. Каждую пядь земли ему приходилось брать съ бою, взбираясь по кручамъ, измѣняя направленіе водъ. Каждое свое изобрѣтеніе надо было примѣнять къ особымъ условіямъ

страны, къ внезапнымъ взрывамъ скрытыхъ въ ней силъ. Быть можетъ эта вѣчная работа въ одномъ направленіи, работа надъ приспособленіемъ къ своеобразнымъ условіямъ своей природы въ связи съ оторванностью и обособленностью страны и создали изъ японца тотъ особый все еще не поддающійся опредѣленію типъ, выработали изъ этого многомилліоннаго населенія одну совершенно особую и совершенно однородную расу. За исключеніемъ небольшой кучки айновъ—всего около 18 тысячъ, живущихъ на сѣверѣ острова Хоккаидо, вся остальная масса японскаго населенія совершенно однородна по своему составу, не поддается никакому подраздѣленію на племенныя группы. Путешественники различаютъ, впрочемъ, два преобладающихъ типа японцевъ. Одинъ съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ лица, болѣе косыми глазами, болѣе тонкими чертами и болѣе пропорціональнымъ сложеніемъ. Другой грубѣе, съ болѣе темной кожей и болѣе развитыми мускулами. Первый чаще встрѣчается на югѣ и въ городахъ, второй на сѣверѣ и въ рабочей средѣ. Въ общемъ эта разница типовъ соотвѣтствуетъ скорѣе различію соціальныхъ условій, чѣмъ разному племенному происхожденію. Племенной составъ его все же крайне однороденъ.

Эта монолитность всего японскаго народа, при существованіи въ тоже время отдѣльныхъ чертъ сходства съ различными азіатскими народами, съ давнихъ поръ очень затрудняла ученыхъ, пытавшихся опредѣлить расовый составъ и происхожденіе японцевъ. По этому вопросу было высказано четыре главныхъ гипотезы. Первая, что японцы происходятъ отъ китайцевъ; вторая — что они принадлежатъ къ монгольской расѣ; третья — что они представляютъ совершенно особое туземное племя, и, наконецъ четвертая—что они образовались изъ слiянія различныхъ азіатскихъ народностей. Извѣстный ученый Францъ Зибольдъ, посвятившій много лѣтъ всестороннему изученію Японіи, внимательно разсмотрѣлъ всѣ эти четыре гипотезы и провѣрилъ ихъ и антропологическими, и лингвистическими, и бытовыми данными. Собравъ свой собственный богатый этнографическій матеріалъ, онъ въ концѣ концовъ пришелъ къ положительному мнѣнію, что японцы представляютъ рѣдкій примѣръ полнаго слiянія различныхъ азіатскихъ народностей. Съ этимъ взглядомъ согласно и большинство другихъ серьезныхъ ученыхъ, съ тою только разницею, что одни считаютъ преобладающимъ вліяніе одного племени, а другіе — другого.

Въ основу, вѣроятно, легло одно или два туземныхъ племени: до сихъ поръ сохранившiеся еще айны, и еще два другихъ, упоминаемыхъ въ японскихъ лѣтописяхъ племени—такеру и пещерныхъ жителей. Но потомъ произошелъ цѣлый рядъ смѣшеній и съ монголами, и съ корейцами, и на югѣ, быть можетъ, даже съ малайцами. Второй признанный авторитетъ по этому вопросу д-ръ Бельцъ держится въ

общемъ этого же взгляда, но онъ считаетъ, что монгольская кровь преобладаетъ въ японской расѣ, участіе же малайцевъ въ ея образованіи считаетъ сомнительнымъ. Во всякомъ случаѣ всѣ эти народы, внося свои особыя расовыя черты, подчинялись какому-то одному ассимилирующему началу и вырабатывали постепенно тотъ типъ японца, который населяетъ теперь всѣ многочисленные японскіе острова.

Всего по даннымъ переписи, произведенной 31-го декабря 1898 года, въ Японіи считается 46.425.326 человѣкъ. При площади Японіи въ 363.442 кв. верстъ это составляетъ среднюю плотность населенія 128 человѣкъ на одну квадратную версту. Если же взять собственно Японію безъ колоній—Формозы и Пескадорскихъ островов, то плотность окажется выше, 131 человѣкъ на кв. версту.

Для того, чтобы можно было составить себѣ болѣе наглядное представленіе о плотности населенія Японіи, мы приводимъ составленную Н. Богуславскимъ любопытную сравнительную табличку территоріи, численности населенія и его плотности въ Японіи, въ главныхъ европейскихъ и азіатскихъ государствахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи:

	Площадь въ тыс. кв. верстъ.	Населеніе въ тысяч. чел.	Жителей на 1 кв. вер.
Бельгія	26	6.744	268
Великобританія	275	40.190	146
Японская имперія	363	46.425	128
Японія безъ колоній	333	43.761	131
Италія	250	32.045	128
Германія	475	56.345	118
Китай собственно	2.928	383.253	129
Франція	464	38.518	82
Россійская имперія	19.683	128.932	6,5
Европейская Россія	4.763	106.155	22,5
Финляндія	328	2.483	8
Варшавская губ. съ Варшавою	13	1.934	130
Петроковская губ. съ Лодзью.	11	1.409	124
Московская губ. съ Москвою	29	2.433	82
Приморская область	1.573	220	0,13
Амурская область	413	118	0,4 *).

Изъ этой таблицы видно, что по густотѣ населенія Японія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ даже въ ряду наиболѣе населенныхъ европейскихъ государствъ. Только Бельгія и Англія превосходятъ ее, а Германія и особенно Франція уже далеко отстаютъ. Изъ нашихъ мѣстностей на одномъ уровнѣ съ ней по населенности стоитъ только Варшавская губ., въ составъ которой вошелъ такой большой городъ, какъ Варшава. Финляндія же и Амурская область, приблизительно рав-

*) Богуславскій. „Японія“, Спб., 1904 г., ст. 162.

ныя ей по пространству имѣютъ плотность первая — 8 человѣкъ, а вторая—0,4 на квадратную версту.

Конечно, и въ Японіи населеніе распредѣляется далеко не равномѣрно по всей территоріи. Такъ, безплодный и суровый по климату островъ Іезо или Хоккаидо населенъ очень слабо—7 человѣкъ на 1 кв. вер., а лежащій во внутреннемъ морѣ цвѣтущій островъ Аваджи имѣетъ 395 жителей на 1 кв. версту. По областямъ плотность населенія въ Японіи колеблется такъ:

Западный Ниппонъ. . .	211	чел.	на	1.	кв.	саж.
Средній Ниппонъ. . . .	204	»	»	—	»	»
Шикоку	191	»	»	—	»	»
Кіу-Сіу.	179	»	»	—	»	»
Сѣверный Ниппонъ . .	97	»	»	—	»	»
Іезо.	7	»	»	—	»	»

Но и въ самомъ центральномъ Ниппонѣ есть области, болѣе и менѣе населенныя, такъ, напримѣръ, въ областяхъ Мино и Овари плотность населенія достигаетъ до 304 на 1 кв. милю. При этомъ надо замѣтить, что очень крупныхъ городскихъ центровъ въ Японіи немного, такъ что они мало вліяютъ на цифры населенности отдѣльныхъ провинцій. Самый населенный городъ Японіи—теперешняя столица ея—Токіо, въ центральной части восточнаго берега Ниппона, имѣетъ 1.440.000 жителей. Изъ остальныхъ городовъ наиболѣе населена Осака (821 т.), самый промышленный городъ на всемъ востокѣ, такъ называемый японскій Бирмингамъ, на сѣверномъ берегу Внутренняго моря. Потомъ идетъ старая столица Японіи — Кіото (353 т.), Кобе (215 т.), Іокогама—главный портъ на Тихоокеанскомъ побережьи, ведущій, главнымъ образомъ, сношенія съ Америкой (193 т.), и Нагасаки (107 т.). Кромѣ того,—есть еще 70 городовъ съ населеніемъ, превышающимъ 20 т. Среди остальныхъ населенныхъ пунктовъ преобладаютъ довольно незначительныя поселенія, отъ 500 до 5.000 жителей.

Европейцамъ Японія стала извѣстна только съ XVI вѣка, хотя, повидимому, знаменитый путешественникъ XIII вѣка Марко Поло описывалъ именно ее подъ именемъ страны Зы-пан-гу (Чипанго). Но въ слѣдующіе вѣка никто изъ европейцевъ не отваживался продѣлать это путешествіе, и существованіе этой страны не подтверждалось. Первые путешественники, попавшіе туда тоже случайно, но оставившіе замѣтный слѣдъ своего пребыванія тамъ, были португальцы Фернандъ Мендецъ Пинто и Діего Зеймото. Во время путешествія изъ Сіама въ Китай въ 1543 г. они испытали страшную бурю у азіатскихъ береговъ, и корабль ихъ былъ отброшенъ къ японскимъ островамъ. Тамъ они были встрѣчены очень дружелюбно и прожили довольно долго, пока ихъ корабль не былъ приведенъ въ исправность. Попали они впервые на островъ Танегашима, лежащій къ югу отъ Кіу-Сіу на 30° с. ш. Тамъ они высадились на землю и были отведены въ городъ

*

къ правителю острова. Мѣстные жители были всего болѣе заинтересованы огнестрѣльными ружьями, до тѣхъ поръ неизвѣстными еще въ ихъ странѣ, и Діего Зеймото въ благодарность за гостепріимство не только подарилъ правителю свое ружье, но и научилъ японцевъ изготовлять порохъ. Слухъ о пріѣздѣ путешественниковъ изъ невѣдомыхъ странъ быстро распространился по Японіи и Пинто со своими спутниками былъ приглашенъ проѣхать внутрь страны. Они объѣхали Кіу-Сіу, Шикоку и южную часть Ниппона, послѣ чего благополучно отплыли въ Китай. Въ японскихъ источникахъ посѣщеніе Пинто разсказывается очень подробно. Самъ Пинто тоже оставилъ подробное описаніе своего путешествія, и съ этихъ поръ европейцы уже не теряли изъ виду Японіи. Но постоянныя сношенія съ ней не устанавливались до послѣдняго времени. Японцы, встрѣтившіе сначала дружелюбно невѣдомыхъ путниковъ, съ теченіемъ времени относились къ иноземцамъ все болѣе недовѣрчиво и въ началѣ XVII вѣка окончательно изгнали ихъ изъ своей страны, сдѣлавъ исключеніе только для голландцевъ. Этимъ послѣднимъ было дано мѣстечко Дешима, къ югу отъ Нагасаки. Но европейцы, изгнанные изъ Японіи, не прекращали своихъ попытокъ вновь завязать сношенія съ этой таинственной страной, пока, наконецъ, они не достигли своего въ половинѣ XIX вѣка.

II.

Исторія Японіи.

1.

Изумительно быстрый ростъ Японіи въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ уже давно обращалъ на себя вниманіе европейцевъ. Такъ же удивительны, какъ ея природа, казались разыгрывавшіяся тамъ событія. На глазахъ современнаго поколѣнія эта страна пережила какое-то сказочное превращеніе. Давно ли Гончаровъ и другіе попавшіе туда путешественники описывали этихъ своеобразныхъ азіатовъ, упорно гнавшихъ отъ себя все европейское, т.-е. все цивилизованное, желавшихъ упрямо оставаться варварами. И вдругъ черезъ какіе-нибудь три, четыре десятка лѣтъ на мѣстѣ этой варварской страны оказывается сильное государство, съ парламентскимъ режимомъ, съ могущественной арміей и флотомъ, съ быстро растущей промышленностью. Немудрено, что такая фантасмагорія заставляла недовѣрчиво пожимать плечами однихъ и вызывала неудержимый восторгъ у другихъ. Одно изъ двухъ—или это дѣйствительно макаки, обезьяничающія съ европейцевъ и ловко перенимающія внѣшнія стороны ихъ цивилизаціи, или это геніальная нація, продѣлавшая въ полстолѣтія путь для котораго Европѣ нужны были долгіе вѣка. Эти два взгляда и до

сихъ поръ болѣе или менѣе явно проглядываютъ въ злободневной литературѣ о Японіи.

Но самая маленькая доля историческаго чутья заставляютъ уже à priori недовѣрчиво отнестись къ обоимъ этимъ мнѣніямъ. Совершенно немыслимо себѣ представить, чтобъ цѣлый народъ былъ вдругъ охваченъ стремленіемъ къ безсмысленному копированію всего чужого, и чужого до тѣхъ поръ ненавистнаго и гонимаго. Да и копированіе въ такихъ широкихъ размѣрахъ, конечно, не можетъ дать такихъ блестящихъ результатовъ, какіе поражаютъ всѣхъ желающихъ видѣть. Съ другой стороны, не только цѣлый народъ, но даже и отдѣльный человѣкъ не переживаетъ никогда такихъ головокружительныхъ переворотовъ, когда все старое сразу безъ подготовки идетъ на смарку и на его мѣстѣ властно воцаряется новое, идущее въ разрѣзъ со всѣмъ прежнимъ. Если покопаться въ прошломъ, всегда найдутся задатки этого новаго, явленія и силы, подготовившія катастрофу. И волей-неволей приходится придти къ заключенію, что еслибъ не случайныя внѣшнія причины, вызвавшія переворотъ въ такомъ ускоренномъ темпѣ, онъ все равно произошелъ бы,—произошелъ бы, быть можетъ, медленнѣе, быть можетъ, принялъ бы иныя формы, но по существу привелъ къ тому же.

Такимъ случайнымъ толчкомъ для Японіи было открытіе гаваней и знакомство съ формами западно-европейской культуры,—хотя съ точки зрѣнія хода всемірной исторіи и это вторженіе въ Японію и разрушеніе обособленности одной націи было, конечно, совсѣмъ не случайнымъ. Но и въ отношеніи Японіи стоитъ только повнимательнѣе всмотрѣться въ ея исторію, чтобы убѣдиться, что внутренній кризисъ, переживаемый теперь ею, далеко не явился результатомъ этого случайнаго толчка. Вся сущность и политическихъ, и экономическихъ реформъ, предпринятыхъ ею, была подготовлена всѣмъ ходомъ предыдущей исторіи Японіи. Этотъ внѣшній толчокъ быть можетъ только на нѣкоторое время ускорилъ темпъ ея исторіи, но ни въ какомъ случаѣ не измѣнилъ ея направленія.

Исторія Японіи во многихъ отношеніяхъ представляетъ значительный интересъ. Сильно отличающаяся въ частностяхъ отъ исторіи европейскихъ странъ, она доказываетъ въ то же время, какъ общи въ главныхъ чертахъ законы историческаго развитія. Несмотря на полную обособленность отъ Европы, несмотря на своеобразныя условія своей природы, Японія переживала, въ общемъ, тѣ же главныя стадіи экономическаго и политическаго развитія, какъ и европейскія страны.

2.

Источникомъ для изученія древнѣйшей японской исторіи служатъ двѣ японскія лѣтописи: «Койики» и «Нихонги». Обѣ онѣ были напи-

саны приблизительно одновременно, «Койики» въ самомъ началѣ VIII-го вѣка христіанской эры, «Нихонги» около 720 г. «Койики» распадается на три книги. Первая изъ нихъ содержитъ преданія о сотвореніи міра и разсказы о первыхъ миѳическихъ временахъ японской исторіи. Вторая и третья представляютъ собой лѣтопись историческихъ событій съ момента воцаренія перваго микадо, т.-е. съ перваго года японской эры по 1288, т.-е. по нашему лѣтосчисленію, съ 660 г. до Р. X. по 628 по Р. X. «Нихонги» начинается то же самое съ космогоніи и миѳовъ и доводитъ исторію до 699 г. по Р. X. Начиная съ VIII-го вѣка, количество японскихъ источниковъ, и современныхъ и написанныхъ позднѣе, значительно увеличивается. Особенно же богатая историческая литература существуетъ тамъ относительно средневѣковаго періода японской исторіи съ XI-го по XVI в. Нѣтъ, конечно, недостатка и въ работахъ по новой исторіи, съ XVI-го вѣка и до нашихъ дней.

Японская космогонія считаетъ, конечно, Японію первозданной землей. О сотвореніи міра и Японіи тамъ существуетъ нѣсколько миѳовъ, отличающихся между собой въ частностяхъ, но въ главныхъ чертахъ рисующихъ слѣдующую картину.

Въ началѣ былъ хаосъ. Земля и небо не были еще раздѣлены. Земля плавала среди остальной массы, какъ желтокъ въ яйцѣ. Потомъ легкія, свѣтлыя частицы поднялись и образовали небо, а остатокъ сталъ землей. Изъ теплой рыхлой земли поднялся ростокъ и сталъ одушевленнымъ существомъ, куни-мако-тахи-на-микато. Потомъ появились такимъ же способомъ другія существа—ками. Они всѣ были одного пола, т.-е. раздѣленія половъ не существовало. Эти первичныя существа—ками продолжали дальше созданіе міра: они разъединили пять элементовъ—огонь, воду, землю, металлъ и дерево и опредѣлили свойства каждаго. Послѣдніе изъ этихъ самостоятельно возникшихъ божественныхъ созданій были первая пара—мужское божество *Изанаги* и женское—*Изанами*.

Стоя на парящемъ въ вышинѣ небесномъ мосту Изанаги погрузилъ свое копье въ волнующіяся подъ нимъ воды и поднялъ его вверхъ. Съ конца копья упала капля и изъ нея образовался первый островъ. Этотъ островъ по преданію Аваджи. Небесная пара спустилась на него и Изанаги предложилъ обойти его кругомъ. Самъ онъ пошелъ на лѣво, а Изанами—направо. Когда они черезъ день встрѣтились, Изанами первая воскликнула: «Какъ пріятно встрѣтить достойнаго любви человѣка!» Но Изанаги разсердился, что женщина первая постигла искусство рѣчи, и потребовалъ повторить прогулку. Слѣдующій разъ онъ уже издали закричалъ: «Какъ пріятно встрѣтить достойную любви женщину!» Изанаги и Изанами были первой супружеской парой, и съ тѣхъ поръ существовала на свѣтѣ любовь. Послѣ Аваджи божественная пара сотворила еще семь большихъ и до ста

малыхъ острововъ и на нихъ появилась жизнь. Первою у Изанами родилась дочь Ама-теразу-о-миками, т.-е. свѣтлѣйшая небесная богиня. Она была прекрасна и озаряла своимъ свѣтомъ и небо и землю. Но Изанаги былъ недоволенъ, что его первымъ ребенкомъ оказалась дочь, и прогналъ ее съ земли на небо, давъ ей во владѣніе небесныя пространства. Вторымъ ребенкомъ оказалась тоже дочь—богиня луны. Только третій родился мальчикомъ, но и то плохо сложеннымъ. Въ три года онъ еще не умѣлъ ходить. Родители сдѣлали для него лодку изъ камфарнаго дерева и пустили на волны. Это былъ первый рыболовъ и богъ текущихъ водъ. Наконецъ, четвертымъ родился настоящій сынъ—Сосанео-но-микото. Отецъ былъ очень счастливъ и возлагалъ на него всѣ надежды. Но мальчикъ росъ шаловливымъ и непокорнымъ. Отецъ далъ ему въ управленіе океанъ, но онъ никогда не умѣлъ держать свое царство въ порядкѣ. Онъ постоянно кричалъ, пугалъ все живое, убивалъ людей и вырывалъ съ корнемъ деревья.

Въ это время мать его родила еще сына—бога бурнаго огня и послѣ рожденія его удалилась въ подземное царство. Изанаги, удрученный непокорствомъ своего сына, совсѣмъ затосковалъ, когда жена покинула его, и отправился разыскивать ее въ подземный міръ, оставивъ своего любимца управлять міромъ. Онъ долго странствовалъ подъ землей и, наконецъ, встрѣтилъ свою жену у воротъ подземнаго дворца. Она согласилась вернуться съ нимъ,но сказала, чтобы онъ шелъ назадъ на землю, не оглядываясь, а она зайдетъ прежде во дворецъ сказать подземному царю, что она уходитъ. Изанаги остался ждать ее у дверей. Потомъ ему показалось, что она слишкомъ долго не возвращается, и онъ бросился разыскивать ее внутрь дворца. Но уже войдя туда, онъ вспомнилъ, что осквернился, и бросился назадъ, чтобы поскорѣе очиститься. Не останавливаясь болѣе, онъ добѣжалъ до земли и первымъ дѣломъ выкупался въ очищающихъ водахъ.

На землѣ же въ его отсутствіе произошли большіе безпорядки. Его любимый сынъ Сосанео продолжалъ мучить всѣхъ и особенно часто обижалъ свою старшую сестру—богиню солнца. Онъ выпускалъ дикихъ лошадей на засѣянныя ею рисомъ поля и истреблялъ собранные запасы риса. Разъ, когда она сидѣла у окна своего дворца и ткала, онъ схватилъ дикую лошадь, ободралъ ее съ хвоста до головы и въ такомъ видѣ бросилъ ее въ комнату сестры. Она такъ испугалась, что поранила себя челнокомъ и убѣжала въ пещеру, задвинувъ входъ въ нее большимъ камнемъ. На землѣ воцарился мракъ. День пересталъ отличаться отъ ночи. Всѣ боги пришли въ смущеніе, а злыя божества еще увеличивали сумятицу, производя всевозможный шумъ.

Тогда боги стали совѣщаться, какимъ образомъ вызвать богиню солнца изъ ея убѣжища. Наконецъ, они рѣшили сказать ей, что появилась богиня еще болѣе прекрасная, чѣмъ она сама, и тѣмъ возбу-

дить ея любопытство. Богъ-кузнецъ приготовилъ большое овальное зеркало, украшенное рамкой изъ драгоцѣнныхъ камней. Потомъ всѣ боги собрались около пещеры, гдѣ скрывалась богиня солнца, стали пѣть, играть на разныхъ инструментахъ и танцовать. Заинтересованная богиня выглянула въ щелочку и спросила, что ихъ такъ развеселило. Они отвѣтили ей, что чествуютъ богиню еще болѣе прекрасную, чѣмъ она сама. И при этомъ они поднесли къ ней зеркало. Тогда она не выдержала, пріотворила дверь и взглянула въ зеркало. До тѣхъ поръ она никогда не видѣла своего изображенія и остановилась, пораженная. Боги окружили ее, вывели изъ дверей и завалили входъ. Ее же отвели во дворецъ. Послѣ этого коварный Сосанео былъ изгнанъ съ земли.

Но и послѣ того Сосанео на ряду съ богиней солнца фигурируетъ во множествѣ миѳовъ, которыми японцы объясняютъ разныя явленія природы и появленіе разныхъ искусствъ среди людей. Такъ, съ началомъ земледѣлія связывается слѣдующій миѳъ. Однажды Сосанео явился въ гости къ богинѣ плодородія. Она приняла его очень любезно и угощала своими произведеніями, которыя создавала тутъ же на его глазахъ: рисомъ, пшеницей, разными плодами, рыбой и животными. Сосанео пришелъ въ ярость, при видѣ, какъ легко она это дѣлаетъ, бросился на нее и убилъ ее. Когда богиня солнца узнала объ этомъ, она послала посмотрѣть, что сталось съ тѣломъ богини послѣ ея смерти. Оказалось, что все оно было покрыто фруктовыми деревьями и злаками, а изъ головы ея вышли корова и лошадь. Богиня солнца обрадовалась и повелѣла людямъ возращать теперь эти растенія, какъ это дѣлала раньше сама богиня. Она объяснила имъ, гдѣ сѣять рисъ и гдѣ сажать тутовыя деревья и какъ добывать шелкъ изъ кокона и какъ дѣлать пряжу.

Сосанео приписываются также нѣкоторые геройскіе подвиги, полезные для людей. Такъ, онъ истребилъ страшнаго дракона, залетѣвшаго на землю во время его изгнанія и пожиравшаго прекрасныхъ дѣвушекъ. Разрубивъ его пополамъ онъ нашелъ внутри его прекрасный мечъ и подарилъ его своей сестрѣ богинѣ солнца. Онъ же по преданію научилъ людей поэзіи.

Мы не можемъ останавливаться подробнѣе на японской миѳологіи и разбирать, заключающіеся въ ней элементы сходства или различія съ первобытными представленіями другихъ народовъ. Но и въ изложенныхъ уже нами миѳахъ можно даже при бѣгломъ взглядѣ подмѣтить нѣкоторыя черты, сближающія ихъ хотя бы съ греческими, а иногда и съ библейскими легендами.

Богиня солнца въ японской миѳологіи является прямой родоначальницей царствующей въ Японіи династіи. Къ концу миѳическаго періода вся земля оказалась густо населенной людьми и божественными

существами—ками. Между тѣми и другими постоянно вспыхивали ссоры, и земля стала ареной безпрерывныхъ раздоровъ. Тогда богиня солнца рѣшила послать своихъ потомковъ управлять землей. Одинъ изъ порожденныхъ ею боговъ—Ошихоми женился на Тамайори, внучкѣ Изанаги и Изанами, и у нихъ родился сынъ Ниничи-но-микото. Этого внука богиня солнца и рѣшила отослать на землю. Отправляя его, она дала ему многочисленныя сокровища и между прочимъ три главныхъ: зеркало, камень и мечъ, добытый Сосанео. Прощаясь съ нимъ, она сказала ему по одному преданію:

«Вѣка за вѣками будутъ твои потомки управлять этой страной. Прими же мое наслѣдство и эти три коронныхъ талисмана. Когда ты захочешь увидѣть меня, смотри въ это зеркало. Будь для этой страны тѣмъ чистымъ свѣтомъ, какой исходитъ отъ его поверхности. Управляй ея жителями съ мягкостью и добротой, которые олицетворяются мягкой округлостью этого камня. Сражайся съ врагами твоего царства этимъ мечомъ, убивай ихъ его остріемъ».

Съ этими словами она простилась съ нимъ, и онъ съ сонмомъ низшихъ боговъ спустился по небесному мосту на землю, а небо послѣ того отдалилось дальше отъ земли и переходить эту бездну стало невозможно.

На землѣ у Ниничи родился сынъ, прожившій 580 лѣтъ. Этотъ сынъ женился на морскомъ чудовищѣ, принявшемъ образъ женщины. Его сынъ женился на своей теткѣ и у него родился Джиму Тенно—первый, окруженный легендами, микадо Японіи.

3.

Не только происхожденіе Джиму Тенно, но и вся исторія его царствованія, также какъ царствованіе всѣхъ первыхъ японскихъ микадо, не выдерживаетъ строгой исторической критики. Самое существованіе ихъ нельзя считать окончательно установленнымъ. На ихъ исторію надо смотрѣть, какъ на исторію покоренія, объединенія и первоначальнаго упорядоченія Японіи племенемъ завоевателей—ямато. Мѣстомъ откуда это племя направилось на завоеваніе страны преданіе считаетъ Кіу-Сіу. На вопросъ, откуда оно появилось тамъ, легенда отвѣчаетъ—съ неба. Черезъ небесный океанъ по небесному мосту спустился прадѣдъ перваго микадо со своими спутниками на японскіе острова. Въ этомъ миѳѣ можно видѣть указаніе на то, что племя завоевателей не было кореннымъ туземнымъ племенемъ и что явилось оно изъ-за океана, по всей вѣроятности, конечно, не небеснаго. Какъ бы то ни было, оно довольно долгое время жило на Кіу-Сіу, пока оно не разрослось такъ, что ему стало тѣсно на южномъ островѣ и явилась потребность двинуться дальше на сѣверъ.

Походъ Джиму Тенно продолжался много лѣтъ. Это не была просто завоевательная экспедиція, это было неудержимое движеніе впередъ цѣлаго племени, въ родѣ наступленія готовъ въ Европу, только въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ. Джиму Тенно двигался сначала по Внутреннему морю, съ юга на сѣверъ, останавливаясь годами на берегахъ Шикоку и Ниппона и вступая въ борьбу съ туземными племенами. Туземцы, съ которыми имъ приходилось воевать, были, главнымъ образомъ, такъ называемые «пещерные жители» и племя такеру на югѣ, а дальше къ сѣверу айны. Пещерные жители отличались крайне малымъ ростомъ, хитростью и чрезвычайною жестокостью. Это были дикари на самой первобытной стадіи культуры. Существуетъ мнѣніе, что смѣшеніе племени Ямато съ этими карликами оказало вліяніе на ростъ японской расы. Но пока это нельзя считать установленнымъ. Айны, наоборотъ, были крупное воинственное племя; шагъ за шагомъ отстаивали они у побѣдителей свои владѣнія и часто, разбитые ими, снова возвращались и наносили имъ серьезные уроны. Легенда объясняетъ побѣды Джиму Тенно дѣятельнымъ покровительствомъ боговъ и въ особенности прародительницы начальника, богини солнца. Цѣлый рядъ чудесъ сопровождалъ походы Джиму Тенно. Иногда, когда онъ сбивался съ дороги, ему являлась громадная птица и летѣла передъ его отрядомъ. Иногда во время сраженія внезапная тьма вносила смятеніе въ ряды враговъ или, наоборотъ, нестерпимый небесный свѣтъ поражалъ ихъ слѣпотой. Во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ туземцы были оттѣснены далеко на сѣверъ и на западъ, и Джиму Тенно основалъ свой дворецъ и первое постоянное поселеніе недалеко отъ теперешняго Кіото, въ той части Японіи, которая, какъ и племя завоевателей, называлась тогда О-Ямато. Годъ постройки этого дворца и считается въ Японіи первымъ годомъ ихъ лѣтосчисленія. Въ этомъ дворцѣ были положены эмблемы царской власти—зеркало, мечъ и круглый камень или держава.

Но на воцареніи Джиму Тенно въ центрѣ Японіи не кончается, конечно, исторія завоеванія страны. Въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ шла непрерывная борьба между завоевателями, все шире распространявшими свои владѣнія, и туземцами, тревожившими ихъ постоянными набѣгами. Только въ I вѣкѣ до Р. Х. или къ VI в. японской эры страна нѣсколько успокоилась, воинственныя туземныя племена водворились на далекихъ окраинахъ, а въ центрѣ начала быстрѣе развиваться мирная культура.

Первый микадо, обратившій серьезное вниманіе на внутреннее развитіе страны, былъ Суджинъ, царствовавшій съ 97 по 30 г. до Р. Х. Ему приписывается установленіе податей, платимыхъ микадо, проведеніе дорогъ, развитіе нѣкоторыхъ ремеслъ, усиленное покровительство земледѣлію, которое въ первобытныя времена представляло

особыя трудности. Далѣе Суджинъ старался по возможности воздѣйствовать на нравы своего племени и боролся съ нѣкоторыми укоренившимися среди нихъ обычаями. Такъ, напримѣръ, тамъ существовалъ обычай при погребеніи умершаго родоначальника или члена императорской семьи закапывать живыми по горло въ землю его приближенныхъ и его лошадь. Далеко вокругъ окрестность оглашалась криками несчастныхъ, умиравшихъ голодною смертью. Микадо повелѣлъ своимъ совѣтникамъ придумать какой-нибудь способъ, чтобъ замѣнить этотъ жестокій обычай. Одинъ изъ приближенныхъ высказалъ мысль, что можно вмѣсто живыхъ людей зарывать въ землю ихъ изображенія. Это предложеніе очень понравилось микадо, и онъ при смерти перваго же изъ своихъ родственниковъ приказалъ закопать съ нимъ въ землю глиняныя статуи его приближенныхъ. Съ этихъ поръ старый обычай сталъ понемногу исчезать, хотя еще долго спустя онъ время отъ времени оживалъ снова уже не въ формѣ зарыванія въ землю живыхъ, а въ видѣ убійства или самоубійства на могилѣ. Самоубійство при этомъ принимало обычную въ Японіи форму-*хара-кири*, т.-е. распарыванье живота.

На ряду съ этимъ обычаемъ, заставляющимъ припоминать Индію и браминовъ, въ Японіи существовали другіе обычаи, страннымъ образомъ напоминающіе Европу и средневѣковье. Такъ, напр., однимъ изъ способовъ опредѣлить виновность преступника былъ *божій судъ* (ордаліи). Обвиняемаго заставляли опускать руку въ крутой кипятокъ. Если тѣло сваривалось, вина считалась несомнѣнной; если знаковъ не оставалось или они очень быстро заживали, обвиненіе падало.

Посвящая много заботъ улучшенію быта своихъ подданныхъ, микадо Суджинъ не забывалъ и о богахъ. Свои жреческія обязанности онъ исполнялъ не менѣе усердно, онъ постоянно совершалъ богослуженія богамъ и воздвигъ имъ много новыхъ храмовъ. Храмы эти по постройкѣ мало отличались отъ его дворца и отъ жилищъ остальныхъ японцевъ. Это были небольшія деревянныя четырехъугольныя строенія, лишенныя всякихъ архитектурныхъ украшеній и всякой роскоши. По образу жизни японскіе микадо нисколько не напоминали другихъ азіатскихъ властителей, окружавшихъ себя большой пышностью. Они, наоборотъ, жили въ первые вѣка чрезвычайно просто.

При преемникахъ Суджина покоренныя племена снова начали тревожить страну. Въ борьбѣ съ ними особенно прославился сынъ микадо Кеико—Ямато-Даке (храбрѣйшій въ Ямато). Это одинъ изъ любимѣйшихъ японскихъ героевъ древней исторіи. Описанія его подвиговъ въ лѣтописяхъ облечены въ легендарную, часто поэтическую форму.

Когда онъ принудилъ къ повиновенію сосѣднія племена, отецъ послалъ его на сѣверъ воевать съ храбрыми айнами. Ямато-Даке пустился въ путь со своимъ отрядомъ, и его молодая жена отправилась

съ ними, не согласившись разстаться съ мужемъ. Когда онъ плылъ въ большой лодкѣ по морю, вдругъ поднялась страшная буря, грозившая каждую минуту перевернуть лодку и потопить отважныхъ пловцовъ. Воины уже готовились къ смерти вмѣстѣ со своимъ предводителемъ, какъ вдругъ поднялась жена Ямато-Даке. «Боги требуютъ умилостивительной жертвы,—сказала она,—я хочу умереть за тебя». И съ этими словами она бросилась въ грозныя волны. Тотчасъ же буря стала утихать, и корабль благополучно приплылъ къ берегу.

Три года продолжался побѣдоносный походъ Ямато-Даке. Преодолѣвая безчисленныя трудности и опасности, онъ достигъ своей цѣли оттѣснилъ айновъ на крайній сѣверъ и надолго лишилъ ихъ охоты тревожить сосѣдей. Возвращаясь назадъ, Ямато-Даке сталъ на горѣ, близъ теперешняго Токіо и, глядя внизъ на волны, поглотившія его любимую жену, повторялъ: «Адзума, Адзума!» (моя жена, моя жена!). Съ тѣхъ поръ долина около Токіо носитъ названіе Адзума. Возможно, конечно, и наоборотъ, что это названіе само породило миѳъ.

Люди не могли справиться съ Ямато, но онъ оскорбилъ одного мѣстнаго бога, и тотъ отравилъ его смертоносными газами, выдѣляющимися при изверженіи. Ямато-Даке умеръ, не дойдя до столицы, умеръ, слагая гимны природѣ.

Послѣ Ямато-Даке громадной славой въ Японіи пользуется императрица Джинго, совершившая первый завоевательный походъ въ Корею. Въ царствованіе ея мужа микадо Чиуэ (191—200 г. по Р. Х.) произошло возмущеніе племени такеру на островѣ Кіу-Сіу. Онъ отправился туда на корабляхъ, и жена послѣдовала за нимъ. Когда они достигли Симоносекскаго пролива и вышли на берегъ отдохнуть, Джинго стала совершать богослужебные обряды богу морей. Въ это время самъ богъ явился къ ней и сказалъ: «Для чего вы добиваетесь покорить Кумасо (отдѣлившаяся область)? Это бѣдная пустынная страна, недостойная вашего войска. Есть на западѣ другая страна, гораздо лучше и богаче ея, страна очаровательная, какъ лицо прекрасной дѣвушки. Въ ней есть золото и всякія сокровища. Молитесь мнѣ, и я помогу вамъ овладѣть ею, не проливъ ни капли крови. Слава вашихъ побѣдъ покоритъ вамъ потомъ и Кумасо».

Когда императрица разсказала объ этомъ своему мужу, онъ отвѣтилъ ей: «Я смотрю туда и вижу только воду. Развѣ эта страна на небѣ? Если нѣтъ, ты обманываешь меня. Или ты молилась ложнымъ богамъ».

Богъ разгнѣвался за такое невѣріе и поразилъ смертью Чиуэ. Но жена его была рѣшительнѣе его. Она собрала войска, разсказала воинамъ свое намѣреніе и воодушевила ихъ своимъ примѣромъ. Она сказала имъ: «Если вы побѣдите, слава будетъ ваша, если потерпите неудачу, вина будетъ моя». Они сѣли на корабли и поплыли въ Корею. Мирные жители Кореи были такъ поражены нашествіемъ воинственныхъ за-

морскихъ людей, что почти не пытались оказывать сопротивленіе. Цари различныхъ областей, на которыя распадалась тогда Корея, добровольно прислали подарки Джинго и обѣщали постоянно выплачивать ей дань.

Императрицѣ Джинго, приписываются слѣдующія постановленія, которыя она давала своимъ воинамъ:

«Не грабить.

«Не пренебрегать немногими врагами и не бояться многихъ.

«Щадить сдающихся, и не давать пощады упорствующимъ.

«Побѣдителю предстоитъ награда, бѣглецамъ—наказаніе».

Походъ императрицы Джинго въ Корею (201 г.) имѣлъ большое значеніе для Японіи. Съ этихъ поръ у нея установились правильныя сношенія съ азіатскимъ материкомъ, не только съ Кореей, но, что гораздо важнѣе—съ Китаемъ. Китай въ это время стоялъ въ культурномъ отношеніи несравненно выше Японіи. Въ теченіе послѣдующаго времени Китай посылалъ въ Японію своихъ учителей, своихъ ученыхъ, своихъ врачей, и постепенно китайская письменность и китайская наука пустили корни въ Японіи и оказали значительное вліяніе на складъ духовной жизни японцевъ. Это вліяніе продолжалось, то ослабѣвая, то усиливаясь, до XVIII вѣка нашей эры, и только тогда началась серьезная борьба съ нимъ. Изъ Китая же получила Японія въ V и VI вв. ту религію, которая смѣнила ея первобытныя вѣрованія и заняла въ ней первенствующее мѣсто, а именно буддизмъ. Но на религіи японцевъ намъ придется подробнѣе остановиться позднѣе. Теперь мы перейдемъ къ характеристикѣ соціально-экономическаго строя Японіи въ этотъ первый полу-легендарный періодъ ея исторіи.

Татьяна Богдановичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Удѣльная Русь (XIII, XIV. XV и первая половина XVI вѣка).

(*Продолженіе* *).

То, что было сказано выше объ отношеніяхъ концовъ къ пятинамъ, вводитъ насъ уже въ сферу областного управленія. Въ земляхъ, подчиненныхъ Новгороду, слѣдуетъ различать нѣсколько, отчасти уже намъ извѣстныхъ по исторіи колонизаціи, составныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый пользовался особыми правами и находился въ особыхъ отношеніяхъ къ главному городу. Прежде всего необходимо выдѣлить пригороды. Происхожденіе части новгородскихъ пригородовъ относится къ довольно позднему времени и можетъ быть прослѣжено по лѣтописямъ. Таково, напр., происхожденіе города Корелы и ряда пригородовъ Пскова. Другіе пригороды, какъ Руса, Ладога, Псковъ, существовали издавна, даже еще до призванія князей. Пригороды, какъ можно видѣть по ихъ расположенію на главныхъ рѣчныхъ системахъ страны и по укрѣпленіямъ, которыя въ нихъ сооружались, возникли подъ вліяніемъ двоякаго рода интересовъ,—военныхъ и хозяйственныхъ. Пригороды были торговыми и промышленными центрами извѣстной мѣстности и особенно развивались тамъ, гдѣ или существовали особые промыслы, или проходили торговые пути: такъ, Ладога, находившаяся у устья Волхова, при впаденіи его въ Ладожское озеро, была ключомъ всего торговаго волховскаго пути, наиболѣе оживленнаго во всей Новгородской области; Орѣшекъ лежалъ у истоковъ Невы и, слѣдовательно, господствовалъ надъ выходомъ изъ этой рѣки въ Ладожское озеро, запиралъ этотъ выходъ; Яма лежала по лужскому торговому пути, Порховъ по шелонскому; Руса была центромъ обширнаго солевареннаго района и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что къ каждому пригороду была приписана извѣстная волость, часть новгородской территоріи: это видно изъ того, что такую волость имѣлъ Псковъ, бывшій сначала пригородомъ Новгорода, а также изъ того, что, когда новго-

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь 1904 г.

родцы давали князьямъ въ кормленіе какіе-либо пригороды, то вмѣстѣ съ ними князья получали и извѣстныя области въ такое же кормленіе. Пригорожане, несомнѣнно, собирались на вѣча для рѣшенія своихъ частныхъ дѣлъ, но вѣча эти подчинялись рѣшеніямъ вѣча старшаго города по извѣстному правилу: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Администрація пригородовъ находилась въ рукахъ посадниковъ, посылаемыхъ по соглашенію князя съ посадникомъ изъ числа новгородскихъ бояръ, или въ рукахъ князей, получавшихъ пригороды въ кормленіе.

Наиболѣе крупнымъ дѣленіемъ территоріи, подчиненной Великому Новгороду, были пятины—Вотская, Обонежская, Деревская, Бѣжецкая и Шелонская. Относительно пятинъ въ ученой литературѣ существуетъ споръ, сводящійся въ сущности къ простому терминологическому разногласію. Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ, что терминъ «пятина» встрѣчается впервые лишь въ концѣ XV вѣка, и что поэтому дѣленіе на пятины надо признать позднѣйшимъ, московскимъ, установленнымъ великимъ княземъ Иваномъ III только въ 1478 г. и раньше не существовавшимъ. Но другіе отмѣчаютъ въ противовѣсъ этому, что лѣтописи рано упоминаютъ о Води или Вожанахъ, о Деревѣ, Бѣжицѣ, Обонежьѣ, что еще въ уставѣ князя Святослава Ольговича въ 1137 г. упоминаются Обонежскій и Бѣжецкій ряды. Вообще, не придавая большого значенія термину «пятина», можно признать, что дѣленіе собственно новгородской земли на пять большихъ частей было древнимъ, и, какъ мы уже видѣли, есть основаніе сближать это дѣленіе съ пятью новгородскими концами, ставить пятины въ извѣстную административно-судебную зависимость отъ кончанскаго управленія.

Болѣе мелкимъ, чѣмъ пятины, территоріальнымъ дѣленіемъ являются погосты, которыхъ во всѣхъ пятинахъ было до 340. Погосты имѣли административное значеніе, были мелкими крестьянскими областными дѣленіями, во главѣ которыхъ стояли выборные старосты, раскладывавшіе и собиравшіе налоги и вѣдавшіе полицію. Новгородскимъ погостамъ соотвѣтствовали псковскія волости или губы, во главѣ которыхъ стояли губскіе или волостные старосты. Существовали еще перевары, которыя обыкновенно, безъ достаточныхъ, впрочемъ, основаній, считаются рыболовными округами. Повидимому, перевара было лишь другое названіе для погоста или губы.

Остается разсмотрѣть характеръ новгородскаго областного управленія въ другихъ владѣніяхъ Великаго Новгорода, кромѣ новгородскихъ пятинъ. Этими владѣніями Новгородъ управлялъ не такъ, какъ пятинами, и даже далеко не всѣ эти владѣнія управлялись одинаково. Первый, наиболѣе важный элементъ новгородскихъ владѣній внѣ пятинъ составляла Двинская земля или Заволочье. На основаніи нѣкоторыхъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій можно сдѣлать выводъ, что первоначально управленіе этой областью носило военный характеръ:

для сбора дани туда ежегодно отправлялись вооруженные отряды новгородцевъ. Такъ, подъ 1169 г. читаемъ: «иде Даньславъ Лазутиничъ за Волокъ данникомъ съ дружиною». Но въ XIII и XIV вѣкахъ можно наблюдать уже совершенно иные порядки, усиленіе связи Двинской земли съ Новгородомъ. Въ Двинской землѣ появляются два назначаемыхъ изъ Новгорода посадника, подобно тому, какъ посадники же были въ новгородскихъ пригородахъ. Посадники жили въ Холмогорахъ, и одинъ изъ нихъ, кажется, имѣлъ такое же значеніе, какъ въ Новгородѣ тысяцкій. Мѣстные интересы на судѣ представлялъ выборный изъ двинянъ сотскій, одинъ на всю Двинскую землю, а въ финансовыхъ дѣлахъ такими же представителями мѣстныхъ интересовъ были старосты отдѣльныхъ волостей. Всѣ остальныя новгородскія владѣнія на сѣверѣ, Терскій берегъ Бѣлаго моря, Пермь, Печора и Югра, были все время въ томъ положеніи, въ какомъ находилось Заволочье до XIII вѣка: новгородцы собирали здѣсь вооруженной рукой дань, не имѣя постоянныхъ органовъ администраціи.

Итакъ, Новгородъ по отношенію къ областямъ, крѣпко съ нимъ связаннымъ, обладалъ тремя важными правами: во-первыхъ, правомъ собирать дань, во-вторыхъ, правомъ призывать въ извѣстныхъ случаяхъ всѣхъ пригорожанъ и жителей волостей на судъ въ Новгородъ, въ-третьихъ, правомъ назначать въ области своихъ посадниковъ и кормленщиковъ. Эти права нерѣдко вызывали недовольство областныхъ жителей. Вотъ почему довольно часто можно прочитать въ лѣтописяхъ извѣстія о возстаніяхъ новгородскихъ областей и пригородовъ. Такъ, въ 1434 г. возстали Великіе Луки и Ржевъ, но были усмирены новгородцами. Здѣсь возстаніе вдохновлялось, главнымъ образомъ, изъ сосѣдней Литвы, такъ какъ литовскіе великіе князья желали присоединить эти пригороды къ своимъ владѣніямъ. Въ Двинской землѣ возстанія возникали подъ вліяніемъ другого сосѣда, великаго князя владимірскаго, потомъ московскаго. Такъ, Андрей Боголюбскій въ 1169 г. привлекъ двинянъ на свою сторону, хотя и ненадолго. Въ 1397 г. въ Двинской землѣ опять наблюдается попытка перемѣнить новгородскую власть на московскую; попытка эта кончилась, впрочемъ, неудачно: двиняне заплатили новгородцамъ 2 тысячи рублей и дали новгородскимъ всадникамъ 3.000 коней. Но всего важнѣе были возстанія Пскова, особенно по тѣмъ результатамъ, какіе они имѣли. Псковичи боролись съ новгородцами прежде всего за право выбирать самимъ князей. Этого права псковичи добились во второй половинѣ XIII вѣка, когда въ Псковѣ появился первый выбранный мѣстнымъ вѣчемъ князь—Довмонтъ, изъ рода Гедимина литовскаго. Новгородцы, правда, считали Довмонта и его ближайшихъ преемниковъ своими кормленщиками, но это была чистая юридическая фикція, такъ какъ на дѣлѣ выборъ и смѣна этихъ князей зависѣли уже не отъ новгородскаго вѣча, а отъ псковскаго. Съ 1322 года въ Псковѣ появляют-

ся совершенно самостоятельные князья, не признававшіе себя даже и номинально представителями Новгорода: такимъ княземъ былъ въ это время Давыдко, происходившій, какъ и Довмонтъ, изъ литовскихъ князей. Затѣмъ въ началѣ XIV вѣка въ Псковѣ появляются собственные выборные посадники на ряду съ присылавшимся изъ Новгорода. Наконецъ, всѣ эти автономистскія стремленія псковичей увѣнчались полнымъ успѣхомъ въ 1347 году, когда въ Болотовѣ былъ заключенъ между Новгородомъ и Псковомъ договоръ, условія котораго изложены въ лѣтописи слѣдующимъ образомъ: «посадникомъ новгородскимъ въ Псковѣ не сѣдѣти, ни судити, а отъ владыки судити ихъ брату псковитину, а изъ Новгорода ихъ не позывати ни дворяны, ни подвойскими, ни софіяны, ни извѣтники, ни биричи, но назваша братомъ молодшимъ Новугороду Псковъ». Такъ Псковъ освободился окончательно отъ всякаго подчиненія Новгороду. Понятенъ успѣхъ Пскова въ борьбѣ за самостоятельность: онъ былъ богаче и сильнѣе другихъ пригородовъ и потому могъ добиться своихъ цѣлей.

Теперь, когда подвергнуты обстоятельному изученію всѣ средства новгородскаго и псковскаго управленія, можно сдѣлать общіе выводы о техническомъ уровнѣ этихъ средствъ. Прежде всего наблюдались ли нами въ вольныхъ городахъ удѣльнаго времени учрежденія съ постояннымъ составомъ, опредѣленнымъ вѣдомствомъ и самостоятельностью въ кругѣ дѣлъ, имъ предоставленныхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что вѣче въ городахъ и пригородахъ и сходки въ погостахъ и губахъ въ отношеніи состава своего были очень несовершенными органами управленія, какъ то было и въ кіевскій періодъ. Но компетенція этихъ органовъ опредѣлилась полнѣе и стала болѣе прочной. Еще ближе къ настоящимъ, правильнымъ учрежденіямъ подходили правительственный совѣтъ, князь, посадникъ, тысяцкій и всѣ остальные органы центральнаго и областнаго управленія: они пріобрѣли опредѣленное вѣдомство, постоянный составъ, стали самостоятельны въ своей дѣятельности. Затѣмъ можно видѣть начатки отдѣленія верховнаго управленія отъ подчиненнаго: верховная власть сосредоточилась въ рукахъ вѣча и правительственнаго совѣта, которые не дѣлили ея ни съ кѣмъ. Правда, и вѣче, и совѣтъ не были чистыми носителями верховной власти, нѣкоторыя функціи ихъ, административныя и судебныя, относились уже къ сферѣ подчиненнаго управленія, но это указываетъ только на неразвитость новыхъ началъ, а не на полное ихъ отсутствіе. Можно, наконецъ, замѣтить, что слабо намѣчалось и раздѣленіе властей, по крайней мѣрѣ, отдѣлился въ высшей инстанціи судъ отъ законодательства и администраціи: учрежденіе для доклада во владычнѣ комнатѣ не сливалось ни съ вѣчемъ, ни съ совѣтомъ, ни съ органами исполнительной власти.

Такимъ образомъ, нельзя отрицать крупные успѣхи, сдѣланные новгородскимъ и псковскимъ политическимъ строемъ въ области ад-

министративно-технической. Спрашивается теперь, насколько этому соотвѣтствовали понятія о цѣли государственнаго союза и о томъ, общество, какъ цѣлое, или лицо признавалось носителемъ власти, т.-е. было ли государство вольныхъ городовъ союзомъ личнаго или союзомъ общественнаго господства? И въ этомъ отношеніи государство вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси представляетъ собою высшій политическій типъ сравнительно съ кіевской Русью. Правда, уцѣлѣло еще не мало остатковъ старины, низводившихъ государство на степень союза личнаго господства, въ которомъ часто преслѣдовались интересы частной выгоды, а не общаго блага: сюда относится, напр., принципъ единогласія, необходимый для дѣйствительности вѣчевыхъ рѣшеній и приводившій на практикѣ къ междуусобію, потому что меньшинство и даже одно лицо могло остановить рѣшеніе въ личныхъ своихъ интересахъ; затѣмъ нельзя забывать, что существовало начало кормленія: были князья-кормленщики, органы судебной власти смотрѣли на судъ съ фискальной точки зрѣнія, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, доходъ отъ судебныхъ пошлинъ. Но на ряду со всѣмъ этимъ наблюдаются явленія совершенно новыя, чуждыя кіевской старинѣ. Прежде всего является постоянный, нерушимый законъ, заступающій мѣсто стараго, колеблющагося обычая. Этотъ законъ долженъ быть постояннымъ руководителемъ властей, которыя должны были дѣйствовать, «взирая въ правду», справляясь съ закономъ. Такими общими законодательствами были Новгородская судная грамота 1471 года и Псковская судная грамота 1467 года, составившаяся изъ вѣчевыхъ рѣшеній и грамотъ двухъ псковскихъ князей, Александра Михайловича, сидѣвшаго въ Псковѣ во второй четверти XIV вѣка, и Константина Дмитріевича, который княжилъ надъ псковичами въ началѣ XV столѣтія. Затѣмъ цѣли правительственной дѣятельности въ Новгородѣ сознательно понимались, какъ стремленіе къ общему благу: такъ, военная дѣятельность князей направлена была не на расширеніе собственныхъ княжескихъ владѣній, а на защиту отъ враговъ. Наконецъ, въ слѣдствіи и судѣ власть начала выходить изъ прежняго пассивнаго состоянія и стала играть болѣе дѣятельную роль. Остановимъ прежде всего свое вниманіе на слѣдствіи и вообще до-судебныхъ актахъ тяжущихся сторонъ и властей. Въ этомъ отношеніи можно наблюдать установленіе довольно яснаго различія между уголовными преступленіями и гражданскими правонарушеніями. При уголовномъ преступленіи до-судебныя дѣйствія истца осложнялись прежде всего однимъ элементомъ, совершенно чуждымъ до-судебнымъ его дѣйствіямъ при гражданскомъ правонарушеніи: это — явка, т.-е. извѣщеніе суда и окольныхъ людей о совершившемся; Псковская судная грамота требуетъ, чтобы татьба и бой были явлены старостамъ, «окольнымъ сусѣдомъ» или инымъ стороннимъ людямъ, а если преступленіе совершилось на пиру,—пировому старостѣ и участникамъ пира. За явкой слѣ-

довала жалоба властямъ, чѣмъ одинаково характеризовались до-судебныя дѣйствія сторонъ и при уголовномъ преступленіи и при гражданской тяжбѣ. Впрочемъ, при убійствѣ, нѣкоторыхъ случаяхъ боя, конокрадствѣ, зажигательствѣ и кражѣ изъ крома, т.-е. изъ кремля, гдѣ былъ архивъ, казна и торговые склады, дѣло начиналось безъ жалобы. Третья составная часть до-судебнаго процесса—призывъ на судъ черезъ посредство приставовъ или подвойскихъ — также одинаково характерна и для дѣлъ уголовныхъ, и для гражданскихъ. Это, какъ и явка,—явленія новыя въ данное время сравнительно съ кіевскимъ періодомъ, указывающія, что власть уже выходитъ изъ прежняго пассивнаго состоянія. Надо, впрочемъ, замѣтить, что призывъ черезъ пристава въ гражданскихъ дѣлахъ отличался и въ изучаемое время сохраненіемъ очень значительныхъ остатковъ старины, именно взгляда на процессъ, какъ на договоръ между сторонами: тутъ нѣтъ ни истца, ни отвѣтчика, обѣ стороны совершенно равны и потому обѣ посылаютъ приставовъ. Такъ, въ одномъ древнемъ новгородскомъ актѣ рѣчь идетъ о поземельной тяжбѣ двухъ лицъ, причемъ *оба* тяжущіеся нарядили подвойскихъ и согласились идти на судъ. Приставъ или подвойскій отправлялся для исполненія своихъ обязанностей обыкновенно съ истцомъ вмѣстѣ и читалъ отвѣтчику на площади «позовницу», грамоту, призывавшую его на судъ; если отвѣтчикъ, уклонялся отъ выслушиванія позовницы, то она читалась въ присутствіи священника и другихъ лицъ. Четвертымъ досудебнымъ актомъ было производство слѣдствія, т.-е. подборъ подходящихъ доказательствъ. При гражданскихъ правонарушеніяхъ этотъ подборъ производился всегда самимъ истцомъ, какъ то было и раньше, въ кіевскій періодъ, но при уголовныхъ преступленіяхъ становится болѣе замѣтнымъ участіе властей: въ дѣлахъ о воровствѣ, по Псковской судной грамотѣ, истецъ могъ просить судью о производствѣ слѣдствія; въ дѣлахъ о боѣ и грабежѣ, когда отвѣтчикъ предъявлялъ равносильное обвиненіе къ истцу, судъ долженъ былъ помочь ему въ представленіи доказательствъ. Таковъ составъ до-судебной части процесса; совершенно ясно, что государственная власть стала въ ней принимать болѣе дѣятельное участіе, чѣмъ прежде, что она стала сильнѣе содѣйствовать выясненіе истины. Это показываетъ, что старая формальная точка зрѣнія на судопроизводство утратила прежнее значеніе, что́ еще яснѣе обнаруживается при изученіи самаго суда. Судъ состоялъ въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ судебныхъ доказательствъ, причемъ большинство послѣднихъ оспаривалось, т.-е. прежній формализмъ потерялъ исключительное значеніе и смѣнился въ значительной степени, хотя далеко не вполнѣ, стремленіемъ установить матеріальную истину. Судопроизводство въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ имѣло, конечно, еще много сходныхъ чертъ, но существовали и значительныя различія, сводившіяся къ преобладанію слѣдственнаго начала въ уголовномъ процессѣ. По-

*

этому удобнѣе разсмотрѣть отдѣльно судебныя доказательства въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Что касается уголовнаго судопроизводства, то первымъ доказательствомъ, самымъ рѣшительнымъ, было собственное признаніе обвиняемаго. За отсутствіемъ признанія, весьма рѣдко встрѣчавшагося на практикѣ, въ качествѣ доказательствъ употреблялись поличное при воровствѣ - кражѣ и вообще слѣды преступленія или «долики» при другихъ преступленіяхъ. Третьимъ видомъ доказательствъ были свидѣтели-очевидцы преступленія. Только въ виду отсутствія свидѣтелей, напр., при боѣ въ пустынномъ или безлюдномъ мѣстѣ, выставлялся послухъ. Значеніе послуховъ намъ уже извѣстно изъ исторіи кіевской Руси,—они были подобіемъ соприсяжниковъ. Теперь остается указать черты различія и сходства послуховъ Псковской судной грамоты съ послухами «Русской Правды». По прежнему послухъ — это лицо, на которое «слались». Онъ былъ свидѣтелемъ не о фактѣ, а о добросовѣстности славшейся на него стороны. Наконецъ, какъ и раньше, онъ былъ свободный человѣкъ, «мужъ», такъ что слова «послушествовать» и «мужевать» были синонимами. Отличія отъ стараго послушества сводились къ слѣдующему: во-первыхъ, ссылка на послуховъ потеряла свою обязательность; Псковская судная грамота прямо говоритъ: «кто не слался, ино его тѣмъ не повинити, что не слался»; во-вторыхъ, послухъ былъ теперь непремѣнно одинъ, «того дѣля, занежъ и поле присужати», т.-е. потому, что его показанія можно оспаривать «полемъ», судебнымъ поединкомъ, а вооруженная борьба стороны съ нѣсколькими послухами была бы затруднительна; въ-третьихъ, какъ только что сказано, показанія послуха подлежали спору, съ нимъ можно было, по выраженію Новгородской судной грамоты, «увѣдаться» путемъ судебнаго поединка. Такъ ослабѣло значеніе послушества, игравшаго въ кіевскій періодъ такую важную роль. Наконецъ, послѣднимъ видомъ доказательствъ, допускавшихся въ уголовномъ судопроизводствѣ, было упомянутое сейчасъ «поле», судебный поединокъ, — процессуальное средство весьма древнее, упоминаемое еще у славянъ X вѣка арабскимъ писателемъ Ибнъ-Дастой, но въ изучаемое нами время утратившее уже прежнее первостепенное значеніе: оно допускалось лишь тогда, когда не было другихъ, болѣе достовѣрныхъ доказательствъ, что опять-таки указываетъ на усиленіе слѣдственныхъ элементовъ въ уголовномъ процессѣ. Для поля былъ установленъ опредѣленный порядокъ: судъ назначалъ срокъ поединка, который происходилъ въ присутствіи властей, поручниковъ и стряпчихъ сторонъ; передъ поединкомъ стороны присягали; побѣдитель выигрывалъ процесъ, но если побѣжденный былъ убитъ, то побѣдитель не получалъ своихъ денегъ: «по трупу кунъ не имати», говоритъ Псковская судная грамота. Переходя къ гражданскому судопроизводству, надо прежде всего замѣтить, что всякій гражданскій искъ

былъ попрежнему почти всегда реальнымъ, вещнымъ, а не консенсуальнымъ, личнымъ, т.-е. стороны приносили съ собою предметъ спора (напримѣръ, денежную сумму) и вели споръ объ этомъ предметѣ, находившемся на лицо. И въ гражданскомъ процессѣ, конечно, собственное признаніе рѣшало дѣло. При его отсутствіи, первостепенное значеніе имѣли документы, причемъ въ большинствѣ случаевъ документы должны были имѣть значеніе не домашнихъ росписокъ, а оффиціально-засвидѣтельствованныхъ актовъ, почему судъ и провѣрялъ достовѣрность документовъ, справляясь, оставлены ли были въ Псковскомъ архивѣ или ларѣ св. Троицы копіи съ нихъ. Неоффиціальные акты—«доски»—допускались въ качествѣ судебныхъ доказательствъ лишь при займѣ ниже 1 рубля. Если не было документовъ, искъ доказывался свидѣтельскими показаніями. Въ поземельныхъ дѣлахъ—при равенствѣ доказательствъ обѣихъ сторонъ—призывались «межники»—не официальные межевщики, а «сторожильцы», «знахари», старинные мѣстные жители, разводившіе спорную землю. Они, по своему юридическому значенію, соотвѣтствовали отчасти послухамъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Наконецъ, поле примѣнялось въ гражданскихъ тяжбахъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ уголовномъ судопроизводствѣ, и очень часто употреблялся еще одинъ видъ суда Божія,—крестное цѣлованіе или присяга; присяга была двухъ родовъ—очистительная въ нѣкоторыхъ искахъ о владѣніи, которой подлежалъ *отвѣтчикъ*, и которая составляла его *обязанность*, и присяга—*право*, принадлежавшее одной изъ сторонъ, причемъ отъ послѣдней зависѣло самой присягнуть, заставить присягать другую сторону или идти на поединокъ, но иногда предоставлялся выборъ лишь первыхъ двухъ изъ этихъ возможностей. Напримѣръ, при выкупѣ заложенной вещи возникъ споръ о томъ, за сколько она заложена. Если былъ оффиціально удостовѣренный документъ, то дѣло рѣшалось безспорно на основаніи его текста. Но если закладной записи не было, то залогоприниматель могъ или самъ присягнуть или возложить присягу на залогодателя. Опять присяга имѣетъ значеніе лишь за отсутствіемъ другихъ доказательствъ.

Итакъ все заставляетъ насъ придти къ выводу, что прежнее, древнѣйшее государство, преслѣдовавшее цѣли личной выгоды и бывшее значитъ, союзомъ личнаго господства, стало колебаться въ своихъ основаніяхъ въ Новгородѣ и Псковѣ XIII, XIV и XV вѣковъ и постепенно преобразовывалось въ государство, имѣющее въ виду интересы общаго блага, въ союзъ общественнаго господства.

Впрочемъ здѣсь необходимо сдѣлать еще одно существенное дополненіе, естественно вытекающее изъ всего предшествовавшаго изложенія. Государство вольныхъ городовъ было еще *аристократическимъ* и *муниципальнымъ*. Оно не было, правда, крѣпостнымъ государ-

ствомъ, основаннымъ на принципѣ обязанности, но принципъ *права* вырождался въ немъ въ начало сословной *привилегіи* и притомъ фактически вся власть находилась въ рукахъ населенія державнаго города, «государя Великаго Новгорода» и «господина Пскова», и даже не всего населенія, а горсти богатыхъ банкировъ, землевладѣльцевъ и купцовъ.

Таковъ былъ политическій строй вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси. Чтобы лучше понять связь политическихъ явленій съ соціальными и хозяйственными, мы должны теперь остановиться на борьбѣ новгородскихъ политическихъ партій. Читая новгородскія лѣтописи XII вѣка, легко сдѣлать наблюденіе, что параллельно смѣнѣ князей смѣняются и посадники, причемъ, каждый разъ какъ на новгородскомъ столѣ появляются суздальскіе князья или ихъ ставленники, — и посадниками становятся члены опредѣленнаго круга новгородскихъ боярскихъ фамилій, а когда садятся на столъ князья другихъ линій Рюрикова дома, то и посадничество занимаютъ члены иныхъ фамилій. Такое совпаденіе не можетъ быть случайнымъ: очевидно, князья и посадники смѣнялись по той причинѣ, что побѣждала та или другая политическая партія. Одна изъ этихъ партій, именно та, которая была противъ суздальскихъ князей, была, несомнѣнно, демократической партіей, состояла по преимуществу изъ черныхъ людей и купцовъ, какъ видно изъ того, что она требовала, чтобы князь «блюлъ *смердовъ*», и, разграбивъ дома враждебныхъ *бояръ*, снабдила деньгами *купцовъ*. Предводителями этой партіи были такія лица, какъ Мирославъ Гюрятиничъ, его сынъ Якунъ Мирославичъ, Михалко Степаничъ и его сынъ Твердиславъ Михалковичъ. Противную партію надо признать на основаніи сейчасъ приведенныхъ данныхъ аристократической. Ея предводителями были, напр., Дмитръ Завидичъ, его сынъ Завидъ Дмитровичъ, Иванко Павловичъ, его сынъ Судило Иванковичъ, Захарія, его сынъ Иванко Захарьиничъ, Мирошка Нездиничъ, его сынъ Дмитръ Мирошкиничъ и т. д. Мы можемъ опредѣлить и отношеніе обѣихъ партій къ важнѣйшимъ политическимъ вопросамъ и результаты ихъ усилій осуществить то, къ чему онѣ стремились. Самымъ жгучимъ вопросомъ былъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между вѣчемъ и княземъ. Не трудно замѣтить, что демократическая партія была противъ своеволія князей, за ограниченіе ихъ власти и за расширеніе власти вѣча: она, во-первыхъ, добилась уступки княземъ права торговаго суда купеческой компаніи, организовавшейся около церкви св. Ивана на Опокахъ, во-вторыхъ, когда въ 1218 г. князь Святославъ Мстиславичъ потребовалъ смѣны посадника Твердислава Михалковича, то онъ получилъ отказъ отъ сторонниковъ послѣдняго; ему сказали: «тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ». Между тѣмъ аристократическая

партія мирилась со своеволіемъ князей суздальской линіи, которыхъ она поддерживала: такъ, Рюрикъ Ростиславичъ, посаженный на новгородскій столъ Андреемъ Боголюбскимъ, въ 1171 г. отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города, хотя Жирославъ принадлежалъ къ суздальской, аристократической партіи; и мы не видимъ при этомъ никакого протеста со стороны приверженцевъ суздальскихъ князей; они даютъ посадничество другому лицу изъ своей среды,—Иванку Захарьиничу. Можно прибавить, что бояре-банкиры были приверженцами аристократической партіи, потому что у Дмитра Мирошкинича было много «досокъ», долговыхъ обязательствъ ему со стороны разныхъ лицъ. Вѣроятно, демократами было то боярское меньшинство, которое не превратилось въ крупныхъ банкировъ, осталось при одномъ землевладѣніи. Наконецъ, лѣтописныя извѣстія указываютъ, что сторонники аристократической партіи жили на Торговой сторонѣ, а демократы на Софійской. Понятно, почему главная масса боярской аристократіи держалась пока сильной княжеской власти и опасались могущества вѣча: экономическое господство крупныхъ банкировъ-землевладѣльцевъ еще не успѣло укрѣпиться, и можно было опасаться, какъ бы демократическая волна не захлестнула едва начинавшей становиться на ноги боярской аристократіи.

Въ такомъ положеніи находились новгородскія политическія партіи въ XII вѣкѣ и началѣ XIII столѣія, до 1218 года. Тотъ самый Твердиславъ, о которомъ у насъ уже много разъ шла рѣчь, разошелся въ этомъ году съ большинствомъ демократической партіи и выказалъ себя сторонникомъ сильныхъ князей, не примкнувъ, однако, къ аристократамъ: онъ понялъ, что плодами предшествовавшей политической борьбы воспользовались аристократы, подчинившіе вѣче фактическому господству совѣта, и что въ интересахъ народа предпочесть сильную княжескую власть олигархическому преобладанію богачей. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIII вѣка сынъ Твердислава, Степанъ воспринялъ и примѣнилъ на практикѣ идеи отца: оставшись вѣрнымъ интересамъ народной массы, онъ однако поддерживалъ на новгородскомъ княжескомъ столѣ привыкшихъ къ самостоятельности князей владиміро-суздальской линіи, — Ярослава Всеволодовича и его сына Александра Невскаго. Твердиславъ и Степанъ Твердиславичъ своей дѣятельностью положили начало кризису въ демократической партіи, но это привело сначала только къ рѣзкому столкновенію между ними и другими народными вождями: то, что стало понятно отдѣльнымъ выдающимся дѣятелямъ, оставалось еще недоступнымъ народной массѣ.

Но и передъ видными членами аристоратической партіи возникалъ вопросъ: пригодны ли тѣ средства, которыми они раньше пользовались въ политической борьбѣ, для сохраненія достигнутаго фактическаго преобладанія боярскаго совѣта надъ вѣчемъ, обладавшимъ уже

юридически всею верховною властью? Опираясь на сильныхъ и склонныхъ къ самовластію князей, боярская партія, правда, не могла ограничить демократическія тенденціи вѣча, но пріобрѣла фактическій перевѣсъ, добившись экономическаго господства. Слѣдовало ли и послѣ этого поддерживать такихъ князей? Большинство членовъ партіи не сознавало еще необходимости перемѣны въ этомъ отношеніи, но отдѣльныя болѣе талантливыя лица опередили толпу: они поняли, что дальнѣйшая поддержка сильныхъ князей опасна, потому что они проникнуты стремленіемъ подавить не только вѣче, но и боярскій совѣтъ; что и подавленіе вѣча, находящагося въ рукахъ бояръ-капиталистовъ и землевладѣльцевъ, невыгодно для аристократической партіи, что, наконецъ, среди сторонниковъ чернаго народа стали проявляться тенденціи въ сторону сильныхъ, могущественныхъ князей, какъ естественныхъ союзниковъ черни противъ знати. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ наиболѣе талантливые представители аристократической партіи начали склоняться къ поддержкѣ болѣе слабыхъ и мягкихъ князей въ Новгородѣ. Первый тому примѣръ представляетъ посадникъ Сменъ Михайловичъ; онъ принадлежалъ къ фамиліи, давно уже зарекомендовавшей себя аристократическими симпатіями, и однако, въ 1282 г. воспротивился признанію новгородскимъ княземъ, сильнаго Дмитрія Александровича, сына Александра Невскаго.

Наши источники показываютъ, что во второй половинѣ XIV вѣка взгляды Твердислава сдѣлались общепринятыми въ средѣ демократической партіи, тогда какъ партія боярская примкнула къ воззрѣніемъ Смена Михайловича. Новгородскія партіи въ это время окончательно сложились въ новомъ направленіи. Такъ какъ юридическое всемогущество вѣча оказалось фикціей при экономическомъ господствѣ боярства, то центромъ тяжести политической борьбы съ этого времени становится окончательно вопросъ о власти князя: демократы стремятся всѣми силами поддержать на новгородскомъ столѣ сильныхъ московскихъ князей племени Калиты и готовы даже идти на уступки ихъ самовластію; аристократы стоятъ за дальнѣйшее расширеніе новгородской самостоятельности путемъ увеличенія правъ вѣча и дарованія самостоятельности архіепископу новгородскому и посредствомъ узурпаціи верховной власти правительственнымъ совѣтомъ; въ своихъ стремленіяхъ аристократическая партія все болѣе склоняется къ мысли лишить московскихъ великихъ князей новгородскаго стола.

Мы видѣли, какъ уже въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, несмотря на то, что демократическая партія выставила очень талантливыхъ политическихъ дѣятелей и вынесла на своихъ плечахъ всю первоначальную тяжесть борьбы за новгородскія вольности,—результатами этой борьбы и дѣятельности пользовалась боярская партія, большею частью достигавшая перевѣса. Къ XV столѣтію эта общая характеристика отно-

сительной силы борющихся сторонъ подходитъ въ гораздо еще большей степени: въ это время аристократическая партія окончательно восторжествовала и подавила противниковъ. Такое политическое положеніе совершенно явственно выступаетъ изъ цѣлаго ряда важныхъ наблюденій надъ источниками. Прежде всего нѣсколько лѣтописныхъ свидѣтельствъ прямо указываютъ на полную невозможность для демократической партіи собственными силами бороться съ партіей бояръ. Безпомощныя жалобы и даже готовность отказаться отъ новгородской свободы въ пользу московскаго великаго князя—вотъ что остается народной партіи. «А въ то время,—жалобно причитаетъ одна изъ новгородскихъ лѣтописей подъ 1446 годомъ,—не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и возсташа ябедницы, изнарядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду и начаша грабити по селамъ и по волостямъ и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданія и вопль и клятва всими людми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права». Подъ слѣдующимъ годомъ опять встрѣчаемъ сѣтованія на «безправдивыхъ бояръ» и ихъ злоупотребленія. Въ концѣ концовъ «новгородцы *люди житіи и моложшіи* сами его (Ивана III) призвали на тыя управы, что на нихъ насилья держатъ, какъ посадники и великіе бояре, никому ихъ судити не мочи, тіи насильники творили, то ихъ также иметъ князь великій судомъ по ихъ насилству по мздѣ судити». Въ приведенныхъ свидѣтельствахъ слышенъ голосъ отчаянія и полнаго разочарованія въ благѣ для народа отъ тѣхъ политическихъ учрежденій, которыя составляли особенность Новгорода. Отчаяніе и прострація народной партіи доходятъ до такой степени, что о прежнихъ бурныхъ народныхъ возстаніяхъ, ниспровергавшихъ на время могущество бояръ, въ XV вѣкѣ нѣтъ и помина. Правда, и это время не особенно бѣдно волненіями въ Новгородѣ, но это—большею частью волненія особаго рода: это или торжество побѣдителей, безъ удержу и ограниченій примѣнявшихъ на практикѣ принципъ «горе побѣжденнымъ», или внутреннія, случайныя несогласія по частнымъ поводамъ, не колебавшія установившагося соотношенія партій. Примѣромъ перваго могутъ служить волненія 1418 года, образцомъ второго—возстаніе 1421 г. Въ 1418 г. аристократическая торговая сторона, собравшись на вѣче на Ярославлѣ дворѣ, рѣшила сокрушить тѣхъ бояръ Софійской стороны, которые оставались еще вождями демократовъ. Вѣче направилось бурнымъ потокомъ на Софійскую сторону и разграбило улицы Кузьмодемьянскую, Чудинцеву, Яневу, Люгощу, Прусскую. Архіепископъ утишилъ волненіе, но уже тогда, когда демократы были окончательно раздавлены. Въ 1421 году «возсташа два конца, Неревскій и Славенскій, за Клементія Артемьина про землю на посадника Андрея Ивано-

вича и грабиша дворъ его въ доспѣсѣхъ и иныхъ бояръ разграбиша дворы напрасно; и убиша Андреевыхъ посадниковыхъ 20 человѣкъ до смерти, а неревлянъ 2 человѣка, и смиришася». Возстаніе было направлено, слѣдовательно, противъ бояръ и посадника боярской партіи. Но кто же возсталъ? Славянскій конецъ былъ аристократическимъ, а Неревскій все болѣе и болѣе дѣлался таковымъ, потому что въ немъ жили не только ремесленники и богатое купечество, но въ XV вѣкѣ и аристократическіе бояре: здѣсь именно на Великой улицѣ находился «чудный дворъ» Мареы посадницы, этой вдохновительницы аристократическихъ противниковъ Ивана III. Итакъ, на бояръ-аристократовъ поднялись свои же люди. Поэтому и возстаніе имѣло частный поводъ и очень скоро кончилось примиреніемъ. Третьей характерной чертой политической исторіи XV вѣка служитъ отсутствіе въ лѣтописяхъ прямыхъ указаній на насильственную смѣну посадниковъ, на то, что новгородцы прогнали одного и замѣнили его другимъ, тогда какъ эти указанія совершенно обычны въ предшествующія столѣтія. Это молчаніе лѣтописей о насильственныхъ перемѣнахъ посадниковъ нельзя признать случайностью, особенно, если сопоставить его съ извѣстнымъ свидѣтельствомъ Ляннуа, что въ XV вѣкѣ посадники въ Новгородѣ мѣнялись ежегодно. Правда, Ляннуа, вѣроятно, ошибся, допустилъ преувеличеніе, но мы все-таки должны признать, что посадники тогда исполняли свою должность недолго, уступая ее другимъ: это видно по значительному числу старыхъ посадниковъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ. Итакъ, посадники мѣнялись часто, но не насильственно. Что же это значитъ? Это значитъ, что за смѣной посадниковъ въ XV вѣкѣ не скрывается партійная борьба, что всѣ посадники или, по крайней мѣрѣ, подавляющее большинство ихъ принадлежало въ это время къ одной господствующей аристократической партіи, наиболѣе выдающіеся члены которой и занимали эту важную, выгодную и почетную должность въ извѣстной очереди. И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда можно разглядѣть по источникамъ политическое направленіе степенныхъ посадниковъ XV вѣка,—они являются всегда аристократами. Таковы посадники Андрей Ивановичъ, Василій Есиповичъ, Тимоеей Васильевичъ, Самсонъ Ивановичъ, Тимоеей Остафьевичъ, Василій Онаньинъ, Оома Андреевичъ. Виднѣйшія боярскія фамиліи—Борецкихъ, Селезневыхъ, Телятевыхъ, Оедоровыхъ, Аоанасьевыхъ — стояли за провозглашеніе новгородскимъ княземъ Казимира литовскаго. Въ числѣ сторонниковъ Москвы упоминаются только боярскія фамиліи Поликарповыхъ и Тучиныхъ.

Исторія борьбы политическихъ партій въ Великомъ Новгородѣ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія неразрывную связь государственнаго строя вольныхъ городскихъ общинъ удѣльной Руси съ устройствомъ общества. Экономическая и юридическая опредѣленность, сильное раз-

витіе сословности, аристократическій характеръ—эти основные признаки соціальныхъ отношеній въ вольныхъ городахъ—отразились на болѣе правильной организаціи учрежденій, на развитіи государственныхъ понятій и дали фактическій перевѣсъ боярскому совѣту. Главное и непосредственное воздѣйствіе на политическую эволюцію оказывалъ, такимъ образомъ, соціальный процессъ. Но и экономическія явленія имѣли свою долю непосредственнаго вліянія на политическій строй вольныхъ городовъ. Княжеская власть, несомнѣнно, сократилась отчасти и по той причинѣ, что относительное значеніе разныхъ мѣстныхъ отраслей промышленности обезпечивало населенію хозяйственную независимость отъ князя. Аристократизмъ былъ результатомъ, между прочимъ, и господствовавшихъ формъ землевладѣнія, и неравномѣрности въ распредѣленіи хозяйственныхъ благъ.

Мы видѣли въ свое время, какъ много историческихъ параллелей можно подобрать для экономическаго и соціальнаго строя древне-русскихъ вольныхъ городовъ. То же надо сказать и о политическомъ строѣ. Присматриваясь къ политической исторіи эллинскихъ городскихъ общинъ VII и VI вѣковъ до Р. Х., мы можемъ наблюдать здѣсь явленія, знакомыя намъ изъ исторіи Новгорода и Пскова: знать, т.-е. крупные землевладѣльцы и капиталисты, достигаетъ все большаго политическаго перевѣса, царь въ VII вѣкѣ—не болѣе, какъ первый между равными, и въ VI столѣтіи царская власть совершенно падаетъ, и соотвѣтственно этому возрастаетъ значеніе аристократическаго совѣта—βουλή или γερουσία; совершается кодификація права; въ качествѣ судебныхъ доказательствъ выступаютъ на первый планъ документы, свидѣтельскія показанія; за ними уже слѣдуютъ присяга и соприсяжники, столь близкіе къ нашимъ послухамъ. Даже въ средствахъ подавленія аристократическаго господства замѣчается большое сходство: такихъ средствъ въ Греціи было, какъ извѣстно, два—проведеніе реформъ избранникомъ народной партіи, такъ называемымъ «эсимнетомъ», каковыми были, напр., Солонъ, Клисѳенъ, и господство единовластнаго правителя, насильственно, не по праву захватившаго власть,—тиранна. Эллинскимъ эсимнетамъ отчасти соотвѣтствовали люди въ родѣ Твердислава, дѣйствовавшіе только съ меньшимъ успѣхомъ. Роль тиранновъ выпала на долю Ивана III, но и здѣсь наблюдается важное различіе: власть московскаго великаго князя была несравненно сильнѣе и прочнѣе. Причину этихъ различій можно усмотрѣть въ оригинальныхъ чертахъ, свойственныхъ хозяйственному строю русскихъ вольныхъ городовъ. Новгородъ былъ связанъ тѣснѣйшими, неразрывными хозяйственными узами съ сѣверо-восточной Русью; новгородское купечество, какъ мы видѣли, вело транспортную, передаточную торговлю, сбывало за границу продукты не своей области, а центра нынѣшней Россіи, и въ свою очередь продавало здѣсь не предметы, производившіеся въ новгород-

скихъ пятинахъ, а иностранные товары. Притомъ же Новгородъ съ его областью не могъ пропитаться своимъ хлѣбомъ и нуждался въ привозѣ его изъ сѣверо-восточной Руси, изъ великокняжскихъ владѣній. Стоило порвать экономическую связь Новгорода съ бассейномъ Волги и Оки, и все его торговое могущество должно было бы разрушиться и исчезнуть. Вотъ почему вольная новгородская община должна была рано или поздно подчиниться власти московскаго государя, что̀ и случилось при Иванѣ III. Впрочемъ, нельзя забывать здѣсь и вліяніе внутреннихъ условій: господство аристократіи не соотвѣтствовало интересамъ общества вольныхъ городовъ, какъ цѣлаго, почему и создавало полное равнодушіе массы населенія къ политическимъ вольностямъ. Катастрофа была неизбѣжна, и она, наконецъ, совершилась: въ 1478 году съ Новгородомъ и въ 1510 г. съ Псковомъ.

Глава пятая.

Новгородскій владыка и духовенство.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ политическихъ условій сложилась организація церкви вольныхъ городовъ удѣльнаго времени и опредѣлилось положеніе духовенства, какъ общественной группы.

Положеніе новгородскаго архіерея или владыки, какъ и положеніе другихъ органовъ новгородскаго выборнаго управленія, опредѣлилось не сразу. Сначала—въ XI и первой половинѣ XII вѣка—епископъ новгородскій не отличался ничѣмъ отъ другихъ іерарховъ русской церкви: онъ былъ всецѣло подчиненъ кіевскому митрополиту, имъ назначался, поставлялся, судился и смѣнялся. Соотвѣтственно этому его свѣтское, политическое значеніе было ничтожно: онъ былъ членомъ совѣта мѣстнаго князя и только. Но съ ростомъ самостоятельности вольной новгородской общины, съ развитіемъ ея учрежденій, измѣнилось и положеніе владыки, получившаго потомъ архіепископскій чинъ. Подъ 1156 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ въ первый разъ указаніе на выборъ владыки на вѣчѣ во дворѣ св. Софіи; выборъ этотъ въ этомъ году, какъ и позднѣе, всегда производился всѣми новгородцами съ участіемъ духовенства—бѣлаго и чернаго. Обыкновенно при выборѣ не стѣснялись соображеніями іерархическаго характера; не требовалось также, чтобы выбираемый былъ монахомъ. Единственное ограниченіе состояло въ томъ, что выбирать можно было только изъ духовныхъ лицъ, а не изъ мірянъ. Избранный единогласно владыка торжественно вводился во владычень дворъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ, невозможности единогласнаго выбора, дѣло рѣшалось жребіемъ: имена трехъ кандидатовъ заносили на особые «жеребьи», съ приложеніемъ посадничьей печати и жеребьи эти клались на главный престолъ Софійскаго собора; сначала жребій вынимали послѣ обѣдни

слѣпцы или княжескія малолѣтнія дѣти; и выбраннымъ считался тотъ, чей жребій былъ вынесенъ первымъ; но съ XIV вѣка жеребьи вынималъ протопопъ Софійскаго собора, и выбраннымъ признавался тотъ, чей жребій оставался послѣднимъ на престолѣ. Владыки рѣдко смѣнялись: извѣстны, напр., такіе случаи въ 1223 и 1421 годахъ; чаще владыки сами удалялись на покой, вѣроятно, иногда и по политическимъ причинамъ. Занявъ, благодаря выборному характеру, болѣе самостоятельное положеніе по отношенію къ митрополиту кіевскому, потомъ московскому, новгородскій владыка существенно измѣнилъ и свои функціи: то, что было въ его дѣятельности на первомъ планѣ,—управленіе церковными дѣлами—отодвинулось теперь на второй, и свѣтское вліяніе архіепископа стало перевѣшивать его духовную власть, свѣтскія дѣла стали сосредоточивать на себѣ все больше вниманіе выборнаго главы новгородскаго духовенства. Владыка прежде всего имѣлъ очень важное значеніе въ дѣятельности вѣча, регулировалъ, направлялъ эту дѣятельность двумя путями: во-первыхъ, благословеніемъ вѣчевыхъ актовъ: объ этомъ благословеніи читаемъ въ началѣ большей части новгородскихъ договорныхъ и уставныхъ грамотъ XIV вѣка, а въ концѣ ихъ обыкновенно прикладывалась владычня печать; во-вторыхъ, примиреніемъ враждующихъ партій: во время вѣчевыхъ междуусобій архіепископъ съ крестомъ являлся на большой волховскій мостъ и утишалъ борьбу. Едва-ли не большее еще вліяніе принадлежало владыкѣ во внѣшнихъ дѣлахъ: съ тѣхъ поръ, какъ князь обратился въ послушное и подчиненное орудіе вѣча и совѣта, владыка выступилъ на первый планъ въ сношеніяхъ съ сосѣдями; онъ ведетъ обыкновенно переговоры, отправляется во главѣ посольствъ: извѣстны переговоры владыки съ великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ тверскимъ въ 1328 году, съ московскимъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ въ 1441 г. и съ Иваномъ III въ 1471 г. Особенно замѣчательна роль новгородскаго архіепископа по отношенію къ иностранному купечеству, торговавшему въ Новгородѣ: владыка доставлялъ нѣмецкимъ купцамъ доступъ къ новгородскимъ властямъ посредствомъ своихъ приставовъ, при оставленіи Новгорода нѣмецкими купцами служилъ ихъ довѣреннымъ лицомъ,—ему оставлялись запечатанные ключи отъ варяжской церкви, служившей складочнымъ мѣстомъ товаровъ, привозимыхъ иностраннымъ купечествомъ; онъ, наконецъ, былъ покровителемъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и всѣхъ иностранцевъ въ цѣломъ: въ 1425 г., напр., старался не допустить разграбленія нѣмецкаго двора и заключенія гостей подъ стражу; иногда возстановлялъ своимъ посредничествомъ прерванныя торговыя сношенія, для чего посылалъ своего посла въ Ганзу; владыка Евфимій I былъ прозванъ даже добрымъ защитникомъ и покровителемъ нѣмецкаго купечества. Въ этихъ двухъ своихъ важныхъ функціяхъ—регулированіи вѣчевой

дѣятельности и дѣятельномъ участіи во внѣшней политикѣ—новгородскій владыка отличался умѣряющей и умиротворяющей властью. Но вѣдомство владыки было гораздо шире этого, простиралось и на такія дѣла, въ которыхъ онъ являлся уже въ качествѣ не направляющей, а исполнительной власти: прежде всего владыкѣ, по византійскимъ традиціямъ, принадлежало право осмотра и повѣрки орудій мѣры и вѣса и штрафованія надсмотрщиковъ при порчѣ этихъ орудій; штрафъ дѣлился на три части: одна шла въ казну св. Софіи (т.-е. владыкѣ), другая въ церковь св. Ивана на Опокахъ, въ притворѣ которой хранились образцы мѣръ, третья сотскимъ, непосредственнымъ помощникамъ владыки при повѣркѣ. Кромѣ того новгородскій архіепископъ обладалъ довольно широкой судебной властью: кромѣ дѣлъ, подсудныхъ всѣмъ епископамъ по Номоканону,—дѣлъ по церковнымъ преступленіямъ, преступленіямъ противъ нравственности и нѣкоторыхъ гражданскихъ,—владыка имѣлъ значеніе судьи-посредника, третейскаго судьи, выступавшаго въ нѣкоторыхъ дѣлахъ по обоюдному приглашенію тяжущихся сторонъ: такъ во второй половинѣ XIV вѣка владыка Алексѣй разбиралъ дѣло Астафія съ посадникомъ Александромъ—искъ послѣдняго о деньгахъ, данныхъ первому при покупкѣ земли. Наконецъ, третья сфера вліянія владыки на свѣтскія дѣла опредѣлялась его матеріальными богатствами. Владыка былъ богатѣйшій землевладѣлецъ: въ 1478 г. Иванъ III взялъ у него на себя 10 волостей, въ которыхъ было 311 сохъ или около 1.000 человѣкъ взрослыхъ крестьянъ, а это составляло меньше половины всѣхъ владычныхъ имѣній. Кромѣ доходовъ съ этихъ земель владыка имѣлъ долю въ княжескихъ доходахъ и собиралъ дань съ духовенства. Будучи богатъ, архіепископъ на свой счетъ содержалъ особый полкъ или «владычень стягъ» и помогалъ Новгороду деньгами изъ собственной казны, особенно при уплатѣ контрибуцій: такъ въ 1386 г. изъ восьмитысячной контрибуціи Дмитрію Донскому владыка уплатилъ 3.000 рублей. У Новгорода не было собственныхъ зданій для общественныхъ учрежденій; владыка помѣщалъ ихъ поэтому при церквахъ или у себя на дворѣ, гдѣ бывали обыкновенно засѣданія высшаго суда и совѣта бояръ. Далѣе: у владыки были собственныя артели мастеровъ—каменьщиковъ и плотниковъ,—почему онъ былъ и распорядителемъ и исполнителемъ общественныхъ работъ: такъ въ 1230 г. владыка построилъ скудельницу для погребенія мертвыхъ, въ 1338 г. новый Волховскій мостъ, въ 1361 г. помогъ деньгами при постройкѣ каменнаго города, въ 1391 г. новгородцы взяли изъ казны св. Софіи скопленныя владыкой Алексѣемъ 5.000 серебра для постройки каменныхъ башенъ.

Таковы были свѣтская власть и политическое вліяніе новгородскаго владыки. Три сферы охватывались этимъ вліяніемъ: во-первыхъ, сфера

дѣйствія высшихъ государственныхъ учрежденій—вѣча и совѣта; во-вторыхъ, сфера судебной и отчасти полицейской дѣятельности; въ-третьихъ, финансовыя дѣла. Въ каждой изъ этихъ сферъ власть владыки имѣла особый оттѣнокъ: въ первой онъ направлялъ и умѣрялъ дѣйствія новгородскихъ учрежденій; во второй былъ охранителемъ справедливости; въ третьей ему часто принадлежала опредѣляющая роль, служившая очень важнымъ источникомъ власти и вліянія. При столь обширной свѣтской власти владыкѣ не оставалось достаточно времени для исполненія своихъ обязанностей въ качествѣ главы новгородскаго и псковскаго духовенства. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивался лишь самымъ необходимымъ: посвященіемъ священниковъ и діаконовъ, освященіемъ церквей и наблюденіемъ за церковнымъ благочиніемъ, для чего совершалъ иногда поѣздки по епархіи. Широта свѣтской власти новгородскаго владыки отразилась не только на сокращеніи его дѣятельнаго участія въ церковныхъ дѣлахъ, но и на характерѣ владычной администраціи. Разнообразіе обязанностей владыки вызывало нужду во множествѣ слугъ, главными изъ которыхъ были такъ называемые софіяне. Къ софіянамъ принадлежали, во-первыхъ, нарочитые дворяне или владычни бояре, во-вторыхъ, владычни дѣти боярскія. И тѣ и другія управляли имѣніями владыки, судили крестьянъ, собирали съ нихъ оброкъ, служили во владычнемъ полку, занимали должности софійскаго казначея и владычня намѣстника, замѣщавшаго архіепископа въ руководствѣ церковными дѣлами и судѣ. И областное церковное управленіе имѣло свѣтскій характеръ, изъ свѣтскихъ слугъ архіепископа назначались владычни намѣстники въ Двинской землѣ и въ Псковѣ а также десятники.

Новгородское и псковское духовенство, подобно свѣтскому обществу вольныхъ городовъ, организовалось въ корпораціи, извѣстныя подъ именемъ соборовъ; такихъ соборовъ въ Новгородѣ было 7, въ Псковѣ въ концѣ XV вѣка 6. Недостаточно извѣстно, принадлежали-ли къ составу этихъ корпорацій новгородское областное духовенство, но несомнѣнно, что духовенство псковской области примыкало къ псковскимъ соборамъ. Каждый соборъ представлялъ собою корпорацію приблизительно изъ 100 священнослужителей, подобно тому, какъ купеческая сотня состояла изъ 100 лицъ. Цѣлью соединенія духовенства въ соборы было отправленіе богослуженія совмѣстно всѣмъ духовенствомъ собора и раскладка поборовъ владыки съ духовенства, слагавшихся изъ платы за посвященіе, за церковный судъ, на содержаніе церковнаго управленія, даровъ, приношеній и особой платы во время пріѣзда архіепископа. Каждый соборъ имѣлъ своего выборнаго поповскаго или соборнаго старосту. Надо, впрочемъ, замѣтить, что были и «невкупные» попы, не успѣвшіе составить соборъ. Что касается отношенія церквей къ приходамъ, то оно покоилось на демократическомъ

основаніи: прихожане имѣли большое вліяніе на назначеніе священнослужителей, представляли владыкѣ кандидатовъ и заключали съ духовенствомъ условія о срокѣ службы, количествѣ службъ и т. д.

Мы видѣли, что Псковъ постепенно достигъ полной независимости отъ Новгорода въ политическомъ отношеніи. Такое же стремленіе къ самостоятельности церковной наблюдается въ Псковѣ въ XIV вѣкѣ. Въ 1307 г. изъ-за этого вопроса произошла ссора между новгородцами и псковичами. Въ 1331 г. псковичи, впрочемъ безуспѣшно, просили кіевскаго (южно-русскаго) митрополита Ѳеогноста дать имъ особаго епископа. Наконецъ, по Болотовскому договору Пскова съ Новгородомъ, установившему политическую самостоятельность Пскова, были регулированы и отношенія псковской церкви къ новгородскому архіепископу: владыка новгородскій обязался назначить намѣстника въ Псковъ непремѣнно изъ псковичей, а вмѣсто призыва псковичей на церковный судъ въ Новгородъ былъ установленъ періодическій пріѣздъ или «подъѣздъ» новгородскаго архіепископа въ Псковъ. Обычный срокъ пріѣзда—черезъ три года на четвертый.

Серьезное политическое значеніе новгородскаго владыки вызвало около этой высокой должности шумную борьбу. Для Новгорода, во время расцвѣта его могущества, было важно, чтобы высшій іерархъ новгородской церкви, служившій въ то же время важнымъ органомъ свѣтской правительственной власти, былъ самостояте.енъ и независимъ ни отъ какой внѣшней силы, особенно отъ митрополита московскаго, всегда державшаго сторону московскихъ великихъ князей. Но и митрополитъ не могъ допустить уменьшенія своей власти, тѣмъ болѣе, что за нимъ стоялъ тотъ же великій князь московскій, прекрасно понимавшій, какую политическую силу онъ имѣетъ въ лицѣ митрополита, утверждавшаго и посвящавшаго новгородскихъ архіепископовъ. Изъ столкновенія этихъ противоположныхъ интересовъ и вышла борьба, на которой мы остановимъ сейчасъ не надолго свое вниманіе. Московскіе митрополиты имѣли право верховнаго суда по церковнымъ дѣламъ и довольно часто вызывали къ себѣ новгородскихъ владыкъ въ Москву. Для разбора церковно-судебныхъ дѣлъ митрополитъ или пріѣзжалъ самъ въ Новгородъ, или присылалъ довѣренныхъ лицъ. Пріѣздъ митрополита въ Новгородъ для суда назывался извѣстнымъ уже намъ терминомъ «подъѣздъ», и пребываніе его здѣсь могло длиться не болѣе мѣсяца разъ въ каждые 4 года, почему и судъ митрополита въ Новгородѣ назывался «мѣсячнымъ судомъ». Помимо стѣсненія власти архіепископа, пребываніе московскаго митрополита въ Новгородѣ стоило дорого мѣстному духовенству, такъ какъ надо было содержать митрополита и его свиту и подносить имъ дары. Дорого стоили и поѣздки владыки новгородскаго въ Москву. И вотъ новгородцы стараются поставить своего архіепископа въ положеніе самостоятельное по отношенію къ московскому митрополиту: возникаетъ преданіе о правѣ нов-

городскихъ архіепископовъ носить бѣлый клобукъ и крестчатыя ризы, т.-е. фелони съ четырьмя крестами. Право носить крестчатыя ризы было, дѣйствительно, дано новгородскому владыкѣ особой грамотой константинопольскаго патріарха. Опираясь на эту грамоту, новгородцы стали утверждать, что владыка во всѣхъ дѣлахъ имѣетъ право сноситься непосредственно съ константинопольскимъ партіархомъ, минуя митрополита московскаго. По настоянію Москвы, патріархъ въ 1370 г. формально запретилъ новгородскому архіепископу носить крестчатыя ризы. Въ отвѣтъ на это новгородцы объявили свою церковь совершенно автокефальной и лишили митрополита права мѣсячнаго суда. Константинопольскій патріархъ прислалъ грозную грамоту, митрополитъ Кипріанъ въ 1391 г. отлучилъ новгородцевъ отъ церкви,—все было напрасно: новгородцы продолжали отстаивать самостоятельность своего архіепископа. Тогда въ 1393 году великій князь Василій Дмитріевичъ пошелъ на Новгородъ войной, занялъ Торжокъ и опустошилъ новгородскія области. Только послѣ этого новгородцы возстановили старину. Такимъ образомъ въ концѣ XIV вѣка, за 80 лѣтъ до паденія Новгорода, новгородцы сдѣлали отчаянную попытку совершенно отдѣлиться отъ Московской Руси въ церковномъ отношеніи. Если бы эта попытка удалась, власть владыки, несомнѣнно, усилилась бы еще больше. Но силы были неравны, да и въ самомъ Новгородѣ, какъ намъ извѣстно, не было единодушія, и неудачный исходъ борьбы Новгорода за церковную самостоятельность былъ какъ бы раннимъ образцомъ послѣдней борьбы за самостоятельность политическую, кончившейся такъ печально для Новгорода.

Сказанное объ устройствѣ новгородской церкви, какъ учрежденія, вполнѣ подтверждаетъ тотъ общій законъ, по которому церковный строй слагается по образцу политическаго устройства и подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣдняго.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАША.

(Изъ записокъ, найденныхъ на улицѣ).

Мы сидѣли въ длинной и высокой комнатѣ желѣзнодорожной казармы.

Пламя жестяной керосиновой лампочки, повѣшенной въ углу, надъ столомъ, заваленномъ книгами, то и дѣло пугливо вздрагивало: это буря, бушевавшая на дворѣ, врывалась къ намъ черезъ стѣнныя щели.

Въ небольшомъ пространствѣ, освѣщенномъ огнемъ, видно было, какъ шевелились отъ вѣтра волоски пакли, торчавшей изъ пазовъ стѣнъ, а высоко на потолкѣ, въ свѣтовомъ кругу, колыхались, черныя отъ копоти, паутинныя нити.

Вся комната тонула въ полумракѣ и только у отверстія круглой желѣзной печи, чернѣющей въ одномъ изъ угловъ, играли двигаясь по полу, яркія полосы свѣта.

Печь, точно грызя орѣхи, звонко потрескивала, то и дѣло выбрасывая на прибитый къ полу желѣзный листъ золотистые угольки.

Подобравъ подъ себя ноги, наклонившись впередъ и положивъ подбородокъ на согнутую и упертую въ бедро руку, Маша неподвижно сидѣла на полу, въ полосѣ свѣта. Казалось, она заснула въ этомъ положеніи, угрѣлась и уже не чувствуетъ, что сѣрая шаль, которой она закуталась отъ холода, сползла съ ея плечъ и, смятая, лежитъ у нея на колѣняхъ, что воротъ ея темной кофточки разстегнулся, а бѣлая, слегка обнажившаяся шея, по которой бѣгаютъ свѣтъ и тѣни, слегка розовѣетъ отъ жара.

Дремлетъ Маша...

Нѣтъ... Лишь только порывъ бури съ силою ударитъ въ стѣны, и огонь въ печи разомъ, какъ бы съ испуга, фыркнетъ, встряхнетъ золотисто-огненными кудрями, зашипитъ и стремительно потянется кверху, Маша чуть-чуть вздрогнетъ, медленно приподниметъ тяжелыя вѣки, и большіе, печально-задумчивые глаза ея, блеснувъ на мгновеніе, устремляются за огненными языками пламени и, широко открытые, неподвижно замираютъ.

Маша пристально смотритъ на огонь; она видитъ, какъ тотъ злобно облизываетъ красное жерло печи, но въ положеніи ея головы, какъ бы прислушивающейся къ чему-то, во всей застывшей въ чуткомъ вниманіи фигурѣ, чувствуется, что вмѣстѣ съ этимъ Маша видитъ и слышитъ все то, что происходитъ и тамъ, за стѣнами дома. А тамъ, по одну сторону дома, безъ конца тянется старый, занесенный снѣгомъ скрипучій боръ, по другую сторону—бѣлое снѣжное поле.

Боръ сердито скрипитъ, онъ не пускаетъ въ свою молчаливую чащу рѣзвящихся вихрей, и, ударивъ въ его грудь, они убѣгаютъ прочь, на просторъ широкаго поля. Играя въ безбрежномъ просторѣ, они тамъ скачутъ, бѣгутъ другъ за другомъ, сплетаются, кружатся, падаютъ съ дикимъ визгомъ на землю и то тамъ, то сямъ, гдѣ проходятъ они, выростаютъ молчаливые снѣговые курганы. И когда буря стихнетъ на минуту, точно переводя духъ отъ усталости, мутная мгла между землею и небомъ раздвинется, и блѣдный, печальный мѣсяцъ, торопливо убѣгая въ глубь неба, освѣтитъ холоднымъ свѣтомъ поле стихнувшей битвы. И тогда кажется, что подъ каждымъ курганомъ похороненъ и тихо спитъ теперь кто-то сильный и смѣлый, безплодно растратившій свои силы въ борьбѣ съ холодной пустотой ночи.

Но вотъ мѣсяцъ точно зажмурился, еще быстрѣе понесся кверху и потонулъ во мглѣ. Разомъ кто-то будто заплакалъ, застоналъ надъ курганами, и новые снѣжные вихри забѣгали и заплясали по ихъ вершинамъ.

И снова борьба, и снова глухіе удары ея долетаютъ до стѣнъ нашего дома: пугливо дрожитъ пламя лампочки, встряхиваетъ золотистыми кудрями огонь и озаряетъ потонувшее въ полумглѣ лицо Маши красноватыми отблесками. И гудитъ, уныло гудитъ телеграфный столбъ за стѣной, у окна, точно мать укачивающая безпокойнаго младенца, пропѣвъ надъ нимъ всѣ колыбельныя пѣсни, дремлетъ отъ усталости и тянетъ одно монотонное и безконечное: угу-у-у-у...

Я сижу у стола; передо мною лежитъ развернутый номеръ газеты, которая разсказываетъ мнѣ о томъ, какъ живутъ люди, живутъ гдѣ-то тамъ, въ большомъ и шумномъ городѣ. Но все это такъ далеко отъ меня, такъ чуждо мнѣ, заброшенному среди снѣжныхъ полей, и въ то же время такъ заманчиво и привлекательно, что кажется мнѣ сказкой.

Да, для меня это только сказка: тамъ гдѣ-то жизнь разнообразна и пестра, какъ вымыселъ, она красива, какъ ночь, разукрашенная разноцвѣтными огнями, а моя жизнь однообразна и безцвѣтна, какъ правда тусклаго сѣраго дня. Тамъ жизнь бурлитъ и волнуется, стремясь къ невѣдомой цѣли, здѣсь я суще-

ствую для ясной и опредѣленной цѣли, существую для того, чтобы расчищать дорогу желѣзнодорожнымъ поѣздамъ. И поѣзда эти идутъ, въ нихъ ѣдутъ люди, и у каждаго изъ этихъ людей есть своя ясная, опредѣленная, похожая на мою цѣль, а у всѣхъ у нихъ, взятыхъ вмѣстѣ, нѣтъ никакой цѣли, и если бы взять всѣхъ людей, которые живутъ на землѣ, и сдѣлать изъ нихъ всѣхъ только одного человѣка, то у этого человѣка не было бы никакой цѣли. Сильный, свободный, могучій человѣкъ этотъ ходилъ бы по землѣ и только бы пѣлъ и смѣялся отъ избытка силъ и могущества. Онъ тратилъ бы эти силы безъ цѣли, безъ сожалѣнія, и это было бы его высшимъ счастіемъ и наслажденіемъ. Быть можетъ, онъ бы творилъ и создавалъ, но дѣлалъ бы это играя, какъ дитя, не заботясь о томъ, для чего, и что, въ концѣ концовъ, изъ этого выйдетъ. Каждая минута жизни должна быть наслажденіемъ и счастіемъ,—думалъ я,—всѣ люди должны быть такими, какъ тотъ рисующійся въ моемъ воображеніи человѣкъ, и у каждаго изъ людей должна быть главная цѣль—стать именно такимъ человѣкомъ. И тамъ, въ шумѣ города, въ блескѣ его огней, среди кипящей въ немъ борьбы за счастье настоящаго, за счастье каждаго безвозвратно уходящаго дня, тамъ мнѣ чудилось біеніе настоящей, переполненной силами жизни...

Тамъ жизнь, думалъ я, и эта жизнь рисовалась передъ моими глазами въ образѣ опьяненной весельемъ вакханки.

Въ платьѣ красномъ, какъ кровь, растрепавъ золотыя волнистыя кудри, она стояла среди громадной площади, на высокомъ пьедесталѣ, съ руками полными свѣжихъ цвѣтовъ. Безпрерывнымъ потокомъ цвѣты эти сыпались внизъ, въ людскую толпу, которая, какъ море, бурлила внизу, у подножія пьедестала. Жадныя руки этой толпы протягивались кверху и, мелькая, переплетались въ воздухѣ и колыхались надъ головами людей, какъ одна громадная, раскинутая въ воздухѣ сѣть. На лету, подхватывая этою сѣтью каждый падающій цвѣтокъ, люди рвали его другъ у друга и бились за каждый изъ нихъ со скрежетомъ зубовъ, съ дикими проклятіями и стонами. Въ этой безпощадной борьбѣ бьющіеся, казалось, не замѣчали того, какъ безжалостно они рвали, мяли и топтали подъ ногами то самое, за что такъ отчаянно бились, и оттого, только захватанные грязными пальцами, полурастоптанные, потерявшіе свой ароматъ цвѣты попадали въ руки немногихъ счастливцевъ...

Такъ рисовалась передъ моими глазами жизнь въ образѣ опьяненной весельемъ смѣющейся вакханки, окруженная глумящейся, озлобленной толпой. И люди этой толпы не жили, а боролись другъ съ другомъ и, въ изступленномъ самозабвеніи, опьяненные злобой, казалось, не понимали всей безсмысленности этой борьбы.

И все же тамъ, гдѣ толпа была особенно дика и безжалостна, гдѣ ни на минуту не смолкали стоны и вопли, гдѣ шла отчаянная свалка, тамъ, казалось мнѣ, назрѣвалъ какой-то рѣшительный моментъ битвы, тамъ люди были всего ближе къ пьедесталу жизни...

Тамъ жизнь, — думалъ я, — но я только читаю о ней; передо мною, на газетномъ листѣ, только тѣнь этой жизни, а сама жизнь летитъ мимо, какъ тѣ поѣзда, которымъ я расчищаю дорогу...

Я смотрю на груду лежащихъ передо мною на столѣ книгъ; много изъ нихъ прочитано мною, иныя лежатъ неразрѣзанными. Много ихъ здѣсь, но въ сравненіи съ тѣмъ, сколько ихъ есть на свѣтѣ,—это ничтожная песчинка на днѣ моря.

А между тѣмъ, — думаю я, — то, что написано въ этихъ книгахъ, все это уже было, было, и всѣ мысли, заключенныя въ мертвыхъ буквахъ этихъ книгъ, только тѣни породившей ихъ когда-то настоящей жизни... Но чтобы жить, чтобы знать, какъ жить, — думаю я, — нужно знать, что было, какъ жили, что думали люди...

И отъ этой мысли вдругъ точно какая-то страшная, непомѣрная тяжесть навалилась на меня, и подъ этою тяжестью захотѣлось вздохнуть всей грудью, стряхнуть съ себя эту тяжесть, запѣть, закричать и наполнить унылый полумракъ комнаты своими собственными звуками, своимъ движеніемъ, своею жизнью...

— Скучаешь? — тихо произноситъ надъ моимъ ухомъ ласковый голосъ.

Я вздрагиваю и чувствую, какъ чья-то теплая рука мягко легла на мою руку...

Маша стояла около меня, передъ столомъ, высокая, стройная, съ зарумянившимися отъ жара щеками, молодая, сильная и упруго-гибкая, какъ тростникъ.

Она наклонилась къ моему плечу и отъ нея на меня повѣяло тепломъ, точно въ лицо мнѣ пахнуло теплымъ весеннимъ вѣтромъ.

— Скучаешь, а? — тихо повторила Маша и, не дожидаясь отвѣта, заговорила своимъ пѣвучимъ протяжнымъ голосомъ:

— Скучно тебѣ, это вѣрно... Здѣсь, вѣдь, пустыня, а ты молодой—тебѣ жить надо...

— А ты, Маша, развѣ не скучаешь?—спросилъ я.—Вѣдь и ты, небось, жить хочешь, по другому, какъ-нибудь—иначе?..

— Я старше тебя,—отвѣтила она, подумавъ.—А что насчетъ скуки ты, то это не вѣрно... Я живу,—живу, какъ умѣю,—скучно станетъ, уйду отъ тебя... Вотъ весна придетъ и уйду. Весной мнѣ, правда, что скучно бываетъ, а зимой ничего—весны жду, а на что мнѣ эта весна я и сама не знаю—привыкла ужъ такъ...

Пододвинувъ стулъ, она сѣла наискось отъ меня и, положивъ

на колѣни руки, слегка откинувшись назадъ и полураскрывъ свои большіе глаза, смотрѣла ими куда-то вверхъ, точно слѣдила за чьимъ-то полетомъ...

«Она смотрѣла на небо,
А я на нее...»

вспомнились мнѣ слова поэта.

Да, я смотрѣлъ на нее, и то тяжелое и давящее, что, казалось, лежало у меня на сердцѣ, точно таяло отъ присутствія здѣсь, около меня, чего-то родного, знакомаго, которое безъ словъ пойметъ то, для чего и трудно было бы подыскать слова.

Я смотрѣлъ на Машу, и мнѣ казалось, что та жизнь, которая, какъ думалъ я, летитъ мимо, мимо и не захватываетъ меня,—вся эта жизнь цѣликомъ таится въ задумчивыхъ полураскрытыхъ глазахъ Маши. Мнѣ казалось, что я давно, давно уже знаю эту сидящую около меня женщину, что мы родились, выросли вмѣстѣ и умремъ вмѣстѣ, счастливые, понявъ другъ друга безъ словъ...

А между тѣмъ, только нѣсколько дней тому назадъ мы узнали другъ друга.

Въ теченіе моей жизни, ясной, и опредѣленно правильной, какъ рельсовая колея, это была лишь простая случайность.

Однажды вечеромъ, вернувшись съ работъ, я сидѣлъ у себя въ комнатѣ и думалъ о томъ, что вотъ мнѣ предстоитъ длинный и пустой вечеръ, такой же, какъ былъ вчера, и такой же, какой навѣрное будетъ и завтра.

Я чувствовалъ, какъ въ тишинѣ и безмолвіи минуты бѣгутъ за минутами, бѣгутъ быстро, незамѣтно, и въ то же время такъ ясно и отчетливо, точно вытягиваются длинною-длинною нитью, которая тянется куда-то въ пустоту и безостановочно отмѣриваетъ передъ моими глазами куски моей жизни.

Чтобы не чувствовать этой пустоты, я стараюсь прислушиваться къ голосамъ моихъ рабочихъ, но неясный гулъ этихъ голосовъ не развлекаетъ меня.

Я ясно представляю себѣ, какъ тамъ, за стѣною, придя съ работы, эти усталые, грязные, неуклюжіе люди, поѣвъ, валяются на нарахъ и, передъ тѣмъ, какъ заснуть, разговариваютъ о ѣдѣ, о работѣ. Ихъ цѣль—сонъ; ѣда и работа—средство, чтобы быть сытымъ и спать спокойно. И хуже всего то, что если бы я вздумалъ пойти разувѣрять ихъ, что жизнь дана не только для работы и сна, а для наслажденія ею, чтобы чувствовать ее не какъ бремя, а какъ радость, что жить для того, чтобы только работать и спать,—глупо, безсмысленно, если-бы я сталъ говорить имъ это,

и они бы поняли меня, поняли какъ надо, они бы сдѣлались отъ этого еще угрюмѣе: ихъ жизнь не могла стать такою никогда.

А если бы я сталъ утѣшать ихъ счастливымъ будущимъ, до котораго они знаютъ, что никогда не доживутъ, сталъ бы увѣрять ихъ, что они работаютъ для этого будущаго, то я бы солгалъ имъ: человѣкъ только до тѣхъ поръ работаетъ для будущаго, пока не замѣчаетъ этого. Только тотъ, кто счастливъ, кто веселъ и радостенъ, только тотъ работаетъ для будущаго. Будущаго не должно быть, въ этомъ задача человѣка.

Все это я долженъ былъ бы сказать тѣмъ, что лежали тамъ на нарахъ въ сосѣдней комнатѣ и расправляли усталые члены для новой, ненужной и надоѣвшей имъ работы.

Эта была бы настоящая правда, а правду всегда хочется сказать, потому что жить и говорить правду, и только правду, есть великое наслажденіе. Но чтобы говорить правду, нужно, чтобы сама жизнь была правдою, а моя жизнь не была ею. Я жилъ здѣсь для того, чтобы понуждать людей къ работѣ, къ той работѣ, о которой долженъ былъ сказать имъ, что для нихъ лично работа эта глупа и безсмысленна. Но сказавъ это, я бы упразднилъ, обезсмыслилъ свое пребываніе здѣсь. Я чувствовалъ это и оттого первое время, пріѣхавъ сюда и чувствуя, что для того, чтобы не остаться одному, необходимо сойтись поближе съ тѣми людьми, съ которыми мнѣ придется жить и работать, я, слушая изъ ихъ устъ разсказы о тяжелой трудовой жизни, которой они не видятъ конца, старался утѣшить ихъ.

Я говорилъ имъ, что современемъ будетъ легче. Что люди изобрѣтаютъ машины, которыя возьмутъ на себя впослѣдствіи весь тяжелый физическій трудъ, что все помимо нашей воли стремится къ этому лучшему будущему, и нужно лишь способствовать этому, учась и постигая правящіе міромъ законы. Когда законы эти будутъ постигнуты всѣ, тогда вся природа будетъ служить человѣку, а человѣкъ будетъ жить и наслаждаться ея жизнью во всей ея ширинѣ.

Я старался говорить имъ это ясными, простыми словами, а они слушали и, казалось, пропускали мои слова мимо ушей, только одинъ изъ нихъ пришелъ какъ-то вечеромъ въ мою комнату и спросилъ: не тогда ли наступитъ воскресеніе мертвыхъ?

Я отвѣтилъ ему, что это едва ли случится, и онъ ушелъ разочарованный, говоря, что священникъ въ церкви говоритъ объ этомъ гораздо лучше и пріятнѣе.

Но, хотя и съ трудомъ, все же, первое время, мы сошлись. Они полюбили меня за то, что сравнивая меня съ моимъ предшественникомъ, суровымъ и строгимъ человѣкомъ, для котораго прежде всего было дѣло,—находили, что я добрѣе и лучше. Но

это продолжалось не долго. Почувствовавъ нѣкоторую свободу, они старались, насколько возможно, воспользоваться ею и поздно выходили на работу, работали лѣниво и вяло, точно думали, нужно ли вообще то, что они дѣлаютъ.

Въ этомъ я винилъ сначала самихъ же ѣдущихъ людей, которые такъ плохо заботятся о томъ, чтобы облегчить трудъ людей, расчищающихъ имъ дорогу, но постепенно, вглядываясь въ моихъ рабочихъ,—все существо которыхъ, казалось, было проникнуто желаніемъ не дѣлать совсѣмъ того, что я заставлялъ ихъ дѣлать, я приходилъ къ убѣжденію, что хотя это и такъ, но что то зло, о которомъ думалъ я, временное, зло, происходящее отъ неразумія ѣдущихъ, но, главное, и непоправимое зло, это зло не устранимо.

Зло это, по моему, заключалось въ томъ, что человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ ненавидитъ подчиненіе чужой волѣ. Это подчиненіе, когда онъ хотя бы на одинъ часъ, на одну минуту даже становится средствомъ для чего-то безличнаго и какъ бы исчезаетъ изъ міра, это подчиненіе онъ называетъ трудомъ и въ глубинѣ души] своей считаетъ это подчиненіе своимъ проклятіемъ. Отъ этого проклятія бѣжитъ и будетъ бѣжать человѣкъ при первой возможности, при первомъ вѣяніи свободы, той свободы сознанія, которая несетъ съ собою мысль о томъ, что человѣкъ только тогда человѣкъ, когда онъ творецъ и творецъ не вещей, создаваемыхъ по чужой волѣ, а творецъ собственной личности, и не средство, а цѣль всего окружающаго его міра. И съ того момента, когда сознаніе впервые освѣщаетъ человѣка, и онъ начинаетъ понимать, что трудиться и работать по принужденію не достойно человѣка, а трудиться для будущаго, котораго онъ не увидитъ и не узнаетъ, глупо и безсмысленно, съ того момента человѣкъ, точно просыпается отъ долгаго сна и перестаетъ быть средствомъ. Онъ самъ для себя становится цѣлью и концомъ всего до него жившаго. Кольцо изъ прошлаго и будущаго какъ бы замыкается, и въ концахъ, гдѣ сомкнулось это кольцо, вспыхиваетъ яркая точка сознанія настоящаго и вѣчнаго... Эта яркая точка—мгновеніе, и изъ этихъ мгновеній состоитъ жизнь каждаго человѣка, и человѣкъ не хочетъ утерять ни одного изъ этихъ мгновеній.

Но я былъ здѣсь для того, чтобы лишать людей этихъ мгновеній: когда среди работы иные изъ моихъ рабочихъ вдругъ задумывались, я долженъ былъ кричать на нихъ и всѣми силами стараться, для пользы исполняемаго мною въ данный моментъ дѣла, превратить людей въ автоматовъ.

И вотъ я жилъ одинъ наединѣ съ машиной.

Автоматически повторяя день за днемъ одно и тоже, чувствуя, что я самъ становлюсь день ото дня все больше и больше только частью какой-то огромной машины, я задыхался отъ охватывавшихъ меня тисковъ и, задыхаясь, молился чему-то такому, чего не могъ постигнуть умомъ, молился тому богу, котораго я самъ же создалъ и назвалъ ничего не выражающимъ словомъ: «человѣчество».

Ему, этому богу — человѣчеству, я приносилъ въ жертву и свои и чужія радости, тѣ радости свободнаго дыханія свободной твари, которыя въ каждую минуту жизни своей ощущаетъ весь наполненный жизнью міръ. Онъ, этотъ міръ, не теряетъ ни одного мгновенія жизни, онъ весь въ настоящемъ, у него нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго; онъ цѣльный, единый и неизмѣнный въ своей сущности. Все, что живетъ и дышетъ, радостно трепещетъ въ лучахъ его свѣта, и только люди, милліонами изъ вѣка въ вѣкъ погибая подъ игомъ ими же создаваемыхъ твореній, наполняютъ стонами этотъ міръ.

Торжество людей будетъ, — думалъ я, ежась отъ холода въ своей полутемной казармѣ.—Но, вѣдь, не будетъ на томъ торжествѣ тѣхъ, что погибли, сами не зная за что, тѣхъ, что гибли и гибнутъ ослѣпленные величіемъ будущаго, тѣхъ, что положили душу свою за того дальняго, который будетъ торжествовать побѣду на ихъ трупахъ... Или, быть можетъ, — думалъ я, — это будетъ моментъ суммы сознаній всѣхъ когда-то жившихъ людей, но, вѣдь, и въ сознаніи этомъ не будетъ уже сознанія тѣхъ людей, у которыхъ это сознаніе, задавленное чужой волей, никогда не пробуждалось...

Когда я такъ сидѣлъ однажды вечеромъ, охваченный безисходной тоскою, кто-то тихо постучался въ мою дверь.

Я всталъ и пріотворилъ ее.

Передо мною стояла незнакомая мнѣ фигура женщины.

— Здравствуйте,—проговорила она. — Извините, — побезпокоила васъ... Только я вотъ съ пути, видно, сбилась... На деревню Послѣдній Погостъ я иду,—да не здѣшняя я, вотъ все и плутала тропинками... Спасибо, на вашу дорогу попала, а то бы долго пропуталась... Вы не знаете ли, какъ пройти-то мнѣ?..

Закутанная въ сѣрую, осыпанную блестками снѣга шаль, она стояла передо мною высокая, прямая, съ розовыми отъ мороза щеками, и довѣрчиво и просто смотрѣли на меня ея темные, большіе глаза.

— Это далеко отсюда,—отвѣтилъ я, усаживая ее на стулъ.— Вы не дойдете сегодня.

Я посмотрѣлъ въ окно.

На дворѣ было свѣтло и тихо.

Морозная, лунная ночь точно застыла въ недвижномъ оцѣпенѣніи: ясная, холодная и мертвая какъ сталь...

— А вы издалека ли идете?—спросилъ я

Она назвала мнѣ знакомое село верстахъ въ десяти отъ насъ и замолчала, разсѣянно поглядывая на лежащія на столѣ книги.

Я смотрѣлъ на ея спокойную, увѣренно сидящую фигуру и думалъ, что завело эту женщину въ эту холодную снѣжную пустыню?

По костюму, по тонкимъ линіямъ выглядывавшаго изъ складокъ шали лица она не похожа была на простую крестьянку. Мнѣ хотѣлось разспросить ее: кто она, что, зачѣмъ идетъ? Но мнѣ показалось, что я уже знаю о ней самое главное, чего не узнаешь ни изъ какихъ разспросовъ. Его, — это главное я понялъ, когда только первый разъ взглянулъ на нее: мнѣ показалось, что она была одна изъ тѣхъ, которыя неизвѣстно зачѣмъ и откуда приходятъ и неизвѣстно куда уходятъ. Мы съ ними встрѣчаемся въ пустынномъ полѣ, на одинокой прогулкѣ, на станціяхъ, куда случай загоняетъ насъ на часъ или два, въ незнакомомъ городкѣ, гдѣ помимо нихъ вамъ кажется все непривѣтливо-холоднымъ и чужимъ. Но чаще всего тотъ, кто всегда одинъ и не нашелъ въ мірѣ ни одной души, способной разгадать тайну его одиночества, тотъ встрѣчаетъ ихъ на шумныхъ улицахъ большого города. Какъ и онъ, онѣ хотя и въ толпѣ, но всегда одиноки и оттого чаще другихъ эти одинокіе понимаютъ другъ друга. Два одиночества, они часто сливаются въ одно и расходятся на утро безъ сожалѣнія и всегда почти съ тѣмъ, чтобы больше никогда не встрѣчаться.

«Не изъ такихъ ли она?» — думалъ я, глядя на мою гостью. И какъ бы отвѣчая на мои мысли, она повернула ко мнѣ лицо и, пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, сказала:

— Не здѣшняя я, издалека, а тутъ такъ живу — до тепла... Вы не разспрашивайте меня,—добавила она, помолчавъ.—Зачѣмъ вамъ?.. Такъ, я въ родѣ странницы...

Она замолчала.

Молчалъ и я, но это не было тѣмъ томительнымъ, всѣми избѣгаемымъ, точно безсильнымъ молчаніемъ, когда люди, привыкшіе всегда говорить, вдругъ замолкаютъ и разомъ, какъ бы невольно, засматриваютъ въ пустоту душъ другъ друга; не было это и тѣмъ, какъ бы вѣчно насторожѣ стоящимъ молчаніемъ, которое внезапно врываясь въ разговоръ двухъ считающихъ себя близкими людей, проводитъ между ними невидимую, но несокрушимую грань и

раздѣляетъ ихъ на два чуждыхъ другъ другу существа, которыя тщетно пытаются слиться.

Наше молчаніе, казалось, было чѣмъ-то желаннымъ для насъ обоихъ и болѣе нужнымъ чѣмъ всякія слова. Это молчаніе, проникая въ насъ, какъ бы стерло какую-то грань между нами, и потому, когда я заговорилъ черезъ минуту о томъ, что идти ей уже поздно и было бы лучше если бы она осталась, то эти слова мои звучали какою-то ложью, а главное были уже совсѣмъ не нужны..

Я оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ и спросилъ:

— Вы мнѣ все таки скажите, какъ звать васъ?

— Маша,—коротко отвѣтила она и стала раскутывать свою голову изъ шали.

Съ тѣхъ поръ минулъ мѣсяцъ.

Маша жила со мною.

Временами тихая и задумчивая, временами игривая и смѣющаяся, какъ дитя, она наполнила мою одинокую жизнь и гнала изъ нея всѣ тяжелыя, неразрѣшимыя думы...

Вотъ теперь, она сидитъ около меня, устремивъ задумчивые глаза вверхъ, а я смотрю на нее и думаю: «Неужели она уйдетъ, навсегда исчезнетъ изъ моей жизни, какъ растаявшій сонъ, какъ красивая мечта, на мгновеніе вспыхнувшая и угасшая?..»

А Маша уже не разъ говорила мнѣ о томъ, что она уйдетъ. Она уйдетъ, и я снова останусь одинъ съ моею «рабочею силой».

— Скоро весна, Маша, куда-жь ты идти думаешь?

Какъ бы прогоняя какія то докучливыя мысли, она встряхнула головою и проговорила:

— Да, скоро ужъ... Въ городъ уйду я, гдѣ людей побольше... Я жила въ городѣ: живая тамъ жизнь, каждый день точно новое что-то видишь... Скорѣе тамъ люди живутъ, скорѣе умираютъ, да зато и лучше живутъ. Я такъ думаю, что хоть одинъ бы день пожить можно было, да такъ пожить какъ слѣдуетъ. Всей-бы до тла сгорѣть и... конецъ. Нѣтъ такой жизни... Всѣ живутъ съ опаской да съ оглядкой, точно ждутъ чего-то... А чего ждать? Каждый только разъ живетъ!..

— Все это вѣрно Маша,—отвѣтилъ я,—да нельзя, видишь ли, людямъ жить-то такъ, какъ каждому хотѣлось бы. Что-то давитъ со всѣхъ сторонъ человѣка и нѣтъ у него своей воли, въ одномъ только воленъ онъ: жить или умереть...

Но Маша уже не слушала меня.

Я узналъ, что за состояніемъ раздумья, въ какомъ была она послѣдніе дни, наступало и какъ-то разомъ иное состояніе. Маша

вдругъ точно вспыхивала, иногда безъ видимой причины, иногда отъ какого нибудь случайно сказаннаго мною ничего незначущаго слова. И въ такое время она говорила долго и много, иногда безпорядочно перескакивая съ мысли на мысль, иногда вдругъ останавливаясь и какъ бы сбирая въ исчезающую нить разбѣгающіяся мысли.

Въ такое время было безполезно возражать ей.

Я замолчалъ, а она продолжала, вставъ и шагая по комнатѣ.

— Всю себя изжить надо, — говорила она, — чтобы ничего послѣ тебя, кромѣ костей, не осталось... Въ насъ съ тобою вотъ кровь кипитъ...—ну что-жъ, хорошо, и пусть кипитъ: поживемъ, умремъ и все тутъ. Я не боюсь смерти: она какъ сонъ для того, кто усталъ жить... Я не боюсь смерти, оттого и жизни не боюсь: люблю жить, но только такъ жить, чтобы чувствовать, что живешь, а для этого только одно надо: такое мѣсто найти, гдѣ бы до тла сгорѣть можно было.

Она задумалась, помолчала съ минуту и снова заговорила такъ быстро, точно торопилась куда-то.

— Вотъ отецъ у меня, покойникъ небойсь теперь, все смерти боялся, а почему боялся?—себя не изжилъ. Не изжилъ потому, что мы—дѣти были, а дѣти—это онъ же самъ... Вотъ и была забота, какъ они жить будутъ, и все хотѣлось ему, чтобы такъ они жили, какъ онъ думалъ: брата женить хотѣлъ, меня замужъ отдать, внуковъ хотѣлось, вишь, потому—и во внукахъ себя видѣть хотѣлъ... Вотъ дочего смерти боялся человѣкъ... Да нѣтъ, не вышло: въ городъ братъ-то ушелъ, не отъ нужды отъ какой, а такъ, воли захотѣлось. «Ничего,—говоритъ, мнѣ вашего не надо, хочу самъ по себѣ быть». Такъ и ушелъ, да и пропалъ гдѣ-то... А то еще купецъ былъ у насъ, изъ нашихъ же, сельскихъ; разбогатѣлъ въ городѣ и пріѣхалъ назадъ, такъ этотъ всю жизнь деньги копилъ, не пилъ, не ѣлъ почти ничего, а подъ старость взялъ да храмъ новый и выстроилъ, училище завелъ, землю, что скупилъ у господъ, всю мужикамъ отдалъ: «для этого и богатѣлъ,—говорилъ онъ,—пусть послѣ меня людямъ легче жить будетъ. Не деньги,—говоритъ,—я, а силу людскую копилъ, для ихъ же пользы, что бы даромъ не пропадала она. Сила,—говоритъ,—это, какъ паръ: скопишь его въ одно мѣсто, — онъ колеса вертитъ, людямъ на пользу, а не съумѣешь скопить, такъ и уйдетъ онъ на вѣтеръ»... Вѣрно какъ будто, а какъ подумаешь — глупый былъ человѣкъ: всю жизнь воли себѣ не давалъ, для того чтобы чужую силу скопить, ну, умеръ, другимъ, конечно, жить легче: тою силой, что скопилъ онъ, проживутъ они. А на что это? Зачѣмъ баловать человѣка... Учитель мнѣ одинъ говорилъ, что онъ, молъ, купецъ-то,

только то и отдалъ, что у людей же отнялъ, а своего, молъ, онъ ничего не далъ, въ этомъ и ошибка его. Вѣрно это, только ежели это такъ, то всѣ виноваты въ этомъ: у однихъ отнимаютъ, другимъ отдаютъ. Въ жизни куда ни посмотришь,—кругъ какой-то, въ которомъ всѣ вертятся и никто настоящаго счастья не видитъ... По моему, каждый человѣкъ только самъ за себя и самъ для себя долженъ жить и дѣлать, а умретъ, другіе послѣ него пусть сами дѣлаютъ и живутъ, какъ хотятъ...

— Не могутъ такъ люди жить, Маша,—заговорилъ я,—если каждому волю дать, еще хуже люди будутъ обижать другъ друга...

— Нѣтъ, не будутъ,—перебила она меня.—Это потому люди другъ съ другомъ на ножахъ живутъ, что всѣ они смерти боятся, силу копятъ, а ее, силу-то, не копить надо, а тратить...

Маша съ минуту помолчала, прислушиваясь къ завыванію мятели и, какъ бы улавливая въ ней какую-то опредѣленную мелодію.

— Вотъ я и думаю, — снова заговорила она... Жить надо!.. Есть силы, изживи эти силы всѣ, безъ остатка, въ этомъ все и счастье въ жизни... Вотъ я молодость и красоту отдаю тебѣ,— что-жъ изъ того? На то, видно, и дались онѣ мнѣ... И лучше всего мнѣ бываетъ, когда я отдаю ихъ..

Она остановилась передо мною и, глядя на меня своими большими, сверкающими отъ волненія глазами, проговорила сдавленнымъ шопотомъ.

— Живемъ пока!.. Никогда только не вспоминай и не тужи о томъ, что было... Что прошло, то изжито, не воротишь, да то, что въ чистую изжито и вернуть не захочешь, а коли захочешь вернуть что, такъ знай, что это то, чего хотѣлъ, да не съумѣлъ поймать ты... А чтобы поймать жизнь, свою то жизнь не пропустить чтобы, помни, что только разъ каждый человѣкъ живетъ, и такъ онъ себя изжить долженъ, чтобы больше жить не хотѣлось... Больше себя да воли своей никого не люби... Все счастье въ этомъ.. Для насъ, женщинъ, другое есть, да я не нашла его... Я волю свою всегда больше всего любила, а кто знаетъ, можетъ, я только такого человѣка ищу, который бы съумѣлъ задержать меня... Хотѣлъ бы задержать меня около себя, больше, чѣмъ я мою волю люблю. За такимъ бы я сама, какъ собака, пошла... Да нѣтъ такихъ людей, не встрѣчала я... А, можетъ, я только ихъ и ищу, можетъ, этого добиваюсь, — наклоняясь къ моему лицу, закончила Маша страстнымъ шопотомъ и, закинувъ мнѣ руки на плечи, обожгла мои губы поцѣлуемъ...

Всю ночь за окномъ бушевала буря. Унылымъ гудѣніемъ вто-

рилъ ей телеграфный столбъ, но, то и дѣло заглушая ихъ, надъ моимъ ухомъ шепталъ и переливался, какъ ручеекъ, ласковый голосъ Маши.

— Живи пока хочется, живи какъ тебѣ хочется... Тотъ, кто говоритъ, что ему не даютъ жить—вретъ: каждый человѣкъ, ежели захочетъ, можетъ жить по новому, да по своему, за тѣмъ онъ и родится на свѣтъ. А если который хочетъ чего, да не можетъ, значитъ и цѣна ему—грошъ... Вотъ, я по совѣсти скажу тебѣ, ты у меня ужъ четвертый, и всѣ вы на одинъ ладъ сдѣланы: такъ и норовите, что по вкусу пришлось вамъ—вѣкъ бы съ этимъ прожить, а, вѣдь, сколько на свѣтѣ-то лучше меня есть... Я это знаю, потому что и лучше каждаго изъ васъ есть много, много. Да не того, видно, все нужно мнѣ!.. Я вотъ уйду отъ тебя, пойду по свѣту и буду искать, и лучше найду, да не остановлюсь— пойду дальше... Тѣхъ, съ кѣмъ жила я, мнѣ никого не жалко; одинъ ко мнѣ какъ песъ привязался, насилу отсталъ, въ острогъ теперь, говорятъ, попался, а я его и лицо позабыла. А того самаго, что ищу вотъ все, вѣдь, никогда не видала, а онъ такъ и стоитъ передъ глазами, какъ живой: кого ни встрѣчу вновѣ,— все онъ думаю, да нѣтъ—того сразу узнаешь...

— Вотъ и живу,—шептала Маша точно въ забытьи,—можетъ и умру такъ, не найду того, что надо, зато всю изживу себя: умру спокойно,—кости однѣ оставлю... Что можно, молъ,—было...

— А дѣтей, Маша, у тебя никогда не было?—спросилъ я.

— Были... Что-жъ дѣти? Дѣти, какъ сѣмя съ дерева летитъ, такъ и дѣти. Вырастутъ и безъ насъ, а коли не вырастутъ, значитъ плохи были, а коли плохи, такъ и не нужны... Дѣти, которыя у отцовъ да матерей на глазахъ растутъ, всегда на нихъ похожи бываютъ, а ничего нѣтъ хуже для человѣка, когда кругомъ него только онъ самъ.

— Можетъ, и изведутся эдакъ-то вовсе люди,—добавила она едва слышно. Что-жъ? Зато поживутъ... Каждый для себя поживетъ, какъ хочетъ,—все равно въ теперешней-то жизни людей никакого толку нѣтъ, нехотя каждый въ колесѣ вертится, только тотъ и спасся, кто изъ колеса выскочилъ.

Въ запушенное снѣгомъ окно уже смотрѣло утро. Буря стихла, и мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ нею умерли кругомъ послѣдніе отзвуки жизни.

Мы заснули...

Зима проходила.

Каждый день, выходя на улицу, Маша смотрѣла, какъ синѣли, точно задумывались горизонты, какъ чернѣлъ, обтаивая, и точно хмурился занесенный снѣгомъ боръ. И сама Маша день ото дня становилась задумчивѣе, молчаливѣе.

Съ той самой ночи, когда до утра она шептала надъ моимъ ухомъ свои несвязныя, безумныя рѣчи, и я не умѣлъ отвѣтить ей на нихъ такъ, какъ, быть можетъ, хотѣла она, съ той ночи она какъ бы притаилась, ушла въ себя и говорила мало и не охотно.

Изрѣдка я ловилъ на себѣ ея молчаливый взглядъ, который сейчасъ же, какъ только я замѣчалъ его, скользнувъ по моему лицу, убѣгалъ отъ меня и разсѣивался въ пространствѣ...

Человѣкъ больше всего бываетъ похожъ самъ на себя, когда онъ думаетъ, что онъ одинъ, и мнѣ казалось, что Маша, взглядываясь въ такія минуты въ мое лицо, точно искала въ немъ чего-то нужнаго ей.

Но, должно быть, она не нашла въ немъ того, что хотѣла...

Наступилъ мартъ.

Однажды утромъ, въ праздничный день, когда не было работъ, и я сидѣлъ дома, Маша, вернувшись со двора, гдѣ ярко, по весеннему сіяло солнце, подошла ко мнѣ раскраснѣвшаяся, съ возбужденными блещущими глазами и такая оживленная и радостная, какою я ее еще никогда не видалъ.

Что-то неудержимо стремительное было во всей ея выпрямившейся фигурѣ, а въ высоко приподнятой головѣ, въ сверкающихъ жизнью глазахъ чувствовалась бьющая бурнымъ ключомъ сила.

Чувствовалось, что это была хотя и разрушающая, но все же это была сила. Сила, которую для того, чтобы она стала созидающей силой, нужно было сжать и, быть можетъ, сломить въ желѣзныхъ тискахъ жизни.

— Я ухожу нынче,—проговорила Маша, взглянувъ на меня долгимъ пристальнымъ взглядомъ. — Проводи меня до опушки, знаешь, до того мѣста, гдѣ дороги расходятся...

Я уже давно ждалъ этого, я зналъ, что такъ должно было случиться, но теперь, когда это должное совершалось, безнадежная грусть вдругъ защемила мнѣ сердце.

— Маша, останься,—будемъ жить,—хотѣлось сказать мнѣ, но я взглянулъ на ставшее вдругъ строгимъ лицо Маши, на ея рѣшительную фигуру съ гордо приподнятой головой и почувствовалъ, что то, что скажу я, будетъ безполезно, не нужно для Маши и совсѣмъ-совсѣмъ не нужно для жизни. Тамъ, гдѣ нужна какая-то сила, нужно что-то, чего мало во мнѣ и чего въ Машѣ слишкомъ много, тамъ слова были не нужны...

Я одѣлся и мы пошли.

Мы шли тихо и молча, точно думали, а у опушки лѣса, тамъ, гдѣ говорила она, такъ же молча простились... И кажется, не было въ мірѣ ни одного слова, которое нужно было сказать бы и которое мы могли бы сказать на прощанье другъ другу...

И мнѣ часто казалось потомъ, что въ этомъ никому невѣдомомъ словѣ было все. Если-бы мы нашли, съумѣли произнести это слово—жизнь бы стала иною... Но для этого, должно быть, нужны вѣка и міры.

Мы простились молча.

Я стоялъ среди осыпанныхъ снѣгомъ кустовъ и смотрѣлъ, какъ высокая, перегибающаяся на ходу фигура Маши уплывала отъ меня въ даль бѣлаго, снѣжнаго поля.

Ей и мнѣ въ лицо дулъ пахнущій талымъ снѣгомъ теплый, весенній вѣтеръ, и я видѣлъ, какъ сѣрая, накинутая на плечи шаль Маши трепетала и развѣвалась по воздуху.

Кругомъ меня, въ вѣтвяхъ молчаливаго, стѣною стоящаго бора,—птицы чирикали, снѣгъ блестѣлъ, искрясь, падали капли съ деревьевъ, и ослѣпительно-ярко горѣло въ голубомъ небѣ весеннее солнце.

Я все стоялъ и смотрѣлъ на Машу.

Вотъ она обернулась назадъ, остановилась, махнула рукою и,—я не видѣлъ уже, но чувствовалъ,—улыбнулась, кивнула головою и быстро-быстро пошла, не оглядываясь. И скоро я видѣлъ передъ глазами моими одну только черную точку, долго виднѣвшуюся на бѣломъ фонѣ снѣговъ, но вотъ и она потонула, слившись съ безграничной равниной и синею далью...

— Гдѣ ты, гдѣ ты?!..

Мих. Митяшевъ.

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

VII **).

Не слѣдуетъ думать, что ирландское движеніе воскресло одновременно съ началомъ броженія въ Англіи, т.-е. непосредственно послѣ наполеоновскихъ войнъ. Прошло болѣе пяти лѣтъ, пока О'Коннелю удалось поставить пропаганду идеи эмансипаціи католиковъ на ту почву, на которой это дѣло оказалось вскорѣ столь сильнымъ. Нужно сказать, что и самъ О'Коннель переживалъ въ эту эпоху довольно своеобразную эволюцію. Въ полную противоположность Вольфу Тону и другимъ дѣятелямъ предшествовавшей эпохи О'Коннель началъ свою дѣятельность человѣкомъ вполнѣ «лояльнымъ», и долго и упорно старался эту свою лояльность всячески поставить на видъ англійскому правительству, удостовѣряя его въ то же время, что и вообще ирландское общество уже не хочетъ революціоннаго отдѣленія отъ Англіи, но что въ Ирландіи ждутъ эмансипаціи католиковъ и возвращенія самостоятельнаго парламента отъ мудрости англичанъ. Эта точка зрѣнія какъ нельзя болѣе подошла къ настроенію запуганнаго и подавленнаго общества первыхъ лѣтъ XIX вѣка; она мѣнялась вмѣстѣ съ перемѣною этого настроенія, по мѣрѣ того, какъ въ Ирландіи съ радостью начинали убѣждаться, что въ лагерѣ врага далеко не все обстоитъ благополучно. Порывистый, живой, раздражительный, невоз-

*) См. „Міръ Божій", № 5, май 1904 г.

**) Кромѣ указанныхъ уже выше книгъ, см. объ О'Коннелѣ въ разсматриваемую эпоху еще слѣдующія работы: *I. de-la-Faye*, „O'Connel, ses alliés et ses adversaires" (Paris, годъ не обозначенъ); Robert *Dunlop*, „Daniel O'Connel and the revival of national life in Ireland" (London, 1900); *Valsayrc*, „O'Connel, le liberateur de l'Irlande" (Abbeville, 1898); „O'Connel's Life and speeches" (изд. *Iohn O'Connel*); Just. Huntly *Mc. Carthy*, „Ireland since the union"; особенно полезно изданіе сына О'Коннеля „The life and speeches of Daniel O'Connel, edited by Iohn O'Connel", Dublin, 1846 г. (томы I и II). Для исторіи аграрнаго движенія интересны: „Annual Register" за 1822 г., главы II и III, за 1823 г.; *Lesur*, „Annuaire historique" за 1822 г., стр. 539 и слѣдующія. Остальныя указанія см. въ текстѣ.

держный на языкъ, склонный къ оптимистическимъ взглядамъ на намѣренія властей и быстро переходящій отъ надеждъ къ гнѣву и отъ гнѣва къ надеждѣ, О'Коннель, при всѣхъ необычайныхъ своихъ талантахъ, гораздо болѣе подходилъ, по характеру, къ среднему типу образованнаго ирландца, нежели герои возстанія 1798 года или Робертъ Эмметъ. Пользуясь извѣстнымъ некрасовскимъ выраженіемъ, можно сказать, что онъ болѣе «училъ жить», нежели «училъ умирать», не шелъ самъ и не велъ другихъ къ самопожертвованію, хотя и посвятилъ всю свою жизнь до послѣдней минуты освобожденію своей страны.

Въ 1815 году произошло событіе, показавшее, что католики считаютъ О'Коннеля своимъ вождемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжело повліявшее на всю его душевную жизнь. Когда одна дублинская корпорація подала парламенту петицію, направленную противъ о'коннелевскихъ домогательствъ, то О'Коннель въ одной своей рѣчи грубо выбранилъ эту корпорацію. Одинъ изъ ея членовъ (д'Эстерръ) счелъ себя оскорбленнымъ и вызвалъ О'Коннеля на дуэль. Дуэль состоялась и О'Коннель убилъ своего противника. Но когда послѣ дуэли разнесся ложный слухъ о смерти О'Коннеля, произошла угрожающая демонстрація въ Дублинѣ, быстро смѣнившаяся самыми бурными проявленіями радости, фейерверками, факельными шествіями, какъ только истина обнаружилась. Но самъ О'Коннель былъ такъ страшно подавленъ невольнымъ убійствомъ, что не могъ даже сразу оцѣнить всего значенія этого перваго послѣ долгихъ лѣтъ активнаго проявленія народныхъ чувствъ. Тотчасъ послѣ этой дуэли сильно обострились отношенія между О'Коннелемъ и Робертомъ Пилемъ, который былъ тогда главнымъ секретаремъ при ирландскомъ вице-королѣ. Пиль былъ въ тѣ годы настроенъ чрезвычайно нетерпимо относительно католиковъ; его называли даже оранжистомъ самой чистой воды. Узнавъ, что Робертъ Пиль въ англійской палатѣ общинъ съ насмѣшкою о немъ отозвался, О'Коннель на одномъ митингѣ заявилъ, что такъ какъ тутъ, несомнѣнно, присутствуютъ шпіоны, то, вотъ, онъ покорнѣйше проситъ этихъ шпіоновъ передать мистеру Пилю слѣдующее: онъ, мистеръ Пиль, не посмѣетъ нигдѣ, ни въ одномъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ бы обязанъ отчетомъ въ своихъ словахъ, неуважительно отозваться объ О'Коннелѣ. Шпіоны столь корректно и аккуратно исполнили миссію, возложенную на нихъ ораторомъ, что уже на другой день къ О'Коннелю явился съ объясненіями одинъ изъ друзей Пиля. Послѣ нѣсколькихъ дней объясненій и препирательствъ было рѣшено отправиться въ Остенде и тамъ стрѣляться. Но по пути (въ Лондонѣ) О'Коннель былъ арестованъ и дѣло разстроилось. Онъ вернулся въ Ирландію, снова заставивъ весьма много о себѣ говорить.

Трудность положенія О'Коннеля основывалась на слѣдующемъ. Онъ являлся въ эти годы (отъ начала уніи, съ 1800-хъ гг. по 1829 годъ)

представителемъ интересовъ, главнымъ образомъ, достаточныхъ классовъ ирландскаго народа, католическихъ лендлордовъ и католической торгово-промышленной буржуазіи, тѣхъ классовъ, которые прежде всего должны были воспользоваться отмѣною тестъ-акта и занять мѣста въ парламентѣ. Политическій идеалъ—эмансипація католиковъ—волновалъ эти достаточные классы безъ всякаго сравненія больше, нежели голодную и несчастную массу крестьянъ-арендаторовъ, которыхъ изводили и высокая аренда, и страхъ изгнанія съ арендуемой земли, и десятина въ пользу господствующей (чуждой имъ) церкви. Можно безъ преувеличенія сказать, что девять десятыхъ ирландскаго народа думало не столько объ эмансипаціи католиковъ, не столько о распространеніи на нихъ парламентскихъ правъ, сколько о спасеніи отъ голодной смерти. Но (какъ это случалось въ аналогичныхъ случаяхъ и съ другими) своею энергіей, организаторскимъ талантомъ, искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ дѣйствуетъ на пользу всего народа, а не только маленькой его части, О'Коннель превратилъ, въ концѣ концовъ, вопросъ объ эмансипаціи католиковъ въ общенаціональное дѣло и объединилъ вокругъ этого дѣла почти весь ирландскій народъ. Ему удалось направить всю силу недовольства, снова начавшаго проявляться въ народныхъ массахъ, именно въ эту сторону и внушить крестьянству, что эмансипація католиковъ есть огромный шагъ къ немедленному исправленію всѣхъ бѣдъ. Было ли это такъ на самомъ дѣлѣ? *Нѣтъ, огромнымъ* шагомъ впередъ въ этомъ смыслѣ эмансипація назваться не можетъ, хотя, конечно, какъ всякая мѣра освободительнаго характера, она являлась несомнѣннымъ прогрессомъ, несомнѣннымъ и крупнымъ завоеваніемъ идеи соціальной справедливости. Но лгалъ ли, хитрилъ ли О'Коннель съ народными массами, упорно привлекая ихъ къ борьбѣ за эту мѣру, непосредственно нужную лишь зажиточнымъ классамъ? *Тоже нѣтъ*; здѣсь только повторялось въ маленькомъ масштабѣ то, что и въ крупныхъ, и въ малыхъ масштабахъ происходило въ остальныхъ европейскихъ странахъ съ конца XVIII столѣтія: представители имущихъ классовъ искренно и горячо отстаивали то, что они считали общечеловѣческими или общенаціональными правами, нисколько не задумываясь надъ тѣми экономическими условіями, которыя фатально предоставятъ пользованіе этими правами исключительно достаточному меньшинству націи. И О'Коннелю, подобно дѣятелямъ Франціи 1789 года, удалось собрать почти весь свой народъ вокругъ требованія эмансипаціи католиковъ. Ему это было не легко и далось не сразу, а послѣ пятнадцати лѣтъ упорной агитаціи. Его роль въ эти первые послѣ-наполеоновскіе годы заключалась въ политическомъ воспитаніи народа въ томъ духѣ, какъ ему это казалось наиболѣе цѣлесообразнымъ. Онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ революціонныхъ средствъ борьбы и считалъ, какъ мы уже сказали, дѣятелей 1798 г. и 1803 г. людьми, роковыми для Ирландіи.

Но какъ онъ представлялъ себѣ новую тактику, которой надлежитъ держаться для достиженія хотя бы сравнительно скромнаго идеала—эмансипаціи католиковъ? «Будемъ, мои земляки, сходиться; будемъ готовить наши петиціи; пусть этихъ петицій будетъ много; пусть онѣ будутъ проникнуты единымъ духомъ и пріурочены къ одной цѣли—къ достиженію эмансипаціи», читаемъ въ одной его рѣчи, сказанной въ 1819 году. Эта исключительно законная, конституціонная, строго-лойяльная почва была за всю жизнь О'Коннеля единственной, на которой онъ хотѣлъ стоять и отъ которой очень многаго ожидалъ. Петиціи, митинги, въ самомъ крайнемъ случаѣ мирныя демонстраціи—вотъ были рекомендуемыя имъ средства.

Обстоятельства сложились необычайно благопріятно для О'Коннеля, и послѣ мертвенной реакціи 1800—1815 г., послѣ труднаго и медленнаго національнаго пробужденія 1815 — 1820 гг., когда идея эмансипаціи католиковъ послужила средствомъ этого пробужденія, наступило время ожесточенной схватки съ временно ослабѣвшимъ непріятелемъ. Въ 1817, 1819, 1821 и слѣдующихъ годахъ въ Англіи происходило бурное народное движеніе; буржуазія рука объ руку съ рабочими боролась противъ аристократіи, промышленные города—противъ привилегій крупнаго землевладѣнія. Консервативный кабинетъ лорда Ливерпуля, Эльдона и Кэстльри долженъ былъ считаться съ систематическими и страшнѣйшими аграрными поджогами въ самой Англіи, съ кровавыми, яростными демонстраціями на площадяхъ Манчестера, Лондона, Бирмингэма, съ прямыми угрозами революціоннаго характера. Прерывалось дѣйствіе habeas coprus act'а, посылались войска, производились усмиренія съ убійствами и пораненіями, — и въ Англіи, и на континентѣ временами казалось, что великобританское государство находится на порогѣ революціи. Въ первый періодъ этой эпохи (до начала 1820-хъ гг.) Ирландія очень медленно пробуждалась послѣ долгаго оцѣпенѣнія и о'коннелевскіе рѣчи на митингахъ въ пользу эмансипаціи, о'коннелевскія дуэли, о'коннелевская пропаганда въ прессѣ — создали теоретическую основу движенія (требованіе эмансипаціи католиковъ), указали вождя (О'Коннеля), расшевелили общество, привлекли голодную и полуголодную массу, но ни въ малѣйшей степени не воскресили сами по себѣ традицій 1798 года. Пока старикъ Гратманъ былъ живъ, имъ, какъ ирландскимъ патріотомъ, въ качествѣ протестанта имѣвшимъ возможность попасть въ парламентъ, пользовались католики для попытокъ законодательнымъ путемъ провести эмансипацію, но ничего не выходило.

Въ іюнѣ 1820 года Гратмана не стало, и надежды на парламентское проведеніе эмансипаціи (и безъ того очень слабыя) еще болѣе потускнѣли. Но, съ другой стороны, тотъ же годъ принесъ смерть Георга III и вступленіе на престолъ Георга IV, и О'Коннель всецѣло подпалъ подъ власть столь бурнаго припадка лойялистическихъ чувствъ,

какой съ нимъ ни раньше ни позже не повторялся, и который увлекъ въ то же время почти всю вліятельную католическую аристократію и буржуазію. Дѣло въ томъ, что О'Коннелю показалось (а онъ былъ человѣкомъ большой впечатлительности и сильной импульсивности), будто новый король, въ противоположность отцу своему, покажетъ себя благосклоннымъ къ католикамъ. Король Георгъ IV былъ совершенно неповиненъ въ приписанныхъ ему чувствахъ. Будучи наслѣднымъ принцемъ и регентомъ (во время сумасшествія отца), Георгъ весьма много кутилъ, употреблялъ необычайное (даже для Ганноверской династіи) количество спиртныхъ напитковъ, производилъ рядъ скандаловъ въ семейной своей жизни и дружилъ извѣстное время съ вигами, благодаря поддержкѣ которыхъ парламентъ соглашался платить его долги въ нѣкоторую трудную для Георга эпоху. Больше ничѣмъ особеннымъ новый король проявить себя не успѣлъ.

12 августа 1821 года король Георгъ IV прибылъ въ Ирландію, которую уже давно намѣренъ былъ почему-то навѣстить. Дублинъ былъ иллюминованъ, всюду толпы народа выкрикивали привѣтствія, жгли фейерверки, стрѣляли изъ пушекъ. О'Коннель съ демонстративнымъ усердіемъ иллюминовалъ всѣ окна своего дома. Король Георгъ былъ въ восхищеніи, пилъ за здоровье дублинцевъ, пилъ за процвѣтаніе Ирландіи, пилъ за католиковъ, пилъ за протестантовъ и, вообще, за прочія вѣроисповѣданія, произносилъ милостивыя слова, давалъ нѣсколько неопредѣленныя, но тоже милостивыя обѣщанія, и обѣ стороны такъ дѣйствовали другъ на друга, что О'Коннель плакалъ отъ радости, провозглашалъ новую эру для Ирландіи и даже основалъ общество «Королевско-Георгіевскій клубъ», съ цѣлью споспѣшествовать дальнѣйшему взаимному англо-ирландскому дружелюбію и, въ частности, воздѣлывать и впредь «чувства благодарности къ его величеству королю Георгу Четвертому—да хранитъ его Господь!—которыя нынѣ одушевляютъ каждую ирландскую грудь».

Свободомыслящіе, независимые круги Англіи просто диву давались поглядывая на все, что продѣлывалось въ Ирландіи. Англія была въ раздраженномъ, почти революціонномъ состояніи; личныя качества Георга IV тамъ особенно отчетливо сознавались именно въ эти дни, въ августѣ 1821 года, когда умерла несчастная королева Каролина, которую неудачно пытался опозорить ея мужъ при помощи подкупленныхъ лжесвидѣтелей; ея похороны сопровождались бурной революціонной манифестаціей въ Лондонѣ, и какъ разъ въ эти дни приходили извѣстія о неистовыхъ восторгахъ О'Коннеля и ирландцевъ по поводу пріѣзда Георга. Байронъ заклеймилъ ирландскія событія въ горькихъ стихахъ, гдѣ выражено самое глубокое презрѣніе къ дѣйствовавшимъ лицамъ. «Кричите, пейте, празднуйте, льстите!» говорилъ Байронъ, обращаясь къ Ирландіи; «О'Коннель, провозглашай его совершенства», бросалъ поэтъ ироническій вызовъ агитатору.

Слои, на непосредственную пользу которыхъ работалъ О'Коннель, были по соціальному положенію своему, *естественно - консервативны*, а потому и хватались такъ судорожно, съ такою радостною надеждою за все, что сулило имъ возможность достигнуть желаемаго (эмансипаціи католиковъ) безъ потрясеній и смутъ, всегда небезопасныхъ для собственности. Но и эти слои, и О'Коннель, и король Георгъ IV разсчитали, забывъ ввести въ свои соображенія одинъ весьма существенный элементъ. Король отбылъ изъ Ирландіи и ничего рѣшительно не исполнилъ изъ обѣщаннаго; католики остались, — и ждали все съ усиливавшейся горечью, ибо вся королевская милость ограничилась присылкой въ качествѣ вице-короля — добродушнаго лорда Уэльсли. Этого было мало. И вотъ тутъ-то забытый элементъ выступилъ на сцѣну, или, точнѣе, привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе, ибо на сценѣ онъ уже находился давно.

VIII.

Аграрные безпорядки изрѣдка вспыхивали уже въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка, все по тѣмъ же постояннымъ причинамъ которыя мы изъяснили въ первой главѣ настоящей работы. Высокая рента, десятина въ пользу англиканской церкви, притѣсненія лендлордовъ, изгнаніе съ арендуемыхъ участковъ, неурожаи картофеля, отсутствіе (абсентеизмъ) весьма многихъ землевладѣльцевъ и страшное повышеніе арендной платы благодаря посредникамъ, которымъ уѣзжавшіе лендлорды сдавали землю крупными участками, и которые стремились нажиться, сдавая уже отъ себя арендованную землю мелкими дѣленіями, все это невыносимо тяготило фермеровъ. Едва только король Георгъ успѣлъ отбыть изъ Ирландіи послѣ дружественныхъ манифестацій, какъ вспыхнули аграрныя смуты, сопровождаемыя разбоями, въ Корнѣ, потомъ въ Лимерикѣ, потомъ въ Уиклоу, опять въ Корнѣ, и опять въ Лимерикѣ, а къ концу 1821 года безпорядки распространились по всему центру острова.

Оранжисты, которые, по традиціи, продолжали существовать и послѣ подавленія бунта 1798 года, организовались въ отдѣльные отряды, чтобы бороться противъ крестьянскихъ бандъ, разорявшихъ господскія помѣстья, рубившихъ парки, угонявшихъ скотъ, иногда убивавшихъ особенно ненавистныхъ имъ лицъ. Но такихъ отрядовъ самозащиты было мало и людей въ каждомъ изъ нихъ тоже было мало. Тогда вице-король потребовалъ войскъ; болѣе двадцати тысячъ солдатъ рыскали по странѣ, охотясь за бунтовщиками. Крестьяне иногда расхаживали отрядами по тысячѣ, тысячѣ пятисотъ, иногда по двѣ тысячи человѣкъ, и даже не всегда убѣгали отъ солдатъ, а иногда съ совершеннымъ отчаяніемъ шли прямо подъ пули. Солдаты прикалывали штыками, а иногда вѣшали плѣнныхъ; иныхъ доволакивали до военнаго

суда и вѣшали уже по приговору. Наступила зима, холодная и голодная зима 1822 года. Бунтъ разгорался; въ Мэкрунѣ, въ другихъ мѣстахъ дѣло дошло до настоящихъ сраженій между крестьянами и солдатами, послѣ чего около пятидесяти человѣкъ было повѣшено и убито немедленно, а еще болѣе впослѣдствіи (для вѣшанья бунтовщиковъ и предварительнаго совершенія нѣкоторыхъ такъ называемыхъ судебныхъ формальностей была учреждена специальная коммиссія въ Корнѣ) Вице-король, благосклонный къ католическимъ имущимъ классамъ, былъ особенно неумолимъ къ крестьянамъ и безпощадно ихъ усмирялъ. Но безпорядки не кончались. Въ одномъ мѣстѣ все казалось пришибленнымъ, въ другомъ неожиданно начиналось все на̀-ново. Въ Керри, Тайперери, Лимерикѣ участились убійства сборщиковъ десятины, управляющихъ имѣніями, посредниковъ; пожары не прекращались.

5-го февраля тронная рѣчь открыла парламентскую сессію 1822 года. Король сначала поздравлялъ милордовъ и джентльменовъ съ тѣмъ, что все обстоитъ благополучно во внѣшнихъ отношеніяхъ, а потомъ съ удивленіемъ и грустью констатировалъ, что духъ преступленій обуялъ Ирландію именно послѣ столь искреннихъ выраженій симпатіи и вѣрноподданническихъ чувствъ во время послѣдняго его путешествія. Посему онъ и обѣщалъ принять мѣры «къ защитѣ личности и собственности вѣрныхъ и мирныхъ подданныхъ» отъ нарушителей закона. Министерство, дѣйствительно, провело рядъ мѣръ, отмѣнявшихъ на время habeas corpus и сильно расширявшихъ и безъ того огромную власть вице-короля. Оппозиція (въ частности Брумъ и Бэрдетъ) противились этимъ мѣрамъ. Особенно ихъ возмущала мѣсль о ночныхъ обыскахъ, о томъ, что полиція получитъ право врываться ночью въ крестьянскіе дома въ Ирландіи и шарить по всему помѣщенію, тревожа ночной покой и оскорбляя женщинъ.

Мысль объ обыскахъ раздражала ихъ больше всего; и министры тоже какъ-то стыдливѣе оказывались въ защитѣ этого пункта, нежели при отраженіи другихъ нападокъ оппозиціи. Тѣмъ не менѣе, желательныя имъ мѣры относительно Ирландіи прошли.

Между прочимъ, во время преній, маркизъ Лондондерри, одинъ изъ членовъ правительства, заявилъ: «Во всякомъ случаѣ, я могу удостовѣрить палату, что смуты, угнетающія Ирландію, не стоятъ ни въ какой связи съ теоретическими принципами революціи, которые въ настоящее время заражаютъ міръ. Не слѣдуетъ смѣшивать недовольства порожденнаго страданіями, хотя бы воображаемыми, съ дурными ученіями, которыя ведутъ ко всему, кромѣ свободы. Повторяю, что ирландское возстаніе не имѣетъ никакого политическаго или религіознаго характера. Это такъ справедливо, что католики—хочу особенно это отмѣтить—ведутъ себя такъ, какъ они уже вели себя при подобныхъ обстоятельствахъ и сами воздерживаются отъ подачи своихъ заявленій (т.-е. петицій), которыя они должны были намъ подать въ нынѣшнюю

сессію. Они не хотятъ, чтобы ихъ дѣло было смѣшано съ дѣломъ бунтовщиковъ. Требовать реформъ или удовлетворенія политическихъ домогательствъ при подобномъ положеніи вещей значило бы дать награду—бунту».

Эта рѣчь подводитъ насъ къ весьма любопытному вопросу: какъ О'Коннель и его партія относились къ аграрному бунту, происходившему вокругъ нихъ? Отчасти похвала лорда Лондондерри была ими заслужена, они, дѣйствительно, еще продолжали чего-то ждать отъ англійскаго правительства и не хотѣли, чтобы ихъ смѣшали съ бунтовщиками. Но все-таки отъ обычныхъ, изъ года въ годъ повторяемыхъ петицій они отказались на этотъ разъ вслѣдствіе настояній одного изъ сановниковъ, управлявшихъ Ирландіей подъ эгидой вице-короля Уэльсли, вслѣдствіе настояній Плэнкета, считавшагося ихъ другомъ. Сами они хотя и съ раздраженіемъ и опасеніями отнеслись къ бунту, но въ ихъ партійномъ міросозерцаніи стала уже происходить нѣкоторая перемѣна.

Какъ описать эту перемѣну? Какъ ее точно опредѣлить? Жизнь (и исторія, какъ часть ея) болѣе сложна, болѣе гибка, болѣе пестра и запутанна въ иныхъ своихъ явленіяхъ, нежели, можетъ быть, желательно тому, кто стремится совершенно ясно, совершенно полно эти явленія описать. Человѣческій языкъ и для прозы жизни (а не только для поэзіи) иногда оказывается бѣденъ.

Напримѣръ, совершенно ли согласны мы будемъ съ исторической истиной, если скажемъ такъ: «О'Коннель рѣшилъ съ 1822 года пользоваться аграрными безпорядками въ Ирландіи, чтобы пугать ими англійское правительство и вынудить его дать эмансипацію католикамъ»? Нѣтъ, будемъ не вполнѣ точны. Если прибавимъ къ этому: «онъ рѣшилъ также воспользоваться для своей цѣли происходившими въ это время смутами въ Англіи изъ-за требованій избирательной реформы»? Также это не вполнѣ будетъ отвѣчать дѣйствительности. Тутъ нельзя констатировать съ самаго начала опредѣленнаго рѣшенія, яснаго перехода къ новой тактикѣ. О'Коннель продолжалъ оставаться вполнѣ лойяльнымъ и хвалиться своею лойяльностью; онъ продолжалъ порицать бунтовщиковъ, продолжалъ дѣйствовать митингами, петиціями, легальными ассоціаціями. И въ то же время, чѣмъ рѣшительнѣе шло революціонное движеніе въ Англіи и аграрное въ Ирландіи, чѣмъ яснѣе становился затяжной характеръ обоихъ движеній, тѣмъ настоятельнѣе О'Коннель просилъ объ эмансипаціи и тѣмъ горше порицалъ бунтовщиковъ. Значитъ, тутъ мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ макіавеллизмомъ, съ стремленіемъ представителя имущихъ классовъ вытащить для своихъ довѣрителей каштаны изъ огня руками ирландскихъ крестьянъ и англійскихъ рабочихъ, изъ которыхъ первые имѣютъ мало общаго, а вторые ровно ничего общаго съ требованіемъ эмансипаціи католиковъ? Нѣтъ, и этого не было. О'Коннель искренно считалъ себя вырази-

телемъ нуждъ всей ирландской націи,—и, въ принципіальномъ смыслѣ, эмансипація католиковъ, дѣйствительно, нужна была всей націи, хотя непосредственно ею нищая масса воспользоваться и не могла. Что же касается до тактики, то только съ конца 1820-хъ гг. она характеризуется сознательнымъ пользованіемъ революціонными чувствами народа для понужденія правительства къ уступкамъ, но и тутъ О'Коннель только пользовался настроеніемъ, которое наростало помимо его вліянія,—и никогда искусственно не возбуждалъ его; напомнимъ также, что именно съ конца 1820-хъ гг., послѣ эмансипаціи, ближайшія цѣли О'Коннеля стали демократичнѣе, народная масса болѣе жгуче была въ ихъ достиженіи заинтересована. Въ тактикѣ его была непослѣдовательность, но вскрылась она, какъ увидимъ, лишь къ концу его жизни.

Въ 1823 году О'Коннель основалъ «Католическую ассоціацію» спеціально съ цѣлью добиться эмансипаціи, но роль этого новаго общества оказалось гораздо шире: оно сблизило ирландскую аристократію и буржуазію съ крестьянствомъ, ибо принципы организаціи были самые демократическіе, и съ первыхъ же шаговъ своихъ она сдѣлалась могущественнымъ средствомъ объединенія ирландскаго народа. О'Коннель много въ своей жизни увлекался и много дѣлалъ ошибокъ, но на этотъ разъ увлеченіе, съ которымъ онъ принялся за это дѣло объединенія, сослужило Ирландіи большую службу. Тотчасъ же обнаружилось, что никогда О'Коннель не былъ притворщикомъ, не былъ сознательнымъ орудіемъ имущихъ классовъ и eo ipso противникомъ неимущихъ. Положительно можно сказать, что съ 1823 года О'Коннель больше говорилъ въ своихъ агитаціонныхъ рѣчахъ объ ужасномъ экономическомъ состояніи крестьянъ, нежели даже о желательности измѣненія избирательныхъ законовъ, касающихся католиковъ.

О'Коннель посредствомъ «ассоціаціи» самымъ рѣшительнымъ образомъ возбуждалъ общественное мнѣніе противъ тѣхъ лендлордовъ (все равно,—католическихъ или протестантскихъ), которые практиковали изгнаніе фермеровъ или слишкомъ безчеловѣчно повышали арендную плату; онъ организовалъ систематическую даровую судебную защиту фермерскихъ интересовъ, когда дѣло доходило до тяжебъ между фермерами и лендлордами; наконецъ, онъ принялъ дѣятельное непосредственное (какъ адвокатъ) и косвенное участіе въ защитѣ подсудимыхъ по безчисленнымъ аграрнымъ процессамъ, происходившимъ въ это время. Ассоціаціи одной—самой по себѣ—было недостаточно. Необходимы были деньги. О'Коннель выдвинулъ проектъ, надъ которымъ сначала много смѣялись, какъ надъ полнѣйшей утопіей, но который въ концѣ концовъ всецѣло восторжествовалъ и принесъ обильнѣйшіе плоды. Это была мысль о такъ называемомъ «католическомъ взносѣ». Если бы изъ семи милліоновъ католиковъ, населявшихъ въ 1820-хъ гг. Ирландію, хотя бы только небольшая часть (меньше $^1/_4$) захотѣла вносить по одному пенни въ мѣсяцъ, то составилось бы пятьдесятъ ты-

сячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, которые «католическая ассоціація» употребляла бы на общія нужды. Распредѣленіе этой суммы было бы такое: пятнадцать тысячъ фунтовъ—на прессу и агитацію въ пользу католиковъ, другія пятнадцать тысячъ на «законную защиту» католиковъ отъ притѣсненій оранжистовъ и всякаго иного произвола, пять тысячъ—на расходы, связанные съ собраніемъ подписей и ежегодной подачей петицій въ парламентъ, *не только* относительно эмансипаціи, но и по поводу всякихъ вообще тягостей, угнетающихъ Ирландію, пять тысячъ—на воспитаніе дѣтей бѣдныхъ католиковъ, и остальныя десять тысячъ на рядъ расходовъ по поддержанію духовенства, католическихъ церквей, а также для отчисленія (если что-нибудь останется) въ запасный фондъ.

На огромномъ митингѣ, состоявшемся вскорѣ послѣ перваго довольно холоднаго и скептическаго пріема о'коннелевскаго проекта членами ассоціаціи, толпа, чисто демократическая по своему составу, съ бурнымъ восторгомъ выслушала предложеніе О'Коннеля,—и дѣло «католическаго взноса» окончательно перешло въ область дѣйствительности. Насмѣшки и скептицизмъ, впрочемъ, все еще продолжались, и О'Коннель предпринялъ спеціальную агитаціонную кампанію, чтобы поддержать свой планъ въ разныхъ частяхъ Ирландіи. Во многихъ мѣстахъ католическое духовенство взяло на себя и ревностно выполняло миссію взиманія этой добровольной подати по церковнымъ приходамъ. О'Коннель, какъ талантливѣйшій организаторъ, умѣлъ, оставляя за собою главное и общее руководительство дѣлами ассоціаціи, вдохнуть въ нее жизнь, децентрализуя ее по возможности, основывая массу мелкихъ комитетовъ чуть не во всѣхъ приходахъ, поручая этимъ комитетамъ какъ сборъ денегъ, такъ и вербовку новыхъ членовъ, и другія функціи. Огромныя массы крестьянства, никогда даже и не бывавшаго въ Дублинѣ, примыкали къ этимъ всюду разбросаннымъ комитетамъ и привыкали чувствовать себя частью одного національнаго цѣлаго. О'Коннель настаивалъ, чтобы члены комитетовъ ѣздили по самымъ глухимъ округамъ, читали тамъ вслухъ газеты и листки ассоціаціи и пропагандировали ея идеи. Эти же комитеты зорко слѣдили за поведеніемъ лендлордовъ и ихъ управляющихъ, и при малѣйшей возможности защитить судебнымъ порядкомъ фермера отъ притѣсненій, они начинали процессъ.

Въ 1822—23 гг. аграрныя нападенія совершались бандами, принявшими старое, традиціонное названіе бѣлыхъ парней; произошло нѣсколько случаевъ убійствъ самихъ лендлордовъ, а также сожженія ихъ управляющихъ живыми, вмѣстѣ съ семьями и всей усадьбою. Въ 1824 г. это продолжалось, хотя и въ уменьшенныхъ размѣрахъ. О'Коннель всѣ силы напрягалъ, чтобы аграрныя нападенія окончились,—и дѣлалъ это, внѣ всякаго сомнѣнія, вполнѣ искренно. И—тоже внѣ

всякого сомнѣнія—основанная имъ ассоціація стала серьезно пугать оранжистовъ именно вслѣдствіе происходившей смуты.

Министерство обезпокоилось. Ассоціація была легальна и дѣйствовала легально, и изо всѣхъ силъ старалась, чтобы ее не смѣшали съ «бѣлыми парнями». Но, во-первыхъ, вѣрноподданническія чувства, которыми О'Коннель и католики въ 1821 году удивили Европу, успѣли вывѣтриться въ весьма серьезной степени, вслѣдствіе того, что царствованіе Георга принесло не ожидаемую эмансипацію, а усмирительные законы; О'Коннель какъ бы старался даже загладить свое поведеніе во время королевскаго путешествія. Во-вторыхъ, ассоціація подъ прямымъ воздѣйствіемъ О'Коннеля не скрывала своихъ симпатій къ несчастнымъ фермерамъ. Въ-третьихъ, она являлась слишкомъ большой и слишкомъ богатой организаціей, чтобъ можно было равнодушно смотрѣть на ея существованіе. Было предприняты нѣкоторые шаги. На одномъ митингѣ О'Коннель выразилъ мысль (въ его устахъ, дѣйствительно, довольно неожиданную), что если какую-нибудь націю слишкомъ угнетаютъ, то она становится способной на самые безумные поступки; что онъ надѣется на милость Бога, который не допуститъ Ирландію до такого состоянія, но что если ужъ это случится, то пусть тогда духъ грековъ, возставшихъ противъ турецкаго владычества и южноамериканскихъ колоній, освободившихся отъ притѣсненій Испаніи, одушевитъ ирландскую націю. За эти слова О'Коннеля отдали подъ судъ, причемъ особенно выраженная имъ надежда, что ирландцы будутъ имѣть своего освободителя Боливара, ставилась ему на видъ. Изъ процесса ничего не вышло, ибо репортеръ газеты, на отчетѣ котораго основывалось обвиненіе, принесъ присягу, что это онъ записалъ въ сонномъ видѣ и ничего не помнитъ. Отговорка была лишена всякаго смысла, но другихъ свидѣтелей не объявлялось, а на шпіоновъ сослаться было нельзя. Такъ большое жюри и не нашло состава преступленія въ рѣчи О'Коннеля. Рядъ бурныхъ овацій сопровождалъ О'Коннеля послѣ этого процесса во всѣхъ его появленіяхъ въ народѣ; ассоціація стала необычайно популярна и росла не по днямъ, а по часамъ. Тогда послѣ долгихъ и тщетныхъ поисковъ, къ чему бы придраться, правительство рѣшило прибѣгнуть къ такой мѣрѣ: закрыть ассоціацію на основаніи существующихъ законовъ нельзя,—слѣдовательно, нужно провести чрезъ парламентъ новый законъ, особый актъ, которымъ спеціально постановлялось бы уничтожить имѣющуюся въ Ирландіи «Католическую ассоціацію».

3-го февраля 1825 года парламентская сессія открылась тронной рѣчью *), въ которой выражалось искреннее сожалѣніе короля Георга, что спокойствію Ирландіи, которая, какъ извѣстно, «раздѣляетъ все-

*) См. ея текстъ въ „Annual Register“, 1825 г., стр. 3 и 4.

общее благополучіе», мѣшають только разныя ассоціаціи, разжигая вражду, угрожая обществу и т. д., и т. д., и т. д. Это было предзнаменованіемъ чрезвычайно серьезнымъ. Дѣйствительно, очень скоро послѣ открытія сессіи въ нижнюю палату былъ внесенъ билль о закрытіи «католической ассоціаціи». Ассоціація рѣшила сдѣлать попытку отстоять свое существованіе и, по крайней мѣрѣ, публично себя защитить. Было рѣшено, что О'Коннель и Шиль поѣдутъ въ Лондонъ, попросятъ позволенія быть допущенными къ рѣшеткѣ палаты и отвѣтятъ на всѣ обвиненія. О'Коннель понималъ весьма хорошо, что никакихъ обвиненій противъ ихъ общества выставить нельзя, но что это вовсе и не требуется въ данномъ случаѣ, ибо рѣчь идетъ не о судѣ, а о законодательномъ актѣ, не о правосудіи, а о политикѣ. И все-таки онъ рѣшилъ отправиться въ Лондонъ: пропагандистъ въ немъ всегда бралъ верхъ. Неохотно, но онъ взялъ на себя эту неблагодарную миссію.

Въ Лондонѣ друзья ирландскаго дѣла—членъ палаты Плэнкетъ и другіе—сразу заявили ему о безнадежности предпріятія. Палата отказалась даже выслушать прибывшихъ и огромнымъ большинствомъ голосовъ согласилась на закрытіе «католической ассоціаціи». Зато О'Коннеля допустили и выслушали по другому поводу: комитетъ палаты общинъ, образованный съ цѣлью разсмотрѣнія общаго положенія Ирландіи, пригласилъ О'Коннеля высказаться по поводу ряда ирландскихъ вопросовъ, и рѣчь ирландскаго агитатора произвела весьма сильное впечатлѣніе; онъ говорилъ о массѣ моральнаго и матеріальнаго зла, которое претерпѣваютъ безправные католики и которое устранить возможно только ихъ эмансипаціей. Былъ тогда же устроенъ огромный митингъ, гдѣ О'Коннель произнесъ потрясающую рѣчь о положеніи Ирландіи, и его лондонскіе слушатели, собравшіеся на этотъ митингъ въ залъ «Франкмасонской таверны», встрѣтили и проводили его громовыми рукоплесканіями. Въ эту же сессію былъ внесенъ членомъ оппозиціи сэромъ Фрэнсисомъ Бэрдетомъ билль, почти всецѣло проводившій эмансипацію католиковъ, и О'Коннель, хорошо знавшій обстоятельства, питалъ сильную надежду, что эта мѣра пройдетъ. Дѣло въ томъ, что время въ Англіи стояло очень сложное и очень любопытное, и въ поведеніи большинства палаты не было ничего страннаго, когда это большинство становилось за такія противорѣчивыя мѣры, какъ закрытіе «католической ассоціаціи», и за эмансипацію католиковъ. Англійскіе правящіе круги давно уже смотрѣли на эмансипацію католиковъ, какъ на меньшее изъ нѣсколькихъ золъ; давно уже въ правящую среду проникла (хотя далеко не всецѣло уже утвердилась тамъ) мысль, что, удовлетворивъ Ирландію, легче будетъ напречь всѣ силы для борьбы съ англійскими радикалами, требующими парламентской реформы. А закрыть «католическую ассоціацію» правительство находило все-таки нужнымъ, чтобы не создавалось

въ Ирландіи всегда опасное тамъ «государство въ государствѣ», да и ассоціація эта стала заниматься слишкомъ острыми вопросами,—аграрнымъ, соціальнымъ, а вовсе не только религіозно-юридическимъ, не только вопросомъ объ эмансипаціи католиковъ. Вотъ почему большинство (правда, слабое) согласилось на либеральный билль Бэрдета, и члены министерства (правда, не всѣ) ничего противъ этого билля не имѣли. О'Коннель уже торжествовалъ, но 18 мая (того же 1825 года) палата лордовъ во второмъ чтеніи—большинствомъ 178 голосовъ противъ 130—провалила предложеніе Бэрдета. Лорды все еще думали, что, можетъ быть, мыслимо ни въ Англіи, ни въ Ирландіи никому ничего не уступить. Въ сущности, эмансипація католиковъ (въ частности, допущеніе ихъ въ парламентъ) ничьихъ интересовъ особенно не затрагивала, и всѣ это понимали, и видѣли, что въ концѣ концовъ лорды уступятъ, ибо развязать себѣ руки для борьбы противъ реформистовъ-радикаловъ, желающихъ уничтоженія гнилыхъ мѣстечекъ, имъ необходимо; всѣ видѣли, что не въ эмансипаціи католиковъ, а именно въ парламентской реформѣ лежитъ серьезная опасность для ихъ политическаго и матеріальнаго преобладанія. И все-таки О'Коннель, вслѣдствіе обычной своей впечатлительности, былъ въ крайней степени раздраженія, почти въ отчаяніи. Оставаться дальше въ Лондонѣ было совсѣмъ уже нечего,—и онъ вернулся въ Ирландію.

Несмѣтныя толпы встрѣтили его на берегу и стояли по дорогѣ къ Дублину; привѣтственные крики не умолкали; народъ выпрягъ лошадей и помчалъ экипажъ. Ирландія пробудилась окончательно, и этотъ фактъ утѣшилъ О'Коннеля въ только что претерпѣнныхъ неудачахъ, какъ самъ онъ высказывалъ. Былъ устроенъ рядъ митинговъ, на которыхъ О'Коннель подчеркивалъ необходимость обратиться съ новыми, настоятельнѣйшими петиціями въ парламентъ относительно эмансипаціи. Что касается до покойной «католической ассоціаціи», то акту, закрывшему ее, нужно оказывать «не почтеніе, но повиновеніе». Этимъ онъ выразилъ прежнюю и всегдашнюю свою мысль,—о необходимости для блага Ирландіи оставаться на легальной почвѣ. Тѣмъ не менѣе, О'Коннель очень скоро показалъ, что самую почву эту онъ не намѣренъ съуживать ни въ какомъ случаѣ: онъ заявилъ, что слѣдуетъ открыть новую ассоціацію «только для общественной и частной благотворительности» и для такихъ цѣлей, которыя не воспрещены актомъ парламента. Другими словами, это обозначало de facto открытіе вновь только что закрытаго общества. О'Коннель ставилъ правительство въ довольно хлопотливое положеніе: закрывать ничего преступнаго не дѣлающія организаціи возможно лишь спеціальнымъ актомъ парламента,—а удобно ли по нѣскольку разъ въ годъ пускать въ ходъ тяжеловѣсную законодательную машину для достиженія этой цѣли? И, наконецъ, О'Коннель на другой день послѣ каждаго такого закрывающаго билля будетъ открывать подъ инымъ наименованіемъ новое

общество? Правительство лорда Ливерпуля, какъ выражается Робертъ Дэнлопъ, смотрѣло на это, какъ фениксъ изъ пепла, возродившееся общество, «съ остолбенѣніемъ и безсиліемъ». Неудобства коституціоннаго режима, къ которымъ съ такою горечью относился еще лордъ Кэстльри, теперь выступили во всей своей силѣ. И что было худо, О'Коннель обнаруживалъ удивительное умѣніе этими неудобствами пользоваться; но что было еще хуже,—это то, что О'Коннель, все еще лойяльный, конституціонный, нереволюціонный О'Коннель, уже вовсе ни въ чемъ не напоминалъ прежняго, недавняго, вѣрноподданнаго О'Коннеля. Конституція являлась уже для него только арсеналомъ, дававшимъ нужное оружіе; король и лорды — препятствіемъ, противъ котораго это оружіе нужно пустить въ ходъ.

Новое общество, получившее (будто въ насмѣшку надъ актомъ, уничтожившимъ прежнюю организацію) названіе «Новой католической ассоціаціи», поглощено было въ 1826 году предвыборной агитаціей: католики-арендаторы, платившіе 40 шиллинговъ, какъ сказано, имѣли право выбирать въ парламентъ, хотя не имѣли права быть выбираемыми, и О'Коннель рѣшилъ этимъ воспользоваться: до сихъ поръ эти выборщики были обыкновенно слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ лендлордовъ, на земляхъ которыхъ они сидѣли,—теперь же были пущены въ ходъ всѣ средства пропаганды, чтобы они избирали только тѣхъ протестантовъ, которые высказались за эмансипацію католиковъ. «Сорокашиллинговые фригольдеры», подготовленные уже агитаціей послѣднихъ лѣтъ, оказались на высотѣ положенія, и въ цѣломъ рядѣ округовъ провалили лендлордскихъ кандидатовъ и выбрали приверженцевъ эмансипаціи (мы говоримъ о кандидатахъ протестантскихъ лендлордовъ: католическіе магнаты были на сторонѣ О'Коннеля). Сейчасъ же послѣ выборовъ началась расправа освирѣпѣвшихъ лендлордовъ съ непокорными арендаторами. Цѣлыми массами ихъ выгоняли вонъ, оставляя съ семьею буквально на улицѣ. Среди арендаторовъ начались уже толки объ аграрномъ террорѣ, какъ отвѣтѣ на неистовства лендлордовъ, но О'Коннель всѣми силами старался инымъ путемъ помочь бѣдѣ. На митингѣ въ Іотерфордѣ (въ августѣ 1826 года) онъ предложилъ учредить «Орденъ освободителей», особое общество, которое стремилось бы къ примиренію всѣхъ ирландскихъ сословій, предупрежденію образованія тайныхъ обществъ, къ прекращенію всякихъ ссоръ и несогласій классоваго или вѣроисповѣднаго характера, къ учрежденію для этой цѣли особыхъ третейскихъ судовъ и частныхъ трибуналовъ и въ особенности къ защитѣ «сорокашиллинговыхъ фригольдеровъ» отъ всякихъ попытокъ мести и притѣсненій за подачу голосовъ на выборахъ—по совѣсти, а не по приказу; для этой цѣли, для поддержки притѣсняемыхъ фригольдеровъ долженъ былъ служить особый національный фондъ, который предполагалось собрать, вообще, для дальнѣйшей борьбы за эмансипацію католиковъ. Орденъ осно-

вался и спеціально занялся матеріальною помощью изгоняемымъ арендаторамъ—и устною и печатною полемикою (на митингахъ и въ газетахъ) противъ лендлордовъ; любопытно, что этотъ орденъ на самомъ дѣлѣ нѣсколько стѣснилъ лендлордовъ (правда, главнымъ образомъ, потому, что имъ казалась весьма небезопасною та своеобразная и односторонняя «популярность», которою снабжали ихъ дѣятели Ордена, въ случаѣ слишкомъ жестокихъ поступковъ).

Въ парламентѣ (нижней палатѣ) насчитывалось теперь много приверженцовъ эмансипаціи, и, однако, когда Фрэнсисъ Бэрдетъ (въ мартѣ 1827 г.) внесъ опять предложеніе немедленно приступить къ разсмотрѣнію вопроса объ эмансипаціи католиковъ, предложеніе это большинствомъ 276 голосовъ противъ 272 провалилось. Вскорѣ послѣ этого умеръ лордъ Ливерпуль и первымъ министромъ сталъ Каннингъ, приверженецъ эмансипаціи. Веллингтонъ, лордъ Эльдонъ, а главное Пиль, упорный врагъ католиковъ, вышли изъ состава правительства. Но Каннингъ зналъ о слѣпомъ яростномъ сопротивленіи короля и лордовъ проведенію эмансипаціи,—и дѣло это не настолько его занимало, чтобы онъ хотѣлъ немедленно начать неизбѣжную борьбу. Поэтому онъ далъ стороною знать О'Коннелю, что, конечно, министерство хотѣло бы дать эмансипацію, но нужно выждать время, пока улягутся страсти и т. д. О'Коннель на это отвѣтилъ, что прежде всего нужно измѣнить составъ ирландской администраціи, чтобы хоть немного прекратить «лихорадочное состояніе» страны. Какъ мы видимъ, борясь противъ этого «лихорадочнаго состоянія», О'Коннель пускалъ его въ ходъ какъ оружіе, какъ серьезное основаніе для требованій; эта двойственность была отличительной чертой его политики, дѣлавшею эту политику въ глазахъ многихъ весьма несимпатичной и нецѣлесообразной; въ глазахъ другихъ — несимпатичной, но цѣлесообразной; въ глазахъ третьихъ — цѣлесообразной и съ нравственной стороны вполнѣ допустимой. Все лѣто прошло въ Ирландіи въ ожиданіи реформъ, въ ожиданіи всякихъ благъ отъ Каннинга, котораго чтили всѣ свободомыслящіе элементы тогдашней Европы. Но 8-го августа Каннингъ скончался, ничего не успѣвъ сдѣлать для Ирландіи и власть вскорѣ снова перешла къ крайнимъ торіямъ кабинета лорда Ливерпуля, ушедшимъ послѣ смерти Ливерпуля. Съ самаго начала 1828 года начались колоссальные и почти непрерывные митинги въ Дублинѣ и другихъ городахъ Ирландіи; «Новая католическая ассоціація» и «Орденъ освободителей» — главныя орудія о'коннелевской пропаганды—употребляли всѣ свои усилія, чтобы поддерживать страну въ состояніи постояннаго возбужденія; готовилась новая петиція въ парламентъ, и вниманіе министерства самымъ недвусмысленнымъ образомъ обращалось на такое положеніе вещей, когда ирландскія стремленія къ эмансипаціи идутъ прямо на руку внутренней англійской смутѣ,—радикаламъ, требующимъ парламентской реформы. Положеніе

вещей было такое, что противники реформы долго противиться эмансипаціи не могли, но, чтобы они уступили, нужно было напречь всѣ усилія сдѣлать всякое дальнѣйшее ихъ сопротивленіе равносильнымъ призыву ирландскаго народа къ революціи. Въ 1828 году право засѣдать въ парламентѣ получили протестантскіе диссиденты, тоже до тѣхъ поръ лишенные его согласно тестъ-акту 1673 г., о которомъ у насъ шла рѣчь въ началѣ этой (второй) главы. О'Коннель не уставалъ повторять, что совершенно нелогично и безсмысленно послѣ этого оставлять въ силѣ только тѣ ограниченія, которыя касаются католиковъ. Возбужденіе въ Ирландіи росло; католическое духовенство разжигало до фанатизма стремленія своей паствы къ эмансипаціи и окончательно отожествляло эту будущую эмансипацію со всевозможными матеріальными благами, которыя непремѣнно свалятся на несчастную голодную страну, едва только эмансипація будетъ достигнута. Наступалъ тотъ психологическій моментъ, когда агитаторъ долженъ былъ, наконецъ, указать народу,—куда ступить дальше? на что онъ разсчитывалъ, доводя своихъ сторонниковъ до такой пламенной рѣшимости?

IX.

Уизи Фицджеральдъ—одинъ изъ отпрысковъ этой старой и развѣтвленной ирландской фамиліи—принялъ отъ лорда Веллингтона приглашеніе вступить въ кабинетъ для завѣдыванія министерствомъ торговли. По этой причинѣ, на основаніи англійскаго закона, онъ долженъ былъ сложить съ себя званіе представителя отъ ирландскаго графства Клэръ, въ качествѣ котораго онъ засѣдалъ въ нижней палатѣ. Тотчасъ же, онъ, какъ водится, поставилъ тамъ на-ново свою кандидатуру, и всѣ были увѣрены, что эта формальность—переизбраніе депутата, ставшаго министромъ, пройдетъ безъ всякихъ осложненій. Къ общему изумленію, оказалось, что есть еще одинъ кандидатъ на освободившуюся вакансію,—именно, О'Коннель. Новость была изумительная, ибо О'Коннель, какъ католикъ, не имѣлъ права засѣдать въ парламентѣ. Лордъ Эльдонъ и другіе крайніе враги эмансипаціи указывали на эту выходку О'Коннеля, какъ на рѣшительное выступленіе до сихъ поръ легально дѣйствовавшаго агитатора на революціонное поприще, ибо, домогаясь всю жизнь эмансипаціи католиковъ, онъ вдругъ какъ бы принялъ свою мечту за дѣйствительность и, вопреки ненавистному для него, но существующему еще въ полной силѣ закону, намѣренъ стать членомъ парламента. Дѣло заключалось еще въ томъ, что «католическая ассоціація (иниціатива предпріятія принадлежала ей) и О'Коннель убѣдились въ необходимости начать непосредственную борьбу послѣ того, какъ они обстоятельно ознакомились съ настроеніемъ католическихъ арендаторовъ-избирателей графства Клэръ. Арендаторы рѣшительно не желали выбрать своего прежняго депутата.

принявшаго постъ въ торійскомъ кабинетѣ Веллингтона, не то расположенномъ дать эмансипацію, не то отказывающемъ въ ней. Они были настроены такъ, что воспрепятствовать имъ бороться значило остаться позади движенія и сильно охладить націю. Тутъ не О'Коннеля вели, но и не О'Коннель велъ; тутъ возбужденное О'Коннелемъ движеніе несло и его, и друзей впередъ. О'Коннель и рѣшилъ согласиться на предложеніе «католической ассоціаціи» и выставить свою кандидатуру противъ Уизи Фицджеральда. Собственно, въ точномъ смыслѣ слова, постановка кандидатуры ничего незаконнаго въ себѣ не заключала: актъ 1673 года вовсе не запрещалъ католикамъ баллотироваться въ члены парламента: этотъ актъ говорилъ лишь о томъ, что выбранный долженъ принести такую-то и такую-то присягу (которую католикъ принести не можетъ, не отрекаясь отъ догматовъ своей вѣры). Но разумѣется, ни для кого не было и не могло быть неяснымъ, что О'Коннель баллотируется не затѣмъ, чтобы потомъ передъ парламентскимъ клеркомъ отречься отъ католицизма, а для иной цѣли. Этою цѣлью было—поставить правительство въ возможно болѣе трудное положеніе,—въ необходимость либо дать эмансипацію, либо отказать человѣку, выбранному въ представители народа, въ правѣ занять принадлежащее ему мѣсто только на основаніи того, что онъ католикъ. Кабинетъ колебался и не рѣшался въ вопросѣ объ эмансипаціи,—теперь же О'Коннель ставилъ Веллингтона въ необходимость совершить грубое насиліе во имя принципа, который самому Веллингтону кажется довольно несправедливымъ и ненужнымъ.

Избиратели графства Клэръ, узнавъ о рѣшеніи О'Коннеля, были въ совершенномъ восторгѣ. Возбужденіе дошло до того, что вице-король лордъ Энглъси спѣшно требовалъ новыхъ и новыхъ военныхъ подкрѣпленій на всякій случай. Огромныя массы уже стекались въ Эннисъ, гдѣ должны были произойти выборы; въ нѣсколько дней было собрано столько, сколько собиралось обыкновенно за годъ,—все на избирательные расходы. О'Коннель обратился съ воззваніемъ къ избирателямъ, въ которомъ онъ говорилъ, что его избраніе—это шагъ къ эмансипаціи, его успѣхъ — успѣхъ всей католической Ирландіи, т.-е. огромнаго большинства націи. По всѣмъ дорогамъ, на всѣхъ холмахъ графства Клэръ можно было видѣть членовъ католической ассоціаціи и священниковъ, произносившихъ агитаціонныя рѣчи въ пользу О'Коннеля. Дѣло было лѣтомъ (конецъ іюня и начало іюля 1828 года) и митинги продолжались чуть не круглыя сутки: мѣнялись только ораторы и публика, но на мѣстахъ, признанныхъ удобными для митинговъ, всегда стояла толпа. Въ церквяхъ такіе митинги были особенно многочисленны и людны. «Каждый алтарь былъ трибуной», говоритъ другъ и помощникъ О'Коннеля—Шиль; «гдѣ только появлялся священникъ или агитаторъ, мгновенно собиралась чернь, даже въ глухой часъ ночи», скорбно констатируетъ враждебный О'Коннелю «Annual

Register» за 1828 годъ *). Духовенство пускалось даже въ обстоятельное разъясненія паствѣ, что вотировать за О'Коннеля значитъ вотировать за Господа Бога; а за противника О'Коннеля—все равно что за сатану. Боевымъ кличемъ было: «за Бога и О'Коннеля!» Лендлорды, съ своей стороны, устраивали митинги, на которыхъ не переставали говорить противъ О'Коннеля; протесты аргументировались иногда довольно курьезно, съ апломбомъ такой чудовищной лжи, къ которой люди привыкаютъ только отъ долголѣтней увѣренности въ невозможности для оппонентовъ тотчасъ же ихъ изобличить. Двадцатипятилѣтняя реакція, наступившая послѣ 1798 года и прерванная только агитаціей О'Коннеля въ началѣ 1820 годовъ, и одарила ирландскихъ лендлордовъ этою привычкою. Такъ, на своихъ митингахъ они наивнѣйшимъ образомъ сѣтовали на О'Коннеля за то, что онъ нарушаетъ своимъ поведеніемъ стародавнія превосходнѣйшія отношенія, патріархальныя чувства, существующія между землевладѣльцами и ихъ арендаторами. Агитаторы «Католической ассоціаціи» много надъ подобными заявленіями смѣялись. О'Коннель въ рѣчи, сказанной предъ избирателями снова и снова указывалъ на боевое значеніе своей кандидатуры въ дѣлѣ уничтоженія исключительныхъ законовъ противъ католиковъ: «я хочу положить этой системѣ конецъ, я прихожу сюда, чтобы покончить съ нею». Выбраннымъ оказался О'Коннель. Тріумфъ католической ассоціаціи и ея вождя былъ полный,—и вся католическая Ирландія рукоплескала клэрскимъ избирателямъ. На одномъ протестантско-аристократическомъ собраніи сэръ Доусонъ, родственникъ Роберта Пиля, самъ бывшій членомъ министерства, живописалъ «Католическую ассоціацію» весьма мрачными красками, все подчеркивая ея огромную власть. «Состояніе Ирландіи есть аномалія въ исторіи цивилизованныхъ націй. Правильно, что у насъ есть правительство, которому оказывается наружное повиновеніе, которое отвѣтственно предъ парламентомъ и предъ Богомъ въ отправленіи своихъ функцій; но столь же правильно, что огромнѣйшее большинство (ирландской) націи въ устройствѣ дѣлъ своей страны сообразуется не съ законнымъ правительствомъ, но съ неотвѣтственною, самовольно учрежденною ассоціаціею. Спокойствіе Ирландіи зависитъ не отъ королевскаго правительства, но отъ повелѣнія «католической ассоціаціи». Духовенство (англиканское) въ своей десятинѣ, лендлорды—въ своей арендной платѣ—всѣ они зависятъ отъ того или иного приказа «Католической ассоціаціи», обращеннаго къ ирландской націи. Такой совершенной системы въ организаціи не достигалъ никто, ни одинъ человѣкъ, не обладающій законною властью правительства». Эти слова Доусона—лучшая характеристика организаторскихъ талантовъ О'Коннеля. Въ заключеніе своей рѣчи консервативный ораторъ заявлялъ, что единственный спо-

*) Стр. 124.

собѣ успѣшно бороться съ о'коннелевской моральной диктатурой заключается въ даровании эмансипаціи, ибо до тѣхъ поръ, къ сожалѣнію, страна будетъ слушать агитаторовъ. Подобное мнѣніе все больше и больше проникало въ самые нетерпимые, самые консервативные протестантскіе слои. Первый министръ (Веллингтонъ) былъ того мнѣнія, что Ирландія - наканунѣ открытаго бунта, если продолжать слишкомъ упорствовать и не дать эмансипаціи. Робертъ Пиль, хотя и поссорился со своимъ родственникомъ Доусономъ за то, что онъ въ своей рѣчи высказался слишкомъ рѣшительно въ пользу эмансипаціи,—тѣмъ не менѣе понималъ своимъ широкимъ государственнымъ умомъ, что уступить необходимо, и только лично желалъ выйти изъ кабинета: ему казалось это необходимымъ въ виду прежней слишкомъ рѣшительной своей оппозиціи всѣмъ планамъ эмансипаціи. Къ концу 1828 года въ Ирландіи и Англіи друзья и враги католиковъ уже понимали достаточно ясно, что министерство переживаетъ послѣднія колебанія. Какъ мы уже сказали, отдѣлаться этой, въ сущности, совсѣмъ для правительства безобидной уступкой, не могло не казаться людямъ веллингтоновскаго склада нужнымъ и удобнымъ стратегическимъ пріемомъ: революція въ Ирландіи была бы не страшна при внутреннемъ спокойствіи Англіи, но именно этого спокойствія въ Англіи не было, а лордъ Веллингтонъ являлся самымъ беззавѣтнымъ врагомъ всѣхъ требовавшихъ парламентской реформы англійскихъ радикаловъ. Вотъ была одна изъ серьезныхъ причинъ, побуждавшихъ къ уступкѣ, къ устраненію призрака ирландской смуты. Въ концѣ концовъ и Пиль, всегда бывшій въ трудные моменты особенно необходимымъ герцогу Веллингтону, рѣшилъ остаться въ министерствѣ и помочь провести билль объ эмансипаціи католиковъ. Министерству пришлось выдержать сильную бурю со стороны главныхъ сановниковъ англиканской церкви, многихъ протестантскихъ фанатиковъ изъ числа членовъ палаты лордовъ, наконецъ, со стороны короля Георга IV. Но самыя недвусмысленныя извѣстія приходили въ теченіе всей осени 1828 года и зимы 1829 года: волненіе послѣ избранія О'Коннеля не уменьшалось; агитація его и его друзей усиливалась. О'Коннель и «католическая ассоціація» старались поддерживать въ странѣ броженіе, но въ то же время, пугая этимъ броженіемъ министерство, не давать броженію перейти въ революцію. Изъ, такъ сказать, инстинктивной эта политика теперь дѣлалась едва ли не сознательной. Ирландія была переполнена спѣшно созываемыми войсками, но, во-первыхъ, доводить дѣло до рѣзни было явно несвоевременно, а во-вторыхъ, далеко не на всѣхъ солдатъ можно было положиться. Повторялись слова сказанныя однимъ солдатомъ 21-го полка: «Есть два способа стрѣлять: можно выстрѣлить въ человѣка и *поверхъ* человѣка; и если бы намъ скомандовали противъ О'Коннеля и нашей страны,—я думаю, мы бы знали это различіе». На солдатъ ирландскаго происхожденія надежда была, дѣйствительно, очень плоха.

При такихъ условіяхъ наступилъ 1829 годъ и открылась парламентская сессія. Въ началѣ февраля О'Коннель произнесъ на собраніи «Католической ассоціаціи» рѣчь, убѣждая въ необходимости упорнѣйшими усиліями поддерживать агитацію, пока цѣль не достигнута, а затѣмъ уѣхалъ въ Лондонъ. Министерство, рѣшившись хоть немного умилостивить враговъ эмансипаціи, быстро провело билль объ уничтоженіи «Католической ассоціаціи», билль совершенно аналогичный съ тѣмъ, который за три года уничтожилъ первую ассоціацію. 5-го марта король подписалъ этотъ билль, и это общество перестало существовать. Но всѣ въ Ирландіи знали, что это только умилостивительная жертва «оранжистамъ», и ждали, что будетъ дальше.

5-го марта Пиль внесъ отъ имени кабинета предложеніе измѣнить законы, касающіеся католиковъ *). Рѣчь эта составлена удивительно искусно, принимая въ соображеніе прошлое самого Пиля, положеніе кабинета и аудиторію. Центръ тяжести разсужденій Пиля былъ тотъ, что для протестантизма теперь же отъ эмансипаціи католиковъ никакой опасности не можетъ проистечь, а въ интересахъ спокойствія государства рѣшиться на эту мѣру необходимо. Онъ развернулъ картину всей исторіи Ирландіи за время уніи. «Въ 1800 году **) мы видимъ habeas corpus актъ пріостановленнымъ, и актъ о подавленіи возстанія въ силѣ; въ 1801 году эти акты были продолжены. Въ 1802 году, кажется, они окончились. Въ 1803 году вспыхнуло возстаніе, за которое подвергся казни Эмметъ: лордъ Кильварденъ былъ убитъ дикою чернью, и оба акта парламента были возобновлены. Въ 1804 году они были продолжены. Въ 1806 году западъ и югъ Ирландіи были въ состояніи непокорства, которое было подавлено только суровѣйшими усиленіями обыкновенныхъ законовъ. Въ 1807 году, главнымъ образомъ вслѣдствіе преобладавшихъ въ 1806 году безпорядковъ, былъ введенъ актъ, названный актомъ о возстаніи. Онъ далъ лорду намѣстнику право объявлять всякій округъ внѣ дѣйствія обыкновеннаго закона; онъ пріостанавливалъ дѣйствіе суда присяжныхъ и объявлялъ преступленіемъ, караемымъ ссылкою, пребываніе внѣ своего дома отъ захода до восхода солнца. Въ 1807 году этотъ актъ продолжалъ оставаться въ силѣ, и въ 1808, 1809, и до конца сессіи 1810 года. Въ 1814 году былъ возобновленъ актъ о возстаніи; онъ продолжался въ 1815, 1816 и 1817 гг. Въ 1822 году онъ снова былъ воскрешенъ и продолжался въ теченіе 1823, 1824, 1825 гг. Въ 1825 году прошелъ временный актъ о закрытіи «Римско-католической ассоціаціи». Этотъ актъ продолжался въ теченіе 1826, 1827 и окончился въ 1828 году.

*) Въ ганзардовскомъ собраніи парламентскихъ преній „Parliam. Debates" new series, vol. XX) эта рѣчь занимаетъ 53 страницы, см. 727—780 pp. (measure for the removal of the roman catholic disabilities). Эта рѣчь—важный для исторіи всего вопроса документъ.

**) „Parliam. Deb.", vol. XX, рѣчь Пиля, стр. 742.

Наступилъ 1829 годъ, и съ нимъ—требованіе новаго акта о закрытіи (второй) «Римско-католической ассоціаціи». Будетъ ли подобное положеніе вещей продолжаться безъ какого-либо рѣшительнаго усилія къ исцѣленію? Можемъ ли мы оставаться такъ, какъ теперь?».

Указывая на безцѣльность репрессивныхъ мѣръ, ораторъ (подобно Доусону, съ которымъ онъ изъ-за этого же мнѣнія счелъ умѣстнымъ демонстративно поссориться за нѣсколько мѣсяцевъ до того) видѣлъ единственное средство покончить съ этимъ больнымъ вопросомъ: даровать эмансипацію. Большинство въ палатѣ, впрочемъ, напередъ было обезпечено въ этомъ вопросѣ за министерствомъ: масса изъ торійскаго большинства голосовала за свое министерство, чтобы поддержать его, если даже и не всѣ соглашались съ доводами Пиля, а виги, т.-е. оппозиція, на этотъ разъ всецѣло поддержали предложеніе правительства, непосредственно отвѣчавшее всѣмъ вигистскимъ принципамъ, какъ они сложились въ началѣ XIX вѣка, и, прежде всего, принципу вѣротерпимости. Большинствомъ голосовъ послѣ не особенно большихъ дебатовъ предложеніе въ палатѣ общинъ прошло. Гораздо болѣе затрудненій слѣдовало ожидать отъ палаты лордовъ. Одинъ изъ лордовъ—Уинчельси даже грубо оскорбилъ Веллингтона, обвиняя его въ предательствѣ, въ желаніи оболгать торійскую партію, и дрался по этому поводу на дуэли съ первымъ министромъ. Въ палатѣ лордовъ билль (уже прошедшій въ нижней палатѣ) былъ заслушанъ въ первомъ чтеніи 31-го марта, а во второмъ чтеніи—по предложенію Веллингтона—долженъ былъ слушаться 2 апрѣля. Уже это предложеніе встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны лорда Бэксли и графа Мэмсбери,—но все-таки прошло. 2-го апрѣля Веллингтонъ началъ *) обсужденіе билля съ пересказа своими словами того, что говорилъ въ палатѣ общинъ Робертъ Пиль. «Милорды!—сказалъ между прочимъ первый министръ:—билль самъ по себѣ очень простъ. Онъ уступаетъ католикамъ право занимать всякую должность въ государствѣ, кромѣ немногихъ тѣхъ, которыя связаны съ управленіемъ дѣлами (англиканской) церкви; и онъ даетъ имъ также право становиться членами парламента» **). Герцогъ Веллингтонъ сознавался предъ ихъ сіятельствами, что уступка, дѣлаемая Ирландіи, на этотъ разъ очень велика: но тутъ же въ извиненіе свое приводилъ то соображеніе, что, по многократному его замѣчанію, всякая урѣзанная уступка только давала новыя силы нежелательнымъ ирландскимъ элементамъ сѣять дальнѣйшую смуту,—

---

*) Рѣчь Веллингтона—см. стр. 41—58 vol. XXI (new series) „Parliam. Debates" Hansard'a (from 31 March to 24 June 1829). Полные протоколы засѣданій палаты лордовъ 2-го, 3-го и 4-го апрѣля помѣщены на стр. 33—397 того же тома. Эти протокольныя записки, содержащія текстъ рѣчей—лучшій источникъ для исторіи билля въ палатѣ лордовъ. Въ сильно сокращенномъ пересказѣ можно съ ними ознакомиться также по „Annual Register'у" (1829 годъ, стр. 65—98).

**) Рѣчь Веллингтона, стр. 52 „Parliam. Deb.", томъ XXI).

вотъ почему нужно ихъ лишить впредь такого важнаго оружія, какъ недовольство неполною уступкою. Рѣчи оппозиціи были чрезвычайно горячи. Духовные ораторы особенно упорно настаивали на опасности подобной реформы для «чистаго свѣтильника реформаціи», каковой свѣтильникъ можетъ съ теченіемъ времени отъ этого билля потухнуть *). Они указывали также на то, что Провидѣніе не сможетъ равнодушно отнестись къ умаленію прерогативъ англиканскаго вѣроисповѣданія.

Архіепископъ кентерберійскій обратилъ вниманіе лордовъ также на ущербъ, который можетъ проистечь отъ проектируемой реформы для спасенія душъ разныхъ дикарей въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ и, вообще, всюду, гдѣ дѣйствуютъ англиканскіе миссіонеры **): ибо если католики смогутъ быть министрами, то католикъ министръ колоній будетъ препятствовать пропагандѣ англиканства, а не помогать зависящимъ отъ него во многихъ отношеніяхъ миссіонерамъ. И дикари будутъ лишены единоспасающей англиканской церковной благодати. Пренія заняли весь день и продолжались весь слѣдующій день. Архіепископъ іоркскій ударилъ министерство въ самое больное мѣсто, сказавъ **), что, если угрозами и страхомъ предъ возстаніемъ правительство доведено до необходимости дать эту уступку ирландцамъ, то гдѣ же ручательство, что-такъ, на этомъ требованія и остановятся? Полицейская точка зрѣнія, съ которой, главнымъ образомъ, защищало свой проектъ министерство еще болѣе была потрясена графомъ Мансфильдомъ ***), который напоминалъ о «печальной знаменитости»—Вольфѣ Тонѣ; о недовѣріи, съ которымъ всегда въ Ирландіи встрѣчались всякія уступки со стороны Англіи; о томъ, что эти уступки всегда были для Ирландіи сигналомъ для новыхъ требованій и домогательствъ. Въ два часа ночи засѣданіе было прервано, и на слѣдующій день, 4-го апрѣля, дебаты возгорѣлись съ новой силой. Аргументы противниковъ и защитниковъ министерскаго законопроекта вращались все вокругъ тѣхъ же главныхъ пунктовъ спора—опасности или безопасности эмансипаціи католиковъ для интересовъ господствующей церкви; о степени цѣлесообразности этой мѣры съ точки зрѣнія установленія тишины и спокойствія въ Ирландіи. Лордъ Сидмутъ, подобно предшествующимъ ораторамъ, воспользовался слабымъ пунктомъ проекта—отсутствіемъ принципіальной постановки вопроса и защитою билля, главнымъ образомъ, полицейскими соображеніями, и заявилъ, что между эмансипаціею и тяжелымъ положеніемъ народной массы въ Ирландіи—нѣтъ никакого

*) Рѣчь архіепископа Эрмоги, стр. 74 („Parliam. Deb.“, томъ XXI).
**) Рѣчь архіепископа кентерберійскаго, стр. 65, („Parl. Deb.“, XXI).
***) Рѣчь архіепископа іоркскаго, стр. 144.
****) Рѣчь графа Мансфильда, стр. 250.

отношенія: «Она не есть цѣлительная мѣра. Она не дастъ хлѣба голодному, не дастъ образованія невѣжественному». Но уже въ этотъ бурный день стало совершенно ясно, что биль пройдетъ, и голосованіе, заключившее пренія, дало 217 голосовъ за билль и 112 противъ. 10-го апрѣля онъ прошелъ въ третьемъ чтеніи въ палатѣ лордовъ (большинствомъ 213 противъ 109 голосовъ) и спустя три дня былъ представленъ къ королевской подписи.

Король Георгъ IV безпокоился еще съ лѣта 1828 года, когда О'Коннель былъ выбранъ въ члены парламента отъ графства Клэръ. Но онъ долго былъ увѣренъ, что Веллингтонъ и особенно Пиль, всегдашній врагъ католиковъ, не допустятъ эмансипаціи. Однако когда, уже къ началу 1829 г., король узналъ, что министры считаютъ дѣломъ гнетущей необходимости провести эмансипацію безотлагательно, то онъ впалъ въ рѣшительное бѣшенство, то-есть не то, чтобы мы употребили это слово въ нѣсколько гиперболическомъ смыслѣ: было *серьезное опасеніе*, что онъ сойдетъ съ ума. Онъ клялся, ругался, божился, что скорѣе пойдетъ на плаху, нежели уступитъ, и, вообще, обнаруживалъ полнѣйшее неистовство. Въ дѣлахъ религіи король былъ довольно беззаботенъ, но тутъ онъ, повидимому смотрѣлъ, какъ на личную для себя обиду, на измѣненіе присяги въ томъ смыслѣ, чтобы она давала входъ въ парламентъ и католикамъ. Все это было достаточно странно. Но еще страннѣе было то, что, когда Веллингтонъ явился въ Виндзорскій дворецъ съ серьезнымъ разговоромъ и прямымъ вопросомъ, будетъ ли его величество противиться эмансипаціи, если она пройдетъ въ обѣихъ палатахъ, или не будетъ, то король спорилъ довольно сдержанно, довольно мало и согласился. Очевидно, онъ надѣялся, что билль провалятъ либо въ нижней, либо въ верхней палатѣ. Веллингтонъ изучилъ своего государя во всѣхъ деталяхъ, и поэтому попросилъ его изобразить свое обѣщаніе на бумагѣ. Георгъ и это сдѣлалъ, и подписалъ тронную рѣчь, ясно поставившую на очередь вопросъ объ эмансипаціи. Но вскорѣ послѣ того герцогъ Кумберлэндъ, лордъ Эльдонъ и другіе дали ему ясно понять, что министерство располагаетъ въ этомъ вопросѣ такими силами (въ обѣихъ палатахъ), что нуженъ вѣсъ королевскаго авторитета для предотвращенія бѣды. «Георгъ Кумберлэндъ обработалъ его такъ, что привелъ въ состояніе безумія, и онъ не говоритъ ни о чемъ, кромѣ католическаго вопроса, и въ самыхъ буйныхъ выраженіяхъ». Это мы читаемъ въ знаменитомъ дневникѣ Чарльза Гревиля подъ 2 марта 1829 г. *) Веллингтонъ поѣхалъ успокоить короля и вернулся обнадеженный; король далъ ему самыя поло-

*) A „Journal of the reigns of king George IV and king IV Willam" (London 1874), томъ I, стр. 179. Дневникъ Гревиля изобилуетъ иногда очень важными фактическими указаніями и считается однимъ изъ полезныхъ источниковъ для англійской политической исторіи начала XIX вѣка.

жительныя увѣренія, что онъ препятствовать дѣлу не будетъ. «Но, вѣдь, невозможно на него полагаться», замѣчаетъ Гревиль. Дѣйствительно, король готовилъ новую сенсацію. Задушевно разставшись съ Веллингтономъ, Георгъ послалъ за лордомъ канцлеромъ и объявилъ, что онъ, когда давалъ свое согласіе, не зналъ всѣхъ подробностей билля, теперь же узналъ и не желаетъ. Канцлеръ, не зная, что дѣлать, сейчасъ же помчался къ Веллингтону и сообщилъ ему новость. Веллингтонъ пріѣхалъ въ Виндзоръ и объявилъ, что если король будетъ продолжать, то онъ сейчасъ же подастъ въ отставку. Король прикинулся (а, быть можетъ, и на самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя) растроганнымъ и просилъ дать день на размышленіе; на другой день онъ заявилъ, что согласенъ.

Въ теченіе марта и въ началѣ апрѣля, пока шло обсужденіе билля въ нижней палатѣ и въ палатѣ лордовъ, Георгъ велъ себя тихо. Правда онъ не могъ воздержаться отъ того, напримѣръ, чтобы не пожаловаться горько на своихъ министровъ лорду Эльдону, говоря (совершенно лживо), будто они скрыли отъ него билль во всѣмъ объемѣ и т. д. Онъ даже рѣшительно обѣщалъ Эльдону (одному изъ столповъ протестантской реакціи) ни за что не подписать ненавистный законъ. Но все это были одни слова. Когда надежды короля на лордовъ не оправдались, когда, какъ мы видѣли, билль прошелъ въ верхней палатѣ во-второмъ и третьемъ чтеніяхъ, король его подписалъ. 14 апрѣля 1829 года всѣ католики великобританской монархіи были уравнены въ политическихъ правахъ съ членами господствующей церкви. Первая изъ грандіозныхъ задачъ, поставленныхъ себѣ О'Коннелемъ была рѣшена самымъ удовлетворительнымъ образомъ. О'Коннелю и ассоціаціи, основанной имъ, принадлежала, по мнѣнію безпристрастнаго и посторонняго современника (Гревиля), заслуга достиженія эмансипаціи. Избраніе О'Коннеля въ Клэрѣ, говоритъ этотъ умный наблюдатель, «убѣдило Пиля и Веллингтона» въ томъ, что это дѣло *должно* быть сдѣлано. «Если бы ирландскіе католики не довели дѣла до этого положенія своей агитаціей и ассоціаціей, то они могли бы навсегда остаться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находились, и всѣ эти торіи до самой смерти вотировали бы противъ нихъ *). Исторія повторитъ эти слова, нѣсколько ихъ измѣнивъ: она напомнитъ, что О'Коннель организовалъ и направилъ по намѣченному руслу тѣ подспудныя силы, которыя медленно и тяжко начинали разволновываться и выбиваться изъ тисковъ. Можно даже сказать, что онъ направилъ ихъ по линіи наименьшаго сопротивленія, ибо хотя и трудно было добиться эмансипаціи, но оставались другія требованія, которыя должны были встрѣтить оппозицію не однихъ только упорныхъ торіевъ и протестантскихъ ханжей и маніаковъ. И, съ другой стороны, силы, которыя такъ легко

*) Greville, op. cit., стр. 168.

было организовать и которыми такъ легко было управлять вначалѣ, не могли, совершая дальнѣйшую свою эволюцію, не столкнуться съ основною непослѣдовательностью, съ основнымъ противорѣчіемъ о'коннелевской тактики. Но все это пришло потомъ, все это омрачило послѣдніе годы жизни человѣка, который въ 1829 г. находился наверху своей славы и моральнаго могущества. Намъ осталось еще немного, чтобы окончить исторію этого года, послѣ котораго открылся новый періодъ для О'Коннеля и для Ирландіи.

Одновременно съ биллемъ объ эмансипаціи католиковъ былъ проведенъ другой билль — о лишеніи «сорокашиллинговыхъ» ирландскихъ арендаторовъ права избирать членовъ парламента. Это было уже не только умилостивительной жертвой реакціонерамъ въ родѣ закрытія «католической ассоціаціи». Торійское министерство со времени выбора О'Коннеля въ графствѣ Клэръ было озабочено тѣмъ, чтобы уничтожить эти слишкомъ демократическіе избирательные порядки, державшіеся въ Ирландіи съ 1793 года. Но тогда (еще дублинскимъ парламентомъ) это было сдѣлано для усиленія вліянія самихъ же лендлордовъ, ибо не предполагалось возможнымъ ослушаніе арендатора волѣ человѣка, отъ котораго онъ такъ всецѣло зависѣлъ. Теперь оказывалось, что дѣло обстоитъ вовсе не столь просто и безопасно, и министерство Веллингтона весьма вѣрно разсчитало, что никогда не будетъ для подобнаго закона болѣе удобнаго момента, какъ именно теперь, въ началѣ 1829 года, когда ирландцы ликуютъ, ожидая эмансипаціи, когда всѣ ихъ помыслы только эмансипаціей и заняты. Сопутствуя билль объ эмансипаціи, законъ, повышавшій для ирландскихъ арендаторовъ избирательный цензъ съ сорока шиллинговъ до десяти фунтовъ стерлинговъ въ годъ и этимъ совершенно исключавшій самый бѣдный и многочисленный слой ирландскаго населенія изъ числа избирателей, прошелъ почти совсѣмъ безъ оппозиціи. О'Коннелю и тѣмъ, которые его выбрали лѣтомъ 1828 года въ Клэрѣ, было очень обидно, что именно ирландскіе бѣдняки, которые, подвергая себя лендлордскому мщенію, устроили этотъ демонстративный выборъ и могущественно содѣйствовали эмансипаціи, что именно они не воспользуются новыми правами, не смогутъ посылать въ парламентъ своихъ единовѣрцевъ, т.-е. не воспользуются тѣми правами, которыя теперь даются ихъ болѣе богатымъ единовѣрцамъ. О'Коннель, за нѣсколько мѣсяцевъ до того, говорилъ, что ни за какую цѣну нельзя продавать этого драгоцѣннаго права. Но разсчетъ министерства оказался вѣренъ: главный, либеральный билль совсѣмъ заслонилъ собою этотъ сопровождавшій его реакціонный законъ; и Пиль, прямо мотивируя этотъ второй билль тѣмъ, что нужно ослабить вліяніе агитаторовъ, особенно сказывающееся именно среди самыхъ бѣдныхъ слоевъ, не только наказалъ людей, выбравшихъ О'Коннеля, не только подчеркнулъ смыслъ

и значеніе этой кары, но и продѣлалъ все это, не испытавъ ни малѣйшаго затрудненія ни въ англійскомъ парламентѣ, ни въ ирландской странѣ. Ирландія ликовала, и ея ликованіе не было даже особенно смущено перепетіями новаго дѣла, также показывавшаго довольно ясно, что министерство, уступивъ врагу, ненавидитъ его еще больше, нежели до уступки.

О'Коннель, хотя и выбранный еще лѣтомъ 1828 года, не торопился занять мѣсто въ палатѣ: онъ не хотѣлъ вызывать неизбѣжный скандалъ, какъ разъ когда и безъ того уже министерство рѣшило эмансипировать католиковъ. Но послѣ того, какъ эмансипація прошла, послѣ того, какъ старая присяга по закону 14-го апрѣля 1829 года была измѣнена и всякій католикъ могъ её принести,—О'Коннелю казалось совершенно лишнимъ продолжать воздерживаться отъ посѣщенія палаты.

9-го мая онъ обратился къ палатѣ общинъ съ письмомъ, въ которомъ говорилъ о своемъ правѣ занять принадлежащее ему мѣсто въ палатѣ. Но тутъ оказалось, что министерство и торійское большинство и на немъ лично, (а не только на «сорокашиллинговыхъ» арендаторахъ) намѣрены выместить вынужденную у нихъ уступку. 15-го мая Фрэнсисъ Бэрдетъ внесъ предложеніе допустить О'Коннеля, а спустя нѣсколько дней палата большинствомъ 190 голосовъ противъ 116 постановила, что О'Коннель обязанъ принести старую (уже отмѣненную) присягу, ибо онъ былъ выбранъ *до* закона 14-го апрѣля 1829 года, т.-е. *до* измѣненія старой присяги. Конечно, подобное постановленіе было равносильно изгнанію О'Коннеля изъ парламента. Тѣмъ не менѣе лицемѣрнѣйшая комедія была продѣлана до конца. Когда О'Коннель явился въ палату, спикеръ сообщилъ ему о состоявшемся рѣшеніи и заявилъ, что онъ не можетъ тутъ находиться, пока не принесетъ старую присягу. Ему дали текстъ этой присяги, которую, конечно, наизусть зналъ человѣкъ, всю свою жизнь противъ нея боровшійся и ее уничтожившій. О'Коннель на демонстрацію отвѣтилъ демонстраціей. Онъ надѣлъ очки и погрузился въ самое внимательное чтеніе текста. Наступила мертвая тишина, и всѣ ожидали, что будетъ дальше. Окончивъ чтеніе, О'Коннель сказалъ: «Я вижу въ этой присягѣ одно утвержденіе, касающееся факта, который, какъ я знаю, лживъ. Я вижу въ ней и другое утвержденіе, касающееся мнѣнія, которое, какъ я вѣрю, неправильно. Вслѣдствіе этого я отказываюсь принести эту присягу». Съ этими словами онъ презрительно швырнулъ текстъ присяги на столъ палаты общинъ.

Нѣсколько мгновеній палата была какъ бы въ остолбенѣніи. Затѣмъ спикеръ сказалъ: «Почтенному и ученому джентльмену, отказавшемуся принести присягу, благоугодно будетъ удалиться за рѣшетку». Изгнавъ О'Коннеля, палата объявила мѣсто члена парламента отъ графства Клэръ вакантнымъ и назначила новые выборы.

О'Коннель уѣхалъ въ Ирландію. Несмѣтныя толпы устроили ему

тріумфальную встрѣчу, и въ теченіе слѣдующихъ дней, когда онъ выѣхалъ въ Эннисъ, еще бо́льшія массы стояли на улицахъ городовъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ и сбѣгались къ дорогамъ, по которымъ пролегалъ его маршрутъ. Дома этихъ городовъ покрывались національными флагами, а по вечерамъ О'Коннеля встрѣчали и провожали факельными шествіями. Въ Клэрѣ оранжисты даже не выставили отъ себя кандидата, до того ясно было, что и новые «десяти фунтовые» избиратели не выберутъ никого, кромѣ О'Коннеля. 30-го іюля онъ былъ вновь выбранъ.

Это были дни величайшаго торжества, какіе только онъ переживалъ въ своей жизни. Его называли «освободителемъ» не только какъ члена основаннаго имъ ордена, о которомъ у насъ шла уже рѣчь, но въ болѣе общемъ, болѣе широкомъ значеніи этого слова: какъ человѣка, освободившаго націю отъ части лежавшихъ на ней тяготъ: отъ безправія, основывавшагося на религіозныхъ причинахъ. Вся честь этого большого дѣла приписывалась ему, и только ему одному.

Но вотъ къ ликующему хору стали примѣшиваться новыя ноты. Начались (послѣ перерыва въ нѣсколько мѣсяцевъ) аграрныя убійства; утверждали, что въ Корнѣ открытъ заговоръ съ цѣлью истребленія нѣсколькихъ лендлордовъ; арендная плата поступала туго; лендлорды выгоняли неисправныхъ плательщиковъ; изгнанные поджигали усадьбы; въ поиски за ними посылались солдаты; крестьяне отказывались платить церковную десятину; у нихъ конфисковали за это скотъ; они по ночамъ избивали лендлордскія и церковныя стада... Немного какъ бы пріостановившееся движеніе вспыхнуло съ новой силой. Какъ будто люди только остановились посмотрѣть, что въ Лондонѣ сдѣлаютъ съ эмансипаціей, и, убѣдившись, что ее дали, снова принялись за прерванную работу. Только что окончивъ борьбу за эмансипацію, О'Коннель видѣлъ себя лицомъ къ лицу съ новыми обстоятельствами, съ настоятельно выдвигавшимися новыми вопросами.

Они могли назваться въ глазахъ О'Коннеля «новыми» только въ томъ смыслѣ, что теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, выдвинулись снова на первый планъ; на самомъ же дѣлѣ они были старѣе «тестъ-акта», старѣе антикатолической присяги, старѣе самыхъ древнихъ протестантскихъ висѣлицъ, поставленныхъ въ Ирландіи.

Е. Тарле.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЯПОНІИ.

(*Окончаніе* *).

II.

Занявшаяся заря для женщинъ въ современной Японіи.

Неизбѣжность возникновенія и серьезное значеніе „женскаго вопроса" въ современной Японіи.—Объ общей системѣ народнаго образованія въ Японіи.—Женское образованіе: начальное, среднее и высшее. Учрежденіе женскаго университета въ Токіо.—Неизбѣжность въ современной Японіи разлада между семьей и школой, между дочерьми и родителями.—Главнѣйшія мѣропріятія японскаго правительства въ интересахъ положенія женщины.—Перемѣна взглядовъ въ японскомъ обществѣ на значеніе брачныхъ узъ и мѣсто жены и матери въ семьѣ.—Дѣятельность пачати по „женскому вопросу".—Книга Фукузавы, какъ противовѣсъ „Великому поученію для женщинъ" Кайбары.—Самодѣятельность японскихъ женщинъ въ борьбѣ за улучшеніе своего положенія.—Бесѣда моя съ представительницей современныхъ вѣяній въ средѣ японскихъ женщинъ.—Дѣятельность „арміи спасенія" въ борьбѣ за освобожденіе жертвъ проституціи.—Новый видъ рабства женщинъ низшихъ слоевъ японскаго общества, какъ слѣдствіе развитія фабричной дѣятельности въ странѣ.—Заключеніе.

«Что такое женскій вопросъ и каково его содержаніе? Представляетъ ли онъ нѣчто самостоятельное, особое среди другихъ проявленій соціальной жизни? Безспорно нѣтъ; весь интересъ и все культурное значеніе женскаго вопроса, и въ особенности женскаго движенія во второй половинѣ XIX вѣка, кроются въ томъ, что это движеніе не является чѣмъ-то обособленнымъ, самодовлѣющимъ, а неразрывно связаннымъ со всѣми существенными вопросами современной соціальной и экономической жизни. Женское движеніе является лишь частью и симптомомъ широкихъ общественныхъ культурныхъ вопросовъ и служитъ отраженіемъ тѣхъ стремленій, запросовъ и идеаловъ, въ осуществленіи которыхъ наравнѣ съ женщиной заинтересованы и мужчины». Такъ характеризуетъ одно изъ важнѣйшихъ общественныхъ движеній въ наше время въ Европѣ и Америкѣ профессоръ Ф. Левинсонъ-Лессингъ въ интересной статьѣ своей «О главнѣйшихъ факторахъ женскаго движенія» **).

---

*) См. „Міръ Божій", № 6, іюнь 1904 г.

**) „Къ свѣту". Научно-литературный сборникъ подъ редакціей Ек. П. Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова. С.-Петербургъ, 1904 г.

Едва ли кто-либо будетъ оспаривать полноту и мѣткость этого опредѣленія, а потому естественно было ожидать, что съ наступленіемъ въ Японіи современной намъ эры мейджи, характеризующейся почти лихорадочнымъ насажденіемъ въ странѣ западной культуры во всѣхъ отрасляхъ общественной и государственной жизни, волна этой культуры всколыхнетъ и то «болѣзненное» положеніе женщинъ, которое, по существу, оставалось неизмѣннымъ со временъ Кайбары. Дѣйствительно, «женскій вопросъ въ Японіи является въ настоящее время дѣломъ большой важности,—говоритъ Алиса Беконъ.—Кажется, что въ умахъ даже наиболѣе консервативныхъ людей живетъ безпокойное сознаніе, что какая-нибудь перемѣна въ положеніи женщины неизбѣжна, если только государство желаетъ сохранить то мѣсто, которое оно завоевало для себя въ настоящее время»... «Современные японцы, хотя и дрожатъ отъ ужаса во многихъ случаяхъ при мысли, что ихъ женщины уподобятся когда-нибудь самоувѣреннымъ полумужчинамъ Запада, высказываютъ все возрастающее неудовлетвореніе незначительностью и узостью поля дѣятельности своихъ женъ и дочерей и постоянно усиливающееся убѣжденіе, что болѣе образованныя женщины улучшили бы ихъ семейные очаги, и что идеальный домъ европейца и американца есть продуктъ болѣе передовой цивилизаціи, чѣмъ японская». Результатъ активныхъ проявленій такого убѣжденія, имѣющаго въ числѣ энергичныхъ сторонниковъ своихъ и либеральное японское правительство, выражается въ рядѣ мѣръ, которыя здѣсь, какъ и во всякой странѣ, можно раздѣлить на четыре категоріи: а) поднятіе уровня женскаго образованія; б) огражденіе правъ личности женщины законодательствомъ; в) пропаганда идей по женскому вопросу путемъ печатнаго слова и г) организація обществъ, имѣющихъ цѣлью—или спеціально, или въ числѣ другихъ задачъ—улучшеніе быта женщинъ.

Прежде чѣмъ приступить къ очерку современнаго состоянія женскаго образованія въ Японіи, мы должны дать хотя бы основныя свѣдѣнія о дѣйствущей въ ней нынѣ образовательной системѣ вообще. Фундаментъ этой послѣдней, построенной по западнымъ образцамъ (по преимуществу американскому и германскому), заложенъ былъ въ 1871—1873 годахъ трудами лицъ, предварительно изучавшихъ это дѣло, по порученію правительства, въ передовыхъ государствахъ Европы и Америки.

Эдиктъ микадо (1872 г.), обнародованный вмѣстѣ съ изданіемъ закона о народномъ образованіи, между прочимъ говоритъ: «Всякія знанія,—отъ существенныхъ въ обыденномъ обиходѣ каждаго до высшихъ, необходимыхъ для образованія офицеровъ, чиновниковъ, землевладѣльцевъ, купцовъ, врачей, ремесленниковъ и т. п., пріобрѣтаются путемъ изученія соотвѣтственныхъ наукъ. Законъ имѣетъ въ виду такое распространеніе образованія, при которомъ не могло бы быть

деревни съ неграмотнымъ семействомъ и семейства съ неграмотнымъ членомъ».

Высокій идеалъ, намѣченный въ этомъ эдиктѣ, хотя далеко еще не достигнутый, преслѣдуется японцами съ большой настойчивостью и, повидимому, весьма умѣло.

Современныя общеобразовательныя учебныя заведенія въ Японіи раздѣляются на слѣдующія категоріи: начальныя школы—низшаго и и высшаго разрядовъ, среднія школы, высшія школы и университеты. Къ сѣти этихъ учебныхъ заведеній надо присоединить еще дѣтскіе сады и нормальныя школы (соотвѣтствующія нашимъ учительскимъ семинаріямъ и педагогическимъ институтамъ)—для подготовки учителей.

Въ основу системы начальнаго образованія положены начала *обязательности* его для всѣхъ подданныхъ государства,—вслѣдствіи чего всѣ дѣти школьнаго возраста (отъ 6 до 14 лѣтъ) должны посѣщать начальную школу,—и *свѣтскости*, т.-е. запрещенія преподаванія какихъ бы то ни было предметовъ, касающихся религіи, въ тѣхъ школахъ, которымъ въ какомъ-либо отношеніи дарованы правительственныя права или правительственныя субсидіи.

Начальныя школы содержатся, главнымъ образомъ, на средства городовъ и деревень. Въ 1901—1902 году такихъ школъ было 29.609, и кромѣ того 349 частныхъ и 52 правительственныхъ—при нормальныхъ школахъ, т.-е. учительскихъ семинаріяхъ.

Въ отчетѣ японскаго министра народнаго просвѣщенія за 1901—1902 учебный годъ *) читаемъ, что къ 1-му января 1901 года число дѣтей школьнаго возраста въ странѣ было 7.466.886, изъ коихъ 6.497.489 человѣкъ, т.-е. 88% всего числа, посѣщали школу, причемъ на долю мальчиковъ приходилось 93,8%, а на долю дѣвочекъ—81,8%. Эти числа нельзя не назвать внушительными и въ абсолютномъ смыслѣ, и въ смыслѣ прогресса начальнаго образованія. такъ какъ 29 лѣтъ назадъ, какъ это видно изъ прилагаемой при семъ діаграммы, мальчики школьнаго возраста могли посѣщать школу только въ числѣ 40%, а дѣвочки—лишь въ числѣ 15% всего числа ихъ.

Та же діаграмма свидѣтельствуетъ—извилинами начертанныхъ на ней линій,—что упомянутое дѣло въ Японіи развивалось не безъ колебаній. Такъ, напримѣръ, за время съ 1883 г. по 1891 г. оно переживало регрессивное движеніе; но затѣмъ, во всѣ послѣдующіе годы, кромѣ года войны съ Китаемъ (1894), успѣхъ его былъ непрерывнымъ.

Особенно должна интересовать насъ, по задачѣ настоящей статьи, быстрота развитія женскаго начальнаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1891 году процентъ числа дѣвочекъ, посѣщающихъ началь-

*) „Twenty-ninth annual Report of the Minister of state for education for the thirty-fourth statistical year of Meiji (1901—1902)„. Tokio, Japan. 1903.

Діаграмма, показывающая число дѣтей, получившихъ образованіе въ процентахъ по отношенію ко всему населенію школьнаго возраста за двадцать девять лѣтъ, начиная съ 1873 года.

Діаграмма A относится къ дѣтямъ мужескаго пола.
„ B „ „ „ мужескаго и женскаго половъ вмѣстѣ.
„ C „ „ „ женскаго пола.

ныя школы, былъ всего 32 (противъ 67% для мальчиковъ), а въ 1901—1902 гг. онъ поднялся уже до 81,8 (противъ 93,8% для мальчиковъ), т.-е. за десять послѣднихъ лѣтъ увеличился почти на 50%, быстро догоняя соотвѣтствующій процентъ для мальчиковъ... И, согласно проектамъ правительства, черезъ три года начальное образованіе дѣвочекъ должно будетъ стать наравнѣ съ начальнымъ образованіемъ мальчиковъ и количественно, какъ стоитъ оно теперь качественно.

Совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, въ смыслѣ нахожденія ихъ въ одной классной комнатѣ, въ принципѣ не одобряется; но допускается для первыхъ двухъ лѣтъ обученія въ низшей начальной школѣ, въ видахъ экономіи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ число учениковъ обоихъ половъ недостаточно для того, чтобы расходы, необходимые для содержанія двухъ отдѣльныхъ классовъ, оправдывались. Однако, соединеніе въ одной и той же школѣ мальчиковъ и дѣвочекъ при условіи отдѣльныхъ для нихъ классовъ, есть явленіе обычное въ Японіи. Оно распространяется даже и на болѣе зрѣлый возрастъ; такъ напримѣръ, учительскія семинаріи въ Японіи часто соединяютъ въ себѣ два отдѣленія—мужское и женское.

Курсъ обученія въ начальныхъ школахъ низшаго разряда—4-лѣтній; а въ школахъ высшаго разряда онъ продолжается отъ двухъ до четырехъ лѣтъ; слѣдовательно, полный курсъ начальной школы обнимаетъ 8 лѣтъ.

Нормальный учебный планъ восьмилѣтняго начальнаго курса опредѣляется слѣдующимъ распредѣленіемъ числа часовъ въ недѣлю по названнымъ предметамъ:

Кодексъ нравственности	18
Чистописаніе	28
Географія	8
Предметные уроки	8
Рукодѣліе и домашній обиходъ (только для дѣвочекъ)	18
Чтеніе и сочиненіе: для дѣвочекъ	58
для мальчиковъ	62
Математика	40
Исторія	8
Гимнастика и пѣніе: для дѣвочекъ	18
для мальчиковъ	24

Въ среднемъ, дѣвочки проводятъ въ начальной школѣ шесть часовъ въ день, включая сюда и часовую рекреацію, въ теченіе которой онѣ, позавтракавъ (обыкновенно горсточкой риса и чашкой чая)—непремѣнное требованіе устава школъ, — проводятъ время въ играхъ или танцахъ, по возможности на вольномъ воздухѣ, когда погода позволяетъ. Спеціально для этого при школьныхъ зданіяхъ въ горо-

дахъ имѣются обширныя полянки, часто засаженныя кругомъ деревьями. Надо замѣтить, что упомянутые танцы не имѣютъ ничего общаго съ національными японскими танцами и представляютъ собою копію съ американскихъ хоровыхъ танцевъ, сопровождающихся припѣвами — не сдавленными и пронзительными голосами гейшъ, а полными и музыкальными *).

Въ домашній обиходъ, какъ предметъ обученія, входитъ и «чистка комнатъ», для упражненія въ которой ученицы, каждый день по окончаніи уроковъ, выметаютъ классы и вытираютъ пыль, и три раза въ недѣлю моютъ стѣны классовъ. Небезынтересно замѣтить, что въ Нагасакской начальной школѣ (при учительской семинаріи) я былъ свидѣтелемъ, какъ воду для этого мытья таскали въ ведрахъ мальчики, по поводу чего начальникъ семинаріи, какъ мнѣ показалось съ нѣкоторой насмѣшливостью, замѣтилъ (по-англійски), что «эта угодливость дамамъ—европейское вліяніе».

Вслѣдствіе того, что женщина въ Японіи только недавно начала признаваться существомъ, равноодареннымъ въ умственномъ отношеніи съ мужчиной, японцы до самаго послѣдняго времени игнорировали давно уже удостовѣренный въ Европѣ и Америкѣ фактъ, что въ начальныхъ школахъ учительницы лучше справляются со своимъ дѣломъ, чѣмъ учителя. Поэтому въ первое время существованія начальныхъ школъ педагогическій составъ ихъ комплектовался почти исключительно изъ мужчинъ. Но съ годами число преподавательницъ въ нихъ постепенно увеличивается, подъ вліяніемъ результата дѣятельности частныхъ школъ, которыя въ этомъ отношеніи идутъ впереди общественныхъ **).

Какъ уже упомянуто выше, для подготовленія педагогическаго персонала въ Японіи существуютъ нормальныя школы, параллельныя нашимъ учительскимъ семинаріямъ и институтамъ. Эти школы дѣлятся на два разряда: *обыкновенныя*, которыя приготовляютъ педагогическій персоналъ начальныхъ школъ, и *высшія*, приготовляющія педагогическій персоналъ для обыкновенныхъ нормальныхъ школъ, а также для

*) Въ настоящее время въ Японіи можно слышать, даже и въ средѣ простонародья, пѣніе и музыку Запада;—и это, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ начальной школы, а также и токійской музыкальной академіи, о которой сказано ниже.

**) Интересна слѣдующая статистика по этому вопросу, относящаяся къ 1-му января 1902 года. Въ начальныхъ школахъ состояло:

	Въ правительственныхъ.	Въ частныхъ.
Учителей	86.641	768
Учительницъ.	14.948	343

т.-е. въ правительственныхъ школахъ учителей въ 5 разъ слишкомъ болѣе, чѣмъ учительницъ, а въ частныхъ—только въ 2¹|₃ раза.

среднихъ мужскихъ и высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, о которыхъ будетъ сказано ниже. Изъ статистическихъ данныхъ имѣемъ:

	1897 годъ.	1902 годъ.
Число школъ	47	54
Число учениковъ:		
Мужчинъ.	6.021	11.900
Женщинъ	720	2.000
Число учителей:		
Мужчинъ	677	956
Женщинъ	43	76
Число учениковъ на практическихъ учительскихъ курсахъ .	1.907	4.082

Сравненіе между собой чиселъ этой таблицы рельефно рисуетъ, во-первыхъ, развитіе (по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи) за послѣднее пятилѣтіе дѣла подготовки учительскаго состава вообще, а во-вторыхъ, обращеніе за это время особеннаго вниманія (говоря относительно) на подготовку учительницъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ число учениковъ въ названныхъ школахъ за это время не успѣло удвоиться, число учеництъ почти утроилось. Несмотря на то, недостатокъ потребнаго числа учительницъ въ Японіи еще такъ значителенъ, что мнѣ пришлось, напримѣръ, видѣть, какъ въ нагасакской начальной школѣ, присоединенной къ нормальной, даже такими занятіями дѣвочекъ, какъ мытье класса и вообще чистка его, руководилъ преподаватель; а въ японской школѣ въ Фузанѣ мужчина же руководилъ практическими занятіями по сушкѣ и провѣтриванію платья и по укладкѣ его на храненіе въ шкафы.

Опишемъ теперь вкратцѣ организацію женскихъ нормальныхъ школъ.

Высшая женская нормальная школа. Учебный курсъ школы раздѣляется на три отдѣленія: литературное, художественное и по естествознанію. Каждый изъ этихи курсовъ раздѣляется на главный (продолжительность обученія 4 года) и дополнительный (продолжительность обученія 2 года). Кромѣ того, при школѣ учреждены спеціальные курсы по слѣдующимъ группамъ предметовъ: японскій языкъ и китайская литература, исторія и географія. Курсъ обученія на каждомъ изъ нихъ, съ введеніемъ въ него одного изъ иностранныхъ языковъ, преимущественно англійскаго,—два года. При школѣ имѣются профессіональные курсы для подготовки руководительницъ дѣтскими садами. Школа комплектуется молодыми дѣвушками, окончившими уже, по крайней мѣрѣ, курсъ второго класса обыкновенной нормальной школы или обладающими равносильными познаніями.

Къ разсматриваемой женской школѣ присоединены: высшая жен-

ская школа *), двѣ начальныя школы, изъ которыхъ учебный курсъ одной органически связанъ съ упомянутой сейчасъ, и кромѣ того— дѣтскій садъ; какъ въ этомъ послѣднемъ, такъ и въ начальной школѣ обучаются какъ мальчики, такъ и дѣвочки. Въ офиціальномъ отчетѣ о школахъ читаемъ:—

«Высшая и начальная школы, а также дѣтскій садъ присоединены къ высшей нормальной школѣ для того, чтобы дать ученицамъ ея возможность практиковаться въ преподаваніи, а администраціи— производить педагогическія изслѣдованія въ строго контролируемыхъ условіяхъ». Года три назадъ при школѣ учрежденъ спеціальный курсъ домохозяйства, а также воспитательныя бесѣды, преслѣдующія задачи сохраненія связи между школой и семьей.

Интересно замѣчаніе офиціальнаго отчета о томъ, что для дѣтей (въ начальныхъ школахъ, состоящихъ при нормальной) введенъ возможно простой костюмъ, чтобы обезпечить бо́льшую свободу и быстроту движеній. Съ начала настоящаго года поощряется ношеніе башмаковъ.

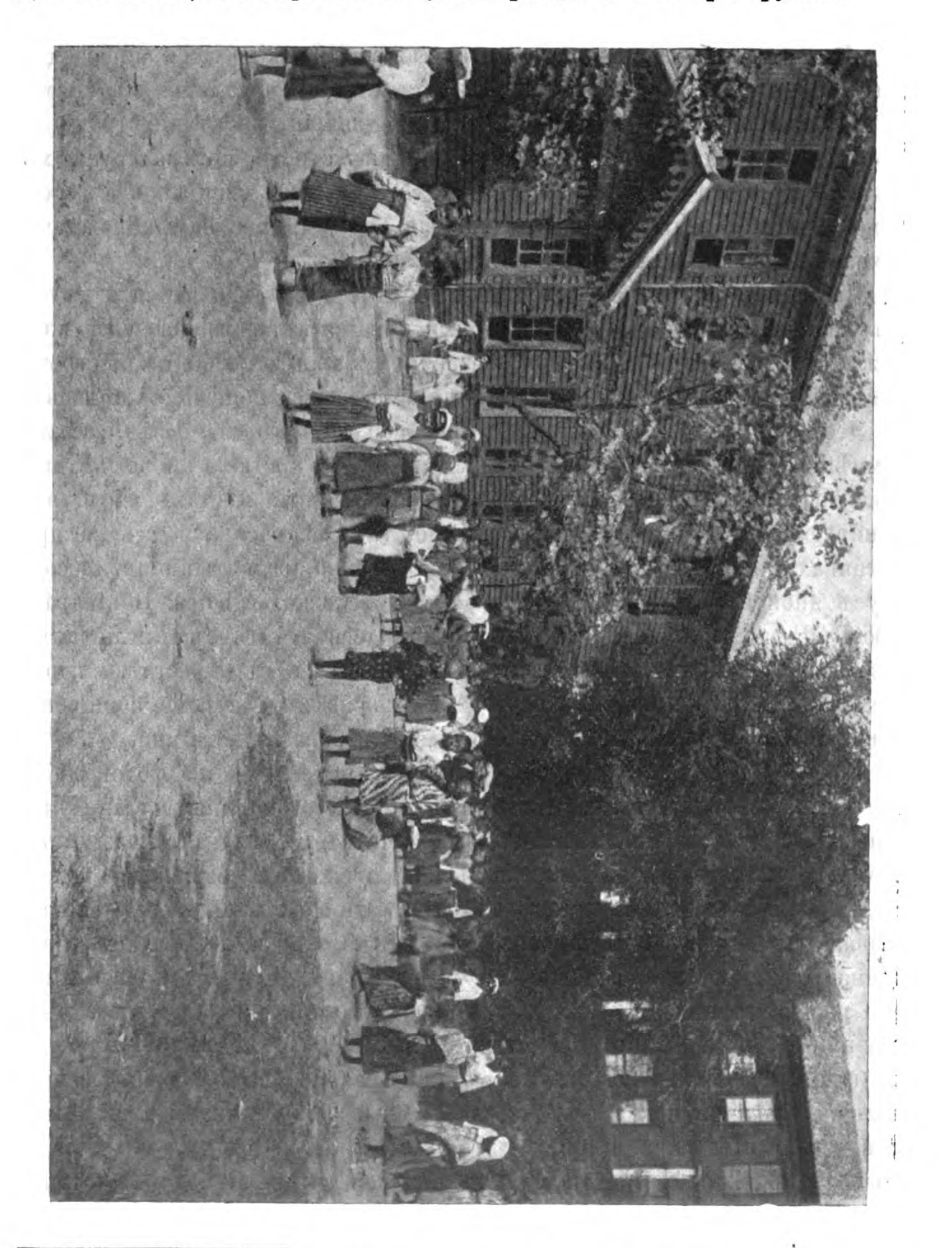
Это «поощреніе», если послѣдствія его привьются, безъ всякаго сомнѣнія, поведетъ со временемъ къ перемѣнѣ костюма японокъ, такъ какъ вырабатываемая ими походка въ сандаліяхъ и гетахъ, столь гармонирующая съ національнымъ кимоно, такъ некрасива и смѣшна при ботинкахъ и европейскихъ юбкахъ, что высоко развитый эстетическій вкусъ японокъ не примирится съ этимъ обстоятельствомъ. Останавливаюсь на этомъ потому, что мнѣ приходилось читать въ англійскихъ газетахъ въ Японіи переведенныя съ туземныхъ газетъ статьи горячихъ консерваторовъ, крайне осуждающихъ упомянутое выше поощреніе и видящихъ въ немъ посягательство на требованія эстетики.

Иллюстрація на слѣдующей страницѣ исполнена по фотографіи, снятой мною во время рекреаціи дѣтской начальной школы при учительской семинаріи въ Нагасаки. Здѣсь читатели увидятъ, между прочимъ, неуклюжія фуражки на головахъ мальчиковъ и соломенную шляпу съ широкими полями на головѣ дѣвочки. Эти головные уборы—обязательная принадлежность школьнаго костюма въ солнечные дни, введенная сравнительно недавно по рекомендаціи врачей, думающихъ, что распространенная среди дѣтей близорукость и вообще страданія глазами будутъ до нѣкоторой степени ослаблены этою мѣрой. На тѣхъ же фотографіяхъ можно видѣть юбочки (гакама) на болѣе взрослыхъ мальчикахъ и на всѣхъ дѣвочкахъ. Первыхъ обязываютъ носить ихъ изъ требованія скромности, а вторыхъ—еще и потому, что гакама позволяетъ дѣвочкѣ обойтись безъ того перетягиванія бедеръ, которое считается необходимымъ при японскомъ женскомъ костюмѣ, но которое очень затрудняетъ свободу движеній.

---

*) *Высшія* женскія школы въ Японіи, несмотря на такой эпитетъ ихъ, по объему курса своего и мѣсту въ общей системѣ образованія, являются *средними* учебными заведеніями, о чемъ см. ниже.

Дѣтскій садъ *) при высшей женской нормальной школѣ имѣетъ цѣлью выработать образецъ такихъ учрежденій и руководительницъ для нихъ въ Японіи. Въ немъ обучаются дѣти отъ 3-лѣтняго возраста до школьнаго, и сообразно этому они раздѣлены на три группы.

*) Первый дѣтскій садъ былъ открытъ въ Японіи въ 1876 году, а нынѣ такихъ учрежденій насчитывается уже 253 (181 общественныхъ и 72 частныхъ). Занятія ведутся по Фребелевской системѣ. Всѣхъ учащихся за 1901—1902 годъ было 12.477 мальчиковъ и 11.030 дѣвочекъ, при 665 преподавательницахъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что развитіе дѣятельности высшей женской нормальной школы характеризуется слѣдующими данными: въ 1897 году число ученицъ въ ней было 205, а къ 1-му января 1902 г. возросло до 417, т.-е. за пять лѣтъ удвоилось. Число же преподавателей въ эти годы было соотвѣтственно 21 и 44, изъ которыхъ нынѣ одинъ иностранецъ.

Въ *обыкновенныхъ женскихъ нормальныхъ школахъ* курсъ обученія продолжается три года (въ мужскихъ—четыре); согласно мѣстнымъ условіямъ, въ дополненіе къ регулярному учебному курсу, должны учреждаться упрощенные нормальные курсы, приготовительные курсы и практическій — для занятій въ каникулярное время со школьными учителями и учительницами, а также курсы для подготовки руководительницъ дѣтскими садами.

Въ нормальныхъ школахъ, какъ въ высшей, такъ и въ обыкновенной, обращаютъ большое вниманіе на физическое воспитаніе и атлетическіе игры и спорты *): напримѣръ, въ токійской школѣ всегда четвертая часть ученицъ находится, если только нѣтъ ненастной погоды, на вольномъ воздухѣ, на большой эспланадѣ, окруженной рѣшеткой, повитой глициніями и открывающей видъ на весь городъ и за нимъ до горизонта, на которомъ поднимается граціозная вершина горы Фуджи. Въ женскихъ нормальныхъ школахъ преподается также и этикетъ, что совершенно понятно потому, что приверженность населенія къ этой національной особенности въ удаленныхъ отъ открытыхъ портовъ городахъ, а тѣмъ болѣе въ селахъ и деревняхъ, играетъ такую же роль, какую играло и до открытія страны европейцами.

Приведу по этому поводу иллюстрацію изъ личныхъ моихъ наблюденій. При посѣщеніи мною нагасакской нормальной школы (въ ней два отдѣленія: мужское и женское), начальникъ, подъ руководствомъ котораго я осматривалъ это учрежденіе, послѣ обхода со мною различныхъ классовъ, гдѣ происходили занятія учениковъ, сказалъ, что если до сихъ поръ мнѣ показывали здѣсь то, что́ я могъ видѣть въ школахъ Запада, то сейчасъ покажутъ сцену чисто туземнаго характера. Когда онъ открылъ при этомъ дверь одного изъ классовъ, то представившаяся моимъ глазамъ картина вполнѣ оправдала его обѣщаніе: на циновкахъ обширной комнаты сидѣли дѣвушки, какъ это изображено на прилагаемой фотографіи, которыя, увидѣвъ насъ, поклонились до земли, причемъ коснулись лбами циновокъ и оставались въ такомъ положеніи нѣсколько секундъ; послѣ этого одна изъ нихъ, представленная мнѣ начальникомъ, какъ учительница, встала, и, еще разъ низко поклонившись, объяснила черезъ переводчика, что въ

---

*) Нѣкоторыя изъ этихъ игръ описаны въ статьѣ моей „Очеркъ современнаго состоянія образованія въ Японіи“, приложенной къ переводу книги Алисы Беконъ „Женщина въ Японіи“. Въ этой же книгѣ читатели найдутъ интересное описаніе конкурса физическихъ упражненій въ школѣ для дочерей знатныхъ лицъ, въ Токіо.

классѣ—урокъ этикета и что изъ сидящихъ впереди двухъ ученицъ одна изображаетъ домохозяйку, а другая—гостью. Онѣ учатся взаимному привѣтствію другъ другу, въ которомъ имѣетъ значеніе не только

поза тѣла, но и расположеніе пальцевъ руки на циновкахъ. Сцена была такъ характерна, что я просилъ разрѣшенія фотографировать ее. Начальникъ,—видимо не желая отказать мнѣ,—сначала все-таки затруднился дать согласіе, но затѣмъ, хитро разсмѣявшись, сказалъ, что это

возможно лишь при условіи, если и я соглашусь участвовать въ группѣ, такъ какъ тогда фотографія ясно покажетъ, что снимокъ сдѣланъ по просьбѣ гостя и изъ уваженія къ нему... «И это избавитъ насъ отъ упрековъ въ нескромности», прибавилъ онъ.

Разговоръ этотъ происходилъ пока мы стояли на той узенькой полоскѣ пола, которая не была покрыта циновкой; и только что я, охотно согласившись на поставленное мнѣ условіе, выразилъ намѣреніе ступить на нихъ, какъ одна изъ ученицъ, по знаку начальника, хотѣла помочь мнѣ снять сапоги. Конечно, я поспѣшилъ сдѣлать это самъ и былъ очень радъ занять указанное мнѣ начальникомъ мѣсто въ группѣ, съ котораго отсутствіе на мнѣ обуви незамѣтно.

Отлично понимая, что японцу, который попалъ бы въ первый разъ въ Европу, реверансы нашихъ институтокъ на урокѣ танцевъ показались бы такъ же смѣшны, какъ показалось мнѣ это «лежаніе» японокъ на полу другъ противъ друга, я тѣмъ не менѣе не могъ не сопоставить яркаго контраста этой сцены съ тѣмъ, чтó мнѣ пришлось, послѣ рекреаціи въ семинаріи, наблюдать въ состоящей при ней дѣтской школѣ: одна изъ дѣвушекъ, бравшихъ при мнѣ утромъ урокъ этикета, давала теперь практическій предметный урокъ дѣтямъ, превосходно пользуясь при этомъ наглядными пособіями и, кромѣ того, оживленно дополняя свои объясненія быстро набрасываемыми ею на классной доскѣ эскизами,—съ такимъ искусствомъ, какое одобрилъ бы и самый требовательный европейскій педагогъ.

Изъ изложеннаго до сихъ поръ мы видимъ, что какъ начальное женское образованіе, такъ и подготовка учительницъ развивались въ Японіи съ самаго возникновенія этого дѣла, хотя и не безъ временныхъ задержекъ, но въ общемъ весьма быстро. О слѣдующихъ же ступеняхъ женскаго образованія этого сказать нельзя, такъ какъ значительный успѣхъ въ этомъ направленіи обнаруживается только за послѣдніе пять лѣтъ, хотя основанія для него были положены и раньше—сначала дѣятельностью американскихъ миссіонеровъ (собственно женъ ихъ). а затѣмъ и правительствомъ.

Такъ, въ 1870 году императоръ, согласившись съ представленіемъ лицъ, заботящихся тогда о народномъ просвѣщеніи, относительно полезности посылки молодыхъ дѣвушекъ изъ знатныхъ семействъ для полученія образованія въ Соединенные Штаты, высказалъ такое мнѣніе: «До сихъ поръ женщины у насъ не имѣли соціальнаго положенія, потому что ихъ считали существами, неспособными къ умственной дѣятельности. Получивъ образованіе, онѣ докажутъ невѣрность такого взгляда, и тогда къ нимъ всѣ станутъ относиться съ должнымъ уваженіемъ». Первыя піонерки въ пріобрѣтеніи образованія сравнительно высшихъ ступеней отправились въ Америку въ 1871 году, напутствуемыя и нынѣ здравствующей императрицей Хару-Ко, которая вообще

взяла женское образованіе въ Японіи подъ свое покровительство *). Черезъ годъ послѣ того столь популярный теперь даже и въ Европѣ маркизъ Ито, бывшій тогда посланникомъ въ Вашингтонѣ, въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей тамъ сказалъ: «Давая образованіе нашимъ женщинамъ, мы тѣмъ самымъ надѣемся поднять уровень развитія грядущихъ поколѣній населенія Японіи. Вотъ почему группа японскихъ дѣвушекъ и пріѣхала къ вамъ учиться».

Подобныя мысли раздѣлялись и высказывались и тогда уже передовыми дѣятелями Японіи, но въ массѣ населенія онѣ долго не встрѣчали сочувствія, почему дѣло сначала шло очень медленно. Весьма характеренъ тотъ фактъ, что организованныя для проведенія упомянутыхъ мыслей въ жизнь женскія школы названы были *высшими*, хотя учебный курсъ ихъ сначала былъ не выше курса нашихъ прогимназій, чѣмъ указывалось какъ будто бы, что болѣе обширныя познанія или недоступны, или ненужны женщинамъ.

Однако въ послѣднемъ же оффиціальномъ отчетѣ относительно этихъ школъ читаемъ **):

«Курсъ ученія продолжается четыре года, но можетъ быть сокращенъ на одинъ годъ, согласно мѣстнымъ условіямъ. Въ дополненіе къ этому обязательному курсу могутъ быть устанавливаемы дополнительные, при продолжительности не свыше двухъ лѣтъ. Для тѣхъ, которыя желаютъ изучать профессіональныя искусства, необходимыя для женщинъ, могутъ быть учреждены спеціальные курсы, продолжающіеся не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ лѣтъ. Равнымъ образомъ, для тѣхъ изъ окончившихъ общій курсъ, которыя пожелали бы изучить шире какіе-нибудь изъ общеобразовательныхъ предметовъ, могутъ быть учреждены отдѣльные курсы ихъ съ продолжительностью обученія отъ двухъ до трехъ лѣтъ». Эта послѣдняя льгота дана женщинамъ всего четыре года назадъ ***).

---

*) Алиса Беконъ въ своей книгѣ „Женщина въ Японіи" обрисовываетъ личность и дѣятельность Хару-Ко съ большимъ къ нимъ сочувствіемъ.

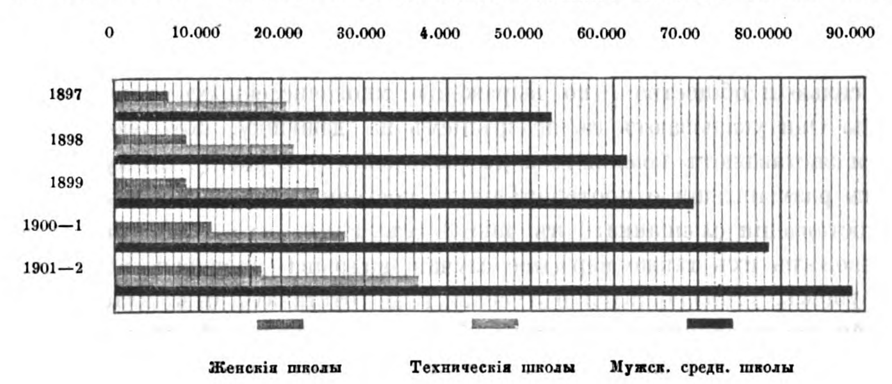
**) Twenty-ninth annual Report, etc.

***) Распредѣленіе занятій по предметамъ курса, а также и составъ послѣдняго въ типичной высшей женской японской школѣ, виденъ изъ слѣдующей таблицы:

ПРЕДМЕТЫ:	Число часовъ въ нед.	Число лѣтъ обученія.
Нравственность	1	5
Японскій языкъ	4	5
Англійскій языкъ	6	5
Математика и естественная исторія	3 2	4 1
Географія и исторія	2 4	4 3
Домоводство	6 8	1 1
Письмо и рисованіе	3 2	3 2
Пѣніе	2 1	4 1
Гимнастика	2½	5

Отношеніе числа женскихъ школъ къ числу среднеобразовательныхъ мужскихъ показано на прилагаемой діаграммѣ. Изъ разсмотрѣнія ея видимъ: во-первыхъ, быстрый ростъ распространенія средняго образованія въ Японіи за послѣднее пятилѣтіе вообще; во-вторыхъ, незначительное число ученицъ сравнительно съ числомъ учениковъ и, въ-третьихъ, медленность роста перваго числа до 1899 года и отрадное увеличеніе роста его за слѣдующіе затѣмъ три года. Въ 1897 году число высшихъ женскихъ школъ было всего 25, а къ 1902 году оно возрасло до 66, т.-е. болѣе чѣмъ въ два съ половиной раза. Число же учащихся въ нихъ съ 2.600 (въ 1897 году) поднялось до 17.500 (въ 1902 году), т.-е. за пятилѣтіе увеличилось почти въ семь разъ. Кромѣ того, возрастающій ростъ довѣрія къ способностямъ женщины на поприщѣ просвѣщенія указывается еще и тѣмъ, что въ разсматриваемыхъ школахъ нынѣ число преподавательницъ (607) почти вдвое болѣе, чѣмъ число преподавателей (333).

Діаграмма, показывающая число учениковъ въ среднихъ мужскихъ школахъ, въ техническихъ школахъ и въ женскихъ высшихъ школахъ за пять лѣтъ.

Приведенное число общественныхъ женскихъ среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній все-таки еще далеко не исчерпываетъ потребности, чтó породило довольно большое число частныхъ школъ, въ которыхъ къ 1-му января 1902 года числилось 2.240 ученицъ при 64 учителяхъ и 69 учительницахъ. Изъ такихъ частныхъ учрежденій первое мѣсто занимаетъ такъ называемая «джо-гакванъ» въ Токіо; она комплектуется молодыми дѣвушками исключительно изъ семействъ знатныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, вслѣдствіе чего, быть можетъ, и пользуется особымъ покровительствомъ императрицы. Что касается профессіональныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, то число ихъ ничтожно еще; даже на профессіональныхъ курсахъ при высшихъ школахъ, которые, главнымъ образомъ, и обслуживаютъ утилитарное образованіе женщинъ въ Японіи, къ 1-му января 1902 года состояло всего 1.869 ученицъ.

Однако, коснувшись этого вопроса, нельзя не упомянуть о двухъ

учрежденіяхъ, гдѣ молодыя дѣвушки обучаются профессіональнымъ предметамъ, а именно: 1) *Токійская школа изящныхъ искусствъ*, которая раздѣляется на пять отдѣленій: живописи, техническаго рисованія, скульптуры, архитектуры и промышленныхъ искусствъ, подъ которыми подразумѣваются гравированіе по металлу, литейное дѣло и лакированныя работы. Курсъ обученія на каждомъ отдѣленіи—пять лѣтъ; изъ нихъ послѣдніе четыре года посвящены только спеціальнымъ предметамъ. Женщины допускаются только на первыя три отдѣленія и на курсы гравированія по металлу. 2) *Токійская музыкальная академія*, состоящая изъ трехъ отдѣленій: вокальнаго, инструментальнаго и композиторскаго. Подготовляя, между прочимъ, учителей и учительницъ для нормальныхъ среднихъ и начальныхъ школъ, эта академія служитъ разсадникомъ европейской музыки въ странѣ.

Идеи западной системы воспитанія, которыя проводятся въ современныхъ японскихъ школахъ, до такой степени радикально расходятся съ тѣми взглядами на мѣсто женщины въ семьѣ и обществѣ, какіе господствовали въ странѣ до эры меиджи, что женское образованіе, какъ ни энергично движется оно передовыми дѣятелями страны, имѣетъ еще очень много сильныхъ противниковъ и нерѣдко «вноситъ смуту въ семью и общество», по выраженію многочисленныхъ консерваторовъ. Они указываютъ съ презрѣніемъ на дѣвушку, которую новыя идеи заставляютъ волноваться до разстройства нервовъ, въ мучительномъ размышленіи о противорѣчіяхъ, постоянно встрѣчаемыхъ ею въ сопоставленіи слышаннаго въ школѣ съ тѣмъ, что̀ говорятъ дома. Тревожатъ ихъ также нерѣдкіе случаи надрыва здоровья молодыхъ дѣвушекъ, утомляющихся въ усиліяхъ не отставать отъ класса при крайне неблагопріятной домашней обстановкѣ и при неумѣломъ руководительствѣ,—если даже подчасъ и не прямомъ несочувствіи,—со стороны родителей. «Если мы будемъ продолжать держаться новой системы образованія,—говорятъ консерваторы, упуская изъ виду, что всякое переходное время сопровождается излишними увлеченіями съ одной стороны и искусственными затрудненіями съ другой стороны,—то у насъ не будетъ ни здоровыхъ матерей, ни хорошихъ женъ».

Для насъ, русскихъ, переживших восьмидесятые годы, когда усилія сторонниковъ женскаго образованія и самихъ женщинъ на пути достиженія завѣтныхъ идей своихъ встрѣчали много препятствій, живо понятенъ и тотъ разладъ между молодежью и консерваторами, а въ частности между дочерьми и родителями, какой царитъ теперь въ семьѣ и обществѣ въ Японіи. Мы не должны при этомъ забывать, что новой школѣ въ Японіи приходится считаться еще съ такимъ крайне серьезнымъ затрудненіемъ, котораго у насъ, слава Богу, не было, а именно—съ обычаемъ совершать браки въ раннемъ возрастѣ молодыхъ людей. Еще до окончанія школьнаго образованія дѣвушки,

родители ея начинаютъ безпокоиться о томъ, чтобы она не осталась у нихъ «на рукахъ», и торопятся остановиться на первомъ подходящемъ женихѣ. Легко себѣ представить, что дѣвушки съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе понимаютъ ненормальность такого положенія и стараются всѣми силами сопротивляться ему. Какъ трудно имъ рѣшиться на это и какой разладъ вноситъ это въ семью, понять не трудно, если принять во вниманіе, что по традиціямъ страны «послушаніе» родителямъ вообще, а со стороны дѣвушки особенно, является высшею добродѣтелью. Ясно, поэтому, что женщинамъ-піонерамъ новаго направленія тяжко дается успѣхъ борьбы въ отстаиваніи своихъ стремленій. Однако, успѣхъ все-таки есть, и однимъ изъ яркихъ свидѣтельствъ его является фактъ основанія въ 1901 году *женскаго университета* въ Токіо *). Учрежденія это возникло по почину японца-христіанина Жинцо-Неруза, дѣятельная пропаганда котораго въ этомъ направленіи увѣнчалась сборомъ значительныхъ пожертвованій.

По первоначальному плану собственно университетскій курсъ предположено проходить въ три года, но ему предшествуетъ двухлѣтнее обученіе въ приготовительныхъ классахъ, куда принимаются молодыя дѣвушки, окончившія курсъ высшей школы. Это приготовительное отдѣленіе и несетъ пока главную работу; но учредитель полагаетъ, что въ скоромъ времени можно будетъ расширить университетское отдѣленіе. Разсматриваемое учрежденіе пользуется поддержкой и покровительствомъ со стороны многихъ вліятельныхъ японцевъ, и въ числѣ ихъ—графа Окумы, государственнаго дѣятеля прогрессистскаго направленія. Приведемъ здѣсь сущность интересной рѣчи его, произнесенной на торжествѣ открытія женскаго университета.

Выразивъ убѣжденіе, что страна будетъ вдвое сильнѣе, чѣмъ теперь, когда женщины получатъ возможность достигать такого же образованія, какъ мужчины, онъ назвалъ стремленіе къ этой цѣли равносильнымъ поднятію двойного знамени. «Тѣ страны, которыя имѣютъ такое знамя, идутъ впереди другихъ народовъ. Турція, Египетъ, Персія и Китай, пытавшіеся и пытающіеся обойтись съ ординарнымъ знаменемъ, безспорно остались далеко позади. Японія въ далекое старое время чтила женщину, что видно изъ того, что главнымъ божествомъ ея была богиня свѣта; но мало-по-малу, къ несчастью для государства, женщина была низведена на низшую ступень. Это—болѣзнь государства, которою Японія, такъ сказать, заразилась отъ Китая, давшаго ей въ другихъ отношеніяхъ такъ много хорошаго, и излеченіе которой не мо-

*) Въ „Первомъ Женскомъ Календарѣ“ на 1904 годъ (П. Н. Аріанъ) помѣщены (стран. 432—433) фотографія зданія этого университета, построеннаго среди обширнаго парка за городомъ, а также и фотографія группы слушательницъ его.

жетъ быть достигнуто заурядными средствами. Единственнымъ дѣйствительнымъ лекарствомъ надо считать радикальную реформу въ идеалахъ семейной жизни, а она можетъ быть совершена только улучшеніемъ положенія женщины,—улучшеніемъ, которому учрежденія, подобныя открывающимся сегодня, будутъ сильно способствовать». Такіе взгляды виднаго передового дѣятеля страны отнюдь не являются нынѣ исключительными въ ней.

Мнѣ не удалось ознакомиться съ программой учебнаго курса женскаго университета, зданіе котораго имѣетъ просторныя аудиторіи, кабинеты, лабораторіи, обширную библіотеку,—словомъ все, что требуется послѣдними выводами науки для высшаго учебнаго заведенія; но дѣло не въ программѣ: если она и недостаточно широка и даже можетъ быть имѣетъ и другіе недостатки теперь, то послѣдніе, конечно, будутъ исправлены со временемъ, разъ учрежденіе всегда будетъ имѣть въ виду цѣль, такъ охарактеризованную въ уставѣ его: «Дать женщинамъ возможность получить образованіе и развитіе до предѣловъ ихъ природныхъ способностей».

Расширеніе умственнаго горизонта женщины не только не дало бы ей много отраднаго, но даже усугубило бы тяжесть ея положенія, если бы законодательныя мѣропріятія, обнародованныя въ новомъ кодексѣ законовъ въ 1898 году, не пришли вмѣстѣ съ тѣмъ на помощь къ огражденію и признанію правъ ея, какъ личности. Главнѣйшимъ изъ такихъ мѣропріятій безспорно надо считать законъ о разводѣ.

Въ первой главѣ нашей статьи мы уже упоминали о томъ, что въ прежнее время разводы въ Японіи были поразительно часты,—такъ часты, что для насъ статистика ихъ показалась бы прямо невѣроятной. Замѣтимъ теперь, что даже и за послѣдніе семь лѣтъ, предшествующіе изданію упомянутаго кодекса, эта статистика даетъ слѣдующія изумительныя числа *):

Годы.	Число браковъ.	Число разводовъ.
1891	325.141	109.088
1892	325.651	112.411
1893	349.489	133.498
1894	358.398	116.775
1895	361.319	114.436
1896	365.633	110.838
1897	395.207	124.075

Поистинѣ можно согласиться съ Гуликомъ, что «разводъ какъ будто вошелъ въ семейную систему японцевъ въ качествѣ необходимаго

---

*) „Evolution of the Japanese, social and psychic"; by Sydney S. Gulick—Missionary of the american board in Japan. New-York, 1903, p. 268.

элемента...» *). О ненормальности этого явленія, объясняющагося низменнымъ положеніемъ женщины, а также и о большомъ злѣ его для общества, распространяться излишне.

Изъ текста «Великаго Поученія» Кайбары мы видѣли, что прежде разводъ могъ состояться просто по прихоти мужа; нынѣ же уже недостаточно одного заявленія послѣдняго для «вычеркнутія» жены изъ семьи. Новый законъ не разрѣшаетъ развода иначе, какъ по постановленію суда или взаимному соглашенію сторонъ, и говоритъ, что если мужъ не можетъ добиться добровольнаго согласія жены на разводъ, то для полученія его долженъ представить доказательства безнравственности ея убѣжденій или *нанесенія серьезной обиды его родственникамъ (!)* или безвѣстной отлучки ея въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ. Правда, далеко не всѣ основанія для разрѣшенія судомъ развода могутъ считаться серьезными съ европейской точки зрѣнія, но тѣмъ не менѣе разсматриваемый законъ является уже значительнымъ шагомъ впередъ на пути къ улучшенію положенія женщины.

Особенно радикальнымъ и отраднымъ въ этомъ законѣ, по сравненію съ прежнимъ порядкомъ вещей, является требованіе, согласно которому, въ случаѣ раздѣленія семьи по взаимному соглашенію жены и мужа, первой дозволяется, если она видитъ несомнѣнную возможность содержать дѣтей своими средствами, ходатайствовать передъ судомъ о томъ, чтобы большая или меньшая часть ихъ осталась при ней. Наконецъ, законъ уполномочиваетъ судью, въ интересахъ дѣтей, постановить рѣшеніе объ отдачѣ ихъ на попеченіе того или другого изъ родителей.

Дорожа такимъ признаніемъ значенія материнскихъ чувствъ, японская женщина горячо отстаиваетъ вновь дарованныя ей закономъ права свои, доходя въ этомъ отношеніи даже до крайности, когда рѣшеніе суда кажется ей почему-либо несправедливымъ. Не далѣе, какъ осенью 1903 года мнѣ пришлось читать въ токійскихъ газетахъ фактъ покушенія жены на жизнь мужа (котораго она и ранила выстрѣломъ изъ револьвера)—профессора университета, вслѣдствіе того, что, получивъ разводъ по взаимному ихъ соглашенію, она не добилась въ судѣ оставленія при себѣ ребенка. Знаменательно, однако, что многія, даже изъ консервативныхъ туземныхъ газетъ, хотя и не одобряя, конечно, поступка ея, признавали его вынужденнымъ несправедливымъ насиліемъ надъ правами матери.

Не останавливаясь на другихъ статьяхъ новаго кодекса, касающихся положенія женщины, приведемъ лишь слѣдующія строки изъ превосходнаго введенія профессора Губбинса (Gubbins) къ сдѣланному имъ переводу кодекса:

«Ни въ какомъ отношеніи современный прогрессъ въ Японіи не

---

*) Ibidem.

сдѣлалъ болѣе поразительныхъ шаговъ, чѣмъ въ дѣлѣ улучшенія положенія женщины. Хотя до сихъ поръ она еще далеко не равноправна съ мужчинами, тѣмъ не менѣе теперь она можетъ уже быть въ извѣстныхъ случаяхъ главой семьи, съ соотвѣтствующими этому положенію правами; она можетъ наслѣдовать имущество и владѣть и управлять имъ самостоятельно; ей даны родительскія права; будучи вдовой, она можетъ усыновлять дѣтей; она является теперь одной изъ сторонъ при усыновленіи дѣтей въ семьѣ, и согласіе ея на послѣднее нынѣ такъ же необходимо, какъ и согласіе мужа; она можетъ быть сдѣлана опекуномъ дѣтей и вообще получила голосъ въ семейныхъ совѣтахъ».

Умѣстно замѣтить здѣсь, что вмѣстѣ съ закономъ на улучшеніе положенія женщины въ Японіи вліяетъ и примѣръ императорской семьи, пользующейся въ этой странѣ огромнымъ авторитетомъ. Такъ, нынѣ во многихъ государственныхъ церемоніяхъ императрица показывается народу вмѣстѣ съ императоромъ, по правую руку его,—вещь неизвѣстная въ старой Японіи, которая привыкла къ тому, чтобы императрица, какъ женщина, занимала во всѣхъ процессіяхъ при участіи императора очень отдаленное отъ него мѣсто. Празднованіе императорской серебряной свадьбы (1894 г.) было событіемъ, также не имѣющимъ прецедента въ лѣтописяхъ Востока. Наконецъ, свадьба наслѣднаго принца (въ маѣ 1900 г.) состоялась при обстоятельствахъ, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть вліяніе, въ качествѣ примѣра, на общественную жизнь Японіи. Никогда до тѣхъ поръ, въ теченіе 2.600 лѣтъ исторіи страны, наслѣдникъ трона не вступалъ въ бракъ публично. На этотъ же разъ придумана была шинтоистскимъ придворнымъ священникомъ de novo особенная церемонія, въ которой женихъ и невѣста дали публично обѣтъ вѣрности другъ другу. Въ пріемѣ, который послѣдовалъ послѣ свадьбы, новобрачная стояла по правую руку своего мужа.

Печать въ Японіи давно уже пользуется такимъ же вліяніемъ, какъ въ Европѣ и Америкѣ, а потому естественно, что она не остается равнодушной и къ «женскому вопросу»: послѣднему въ 1902 году было посвящено до сорока періодическихъ изданій болѣе или менѣе серьезнаго характера. Отдѣльныя книги также появляются отъ времени до времени по этому вопросу, и изъ нихъ ни одна не обращаетъ на себя большаго вниманія, чѣмъ трудъ Фукузавы—можно сказать самаго виднаго и вліятельнаго дѣятеля на поприщѣ просвѣщенія страны въ эру меиджи *).

Трудъ Фукузавы состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ пер-

*) Исторія перваго тридцатилѣтія этой эры не можетъ обойти молчаніемъ дѣятельности Фукузавы, личность котораго ярко очерчена Чамберлэномъ въ его книгѣ „Things Japanese“.

вая является остроумной критикой «Великаго поученія для женщинъ», а вторая носитъ заглавіе «Опытъ новаго великаго поученія для женщинъ». Несмотря на то, что здѣсь авторъ рекомендуетъ держаться во взглядѣ на женщину того идеала, который давно уже усвоенъ на Западѣ, и потому ни для европейцевъ, ни для американцевъ не является новостью, для японскаго общества, говоря вообще, онъ прозвучалъ, какъ тревожный громовой ударъ, какъ революціонный призывъ къ ниспроверженію господствовавшихъ до сихъ поръ основъ семейной и общественной жизни. «Народъ, отличающійся меньшей терпимостью, чѣмъ японцы, въ прежнее время сожигалъ на кострѣ виновниковъ проповѣди и гораздо меньшаго уклоненія отъ установленнаго кодекса общественной морали, чѣмъ то, которое проповѣдуетъ Фукузава».

Авторъ исходитъ изъ предположенія, что духовная природа женщинъ не отличается отъ духовной природы мужчинъ по существу, и что поэтому онѣ имѣютъ право на занятіе такого же положенія не только въ семьѣ, но въ обществѣ и государствѣ, какое занимаютъ мужчины. Допуская, что характеръ «женскаго дѣла», говоря вообще, иной, чѣмъ дѣла мужского, Фукузава настаиваетъ на томъ, что первое отнюдь не менѣе важно, чѣмъ второе, и что тѣ, которые исполняютъ его, должны имѣть право на уваженіе ихъ личности. По словамъ профессора Чамберлэна, съ особеннымъ искусствомъ развиваетъ авторъ ту точку зрѣнія, что по отношенію къ «чистотѣ семейнаго ложа» на мужчинѣ лежатъ такія же нравственныя обязательства, какъ и на женщинѣ, и что мужъ въ такой же мѣрѣ обязанъ сохранять цѣломудріе, какъ и жена. Далѣе, Фукузава настаиваетъ на томъ, что женщины должны пользоваться во всемъ совершенно такою же свободой въ обществѣ, какъ и мужчины, и что въ семьѣ мужъ долженъ относиться къ женѣ совершенно съ такой же внимательностью, заботливостью и предупредительностью, какихъ требуетъ отъ нея:—«Кайбара говоритъ, что если женщина видитъ, что мужчина неправъ, то, заботливо выбравъ время, когда онъ, повидимому, расположенъ слушать ее, она должна сдѣлать ему возраженіе со всею осторожностью и ласковостью. Если же ея попытка окажется неудачной, то она можетъ рѣшиться при удобномъ случаѣ и на вторую, выждавъ болѣе удобнаго случая. И если нѣсколько такихъ попытокъ не будутъ имѣть успѣха, то должна совсѣмъ отказаться отъ нихъ, чтобы не разсердить мужа. Это благоразумно и, можетъ быть, справедливо, но не болѣе, какъ постольку, поскольку справедливо требовать того же въ отношеніи поведенія мужа къ женѣ, т.-е. если мужчина находитъ свою жену неправой, то не долженъ огорчать ее настаиваніемъ на своемъ въ то время, когда она не расположена слушать его, а долженъ выбрать для этого болѣе удобный моментъ».

Обязанности мужчины по отношенію къ своей семьѣ разсматри-

ваются вообще «на революціонныхъ началахъ», какъ характеризовали это критики Фукузавы изъ среды консерваторовъ, хотя въ сущности авторъ защищаетъ лишь положеніе, что «мужчина никоимъ образомъ не можетъ возлагать отвѣтственность за счастье семейнаго очага только на жену, и что онъ отвѣтственъ за семейный миръ столько же, сколько и послѣдняя». Какъ ни очевидно для насъ это положеніе, въ Японіи оно явилось такой новостью, что многіе мужчины боятся вліянія книги Фукузавы на своихъ изящныхъ и покорныхъ женъ и не позволяютъ читать ее ни имъ, ни дочерямъ своимъ. Во многихъ школахъ эта книга не допущена даже въ библіотеку. Однако, нельзя не указать, рядомъ съ этимъ, на интересный фактъ, что недавно одинъ священнослужитель шинтоистской церкви, совершая брачный обрядъ, по желанію обратившейся къ нему молодой пары изъ «либеральныхъ» семействъ, подарилъ невѣстѣ по экземпляру книгъ какъ Кайбары, такъ и Фукузавы,—можетъ быть, для того, какъ остроумно замѣчаетъ Алиса Беконъ, чтобы «предоставить молодой женѣ сдѣлать выборъ между старымъ и новымъ порядками вещей, а можетъ быть,—чтобы она могла научить своего мужа тому, что рекомендуетъ Фукузава, въ то же время ревностно исполняя вѣками освященныя наставленія Кайбары».

Мы должны теперь перейти къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ сами женщины участвуютъ въ борьбѣ за улучшеніе своего положенія, ведущейся по почину и главными усиліями представителей сильнаго пола. Какъ и слѣдовало ожидать, онѣ проявляютъ въ этомъ отношеніи большую самодѣятельность. Одинъ изъ интересныхъ примѣровъ этого представляетъ учрежденіе въ 1901 году японкой Тсуда, подготовившейся къ педагогической дѣятельности продолжительнымъ пребываніемъ въ Америкѣ, школы англійскаго языка для тѣхъ изъ своихъ соотечественницъ, окончившихъ курсъ общаго образованія въ объемѣ не ниже высшей школы, которыя пожелали бы занять должность учительницы англійскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ въ Японіи Искать права на полученіе диплома такой учительницы давно уже разрѣшалось женщинамъ по экзамену; но вслѣдствіе трудности пріобрѣтенія надлежащей подготовки, экзаменъ этотъ выдерживался лишь очень немногими кандидатками; поэтому школа миссъ Тсуды всегда переполнена ученицами. Но для насъ здѣсь имѣетъ особенное значеніе тотъ фактъ, что энергичная учредительница послѣдней съ 1902 года сдѣлана постояннымъ членомъ экзаменнаго комитета для правительственныхъ испытаній кандидатовъ и кандидатокъ на преподаваніе англійскаго языка — честь, которая ранѣе еще не оказывалась представительницамъ ея пола въ Японіи и которая сама по себѣ служитъ знаменіемъ успѣха «женскаго вопроса» въ этой странѣ.

Самодѣятельность женщинъ въ борьбѣ за улучшеніе своего поло-

женія сказывается и въ Японіи, какъ и въ другихъ странахъ, организаціями ихъ въ различныя Общества, не только въ благотворительныя, патріотическія, педагогическія, но и научныя—«съ цѣлью самоусовершенствованія и обезпеченія возможности не отставать отъ времени», какъ сказано въ уставѣ «женскаго общества самопомощи».

Опишу здѣсь кстати встрѣчу свою съ одной изъ молодыхъ японокъ, которая состоитъ членомъ названнаго сейчасъ Общества и отъ которой я получилъ матеріалы, послужившіе мнѣ весьма цѣннымъ пособіемъ для составленія настоящей статьи.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1903 года мнѣ пришлось ѣхать въ вагонѣ перваго класса желѣзной дороги изъ Симоносеки въ Кобе; въ числѣ одиннадцати спутниковъ моихъ по тому же вагону—семи японцевъ и четырехъ японокъ—меня заинтересовала молодая пара (мужъ и жена) какъ своей наружностью, такъ и общительностью, съ которой они относились къ другимъ пассажирамъ. Мужъ—типичный и некрасивый, съ серьезнымъ лицомъ японецъ—былъ одѣтъ въ европейскій костюмъ; привлекательная, граціозная и женственная жена его была въ національномъ кимоно изъ легкой, вполнѣ соотвѣтствующей стоявшей жарѣ, матеріи; роскошные черные волосы ея, однако, были причесаны безъ той вычурности, какая характеризуетъ настоящую японскую прическу и какая требуетъ обильнаго смазыванія ихъ. Вѣроятно, именно вслѣдствіе жары, пассажирка была безъ таби (родъ нашихъ носковъ только съ твердою подошвой), и обнаженныя выхоленныя ноги ея, красовавшіяся на высокихъ ножныхъ скамеечкахъ (гета) открылись значительно выше ступни отвернувшимися полами кимоно. Какъ мы уже знаемъ изъ первой главы, подобное обнаженіе тѣла отнюдь не считается въ Японіи неприличнымъ...

Возвращаясь изъ вагона-столовой, гдѣ я обѣдалъ, я увидѣлъ, что пассажирка держитъ въ рукахъ оставленную мною на диванѣ книжку Алисы Беконъ... Извиненіе, которое она сконфуженно пробормотала на англійскомъ языкѣ, уронивъ книгу, когда торопливо хотѣла положить ее на мѣсто, и послужило началомъ моему знакомству, а затѣмъ и бесѣдѣ съ интересовавшей меня пассажиркой и ея мужемъ. Оба они владѣли англійскимъ языкомъ, онъ — сносно, а она—безукоризненно, объяснивъ это тѣмъ, что послѣ окончанія курса въ высшей женской школѣ въ Кобе, провела, по желанію отца, три года въ Америкѣ. Она оказалось и лично знакомою съ Алисой Беконъ, книга которой, по ея словамъ, пользуется большимъ уваженіемъ среди ея соотечественницъ.

Ватасе-Санъ—отрекомендовалъ мнѣ пассажирку мужъ ея — оказалась членомъ упомянутаго выше женскаго «Общества самопомощи», а также и токійскаго отдѣленія «арміи спасенія», въ ряды которой могутъ поступать, по крайней мѣрѣ въ Японіи, и нехристіане. Ватасе-Санъ интересовалась главнымъ образомъ отраслью дѣятельности «арміи

спасенія», направленной къ борьбѣ съ продажей дѣвушекъ въ дома проституціи и къ доставленію средствъ удержаться «на пути добродѣтели» тѣмъ изъ несчастныхъ жертвъ, которымъ удалось вырваться изъ позорнаго рабства. Она сообщила мнѣ, между прочимъ, что черезъ одного изъ дипломатическихъ представителей нашихъ въ Японіи получила уставы «С.-Петербургскаго общества защиты женщинъ» и «Московскаго общества улучшенія участи женщины», и что оба эти устава переведены, по ея заказу, на японскій языкъ и скоро будутъ обсуждаться въ обществѣ сальваціонистовъ, по ея докладу, въ числѣ другихъ уставовъ. Замѣтивъ, что кое-что изъ дѣятельности послѣдняго общества по этому вопросу можно прочесть и въ книжкѣ Алисы Беконъ, она обѣщала прислать мнѣ болѣе полный матеріалъ по тому же предмету; и дѣйствительно, я получилъ отъ нея черезъ двѣ недѣли послѣ того, по почтѣ, въ Нагасаки книжку «The Christian Movement in its relation to the new life in Japan. Published for the standing committee of cooperating Missions. Iokahama. 1903», въ которой нашелъ статью о борьбѣ противъ проституціи, излагаемую мною въ краткомъ извлеченіи ниже.

Изъ бесѣды съ Ватасе-Санъ я узналъ также, что въ Токіо весьма близка къ осуществленію мысль, возникшая по почину женщинъ объ учрежденіи тамъ «Женскаго общества противодѣйствія военной партіи». Собесѣдница моя оказалась не поклонницей милитаризма своихъ соотечественниковъ и старалась увѣрить меня, что лучшіе представители современной Японіи не увлекаются имъ. Мужъ горячо возражалъ ей что-то при этомъ по-японски, и въ эту часть нашей бесѣды затѣмъ уже не вмѣшивался, весьма сдержанно храня молчаніе. Ватасе-Санъ сказала мнѣ, между прочимъ, что хорошо знакома съ англійскимъ переводомъ книги Берты Сутнеръ «Долой оружіе», а также съ трудами англичанина Стэда по этому вопросу.

Да не подумаютъ читатели, что я привелъ содержаніе бесѣды съ Ватасе-Санъ такъ подробно потому, чтобы считалъ эту просвѣщенную японку представительницей зауряднаго типа женщинъ новаго направленія въ Японіи. Безъ сомнѣнія, она принадлежитъ къ числу выдающихся изъ нихъ и вѣроятно заняла бы выдающееся мѣсто даже и въ обществѣ женщинъ въ европейскихъ странахъ. Но приведенные ею факты, а также увлеченіе и высказывавшіяся ею надежды по поводу результатовъ и проектовъ дѣятельности молодыхъ женскихъ Обществъ въ Японіи служатъ добавочнымъ подтвержденіемъ къ приведеннымъ выше свидѣтельствамъ успѣха современнаго движенія въ этой странѣ.

Въ числѣ факторовъ, вліяющихъ на улучшеніе положенія женщинъ въ Японіи, нельзя пройти молчаніемъ дѣятельность христіанскихъ обществъ, имѣющихъ въ этой странѣ хотя и медленный, но постоянно возрастающій успѣхъ. Правда, число японцевъ, обращенныхъ въ хри-

стіанство, достигало къ 1-му января 1903 года всего лишь около 134.000 человѣкъ *), т.-е. менѣе одной трети процента всего населенія; но число ихъ въ ряду передовыхъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, въ личномъ составѣ руководящихъ учрежденій страны—парламентѣ, университетахъ, школахъ, редакціяхъ прогрессивныхъ изданій и т. п.—значительно превышаетъ названный процентъ, что́ даетъ имъ возможность пользоваться серіознымъ вліяніемъ... И это послѣднее таково, что и многіе изъ современныхъ японцевъ, не имѣющихъ склонности къ христіанству, «укоризненно покачиваютъ головой» при проявленіяхъ такихъ пороковъ, которые еще въ недавніе сравнительно годы не считались бы ими зломъ. Алиса́ Беконъ высказываетъ мнѣніе, что «если японской женщинѣ суждено когда-либо подняться на высоту положенія, занятаго женщинами въ христіанскихъ странахъ, то лишь при достаточномъ распространеніи христіанства въ странѣ».

О дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ въ дѣлѣ насажденія женскаго образованія въ Японіи мы уже упоминали, и теперь сообщимъ краткія свѣдѣнія о ведущейся при ихъ участіи борьбѣ на защиту жертвъ проституціи въ этой странѣ.

Въ дореформенной Японіи продажа дѣвушекъ ихъ родителями, или заступающими мѣсто послѣднихъ, въ дома проституціи не запрещалась закономъ; и не ранѣе какъ только въ 1872 году императорскій указъ наложилъ veto на это позорное дѣло. Оно, однако, продолжается и послѣ того, такъ какъ указъ этотъ прозрачно обходится тѣмъ, что содержатели упомянутыхъ домовъ выдаютъ родителямъ дѣвушки денежную ссуду, обезпечивая себѣ за это, по контракту, право удерживать несчастную жертву у себя «въ услуженіи», пока имъ не будетъ уплаченъ весь денежный долгъ. Не говоря уже о томъ, что послѣдній обыкновенно возрастаетъ со временемъ, а не уменьшается,—такъ какъ къ нему приписываютъ и затраты на костюмы дѣвушки во время пребыванія въ домѣ проституціи,—закрѣпощающее для дѣвушки значеніе контракта часто усиливается еще тѣмъ, что въ него вводится условіе, по которому содержатель можетъ и не согласиться отпустить ее ранѣе срока, хотя бы ему и предлагали уплатить долгъ, чѣмъ онъ, конечно, и пользовался, когда продленіе пребыванія дѣвушки въ его «учрежденіи» было ему выгодно.

Десять или двѣнадцать лѣтъ назадъ энергичныя попытки нѣкоторыхъ японскихъ христіанъ обратить вниманіе общества на это зло не имѣли успѣха, за недостаткомъ поддержки въ общественномъ мнѣніи; многія рѣчи на эту тему были даже ошиканы въ аудиторіяхъ молодежи, и долгое время вопросъ объ оказаніи помощи дѣвушкамъ, пожелавшимъ выбраться съ позорнаго пути, не имѣлъ перспективы желательнаго разрѣшенія.

---

*) „The Christian Movement in its relation to the new life in Japan“.

*

Въ 1900 году одна изъ такихъ жертвъ въ провинціальномъ городѣ, которой посчастливилось найти добрыхъ людей, согласившихся уплатить удерживавшій ее въ рабствѣ долгъ, обратилась за содѣйствіемъ къ американскому миссіонеру; и черезъ посредство его и вліятельныхъ друзей его—японскихъ христіанъ, дѣло было передано въ судъ. Послѣдній рѣшилъ, что разъ долгъ будетъ уплаченъ, то дѣвушка должна быть освобождена, хотя бы хозяинъ и не соглашался на это добровольно. Это рѣшеніе, распространенное затѣмъ закономъ 2-го октября 1900 года и на всѣ будущіе случаи этого рода, окрылило надежды на успѣхъ тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя уже и ранѣе начали борьбу противъ проституціи,—и въ числѣ ихъ особенно энергично принялось за дѣло токійское отдѣленіе «арміи спасенія» *). Оно издало брошюру, въ которой обратилось къ дѣвушкамъ съ воззваніемъ, увѣщевая ихъ всѣми силами стараться оставить позорную жизнь и предлагая содѣйствіе всякой, которая пожелала бы сдѣлать это. Рука объ руку съ сальваціонистами начала дѣйствовать и періодическая пресса; и въ концѣ концовъ, хотя послѣ долгой борьбы, сопровождавшейся даже вооруженными столкновеніями въ Іошиварѣ между содержателями ея домовъ и ихъ сторонниками съ одной стороны, и сальваціонистами и ихъ адептами съ другой, послѣднимъ удалось достигнуть того, что каждая дѣвушка узнала о новомъ дарованномъ ею законномъ правѣ и о томъ, куда должна была она обратиться за помощью, если бы рѣшилась воспользоваться ею.

Въ теченіе октября мѣсяца 1900 года, исключительно вслѣдствіе дѣятельности «арміи спасенія» и вызванныхъ ею въ Іошиварѣ волненій, число посѣтителей въ ней уменьшилось приблизительно на 2.000 въ ночь... И затѣмъ, также въ теченіе этого мѣсяца, въ одномъ только Токіо 1.000 дѣвушекъ, изъ 6.335 имѣвшихъ патенты проститутокъ, оставили публичные дома, причемъ большая часть изъ нихъ возвратилась въ свои семейства, и многія были взяты на попеченіе въ домъ призрѣнія арміи спасенія.

«Мы имѣемъ въ приведенныхъ фактахъ»,—говоритъ Алиса Беконъ,—исторію успѣшной борьбы противъ системы, которая существовала въ Японіи въ теченіе трехсотъ лѣтъ,—борьбы, возникшей по почину христіанскаго дѣятеля, получившаго поддержку столь сильнаго общественнаго мнѣнія, что правительство и полиція должны были уступить его настояніямъ. Мнѣ кажется, что трудно найти болѣе поразительный примѣръ вліянія христіанской мысли на общественное сознаніе въ какой угодно странѣ, чѣмъ этотъ крестовый походъ противъ публичныхъ домовъ въ Японіи. Рядомъ съ фактомъ, что десять лѣтъ назадъ ораторъ, говорившій противъ этихъ учрежденій въ аудиторіи молодыхъ людей, долженъ былъ замолчать передъ ихъ шиканьемъ и свистками, интересно замѣтить, что та же аудиторія привѣтствовала

*) Извѣстная англійская корпорація „Salvation army". Члены ея часто называются въ нашей литературѣ „сальваціонистами".

почтительнымъ вниманіемъ и аплодисментами чтеніе адреса, обращеннаго къ борцамъ, возставшимъ противъ тѣхъ же учрежденій».

Что описанное сейчасъ движеніе на защиту невольныхъ жертвъ проституціи не остановилось и послѣ 1900 года, объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ весьма интересная статья, напечатанная въ изданной въ Іокогамѣ въ 1903 году христіанскими миссіонерами уже упоминавшейся нами брошюрѣ *); въ заключеніи этой статьи читаемъ: «Суммируя все сказанное, надо заключить, что, благодаря широкимъ размѣрамъ, какіе приняла агитація противъ проституціи, сдѣлано уже гораздо больше, чѣмъ сначала ожидали. Правда, вслѣдствіе долговыхъ обязательствъ, которыя привязываютъ по крайней мѣрѣ 80% дѣвушекъ къ ихъ позорному ремеслу, послѣднее оставили не столько проститутокъ, какъ хотѣли бы нѣкоторые; тѣмъ не менѣе фактъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ число ихъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на одну четверть, долженъ ободрять сторонниковъ нашего дѣла. Вмѣстѣ съ этимъ упало и число вновь поступающихъ въ дома проституціи, чтó, можетъ быть, еще болѣе важно, чѣмъ освобожденіе порочныхъ. Число посѣтителей публичныхъ домовъ также уменьшилось, ослабляя такимъ образомъ растлѣвающую систему съ матеріальной стороны. Нѣкоторые содержатели даже закрыли свои дома и отпустили дѣвушекъ на свободу»... «Фактъ, что движеніе въ этомъ направленіи было начато и продолжается христіанами, показалъ благомыслящимъ японцамъ практическую сторону христіанства и сдѣлалъ тѣмъ самымъ болѣе возможной и болѣе плодотворной дѣятельность евангелическихъ обществъ среди низшихъ слоевъ населенія».

Естественно, что съ измѣненіемъ положенія женщины въ Японіи для нея открылись и пути къ заработку не въ однихъ только низшихъ слояхъ общества, какъ это было прежде. Нынѣ многія просвѣщенныя японки имѣютъ возможность содержать себя и семьи свои, или самостоятельно, или помогая въ этомъ отношеніи мужьямъ заработкомъ не только на педагогическомъ, но и на другихъ поприщахъ. Въ противоположность тому, чтó было еще недавно, теперь можно видѣть японскихъ дѣвушекъ и женщинъ, работающихъ въ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденіяхъ, на телефонныхъ станціяхъ,—которыя въ въ изобиліи соединяютъ японскіе города, села и даже деревни,—въ типографіяхъ, гдѣ женщины служатъ большей частью въ качествѣ помощницъ наборщиковъ, и т. д. Какъ на исключительное явленіе, можно указать на двухъ-трехъ женщинъ-докторовъ, получившихъ это званіе въ Америкѣ, но начавшихъ медицинское образованіе въ японской частной школѣ по этой спеціальности. И если еще трудно сказать, въ какой мѣрѣ будетъ открытъ имъ путь для приложенія своихъ силъ на этомъ поприщѣ, то рядомъ съ этимъ уже выяснилось, что благородная дѣятельность ухода за больными, открытая для японскихъ женщинъ только десять лѣтъ назадъ, для многихъ изъ нихъ

*) „The Christian movement"... и т. д. Статья „Rescue Work", стр. 35.

раскрыла широко двери. Въ 1902 году при однихъ только госпиталяхъ Краснаго Креста почти 1.000 женщинъ слушали преподающійся имъ курсъ, и 1.000, уже окончившія послѣдній, разсѣяны по всей странѣ, дѣятельно отвѣчая возрастающему спросу на ихъ все болѣе и болѣе оцѣниваемыя обществомъ знанія и умѣнія.

Поразительный ростъ торговли и промышленности въ Японіи за послѣднее время также увеличилъ, конечно, требованія на женскій трудъ внѣ дома; но это обстоятельство имѣетъ для положенія женщины, по крайней мѣрѣ въ низшихъ слояхъ населенія, и отрицательное значеніе.

Дѣйствительно, согласно даннымъ современной статистики, на фабрикахъ Японіи работаетъ столько же женщинъ, сколько и мужчинъ, и притомъ относительное число первыхъ продолжаетъ съ годами увеличиваться все болѣе и болѣе. Такъ напримѣръ, въ хлопчатобумажныхъ прядильняхъ въ 1896 году число женщинъ относилось къ числу мужчинъ, какъ два къ одному; въ 1897 году это отношеніе увеличилось до трехъ, а въ 1903 году превысило уже отношеніе пяти къ одному.

Разсматривая интересующій насъ вопросъ, французскій авторъ Веллерсъ, между прочимъ, говоритъ *):—

«Какъ прй прежнемъ экономическомъ режимѣ женщинамъ поручались болѣе грубыя работы, такъ и нынѣ трудомъ ихъ пользуются въ наиболѣе тяжелыхъ работахъ. Въ льняныхъ мануфактурахъ Хоккаидо онѣ живутъ цѣлыя недѣли въ удушливой атмосферѣ сушиленъ. На бумажной фабрикѣ въ Оджи онѣ переносятъ тяжелыя корзины тряпья, дыша удушливымъ воздухомъ насыщенныхъ паромъ помѣщеній. Въ Міикскихъ копяхъ онѣ работаютъ не только на поверхности земли, перемѣшивая землю или сортируя уголь, но даже и въ шахтахъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ спускаются въ послѣднія даже съ ребятами за спиной...»

Причины, почему фабриканты и вообще промышленники охотнѣе пользуются трудомъ женщины въ Японіи,—тѣ же, что̀ и въ другихъ странахъ, а именно, большая дешевизна его, чѣмъ трудъ мужчинъ, и болѣе легкая управляемость женскимъ составомъ рабочихъ, сравнительно съ мужскимъ... Это послѣднее по отношенію къ Японіи, впрочемъ, еще болѣе вѣрно, чѣмъ по отношенію къ какой-либо другой странѣ, такъ какъ, что̀ мы уже знаемъ, «кроткое послушаніе—основная добродѣтель японки».

Мы не будемъ, поэтому, оспаривать основательности замѣчанія Вѐллерса (относя это замѣчаніе къ низшимъ слоямъ населенія), что «развитіе крупной промышленности только утяжелило до сихъ поръ экономическое рабство женщины». Прибавимъ еще только къ этому, что лихорадочная поспѣшность, съ какой насаждается въ Японіи упомя-

---

*) G. Weulersse. Le Japon d'aujourd'hui". Etudes sociales. Paris 1904.

нутая промышленность, заставляетъ ихъ впадать въ тяжелыя для рабочаго класса ошибки, которыя большой знатокъ этой страны, Генри Норманъ, въ статьѣ «Японія сегодняшняго дня» *), относитъ къ числу «опасныхъ» для здороваго ея развитія въ будущемъ. Мысль эта ярко выражена имъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Въ то время, какъ мы успѣли послѣ большой борьбы, смягчить ужасы старой фабричной системы и продолжаемъ еще заниматься измышленіемъ новыхъ гарантій для уменьшенія зла въ будущемъ, Японія съ легкимъ сердцемъ допускаетъ развитіе у себя этого самаго зла. Для нея есть еще время—но уже пора—признать, что хотя бы даже ея армія и флотъ сдѣлались могущественными въ мірѣ, титулъ *цивилизованная страна* не можетъ быть по праву приложимъ къ ней до тѣхъ поръ, пока малолѣтніе будутъ заняты въ теченіе двѣнадцати часовъ на ея фабрикахъ и заводахъ. То свойство ея народа, которому въ сущности она и обязана каждымъ своимъ успѣхомъ, возникло изъ свободнаго развитія личности японца; а этому свойству серьезно угрожаетъ быстрый ростъ фабричной промышленности, которая стремится, если не ставить къ тому препятствій, сдѣлать человѣка только зубцомъ въ колесѣ огромнаго механизма, и которая *съѣдаетъ жизнь женщинъ и дѣтей»*.

Резюмируя все изложенное въ нашей статьѣ, мы, кажется, въ правѣ сказать, что хоть Японія стоитъ въ настоящее время, въ общемъ, на вѣрномъ пути къ разрѣшенію въ странѣ своей «Женскаго вопроса», путь этотъ еще далеко не пройденъ и обѣщаетъ впереди большія трудности. Что это вѣрно, о томъ слишкомъ ясно говоритъ уже фактъ, что въ руководящихъ слояхъ населенія Японіи не являются исключеніями ни такіе дѣятели, благодаря которымъ возникаетъ женскій университетъ, ни такіе, которые считаютъ, что оспариваніе «Великаго поученія для женщинъ» Кайбары есть «посягательство на законы неба и земли». Не трудно представить себѣ, какъ далеко отъ соціальнаго равновѣсія общество, переживающее такія условія, особенно если принять во вниманіе, что послѣднія являются лишь частнымъ примѣромъ «разлада» въ немъ, характеризующаго жизнь современной Японіи. Разладъ этотъ есть слѣдствіе той почтенной по своимъ задачамъ работы, благодаря которой Японіи, въ лихорадочной погонѣ за западной культурой, удалось въ десятилѣтія посѣять у себя тѣ сѣмена ея, почва для которыхъ въ Европѣ и Америкѣ воздѣлывалась въ теченіе столѣтій... Обезпеченъ ли и въ будущемъ для Японіи такой быстрый успѣхъ этой работы,—предвидѣть пока трудно.

Н. П. А.

---

*) „The Peoples and Politics of the Far East", by Henry Norman. London 1901. p. 389.

ВЧЕРА.

Драматическій этюдъ **Гуго фонъ-Гофманнсталя.**

Перев. **Л. М. Василевскаго.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Кардиналъ Остійскій.
Андреа.
Арлетта.
Фантазіо, поэтъ.
Фортуніо, художникъ.
Серъ Веспасіано.
Моска, паразитъ.
Корбаччіо, актеръ.
Марсиліо, чужестранецъ.
Двое **слугъ** **Андреа.**

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Андреа, въ Имола, въ эпоху великихъ мастеровъ живописи.

Ведущая въ садъ зала въ домѣ Андреа. Богатая архитектура временъ упадка возрожденія; стѣны съ лѣпными украшеніями и гротесками. Слѣва и справа высокія окна и небольшія двери съ гобеленовыми портьерами, на которыхъ изображены эпизоды изъ Энеиды. Дверь посрединѣ, въ глубинѣ терраса, позади которой позолоченная, увитая плющемъ рѣшетка; слѣва и справа на террасѣ ступеньки въ садъ. Въ лѣвомъ углу отъ одной стѣны до другой темнокраснаго цвѣта софа съ серебряными кольцами. Въ простѣнкахъ рѣзные табуреты для сидѣнія. Въ среднемъ простѣнкѣ майоликовая статуэтка Аретино. Въ простѣнкѣ справа небольшой органъ съ открытыми мѣхами на черной эбеновой подставкѣ; на свѣтлой рѣзьбѣ подставки изображены играющіе на арфѣ тритоны и фавны съ свирѣлями. Выше на стѣнѣ трехструнная скрипка съ головой сатира на концѣ и длинный монохордъ съ инкрустаціей изъ слоновой кости. Съ потолка спускаются лампочки строгихъ формъ эпохи ранняго возрожденія. Утренній полумракъ; стѣны и двери занавѣшены.

СЦЕНА I.

Арлетта (чрезъ маленькую дверь справа вбѣгаетъ на средину комнаты; шепчетъ). Мадонна! Ахъ!.. Шаги... и дверь изъ сада!..
(Кричитъ вправо). Да, онъ!.. сюда! нагнись же! посрединѣ!
(Быстро задвигаетъ гобеленъ, бѣжитъ къ софѣ и ложится. Еще разъ приподымаетъ голову и затѣмъ притворяется спящей).

Андреа (входитъ въ среднюю дверь; насвистываетъ; снимаетъ шпагу и, замѣтивъ Арлетту, подходитъ и цѣлуетъ ее въ лобъ).

Арлетта (притворясь испуганной). Андреа!

Андреа. Ахъ, я разбудилъ тебя?
Я не хотѣлъ!

Арлетта. Ты испугалъ меня!

Андреа. Но что съ тобой?

Арлетта (быстро). Ты здѣсь уже давно?

Андреа. Я только что пришелъ. Но что... скажи мнѣ...

Арлетта (говоритъ быстро и возбужденно, украдкой взглядывая на дверь справа).
Нѣтъ, ничего... ты знаешь, я заснула...
Да... ночью... да... я побѣжала въ садъ...
Тебя дождаться... и мнѣ жутко было...
(Постепенно успокаиваясь). Не знаю я... безсмысленное чувство...
Большая, тихая—меня пугала спальня...
И было такъ тепло и знойно, и душисто,
И плющъ въ саду игралъ мерцаньемъ бѣлымъ,
И вотъ... не знаю я... и пробралась сюда...
(Приподымается и опирается на плечо Андреа).
Казалось мнѣ—я не совсѣмъ одна...
(Пауза). Ты рано такъ?

Андреа. Ужъ скоро бѣлый день;
Но вѣдь теперь мы можемъ перейти
Къ тебѣ, Арлетта, къ намъ... (Хочетъ нѣжно привлечь ее къ себѣ).

Арлетта (тревожно). Ахъ нѣтъ, Андреа;
Тамъ, въ комнатѣ моей...

Андреа. Но что же тамъ, дитя?

Арлетта (вкрадчиво). Останемся! Въ саду такъ ночь душиста
Иароматъ намъ слышенъ только здѣсь...
Останемся!

Андреа. Нѣтъ, это вѣтеръ утра,
Дыханье дня проснувшагося вѣетъ.

Арлетта. Пойдемъ туда, въ сырой, туманный садъ!
Мнѣ хочется росы, росы прохладной,
Какъ, помнишь?—въ паркѣ Треви мы уснули,
И насъ росой смочило.

Андреа. Солнце лѣтомъ
Росу всегда поспѣшно выпиваетъ!
(Отодвигаетъ занавѣсъ). Ужъ день, Арлетта!

Арлетта. Ахъ, оставь... такъ рѣзко!
Мнѣ больно. Лучше пусть прохладный полумракъ.
При свѣтѣ я сегодня безобразна,
Я чувствую.

Андреа. Сегодня ты блѣдна.
Арлетта. Ты знаешь, я вѣдь не спала сегодня.
Андреа (раздраженно). Зачѣмъ, дитя?
Арлетта. Меня ты мало мучилъ,—
Опять начнешь? Нѣтъ, лучше разскажи мнѣ:
Ужъ если я одна здѣсь оставалась,
Я знать хочу, что дѣлалъ ты всю ночь?
Андреа. Ты знаешь, вѣдь; я былъ въ гостяхъ у Паллы.
Арлетта. И тамъ?
Андреа. Какъ и всегда, кружокъ обычный:
Фантазьо, Піетро, Груміо и Строцци,
Короче—всѣ; лишь не было Лоренцо.
Арлетта (подстерегающимъ тономъ). А этотъ почему?
Андреа. Причину скрылъ онъ.
Мы не спросили, вѣдь. Свиданіе, быть можетъ.
Арлетта. Ты знаешь?
Андреа. Нѣтъ.
Арлетта. Такъ думаешь?
Андреа. Нисколько.
Зачѣмъ спросила ты?
Арлетта (Уклончиво) И чѣмъ вы занимались?
Андреа. Играли, хвастали и пили, и смѣялись—
Обычное занятіе мужчинъ
Во времена свободныя отъ битвы.
И всѣ почти до дома проводили
Меня; они придутъ къ намъ очень скоро.
Арлетта. Признай: тебѣ, вѣдь, женщины милѣе?
Андреа. Всѣ до одной... А эти, эти любятъ
Меня за то, что я умнѣе ихъ.
Арлетта. Ты нуженъ имъ—зато они и любятъ!
Андреа. Хоть бы и такъ! Я не ищу причинъ!
Въ самомъ себѣ беретъ начало чувство
И лишь оно найти умѣетъ выходъ!
Пусты слова, безпомощны поступки!
Изслѣдуя свое переживанье,
Мы тяжкой ношей дѣлаемъ его.
Нѣтъ словъ—назвать доподлинное чувство.
Не то, чему я вѣрю, и не то,
Что вижу, думаю,—а чары всѣ твои
И близость—вотъ что вяжетъ мою душу.
И еслибъ ты, Арлетта, обманула
Меня, мою любовь,—то для меня
Ты все-бъ такой, какъ и теперь, осталась.
Арлетта. Имѣй въ виду: опасно слѣпо вѣрить!

Андреа. О нѣтъ, смѣла и благородна вѣра;
Прекрасная, она насъ окрыляетъ,
Освобождаетъ душу изъ цѣпей,
Которыя куетъ намъ наша совѣсть
И осторожность. Тысячами каръ
Грозитъ намъ незаслуженно, когда
Не лжемъ мы тамъ, гдѣ чувство умерло;
И право высшее она насъ учитъ
Признать и въ томъ, что дѣлаемъ мы часто,
Но что́ *назвать* не смѣемъ мы подчасъ...
(Тише). Вся жизнь—одно безмолвное скитанье
Для тѣхъ людей, кто этого не понялъ;
Когда одинъ въ глаза другого смотритъ,
То и въ другомъ онъ видитъ лишь себя.
Арлетта. Кого же мы друзьями называемъ?
Андреа. Тѣхъ, въ комъ себя мы явственнѣе видимъ.
Во мнѣ кипитъ порывъ непобѣдимый
Нестись верхомъ въ безумномъ, дикомъ бѣгѣ—
И своего коня тогда зову я;
Онъ пышетъ весь, подъ нимъ сверкаютъ искры,—
Что́ до того!—порывъ я утолилъ!
Или когда томитъ меня тоска,—
Неясная и нѣжная,—по звукамъ,
Которые бы трепетно и мягко
Мнѣ душу обняли—тогда изъ этой скрипки
Рыданіе я властно извлекаю,
Восторгъ ея, и стоны, и томленье,
И всю ея загадочную душу...
(на минуту останавливается) Я боевую шпагу вынимаю,
Когда хочу услышать лязгъ клинковъ;
И конь, и скрипка, и сверканье шпаги
Лишь черезъ нашу волю оживаютъ,
Лишь до тѣхъ поръ они достойны жить,
Пока желанья наши исполняютъ;
Въ самихъ себѣ они мертвы и пусты!
Такъ и друзья: ихъ жизнь есть только призракъ,
Живу лишь я, кому они нужны!
И въ каждомъ спитъ желанная мнѣ искра;
Когда-нибудь та искра разгорится:
Быть можетъ—въ шуткѣ, въ тонъ моей душѣ,
Иль въ словѣ, что во снѣ меня манило,
Иль въ новой радости, иль въ ароматѣ,
Быть можетъ, также—въ мукѣ, что поможетъ
Мнѣ разрѣшить какой-нибудь вопросъ;

Въ трусливой мысли жалкаго раба,
Которая меня развеселитъ
Въ тоскливую минуту... Можетъ быть...
Не знаю самъ... я пользоваться вправѣ
Друзьями, потому что въ глубину
Они ныряютъ—жемчуговъ достать мнѣ;
Но есть одно, чего всегда боюсь я:
Что высшее и лучшее на свѣтѣ-
Я упущу, пройдя случайно мимо.
(Тихо). Завидую я смерти и всему,
Что ей всегда въ наслѣдство достается;
Быть можетъ, то, что умерло, и есть
Моя судьба, то важное, другое,
Непережитое, чего надменный случай
Намъ на пути нарочно не поставилъ,
И оттого, Арлетта, наслаждаясь,
Когда весь полный пѣнится мой кубокъ,
И я готовъ отдаться поцѣлую,—
Тоска сжимаетъ грудь мою, и я
Сомнѣнье—весь, и говорю себѣ
При каждой ласкѣ, каждомъ поцѣлуѣ:
«А лучшее не пропустилъ ли ты?»

Арлетта (съ закрытыми глазами). Я никогда о лучшемъ не мечтала.

Андреа. Вѣдь сердце наше не подозрѣваетъ
Того, что не дано ему судьбой;
Лишь то, что есть—лишь то оно и цѣнитъ.
Но не хочу я сумеречной жизни,
Хочу я бодрствовать и чувствовать всегда,
Что я живу, хочу творить, творить!
И жизнь бываетъ жизнью лишь тогда,
Когда вѣнокъ изъ каждаго цвѣтка
Сплетается, и каждое желанье
Свой истинный, созрѣвшій плодъ даетъ—
И чувства всѣ гармоніи достигнутъ;—
Вотъ это—жизнь, не ранѣе того!
(Пауза). Арлетта, встань. Уже вѣдь близокъ часъ.

Арлетта. Ахъ да, они придутъ... Какое платье?
Зеленое, что такъ тебѣ вчера
Понравилось, все матовое, въ складкахъ?

Андреа. Блѣднозеленое, все въ лимятъ рѣчныхъ?

Арлетта. Да, съ поясомъ широкимъ и свободнымъ...

Андреа. Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ? Оно мнѣ никогда
Не нравилось.

Арлетта. Но ты еще вчера
Сказалъ при всѣхъ...

Андреа. Ты непремѣнно хочешь
Тѣмъ, что вчера, испортить мнѣ сегодня?
Звонъ кандаловъ, твою тѣснящихъ ногу,
Я долженъ вѣчно слышать, и тогда,
Когда я самъ давно уже ихъ сбросилъ?
Мнѣ нравилось вчера, когда вокругъ
Былъ блѣдный сумракъ; о зеленомъ Нилѣ
Мечталось намъ; неясные лучи
Вокругъ мерцали и на небесахъ
Тоскуя, тучки блѣдныя носились...
Отъ этого насъ отдѣляетъ бездна
Семи часовъ; и навсегда исчезло
То, бывшее «вчера»; сегодня день
Корреджіо, день зрѣлый и цвѣтущій,
Смѣющійся, весь въ переливахъ красокъ;
Сегодня день созрѣвшихъ центифолій
И пышныхъ, полныхъ роскоши магнолій;
Надѣнь же платье желтое сегодня,
Тяжелое и пышное, и розы
Пунцовыя, горячія, какъ день.
Отбрось его, умершее «вчера»!
Не слушайся его пустыхъ призывовъ,
И пусть въ тебѣ измѣнчивая власть
Сегодняшняго дня свободно вѣетъ
И радостью, и мукой. Непонятно
Намъ прошлое. Вчерашній день обманетъ
И истинно—повѣрь мнѣ—лишь сегодня.
Отдай себя влеченію мгновеній—
Вотъ путь одинъ себѣ остаться вѣрнымъ,
И слѣдуй настроенью: никогда
Оно не ждетъ и быстро исчезаетъ.
Отдай себя—и ты спасешь себя:
Опасностью грозитъ пережитое
И истина тотчасъ же станетъ ложью,
Едва она въ душѣ окаменѣетъ.
Теперь иди, дитя. Надѣнь кольцо
Съ каменьями, и новыя запястья,—
У насъ вѣдь гости ранніе сегодня.

СЦЕНА II.

(Андреа, затѣмъ слуга, послѣ Марсиліо).

Слуга. Какой-то господинъ ждетъ у калитки.
Онъ хочетъ видѣть васъ.
Андреа. Впусти его.

Марсиліо (входитъ въ среднюю дверь; весь въ темномъ; медленно идетъ къ Андреа, который пристально смотритъ на него).

Марсиліо. Я вижу, ты меня не узнаешь.
Изъ Падуи я присланъ, господинъ.

Аднреа. Звукъ голоса... Марсиліо... товарищъ!

Марсиліо. Да, я, на комъ почила милость Бога!
(Послѣ паузы). Ужель Андреа, время ты забылъ,
Когда такъ многое дерзать мы смѣли
Съ тобою...

Андреа. Такъ красивъ былъ нашъ порывъ!..
Тонуть въ запретномъ, безграничномъ...

Марсиліо. Новый
Мы родъ людей клялись тогда создать.

Андреа (съ усмѣшкой). Я сѣлъ на мель, разбившись о грѣхи.

Марсиліо. Я застаю потухшей даже искру
Малѣйшую изъ прошлаго въ тебѣ?

Андреа. Малѣйшая вся въ большей потонула...
(Вполголоса). О ты, живого прошлаго обломокъ!
Какъ ты далекъ, далекъ непостижимо!
Какъ чуждо мнѣ и непонятно стало
То тѣсное, оборванное платье,
Что «партіей» для насъ когда-то было!

Марсиліо (сухо). Кто не со мной—противникъ мнѣ. *Такъ* нынѣ
Ты говоришь. Я ухожу, Андреа.

Андреа (повелительно). Останься! Говори! Еще никто
Не уходилъ изъ дома моего,
Не получивъ хотя бы пониманья.

Марсиліо. То, что жило когда-то въ насъ, теперь
То—вѣра для толпы благочестивой:
Изъ Падуи лучамъ Савонаролы
По всей землѣ разлиться суждено,
И яркій свѣтъ благого искупленья
И чистаго раскаянья души
Зальетъ пожаромъ сгнившую страну.
Уже въ Перуджьи кающихся толпы;
Трепещутъ ихъ истерзанные члены,
Въ рукахъ бичи, и волосы въ крови.
Ихъ пѣснь вѣщаетъ о побѣдѣ духа,
И на челѣ преображенномъ, блѣдномъ
Сіяетъ въ мракѣ знаменье креста.
Исканье Божества изъ насъ исходитъ
И натискъ нашъ священный побороть
Ничто не можетъ.

Андреа (вполголоса). Да, вотъ превращенье;
Еще тогда его предвидѣлъ я.

Марсиліо. На Форли намъ уже проложенъ путь.
Андреа. А здѣсь помочь вамъ въ этомъ долженъ я?
Марсиліо. Я отъ тебя не требую поступковъ
Иль обѣщаній; вѣдь само собой
Является желанье у людей
Мѣшать другимъ иль милость обнаружить,
Какъ вѣрный знакъ сочувствія души;
Ты долженъ только подъ свою защиту
Меня принять—пусть выслушаютъ всѣ;
Хочу въ твоемъ я домѣ говорить:
Я знаю, онъ великъ и многолюденъ.
Андреа. Я защищу тебя одинъ: мой родъ—
Онъ новизнѣ противится трусливо,
Какъ рабъ въ оковахъ, имъ самимъ надѣтыхъ,
И осуждаетъ все, и проклинаетъ,
Чего понять не можетъ. Защищать
Тебя рѣшилъ я: здѣсь же, въ этомъ домѣ,
Среди игры и пиршества они
Увидятъ крестъ и плети покаянья,
И голову увидятъ мертвеца;
Пусть смерти зрѣлище, бичуя души,
По этой залѣ мрачно пронесется!
И если ты зажжешь въ нихъ свой огонь,
И изъ картинъ, цвѣтовъ, ковровъ и пѣсенъ
Они здѣсь сложатъ жертвенный костеръ
И собственную муку позабудутъ,
И будутъ жадно покаянье пить
Въ смятеніи, и въ прахъ къ твоимъ ногамъ
Склонятся головы прекрасныхъ блѣдныхъ женщинъ!..
Хочу я видѣть это. А теперь
Иди, мой другъ, и отдохни: мой гость
Здѣсь, въ Имола, свободенъ отъ обидъ.

СЦЕНА III.

(Андреа, затѣмъ слуга, послѣ кардиналъ и Фортуніо).

Андреа (смотритъ вслѣдъ Марсиліо). Да, есть такія бури, что меня
Въ смятеніе еще не приводили
И чувство новое еще мнѣ подарить
Умѣетъ жизнь; но вотъ о чемъ въ душѣ
Хотѣлъ бы я не думать никогда:
Какимъ пустымъ и выдохшимся будетъ
И это, лишь его я изживу!
Слуга. Его преосвященство кардиналъ
Изъ Остіи и господинъ Фортуньо;
Они въ саду.

Андреа. Ступай скажи мадоннѣ,
Что гости здѣсь; мы ждемъ ее сюда.

(Кардиналъ и художникъ Фортуніо входятъ въ среднюю дверь; у кардинала одышка, и онъ сейчасъ же садится; остальные двое стоятъ).

Кардиналъ. Фортуніо мнѣ только-что сказалъ,
Что потерялъ я много, къ сожалѣнью,
Тѣмъ, что у Паллы не былъ.

Андреа (разсѣянно). Да, у Паллы...
Вчера... да, вечеромъ...

Фортуніо. Ты былъ такъ веселъ;
Такимъ тебя я очень рѣдко вижу;
И не вино вчера насъ опьяняло,
А рѣчь твоя.

Андреа. Мнѣ шесть часовъ назадъ
Польстило-бъ это, а теперь—мнѣ скучно
Отъ словъ твоихъ... Исчезло настроенье,
Насиловать его я не умѣю.
Остывшій пепелъ...

Фортуніо (удивлянно разсматриваетъ боковую стѣну справа).
Я хотѣлъ бы знать:
Моя картина, лебедь Леды,—здѣсь, вѣдь,
Она висѣла; гдѣ она теперь?
Красуется на этомъ мѣстѣ Пальма;
Онъ больше здѣсь подходитъ ко всему?
Мой бѣдный лебедь убѣжалъ навѣкъ
Отъ волнъ твоихъ, Андреа, настроеній?

Андреа (вначалѣ нетерпѣливо, а потомъ съ возрастающей теплотой).
Пойми меня! И самъ тогда суди.
Нерѣдко мы предметъ исканій нашихъ
Впослѣдствіи и сами отвергаемъ.
Мѣняются всѣ наши настроенья
И силы наши. Каждая въ насъ страсть
И пробуждается, и гибнетъ въ свой чередъ.
И бытіе бокъ-о-бокъ тысячъ жизней
Кто далъ намъ право называть «душой?»
Что дѣлаетъ намъ старое хорошимъ
И новое—плохимъ? Кто смѣетъ вѣрность
И требовать, и обѣщать другому?
И въ душахъ нашихъ вмѣстѣ съ человѣчнымъ
Не много ли животнаго найдется,
Приличнаго какимъ-нибудь центаврамъ?
Я никакихъ порывовъ не боюсь,
Я чутко слушаю, чего захочетъ каждый!
Одинъ въ Аскезе хочетъ погрузиться

И въ сонмы чистыхъ ангеловъ Джіотто,
Другой потянетъ къ зрѣющимъ снопамъ,
Къ горячимъ краскамъ дивнаго Кадоре.
То вдругъ меня потянетъ прихотливо
Къ туманному и темному Джьорджьоне,
И къ ужасамъ, и къ демонамъ, а завтра
Захочется мнѣ розовыхъ амуровъ
Съ ихъ ручками и полными тѣлами
И членами округлыми. Быть можетъ,
Почувствую потребность я въ томленьи
Мистическомъ съ его полутонами
И съ женщинами блѣдными, въ слезахъ...
Хочу игры свободнаго влеченья,
Которой не насилуетъ никто,
Ни ты, мой другъ, съ твоимъ всегдашнимъ стилемъ!

Фортуніо. Такъ много словъ! А дѣло просто въ томъ:
Не ты ведешь порывъ, а онъ тебя!

Андреа. А поручить себя во власть порывамъ
Не мудро ли? Носиться добровольно,
Когда носиться все равно должны мы
И устоять мы все равно не въ силахъ?
И съ новымъ чувствомъ новое желанье
Не мудро ли выслѣживать всегда?
Вѣдь старое теряетъ неизбѣжно
Былую притягательность свою.
Такъ лучше же, чѣмъ вѣрность призывать,
Которая есть слабости лишь признакъ,
Съ свободной силой, новому навстрѣчу,
Свободно оторваться отъ «вчера»!

СЦЕНА IV.

Серъ Веспасіано, Моска, Корбаччіо; Веспассіано — съ фигурой кондотьера, со шпагой и плащомъ; Корбаччіо—въ платьѣ кричащихъ, рѣзкихъ цвѣтовъ; Моска весь въ бѣломъ; широкіе рукава, обшитые изнутри свѣтложелтой матеріей; бѣлый съ бѣлыми перьями беретъ, подбитый желтымъ мѣхомъ, съ зеркальцемъ внутри; желтыя перчатки у пояса; короткая шпага, бѣлые заостренные башмаки. Говорящіе (Андреа, Моска, Веспасіано) стоятъ слѣва; Корбаччіо тотчасъ же здоровается съ кардиналомъ, который сидитъ посрединѣ, подъ бюстомъ Аретино, останавливается и, видимо, бесѣдуетъ съ нимъ; Фортуніо внимательно разглядываетъ органъ.

Моска. Андреа, знаешь, гдѣ сейчасъ мы были?
Въ конюшнѣ. Я поѣздилъ самъ немного.
А упряжь тамъ! Какая это роскошь!
И все совсѣмъ не дорого.

Андреа. Ну да:
Что ты не понимаешь—мнѣ не ново...
Ты знаешь, есть пословица такая:
Когда лишь глупый хвалитъ... Впрочемъ, нѣтъ:
Я самъ ее испробовалъ, ту упряжь...
(Очень спокойно къ Веспасіано). Серъ Веспасіано, если при покупкѣ
Коня, вамъ обмануть меня угодно,
То не трудитесь, право: это такъ
Затасканно, старо и обыденно.

Веспасіано. Мессере! я...

Андреа (съ легкой ироніей). Вложите-ка въ ножны!
Ну да, такихъ вещей не говорятъ,
Ихъ только дѣлаютъ... Да, стали благородной
Священный долгъ извѣстенъ мнѣ давно;
Она въ крови тушить умѣетъ слѣдъ,
Малѣйшій слѣдъ людского подозрѣнья,
Но между нами въ этомъ нѣтъ нужды.

(Кардиналъ и Корбаччіо внимательно слушаютъ; Фортуніо также подошелъ ближе; Моска опирается на софу и то и дѣло взглядываетъ въ свое зеркало).

Андреа (нетерпѣливо). Ужели никогда къ моей манерѣ
Вы не привыкнете и вмѣстѣ съ плебсомъ
Вы думать будете, что больше нѣтъ позора,
Какъ если Гинцъ плутомъ былъ названъ Кунце!
(Съ вѣжливой улыбкой). А плутовъ я люблю, ихъ понимаю
И никого имѣть вокругъ себя
Такъ сильно не люблю. Какъ я слѣжу
Охотно за прыжкомъ пантеры дикой
Затѣмъ, что никогда себѣ, я знаю,
Ея прыжокъ ближайшій не измѣнитъ,
Такъ ненавижу тѣхъ, что укрощаютъ
Свои порывы и приноровляютъ
Ихъ къ пошлой честности. И иногда
Предательство бываетъ такъ прекрасно!
Такъ хорошо бываетъ огорчить
Безъ смысла и безъ цѣли! Путь прямой,
Случается, бываетъ, очень длиненъ
И лжемъ мы всѣ, и я—охотно очень!
О, безсознательный порывъ искусства,
Безцѣльные обманы золотые!
О, мудрость лжи! Ты соткана съ трудомъ,
Въ тебѣ одно расцвѣчено другимъ,
Поддержано и поднято высоко!
Какъ сладко ложью мудрой наслаждаться

Сознательно до той поры, когда
Ложь съ истиной сольются вмѣстѣ нѣжно,—
И сознавать, что каждая черта
Все дальше насъ влечетъ въ водоворотъ
И приближаетъ насъ къ самообману!
И это все мы дѣлаемъ всегда,
Мы всѣ, и даже много, много больше.
Добро такъ скудно, блѣдно, монотонно,
И только грѣхъ богатъ неистощимо!
И что̀ всего презрѣннѣе на свѣтѣ,
Такъ это—глупо обмануть другого
И глупо быть обманутымъ другимъ!

(Послѣднія слова говоритъ, обращаясь къ Веспасіано; Корбаччіо и кардиналъ тайкомъ переглядываются и смѣются. Андреа въ теченіе минуты вопросительно оглядывается).

СЦЕНА V.

Фантазіо (поэтъ; входитъ въ среднюю дверь и кричитъ къ Андреа).
Ну, знаешь ли, Андреа, это дурно.
Моска. А что онъ сдѣлалъ?
Фортуніо. Да, Андреа, дурно,
Что въ мертвыхъ стѣнахъ нѣтъ ужъ никого.
Кардиналъ. Что сдѣлалъ онъ?
Фортуніо. Не знаете вы развѣ?
Андреа (нетерпѣливо прерываетъ). Я объясню, что говоритъ Фантазьо:
Отосланъ мною зодчій, Серистори;
Вотъ дѣло въ чемъ.
Кардиналъ. За что же такъ?
Корбаччіо. Давно?
Андреа. Я больше съ нимъ не въ силахъ говорить.
Фантазіо. Я думаю, вѣрнѣе—онъ съ тобою!
Андреа. Не все-ль равно? Ему я благодаренъ.
Онъ показалъ мнѣ, какъ преступны люди,
Когда они заботятся о мертвомъ,
И какъ невѣрно «цѣлью» называютъ
То, что у нихъ—лишь слѣдствіе привычки;
Я и мой зодчій—мы не понимали
Другъ друга; этимъ онъ меня избавилъ
Отъ тяжести задуманныхъ мной плановъ.
Фортуніо. Такъ, значитъ, ты уже раздумалъ строить?
Андреа. Теперь раздумалъ. Какъ-нибудь въ другой разъ.
Теперь же—нѣтъ. То, что родится въ камнѣ
И въ мраморѣ послушно созрѣваетъ,—

Моей душѣ уже не говоритъ!
Вся мощь творить при созиданьи гибнетъ
И исполненье искажаетъ цѣль.
(Переходя отъ одного къ другому). Ты, кардиналъ, благослювенье дай
Моей душѣ: оно меня избавитъ
Отъ мукъ, отъ пустоты. Зажги, поэтъ,
Въ душѣ моей былую силу снова
И жгучее желаніе тирана!
Ты воплоти, актеръ, передо мною
Мое былое, истинное «я»,
А ты, художникъ, покажи мнѣ снова
Тѣ формы, краски, что когда-то жили
Въ душѣ моей,—тогда я строить буду!
(Пауза). Вы этого не можете мнѣ дать,
И вотъ во мнѣ порвались долгъ и связь,
Что до сихъ поръ сплетали воедино
«Сегодня» и «тогда».
...Глядѣться будутъ
Въ прудѣ моемъ зеркально-голубомъ
Забытыя и мертвыя руины.
Я вижу, какъ невѣрный лунный свѣтъ
Дрожитъ, ложась межъ треснувшихъ колоннъ;
Я вижу, какъ увѣнчанныя пѣной
Дробятся волны на изрытой почвѣ,
И время медленно вокругъ развалинъ
Ткетъ блѣдную, глубокую печаль.
И то, что мучитъ насъ какъ неудача
Сегодня—будетъ намъ когда-нибудь
Источникомъ печальной, тихой грезы.

Фантазіо. Ты не вернешь его? Постройка рухнетъ?

Андреа. Моя постройка рухнетъ.
(Пауза). Но одно
Еще осталось мною нерѣшеннымъ;
Подайте мнѣ совѣтъ. Я ощущаю боль,
Когда меня предметы вынуждаютъ
На что-нибудь рѣшиться или выбрать;
О, это мнѣ невыносимо трудно!
Сегодня же,—о, мучить вы меня
Умѣете!—мнѣ тамъ на берегу
Придется выбрать мѣсто для террасы
И мѣсто, гдѣ хорошенькую пристань
Для нашей яхты я велю построить.
(Говоритъ медленно, съ видомъ отвращенія).

Я взялъ съ собой толпу каменотесовъ
И медленно по берегу пошелъ,
И вотъ одна понравилась мнѣ бухта:
Въ тѣни густыхъ, свисающихъ деревьевъ,
Вся темная; задумчиво и сонно
О берега чуть плещутся тамъ волны.
(Постепенно успокаиваясь; картинно). Другая есть, со скалами вокругъ,
Вся—обаянье, вся—печаль и тайна;
Еще одна нисходитъ мощно внизъ,
Все дальше внизъ и сразу открываетъ
Далекій и ликующій просвѣтъ;
Въ одной есть эхо, блѣдные кувшинки
Въ другой, а третья вся—коверъ цвѣтущій...
(Нетерпѣливо перебиваетъ себя). Нѣтъ, выбирать я просто не умѣю,
Затѣмъ, что я отвергнуть не могу.
И вотъ застряло все; такъ помогите
На чемъ-нибудь остановиться мнѣ.

(Идетъ къ выходу. Всѣ уходятъ, тѣснясь вокругъ него. Одинъ Кардиналъ остается. Дальнѣйшее происходитъ быстро, кое-что говорится даже одновременно нѣсколькими).

Моска. Намъ бухта круглая и нѣжная нужна,
А не тяжелые и дикіе утесы.

Фантазіо. Мнѣ хочется лежать вблизи цвѣтовъ
И къ тихому дыханію воды
Прислушиваться чутко.

Веспасіано. Я люблю
Подъ насыпью скалы расположиться,
Гдѣ ударяются и прыгаютъ упруго
И воютъ глухо волны, разбиваясь.

Корбаччіо. Я знаю, господинъ, какую выбрать.

Андреа (вполголоса). О, какъ завидую я этимъ людямъ:
У нихъ желанье есть!

Фортуніо. Итакъ, идемъ.
Вы съ нами, кардиналъ?

Кардиналъ. Идите, выбирайте;
Мнѣ жалко ногъ моихъ. Вѣдь вы вернетесь?
Прекрасно. Я пока останусь здѣсь.
(Къ Андреа). Я посижу и буду ждать Арлетты.

(Всѣ, кромѣ кардинала, уходятъ).

СЦЕНА VI.

Кардиналъ. Арлетта (въ нарядѣ) входитъ въ дверь справа; въ сценѣ съ кардиналомъ ея желаніе нравиться замѣтнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Арлетта (видимо ищетъ). Андреа! Ахъ! Вы, кардиналъ? Простите...
Здѣсь вы одни?
Кардиналъ. А этого такъ мало,
Грѣшокъ ты маленькій?
Арлетта. Андреа... вѣдь...
Кардиналъ. А кто, Арлетта, этотъ гость счастливый,
Въ чью честь въ тебѣ сегодня соревнуютъ
И пылкій жаръ, и пряные духи?
И въ честь кого сегодня на тебѣ
Красуются каменья дорогіе
И розы чудныя, и новыя запястья?
(Подстерегающимъ тономъ). Такъ кто же онъ, скажи, твой гость желанный?
(Хочетъ привлечь ее къ себѣ).
Арлетта. Что вы подумали? Вчера Андреа
Самъ подарилъ запястья эти мнѣ.
Лишь для него себя я украшаю.
Ему вѣрна я. Вамъ извѣстно это.
(Онъ прищуриваетъ глаза и качаетъ головой).
Что значитъ ваше «нѣтъ»?
(Горячо). Ему вѣрна я.
Кардиналъ (тихо и добродушно). Ты лжешь, Арлетта.
Арлетта Вотъ уже два года
Теперь, какъ я...
Кардиналъ (какъ выше). Да, до вчера, дитя...
(Андреа, разстроенный, тихо входитъ съ терассы въ комнату, въ среднюю дверь).
Арлетта (стремительно). Вы знаете?
Кирдиналъ (лукаво). Лоренцо мнѣ...
Арлетта (замѣчаетъ Андреа). Молчите!
Кардиналъ. Довѣрься мнѣ...
Арлетта Я умоляю васъ!
Кардиналъ (смѣясь). О, на меня ты можешь положиться!

СЦЕНА VII.

Прежніе. Андреа тихо подходитъ къ нимъ.

Андреа (съ раздраженіемъ въ голосѣ). Надѣюсь, я не помѣшаю здѣсь?
Арлетта (боязливо). Андреа, ты одинъ!

Андреа. Одинъ, какъ видишь.

Арлетта. За мною ты?

Андреа. Нѣтъ, я не за тобой.

Кардиналъ. А остальные гдѣ?

Андреа. Къ пруду спустились.

(Послѣ паузы). Какъ иногда претятъ мнѣ эти люди!
Имъ чужды всѣмъ потребности мгновенья
И духъ мгновенья непонятенъ имъ
(У окна). Расплавленнымъ свинцомъ сѣдыя волны
Лежатъ, какъ мертвыя... Нависло солнце,
Подстерегаютъ пепельныя тучи...
И сѣрый прудъ въ зловѣщихъ, темныхъ пятнахъ...
И въ крикѣ чаекъ—приближенье бури...
И вѣянье ея поблекшихъ крыльевъ
Ужъ вижу я... (съ глубочайшимъ презрѣніемъ). Имъ — непонятно это,
И о другомъ бесѣдуютъ они.
(Пауза). Но есть одинъ—онъ понимаетъ это,
Мой лучшій другъ, когда объемлетъ насъ
Обоихъ буря; въ немъ, какъ и во мнѣ,
Живетъ душа мятежной бури; гдѣ онъ?
Какъ жаль, что нѣтъ его со мной сегодня!
Гдѣ онъ, Лоренцо? (Къ кардиналу). Видѣлъ ты его?

Кардиналъ (любезно, съ легкой ироніей). Такъ у тебя есть другъ одинъ для бури,
Отдѣльный въ дождь и въ ясную погоду,
Для комнаты и для лѣсной охоты?

Андреа. Хоть бы и такъ! Чему здѣсь удивляться?
Не есть ли вся природа, кардиналъ,
Лишь символъ настроеній нашихъ душъ?
Не нашихъ ли слѣдовъ мы ищемъ въ ней?
Не есть ли все для насъ лишь отраженье
И образъ нашихъ мукъ, стремленій нашихъ?
(Беретъ въ руку шпагу). Мой свѣтлый гнѣвъ ты, шпага боевая
(Указывая на органъ). Ты—грезъ моихъ родникъ неистощимый!
Моя наклонность къ спору—Веспасьяно,
А Моска — онъ... тщеславіе мое!

Кардиналъ. А что же я, осмѣлюсь я спросить?

Андреа. Ты, дядя кардиналъ, ты — мой уютъ;
Ты дѣлаешь мнѣ пиршество веселымъ,
Ты грушу спѣлую указываешь мнѣ.
Въ твоихъ глазахъ мнѣ трюфели мелькаютъ,
И научаешь ты меня всегда
Пить, думая, и думать, напиваясь.

Лоренцо я зову при лязгѣ шпагъ,
Когда вздуваетъ буря паруса,
Подъ скрипъ тугихъ, натянутыхъ канатовъ.
Ты помнишь ли ту ночь еще, Арлетта:
Летѣли мы, соперничая съ бурей...
Ни зги кругомъ... и только трепетъ молній
Указывалъ подводные мнѣ камни
И пѣну бѣлую, и мачту...

Арлетта (откинула руки назадъ, стоя съ полузакрытыми глазами). Я закрыла
Тогда глаза... Но горячо и сильно...
На грудь твою... меня ты такъ держалъ...

Андреа (быстро). То былъ не я, держалъ тебя Лоренцо!
Я на рулѣ!

Арлетта (погруженная въ воспоминанія, невнимательно слушаетъ его и киваетъ головой). Я какъ во снѣ была.
Безъ мысли. Все — и время, и пространство —
Исчезло все. Онъ и теперь стоитъ
Передо мною, блѣдный и далекій.
Все уплыло... и тотъ, державшій руль,
Лоренцо... онъ чужимъ казался мнѣ...
Едва знакомымъ... Не было боязни,
Ни холода... Я чувствовала только
Объятье этихъ крѣпкихъ, теплыхъ рукъ
И я заснула...

Андреа (очень громко). Не былъ то Лоренцо!
(Недовѣрчиво приближается къ ней). *Я* руль держалъ.
(Очень тихо). *Я... я* былъ очень блѣденъ,
Я, я тебѣ былъ чуждымъ и далекимъ,
Едва знакомымъ... И когда я спасъ
Всѣхъ въ гавани—ты на рукахъ Лоренцо
Уснула.
(Совсѣмъ близко). Ты... ты этого не знаешь?
Не знала до сихъ поръ?

(Схватываетъ ее за руку и испытующе смотритъ на нее. Потомъ сразу отворачивается и твердымъ шагомъ идетъ къ двери).

СЦЕНА VIII.

Корбаччіо, позже Фантазіо, прежніе.

Корбаччіо (быстро входитъ въ среднюю дверь. Направляется къ Арлеттѣ и кардиналу, сидящимъ слѣва). Ахъ, господа!
Мадонна, слушайте! Андреа! Кардиналъ!
Вы зрѣлище какое пропустили!
(Оживленно жестикулируетъ, позже подражаетъ актерской манерѣ).

Вамъ ничего комичнѣе не снилось!
Идемъ мы внизъ и вдругъ предъ воротами
Встрѣчаемъ возбужденную толпу;
Одинъ посерединѣ,—очевидно,
Народъ онъ учитъ; вся толпа вздыхаетъ,
Рыдаетъ, стонетъ, слышенъ даже вой;
И женщины поютъ псалмы протяжно,
А проповѣдникъ вѣры худощавый
Надъ всей толпою высится одинъ.

Кардиналъ. Онъ еретикъ, мятежный странникъ это!

Корбаччіо. Да, еретикъ и флягеллянтъ, вы правы.
И вотъ одинъ выходитъ изъ толпы,
И на колѣни падаетъ при всѣхъ,
И начинаетъ страстной фистулой,
И самъ себя животнымъ шелудивымъ
Онъ называетъ, стонетъ тяжело
И въ прегрѣшеньяхъ тяжкихъ признается.
За нимъ другой, немолодой и толстый,
Онъ молится безъ словъ и только стонетъ
И на колѣняхъ ползаетъ кругомъ
Отъ одного къ другому; скоро третій
Съ рыданіемъ бросается на землю.
И это зрѣлище, хоть низменно оно
И отвратительно, но ужасъ передъ нимъ
Насъ охватилъ...

Андреа (къ Фантазіо, который медленно ходитъ по серединѣ сцены).
И ты, какъ онъ, былъ удивленъ толпой?

(Послѣдующее говоритъ Фантазіо къ Андреа, оба по серединѣ сцены; Андреа, видимо, занятъ Арлеттой, Корбаччіо переходитъ налѣво къ Арлеттѣ и Кардиналу; онъ, видимо, продолжаетъ свой разсказъ; подражаетъ кающимся и молящимся крестьянамъ).

Фантазіо. Наводитъ это все меня, Андреа,
На много мыслей, трудно уловимыхъ.
Я словно пережилъ святое что-то.
Какъ тѣ слова изъ повседневной рѣчи,
Что иногда внезапно просіяютъ,
Едва изъ нихъ исчезнетъ обыденность,
И смыслъ живой, присущій имъ, воскреснетъ.
(Замѣчаетъ, что Андреа почти не слушаетъ и умолкаетъ).

Андреа. Ну, продолжай.

Фантазіо. Насъ окружаетъ тьма.
По жемчугу, окутанному пылью,
Мы странствуемъ, пока намъ блескъ его
Лучъ случая откроетъ. Большинство

Людей проходитъ вяло мимо жизни;
Безкровные, дѣйствительность они,
Какъ призраки, скитаясь, презираютъ;
Идутъ отъ поколѣнья къ поколѣнью,
Минуя красоту различныхъ красокъ,
Ихъ яркую, цвѣтущую игру,
Минуя бурь души святыя муки;
Не слыша, внемлютъ и глядятъ, не видя,
И жизнь безъ смысла поглощаетъ ихъ.
И только изрѣдка является имъ то,
Что милостью зовется—Покаянье,
Священное и истинное, то,
Котораго, какъ высшій даръ, мы ищемъ
Великаго искусства и познанья.
И святость очищенія для нихъ
Такое же цѣлебное лекарство,
Какъ и для насъ—единство жизни всей.

Моска (зоветъ къ двери). Скорѣй, мадонна, подойдите къ двери!
Они какъ разъ проходятъ мимо сада.

Кардиналъ (опирается на Корбаччіо). Пойдемъ, дитя.

Андреа (на вопросительной взглядъ Арлетты). Идите, я за вами.

СЦЕНА IX.

Андреа, Фантазіо. На террасѣ видны Арлетта, кардиналъ, Корбаччіо и др.

Андреа (останавливаетъ Фантазіо, который направился было въ садъ).
Останься, другъ. Ты долженъ мнѣ отвѣтить
Правдиво на одинъ вопросъ, который
Сейчасъ тебѣ задать я попытаюсь.
Ты говоришь, тебѣ въ твоемъ искусствѣ
(медленно, ищетъ словъ) Случалось такъ, что иногда слова
Обычныя изъ рѣчи повседневной
Въ душѣ внезапнымъ свѣтомъ загорятся,
Когда отъ нихъ уходитъ обыденность,
И оживаетъ смыслъ, присущій имъ.

Фантазіо. Да, это такъ. Но не отъ насъ зависитъ,
Чтобъ ожилъ онъ.

Андреа. Конечно. Но скажи:
Не можетъ развѣ такъ случиться, чтобы
Намъ старое вдругъ новымъ показалось?
И развѣ невозможно, чтобы мы,
Какъ дѣти, развитыя не по лѣтамъ,
И видя, все-жъ не видѣли-бъ себя?
И заблужденіемъ, несознаннымъ дотолѣ,

Гордились бы,—и только поздно, поздно
Страданіемъ за это заплатили?

Фантазіо. Возможно, да. Вѣдь «опытностью» то
Обыкновенно люди называютъ,
Что у другихъ подмѣтить мы умѣемъ,—
Не у себя.

Андреа. Такъ случаю мы можемъ
Довѣриться, внезапному прозрѣнью,
Какъ молніи, блеснувшей намъ во тьмѣ?

Фантазіо. Обречены мы случаю отдаться:
Намъ уловить причины не дано!
И только случай, случай насъ питаетъ,
И только онъ доступенъ человѣку!

Андреа (вполголоса). О, молнія, которая сегодня
Ее мнѣ указала, какъ тогда,
На яхтѣ... въ бурю... всю въ его объятьяхъ...
Въ ея лицѣ, опущенномъ къ землѣ,
Сознательность созрѣвшая таится...
Что—сознано, не сознано въ душѣ?
Сознательность возможна лишь въ мгновеньи,
А впереди и позади—незнанье
И каждый—рабъ мгновенья. Лишь теперь,
Сегодня, здѣсь—лишь это не обманетъ!
И такъ со мной!.. не менѣе и съ ней...
И странно: я объ этомъ никогда
Не думалъ, кажется...
(Пауза). Того, что мучитъ
Меня—ужели ты не угадалъ?

Фантазіо (бережно, но видимо зная). Ужъ вѣры нѣтъ, но есть желанье вѣрить.
Еще тебя въ своихъ оковахъ держатъ
Обманчивыя муки. Мы не любимъ
Смотрѣть на мертвое; что̀ намъ любовно
Довѣрилось и долго украшало
Намъ жизнь, того мы не хотимъ отдать
Могилѣ, хоть оно уже не наше.

Андреа. Довѣрилось любовно... украшало...
Привычка это,—значитъ, также ложь,—
Которая такъ любитъ пріукрасить
Черты любимыя. Вотъ выводы мои:
Когда съ очей привычная повязка
Спадаетъ сразу, и онѣ навстрѣчу
Дѣйствительности рѣжущей открыты,
Становится «сегодня» оголеннымъ—

И со «вчера» румяна исчезаютъ.
Жить безъ завѣсъ, съ душой, открытой мукамъ,
Страдать отъ каждаго блеснувшаго луча,
Отъ звука голоса!
О, если бы сейчасъ
Вернулись мнѣ былыя настроенья,
Сплотились бы, и сильною опять
Мнѣ душу сдѣлали.
Намъ нужно не видаться;
Не видѣть, что другой живетъ спокойно,
Когда у насъ, у каждаго изъ насъ
Былыя чувства тихо умираютъ
И нѣжной горечью сердца трепещутъ...
Невыносимъ звукъ голоса тогда,
Мучительной становится улыбка,
И лишь конецъ поспѣшный, онъ одинъ
Всѣ эти муки сразу прерываетъ.

Арлетта (въ двери, потомъ совсѣмъ входитъ).
Ты не идешь, такъ я пришла сюда.

Андреа. Фантазіо, прости меня: оставь насъ.
(Знакомъ приглашаетъ Арлетту сѣсть).

СЦЕНА X.

(Андреа, Арлетта. Онъ медленно ходитъ взадъ и впередъ. Наконецъ, останавливается передъ ней, говоритъ тихо, съ сдерживаемой горячностью).

Андреа. Арлетта, знаю я, что ты меня
Обманываешь,—тайно и трусливо,
Какъ дѣвка жалкая.
(Пауза) То, что случилось,
Такъ низменно, такъ обыденно-пошло,
Такъ лишено и прелести, и красокъ,
Что я его безмѣрную безвкусность
Охотно уступаю. Лишь понять,
Понять все это я хотѣлъ бы только.
(Пауза. Съ дѣланнымъ презрѣніемъ).
Ты не повинна въ томъ, что я страдаю
И въ жалкомъ заблужденіи моемъ;
Мнѣ не за что тебя съ негодованьемъ
Отталкивать... Ты не повинна въ этомъ.
Ты не могла, не сдѣлала мнѣ больно.
(Послѣ паузы, все горячѣе). Скрывать, жалѣть о чемъ-нибудь—не нужно,
Лишь разсказать должна ты все мнѣ... все.

Но одного, боюсь, мнѣ не понять:
Зачѣмъ *его*... да... именно *его*...
Арлетта. Такъ перестань, я все тебѣ скажу.
Андреа (отступая назадъ). Молчи! Молчи! Мнѣ кажется, что я
Не вынесу. Мнѣ кажется, что слушать
Не нужно мнѣ уже. Все, все мнѣ ясно
И ясности не надо портить мнѣ.
Не то пришлось бы мнѣ тебя ударить,
Кричать, въ безумьи, въ опьянѣньи кровью!
Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! Это было-бъ ложью
И искаженіемъ, самообманомъ;
То, что переживаю я теперь,
Такъ холодно, такъ ясно и такъ мудро!
(Пауза. Гнѣвно, съ горечью). Едва узналъ я, что тобой обманутъ,
Тотчасъ же мнѣ предсталъ твой образъ новымъ,
Украшеннымъ печальной красотой
И связаннымъ съ какой-то сладкой грустью.
Что для меня сегодня боль тупая,—
Отрадою воспоминанья будетъ.
И многіе часы, когда меня
Ты лживыми руками обнимала,—
Мгновенія, прошедшія безслѣдно,—
Когда-нибудь онѣ въ душѣ моей,
Слезою состраданья просвѣтленной,
Волнующею грезой затрепещутъ.
Теперь я слушаю: такъ страшно-больно
Почувствовать, какая безконечность
Всегда между людьми, и какъ различны,
До ужаса различны наши души;
Да, говори: что̀ можешь ты сказать,
То огорчить меня уже не можетъ.
Скажи, какъ началось, какъ вышло это?
Онъ взялъ тебя, сама-ль ты предложила
Себя ему?
Арлетта. Какъ началось, спросилъ ты?
Но было лишь начало, это—все...
Вчера...
Андреа (почти съ крикомъ). Вчера?
Арлетта (высвобождаясь) Пусти же!
Андреа. Дальше! дальше!
Арлетта. Не знаю я сама... Да перестань же!
Мнѣ больно такъ. И отпусти меня.
Андреа. Ты все разскажешь!
Арлетта. Я не понимаю,

Что такъ тебя разгнѣвало сейчасъ?
Мнѣ страшно.

Андреа (вполголоса). О, какая это мука!
То самое *вчера*! Его дыханье,
Его сырой и мягкій, душный вечеръ,
Еще теперь я чувствую такъ живо!
(Очень горячо, наклонившись надъ нею)
Тамъ... было. Тамъ! Скажи же: да!
Я не былъ дома. Садъ былъ въ голубомъ
Сіяньи весь. Цвѣты благоухали...
И ключъ звенѣлъ... и мотыльки порхали...

Арлетта (оглядывается вокругъ, точно ищетъ).
Да, такъ... но садъ... и домъ былъ не такимъ
И все... совсѣмъ... другой имѣло видъ.

Андреа. Тѣснило небо, пригнетало книзу,
Вечерній воздухъ колебалъ жасминъ,
И всѣ цвѣты, обвѣянные грезой,
Къ землѣ пригнулись...

Арлетта. Да, все это было...
Но какъ же это... все теперь глядитъ
Такимъ далекимъ, непонятно-чуждымъ.
Да, было все... Но было и другое,
Гораздо большее, чѣмъ ты сказалъ:
То странное, загадочное «нѣчто»,
То колдовство, котораго сегодня
Не нахожу я... нѣтъ его теперь.
Чѣмъ больше ты мнѣ задаешь вопросовъ,
Тѣмъ все смутнѣй становится мнѣ это.
(Закрываетъ глаза). Разсказывать меня не заставляй
Того, что мнѣ теперь такъ непонятно!
Позволь остаться мнѣ! Забудь «вчера»
И пусть опять идутъ и ночь, и день
Ему во слѣдъ...

Андреа (съ спокойной серьезностью). То, бывшее «вчера»
Слилось съ тобой, съ твоей душой такъ тѣсно
И ни стереть, ни позабыть его
Не можешь ты. Съ тѣхъ поръ, какъ знаемъ мы,
Что это *было—есть* оно всегда.
Обнявъ тебя, я всякій разъ сжималъ бы
Въ объятіи и *это*. И въ дыханьи
Твоихъ волосъ вдыхалъ бы *это* я.
Вчера, сегодня—праздныя слова.
Что было, то живетъ всегда.

(Пауза) Спокойно

Другъ съ другомъ мы разстанемся теперь,
Спокойно же и встрѣтимся, быть можетъ.
Что обманула ты мою любовь,
Отъ этого едва печаль осталась.
Но есть одно, чего я не прощу
Тебѣ всю жизнь: ты загрязнила мнѣ
Прекрасное и свѣтлое былое!
(Загораясь) Дань грязи—заплатила даже ты!

(Дѣлаетъ ей знакъ уйти. Она медленно уходитъ черезъ дверь справа. Онъ долго смотритъ ей вслѣдъ. Его голось дрожитъ и борется съ готовыми хлынуть слезами).

Такъ хорошо душой постигъ я женъ невѣрныхъ,
Какъ будто въ душу имъ умѣлъ я заглянуть.
Читаю въ ихъ глазахъ желаніе отдаться,
Въ побѣдѣ опьянѣть, въ запретномъ утонуть...
Къ игрѣ безпечной страсть, желанье все извѣдать,
Проникнуть, пережить, изранить, обмануть...
Я вижу ихъ улыбку,
(сдерживаетъ себя), безумныя рыданья
И тайныя исканья, томленье безъ конца.
Я знаю, гонитъ ихъ къ рѣшеніямъ безумнымъ
Потребность мучить, мучить, закрывъ на все глаза.
И всякое «сегодня» онѣ легко хоронятъ
Для всякаго «вчера». И даже убивая,
Не чувствуютъ...

(Рѣчь прерывается слезами).

Занавѣсъ.

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

(Н. ЩЕДРИНЪ).

(Опытъ литературной характеристики).

(*Продолженіе* *).

XVII.

Возобновленіе литературной дѣятельности. — „Губернскіе очерки". — Галлерея типовъ старой и новой бюрократіи.

По возвращеніи въ Петербургъ Салтыковъ, сначала (12-го февраля 1856 г.) причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ, вскорѣ (20-го іюня) былъ назначенъ въ томъ же министерствѣ исправляющимъ должность чиновника особыхъ порученій VI класса. Къ этому же году относится и женитьба его на Е. А. Болтиной.

Полный недовѣрія къ собственнымъ силамъ, онъ возвращался изъ ссылки въ столицу съ тяжелымъ чувствомъ «сознанія», что душа его «огрубѣла, а въ сердцѣ царствуетъ преступная вялость. «Какъ выздоравливающій больной,—писалъ онъ,—я ощущаю, что мнѣ сильный моціонъ еще не по силамъ, что одно желаніе моціона порождаетъ уже разслабленіе и усталость» *).

Въ такомъ настроеніи онъ едва ли могъ привезти съ собой въ столицу какіе-либо литературные планы. Если же тѣмъ не менѣе онъ въ этомъ же, 1856, году возвращается къ литературной работѣ, то подвинули его къ ней соображенія главнымъ образомъ чисто матеріальнаго свойства. Дѣло въ томъ, что, какъ разсказываетъ д-ръ Бѣлоголовый, бракъ Михаила Евграфовича съ Е. А. Болтиной состоялся помимо желанія его матери, которая разсердилась на сына и въ наказаніе, вмѣсто того, чтобы прибавить, убавила субсидію, присылавшуюся изъ дома на прожитіе. Жалованья для сносной жизни въ Петербургѣ вдвоемъ не хватало, и вотъ Салтыковъ снова усѣлся за работу, для которой Вятка, сблизившая его съ жизнью, предоставила ему богатѣйшіе матеріалы.

Салтыковъ разсказывалъ Л. Ѳ. Пантелѣеву, что, окончивъ писать

---

*) См. „Міръ Божій, № 5, май 1904 г.

**) „Губернскіе очерки", т. I, стр. 676.

«Губернскіе очерки» *), онъ прежде всего далъ ихъ прочитать А. В. Дружинину. Отзывъ Дружинина былъ самый благопріятный: «вотъ вы стали на настоящую дорогу,—это совсѣмъ не похоже на то, что писали прежде». Черезъ Дружинина рукопись была передана Тургеневу, который высказалъ мнѣніе, прямо противоположное первому: «это совсѣмъ не литература, а чортъ знаетъ что такое!» Вслѣдствіе такого отношенія къ «Губернскимъ очеркамъ» со стороны Тургенева, Некрасовъ отказался принять ихъ въ «Современникъ», хотя отчасти тутъ играли роль и цензурныя соображенія. Въ Петербургѣ провести ихъ почти не представлялось возможнымъ. Выручилъ судьбу «Губернскихъ очерковъ» В. П. Безобразовъ, товарищъ Салтыкова по лицею и очень близкій въ то время къ нему человѣкъ. Безобразовъ высоко цѣнилъ «Губернскіе очерки» и, участвуя въ начинавшемся тогда «Русскомъ Вѣстникѣ», переслалъ ихъ М. Н. Каткову. Послѣдній сразу понялъ выдающееся значеніе «Губернскихъ очерковъ» и съ радостью согласился напечатать ихъ въ своемъ журналѣ. Безъ цензора Крузе, однако, первое крупное произведеніе Салтыкова не скоро увидало бы свѣтъ, хотя съ треть все-таки было выкинуто **).

Хотя «Губернскіе очерки» и обязаны своимъ появленіемъ, какъ мы упомянули выше, мотивамъ не литературнаго характера, но, разъ взявшись за дѣло, Салтыковъ отдался ему со всею страстностью своего темперамента. Подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ картинъ вятской жизни, послужившихъ ему прототипами для художественнаго воспроизведенія крутогорскихъ нравовъ, онъ относится къ героямъ своихъ «Очерковъ» такъ, какъ будто бы они были и въ самомъ дѣлѣ людьми живыми, облеченными и плотью, и властью. Въ моихъ «Богомольцахъ»,—писалъ онъ 23-го августа 1857 г. И. В. Павлову,—есть типъ губернатора, похожаго на орловскаго. Ты представь себѣ эту.... морду, которая лаконически произноситъ: «постараемся развить» (NB. т.-е. развить промышленность края. Вл. Кр.), и напиши мнѣ,—не чесались ли у тебя руки искровенить это гнусное отребье?..» ***).

Читающая публика встрѣтила «Губернскіе очерки» съ восторгомъ. «Не было,—вспоминаетъ И. А. Саловъ ****),—ни одного дома, гдѣ-бы вы не

*) Рѣчь идетъ, конечно, объ отдѣльныхъ разсказахъ, составляющихъ „Губернскіе очерки", которые, какъ извѣстно, писались и печатались частями въ теченіи 1856—57 годовъ. Вл. Кр.

**) „Изъ воспоминаній о М. Е. Салтыковѣ" Л. Пантелѣева. „Сынъ Отечества" 1899 г. Здѣсь же, со словъ сатирика, г. Пантелѣевъ разсказываетъ, что по выходѣ „Губернскихъ очерковъ" въ свѣтъ, когда Салтыковъ возвратился въ Петербургъ изъ поѣздки въ Москву, однимъ изъ первыхъ пріѣхалъ къ нему съ визитомъ Некрасовъ. Онъ выразилъ крайнее сожалѣніе, что, положившись на отзывъ Тургенева, не далъ мѣста „Губернскимъ очеркамъ" въ „Современникѣ", въ которомъ и предложилъ ему теперь сотрудничать.

***) „На зарѣ крестьянской свободы" R. „Русская Старина" 1897 г., ноябрь.

****) „Умчавшіеся годы". „Русская мысль", 1897 г. № IX.

встрѣтили «Русскаго Вѣстника». Выхода книжки ждали съ нетерпѣніемъ, а болѣе рьяные читатели буквально осаждали книжные магазины Базунова и Глазунова». И только что «Очерки» закончились печатаніемъ въ 1857 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», какъ въ томъ же году выдержали два отдѣльныхъ изданія *). «Современникъ» въ томъ же году посвятилъ «Губернскимъ очеркамъ» двѣ большихъ статьи, изъ которыхъ первая (въ № 6-мъ журнала) принадлежала Чернышевскому, вторая (№ 12)—Добролюбову.

Чернышевскій не только считаетъ «эту благородную и превосходную книгу» прекраснымъ литературнымъ явленіемъ, но относитъ ее къ числу «историческихъ фактовъ русской жизни». «Какъ бы ни были высоки тѣ похвалы его таланту и знанію, его честности и проницательности, которыми поспѣшатъ прославлять его наши собратья по журналистикѣ, мы впередъ говоримъ,—заканчиваетъ свою статью Чернышевскій,—что всѣ эти похвалы не будутъ превышать достоинствъ книги, имъ написанной».

Прежде чѣмъ придти къ такимъ лестнымъ для писателя заключеніямъ, Чернышевскій подвергъ «Губернскіе очерки» очень серьезному испытанію, которое «надворный совѣтникъ Щедринъ» выдержалъ блистательно. «Никто,— пишетъ Чернышевскій,—не каралъ нашихъ общественныхъ пороковъ словомъ, болѣе горькимъ, не выставлялъ передъ нами нашихъ общественныхъ язвъ съ бо̀льшею безпощадностью. У него нѣтъ ни одного веселаго или легкаго выраженія, не только очерка,—у него нѣтъ не только цѣлаго разсказа, похожаго на «Коляску», или на «Тяжбу», или на «Лакейскую» Гоголя,—нѣтъ двухъ строкъ, которыя бы ни были пропитаны грустнымъ чувствомъ. Онъ писатель, по преимуществу грустный и негодующій. Если кто изъ нашихъ беллетристовъ, то, конечно, онъ, приводитъ васъ къ самымъ тяжелымъ мыслямъ, къ самымъ безотраднымъ заключеніямъ», и тѣмъ не менѣе въ толпѣ выведенныхъ Щедринымъ типовъ «вы откроете подлѣ дурныхъ качествъ и нѣкоторыя черты, примиряющія васъ съ личностью». Словомъ, «испытаніе», произведенное критикомъ, показало, что «Губернскіе очерки» вовсе не задаются цѣлью обличать дурныхъ чиновниковъ, а являются правдивой художественной картиной среды, въ которой заклейменныя сатирикомъ отношенія не только возможны, но даже необходимы.

Критикъ, дѣйствительно, отмѣтилъ самую существенную сторону «Губернскихъ очерковъ», и намъ остается развѣ подчеркнуть замѣча-

*) Между прочимъ, фактъ, что „Губернскіе очерки“ извѣстны намъ далеко не въ первоначальномъ ихъ видѣ, подтверждается также И. А. Саловымъ. Онъ удостовѣряетъ именно, что многое изъ написаннаго Щедринымъ либо совсѣмъ выбрасывалось, либо исправлялось, потому что авторъ не стѣснялся въ выраженіяхъ.

ніе Чернышевскаго и лишь нѣсколько видоизмѣнить его. Мы сказали бы именно, что въ «Очеркахъ», подъ прозрачнымъ псевдонимомъ «надворнаго совѣтника Щедрина», намъ ясно виденъ самъ авторъ, *надворный совѣтникъ* Салтыковъ (таковъ именно и былъ чинъ автора въ это время), который клеймилъ своей сатирой не столько знакомый ему близко міръ чиновниковъ, сколько ту загадачную среду—русское общество,—которая отдала этому чиновничеству въ безконтрольное разпоряженіе всю полноту власти, вплоть до самовластія. Восемь лѣтъ службы въ Вяткѣ раскрыли Салтыкову психологію чиновничьяго мірка ничѣмъ, кромѣ избытка власти, не отличающагося отъ всего прочаго обывательскаго міра, но психологія обывателя осталась для него непонятной, загадачной. И съ этой точки зрѣнія содержаніе «Губернскихъ очерковъ» вполнѣ точно опредѣляется устами одного изъ многихъ «дѣятелей» Крутогорска, полицейскаго чиновника Михаила Трофимовича, который считалъ себя въ правѣ обращаться къ депутату отъ мѣщанъ Голенкову съ слѣдующими, преисполненными уничтожающаго высокомѣрія словами: «А оттого всѣ эти мерзости, что вы сами, скоты, все это терпите; кабы вы разумѣли, что подлецъ — подлецъ и и есть, что его подлецомъ называть надо, такъ не смѣлъ бы онъ рожу-то свою мерзкую на свѣтъ Божій казать. А то и того то вы, бараны, не разумѣете, что не вы для *него* тутъ живете, чтобы брюхо его богомерзкое набивать, а *онъ* для васъ отъ правительства поставленъ, чтобы вамъ хорошо было» *).

Намъ могутъ возразить, конечно, что слова полицейскаго чиновника, выведеннаго къ тому же въ сатирѣ въ качествѣ одного изъ отрицательныхъ типовъ Крутогорска, нельзя приписывать самому сатирику. Мы и не приписываемъ. Мы сравниваемъ тонъ и содержаніе рѣчей Михаила Трофимовича съ тономъ и содержаніемъ «Губернскихъ очерковъ» и находимъ въ нихъ сходство. Салтыковъ очень убѣдительно, съ тонкимъ, можно даже сказать, съ совершеннымъ знаніемъ изображенной среды доказалъ читателю, что «подлецъ—подлецъ и есть». Но онъ очень хорошо постигъ всю психологію этого «подлеца» (въ этомъ достоинство и сила «очерковъ»), а понять—значитъ, если не простить, то во всякомъ случаѣ объяснить законность, необходимость явленія. Такъ вотъ законность Фейеровъ и имъ подобныхъ Салтыковъ выяснилъ въ своихъ «очеркахъ», но въ оцѣнкѣ создавшей ихъ обстановки не только сравнялся съ высокомѣрнымъ Михаиломъ Трофимовичемъ, но даже обогналъ его. Мы имѣемъ въ виду извѣстную экскурсію сатирика въ область исторіи Глупова, которую онъ предпринялъ нѣсколько позже очерковъ, а именно въ 1861 г. «У Глуповъ—начинаетъ сатирикъ эту экскурсію,—нѣтъ исторіи. Всякая вещь имѣетъ свою исторію; даже старый губернаторскій вицмундиръ имѣетъ

*) „Губернскіе очерки", т. I, стр. 407.

свою исторію («а помните, какъ на обѣдѣ у городского судьи его превосходительству вицмундиръ соусомъ облили?» — любятъ вопрошать другъ друга глуповцы), а у Глупова нѣтъ исторіи». Дальше оказывается, что у Глупова все-таки есть исторія и даже очень странная исторія. Оказывается именно, что наѣзжала какъ-то въ Глуповъ Минерва и спрашивала глуповцевъ объ ихъ желаніяхъ. «Но глуповцы кланялись и потѣли». «Скажите же, что жъ вы хотѣли бы?» — настаивала Минерва и топнула даже ножкой отъ нетерпѣнія. Но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда, Богъ-вѣсть откуда раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: «лихо бы теперь соснуть было!» Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться Иванушка-дурачокъ, когда ему кукишъ показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами» *).

Глуповецъ, стало быть не только «терпитъ», какъ думаетъ Михаилъ Трофимовичъ, но даже, какъ думаетъ Салтыковъ, не желаетъ измѣнить свою обстановку, несмотря на любезную настойчивость Минервы, располагающей сдѣлать все, по его глуповскому желанію. И лишь значительно позже сатирикъ придетъ къ сознанію, что сообщаемый имъ «историческій» эпизодъ никогда не могъ имѣть мѣста въ исторіи Глупова, что, Минерва не только не справлялась у глуповцевъ о ихъ желаніяхъ, но напротивъ, всю свою мудрость, все искусство, всѣ свои огромныя, начиная съ прекрасной организаціи, средства направляла къ тому, чтобы глуповецъ только потѣлъ, но не высказывался.

Любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что первый критикъ «Губернскихъ очерковъ» оказался, по чуткости къ новымъ явленіямъ, ниже сатирика. Всячески защищая крутогорскихъ чиновниковъ отъ возможныхъ обвиненій въ томъ, что они будто бы по своимъ душевнымъ качествамъ въ чемъ-нибудь уступаютъ среднему обывателю, Чернышевскій исключаетъ, однако, «озорниковъ». «Этихъ людей—говоритъ онъ,—защищать нельзя». Критику прямо-таки ненавистенъ этотъ «безъимянный господинъ, элегантный и просвѣщенный», который выступаетъ въ очеркѣ со своимъ озорнымъ монологомъ-признаніемъ. «Гнуснѣе этого человѣка читатель не находитъ во всей книгѣ Щедрина», замѣчаетъ Чернышевскій, не подозрѣвая, что и этотъ новый типъ не меньше, чѣмъ старый, органически связанъ со средой. Выходитъ какъ будто бы, что среда подготовила и создала почву для дѣятельности чиновниковъ только дореформеннаго быта, для всѣхъ этихъ подьячихъ, Фейеровъ, Иванъ Петровичей и проч. Что же касается чиновниковъ новаго типа, обнаружившагося на зарѣ реформъ, то эти люди уже не находили для себя у критика никакого объясненія. Потому что «озорники», какъ это и было выяснено

*) „Сатиры въ прозѣ". т 2, стр. 647.

позднѣйшей критикой, были именно бюрократы новаго типа, новой школы, обликъ которыхъ сатирикъ могъ набросать въ «Губернскихъ очеркахъ» только эскизно, бѣглыми штрихами, но которымъ впослѣдствіи онъ посвятилъ десять лѣтъ работы, изучая и зарисовывая ихъ съ 1863 по 1873 годъ въ статьяхъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «Помпадуровъ и помпадуршъ».

«Озорникъ» это уже не тотъ дореформенный чиновникъ, котораго обыватель считалъ своимъ долгомъ помянуть, какъ, напримѣръ, Фейера, добромъ. Поэтому что ему «хочь и предписано», но если онъ видитъ, что обывателю и впрямь тѣсно, «такъ и въ предписаніи-то отыщетъ такую мяготь, что все пойдетъ какъ будто попрежнему». «Озорникъ»—не чиновникъ, онъ—администраторъ, совсѣмъ не желающій считаться съ вопросомъ, насколько тѣсно приходится обывателю отъ его распоряженій, которыя имѣютъ въ виду вовсе не обывательскіе интересы, а пользы и нужды всего государства.

«— Пришелъ ко мнѣ мужикъ,—разсказываетъ «озорникъ»,—и говоритъ, чтобы я вошелъ въ его положеніе. «У тебя, братецъ, свое тамъ начальство есть,—отвѣчаю я ему:—сходъ тамъ, что ли, голова, писаря».—Tout cela est fait pour leur bien. Что жъ бы вы думали? Повалился ко мнѣ въ ноги, цѣлуетъ ихъ, плачетъ,—даже совѣстно, parce que c'est un homme pourtant! «Вездѣ, говоритъ, былъ; на васъ только и надежда; нигдѣ суда нѣтъ!» Вотъ, видите ли, онъ даже не понимаетъ, что я не для этого тутъ сижу, чтобъ ихнія эти мелкія дрязги разбирать! Мое дѣло управлять ими, проекты сочинять, pour leur bien, наблюдать, чтобъ эта машина какъ-нибудь не соскочила съ рельсовъ—вотъ моя административная миссія. А какая же мнѣ надобность, что тамъ Кузька или Прошка пойдетъ въ рекруты? Развѣ для государства это не все равно, je vous demande un peu!» *).

Вооруженный такой теоріей, «озорникъ» совершенно неуязвимъ въ смыслѣ внѣшней чиновничьей порядочности. Воспитанный comme il faut, привыкшій къ комфорту, онъ требуетъ, чтобы само государство озаботилось удовлетвореніемъ всѣхъ его изысканныхъ потребностей и вкусовъ. Не станетъ же онъ мужика «собственными руками обдирать... фи!» И онъ не только не беретъ взятокъ самъ, но и вообще не оправдываетъ этого: «c'est vilain, il n'y a rien à dire». Но взятки все-таки существуютъ, ихъ берутъ,—почему?—задаетъ онъ самъ себѣ вопросъ и отвѣчаетъ совершенно въ духѣ Михаила Трофимовича, который былъ тоже изъ новыхъ, изъ «озорныхъ». «Не потому ли—отвѣчаетъ онъ,—что чиновникъ все-таки высшій организмъ относительно всей этой массы? Вѣдь какъ вы себѣ хотите, а если бы было въ ней что-нибудь живое, состоятельное, то не могли бы существовать и производить фуроръ наши пріятные знакомцы: Фейеръ, Техоцкіе и проч., и проч.»

Изъ представленія о косности массы вполнѣ естественно вытекаетъ

*) „Губернскіе очерки", т. I, стр. 418.

желаніе опекать ее, и здѣсь «озорникъ» прямо-таки безпощаденъ съ своей своеобразной логикой.

— Mais vous n'avez pas l'idée,—ужасается онъ,—какъ у нихъ все это тупо прививается. Вспомните, напримѣръ, про картофель. Согласитесь, что это въ крестьянскомъ быту подспорье! А коль скоро—подспорье, слѣдовательно, вещь полезная; а коль скоро это полезно, то надобно его вводить—est-ce clair, oui ou non? Et bien, je vous jure sur mes! grands dieux, у насъ было столько tracas съ этимъ картофелемъ Точно мы ихъ въ языческую вѣру обращали!» *).

Само собою разумѣется, что всѣ эти картофельные и многіе другіе «principes», съ которыми администраторы новаго типа выступили на арену общественной дѣятельности, проводились въ жизнь не ими. «Вы забыли, что отъ него (мужика) тамъ Богъ знаетъ чѣмъ пахнетъ... да и не хочу я совсѣмъ давать себѣ этотъ трудъ», говоритъ «озорникъ». И для того, чтобы дать ему возможность развернуть его административныя силы, русская бюрократическая среда выдвинула наканунѣ реформъ еще одинъ новый типъ—на все готоваго исполнителя, который въ «Губернскихъ очеркахъ» появляется въ легкихъ очертаніяхъ «надорваннаго», чтобы впослѣдствіи, на рубежѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ, вылиться въ совершенно законченную форму «ташкентца». Не оцѣнивъ общественнаго значенія «озорника», Чернышевскій не могъ, конечно, разобраться и въ «надорванныхъ». Онъ совсѣмъ промолчалъ о нихъ, хотя они вполнѣ вошли бы за общую скобку съ тѣми, «гнуснѣе которыхъ читатель не находитъ во всей книгѣ Щедрина».

О «надорванномъ» въ Крутогорскѣ говорятъ, какъ о «собакѣ», и онъ не только принимаетъ это прозвище, но нѣсколько даже гордится имъ. Одного начальническаго намека достаточно, чтобы «надорванный» впился когтями въ указаннаго ему субъекта. «Я,—разсказываетъ «надорванный»,—внезапно вхожу во всѣ виды моего начальника; взоръ мой дѣлается мутенъ, у рта показывается пѣна, и я грызу, грызу до тѣхъ поръ, пока самъ не упадаю отъ изнеможенія и бѣшенства». Всегда озлобленный, всегда готовый «бодро и злокачественно слѣдовать указанію» начальническаго перста, «надорванный» находитъ даже поэтическую сторону въ этомъ постоянномъ, неестественномъ напряженіи всѣхъ струнъ своего существа. Собственныхъ симпатій и антипатій, собственныхъ мнѣній и убѣжденій у него нѣтъ, да онъ самъ понимаетъ, что это и не нужно и даже вредило бы отчетливости и неукоснительности исполненія возлагаемыхъ на него порученій. «Однажды—говоритъ онъ—я какъ-то осмѣлился заикнуться передъ моимъ начальникомъ, что *по моему мнѣнію*... такъ онъ только поглядѣлъ на меня, и съ тѣхъ поръ я болѣе не заикался. И онъ былъ правъ» **)...

*) Ibid., стр. 423.
**) Ibid., стр. 426.

«Озорниками и надорванными» не ограничивается галлерея выведенныхъ въ «Губернскихъ очеркахъ» типовъ, которые выдвинуты были предъ-реформеннымъ временемъ. Здѣсь дана еще серія портретовъ «талантливыхъ натуръ», серія—по мнѣнію самого сатирика—не исчерпывающая предмета, но во всякомъ случаѣ очень цѣнная для характеристики общественнаго настроенія даннаго времени. Не даромъ же оцѣнкѣ этого типа главнымъ образомъ посвящена была вторая статья «Современника», написанная Добролюбовымъ.

Въ серію портретовъ талантливыхъ натуръ Салтыковъ привлекъ, вѣроятно, все, что только возвышалось такъ или иначе надъ сѣренькимъ обывателемъ Крутогорска, все, что могло предъявить ему хоть маленькую, но свою собственную мысль, свое собственное настроеніе. Этимъ немногочисленнымъ лучшимъ представителямъ крутогорскаго болота сатирикъ сдѣлалъ самый снисходительный смотръ и все же долженъ былъ поставить надъ нимъ крестъ.

«Талантливыхъ натуръ» писатель искалъ и нашелъ, конечно, только среди молодыхъ людей. «Старый, заиндивѣвшій чиновникъ или помѣщикъ не можетъ сдѣлаться Печоринымъ; онъ на жизнь смотритъ съ практической стороны, а на тернія или неудобства ея—какъ на неизбѣжныя и неисправимыя... Молодой человѣкъ, напротивъ того, начинаетъ уже понимать, что вокругъ него есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; онъ видитъ себя въ страшномъ противорѣчіи со всѣмъ окружающимъ; онъ хочетъ протестовать противъ этого, но, не обладая никакими живыми началами, необходимыми для примиренія, остается при одномъ зубоскальствѣ или псевдо-трагическомъ негодованіи» *). Безсильныя, или, точнѣе, обезсиленныя полной неприступностью крѣпости, бреши въ которой пробиты лишь въ ихъ сознаніи, слабовольныя, «талантливыя натуры» рѣшительно не въ состояніи куда-нибудь пристроить или приткнуть себя: «одни изъ нихъ занимаются тѣмъ, что ходятъ въ халатѣ по комнатѣ и отъ нечего дѣлать посвистываютъ; другіе проникаются желчью и дѣлаются губернскими мефистофелями; третьи барышничаютъ лошадьми или передергиваютъ въ карты; четвертые выпиваютъ огромное количество водки; пятые переваривають на досугѣ свое прошедшее и съ горя протестуютъ противъ настоящаго» (433). Салтыковъ даетъ въ «Губернскихъ очеркахъ» четыре разновидности этого типа (Корепановъ, Лузгинъ, Буеракинъ и Горехвостовъ), всѣхъ ихъ гложетъ «червякъ» протеста, для прямого и открытаго выраженія котораго у нихъ нѣтъ однако ни энергіи, ни мужества. Да и подумать только, какой героическій стоицизмъ требовался въ то время отъ человѣка, пытавшагося бороться съ чиновничьимъ самовластіемъ!

Среди множества фигурирующихъ въ «Губернскихъ очеркахъ» лицъ

*) Ibid., стр. 434.

разныхъ положеній и настроеній Салтыковъ могъ показать только одного протестанта. Это отставной титулярный совѣтникъ Перегоренскій, выступающій въ двухъ очеркахъ, причемъ въ послѣднемъ несчастный протестантъ сидитъ уже въ тюрьмѣ. Правда, и здѣсь онъ все еще взываетъ о защитѣ—«защиты невиннымъ! защиты угнетеннымъ!»—и здѣсь продолжаетъ онъ свои протесты и обличенія, «кляузы» и «ябеды» тожъ, пугая даже самого ревизора, «полегоньку щелкнувшаго его въ щеку», но ясно, что пѣсенка его уже спѣта, и не выбраться ему изъ узилища невредимымъ. Много лѣтъ спустя сатирикъ еще разъ вспоминаетъ этихъ злополучныхъ перегоренскихъ—«ябедниковъ», бывшихъ по словамъ безшабашнаго совѣтника Удава («За Рубежомъ»), «сосудамъ, въ которомъ общественная скорбь находила единственное убѣжище. За двугривенный человѣкъ рисковалъ, что его и въ бараній рогъ согнутъ, и туда зашвырнутъ, куда воронъ и костей не заносилъ! И сколько нужно было презрѣнія къ житейскимъ благамъ въ сердцѣ накопить, чтобы, несмотря ни на какія перспективы, въ столь опасномъ ремеслѣ упражненіе имѣть»!

Нечего и говорить, что съ такимъ опаснымъ и даже можно сказать героическимъ «ремесломъ» талантливыя натуры не имѣли ничего общаго, и протестъ ихъ не шелъ дальше болѣе и менѣе шумныхъ заявленій о собственномъ своемъ бездѣйствіи.

Таковы были наблюденія, вынесенныя сатирикомъ изъ крутогорскихъ канцелярій и гостиныхъ. Увѣренной рукою занесъ онъ эти наблюденія на бумагу, не только зарисовавъ типическія для того времени фигуры старыхъ отживающихъ свой срокъ приказныхъ, но намѣтивъ опредѣленные контуры только что выдвинутыхъ жизнью новыхъ администраторовъ и новыхъ же на все готовыхъ исполнителей ихъ предначертаній. Въ будущемъ ему остается лишь внимательно слѣдить за послѣдующими фазами ихъ развитія и дополнять и детализировать данныя характеристики.

XVIII.

Славянофильскія настроенія Салтыкова.—Отношеніе его къ народу.

Теперь посмотримъ, какія вѣсти принесъ съ собою сатирикъ изъ Крутогорска о тѣхъ, ради которыхъ собственно и хлопочутъ будто бы всѣ эти Порфиріи Петровичи, озорники, надорванные et tuti quanti.

Вятская губернія, снабдившая Салтыкова матеріалами для возобновленія литературной работы, не могла, какъ губернія не дворянская, дать писателю особенно цѣнныхъ фактовъ для изученія многообразныхъ сторонъ крѣпостныхъ отношеній.

Конечно, такъ какъ крѣпостной вопросъ становился мало-по-малу злобой дня, то онъ не могъ не найти себѣ отклика и въ «Губернскихъ очеркахъ», поскольку это допускалось тогдашней, особенно щепетильной къ данной темѣ цензурой. Но въ общемъ разбросанныя въ очер-

кахъ указанія на жестокость по отношенію къ дворовымъ и крестьянамъ и на разныя другія злоупотребленія помѣщичьей властью не представляютъ, какъ, впрочемъ, и всѣ другія относящіяся къ этому времени произведенія нашихъ беллетристовъ, ничего особенно яркаго или замѣтнаго. Гораздо значительнѣе другія наблюденія писателя, наблюденія, по поводу которыхъ Добролюбовъ, въ упомянутой выше статьѣ, сказалъ, что «въ массѣ народа имя г. Щедрина, когда оно сдѣлается тамъ извѣстнымъ, будетъ всегда произносимо съ уваженіемъ и благодарностью».

Раньше (въ гл. VI-й), касаясь дѣтскихъ лѣтъ жизни писателя, мы говорили уже о томъ, какъ, подъ вліяніемъ озарившаго Салтыкова-мальчика «просіянія», онъ съ удивительною чуткостью съумѣлъ подслушать и уловить проникновенную идеологію простого человѣка. Теперь случайныя встрѣчи съ богомольцами и странниками даютъ ему возможность провѣрить свои дѣтскія наблюденія и подкрѣпить ихъ новыми фактами изъ той же малодоступной для изученія области. Онъ въ толпѣ, собравшейся на богомолье. На улицѣ шумно и людно, несмотря на ранній часъ, когда «спятъ еще крутогорскіе чиновники, утомленные тянувшимся за полночь преферансомъ; спятъ негоціанты, угорѣвшіе отъ излишняго употребленія съ вечера водки и тенерифа; откупщикъ разметалъ на постели свое нѣжное тѣло»... Какой контрастъ между этими сонными и спящими привилегированными обывателями Крутогорска, съ одной стороны, и этой оживленной сѣрой толпой— съ другой! «Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого неудержимаго стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простого человѣка». Какой контрастъ, наконецъ, между этой молитвенно настроенной толпой и надменной генеральшей Дарьей Михайловной, все настроеніе которой опредѣляется ея же собственнымъ, по поводу церковнаго торжества, замѣчаніемъ: c'est joli, но ради которой, тѣмъ не менѣе, чтобы очистить ей мѣсто, оттѣсняютъ отъ святыни толпу. Или вотъ отставной солдатъ Пименовъ, пѣшкомъ пробирающійся къ святой горѣ. Пусть глумится надъ его наивными вѣрованіями полуграмотный писарь, но передъ авторомъ «ярко и осязательно выступаетъ всемогущее дѣйство вѣры, и подъ обаятельнымъ вліяніемъ этой юной и свѣжей народной силы внятною дѣлается для него скрижаль Божія».

Мы сдѣлали очень немного выписокъ изъ той части «Губернскихъ очерковъ», которая посвящена народной жизни, или, вѣрнѣе, народной психологіи. Но и это немногое довольно-таки недвусмысленно свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ пошелъ здѣсь нѣсколько дальше простого объективнаго изслѣдователя идеологическихъ построеній народа. Онъ какъ будто стремится ассимилировать себѣ народную идеологію,

противопоставивъ ей грубо-реалистическое существованіе другихъ слоевъ населенія. Словомъ, эти страницы очерковъ отдаютъ сильнымъ славянофильскимъ душкомъ. Не будемъ удивляться этому.

Мы знаемъ, что еще на зарѣ своей сознательной жизни онъ былъ далекъ отъ славянофильства. Позже, послѣ осуществленія крестьянской реформы, онъ сталъ однимъ изъ злѣйшихъ враговъ славянофильства. Въ общественныхъ хроникахъ, которыя онъ, подъ общимъ заглавіемъ «Наша общественная жизнь», велъ въ «Современникѣ» въ теченіе 1863 и 64 гг., онъ не разъ производилъ жестокіе набѣги на славянофиловъ, признавая ихъ вредными за то, что они не только не ставили вопросовъ, не только не освѣщали ихъ, но даже, напротивъ, запутывали ихъ своей реторикой и мистикой. «Все прошлое лѣто,—читаемъ мы въ сентябрьской хроникѣ «Современника» за 1863 г.,—я предавался усиленному чтенію «Дня», все лѣто старался проникнуть въ таинственный смыслъ загадокъ, печатаемыхъ на его страницахъ, и наконецъ таки проникнулъ. Я понялъ, во-первыхъ, что̀ такое «духъ жизни», и что такое «жизнь духа», и во-вторыхъ я понялъ, что формально нѣтъ никакой трудности говорить о предметахъ, вовсе не говоря объ нихъ». Такъ отзывался сатирикъ о славянофильствѣ и о его лейбъ-органѣ въ 1863 г. Но въ періодъ «Губернскихъ очерковъ» его настроеніе было совсѣмъ иное. Въ цитированномъ нами ваше письмѣ къ И. В. Павлову, которое было написано 23-го августа 1857 г., онъ высказывается по этому поводу съ опредѣленностью, не допускающею никакихъ сомнѣній. «Признаюсь—пишетъ онъ—я сильно гну въ сторону славянофиловъ и нахожу, что въ наши дни трудно держаться иного направленія. Въ немъ одномъ есть нѣчто, похожее на твердую почву, въ немъ одномъ есть залогъ здороваго развитія. Господи, что за пакость случилась надъ Россіей? Никогда-то она не жила своею жизнью: то татарскою, то нѣмецкою. Надо въ удѣльный періодъ залѣзать, чтобы найти какіе-нибудь признаки самостоятельности. А вѣдь куда это далеко; да, не отскоблишь слоевъ иноземной грязи, насѣвшей какъ грибы на русскаго человѣка. Думалось, мечталось о свободѣ русскаго человѣка, а гдѣ этотъ русскій человѣкъ, гдѣ было искать его образъ, какъ именно не въ удѣльномъ періодѣ, въ той уже покрытой мохомъ старинѣ, гдѣ уже два десятка лѣтъ неустанно производили свои изслѣдованія славянофилы» *).

Салтыковъ пошелъ здѣсь въ своемъ увлеченіи, быть можетъ, дальше другихъ, но въ это предъ-реформенное время славянофильство вообще привлекло къ себѣ всѣ симпатіи лучшихъ, прогрессивнѣйшихъ элементовъ русскаго общества. Реторическія упражненія на мистическія темы стали основнымъ фондомъ ихъ литературно-публицистической дѣятельности лишь впослѣдствіи, послѣ 1861 г.; теперь же оно шло впереди

*) „Русская Старина“ 1897 г., ноябрь.

даже западниковъ, выступивъ съ широкой практической програмой освободительной реформы, програмой, которую оно къ тому же съ огромной настойчивостью, несмотря на репрессіи, пыталось проводить не только словомъ, но и дѣломъ. Самаринъ близко сошелся съ Н. А. Милютинымъ и черезъ него проводилъ въ высшія сферы завѣтную мысль своего кружка объ освобожденіи крестьянъ съ землею и о сохраненіи общиннаго начала. Хомяковъ и Аксаковъ входили въ сношенія и вели переписку съ Гакстгаузеномъ, съ цѣлью получить отъ него самыя подробныя свѣдѣнія объ освобожденіи крестьянъ въ Германіи и Австріи. Вотъ почему въ 1855 г. Кавелинъ, обращаясь къ Погодину, писалъ о необходимости «всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи» забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, отставить «маленькія несогласія» въ образѣ мыслей на второй планъ, а «на первый—единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда» *). Въ майской книжкѣ «Современника» за 1856 г. Чернышевскій, привѣтствуя первую книжку славянофильскаго журнала «Русская Бесѣда», обращаетъ вниманіе на то, что если между этими двумя журналами и существуетъ разногласіе, то оно касается лишь вопросовъ «отвлеченныхъ или туманныхъ» или, наконецъ, такихъ, «которые могутъ быть очень важны для Германіи или для Франціи, но которымъ у насъ еще не пришло время». Но «какъ только рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ и та и другая сторона съ удовольствіемъ откажется, какъ скоро кѣмъ-нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ высказано болѣе здравое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же».

Идеализація народной массы, хотя и съ ослабленнымъ уже славянофильскимъ ароматомъ, замѣтна еще и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ Салтыкова, непосредственно слѣдующихъ за «Губернскими очерками». Такъ, въ «Невинныхъ разсказахъ» написанныхъ въ періодъ времени съ 1857 по 1863 г., онъ «несомнѣнно ощущаетъ», что въ его сердцѣ «таится невидимая, но горячая струя, которая безъ вѣдома для него самого, пріобщаетъ его къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни» **). Въ другомъ мѣстѣ, а именно въ одной изъ его общественныхъ хроникъ, которыя онъ велъ въ «Современникѣ», мы узнаемъ, что въ сущности вся наша историческая жизнь объясняется этимъ «вѣчно бьющимъ источникомъ»,—нравственной силой народа. «Это та самая сила, которая ничего не

*) Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, т. XIV, стр. 202.

**) Т. 3, стр, 531.

начинаетъ безъ толку и безъ нужды, это та сила, которая всякое начинаніе свое дѣлаетъ плодотворнымъ, претворяетъ въ плоть и кровь». Она нѣкогда, «не спросясь никого, выбросила изъ пучины» Кузьму Минина Сухорукова, она же именно создала крестьянскую реформу, и не только создала, но даже, несмотря на неблагопріятныя условія, «успѣла положить на реформу неизгладимое пятно свое». «И точно такое же явленіе—увѣряетъ писатель—произойдетъ и относительно другихъ реформъ» *).

На первый взглядъ могутъ показаться взаимно другъ друга исключающими взгляды сатирика, съ одной стороны, на народъ, съ его созидающей нравственной силой, а съ другой—на глуповцевъ, потѣющихъ передъ великодушной богиней. Но необходимо различать, что въ первомъ случаѣ писатель имѣетъ въ виду народъ исключительно какъ «крестьянскую массу» или, вѣрнѣе, какъ *идею* крестьянской массы, идею которая дальнѣйшимъ процессомъ мышленія возносится на степень идеала. Тогда какъ во второмъ случаѣ передъ взоромъ сатирика стояла разношерстная толпа, живая, дѣйствующая, и въ этомъ смыслѣ служащая непосредственнымъ объектомъ сатиры. Такое объясненіе принадлежитъ самому Салтыкову, который нѣсколько позже, въ 1871 г., и по другому случаю горячо защищалъ себя отъ обвиненія въ глумленіи надъ народомъ. «Мнѣ кажется,—говорилъ тогда сатирикъ въ частномъ письмѣ къ А. Н. Пыпину по поводу «Исторіи одного города»,—что въ словѣ «народъ» надо отличать два понятія: народъ историческій и народъ, представляющій собой извѣстную идею... Первому, выносящему на своихъ плечахъ Бородавкиныхъ, Бурчеевыхъ и т. п. я дѣйствительно, сочувствовать не могу. Второму я всегда сочувствовалъ, и всѣ мои сочиненія полны этимъ сочувствіемъ» **).

Къ фантастической и невѣроятной легендѣ о Минервѣ, которую сатирикъ создалъ въ 1861 г., онъ никогда уже больше не возвращался; точно также не возвращался и къ созданному имъ, подъ вліяніемъ славянофильскихъ симпатій, культу народной массы. Культъ смѣнился дѣятельнымъ «сочувствіемъ», а легенда о Минервѣ очень скоро уступила мѣсто правдивому изображенію народной психологіи, чуждой преувеличеній какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. Очень характерной въ этомъ смыслѣ народной сценкой открываетъ сатирикъ свою литературную дѣятельность въ 1862 г.

Дѣло происходитъ у паромной переправы. Начальство почему-то заблагоразсудило распорядиться, чтобы ни одна изъ плывущихъ по рѣкѣ барокъ и лодокъ не смѣла переплывать за паромный ходъ, пока не свалитъ весь народъ. Хотя распоряженіе это явно не заключало въ себѣ никакого смысла, однако и барки и лодки, безъ малѣйшихъ

*) „Современникъ“ 1863 г., № 5. „Наша общественная жизнь“.

**) А. Н. Пыпинъ „М. Е. Салтыковъ“. Спб. 1899 г.

попытокъ къ протесту, остановились и оцѣпенѣли, какъ очарованныя. Нашлась, однако, лодка, осмѣлившаяся нарушить нелѣпый приказъ. Начальство немедленно же откомандировало своего «дантиста» для преслѣдованія и наказанія ослушника. «До сихъ поръ,—замѣчаетъ сатирикъ,—все въ порядкѣ вещей», и онъ не остановился бы на такомъ обыденномъ фактѣ, «если бы рядомъ съ формальнымъ его проявленіемъ не раскрывался и внутренній его смыслъ, высказавшійся какъ въ положеніи, занятомъ преслѣдуемымъ, такъ и въ отношеніи къ нему толпы, тѣснившейся въ паромѣ».

Прежде всего сатирика поразилъ самъ протестантъ. Завидѣвъ «дантиста», онъ не сталъ въ оборонительное положеніе, не сдѣлалъ попытки бѣжать, наконецъ, а пересталъ грести и, сложивъ весла, ожидалъ. Сатирику показалось даже, что преслѣдуемый «заранѣе и инстиктивно далъ своему тѣлу наклонное положеніе, какъ бы защищаясь только отъ смертнаго боя». Конечно, дантистъ орломъ налетѣлъ на беззащитнаго «смѣльчака», и черезъ минуту воздухъ огласился душу раздирающими воплями.

«А толпа была весела, толпа развратно и подло хохотала. «Хорошéнь его! хорошéнь его!»—неистово гудѣла тысячеустая. «Накладывай ему, накладывай! Вотъ такъ, вотъ такъ!»—вторила она мѣрному хлопанью кулаковъ. Только одинъ нашелся честный старикъ, который не вытерпѣлъ и прошепталъ: «разбойники!»—но и тотъ, замѣтивъ, что я разслышалъ невольный его вздохъ, какъ-то измѣнился въ лицѣ и сталъ робко пробираться сквозь толпу на ту сторону парома».

Разсказавъ этотъ краснорѣчивый, самъ за себя говорящій эпизодъ, Салтыковъ считаетъ его такимъ огромнымъ и важнымъ, что затѣмъ, на нѣсколькихъ страницахъ, пытается «логически разобрать» его.

Начальство въ данномъ случаѣ его не интересуетъ. «Ни слова о дѣйствіи паромнаго начальства: оно поступило здѣсь... какъ бы потемнѣе выразиться?.. ну, да поступило по соображенію съ обстоятельствами дѣла и идеею собственнаго величія»... Мысль сатирика занята исключительно преслѣдуемымъ и толпой, трусливое, безсознательное и даже «развратное» отношеніе которыхъ къ силѣ поражаетъ его. Но и «логическій разборъ» факта не далъ писателю какого-нибудь яснаго опредѣленнаго результата.

«Глуповъ, милый Глуповъ!—съ горечью восклицаетъ сатирикъ:—отчего надрывается сердце, отчего болитъ душа при одномъ упоминовеніи твоего имени? Или есть невидимое, но крѣпкое нѣкоторое звено приковывающее мою судьбу къ твоей, или ты подбросилъ въ питье мое зелья, которое безвозвратно приворожило меня къ тебѣ? Кажется, и не пригожъ ты, и не слишкомъ уменъ; нѣтъ въ тебѣ ни природы могучей, ни воздуха вольнаго; нищета да убожество, да дикость да насиліе... плюнулъ бы и пошелъ прочь! Анъ нѣтъ... Странная какая-то творится тутъ штука: подойдешь къ тебѣ поближе, вкусишь отъ

винограда твоего—тошнитъ, чувствуешь, какъ въ явѣ дуракомъ дѣлаешься; уйдешь отъ тебя—плачешь: чувствуешь, что вдругъ становишься словно не самимъ собою!» *).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что отношеніе сатирика къ народу въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности еще только устанавливалось, подвергаясь въ короткіе промежутки времени существеннымъ колебаніямъ. Такимъ же болѣе или менѣе значительнымъ колебаніямъ подверглись въ этотъ періодъ и нѣкоторые другіе взгляды Салтыкова по вопросамъ переживавшей тогда серьезную ломку нашей общественности. Но прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ другихъ задачъ и вопросовъ, занимавшихъ въ то время сатирика, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ его чиновничьей карьерой, вплоть до ея конца, до 1868 г., къ какому времени естественно пріурочивается и конецъ второго періода его литературной дѣятельности, начавшагося съ «Губернскихъ очерковъ».

XIX.

Служебныя записки Салтыкова. — Проектъ земской организаціи. — Салтыковъ въ роли вице-губернатора.

5-го августа 1856 года Салтыковъ, въ качествѣ и. д. чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ командированъ въ губерніи Тверскую и Владимірскую, для обозрѣнія на мѣстѣ письменнаго дѣлопроизводства губернскихъ комитетовъ ополченія. Задача чисто канцелярскаго свойства. И сохранившаяся въ бумагахъ Салтыкова черновая рукопись обширной докладной записки по этому порученію представляетъ теперь интересъ развѣ въ одномъ отношеніи. Она показываетъ, что крутогорскія впечатлѣнія сатирика, послѣ знакомства съ двумя дворянскими губерніями, не только не могли ослабѣть, но, напротивъ, должны были усилиться и обостриться. Эти впечатлѣнія, кромѣ того, впервые должны были натолкнуть его на мысль о своемъ правѣ расширить предѣлы своей сатиры—о перенесеніи мѣста дѣйствія ея изъ Крутогорска въ Глуповъ, такъ какъ въ конечномъ итогѣ Глуповъ ничѣмъ отъ Крутогорска не отличался. Наконецъ, докладная записка Салтыкова убѣждаетъ насъ еще въ томъ, что сатира Щедрина отклоняется отъ дѣйствительности лишь постолько, поскольку такое отклоненіе вызывается самою сущностью художественнаго воспроизведенія жизни. Сопоставьте въ самомъ дѣлѣ, тѣ страницы щедринской сатиры, гдѣ онъ (въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» и «Въ средѣ умѣренности и аккуратности») рисуетъ «неслыханную оргію», въ которой, пользуясь военнымъ временемъ, всякій

---

*) „Современникъ“ 1862 г., № 2. То же въ „Полн. собраніе соч.“, т. 2, стр. 406—413.

кто могъ, старался «по силѣ возможности накласть въ загробокъ любезному отечеству», съ оффиціальной запиской Салтыкова, и вы убѣдитесь въ томъ, что сатира почти совпадаетъ съ ней. Губернаторы и предводители дворянства, чиновники и дворяне, военные и купцы, всѣ, какъ будто заранѣе сговорившись, составили одну дружную клику, спѣшившую, въ своекорыстныхъ интересахъ, использовать государственную невзгоду. Таково общее впечатлѣніе отъ докладной записки, несмотря на то, что она касалась лишь внѣшней канцелярской техники дѣла.

Минуя другія возлагавшіяся министерствомъ на Салтыкова въ это время порученія *), перейдемъ прямо къ его запискѣ «объ устройствѣ градскихъ и земскихъ полицій». Самъ авторъ очень дорожилъ этой запиской, какъ это видно изъ письма его къ И. В. Павлову отъ 15-го сентября 1857 года. Отвѣчая Павлову на его соображенія о взяточничествѣ, которое тотъ считалъ возможнымъ устранить единственно лишь путемъ узаконенія взятокъ (!), Салтыковъ возражаетъ: «ни жалованье, ни акциденціи въ этомъ дѣлѣ не помогутъ, потому что приказная утроба ненасытная. При томъ же правосудіе необходимо должно быть даровое. Это принципъ, освященный всѣми стоящими высоко государствами, и принципъ вполнѣ основательный. Есть одна штука (она же и единственная), которая можетъ истребить взяточничество, поселить правду въ судахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвысить народную нравственность. Это—*возвышеніе земскаго начала на счетъ бюрократическаго.* Я даже подалъ проектъ, какимъ образомъ устроить полицію на этомъ основаніи, но, къ сожалѣнію, у насъ все спитъ, а слѣдовательно, будетъ спать и мой проектъ до радостнаго утра. Да и то сказать, какое можетъ быть равенство, когда половина Россіи въ крѣпостномъ состояніи» **).

«Въ Россіи,—начинаетъ Салтыковъ свою записку,—*благотворное* дѣйствіе полиціи почти незамѣтно; что касается до ея злоупотребленій и сопряженныхъ съ всеобщимъ ущербомъ вмѣшательствъ въ частные интересы, то они не только замѣтны, но оставляютъ по себѣ

*) Изъ такихъ порученій извѣстны: составленіе свода распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, касающихся войны 1853—56 года; предположенія объ улучшеніи земскихъ повинностей; предположенія объ устройствѣ православныхъ церквей въ западномъ краѣ. По этому послѣднему вопросу Салтыковъ, въ представленной имъ запискѣ, проводилъ мысль, что увеличеніе числа храмовъ въ западномъ краѣ и приведеніе ихъ въ надлежащій видъ должно быть достигаемо при помощи добровольной подписки среди всего православнаго населенія Россіи, а отнюдь не путемъ понужденія къ этому помѣщиковъ западнаго края.

**) „Русская Старина“ 1897 г., ноябрь. Замѣтимъ кстати, что цитированнымъ письмомъ къ Павлову опредѣленно устанавливается и дата составленія докладной записки, которую К. К. Арсеньевъ нашелъ въ бумагахъ Салтыкова, безъ обозначенія года, къ какому она относится.

несомнѣнно весьма вредное впечатлѣніе. Въ провинціи существуетъ не *дѣйствіе*, а произволъ полицейской власти, совершенно убѣжденной, что не она существуетъ для народа, а народъ для нея». Салтыковъ подчеркиваетъ затѣмъ различіе между полиціей въ обширномъ смыслѣ, стремящейся подчинить себя всякое проявленіе жизни, и полиціей въ тѣсномъ смыслѣ, составляющей особую отрасль государственной администраціи и въ этой своей роли не заслоняющей собою самостоятельной дѣятельности гражданъ, особенно, если полицейскія функціи осуществляются самими же гражданами. Область полицейской власти расширяется тамъ, гдѣ господствуетъ централизація, съуживается тамъ, гдѣ преобладаетъ противоположное начало. Примѣромъ первой организаціи служитъ Франція, что «не помѣшало ей, однако же, въ теченіе 60 лѣтъ волноваться революціями»; напротивъ, въ Англіи, «гдѣ правительство ограничивается наблюденіемъ народной жизни, государственный организмъ развивается безъ всякихъ потрясеній». Симпатіи автора всецѣло на сторонѣ децентрализаціи, потому что «претензія подчинить всѣ мѣстности однимъ и тѣмъ же началамъ не значило ли бы то же, что уложить всѣ личности на Прокустово ложе?» Перечисляя невыгоды централизаціи, Салтыковъ, между прочимъ, указываетъ на обусловливаемое ею «существованіе массы чиновниковъ, чуждыхъ населенію и по духу и по стремленіямъ, не связанныхъ съ нимъ никакими общими интересами, безсильныхъ на добро, но въ области зла являющихся страшной, разъѣдающей силой!» Мы не можемъ прослѣдить систематически за всѣми высказанными въ обширной запискѣ соображеніями, а потому ограничимся лишь ея выводами. Въ критической части записки авторъ приходитъ къ заключенію, что если у насъ собственно нѣтъ децентрализаціи, то нѣтъ также истинной централизаціи, потому что послѣдняя предполагаетъ ясно сознанную государственную идею, а у насъ интересы государства непонятны не только для становыхъ приставовъ, но даже и для губернаторовъ. Въ частности о полиціи авторъ замѣчаетъ, что «настоящее положеніе полицейскаго управленія въ Россіи представляетъ поучительную, но крайне грустную картину. Это какое-то странное смѣшеніе произвола и дисциплины, хаоса и регламентаціи».

Въ положительной части записки Салтыковъ приходитъ къ заключенію о необходимости общаго переустройства губернской и уѣздной администраціи, но, оставаясь въ предѣлахъ возложенной на него задачи, онъ говоритъ болѣе подробно только о преобразованіи полиціи. Онъ предлагаетъ совершенно отдѣлить полицію исполнительную отъ судной и слѣдственной и передать первую въ вѣдѣніе земства. И такъ какъ о земствѣ, въ смыслѣ земскихъ учрежденій, въ то время (въ 1857 г.) еще не было и рѣчи, то Салтыковъ долженъ былъ создать свой собственный проектъ земской организаціи, которая ему представляется такъ. Образуется уѣздный земскій совѣтъ, изъ девяти членовъ: трехъ—

по выбору дворянства, трехъ—по выбору городского сословія, трехъ—по выбору казенныхъ крестьянъ. О помѣщичьихъ крестьянахъ, при существованіи крѣпостного права, упоминать, разумѣется, не приходилось. Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, долженъ былъ замѣнить всѣ существовавшія въ то время уѣздныя административныя учрежденія. Ему должно принадлежать обсужденіе всѣхъ мѣръ по общему управленію уѣздомъ и городомъ по устройству повинностей, развитію торговли и промышленности, по учрежденію школъ, охраненію тишины и спокойствія и т. д. Общее присутствіе совѣта созывается только нѣсколько разъ въ году, а въ остальное время совѣтъ дѣйствуетъ въ уменьшенномъ составѣ. Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ постановленія совѣта исполняются волостными и сельскими управленіями; въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и въ городахъ особыми полицейскими начальниками, избираемыми: въ уѣздѣ дворянами, въ городахъ—городскимъ обществомъ. Правительство, съ своей стороны, назначаетъ въ каждый уѣздъ стряпчаго и нѣсколькихъ его помощниковъ; первый присутствуетъ въ засѣданіяхъ совѣта послѣднія производятъ слѣдствія, при участіи депутата отъ сословія, къ которому принадлежитъ обвиняемый. По дѣламъ, касающимся интересовъ государства, голосъ стряпчаго обязателенъ для совѣта; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ его мнѣнія имѣютъ лишь «руководительное» значеніе *).

Несомнѣнно, что этотъ любопытный документъ приходится разсматривать опять-таки съ точки зрѣнія теоріи «вожденія вліятельнаго человѣка за носъ». И съ этой точки зрѣнія онъ заслуживаетъ всяческой похвалы и удивленія. Потому что въ данномъ случаѣ «предначертаніямъ вліятельнаго человѣка» не только приданъ «легкій либеральный оттѣнокъ», какъ это слѣдовало по теоріи, но авторъ пошелъ значительно дальше: онъ пытается провести мысль о возвышеніи земскаго начала надъ бюрократическимъ въ то время, когда самое представленіе о земствѣ еще не проникало въ стѣны петербургскихъ канцелярій. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ документомъ, написаннымъ Салтыковымъ-чиновникомъ, который не договорилъ и даже урѣзалъ мысль просто-Салтыкова. Начать съ того, что Салтыковъ ясно сознавалъ въ это время, что основой всѣхъ золъ современнаго ему режима служитъ крѣпостное право, помимо уничтоженія котораго никакія починки государственнаго механизма ни къ чему не приведутъ, но Салтыковъ-чиновникъ проектировало свое земство въ условіяхъ существованія крѣпостного права. Салтыковъ и въ это время, какъ и впослѣдствіи, былъ непримиримымъ врагомъ сословности, на фундаментѣ которой Салтыковъ-чиновникъ счелъ возможнымъ, однако, построить свое земство. Не совсѣмъ удачныя предположенія,

*) «Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова“, стр. 62—73.

его о составѣ земскаго совѣта, который является какимъ-то межеумочнымъ учрежденіемъ — ни то управой, ни то земскимъ собраніемъ—мы не поставимъ на видъ автору, но мысль о безграничной, по своей неопредѣленности, компетенціи «стряпчаго» представляется намъ уже чисто бюрократическаго происхожденія.

Какъ бы тамъ ни было, но докладная записка Салтыкова, какъ онъ самъ и предсказывалъ, осталась подъ сукномъ «до радостнаго утра», которое, по многимъ возбужденнымъ имъ вопросамъ значительной важности, не наступило и по сей день. Исполнительность даровитаго чиновника не осталась однако незамѣченной, и 6-го марта 1858 г. 32-лѣтній Салтыковъ, теперь въ чинѣ коллежскаго совѣтника, назначается на должность рязанскаго вице-губернатора. «Извѣстно,—замѣчаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Бѣлоголовый,—что при этомъ назначеніи Александръ II выразился: «Я радъ этому и желаю, чтобы Салтыковъ и на службѣ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, какъ онъ пишетъ» *).

Салтыковъ былъ назначенъ рязанскимъ вице-губернаторомъ послѣ того, какъ произведенной въ Рязани въ 1856 г. министерской ревизіей обнаруженъ былъ цѣлый рядъ злоупотребленій и упущеній, по которымъ губернское правленіе должно было давать объясненія. Ревизіей выяснено было, какъ сообщаетъ баронъ Дризенъ на основаніи архивныхъ источниковъ **), что отчетность губернскаго правленія велась съ «разными упущеніями»; допускалась «крайняя медленность» даже по сенатскимъ указамъ и арестантскимъ дѣламъ; вице-губернаторъ не выполнялъ своихъ прямыхъ обязанностей; чиновники особыхъ порученій по нѣсколько лѣтъ не приступали къ порученнымъ имъ слѣдствіямъ и т. д. Надо думать, что министерство внутреннихъ дѣлъ само было поражено данными ревизіи, разобравшись въ которыхъ, оно требовало (предписаніемъ отъ 4-го января 1858 г.) отъ губернатора Клингенберга представленія «въ непродолжительномъ времени надлежащаго объясненія». Эффектъ, произведенный бумагой,—разсказываетъ г. Дризенъ,—былъ внушительный. Бумагу заслушали и рѣшили «отписаться». Во всѣхъ отдѣленіяхъ губернскаго правленія заскрипѣли перья. Въ это время именно подъѣхалъ въ Рязань Салтыковъ, которому, такимъ образомъ, и пришлось расхлебывать эту не имъ заваренную чиновничью кашу.

Имя Салтыкова, какъ автора «Губернскихъ очерковъ», было извѣстно въ Рязани, и къ вѣсти о назначеніи его мѣстные чиновники могли отнестись поэтому съ полной опредѣленностью. «Живо помню,—вспоминаетъ г. Егоровъ, бывшій въ то время дѣлопроизводителемъ

---

*) „Воспоминанія", стр. 235.

**) „Историческій Вѣстникъ" 1900 г., февраль. „М. Е. Салтыковъ въ Рязани".

губернскаго правленія *),—восторгъ молодежи, воспитанной на Бѣлинскомъ, и смущеніе, даже страхъ людей стараго склада. Помню и появленіе среди насъ, появленіе безъ обычной тогда помпы, безъ представленій, привѣтствій и чествованій. Пришелъ онъ въ присутствіе въ вицъ-мундирѣ, никому неизвѣстный, такъ что швейцаръ остановилъ было его вопросомъ: «какъ о васъ доложить», и очень скоро раскрылся передъ нами весь».

Немедленно же по пріѣздѣ въ Рязань Салтыковъ съ головой окунулся въ канцелярскую работу. Прежде всего необходимо было «отписаться» на запросъ министерства по поводу обнаруженныхъ ревизіей безпорядковъ въ губернскомъ правленіи. Слѣдствіе по этому дѣлу велось въ правленіи такъ, что по каждому отдѣльному замѣчанію ревизіи представлялся самостоятельный докладъ вице-губернатору, который сначала его просматривалъ, а затѣмъ передавалъ на обсужденіе правленію. Салтыковъ, видимо, съ большимъ вниманіемъ изучалъ всю эту чиновничью литературу, потому что всѣ бумаги—по свидѣтельству г. Дризена—испещрены его замѣтками. А насколько эта литература была своеобразна, видно изъ того что нѣкоторыя изъ обнаруженныхъ ревизіей упущеній наивно объяснялись составителями докладовъ «неосмотрительностью писавшихъ и подписывавшихъ» бумаги. Это послѣднее объясненіе всегда аккуратный Салтыковъ сопровождаетъ слѣдующимъ написаннымъ имъ на поляхъ замѣчаніемъ: «Этотъ любопытный фактъ и донынѣ повторяется». Тщательно разбираясь въ вопросахъ, отмѣченныхъ ревизіей, Салтыковъ въ то же время энергично работаетъ надъ обновленіемъ невозможнаго состава служащихъ, такъ что, представляя въ министерство составленное, наконецъ, объясненіе по вопросамъ ревизіи съ собственноручно написаннымъ резюме, Салтыковъ могъ закончить свою записку такими словами: «за выбытіемъ изъ губернскаго правленія *всѣхъ членовъ и большей части дѣлопроизводителей*, при которыхъ произошли найденные безпорядки и упущенія, губернское правленіе болѣе подробнаго объясненія по замѣчаніямъ симъ дать не можетъ».

Помимо этой, такъ сказать, сверхсмѣтной работы, произведенной новымъ вице-губернаторомъ за грѣхи свои предмѣстниковъ, губернское правленіе было завалено текущими дѣлами. Въ то время кругъ вѣдомства губернатора и губернскаго правленія былъ «необъятный»: въ него входили всѣ учрежденія въ губерніи, не только административныя, но и судебныя, хозяйственныя, благотворительныя и проч. Салтыковъ всегда находился въ курсѣ всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣлъ, стекавшихся въ правленіи, и, довѣряя только самому себѣ, онъ не пропускалъ ни одной бумаги безъ того, чтобы

*) „Сынъ Отечества“ 1900 г., №№ 135 и 138. „Воспоминанія о Е. М. Салтыковѣ“ С. Н. Егорова.

лично не ознакомиться съ ней. Онъ изумлялъ чиновниковъ своимъ трудолюбіемъ, непрерывностью работы, которую онъ выполнялъ не только въ правленіи, но и у себя дома. Нерѣдко случалось что онъ увозилъ съ собою изъ канцеляріи «цѣлые вороха» бумагъ, засиживаясь надъ ними до глубокой ночи. Онъ ежедневно имѣлъ дѣло съ каждымъ чиновникомъ и всѣхъ зналъ. Въ правленіи ежедневно ему представлялись доклады отъ 12 столовъ, среднимъ числомъ отъ 6 до 7 по каждому, и онъ не только внимательно прочитывалъ всю эту литературу, но тутъ же повѣрялъ изложенное съ подлинными дѣлами, требуя ихъ къ каждому журналу. По важнымъ дѣламъ, въ особенности по дѣламъ о притѣсненіяхъ крестьянъ, по дѣламъ раскольничьимъ, онъ всегда самъ составлялъ резолюціи и писалъ постановленія. Память у него была огромная. Ни одна мелочь не ускользала отъ его вниманія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось казеннаго пирога. Творческая мысль его была въ постоянномъ движеніи. Заваленный текущими и экстренными работами онъ уже менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ въ Рязань находитъ время, чтобы разобраться въ сложной техникѣ канцелярскаго дѣла и представить губернатору подробный докладъ о реформѣ губернскаго правленія, въ смыслѣ болѣе правильнаго распредѣленія работы между «столами».

Требовательный до крайности къ самому себѣ, Салтыковъ былъ требовательнымъ и къ своимъ подчиненнымъ. Взяточничества, которое считалось въ то время явленіемъ вполнѣ обычнымъ, не терпѣлъ, и, какъ передавалъ покойному Г. А. Мачтету одинъ изъ рязанскихъ старожиловъ, въ первой же своей рѣчи, обращенной къ чиновникамъ, онъ сказалъ: «брать взятокъ, господа, я не позволю и съ болѣе обезпеченныхъ жалованьемъ буду взыскивать строже. Кто хочетъ со мной служить—пусть оставитъ эту манеру и служитъ честно. Къ тому же, господа, я долженъ сказать вамъ правду: я обстрѣленный уже въ канцелярской кабалистикѣ гусь и провести меня трудно». Болѣе строгія требованія именно къ старшимъ чиновникамъ Салтыковъ предъявлялъ во всѣхъ случаяхъ. Серьезный до суровости съ ними, онъ по общимъ отзывамъ, былъ очень мягокъ и деликатенъ съ низшими служащими, которые, при всей трудности службы при новомъ вице-губернаторѣ, тѣмъ болѣе любили его и ничѣмъ ради него не тяготились, что онъ всякаго цѣнилъ по достоинству, поддерживалъ и давалъ быстрый ходъ по службѣ, входя въ положеніе даже частной жизни подчиненныхъ. Протекція для Салтыкова не имѣла никакого значенія. Онъ даже обижался, когда его просили о комъ-нибудь. «Да и надобности въ томъ не было,—говоритъ г. Егоровъ:—до него, чтобы поступить на службу хотя бы писцомъ и не сидѣть вѣкъ на одной ступени, нужно было изыскивать сильнаго протектора или платить деньги, даже въ видѣ оброка. При новыхъ же порядкахъ (при Салтыковѣ) каждый шелъ впередъ самъ. Трогательно было его сочувствіе къ нуждѣ человѣка.

По случаю разстройства здоровья, я просилъ облегченія меня переводомъ на должность помощника (дѣлопроизводителя). Онъ наотрѣзъ отказалъ на томъ основаніи, что пониженіе должности можетъ повредить моей службѣ, но освободилъ меня отъ занятій на мѣсяцъ, а чтобы безъ меня дѣла не запустились, взялъ лично на себя занятія по моему столу. Никогда,—удивляется г. Егоровъ даже слишкомъ 40 лѣтъ спустя послѣ этого случая,—никогда и нигдѣ подобныхъ примѣровъ я не видѣлъ и не слыхалъ. Наоборотъ, почти вездѣ люди служатъ на счетъ труда и ума своихъ подчиненныхъ». Объ аналогичномъ же случаѣ, когда Салтыковъ выполнилъ работу за уснувшаго отъ усталости писца, сообщаетъ и г. Кривенко *). Онъ же передаетъ слышанные имъ разсказы о томъ, какъ при распредѣленіи наградныхъ денегъ Салтыковъ всегда стоялъ за то, чтобы больше давать тѣмъ, кто получаетъ меньше жалованья, и сокращать слишкомъ большія награды имѣвшимъ и безъ того хорошіе оклады.

Это гуманное отношеніе вице-губернатора къ служащимъ было, разумѣется, очень хорошо извѣстно имъ всѣмъ, и потому неизмѣнно суровая внѣшность начальника ни мало ихъ не пугала. «Бывало,—разсказывалъ г. Дризену бывшій сослуживецъ Салтыкова Бѣлкинъ,—придетъ Михаилъ Евграфовичъ въ губернское правленіе, еще изъ передней слышится его кашель,- пройдетъ по канцеляріи такой суровый, мрачный,—кажется, гроза пронеслась,—а ничего, не стоитъ обращать вниманія, это съ виду, въ сущности же самый благодушный человѣкъ. А что насчетъ дѣла, то строгъ! Подавай ему все сразу, не ройся кругомъ, а главное—знай, что докладываешь...» Случались при этомъ и вспышки раздраженія и гнѣва; выведенный изъ себя, онъ иногда выкрикивалъ что-нибудь рѣзкое, но, успокоившись, старался загладить свою рѣзкость. Вообще самъ всегда готовъ былъ признать и исправить свою ошибку или вину, разъ только чувствовалъ себя провинившимся. Очень характерный въ этомъ смыслѣ случай попалъ въ коллекцію Мачтета, собранную имъ изъ разсказовъ мѣстныхъ старожиловъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Рязань, желая хоть нѣсколько привести въ порядокъ запущенныя его предшественниками дѣла, онъ распорядился, чтобы служащіе, работавшіе и безъ того около 8 или 9 часовъ въ день, приходили еще и по вечерамъ. Это распоряженіе вызвало горячій ропотъ въ правленіи, особенно среди мелкихъ чиновниковъ, жившихъ ради экономіи за городомъ. Черезъ невылазныя грязи бѣдные чиновники должны были пробираться вечеромъ, подъ дождемъ, въ самомъ каррикатурномъ видѣ—съ подсученными по колѣни брюками и съ сапогами за плечами, которые надѣвались только въ городѣ, послѣ того, какъ испачканныя ноги были обмыты въ послѣдней лужѣ. За чиновничью бѣдноту вступился мѣстный корреспондентъ «Московскихъ Вѣ-

*) „М. Е. Салтыковъ", біографическій очеркъ, стр. 34.

домостей», напечатавшій по этому поводу въ газетѣ замѣтку обличительнаго свойства. Салтыковъ, прочитавъ замѣтку, немедленно же отмѣнилъ свое распоряженіе и, разыскавъ (черезъ редакцію газеты) корреспондента, оказавшагося инспекторомъ александровскаго дворянскаго заведенія Смирновымъ, немедленно же поѣхалъ къ нему съ визитомъ и очень благодарилъ «за оказанную ему услугу». Съ этихъ поръ у него съ Смирновымъ установились теплыя дружескія отношенія, которыя не прекращались до самой смерти Салтыкова.

Весь поглощенный служебной работой, Салтыковъ жилъ очень скромно и имѣлъ ограниченный кругъ знакомыхъ. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался въ городѣ большой популярностью, причемъ мѣстные зоилы изъ консерваторовъ называли его не вице-губернаторомъ, а *вице-Робеспьеромъ*, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, ту позицію, которую Салтыковъ занялъ по отношенію ко всѣмъ дѣламъ о притѣсненіяхъ крестьянъ *).

Съ губернаторомъ, пока эту должность занималъ Клингенбергъ, Салтыковъ кое-какъ ладилъ, но въ концѣ 1859 г. рязанскимъ губернаторомъ назначенъ былъ Н. Н. Муравьевъ, старшій сынъ Муравьева-Виленскаго, и отношенія рѣзко измѣнились. Человѣкъ очень крутого нрава, самодуръ, онъ первый долженъ былъ показать Салтыкову, на какой зыбкой почвѣ построена была «теорія вожденія за носъ». Столкновеніе слѣдовало за столкновеніемъ, и отношенія ихъ завершились, наконецъ, острымъ конфликтомъ, когда Салтыковъ рѣшительно отказался подписать одно формальное постановленіе, которое противорѣчило его внутреннему убѣжденію и совѣсти. Губернатору, пользовавшемуся, благодаря своимъ родственнымъ связямъ, огромнымъ вліяніемъ въ Петербургѣ, не стоило большого труда отдѣлаться отъ строптиваго коллеги, и уже 3 апрѣля 1860 г. состоялось назначеніе Салтыкова вице-губернаторомъ въ Тверь. Разсказываютъ,—пишетъ Бѣлоголовый,—что когда Муравьевъ-отецъ спросилъ министра Ланского, получитъ ли его сынъ какую-нибудь царскую награду къ Пасхѣ, то

---

*) Между прочимъ, г. Егоровъ передаетъ, что темою для разсказа Салтыкова „Миша и Ваня“, напечатаннаго въ №№ 1 и 2 „Современника“ за 1863 г. послужило дѣйствительное происшествіе, имѣвшее мѣсто въ Рязани. „Помѣщица К-сл-нская тираніей довела двоихъ своихъ мальчиковъ крѣпостныхъ (лѣтъ 10—12) до того, что по взаимному согласію, они зарѣзали другъ друга столовыми ножами. Ихъ нашли мертвыми подъ мостомъ на р. Лыбеди. Салтыковъ, управлявшій въ то время губерніей, узналъ объ этомъ на вечерѣ въ одномъ домѣ, гдѣ былъ и полицiймейстеръ, который при утреннемъ рапортѣ о событіи умолчалъ. Ему тутъ же предложено было отправиться подъ арестъ. Имѣніе у помѣщицы было взято подъ опеку, а она была предана суду“. Это указаніе г. Егорова служитъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ критикамъ, отмѣчавшимъ въ свое время названный разсказъ какъ „придуманный“ и отзывающійся сантиментальностью.

министръ отвѣтилъ: «о, какъ же, поздравьте его,—въ награду мы убираемъ отъ него Салтыкова».

На перепутьи между Рязанью и Тверью Салтыковъ, оставаясь нѣкоторое время въ Петербургѣ, принималъ участіе въ работахъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина (при участіи К. К. Грота, В. А Арцимовича и друг.) и выработавшей проектъ института мировыхъ посредниковъ и вообще учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, а также давшей мысль о земскихъ учрежденіяхъ, которую Михаилъ Евграфовичъ проводилъ, какъ мы знаемъ, еще въ 1857 г.

Въ Твери—все та же огромная работа, съ тою, впрочемъ, существенной разницей, что здѣсь она значительно оживляется цѣлымъ рядомъ интересныхъ моментовъ, непосредственно предшествующихъ крестьянской освободительной реформѣ, а затѣмъ съ ней связанныхъ и изъ нея вытекающихъ. Тверскимъ губернаторомъ былъ Барановъ—человѣкъ, по воспоминаніямъ самого сатирика, не особенно далекій, но очень добрый и ничѣмъ не перечившій, а скорѣе сочувствовавшій либеральнымъ стремленіямъ передовой группы мѣстнаго дворянства, съ А. М. Унковскимъ и А. А. Головачевымъ въ главѣ. Въ этой группѣ дворянъ Салтыковъ чувствовалъ себя своимъ, тѣмъ болѣе что съ Унковскимъ, товарищемъ по лицею, онъ и раньше поддерживалъ добрыя отношенія, которыя постепенно перешли въ тѣсную, закадычную дружбу, прерванную лишь смертью сатирика.

XX.

Отставка.—Работа въ „Современникѣ".—Озлобленіе противъ литературы.

Когда прошли медовые мѣсяцы реформы и монотонная канцелярская «кабалистика» опять вступила во всѣ свои права, Салтыкова, служба котораго и здѣсь не протекала безъ «недоразумѣній», усиленно потянуло къ широкой, ничѣмъ не стѣсняемой литературной работѣ. Собственно говоря, ни въ Рязани, ни въ Твери онъ не порывалъ съ литературой и всѣ свои короткіе досуги посвящалъ ей. Но теперь его тянуло отдать себя литературѣ цѣликомъ, и вотъ, 9-го февраля 1862 г. Салтыковъ получаетъ отставку и оставляетъ Тверь съ мыслью о собственномъ двухнедѣльномъ журналѣ въ Москвѣ. Мысли этой однако не суждено было осуществиться *). Министерство народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находилось въ то время цен-

*) А. М. Унковскій („Русскія Вѣд." 1894 г., № 115) разсказывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ концѣ 1862 г. онъ съ Салтыковымъ рѣшили издавать вмѣстѣ ежемѣсячный журналъ „Русская Правда", но разрѣшенія не получили. Трудно сказать, была ли это вторая попытка Салтыкова имѣть собственный журналъ, или рѣчь здѣсь идетъ о первой же попыткѣ, но съ нѣкоторыми фактическими неточностями.

зурное дѣло, признало отставного вице-губернатора недостаточно благонадежнымъ и не удовлетворило его ходатайства. Правда, отказъ былъ мотивированъ иначе, а именно тѣмъ, что будто бы разсматриваются новыя законоположенія о печати, и министерство приняло за правило не разрѣшать до окончанія этого дѣла никакихъ новыхъ журналовъ. Неискренность этой мотивировки заподозрѣна была самимъ Салтыковымъ, которому вскорѣ стали извѣстны случаи разрѣшенія нѣсколькихъ новыхъ журналовъ, хотя законоположенія о печати все еще пребывали въ процессѣ «разсмотрѣнія» *).

Потерпѣвъ неудачу въ Москвѣ, Салтыковъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и съ начала 1863 г. становится de facto однимъ изъ редакторовъ «Современника» и самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Не стѣсненный никакими посторонними работами и обязательствами, онъ обнаруживаетъ теперь такую огромную литературную плодовитость, такой разносторонній интересъ къ общественной жизни и литературѣ, что приходится только удивляться, откуда хватало у автора на все это и времени, и энергіи. Одинъ лишь голый перечень статей и замѣтокъ, напечатанныхъ имъ въ первой книжкѣ «Современника» за 1863 г., вышедшей, правда, послѣ восьмимѣсячнаго вынужденнаго молчанія, въ двойномъ размѣрѣ (№ 1—2), могъ бы занять полную страницу нашего журнала. Въ ней напечатаны именно слѣдующія работы Салтыкова: три статьи изъ серіи «Невинныхъ разсказовъ» (47 стр.), публицистическая замѣтка о цензурѣ, подписанная «Т—нъ» (16 стр.), семь рецензій, безъ подписи (35 стр.), «Московскія письма», съ подписью «К. Гуринъ» (13 стр.), «Петербургскіе театры», безъ подписи (21 стр.), и хроника, тоже безъ подписи (19 стр.), итого въ одной книгѣ 151 страница или около $9^1/_2$ печатныхъ листовъ **).

Но мы еще вернемся къ этому періоду литературной дѣятельности Салтыкова, а пока послѣдуемъ за нимъ до конца его служебной карьеры, теперь лишь временно прерванной, но еще не законченной.

Начатая съ колоссальной энергіей работа въ «Современникѣ», видимо, скоро утомила его. Уже во второй годъ его пребыванія въ журналѣ (1864 г.) мы находимъ нѣсколько книжекъ (6-я, 7-я и 9-я), вышедшихъ безъ его статей, въ двухъ книжкахъ (4-й и 10-й) появляются лишь небольшія библіографическія замѣтки и, наконецъ, въ

---

*) Рѣчь идетъ о проектѣ устава о книгопечатаніи, который въ то время разсматривался особой коммиссіей при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Впослѣдствіи, вновь пересмотрѣнный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ послужилъ основаніемъ закона 6 апрѣля 1865 г. Въ бумагахъ Салтыкова найдены „замѣчанія" на этотъ проектъ, которыя онъ, будучи уже частнымъ человѣкомъ, готовился внести, а, можетъ быть, и внесъ въ одну изъ коммиссій, разсматривавшихъ проектъ.

**) Принадлежность всѣхъ перечисленныхъ статей Салтыкову удостовѣряется А. Н. Пыпинымъ. См. его книгу „М. Е. Салтыковъ", Спб., 1899 г., стр. 235.

12-й книжкѣ помѣщено одно только «письмо въ редакцію», въ которомъ онъ сообщаетъ о своемъ выходѣ изъ состава редакціи журнала. Были слухи о его размолвкѣ съ Некрасовымъ, вызванной будто бы нападеніями на него со стороны «Эпохи» и «Русскаго Слова», но слухи эти давно опровергнуты. Салтыковъ дѣйствительно усталъ, усталъ не столько отъ работы, за которую онъ такъ горячо принялся, а отъ тѣхъ постоянныхъ препятствій, которыя мѣшали работѣ, леденили одушевленіе.

Еще такъ недавно, вскорѣ по возвращеніи изъ Вятки и послѣ огромнаго успѣха «Губернскихъ очерковъ», И. А. Саловъ, встрѣчавшій Салтыкова въ редакціи «Русскаго Вѣстника», видѣлъ его *веселымъ* и говорливымъ *). Теперь, въ редакціи «Современника», Головачева-Панаева, знавшая Салтыкова еще «мрачнымъ лицеистомъ», вновь встрѣтилась со своимъ давнишнимъ знакомымъ и нашла *еще болѣе мрачнымъ*, хотя такимъ же говорливымъ, какимъ его зналъ и Саловъ. «Сумрачное выраженіе его лица еще болѣе усилилось. Я замѣтила, что у него появилось нервное движеніе шеи, точно онъ желалъ высвободить ее отъ туго завязаннаго галстуха». Головачевой пришлось быть свидѣтельницей страшнаго раздраженія Салтыкова противъ литературы.

«Не могу припомнить названія его очерка или разсказа, запрещеннаго цензоромъ, — разсказываетъ авторъ воспоминаній. — Это запрещеніе было непріятно и Некрасову, потому что нужно было набирать вновь что-нибудь другое, отчего номеръ журнала долженъ былъ запоздать. Салтыковъ явился въ редакцію въ страшномъ раздраженіи и нещадно сталъ бранить литературу, говоря, что можно поколѣть съ голоду, если писатель разсчитываетъ жить литературнымъ трудомъ; что онъ не заработаетъ на прокормъ старой лошади, на которой пріѣхалъ; что одни дураки могутъ посвятить себя литературному труду при такихъ условіяхъ, когда какой-нибудь вислоухій камергеръ имѣетъ власть не только исказить, но запретить печатать умственный трудъ литератора; что чиновничья служба имѣетъ передъ литературной хоть то преимущество, что человѣка не грабятъ, что онъ каждое утро отсидитъ извѣстно число часовъ на службѣ и получаетъ каждый мѣсяцъ жалованье, а вотъ онъ теперь и свищи въ кулакъ» **).

Въ заключеніе этой желчной, но полной обидной правды рѣчи Салтыковъ рѣшительно заявилъ, что навсегда прощается съ литературой и набросился на Некрасова, который, усмѣхнувшись, замѣтилъ, что не вѣритъ ему.

Кто былъ правъ въ этомъ странномъ спорѣ?—Оба, конечно. Правъ былъ и Некрасовъ, тонко знавшій писательскую психику и понимавшій, что Салтыкову, съ его огромнымъ талантомъ и общественными инте-

*) „Русская Мысль" 1897 г., кн. IX. „Умчавшіеся годы".
**) „Русскіе писатели и артисты", стр. 428.

ресами, некуда уйти отъ литературы. Правъ оказался и Салтыковъ, который все-таки, хоть на время, сбѣжалъ отъ литературы, въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ не принимая въ ней никакого участія *).

XXI.

Возобновленіе служебной карьеры.—Болѣзненная раздражительность Салтыкова.—Окончательный выходъ въ отставку.

Въ ноябрѣ 1864 г. Салтыковъ получилъ мѣсто по министерству финансовъ управляющимъ казенной палатой въ Пензѣ. Изъ редакторскаго кабинета онъ переходитъ въ канцелярію, озлобленный и раздраженный, теперь уже безъ всякихъ иллюзій на тему о «вожденіи за носъ», а единственно лишь съ своей неутомимой трудоспособностью и добросовѣстностью, съ какою онъ выполняетъ всякую работу, за которую взялся. А работать приходитс много, тѣмъ болѣе, что въ теченіе трехкратной перемѣны мѣста службы,—въ Пензѣ, Тулѣ и Рязани,—ему каждый разъ неизмѣнно приходится попадать, вмѣсто благоустроенныхъ канцелярій, въ авгіевы конюшни, засоренныя его предмѣстниками. Быть можетъ, именно въ этой массѣ тяжелаго, не дающаго никакого удовлетворенія канцелярскаго труда, а не только въ его озлобленіи противъ литературы и условій, въ которыя она поставлена, и кроется одна изъ главныхъ причинъ его теперешней писательной бездѣятельности.

Какъ бы тамъ ни было, но прежнія вспышки, съ которыми охотно мирились подчиненные вице-губернатора, очень близко знакомые и съ другими сторонами этой благородной личности, превращаются теперь въ почти постоянную, трудно сдерживаемую раздражительность. По-прежнему прямой, не знающій въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ внѣшнихъ отличій и ранговъ, новоиспеченный управляющій и предсѣдатель казенной палаты обращаетъ свою болѣзненную раздражительность прежде всего противъ губернаторовъ, отъ властныхъ притязаній которыхъ онъ пытается оградить свою самостоятельность, какъ представителя «посторонняго вѣдомства» въ губерніи. Разумѣется, эти попытки не даютъ желательныхъ результатовъ, и новая служба Салтыкова превращается въ сплошную войну съ губернаторами, причемъ каждый разъ побѣда остается не на его сторонѣ. Изъ Пензы ему приходится уйти, потому что онъ не поладилъ съ губернаторомъ Александровымъ, человѣкомъ очень богатымъ и пользовавшимся особенной поддержкой министра Валуева. Переведенный въ Тулу, Салтыковъ скоро обостряетъ до крайности свои отношенія съ губернаторомъ Шидловскимъ и по прошествіи одиннадцати мѣсяцевъ перево-

*) Впродолженіи 1865—1867 гг. Салтыковымъ напечатана только одна статья: „Завѣщаніе моимъ дѣтямъ" („Современникъ" 1866 г., № 1), вошедшая потомъ въ серію статей „Признаки времени".

дится въ Рязань. Здѣсь онъ, что называется, съ мѣста въ карьеръ, съ перваго же визита настраивается на воинствующій ладъ и уличаетъ губернатора въ лицемѣріи. Любезно встрѣтивъ вновь назначеннаго предсѣдателя казенной палаты, губернаторъ, хлопотавшій объ этой должности для своего родственника М., разсыпался въ комплиментахъ Салтыкову.

— Спасибо, спасибо, ваше пр-во,—хмурымъ тономъ перебилъ его Салтыковъ, причемъ губы его слегка улыбнулись,—очень благодаренъ и тронутъ!.. А вотъ министръ просилъ меня передать вамъ, что ходатайство вашего пр-ва о назначеніи на мою должность г. М. уважено имъ, къ сожалѣнію, быть не можетъ.

Губернаторъ вспыхнулъ и совсѣмъ растерялся, и, конечно, по этой растерянности можно было тогда же сдѣлать болѣе или менѣе точное предсказаніе о продолжительности службы Салтыкова въ Рязани: онъ пробылъ здѣсь около восьми мѣсяцевъ.

Острыя отношенія свои съ тульскимъ губернаторомъ М. Р. Шидловскимъ, донимавшимъ Салтыкова безпрестанными жалобами въ Петербургѣ, онъ не только не скрывалъ отъ постороннихъ, но, въ минуты особеннаго раздраженія, даже афишировалъ ихъ чуть ли не передъ всѣмъ городамъ. Вмѣшательство губернатора въ дѣла казенной палаты было для него наиболѣе больнымъ мѣстомъ, и онъ безъ церемоніи выгонялъ изъ палаты всѣхъ подвѣдомственныхъ губернатору чиновниковъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе являлись за простой справкой. «Здѣсь не справочное бюро», сердито кричалъ онъ на ни въ чемъ неповиннаго чиновника, подозрѣвая въ немъ губернаторскаго «шпіона», и выпроваживалъ его изъ палаты. Подчиненные Салтыкова, во избѣжаніе скандала, принимали иногда нуждавшихся въ тѣхъ или иныхъ справкахъ губернаторскихъ чиновниковъ въ неприсутственные дни. Однажды Салтыковъ засталъ бухгалтера палаты за такимъ совмѣстнымъ занятіемъ въ неурочный часъ. Подозрѣвая въ чиновникѣ подосланнаго «шпіона», онъ вскипѣлъ. Тутъ же составилъ онъ жалобу на губернатора министру (прося оградить ввѣренную ему палату отъ неумѣстныхъ притязаній губернатора), велѣлъ переписать, безпрестанно понукая переписчика, и когда пакетъ былъ готовъ, онъ самъ понесъ его на почту, демонстративно выставляя разносную книгу съ пакетомъ на удивленіе прохожимъ. На вопросы недоумѣвавшихъ передъ этимъ необычнымъ зрѣлищемъ знакомыхъ онъ отвѣчалъ:

— Иду Мишку травить *).

---

*) „Историч. Вѣстникъ“ 1902 г., январь. „М. Е. Салтыковъ въ Тулѣ“. Изъ воспоминаній сослуживца И. М. М.

Между прочимъ, впослѣдствіи, при министрѣ Тимашевѣ, этотъ самый „Мишка“, М. Р. Шидловскій, былъ назначенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, какъ разъ въ то время, когда Салтыковъ былъ однимъ изъ редакторовъ „Отечеств. Записокъ“. М. Е. могъ ожидать теперь всякихъ

Это вѣчно воинствующее, раздраженное настроеніе не могло, конечно, не отзываться и на отношеніяхъ его къ служащимъ. Правда, и изъ этаго періода служебной дѣятельности Салтыкова сохранились разсказы о его добротѣ и человѣчности, особенно къ людямъ маленькимъ, но теперь это лишь отдѣльные эпизоды, скрашивающіе общій тонъ его отношеній, но не мѣняющіе его. И только что цитированныя нами воспоминанія сослуживца Салтыкова по тульской казенной палатѣ прямо-таки проникнуты горечью непрощенной обиды.

Вотъ, напримѣръ, какъ разсказываетъ г. И. М. М. о первомъ появленіи Салтыкова въ тульской палатѣ.

Салтыковъ пріѣхалъ въ Тулу безъ всякихъ предупрежденій. Такъ что въ одинъ изъ будничныхъ дней, придя въ палату, служащіе узнали, что новый управляющій пріѣхалъ еще наканунѣ и сейчасъ будетъ въ палатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстнымъ, что начальники отдѣленій представлялись ему на квартирѣ и остались недовольны его сухимъ и надменнымъ пріемомъ. Вскорѣ явился и Салтыковъ: «Суровый и мрачный на видъ, онъ быстро проходитъ въ присутствіе, застаетъ тамъ старшаго дѣлопроизводителя съ кипою бумагъ на присутственномъ столѣ и, указывая на него, спрашиваетъ сопровождавшихъ начальниковъ отдѣленій:

«— Это кто такой?

«Докладываютъ:—Старшій дѣлопроизводитель.

«— Зачѣмъ—говоритъ, обращаясь къ нему,—вы здѣсь сидите?

«Объясняютъ:—По распоряженію бывшаго управляющаго, всѣ члены общаго присутствія сидятъ здѣсь.

«— Что же вы тутъ дѣлаете?

«— Обсуждаемъ дѣла общаго присутствія.

«— Что за дѣла такія? Вы знаете, что теперь управляющій одинъ своею властью рѣшаетъ всѣ дѣла по докладу одного изъ начальниковъ отдѣленія, при чемъ же тутъ общее присутствіе ваше и зачѣмъ будутъ торчать здѣсь другіе члены? Мѣшать только докладамъ, отвлекать отъ дѣла себя и другихъ пустою болтовнею или непрошенными совѣтами? Вотъ нашли мѣсто для занятій! Развѣ чтобы подписывать, не читая бумаги, какія подложатъ? Эй, швейцаръ,—кричитъ онъ, указывая на зерцало,—убери подальше это воронье пугало, чтобъ его тутъ не было *). Въ этой комнатѣ долженъ быть мой кабинетъ, а не

непріятностей для журнала. Однако,—передаетъ г. Пантелѣевъ въ своихъ воспоминаніяхъ—Шидловскій, при личномъ свиданіи, прямо заявилъ М. Е., что прежнія отношенія не могутъ имѣть значенія. И дѣйствительно, по свидѣтельству самого Салтыкова, Шидловскій ничѣмъ не выразилъ какой-нибудь особенной непріязни ни къ нему, ни къ „Отеч. Запискамъ".

*) Впослѣдствіи эта выходка не прошла даромъ для Салтыкова, какъ видно изъ разговора его съ тульскимъ архіепископомъ: „Что за кляузный городъ вашъ? Здѣсь всякое лыко въ строку. Вырвались у меня два неосто-

какое-то миѳическое присутствіе. Я буду сидѣть здѣсь одинъ, а васъ прошу заниматься въ своихъ отдѣленіяхъ· когда будетъ нужно, позову васъ».

По существу Салтыковъ былъ правъ: порядокъ производства дѣлъ въ казенныхъ палатахъ былъ къ этому времени, дѣйствительно, измѣненъ, но, во-первыхъ, сами чиновники узнали объ этомъ значительно позже, а именно изъ циркуляра министерства отъ 10-го января 1867 г., тогда какъ Салтыковъ пріѣхалъ въ Тулу въ концѣ 1866 г., а во-вторыхъ,—съ горечью замѣчаетъ г. И. М. М.—«къ чему этотъ тонъ, рѣзкій и раздражительный? Изъ-за чего было такъ кипятиться, при отсутствіи какихъ бы то ни было возраженій съ нашей стороны?»

Первая встрѣча съ начальникомъ не предвѣщала подчиненнымъ въ будущемъ ничего добраго, тѣмъ болѣе, что и въ послѣдующіе затѣмъ дни Салтыковъ продолжалъ оставаться все такимъ же раздражительнымъ и несдержаннымъ. Нѣкоторые изъ чиновниковъ прямо не выносили такого обращенія и тотчасъ же подавали въ отставку, другіе не разъ переболѣли, многіе обращались съ просьбою къ прежнему управляющему о переводѣ ихъ на службу въ подольскую казенную палату или старались пріискать мѣсто въ другихъ губернскихъ учрежденіяхъ. Эту панику успокоилъ нѣсколько одинъ изъ прежнихъ сослуживцевъ Салтыкова, пріѣхавшій съ новымъ управляющимъ изъ Пензы (повидимому, рѣчь идетъ о чиновникѣ Лаппо). На разспросы встревоженныхъ чиновниковъ,—не вызывается ли отношеніе къ нимъ управляющаго какимъ-нибудь заранѣе составленнымъ противъ нихъ предубѣжденіемъ и желаніемъ замѣнить тульскихъ чиновниковъ пензенскими, онъ отвѣтилъ категорическимъ отрицаніемъ. Никакого предубѣжденія противъ тульскихъ чиновниковъ—утверждалъ онъ—Салтыковъ не имѣетъ, и «всѣ его грубыя выходки—не болѣе, какъ мимолетныя вспышки желчной и нервной натуры его». Въ качествѣ убѣдительнаго доказательства старый сослуживецъ Салтыкова сослался на отношенія этого послѣдняго къ нему, отношенія, также не свободныя отъ вспышекъ и рѣзкостей.

Очевидно, служба стала не въ моготу Салтыкову, и только соображенія матеріальнаго свойства удерживали его. Во всякомъ случаѣ онъ уже въ 1867 г., между переходомъ изъ Тулы въ Рязань, заводитъ переговоры съ Некрасовымъ, который въ это время задумалъ взять въ аренду «Отечественныя Записки» и разсчитывалъ на участіе въ журналѣ сатирика, на равныхъ съ нимъ правахъ въ предпріятіи. Дѣло, однако, не наладилось на этотъ разъ изъ-за отказа Г. З. Елисѣева, безъ котораго Некрасовъ и Салтыковъ не считали возмож-

---

рожныхъ слова относительно зерцала присутствія, пошли они гулять по Тулѣ, дошли до Петербурга, а тамъ вымыли мнѣ за нихъ голову,—вышелъ словно изъ бани".

нымъ вести журналъ. Приглашенный ими на совѣщаніе по вопросу объ арендѣ журнала Елисѣевъ категорически заявилъ, что «съ такимъ подлецомъ, какъ Краевскій, въ соглашеніе входить ни за что не будетъ» *). Салтыкову ничего другого не оставалось, какъ возвратиться вновь къ службѣ, согласившись на непріятный для него переводъ въ Рязань.

Аренда «Отечественныхъ Записокъ» состоялась уже послѣ отъѣзда Салтыкова, но съ первой же книжки, вышедшей подъ новой редакціей, онъ принимаетъ въ журналѣ живое участіе. 14-го іюня 1868 г. онъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ ежегодной пенсіей въ 1.000 рублей, выходитъ въ отставку, на этотъ разъ навсегда, и, поселившись въ Петербургѣ, дѣлается однимъ изъ фактическихъ редакторовъ «Отечественныхъ Записокъ». Съ этого времени онъ принадлежитъ литературѣ всецѣло и безраздѣльно, и въ его литературной дѣятельности открывается третій, самый плодотворный, періодъ.

Но пока мы имѣемъ дѣло еще со вторымъ періодомъ, къ характеристикѣ котораго и возвращаемся **).

XXII.

Бюрократическія тенденціи на почвѣ утопизма. — Отношеніе къ дворянству.

Служба Салтыкова не могла не оказать вліянія на оцѣнку, которую давали въ журналистикѣ того времени его литературной дѣятельности. Его называли «бюрократомъ» (Ржевскій), «будирующимъ сановникомъ», «игривымъ администраторомъ» (Зайцевъ), «дѣйствительно-статскимъ прогрессистомъ» (Писаревъ), награждали и иными сильно-дѣйствующими эпитетами, выборомъ которыхъ въ тѣ времена вообще мало стѣснялись въ пылу литературной полемики.

---

*) Бѣлоголовый. „Воспоминанія“, стр. 237.

**) Открывшійся „Губернскими очерками“ этотъ періодъ далъ еще всего лишь два полныхъ сборника, вошедшихъ въ „Собраніе сочиненій“: „Невинные разсказы“, печатавшіеся съ 1857 по 1863 г. и „Сатиры въ прозѣ“,—съ 1860 по 1862 г. Изъ серіи „Помпадуровъ и помпадуршъ“ появилось до 1868 г. лишь четыре статьи, изъ „Признаковъ времени“—одна. Вотъ и все, что вошло изъ этого періода въ „Собраніе сочиненій“ Салтыкова. Но, конечно, этимъ далеко не исчерпывается его литературная производительность за время съ 1857 по 1868 г. Такъ, въ 1857 г. имъ написаны: комедія „Смерть Пазухина“ („Русскій Вѣстникъ“, № 19) и „Женихъ“, картина провинціальныхъ нравовъ („Современникъ“, № 10). Въ 1861 г. нѣсколько публицистическихъ замѣтокъ его появилось въ „Современной Лѣтописи“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (редакціи В. Ѳ. Корша). Наконецъ, въ продолженіе 1863—1864 г. г., проведенныхъ имъ въ редакціи „Современника“, въ этомъ журналѣ напечатано множество статей, замѣтокъ и даже стиховъ (въ „Свисткѣ“), не вошедшихъ въ составъ „Собранія сочиненій“.

Ржевскій и Писаревъ! представитель дворянско-консервативной партіи и мыслящій реалистъ! Казалось бы,—что можетъ быть общаго въ ихъ оцѣнкѣ литературныхъ явленій своего времени? И разъ уже они, исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія, сошлись, то мѣсто ихъ встрѣчи,—не угрожаетъ ли оно стать общимъ мѣстомъ?

Касаясь «Губернскихъ очерковъ», мы имѣли случай отмѣтить, какъ отразилась на этомъ произведеніи позиція, съ которой сатирикъ металъ свои стрѣлы. Теперь, въ полемикѣ съ Ржевскимъ, въ полемикѣ на мало сейчасъ интересную тему «объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ», Салтыковъ раскрывается для насъ съ этой своей стороны еще болѣе опредѣленно. На замѣтку Ржевскаго, обозвавшаго его «бюрократимъ», Салтыковъ отвѣчаетъ («Современная Лѣтопись» 1861 г., № 26), что слово «бюрократъ» можетъ казаться ужасно ругательнымъ развѣ лишь въ представленіи Собакевичей, Маниловыхъ и Ноздревыхъ. Его же оно ни мало не пугаетъ. «Во первыхъ—пишетъ онъ—я знаю, что оно выражаетъ собою принципъ, въ которомъ нѣтъ ничего постыднаго или паскуднаго и котораго участіе въ жизненныхъ отправленіяхъ государства въ извѣстной мѣрѣ необходимо и не устраняется развитіемъ земства; а во вторыхъ, я сомнѣваюсь, чтобы даже наиученнѣйшіе изъ Ноздревыхъ могли удовлетворительно объяснить, какое отношеніе имѣетъ понятіе о бюрократіи собственно къ русской почвѣ». Салтыковъ увѣряетъ, что у насъ «бюрократіи нѣтъ и не можетъ быть по той естественной причинѣ, что нѣтъ еще въ виду земства». Наконецъ, процитировавъ доносительнаго свойства намекъ Ржевскаго на увлеченіе «извѣстной школой реформаторовъ, желающихъ во что бы то ни стало благодѣтельствовать низшимъ классамъ», сатирикъ не безъ торжества надъ своимъ противникомъ замѣчаетъ: «вотъ оно, истинное-то значеніе слова бюрократъ!»

Страннымъ кажется, что Салтыковъ, который еще въ 1857 г., въ представленной имъ докладной запискѣ, ратовалъ противъ чрезмѣрнаго у насъ господства бюрократіи, теперь, въ 1861 г., отрицаетъ даже самое ея существованіе. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторая неясность во взглядахъ Салтыкова на этомъ вопросѣ такъ и остается неразрѣшенной до конца его жизни. Интересно въ этомъ смыслѣ признаніе, сдѣланное имъ уже въ 70-хъ годахъ.

Онъ сознается, что русская бюрократія всегда представляла въ его глазахъ «какую-то неразрѣшимую психологическую загадку», потому что, при всѣхъ усиліяхъ выработать изъ нея бюрократію, она ни подъ какимъ видомъ не хочетъ сдѣлаться ею. Стараго Держиморду онъ рѣшительно отказывается назвать бюрократомъ. Какой же это бюрократъ,—восклицаетъ сатирикъ, когда, имѣя порученіе превращать бытіе обывателя въ небытіе, онъ въ одну минуту готовъ за двугривенный изъ сократителя сдѣлаться другомъ вашего дома? Какой же это бюрократъ, когда простой двугривенный способенъ «прояснить его

мысли и вызвать въ немъ тѣ лучшіе инстинкты, которые склоняютъ человѣка понимать что бытіе лучше небытія?.. Какъ хотите, а это своего рода habeas corpus». Преемниковъ Держиморды сатирикъ тоже затрудняется назвать бюрократами. Правда, «когда Держиморда умеръ и преемники его начали относиться къ двугривеннымъ съ презрѣніемъ, то жить сдѣлалось многимъ тяжельше». Обыватели «по неопытности одинъ за другимъ прекращали свое существованіе. Но, къ счастью, такое суровое время проскочило довольно скоро. Благодаря Держимордѣ и долговременной его практикѣ, убѣжденіе, что дѣло о небытіи не имѣетъ въ себѣ ничего серьезнаго, установилось настолько прочно, что обыватели скоро одумались». Напрасно старались явившіеся на смѣну Держимордѣ безукоризненные люди увѣрять, что бюрократія не праздное слово, никто не повѣрилъ имъ. Жертвою ихъ сдѣлались лишь первые, застигнутые врасплохъ обыватели. И затѣмъ новые бюрократы должны были отступить передъ «беззавѣтной наивностью» обывателя, который, на всѣ ихъ требованія о прекращеніи бытія, упорно возражалъ: — «да ты подумай, что ты сказалъ! Ты на Бога-то посмотри!»

«Съ тѣхъ поръ,—говоритъ сатирикъ,—отличительнымъ характеромъ русской бюрократіи сдѣлалось ироническое отношеніе къ самой себѣ... Еще на глазахъ у начальства она и туда и сюда, но какъ только начальство за дверь,—она сейчасъ же языкъ высунетъ и сама надъ собой хохочетъ» *).

Многое можно было бы возразить на это обобщеніе, пользуясь аргументами, щедро разсыпанными въ произведеніяхъ самого же сатирика. Можно было бы противопоставить этимъ смѣющимся надъ собой бюрократамъ мрачныя фигуры «надорванныхъ», «ташкентцевъ», кое-кого изъ «помпадуровъ» и проч., и проч. Но не въ этомъ сейчасъ дѣло. Дѣло въ томъ, что и въ возраженіи Ржевскому, и въ только что цитированномъ отрывкѣ о Держимордѣ и его преемникахъ ясно чувствуется желаніе защитить бюрократію—въ одномъ случаѣ категорическимъ отрицаніемъ ея существованія, въ другомъ — цѣлымъ рядомъ смягчающихъ ея дѣятельность оговорокъ. Сатирикъ хочетъ, какъ будто бы, провести такую мысль: личный составъ бюрократіи плохъ, въ самой системѣ ея чувствуется тенденція къ прекращенію обывательскаго бытія. Но... но, «покуда что», жить еще можно, и не только можно, но даже должно, всячески противодѣйствуя попыткамъ измѣнить сложившіяся отношенія.

Само собою разумѣется, что эти рѣчи могъ говорить только тотъ, кто самъ былъ плотью отъ плоти, костью отъ кости той самой бюрократіи, съ которой онъ сражался, обличая всѣ ея недостатки. И надобно замѣтить, что это родство съ бюрократіей, которое въ про-

---

*) „Благонамѣренныя рѣчи", т. IV, стр. 59—62.

изведеніяхъ Салтыкова сказывается особенно ярко именно потому, что онъ неоднократно и прямо подходилъ къ наиболѣе чувствительнымъ злобамъ дня,—это родство характеризуетъ всю русскую литературу, все наше общественное движеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ. Потому что и литература, и общественное движеніе этого времени были дѣломъ разночинца, человѣка, вышедшаго именно изъ чиновной среды и поэтому, «покуда что», съ ней мирившагося, ей довѣрявшаго. Даже самые крайніе органы разночинской литературы еще въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ не могли, безъ ужаса за будущее Россіи, представить, чтобы бюрократія отказалась хотя бы отъ части своихъ полномочій въ пользу представительныхъ учрежденій. Въ послѣднихъ разночинецъ заранѣе провидѣлъ жестокую борьбу и временное торжество своекорыстныхъ интересовъ имущихъ и властныхъ, тогда какъ бюрократія, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, устанавливала для всѣхъ сословій и классовъ равенство, хотя бы и въ утвержденіи одинаковаго для всѣхъ небытія, а въ лучшемъ случаѣ она могла взять на себя защиту униженныхъ и оскорбленныхъ отъ притязаній всплывшаго на верхній слой жизни меньшинства.

Разночинецъ, съ воспитаннымъ въ немъ довѣріемъ къ бюрократическому безпристрастію, и утопистъ, съ глубокой вѣрой въ ближайшіе лучшіе дни, причудливо перекрещивались другъ съ другомъ въ этой логикѣ, наиболѣе яркаго представителя которой мы и имѣемъ въ М. Е. Салтыковѣ.

Выступивъ въ полемикѣ въ Ржевскимъ въ роли адвоката бюрократіи, Салтыковъ простираетъ свою адвокатскую щепетильность до того, что отрицаетъ возможность примѣненія выборнаго начала даже къ институту мировыхъ посредниковъ. Правительство, утверждаетъ сатирикъ, «не могло примѣнить къ назначенію посредниковъ выборное начало, покуда та и другая сторона не придутъ къ сознанію своихъ правъ и обязанностей» *).

Намъ станетъ понятенъ источникъ этой щепетильности, если мы вспомнимъ, что самые интересные моменты крестьянской реформы, и до и послѣ нея, сатирикъ провелъ въ центрѣ провинціальной Россіи. Здѣсь онъ чутко прислушивался къ настроенію дворянства и долженъ былъ придти къ самымъ безотраднымъ для этого сословія результатамъ. Изъ цѣлаго ряда его сатиръ, относящихся къ этой эпохѣ, мы узнаемъ, что въ массѣ дворянство предпринимало все возможное, чтобы помѣшать реформѣ, съ которой оно связывало представленіе о полной и окончательной гибели своего сословія. Позже (въ «Письмахъ о провинціи») авторъ подводитъ итоги своимъ наблюденіямъ въ слѣдующихъ словахъ: «Странное дѣло! — говоритъ онъ.—Покуда существовало крѣпостное право, никому въ голову не приходило усумниться

*) „Московскія Вѣдомости“ 1861 г., № 91.

въ существованіи дворянства... Главная и самая характерная черта, которая проходитъ сквозь всю исторію этой корпоративной силы, заключается въ томъ, что, однажды устроившись, она до самаго конца оставалась при этомъ устройствѣ, занимаясь повтореніемъ задовъ и ни разу не поставивъ себѣ вопроса, возможно ли для нея дальнѣйшее развитіе, въ какомъ именно смыслѣ и въ какую сторону? Будущее для нея не существовало. Но будущее имѣетъ за собой то неудобство, что оно непремѣнно является въ срокъ. Въ настоящемъ случаѣ оно пришло въ видѣ упраздненія крѣпостного права и что же оказалось? Что одного удара было достаточно, чтобы ослабить всѣ связующія нити; что, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ крѣпостного права, исчезло и дворянство!» *).

Таковы, по мнѣнію сатирика, итоги реформы, къ которымъ онъ съ большимъ знаніемъ дѣла подготовляетъ читателя въ теченіе всего второго періода своей литературной дѣятельности. До реформы, вслѣдствіе цензурныхъ условій того времени, ему удается дать на эту тему только двѣ небольшихъ картинки: «Нашъ дружескій хламъ» и «Скрежетъ зубовный» (обѣ въ «Современникѣ» 1860 г.) **), причемъ въ первой мы присутствуемъ среди ликованій по поводу слуховъ, что «опасеній никакихъ имѣть не слѣдуетъ», во второй мы выслушиваемъ рѣчи почтенныхъ дворянъ, въ родѣ престарѣлаго князя Оболдуй-Тараканова, на тему о «неторопливости и постепенности», о томъ, что «всякая теоретичность прежде всего должна быть повѣрена практичностью, и только тогда можемъ судить, въ какой степени можетъ быть достигнута примѣняемость условій». Послѣ реформы, какъ въ самый годъ ея осуществленія, такъ и въ теченіи двухъ послѣдующихъ лѣтъ (въ «Невинныхъ разсказахъ», въ «Сатирахъ въ прозѣ» и въ относящихся къ этому времени очеркахъ изъ «Помпадуровъ и помпадуршъ») сатирикъ не устаетъ бичевать дворянъ за ихъ враждебное отношеніе къ дѣлу освобожденія. При этомъ авторъ ставитъ вопросы такъ широко, съ такимъ тонкимъ художественнымъ тактомъ проникаетъ въ самые глубокіе тайники крѣпостнической психологіи, что разсказы его, касающіеся этой весьма отдаленной отъ насъ эпохи, и теперь читаются съ захватывающимъ интересомъ. Перечитывая, напримѣръ, душевную драму «госпожи Падейковой», которая страдаетъ отъ мучительной неопредѣленности слуховъ о готовящейся эмансипаціи, минутами прямо-таки забываешь о внутренней подкладкѣ драмы и начинаешь искренне сочувствовать «несчастью» этой женщины, передъ которой разверзлась какая-то темная, готовая поглотить ее бездна. Такую же душевную драму переживаетъ и Флоръ Лаврентьевичъ Ржа-

---

*) Т. 10-й, стр. 538.

**) Оба разсказа вошли въ „Собраніе сочиненій“, первый въ число „Невинныхъ разсказовъ“, второй —„Сатиръ въ прозѣ“.

нищевъ («Наши глуповскія дѣла»), нервозность котораго доходитъ до видѣній и предчувствій и который, по случаю все тѣхъ же представляющихся ему противоестественными слуховъ, размышляетъ о томъ, «прилично ли было бы, если бы деревья и злаки одѣвались не зеленымъ, а краснымъ цвѣтомъ?» Но вотъ, наконецъ, слухи перестали быть только слухами, они превратились въ «достовѣрныя извѣстія», и сатирикъ рисуетъ картину цѣлаго сборища дворянъ («Соглашеніе»), которые, погоревавъ и поохавъ, приходятъ къ мудрому рѣшенію: «намъ прежде всего нужно поспѣшить съ заявленіемъ нашей готовности, а потомъ... а потомъ можно будетъ оставить все по-прежнему-съ».

Въ тѣхъ же очеркахъ, въ которыхъ сатирикъ изображаетъ отношеніе дворянъ къ реформамъ, онъ касается попутно и той странной для насъ теперь психологіи помѣщиковъ, въ которой самая мысль о томъ, что Прошка или Ѳеклушка *могутъ* вдругъ, изъ простыхъ объектовъ владѣнія и распоряженія, стать равноправными имъ людьми, никакъ не находила себѣ надлежащаго помѣщенія. Какъ это, недоумѣвала г-жа Падейкова «всѣ Ѳеклушки, Маришки, Порфишки и Прошки вдругъ отобьются отъ рукъ, откажутся подавать барынѣ умываться, перестанутъ чистить ножи, выносить изъ лоханей и проч.?» Такая возможность казалась имъ столько же невѣроятной и неестественной, сколько понятными и естественными считались обыденные въ то время факты жестокаго обращенія съ крѣпостными даже со стороны помѣщиковъ и помѣщицъ, бывшихъ внѣ сферы крѣпостныхъ отношеній весьма пріятными, любезными и даже отзывчивыми людьми. Анализъ этой стороны крѣпостныхъ отношеній сатирикъ завершилъ полной потрясающаго трагизма картиной «Миша и Ваня», напечатанной въ № 1—2 «Современника» 1863 г. Два дворовыхъ мальчика, измученные жестокостью помѣщицы Катерины Аѳанасьевы, рѣшаются убить себя, чтобы разсказать Богу о перенесенныхъ ими мучительствахъ. Ужасный фактъ! Но всего ужаснѣе здѣсь то, что Катерина Аѳанасьевна «была въ своемъ кругу барыня веселая и даже добрая, многимъ изъ своихъ друзей дѣлала разныя одолженія», и такимъ образомъ кровь несчастныхъ дѣтей падаетъ не на ея только голову, а на головы всѣхъ присныхъ ея, на всю крѣпостническую среду.

Не мѣшаетъ отмѣтить здѣсь, что въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ, предъявленныхъ сатирику Писаревымъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ именно этотъ разсказъ.

«У читателя—увѣряетъ Писаревъ,—давно уже вертится на языкѣ вопросъ: да развѣ есть теперь, (т.-е. послѣ реформы) крѣпостные мальчики?—Нѣтъ, нѣту.—Такъ какъ же это они убивать себя могутъ? — Да они убиваютъ себя не теперь, а прежде, давно, во время оно. — А если прежде, во время *оно*, то съ какой стати повѣствуется объ этомъ событіи теперь, во время *сіе?*—Не знаю». И строгій критикъ

приходить къ выводу, что слезы, пролитыя сатирикомъ надъ двумя маленькими трупами,—не болѣе какъ «гримаса»; это «слезы, извлеченныя изъ глазъ посредствомъ нюханья хрѣна» *).

Обидная несправедливость этихъ строкъ оправдывается тѣмъ только, что брошены онѣ изъ прекраснаго далека петропавловскихъ казематовъ, откуда Писаревъ, въ теченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ, могъ внимательно слѣдить за русской литературой, но совершенно лишенъ былъ возможности наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось въ русской жизни. И Писаревъ не могъ знать, что для осмѣиваемаго имъ писателя, какъ разъ вопреки выдвинутымъ критикомъ положеніямъ, въ высшей степени характерно, что среди грудъ исписанной имъ бумаги едва ли найдется хоть одинъ листъ, который, такъ или иначе, не служилъ бы откликомъ на злобы текущаго дня.

Въ частности по поводу инкриминируемаго разсказа мы просимъ читателя вспомнить бесѣду Ивана Карамазова съ Алешей на тему о высшей гармоніи. «Не стóитъ она (высшая гармонія) слезинки хотя бы одного только замученнаго ребенка, который билъ себя кулаченкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слезками своими къ «Боженькѣ»! Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ ему почтительнѣйше возвращаю».

Такъ вотъ такой же входной билетъ, но безъ всякой торжественности и безъ всякой, конечно, почтительности, возвращалъ Салтыковъ своимъ разсказомъ дворянству, которое много разъ въ теченіе освободительной эпохи приглашало въ сады проектируемой имъ гармоніи—гармоніи правового порядка. «Не по карману нашему столько платить за входъ», отвѣчалъ на эти приглашенія сатирикъ и тутъ же развертывалъ картину одичанія нравовъ, безчувственныхъ даже къ дѣтскимъ слезамъ и крови, разъ только потоки ихъ выливались не изъ дворянскихъ очей и сердецъ. Не даромъ же разсказъ «Миша и Ваня» появился въ первой же книжкѣ «Современника», какая только могла откликнуться на всеподданнѣйшій адресъ московскаго дворянства отъ 23-го января 1862 г. **). Не даромъ же въ той же книжкѣ «Совре-

---

*) „Сочиненія Д. И. Писарева", т. 3. „Цвѣты невиннаго юмора", стр. 262—266.

**) Въ этомъ адресѣ московское дворянство просило разрѣшить ему избрать изъ своей среды коммиссію для обсужденія главныхъ началъ, долженствующихъ лечь въ основу будущаго устава о выборахъ, пересмотра устава о земскихъ повинностяхъ и обсужденія вопроса о земскомъ кредитѣ и земскихъ нуждахъ, съ участіемъ въ ея работахъ депутатовъ отъ другихъ сословій. Труды коммиссіи подлежали бы—по смыслу ходатайства—разсмотрѣнію созванныхъ въ Москвѣ выборныхъ людей отъ всѣхъ сословій государства, а затѣмъ личному благоусмотрѣнію государя.

менника» напечатана и другая сатира Салтыкова, «Къ читателю», гдѣ уже прямо высмѣиваются дворянскія мечтанія, совмѣщающія въ одной и той же головѣ рядомъ такія понятія, какъ selfgovernment и la libre initiative des poméschiks. Его можетъ только злить помѣщичье selfgovernment, какими бы либеральными фіоритурами они не украшали свою рѣчь о немъ. «Идея эта,—иронически замѣчаетъ онъ,—вовсе не такъ смѣла и нова, какъ кажется съ перваго взгляда, ибо она достаточно проявила свои достоинства въ теченіи столѣтій». И онъ не способенъ повѣрить росказнямъ, буто «каменоломни раскаиваются и изъявляютъ искреннее желаніе сдѣлаться цвѣтущими и благоухающими садами... Мы убѣдились, наконецъ, что не отъ гробовъ повапленныхъ предстоитъ ждать слова жизни, что не на нихъ должны покоиться наши упованія»...

Рѣшительно и рѣзко протестуя противъ претензій дворянства на какую бы то ни было особливую роль въ политической жизни страны, Салтыковъ утверждалъ, что правильно понимаемые интересы дворянства требуютъ отъ него полнаго слiянія съ жизнью народныхъ массъ. Въ замѣткѣ: «Гдѣ истинные интересы дворянства», напечатанной въ одномъ изъ октябрьскихъ выпусковъ «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника» 1861 г., Салтыковъ предлагаетъ дворянамъ съ этою цѣлью вступать членами въ тѣ сельскія и волостныя общества, въ районѣ которыхъ находятся ихъ помѣстья, на условіяхъ «участія помѣщиковъ наравнѣ съ прочими членами обществъ въ платежѣ государственныхъ податей и земскихъ повинностей, лежащихъ на обществѣ».

Это предложеніе прошло безъ всякаго отклика, безъ всякаго даже отпора со стороны представителей дворянской партіи, доказавшей своимъ молчаніемъ, что совсѣмъ не въ сторону «слiянія» были направлены ея вожделѣнія.

Заканчивая характеристику этой борьбы съ дворянствомъ, мы позволимъ себѣ въ заключеніе воспроизвести здѣсь изъ «Свистка» стихотвореніе Салтыкова, за подписью «Михаилъ Зміевъ-Младенцевъ», которое своей какъ будто изъ чугуна вылитой формой, своей почти стихійной силой краснорѣчивѣе всѣхъ его другихъ статей и замѣтокъ свидѣтельствуетъ о той огромной страстности, съ какою сатирикъ велъ борьбу. Стихотвореніе, напечатанное въ № 4 «Современника» за 1863 г., носитъ заглавіе: «Пѣснь московскаго дервиша». Вотъ оно:

(*Начинаетъ робкимъ, тихимъ голосомъ*).
Ужъ я русскому народу
Показалъ бы воеводу.
Только дали бы мнѣ ходу,
Ходу! ходу! ходу! ходу!
(*Постепенно разгорячается*).
Покатался-бъ! Наигрался-бъ!
Наломался-бъ! Наплясался-бъ!
Наругался-бъ! Насосался-бъ!
Насосался-бъ! Насосался-бъ!

(Разгорячается окончательно и, видя, что никто ему не возражаетъ, изъ условной формы переходитъ въ утвердительную).

Я россійскую реформу,
Какъ негодную проформу,
Вылью въ пряничную форму!
Форму! форму! форму! форму!
Нигилистовъ строй разрушу,
Уязвлю имъ въ сладцѣ душу:
Поощрили-бъ лишь—не струшу!
Нѣтъ, не струшу! Нѣтъ, не струшу!

(Въ изступленіи думаетъ, что все сіе совершилось).

Я цензуру пріумножилъ,
Нигилистовъ уничтожилъ!
Землю русскую стреножилъ.

(Закатывается и не понимаетъ самъ, что говоритъ).

Ножилъ! ножилъ! ножилъ! ножилъ!

XXIII.

Колебанія сатирика въ оцѣнкѣ „нигилизма" и „конфуза".—Стиль первыхъ сатиръ Салтыкова.

Рѣзкая опредѣленность, съ какою Салтыковъ всталъ въ отношеніе къ дворянскому вопросу, сильно подчеркиваетъ ту шаткость, тѣ колебанія, какія онъ обнаруживаетъ въ этомъ же періодѣ своей литературной дѣятельности въ своихъ взглядахъ на только что выступившихъ на сцену людей новаго типа, которыхъ, съ легкой руки Тургенева, окрестили «нигилистами», или—по терминологіи реакціонной печати—«мальчишками». Вопросомъ о «нигилистахъ» и «мальчишкахъ» наша журналистика занялась, какъ извѣстно, съ момента появленія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1862 г. «Отцовъ и дѣтей» Тургенева, причемъ романъ этотъ сразу же внесъ въ литературную полемику такой сумбуръ, что только время могло постепенно расчистить почву для правильнаго его пониманія.

Начать съ того, что Катковъ ужаснулся на первыхъ порахъ, увидѣвъ въ доставленномъ ему романѣ апоѳеозу «Современника», а тотъ же «Современникъ», устами М. А. Антоновича, выразилъ не только ужасъ, но и негодованіе по поводу «чистой клеветы на литературное направленіе» и обрушился на Тургенева шумными потоками брани и злословія. Когда же выступилъ Писаревъ съ категорическимъ и смѣлымъ заявленіемъ о томъ, что Базаровъ представляется ему блестящимъ художественнымъ воплощеніемъ лучшихъ стремленій и симпатій молодого поколѣнія, въ журналистикѣ всѣхъ оттѣнковъ и направленій поднялась страшная шумиха, и среди этой литературной какафоніи стало трудно разбираться въ отдѣльныхъ голосахъ и мнѣніяхъ.

Голосъ Салтыкова принадлежалъ именно къ числу неразборчивыхъ. Онъ не только не сдерживалъ озлобленныхъ вылазокъ г. Антоновича, но и самъ не разъ вмѣшивался въ полемику, въ которой то горячо и

жестоко наступалъ, то цѣлымъ рядомъ оговорокъ смягчалъ свои приговоры.

Теперь мы знаемъ, что вся повѣсть Тургенева, какъ онъ самъ признавалъ въ письмѣ къ Случевскому (1862 г.), «направлена противъ дворянства, какъ передового класса»; что Базаровъ, повторяя опять-таки слова самого автора изъ письма къ Герцену (1862 г.), не могъ не подавить собою «человѣка съ душистыми усами», потому что повѣсть давала картину «торжества демократизма надъ аристократіей». Какъ же, спрашивается случилось, что Салтыковъ, все время самъ сражавшійся противъ «дворянства, какъ передового класса», не понялъ тогда же и не оцѣнилъ своего союзника?

Случилось такое очевидное для насъ недоразумѣніе по той простой причинѣ, что сатирикъ, всею мощью огромнаго таланта боровшійся за интересы демократіи, самъ демократомъ не былъ. Онъ очень хорошо зналъ всю эту разночинную окружавшую его со всѣхъ сторонъ массу,—всѣхъ этихъ «глуповцевъ», которые и теперь, въ эпоху «возрожденія», «оказываются попрежнему бѣдными иниціативой, шаткими и зависимыми въ убѣжденіяхъ; попрежнему гибко и недерзновенно пригибаются они то въ ту, то въ другую сторону, безпрекословно слѣдуя направленію ледовитыхъ вѣтровъ, цѣпенящихъ родную ихъ равнину изъ одного края въ другой» *). Онъ зналъ этихъ глуповцевъ, смѣялся надъ ними, чтобы разбудить ихъ, плакалъ надъ ихъ безпомощностью, болѣлъ за нихъ, защищалъ ихъ. И вдругъ изъ сѣрыхъ рядовъ этой жалкой массы встаетъ гордая и сильная фигура Базарова, чуждая глуповской мелочности и пошлости, встаетъ не какъ случайное явленіе, а какъ типъ, выдвинутый низами глуповской жизни. Салтыковъ просто не повѣрилъ въ Базарова и въ первой же статьѣ, въ которой ему пришлось коснуться «Отцовъ и дѣтей», онъ увѣряетъ, что повѣсть Тургенева трактуетъ о томъ, «какъ нѣкоторый *хвастунишка* и *болтунишка*, да вдобавокъ еще изъ проходимцевъ, вздумалъ пріударить за важной барыней, — и что изъ этого произошло» **). Почти годъ спустя онъ высказывается все въ томъ же смыслѣ недовѣрія къ новому теченію. Онъ убѣжденъ, что «такъ называемые нигилисты суть не что иное, какъ титулярные совѣтники въ дикомъ и нераскаянномъ состояніи, а титулярные совѣтники суть раскаявшіеся нигилисты» и что современемъ «изъ пламенныхъ мальчишекъ образуются не менѣе пламенные каплуны» ***).

Много колкихъ и ядовитыхъ словъ было брошено Салтыковымъ въ «мальчишекъ» въ теченіе 1863—1864 гг., но мы не будемъ вспоминать эти имъ же преданныя забвенію мало привлекательныя страницы изъ его литературной дѣятельности. Непривлекательныя не по-

---

*) „Сатиры въ прозѣ“, т. 2, стр. 686.

**) „Современникъ“ 1863 г., № 1—2. „Петербургскіе театры“. Курсивъ нашъ.

***) Ibid., 1863 г., № 12.

тому, что онѣ не соотвѣтствуетъ нашему строю мысли, а потому что и самимъ Салтыковымъ онѣ писались безъ достаточнаго разумѣнія, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его же многочисленныя оговорки и поясненія, которыми онъ долженъ былъ сопровождать свои статьи, чтобы хоть сколько-нибудь разсѣять сгущавшіяся вокругъ «Современника» тучи нареканій и недоразумѣній. Не будемъ разбираться и въ оговоркахъ, потому что никакія оговорки не могли помочь тамъ, гдѣ основная мысль была неясна для самаго автора. Напомнимъ лишь единственно существенную на нашъ взглядъ оговорку, тѣмъ болѣе, что ею дорожилъ и самъ Салтыковъ, ее одну изъ всего написаннаго о нигилизмѣ, сохранившій для «Полнаго собранія сочиненій». Свидѣтельствуя здѣсь объ «освѣжающей силѣ» мальчишества, сатирикъ пишетъ: «Не будь мальчишества, не держи оно общество въ настоящей тревогѣ новыхъ запросовъ и требованій, общество замерло бы и уподобилось бы заброшенному полю, которое можетъ производить только репейникъ и куколь... Дозволю себѣ одинъ казенный вопросъ: давно ли называлось, карбонарствомъ, вольтеріанствомъ все то добро, которое нынѣ воочію совершается? И нельзя ли отсюда придти къ заключенію, что и то, что нынѣ называется мальчишествомъ, нигилизмомъ и другими, болѣе или менѣе поносительными именами, будетъ *когда-нибудь* (NB. курсивъ автора) называться добромъ?» *).

Недостаточно опредѣленное отношеніе къ такому крупному общественному явленію, какъ нарожденіе «мальчишества», не могло не отразиться и на отношеніи сатирика ко всей эпохѣ «возрожденія Глупова», въ ея цѣломъ. Эпоху эту и, главнымъ образомъ, періодъ, слѣдующій за освобожденіемъ крестьянъ, сатирикъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія обуявшаго глуповцевъ «конфуза». «Конфузъ» — это первые проблески критической мысли, направленной на переоцѣнку сложившихся вѣками отношеній, это, по словамъ самого же сатирика, «честная, благотворная струя, которая спасаетъ Глуповъ отъ окончательнаго разложенія **).

Но, разумѣется, «конфузъ» не могъ не вызвать изъ нѣдръ жизни и множества отрицательныхъ, такъ сказать, подлаживающихся подъ кон-

---

*) „Современникъ" 1863 г., № 1—2. „Наша общественная жизнь", а также „Признаки времени", т. 7, стр. 546.

Между прочимъ, считаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь два слова о работѣ А. Н. Пыпина („М. Е. Салтыковъ", Спб., 1899 г.), въ которой почтенный академикъ пытается возсоздать журнальную дѣятельность сатирика 1863 — 1864 гг. При всемъ интересѣ этой работы, историко-литературная цѣнность ея сильно умаляется тенденціозностью, съ какою авторъ подбиралъ и сортировалъ статьи, тщательно скрывая прошлыя ошибки сатирика. Поэтому въ число нигдѣ не перепечатанныхъ статей вошли для чего-то полностью цѣлыя страницы, которыя повторяются въ „Полномъ собраніи соч." Салтыкова, и наоборотъ, многія изъ тѣхъ положеній сатирика, на которыя въ „Собраніи соч." нѣтъ никакого намека, совершенно не упоминаются и г. Пыпинымъ.

**) „Сатиры въ прозѣ", стр. 636.

фузъ типовъ и даже цѣлыхъ общественныхъ группъ, блестящей характеристикѣ которыхъ посвящено не мало статей и очерковъ сатирика въ данномъ періодѣ. Эти отрицательныя явленія должны бы, казалось, только усиленнѣй подчеркивать положительное значеніе «конфуза», распространенность котораго обязывала считаться съ нимъ даже людей, лично къ конфузу совсѣмъ не причастныхъ. Пусть госпожа Падейкова, которая раньше называла свою горничную Аришкой, халдою и чумичкой, и теперь внутренне остается непреклонною въ своихъ взглядахъ, но все же она называетъ теперь Аришку Аришей, а халду голубушкой. Пусть капитанъ Постукинъ и теперь не прочь попрежнему дѣйствовать чубукомъ наотмашь, но онъ долженъ былъ «усовершенствовать себя до такой степени деликатности, что только стискивалъ свой чубучище въ рукѣ, но бить имъ никого не билъ». Для насъ эти факты—повторяемъ—имѣютъ положительное значеніе, подчеркивая обязательность если не конфуза, то во всякомъ случаѣ приноровленныхъ къ конфузу поступковъ. Сатирикъ, однако, сосредоточиваетъ свое вниманіе въ данномъ случаѣ на моральной оцѣнкѣ явленія,—на неискренности поступковъ, и затѣмъ, увлекшись галлереей изображенныхъ имъ лицемѣровъ и пошляковъ, дѣлаетъ, въ концѣ концовъ, произвольно широкія и крайне неутѣшительныя для Глупова обобщенія. Онъ увѣренъ именно, что «нашъ конфузъ—временный» и, «въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ неумѣніе. Мы конфузимся, такъ сказать, скрѣпя сердце; мы конфузимся и въ то же время помышляемъ: «ахъ, какъ бы я тебя жамкнулъ, кабы только умѣлъ!» Отъ этого въ нашемъ конфузѣ нѣтъ ни послѣдовательности, ни добросовѣстности... Во-вторыхъ, конфузъ, проводя, въ сущности, тѣ же принципы, которые проводило и древнее нахальство, даетъ имъ болѣе мягкія формы и, при помощи красивой внѣшности, совершенно заслоняетъ отъ глазъ постороннихъ наблюдателей ничтожество и даже гнусность своего содержанія. Силѣ можно отвѣтить силою же; глупости и пустословію отвѣчать нечѣмъ» *). Неудивительно, что не знавшій конфуза старо-глуповецъ представляется ему теперь даже «милымъ». Онъ былъ нелѣпъ, былъ отвратителенъ, но все же онъ милъ уже потому, что «былъ не ужасно, а смѣшно отвратителенъ. Новый глуповецъ продолжаетъ быть отвратительнымъ и въ то же время утратилъ способность быть милымъ. Его прикосновеніе положительно оскверняетъ» *).

Необоснованность этого жестокаго обобщенія вскрывается сама собою, а полная безнадежность его поражаетъ своей неожиданностью тѣмъ болѣе, что въ данный періодъ дѣятельности Салтыкова чувствуется особенная бодрость и даже—скажемъ—жизнерадостность его

*) „Сатиры въ прозѣ", стр. 385.
**) Ibid., стр. 685—686.

настроенія. Въ его сатирѣ ясно слышатся временами раскаты здороваго смѣха, которые замираютъ лишь постепенно, по мѣрѣ удаленія отъ эпохи «возрожденія» Глупова. И очевидно, самъ сатирикъ не менѣе насъ былъ удивленъ неожиданностью подведенныхъ имъ итоговъ. По крайней мѣрѣ, заканчивая «Сатиры въ прозѣ», онъ обрываетъ ихъ не менѣе неожиданнымъ и опять таки необоснованнымъ, но зато полнымъ оптимизма заявленіемъ, что новоглуповецъ уже не повторится въ нашей исторіи, что онъ—«послѣдній изъ глуповцевъ».

Неустановившемуся пока еще въ данномъ періодѣ отношенію Салтыкова ко многимъ явленіямъ общественной жизни соотвѣтствуютъ и неровности его стиля. Чувствуется иногда подражаніе Гоголю, которое мѣстами граничитъ даже съ простой копировкой образца, какъ, напримѣръ, въ характеристикахъ Зиновея Захарыча («Невинные разсказы», стр. 354) или Семена Михайлыча (ibid., стр. 581) *). Мѣстами ухо рѣжетъ утрированная грубоватость стиля. И это особенно чувствуется въ полемическихъ (не вошедшихъ въ собраніе) статьяхъ, въ которыхъ сатирикъ, по выраженію одного современнаго критика, бросался на своихъ противниковъ «съ телѣжною оглоблею въ рукахъ». Но въ общемъ и здѣсь передъ нами уже цѣлые очерки, выдержанные въ томъ оригинальномъ, образномъ, богатомъ удивительными сочетаніями и переходами настроеній стилѣ, которому никто даже не отваживался подражать, потому что онъ неподражаемъ. И намъ прямо-таки досадно, что, задавшись общей оцѣнкой дѣятельности сатирика даннаго періода, мы лишили себя удовольствія привести здѣсь, на этихъ страницахъ, хотя бы нѣкоторые образцы богатаго щедринскаго стиля, хотя бы нѣкоторыя изъ блестящихъ характеристикъ, которыя составляютъ содержаніе первыхъ сборниковъ Салтыкова.

Вл. Кранихфельдъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) „Вся фигура его (Зиновея Захарыча) была каверзна и безобразна и до такой степени представляла собой образецъ ломаной линіи, что при распространившихся въ послѣднее время понятіяхъ о линіи кривой онъ не могъ быть терпимъ на службѣ въ судѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится самое мѣсторожденіе ломаной линіи“ и т. п.

ХОЛЕРА.

А. Фогаццаро.

Переводъ съ итальянскаго **Е. Лазаревской.**

— Ваше сіятельство, кофе,—сказала горничная.

Отвѣта не послѣдовало. Хотя шторы въ комнатѣ были спущены, но на фонѣ бѣлѣвшейся сквозь сумракъ подушки можно было различить склоненное изящное личико спавшей молодой женщины.

— Кофе, ваше сіятельство,—нѣсколько громче повторила горничная, стоя около кровати съ подносомъ въ рукахъ.

Графиня перевернулась на спину, вздохнула, не раскрывая глазъ, и зѣвнула.

— Подними штору.

Горничная, не оставляя своего подноса, пошла къ окну и, потянувъ шторный шнурокъ, опрокинула на блюдечко пустую чашку.

— Тише,—вполголоса, но гнѣвно сказала графиня.—Что съ тобой сегодня? О чемъ ты думаешь? Вотъ, разбудила ребенка.

Дѣйствительно, малютка съ плачемъ проснулся.

Молодая женщина подняла голову съ подушки и повелительно шикнула по направленію къ кроваткѣ.

Ребенокъ сейчасъ же успокоился и только нѣсколько разъ тихонько, жалобно всхлипнулъ.

— Давай кофе,—сказала графиня.—Ты была у графа? Держи крѣпче. Что съ тобой?

Въ самомъ дѣлѣ, съ горничной что-то происходило. Чашка съ блюдечкомъ, сахарница, кофейникъ и подносъ обнаруживали своимъ трепетомъ что-то подозрительное. Графиня подняла глаза.

— Что случилось?—спросила она, ставя чашку.

Если лицо горничной было перекошено, то лицо барыни не менѣе того измѣнилось теперь отъ испуга и ожиданія чего-то неизвѣстнаго.

— Ничего,—вся дрожа, отвѣтила горничная.

Графиня съ силой тигрицы схватила ее за руку.

— Говори сейчасъ,—приказала она.

Между тѣмъ, надъ рѣшеткой кроватки появилось молчаливо внимательное хорошенькое личико ребенка лѣтъ четырехъ.

— Холера, синьора,—едва не плача, отвѣтила горничная.—Холера здѣсь.

Графиня, вся помертвѣвъ, почти инстинктивно обернулась къ сыну и увидала, что онъ слушаетъ. Она соскочила съ кровати, поспѣшно сдѣлала горничной знакъ молчанія, кивнувъ ей, чтобы она прошла въ сосѣднюю комнату, и подбѣжала къ кроваткѣ.

Малютка снова собирался плакать, но она стала его цѣловать, ласкать, шутить и смѣяться съ нимъ, пока, наконецъ, не побѣдила его слезъ. Потомъ, накинувъ впопыхахъ капотъ, прошла въ сосѣднюю комнату къ горничной и заперла за собой двери.

— Боже мой, Боже мой!—задыхаясь, судорожно воскликнула она. Горничная разрыдалась.—Тише, ради Бога! Смотри, если ребенка напугаешь! Гдѣ холера?

— У насъ синьора! У надсмотрщиковой Розы. Въ полночь ее схватило...

— О Боже мой! Что же она?

— Умерла! Съ полчаса, какъ умерла.

Въ эту минуту ребенокъ въ спальной закричалъ, зовя мать.

— Поди, поиграй съ нимъ,—сказала графиня,—забавляй его, дѣлай все, что онъ захочетъ. Успокойся, дорогой,—крикнула она,—я сейчасъ приду.

И она побѣжала къ мужу.

Графиня слѣпо и безумно боялась холеры. Только страсть ея къ ребенку была болѣе слѣпа и безумна. При первыхъ слухахъ о появленіи заразы она бѣжала съ мужемъ изъ города въ свою виллу, въ великолѣпное имѣнье, принесенное ею въ приданое, разсчитывая, что тамъ и въ 1886 году не будетъ холеры, какъ ея не бывало тамъ никогда раньше, даже въ 1836. И вдругъ теперь она оказывалась у нея же въ домѣ, на черномъ дворѣ виллы.

Графиня, непричесанная и полуодѣтая, вошла къ мужу и прежде еще, чѣмъ заговорить, два раза изо всѣхъ силъ позвонила.

— Ты знаешь?—спросила она съ расширенными, какъ у привидѣнія, глазами.

Графъ, въ эту минуту преспокойно брившійся, обернулся, держа въ рукѣ намыленную кисть, и, придавъ своему лицу безсмысленное выраженіе, спросилъ:

— Что?

— Ты не знаешь про Розу?

Графъ изобразилъ своимъ видомъ полное спокойствіе и отвѣтилъ:

— Да, знаю.

Вначалѣ у него была тѣнь неразумной надежды на то, что жена еще не знаетъ о случившемся, теперь же онъ подумалъ, что его равнодушный видъ долженъ и ее успокоить. Но вмѣсто того прекрасные глаза графини испустили молніи, лицо ея внезапно сдѣлалось жесткимъ!

— Вы знаете это,—воскликнула она,—и занимаетесь бритьемъ! Да что ты такое? Какой ты отецъ? Какой ты мужъ?

— О Господи...—произнесъ намыленный до самыхъ глазъ и окутанный салфеткой графъ, разведя руками.

Прежде чѣмъ онъ могъ найти, что сказать дальше, въ дверь постучалъ лакей.

Графиня отдала ему приказаніе, чтобы никого не впускали въ домъ съ чернаго двора, и чтобы никто изъ дому не ходилъ во дворъ. Потомъ велѣла сказать кучеру, чтобы черезъ часъ было готово ландо съ тѣми лошадьми, которыхъ прикажетъ графъ

— Что ты хочешь дѣлать?—спросилъ послѣдній, придя тѣмъ временемъ въ собя.—Несообразностей я никакихъ не допущу.

— Несообразностей! Какъ у тебя хватаетъ духу это говорить? Я готова во всемъ быть твоей рабой, но когда дѣло идетъ о жизни, понимаешь ли ты это, когда дѣло идетъ о моемъ сынѣ, я никого не хочу слушать. Я желаю немедленно уѣхать. Прикажи лошадей.

Графъ разсердился. Можно ли доходить до такихъ крайностей? Такое бѣгство просто неприлично. А дѣла? Онъ готовъ уѣхать черезъ два дня, черезъ день, ну, черезъ двѣнадцать часовъ, но не ранѣе того! Графиня не давала ему сказать четырехъ словъ, не возразивъ на нихъ съ величайшей рѣзкостью. При чемъ тутъ приличіе! Что за дѣла! Стыдился бы!

— А вещи?—спросилъ онъ.—Вѣдь надо же будетъ взять съ собой что-нибудь. Нужно же на это время!

Графиня отвѣтила ему презрительнымъ восклицаніемъ. Она обязуется въ часъ приготовить сундуки.

— Но куда же мы поѣдемъ?—еще разъ спросилъ мужъ.

— На станцію желѣзной дороги, а тамъ, куда ты захочешь. Прикажи же, какихъ лошадей.

— Это мнѣ надоѣло!—закричалъ графъ.—Я приказываю то, что хочу. А! да впрочемъ, пусть всѣ дѣла пропадаютъ, пусть все пропадаетъ, какое мнѣ дѣло. Твое вѣдь все... Рыжихъ!..—съ яростью крикнулъ онъ слугѣ, невозмутимо ждавшему у порога.

Слуга вышелъ.

Графиня въ одно мгновеніе одѣлась и причесалась, многократно стискивая при этомъ руки въ порывахъ молчаливой молитвы, ежеминутно раздавая приказанія, судорожнымъ звономъ колокольчика заставляя прислугу носиться по дому. Слуги летали взадъ и впередъ по лѣстницамъ, раздавалось хлопанье дверей, ежеминутный зовъ когонибудь, брань, смѣхъ и тихія проклятія. Выходящія на роковой дворъ окна были мгновенно заперты,— между прочимъ и затѣмъ, чтобы не слышать отчаяннаго плача дѣтей умершей; но по дому уже распространялся зловѣщій запахъ хлора, который уже заглушалъ въ комнатѣ графини запахъ тонкихъ вѣнскихъ духовъ, бывшій какъ бы ея атмосферой.

— Боже мой!—воскликнула она, содрогаясь, словно почувствовавъ запахъ смерти.—Теперь мнѣ все отравятъ. Скорѣй въ сундуки все, скорѣй въ сундуки! И сію же минуту запирайте ихъ! Я умру, если еще съ собой увеземъ этотъ запахъ. Развѣ не знаютъ, что хлоръ совершенно безполезенъ? Сжечь, все сжечь! Если надсмотрщикъ что-нибудь утаитъ, баринъ его прогонитъ.

— Ужъ сожгли, ваше сіятельство,—сказала одна изъ горничныхъ.— Докторъ велѣлъ сжечь простыни, одѣяло и сѣнникъ.

— Этого мало!—возразила графиня.

Въ эту минуту графъ, выбритый и одѣтый, стремительно вошелъ въ комнату и отозвалъ жену въ сторону:

— А что же мы будемъ дѣлать съ людьми?—спросилъ онъ.—Не могу же я всѣхъ ихъ брать съ нами путешествовать.

— Дѣлай, какъ хочешь,—отвѣтила она.—Отпусти ихъ. Въ домѣ здѣсь, конечно, никого не оставимъ. Я не хочу, чтобы они схватили холеру, и чтобы потомъ мнѣ всѣ комнаты хлоромъ заразили; и сколько вещей было бы сожжено, потому что, если дѣло касается господъ...

Графъ былъ теперь въ ярости отъ того, что уступилъ.

— Очень мы красиво поступаемъ,—сказалъ онъ.—Это подлость, это позоръ бѣжать такимъ образомъ.

— Вотъ вы, мужчины, всегда такъ!—возразила графиня.—Казаться мужественнымъ, казаться сильнымъ для васъ важнѣе, чѣмъ здоровье и жизнь вашей семьи. Вы боитесь лишиться популярности! Хочешь сохранить ее? Позови синдика и предложи ему сто лиръ на холерныхъ больныхъ.

Графъ попробовалъ заявить, что онъ останется, чтобы она одна уѣзжала съ ребенкомъ, но не съумѣлъ настоять на этомъ.

Тѣмъ временемъ сундуки наполнялись. Игрушки ребенка, его лучшія платьица, стклянки опіума, молитвенники, брошюра доктора Тунизи о холерѣ, купальный костюмъ, нѣсколько драгоцѣнностей, почтовая бумага съ вензелемъ, мѣха, бѣлье, много лишняго и мало необходитаго,—все было наброcано туда вперемежку. Потомъ съ большимъ трудомъ сундуки были закрыты. Потомъ графиня въ сопровожденіи графа, выказывавшаго самое пылкое желаніе что-нибудь сдѣлать, но ничего не дѣлавшаго, обѣжала весь домъ, открывая шкафы и ящики, въ послѣдній разъ заглядывая въ нихъ и собственноручно запирая все на ключъ. Графъ заявилъ, что было бы необходимо съѣсть что-нибудь, прежде чѣмъ ѣхать.

— Да, да,—иронически подхватила она, съѣсть что-нибудь!—Я вамъ сейчасъ скажу, что вамъ надо съѣсть.

И собравъ въ одну комнату мужа и всѣхъ слугъ, также и тѣхъ, которые распускались по домамъ, такъ какъ она всѣмъ хотѣла добра, она заставила ихъ всѣхъ принять по десяти капель опіума. Ребенокъ получилъ шоколадъ.

Наконецъ, со стороны сада рысью подъѣхала коляска и остановилась передъ домомъ. Прежде чѣмъ выйти, графиня, которая была очень набожна, уединилась въ свою комнату, чтобы въ послѣдній разъ помолиться. Взявъ стулъ, она склонилась на него въ своемъ изысканномъ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ, скрестивъ на его спинкѣ руки въ черныхъ перчаткахъ на восьми пуговицахъ, покрытыя у перехвата кисти платиновыми и золотыми кругами браслетовъ, подняла къ небу перо своей черной бархатной шляпы и полные мольбы глаза и быстро, продолжительно зашевелила губами. Она не сказала Богу ни слова о несчастныхъ созданіяхъ, лишившихся матери, ни о томъ, чтобы холера пощадила простыя жизни, прикованныя своимъ трудомъ къ ея богатой землѣ, доставившей ей ея виллу, ея драгоцѣнности, одежды, вѣнскіе духи и всякія утонченности, давшей ей гордость, давшей ей мужа, ребенка, возможность съ удобствомъ молиться Богу. Она не помолилась и за себя. Она, которая уже видѣла себя и своихъ заболѣвающими въ дорогѣ холерой, не захотѣла молиться о себѣ и забыла помолиться о мужѣ. Она молилась о ребенкѣ, предлагала себя въ жертву за его искупленіе. Губы ея произносили только «Pater», «Ave» и славословія, но душа ея была вся въ ребенкѣ, вся полна ужасомъ передъ тѣмъ, что онъ можетъ захворать, желаніемъ того, чтобы онъ не пострадалъ хотя бы отъ этого внезапнаго отъѣзда, отъ предстоящаго и еще невѣдомаго путешествія, чтобы онъ не потерялъ ни сна, ни аппетита, ни веселости, ни румянца, чтобы ей удалось уберечь его отъ всякаго вида чужого горя и ужаса.

Она поспѣшно перекрестилась, надѣла длинный сѣрый плащъ и пошла запереть единственное остававшееся открытымъ окно. Утренній вѣтеръ шевелилъ и оживлялъ блестящую листву тополей вдоль аллеи въѣзда и спѣлыя травы на разстилавшейся передъ виллой лужайкѣ, по которой пробѣгали широкія тѣни отъ облаковъ. Графиня, считавшая этотъ вѣтеръ полнымъ предательства, не бросила ни взгляда сожалѣнія на знакомую ей съ дѣтства мирную картину; она заперла окно и вышла изъ дому.

Около дверецъ коляски стоялъ синдикъ и разговаривалъ съ графомъ.

— Вы оттуда?—спросила, отпрянувъ отъ него, графиня.

Услыхавъ, что онъ изъ дому, она осыпала его упреками въ томъ, что онъ не съумѣлъ не допустить заразы. Синдикъ улыбался и оправдывался, но графиня нервно отвѣтила:

— Ничего, ничего,—и поспѣшила сѣсть съ ребенкомъ въ коляску.

— Ты далъ?—вполголоса спросила она у мужа, когда тотъ тоже занялъ свое мѣсто. Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Я еще долженъ поблагодарить ваше сіятельство,—началъ синдикъ,—за великодушную...

— Пустяки, пустяки,—прервалъ графъ, не сознавая хорошенько, что говоритъ.

Теперь, когда всѣ были въ коляскѣ, графиня произвела поспѣшный осмотръ саквояжей, несессеровъ, зонтиковъ, пледовъ, пальто и плащей. Графъ тѣмъ временемъ обернулся, чтобы посмотрѣть, всѣ ли сундуки уложены на стоявшую сзади экипажа повозку.

— Готово?—спросилъ онъ.—А карапузъ этотъ о чемъ плачетъ?

— Кто плачетъ?—воскликнула въ свою очередь графиня, стремглавъ высовываясь изъ коляски.

— Такъ точно, синьоръ, готово,—отвѣтилъ крестьянинъ, помогавшій лакеямъ укладывать вещи.

Около него, цѣпляясь за его панталоны, стоялъ и горько плакалъ оборваный мальчуганъ.

— Замолчи, пошелъ прочь,—желчно сказалъ ему отецъ и, обратившись къ господамъ, повторилъ:

— Все готово.

Графъ, глядя на мальчугана, опустилъ руку въ карманъ.

— Не убивайся,—сказалъ онъ.—Я и тебѣ дамъ сольдо.

— Мама больна,—отчаянно зарыдалъ мальчикъ.—Холера у мамы.

Графиня подскочила на своемъ мѣстѣ и съ безумнымъ ужасомъ на лицѣ принялась колотить кучера зонтикомъ по спинѣ.

— Пошелъ!—закричала она.—Пошелъ! Пошелъ сію минуту!

Кучеръ хлестнулъ лошадей, которыя съ грохотомъ подхватили и сразу пустились въ галопъ. Синдикъ едва успѣлъ отскочить, графъ едва успѣлъ бросить крестьянину горсть монетъ, которыя разсыпались по землѣ. Мальчикъ перестал плакать; отецъ его не шевельнулся, посмотрѣлъ вслѣдъ сверкавшимъ колесамъ и сѣрымъ зонтикамъ, быстро удалявшимся въ облакѣ пыли, и произнесъ сквозь зубы:

— Скоты проклятые.

Синдикъ пошелъ потихоньку прочь, сдѣлавъ видъ, что не слышалъ.

Крестьянинъ былъ человѣкъ средняго роста и сложенія, худой, съ мертвеннымъ цвѣтомъ лица, съ сумрачнымъ взглядомъ. Одежда висѣла на немъ лохмотьями, какъ и на сынѣ. Онъ велѣлъ мальчику подобрать деньги и пошелъ съ нимъ къ своему жилищу.

Онъ жилъ на дворѣ одной изъ графининыхъ фермъ, въ берлогѣ изъ осыпавшихся нештукатуренныхъ кирпичей, находившейся между навозной кучей и свинымъ хлѣвомъ. Черная отъ гнившихъ невозможныхъ нечистотъ канава, черезъ которую была перекинута въ видѣ моста гнилая доска, испускала зловоніе около самыхъ дверей, которыя вели въ черную, грязную пещеру безъ пола, съ кирпичнымъ, со всѣхъ сторонъ обвалившимся очагомъ, передъ которымъ было замѣтное углубленіе, выдавленное колѣнями тѣхъ, кто варилъ на немъ похлебку. Деревянная лѣстница, въ которой не доставало трехъ ступенекъ, вела въ смрадное отъ нищеты и дряхлости жилое помѣщеніе, гдѣ отецъ, мать и сынъ спали на одной кровати. Сквозь провалившійся около кровати полъ видна была кухня. Сама кровать была по-

ставлена вкось, на единственное мѣсто, на которое во время дождя не лилось съ крыши.

На полу, скрючившись и положивъ голову на край кровати, полусидѣла, полулежала крестьянка, заболѣвшая холерой; ея жалкое, состарившееся къ тридцати годамъ лицо, видимо, было лѣтъ въ двадцать чрезвычайно красивымъ и еще сохранило красоту благородной кротости. При первомъ взглядѣ на нее, мужъ понялъ, что все кончено, и съ устъ его сорвалось проклятіе. Мальчуганъ, вошедшій за нимъ слѣдомъ, при видѣ почернѣвшаго лица матери, со страхомъ замеръ у дверей.

— Господи Іисусе, ушли ты его,—слабымъ голосомъ проговорила больная. — Ушли его прочь, у меня холера. Поди къ тетѣ, родной мой. Уведи его и позови священника.

— Сейчасъ,—сказалъ мужъ.

Онъ вышелъ и толкнулъ мальчика къ дворовой калиткѣ, повторяя:

— Иди! Иди къ теткѣ.

Потомъ онъ вошелъ подъ навѣсъ фермы, взялъ охапку соломы, снесъ ее къ себѣ въ кухню и опять поднялся къ женѣ, которая тѣмъ временемъ съ большими усиліями вэобралась на кровать.

— Послушай,—сказалъ онъ ей съ непривычной нѣжностью,—жалѣю я тебя, но если ты умрешь тутъ, то кровать вѣдь сожгутъ, понимаешь? Подумай объ этомъ. Я принесъ тебѣ соломы въ кухню большую охапку.

У нея быстро пропадалъ голосъ, такъ что она уже не могла говорить, только усердно закивала головой въ знакъ согласія и попробовала, но безполезно, сдѣлать усиліе, чтобы сойти съ кровати. Тогда мужъ взялъ ее на руки.

— Ну,—сказалъ онъ,—если еще теперь и я подохну, что только тогда будетъ.

Больная жестами попросила его дать ей маленькій серебряный крестикъ, висѣвшій на стѣнѣ, и получивъ его, жадно припала къ нему губами. Мужъ снесъ ее, какъ мертвое тѣло, внизъ въ кухню, уложилъ, какъ могъ лучше, на солому, и ушелъ за священникомъ.

Тогда и эта несчастная, лежа одна, какъ зачумленное животное, на уже зараженной соломѣ, тоже стала молиться передъ тѣмъ, какъ отправиться въ невѣдомый міръ. Она со смиреннымъ сокрушеніемъ сердца молилась о своей душѣ, убѣжденная, что много грѣшила, хотя и не могла вспомнить, какъ именно, мучаясь, что не можетъ вспомнить. Пришелъ присланный синдикомъ докторъ. Онъ боялся холеры. Увидя, что больная безнадежна, онъ сказалъ—«ну, рома или марсалы у васъ, надо думать, нѣтъ», велѣлъ ей положить на животъ горячихъ кирпичей, наложилъ запретительную печать и ушелъ. Пришелъ священникъ. Онъ не боялся. Онъ спокойно, грубо, съ равнодушіемъ привычки сказалъ ей то, что онъ называлъ «обычными ве-

щами», затемнивъ въ своей рѣчи то божественное, что есть въ этомъ «обычномъ», и что все-таки, сколь ни было опошлено невѣжествомъ и неумѣстной безсердечностью, пролило свѣтъ и отраду въ душу умирающей.

Исполнивъ свое дѣло, ушелъ и священникъ. Въ то время, какъ мужъ, вынувъ изъ-подъ больной нѣсколько пучковъ соломы, зажегъ огонь, чтобы согрѣть кирпичи, она опять стала молиться, на этотъ разъ о своихъ близкихъ. При этомъ она не такъ горячо молилась о ребенкѣ, какъ о мужѣ, которому многое простила и котораго считала на пути къ вѣчной гибели. Наконецъ, въ то время, какъ она цѣловала крестъ, сердце напомнило ей о той, отъ которой она его получила.

Этотъ крестикъ подарила ей шестнадцать лѣтъ тому назадъ, въ день ея конфирмаціи, графиня, владѣлица роскошной виллы, гдѣ жить было такимъ счастьемъ, и жалкаго логовища, въ которомъ такимъ счастьемъ было умереть. Графиня была тогда дѣвочкой и подарила мужицкой дочери крестикъ по внушенію своей матери, тогдашней владѣлицы имѣнья, кроткой женщины, которая уже давно умерла, но не была забыта бѣдняками.

Умирающая покаялась въ томъ, что дурно думала о господахъ и даже иногда вслухъ бранила ихъ, вызывая тѣмъ сопровождавшееся проклятіями сочувствіе мужа, бранила за то, что, сколько они ни просили, имъ ни разу не починили ни крыши, ни пола, ни лѣстницы и такъ и не вставили рамъ въ окна. Теперь она каялась, вспоминала добрую старую барыню, просила въ сердцѣ прощенья у графа и графини, молилась за нихъ Богу и Мадоннѣ.

Въ ту самую минуту, когда мужъ клалъ ей на животъ раскаленые кирпичи, у нея сдѣлались корчи, судороги по всему тѣлу, и она испустила духъ.

Въ этотъ же вечеръ слуги, которые должны были отправиться въ отпускъ по домамъ на время путешествія графа и графини, допьяна напились марсалой и ромомъ въ гостиной виллы.

ВЪ СТАРОЙ АНГЛІИ.

(ЖЕЛТЫЙ ФУРГОНЪ).

Романъ **Ричарда Уайтинга**.

Переводъ съ англійскаго **Л. Сердечной.**

Глава I.

Кажется, еще никогда не было подобной пары! Знатный англійскій аристократъ, представитель стариннаго дворянства, герцогъ Аллонби и американка-учительница изъ возникающаго западнаго городка, куда и моды-то доходили только черезъ мѣсяцъ. Правда, она была очень хороша собой, настоящая мадонна, съ нѣжнымъ, полнымъ достоинства личикомъ; высокая и представительная, хорошо образованная, съ благородной душой и безукоризненными манерами. Но все-таки неслыханное дѣло, чтобы школьная учительница стала англійской герцогиней! Однако, это было такъ.

Все произошло самымъ обыкновеннымъ образомъ. Онъ, инкогнито, присматривалъ себѣ «ранчъ» на западѣ, а ея дядя, зажиточный человѣкъ, былъ мѣстнымъ коммиссіонеромъ по продажѣ недвижимыхъ имуществъ; тутъ они и встрѣтились. Онъ назвался своей фамиліей, отличной отъ титула, и это предохраняло его отъ дерзкаго любопытства окружающихъ, для которыхъ онъ былъ нѣсколько болѣе, чѣмъ первый встрѣчный, только потому, что имѣлъ представительную наружность и за все хорошо платилъ. Онъ былъ у ея дяди «квартирантомъ», какъ онъ себя называлъ, или «нахлѣбникомъ», какъ они его звали. Молодые люди встрѣтились въ довольно романической обстановкѣ, и легко догадаться, чѣмъ все это кончилось. Возникающій городокъ стоялъ на только что расчищенной прогалинѣ и былъ еще весь окруженъ густымъ лѣсомъ. А въ самомъ сердцѣ этого дѣвственнаго лѣса оказалось существо, обладающее всѣми нетронутыми добродѣтелями первобытныхъ людей и туалетами, отвѣчающими всѣмъ прихотямъ цивилизаціи.

Она была культивированнымъ и въ то же время дикимъ цвѣткомъ, представляя счастливое соединеніе контрастовъ. Она съ отличіемъ окончила университетъ и много читала, а жила и мыслила такъ же просто,

какъ героиня Лоджа-Розалинда въ пустынѣ. Въ ней было нѣчто необыкновенно привлекательное, когда по вечерамъ она стояла, прислонившись къ калиткѣ и задумчиво смотрѣла на разстилавшійся передъ ней далекій, обширный свѣтъ, съ которымъ, какъ она думала, ей суждено познакомиться только по ежемѣсячнымъ журналамъ. Она очаровала герцога своей красотой и граціей не меньше, чѣмъ характеромъ.

Въ ней была та высокая увѣренность въ себѣ, которая бываетъ у людей, никогда не приходившихъ въ столкновеніе съ коварнымъ свѣтомъ, которые, какъ птицы небесныя или какъ философы, не чувствуютъ тяжести оковъ. Въ умственномъ отношеніи она стояла выше его и встрѣтила его просто, какъ равнаго ей въ общественномъ положеніи. Онъ познакомился съ нею въ то время, когда воспоминаніе объ атакѣ, произведенной на него двумя весьма способными молодыми дѣвицами, направляемыми не менѣе опытными мамашами, было еще слишкомъ свѣжо, не говоря уже о третьей дѣвицѣ, сиротѣ, атаковавшей его самостоятельно, но съ неменьшимъ мужествомъ и быстротой. Ему хотѣлось быть любимымъ не за деньги, не за титулъ, и, кромѣ того, его избранница не должна представлять копіи съ него самого. И вотъ, онъ нашелъ все, что искалъ, въ этомъ очаровательномъ созданіи, которое все было—вѣра, надежда, энергія, энтузіазмъ, и, казалось, самой судьбой было предназначено дѣлать счастливыми другихъ и быть счастливымъ.

Съ другой стороны, онъ былъ красивъ спокойной, не бросающейся въ глаза, мужественной красотой, и манеры его были не хуже ея манеръ; въ нихъ чуть отражалась надменность стариннаго рода, еще рѣзче выступавшая вслѣдствіе воспитанія, въ Италіи. Онъ представлялъ изъ себя довольно рѣдкое явленіе—прирожденнаго дворянина, т.-е. человѣка, въ которомъ христіанскія, или языческія добродѣтели являются въ свѣтской оправѣ, который не оскорбитъ никого добровольно, но и не позволяетъ оскорблять себя. Выше всего, несмотря на свое высокое положеніе, которое онъ держалъ въ строгомъ секретѣ, онъ цѣнилъ спокойный взглядъ и спокойный умъ и чувствовалъ глубочайшее отвращеніе къ притворству и всякимъ церемоніямъ.

Есть немало аристократовъ такой пробы, добрыхъ малыхъ, чувствующихъ себя всего несчастнѣе въ придворномъ мундирѣ и считающихъ вечернюю трубку, выкуренную въ одиночествѣ послѣ самой пышной церемоніи, какъ бы искупительной жертвой за всѣ перенесенныя и лично продѣланныя нелѣпости. Эти люди всю свою жизнь, и нерѣдко тщетно, стремятся найти человѣка, который бы назвалъ ихъ просто по имени и который бы постигъ чудесную и высокую истину, что Карлъ Великій врядъ ли крѣпче спалъ оттого, что его окружали 120.000 тѣлохранителей съ пылающими факелами и обнаженными мечами.

Они устали отъ своего собственнаго величія. О, какъ оно имъ надоѣло! Одинъ изъ нихъ, помнится, просто сбѣжалъ отъ него на купеческое судно и, кажется, никогда не выходилъ изъ трюма, чтобы

полнѣе наслаждаться независимостью и одиночествомъ. Ему повезло—онъ умеръ въ океанѣ и теперь покоится на днѣ морскомъ, и мѣсто его успокоенія окружено вѣчной тайной.

Въ такомъ положеніи былъ и герцогъ, и теперь намъ совершенно ясно, что онъ подпалъ обаянію слѣдующихъ случайныхъ обстоятельствъ: лѣтняго вечера на верандѣ, когда внутренній смыслъ вещей кажется написаннымъ сверкающими буквами на небѣ; искусной игры свѣта и тѣни на прекрасномъ личикѣ; сверкающихъ, какъ звѣзды, глазъ; легкаго бѣлаго платья, украшеннаго свѣжими цвѣтами; маленькой ножки, выглядывающей изъ подъ него; сложенныхъ ручекъ и, наконецъ, вздоха. Въ одинъ прекрасный день всѣ эти обстоятельства встрѣтились вмѣстѣ, до вздоха включительно. Вздохъ послышался въ самый нужный моментъ, но намъ приходится оговориться, что это отнюдь не была искусная игра. Естественное отвращеніе отъ флирта сохранило ее въ невѣдѣніи ужаснаго закона амазонокъ, по которому дѣвушка не можетъ выйти замужъ, пока не убьетъ хотя одного мужчину. Она просто въ эту минуту пожалѣла себя, подумавъ, какъ ограниченъ ея удѣлъ. Потомъ онъ, въ свою очередь, вздохнулъ про себя; и въ ту же минуту она вернулась къ дѣйствительности и почувствовала смущеніе. Въ подобной обстановкѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, настроеніе одного быстро становится настроеніемъ обоихъ. Это чрезвычайно заразительная болѣзнь. Такъ случилось и на этотъ разъ. Онъ заразился ея смущеніемъ также быстро, какъ отвѣчалъ на ея вздохъ.

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Какъ непріятно и больно прощаться,—сказалъ онъ наконецъ.—И все-таки мнѣ скоро надо уѣзжать. Я получилъ письмо изъ дому.

— Но по крайней мѣрѣ, вы вернетесь въ свѣтъ?

— Едва ли. Свѣтъ—здѣсь.

— Правовѣрное мнѣніе съ точки зрѣнія трансцендентализма, —разсмѣялась она.—Я всѣмъ сердцемъ присоединяюсь къ нему, но...

— Чего же вамъ еще нужно?

— Что-жъ, можно было бы пожелать, чтобы острова Греціи и все прочее переселились сюда, такъ какъ инымъ способомъ ихъ мнѣ не увидать.

— Повѣрьте мнѣ, вы и такъ имѣете лучшую ихъ часть, я говорю о красотѣ жизни.

— О!

— Да, она именно заключается въ жизни женщины, которая въ школѣ учитъ своихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, служитъ для нихъ постояннымъ образцомъ мужества и женственности и командуетъ своимъ чудакомъ-дядей и всѣмъ своимъ маленькимъ царствомъ, когда возвращается домой.

Не трудно было понять значеніе этой рѣчи, и она еще больше смутилась отъ желанія скрыть всѣ признаки смущенія.

— И все-таки могутъ быть и другія желанія, — сказала она съ довольно жалкой улыбкой.

— Какія? хотѣлось бы мнѣ знать.

— Болѣе широкой жизни. Вы бы должны были понять меня, вы, который сами мнѣ объ ней говорили. Люди и города! Провансъ и Авиньонъ, Флоренція, весь міръ, весь міръ!

— Одного только я вамъ не сказалъ, а это самое важное.

Опять наступило молчаніе, но на этотъ разъ оно имъ обоимъ показалось раемъ.

Она хотѣла идти въ домъ.

Онъ удержалъ ее и, съ мужествомъ отчаянія, онъ сказалъ это слово, сначала робко, потомъ смѣло и пламенно, когда разлившаяся по ея лицу краска и опущенные глаза вернули ему храбрость. И, какъ водится, онъ услыхалъ отъ нея въ отвѣтъ то драгоцѣнное словечко, о которомъ онъ молилъ, но не больше.

Но она чувствовала, что должна отвѣчать не только за себя. Поэтому согласіе было условное и заключало въ себѣ не одну оговорку: во-первыхъ, полное согласіе старика, который столько лѣтъ замѣнялъ родителей осиротѣвшей дѣвушкѣ; постоянство рѣшенія жениха, которое должно быть испытано его временнымъ отъѣздомъ на родину, и, наконецъ, нѣкоторая естественная боязнь случайностей замужества въ чужой странѣ. При этомъ она совершенно не брала въ разсчетъ своего брата, юношу, который только теперь кончилъ университетъ, но она знала, что для него каждое ея желаніе—законъ.

Герцогу пришлось удовлетвориться этимъ. Въ своемъ разговорѣ со старикомъ онъ имѣлъ больше успѣха, чѣмъ ожидалъ. Какъ земельный агентъ и коммиссіонеръ, м-ръ Джемсъ Гудингъ былъ особенно падокъ на хорошую рекомендацію. Герцогъ, извѣстный ему, какъ «м-ръ Харфутъ», легко ввелъ его въ сношеніе съ банкирами и другими свѣдующими людьми, которые, не открывая ему больше, чѣмъ было необходимо, подтвердили заявленіе своего кліента о его независимыхъ средствахъ и вполнѣ удовлетворили старика насчетъ его матеріальнаго положенія.

Потомъ герцогъ уѣхалъ въ свою страну, по ту сторону океана, сталъ писать ей каждый день и растроганно смѣялся, читая ея отвѣты, надъ ея нѣжными материнскими наставленіями не дѣлать слишкомъ смѣлыхъ попытокъ для пріобрѣтенія ихъ общаго благосостоянія. Въ ея письмахъ были обѣщанія ждать до тѣхъ поръ, пока онъ не справится со своими дѣлами, и увѣреніе, что въ глубинѣ ея сердца они—мужъ и жена. Но, будучи типичной американкой, она говорила о состояніи, какъ о главнѣйшей цѣли его жизни. Это не значило, что она сама стремилась къ богатству, но она просто боялась обидѣть его, высказывая сомнѣнія въ его способностяхъ достигнуть его. Въ нашъ вѣкъ сомнѣваться въ способностяхъ человѣка составить

себѣ состояніе столь же оскорбительно, какъ оскорбительно было въ рыцарскія времена сомнѣнія въ способностяхъ рыцаря побѣдить великана. Насладившись вполнѣ прелестью ея писемъ, онъ снова переплылъ океанъ, чтобы явиться въ образѣ одного изъ величайшихъ аристократовъ въ мірѣ, сложить къ ея ногамъ состояніе, достойное его титула, побороть всѣ препятствія съ чувствомъ новой чистѣйшей радости, что онъ любимъ только ради него самого, и, наконецъ, жениться и привести ее въ домъ своихъ предковъ.

Не будьте слишкомъ суровы къ нему и къ его историку. Подобныя вещи могутъ случиться, онѣ случаются, иначе онѣ не легли бы въ основаніе всѣхъ сказокъ, которыя, въ сущности, являются выраженіемъ высочайшихъ стремленій человѣческой жизни.

Глава 2.

О, какую безсонную ночь провела она, когда женихъ сообщилъ ей эту великую новость и выпустилъ ее, наконецъ, изъ своихъ объятій! Ея маленькая спаленка, казалось, несмотря на ночную темноту, сіяла особеннымъ свѣтомъ, и каждый знакомый предметъ вырисовывался въ ея сознаніи огненными чертами. Всю эту безконечную ночь въ вискахъ у нея стучало, и сердце усиленно билось. Неожиданное потрясеніе было слишкомъ сильно, жестоко даже: сегодня неизвѣстная никому, она будетъ завтра равная королямъ! Но высокое положеніе само по себѣ являлось наименьшей притягательной силой ея будущаго: наибольшей была возможность осуществленія болѣе благородныхъ мечтаній. Всю свою жизнь провела она въ тѣсномъ, замкнутомъ кругу, выходя изъ него только изрѣдка, по случаю поѣздки на ярмарку въ главномъ городѣ штата, или для бѣглаго посѣщенія Нью-Іорка, и вотъ теперь ей суждено увидѣть via sacre Европы, каждый шагъ которой отмѣченъ какимъ-нибудь монументомъ или памятникомъ прошлаго. И она будетъ въ состояніи видѣть все это, въ полной независимости отъ матеріальныхъ соображеній.

Прежде, когда она старалась мысленно посѣтить всѣ эти романическія мѣстности при помощи своей маленькой коллекціи заграничныхъ открытокъ и «Живописной Европы», ее не покидала мысль, что дороговизна путешествія никогда не позволитъ ей осуществить свои мечты. Какое счастье оставить навсегда всѣ эти унизительные расчеты и свободно наслаждаться жизнью—природой, искусствомъ, поэзіей, общеніемъ со всяческими людями! Она была еще достаточно наивна, чтобы думать, что первыя семьи британской аристократіи были въ умственномъ отношеніи первыми своего времени.

Къ этому еще необходимо присоединить ея восторгъ при мысли, что эти фамиліи являются вершителями людскихъ судебъ. Ея сердце билось сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, при одной мысли о той

массѣ добра, которую она сдѣлаетъ, какъ представительница историческаго рода, и признательность низшихъ людей вокругъ нея, которые примутъ отъ нея всѣ ея благодѣянія.

Было бы довольно трудно разыгрывать подобную благотворительную роль въ Америкѣ, гдѣ вся демократія только и требуетъ отъ своихъ ближнихъ права ничего отъ нихъ не требовать.

Великое англійское общество съ образованными и утонченными высшими классами, съ упорядоченными степенями зависимости низшихъ классовъ и ихъ предполагаемымъ равенствомъ въ благоденствіи, могло удовлетворить завѣтнѣйшимъ и глубочайшимъ запросамъ ея женской натуры, предоставивъ ей роль утѣшительницы и благодѣтельницы. Перспектива такой будущности заставляла ея кровь быстрѣе двигаться отъ восторга. Но черезъ минуту она застывала отъ страха при мысли о своей неподготовленности къ занятію такого положенія и о тѣхъ пыткахъ, которыя, можетъ быть, ей придется вынести отъ преслѣдованія знатныхъ дамъ, когда онѣ не пожелаютъ примириться съ ея вторженіемъ въ ихъ избранный кругъ. Она представляла себѣ, какъ ее будутъ вышучивать въ ея собственной гостиной мстительныя соперницы, которыя надѣялись сами занять ея мѣсто, за ея неимѣніе родословной, ея провинціальныя манеры, а если эта стрѣла не попадетъ въ цѣль, то за ея легкій недостатокъ въ произношеніи, составлявшій такую же неотъемлемую ея собственность, какъ ея ослѣпительный цвѣтъ лица. Кто изъ насъ, стремившихся къ чему-нибудь, не зналъ этихъ безсонныхъ ночей наканунѣ ожидаемаго поворота судьбы? И прободрствовать одну такую ночь для насъ, измѣряющихъ жизнь не временемъ, а ощущеніями, значитъ продлить дарованное намъ мгновеніе на цѣлые годы.

На другое утро она высказала ему всѣ свои страхи; но онъ только заявилъ ей въ отвѣтъ, что ея голосъ—сама музыка, что же касается до ея родословной, — то она будетъ его женой, а для изученія свѣтскихъ обычаевъ онъ отдастъ ее подъ руководство лично выбранной пожилой родственницы. Но несмотря на эти утѣшенія, она все-таки чувствовала себя слегка выбитой изъ колеи. Она взяла въ ближайшей библіотекѣ «Жизнь выдающихся женщинъ», и сѣдой библіотекарь мысленно назвалъ ее отступницей, когда она стала усиленно распрашивать о послѣднихъ англійскихъ романахъ, касающихся англійской аристократіи. Но однако ея исправленіе было быстро и рѣшительно. Не прошло недѣли, какъ она вернулась къ своимъ классическимъ писателямъ и поклялась сама себѣ быть готовой ко всему, и къ хорошему, и къ дурному. Но какой шумъ поднялся въ газетахъ, когда, наконецъ, все стало извѣстно! Этотъ день былъ послѣднимъ днемъ ея полнаго уединенія въ этомъ мірѣ. Слѣдующее утро увидѣло ее предметомъ общаго вниманія обоихъ материковъ, и одного въ особенности. Дядя Гудингъ, съ разрѣшенія герцога, шепнулъ кое-что редактору мѣстной

газеты. Редакторъ, который былъ въ сношеніяхъ съ большимъ агентствомъ новостей, протрубилъ эту новость по всему западному полушарію. Новый Свѣтъ въ ту же ночь передалъ ее Старому, несмотря на раздѣляющія ихъ три тысячи миль океана. Серьезные заграничные журналисты заглянули въ списки пэровъ въ поискахъ за родословной его свѣтлости и въ его рѣчи въ палатѣ лордовъ, послужившія имъ матеріаломъ для очерка его дѣятельности. Бойкіе фельетонисты сравнивали его съ королемъ Кофетуа и громили американское нашествіе. А наутро все это разошлось по всѣмъ столицамъ, по всѣмъ клубамъ, по всѣмъ деревушкамъ и домамъ нашей планеты къ югу отъ послѣдняго поселенія цивилизованныхъ людей, носящаго названіе Гаммерфеста, за предѣлами котораго—варварство и полярная ночь. Таково бываетъ круговращеніе газетной статьи, если только это настоящая газетная статья.

Вечеръ слѣдующаго дня принесъ цѣлую стаю репортеровъ, и бѣдной дѣвушкѣ пришлось подвергнуться процессу, носящему техническое названіе «интервьюированіе». Еще черезъ нѣсколько часовъ она уже могла прочесть свою собственную исторію отъ самаго рожденія, съ интересомъ человѣка, въ первый разъ встрѣтившаго иностранца. Она была, такъ сказать, представлена самой себѣ.

Нельзя сказать, чтобы подробности были невѣрны; она мудро оградила себя отъ этого, съ кроткой покорностью подчинившись публичному допросу, и друзья ея, конечно, тоже постарались. Но она прежде никогда не отдавала себѣ отчета и не могла себѣ даже представить, какъ скромная закваска частныхъ подробностей жизни, при умѣлой обработкѣ, можетъ подняться въ пышную опару біографическаго отчета. Репортеры разукрасили ея скромную незамѣтную жизнь и, казалось, придали ей важное значеніе. Въ концѣ концовъ открытіе, что вы всю свою жизнь переживали свою біографію, такъ же поразительно, какъ то, что вы всю свою жизнь говорили прозой. Вмѣстѣ съ прежней неизвѣстностью ея участи неизбѣжно исчезла и часть ея прежней простоты.

Теперь она уже не могла относиться безъ вниманія къ самой себѣ. Теперь въ первый разъ она почувствовала, что у нея королевская осанка, когда она распекаетъ въ классѣ большихъ мальчиковъ за грубость ихъ манеръ. А ея еженедѣльныя лѣтнія прогулки по лѣсу съ дѣтьми являлись слѣдствіемъ не только соединенія любви къ природѣ и желанія усовершенствованія въ ботаникѣ, но и доброты сердца. Она внутренно краснѣла, переходя поочередно отъ убѣжденія, что въ ней есть что то ангельское, къ убѣжденію, что въ ней есть и доля фатовства. Ужасная минута, когда вполнѣ отдашь себѣ отчетъ въ проникновенномъ любопытствѣ толпы, когда открыта сокровенная святыня души, когда она не принадлежитъ уже больше исключительно вамъ и вашему создателю, но является собственностью каждаго прохожаго! «Блаженны тѣ, ухо которыхъ не прислушивалось къ голосу,

звучащему во внѣ!» Еще бы! Однако, Ѳомѣ Кемпійскому не пришлось пройти черезъ пытку воскреснаго приложенія.

Что касается до свадебной церемоніи, то наши молодые люди наилучшимъ образомъ провели всѣхъ репортеровъ. Было сказано, что вѣнчаніе произойдетъ въ мѣстной церкви, а они ночью отправились въ другую, за сто миль, въ сопровожденіи только необходимыхъ свидѣтелей и пастора, съ дѣтства знавшаго Августу Гудингъ, который и соединилъ ихъ навѣки такъ же тихо и скромно, какъ были соединены первые мужъ и жена. Это былъ наиболѣе удавшійся побѣгъ, о которомъ только писали въ газетахъ. Многіе репортеры были уволены.

Ихъ медовой мѣсяцъ былъ немного смѣшонъ, но въ общемъ очарователенъ. Они прямо отправились на берега Средиземнаго моря и осматривали достопримѣчательности, какъ пара школьниковъ на каникулахъ. Герцогъ, сперва поднявшій на смѣхъ нелѣпость подобнаго паломничества, въ концѣ концовъ глубоко имъ заинтересовался. Онъ сотни разъ все это уже перевидалъ, но не придавалъ повидимому ни малѣйшаго интеллектуальнаго значенія. Ему казалось, что все ему надоѣло, когда на самомъ дѣлѣ онъ еще ничего не видѣлъ. А теперь, въ Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, осматривая знаменитыя галлереи, памятники, виды, онъ съ изумленіемъ слѣдилъ, какъ расширяется его умственный горизонтъ. Это была очень полезная перемѣна послѣ клубовъ для игры въ мячъ и голубиныхъ садковъ и другихъ подобныхъ развлеченій, пересаженныхъ на чуждую почву, но, несмотря на это, оставшихся непоколебимо англійскими.

Теперь, наконецъ, они возвращаются домой, въ Аллонби-Тауэрсъ, къ открытію того деревенскаго сезона, который въ наше время является единственной особенностью, отличающей высшіе классы отъ низшихъ. Первые, пріѣзжая въ городъ, получаютъ урокъ смиренія, такъ какъ даже лучшіе и крупнѣйшіе изъ нихъ теряются въ толпѣ. Въ деревнѣ, въ своихъ величественныхъ родовыхъ помѣстьяхъ, они гораздо виднѣе для толпы, тогда какъ въ нашемъ современномъ Римѣ мало кто способенъ быть даже вторымъ, не только что первымъ.

Черезъ нѣсколько дней будетъ ихъ торжественный въѣздъ, когда они покажутся своимъ смиреннымъ сосѣдямъ и начнутъ принимать своихъ друзей. Дядя Гудингъ тоже былъ приглашенъ присоединиться къ нимъ, но отклонилъ приглашеніе письменно, ссылаясь на тягостное воспоминаніе. Дѣло въ томъ, что во время своего перваго и единственнаго визита въ Англію онъ былъ приглашенъ къ одному очень важному лорду, дѣла котораго по пріобрѣтенію земли онъ велъ. За неимѣніемъ собственнаго слуги, ему пришлось пользоваться услугами одного изъ лакеевъ лорда.

«Этотъ парень,—писалъ онъ своей племянницѣ подъ большимъ секретомъ,—прокрадывался на ципочкахъ въ мою комнату, когда я

спалъ, и пряталъ всѣ мои вещи». На самомъ дѣлѣ лакей только приводилъ въ порядокъ его платье и собиралъ его съ газовыхъ рожковъ, спинокъ стульевъ и картиночныхъ рамъ, на которыя оно было развѣшено съ вечера. Но, однако, этого было достаточно, чтобы на всю жизнь возстановить м-ра Гудинга противъ дворянскаго гостепріимства.

Глава III.

Аллонби и всѣ его окрестности находились въ волненіи, какъ чанъ на пивоварнѣ, гдѣ броженіе происходитъ преимущественно на днѣ. Маленькіе люди волновались не меньше, и не меньше судачили о новой герцогинѣ, чѣмъ стоявшіе надъ ними. Если эти послѣдніе задавали себѣ вопросъ: «какой у нея тонъ въ обществѣ?» то для первыхъ не менѣе важно было: «щедрая ли у нея рука?» Деревня Малый Слокумъ была центромъ всѣхъ этихъ болѣе низменныхъ волненій, вѣроятно потому, что представляла изъ себя самую незначительную точку герцогскихъ владѣній. Глядя на нее съ замковой башни, можно было сказать, что она лежитъ гдѣ-то тамъ внизу, въ видѣ смутныхъ красныхъ очертаній среди зелени. Покой Малаго Слокума рѣдко нарушался подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, но когда это случалось, то онъ волновался до самой глубины своего существа. Малый Слокумъ рѣзко отличался отъ Большого Слокума, лежавшаго милей выше по дорогѣ.

Обстоятельства, которыя можно назвать довольно странными, были здѣсь нерѣдки, даже въ тотъ совершенно современной періодъ времени, излюбленный историческими изслѣдованіями и имѣющій исходной точкой шестнадцатое столѣтіе. Въ Маломъ Слокумѣ мельница, напримѣръ, давно перестала работать, и все-таки стояла, потому что не стоило тратить деньги на то, чтобы ее снести.

Деревня жила воздержанно, самостоятельно и въ этомъ отношеніи могла бы удовлетворить даже корейскимъ строгимъ требованіямъ вѣчнаго покоя. Когда-то она представляла изъ себя лишь частицу Большого Слокума, и съ птичьяго полета являлась лишь темно-красной точкой на фонѣ холмистой мѣстности, покрытой, даже теперь, въ августѣ, богатой зеленью.

Чисто аркадійскій пейзажъ разстилался направо до самаго замка, вѣнчавшаго возвышенность на горизонтѣ, такъ что даже изъ Малаго Слокума былъ виденъ громадный флагъ съ герцогскимъ гербомъ, развѣвавшійся по вѣтру.

Тамъ и здѣсь судя по цвѣту трубъ и крышъ, вы можете различить то, что въ этихъ мѣстахъ называется людскимъ поселеніемъ. Ближайшій городокъ Рандсфордъ, миляхъ въ четырехъ отъ деревни, кажется не менѣе сроннымъ, чѣмъ окружающій его ландшафтъ.

Въ немъ не произошло ничего достопримѣчательнаго съ того са-

маго дня, когда, въ порывѣ энергіи, который не могъ долго продолжаться, жители его сожгли на площади еретика, лѣтъ пятьсотъ тому назадъ. Тауэрсъ и другіе замки представляли тоже только точки на общемъ красно-зеленомъ фонѣ. Они обозначались только большей симметріей въ планировкѣ окружающаго ихъ лѣса и служили обиталищами пяти баронамъ, десяти графамъ и пятнадцати баронетамъ, имѣвшимъ, судя по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ мѣстнаго календаря, родовыя имѣнія въ этой мѣстности.

Въ тотъ теплый лѣтній вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, весь Слокумъ, движимый любопытствомъ, собрался на зеленой лужайкѣ, лежавшей рядомъ съ проѣзжей дорогой. Пріѣхавшіе изъ Лондона рабочіе подтвердили разнесшійся слухъ, что въѣздъ будетъ торжественный, и герцогъ и его подданные не ударятъ лицомъ въ грязь. Рабочіе уже принялись уставлять вдоль шесты, неизвѣстные на берегахъ Адріатики, но которые, тѣмъ не менѣе, декораторы любятъ величать «венеціанскими мачтами». Они работали съ утра, сначала подъ зоркимъ, но молчаливымъ наблюденіемъ мѣстныхъ оборванныхъ ребятишекъ и досужихъ кумушекъ, а теперь уже подъ любопытными взглядами возращавшихся съ поля работниковъ. На дорогѣ образовались двѣ совершенно опредѣленныхъ группы: наблюдающіе, удивленные и нѣсколько подозрительные деревенскіе жители, и наблюдаемые—разбитные мастеровые, безнаказанно осыпавшіе ихъ насмѣшками на непонятномъ имъ нарѣчіи. Первые ближе жались другъ къ другу для нравственной поддержки.

На первомъ планѣ Самсонъ Скоттъ, бывшій землекопъ, калѣка, когда-то считавшійся первымъ силачомъ въ округѣ, неподвижно, вытаращивъ глаза и опираясь на двѣ палки, смотрѣлъ на большой флагъ, уже водворенный на мѣсто, а рядомъ съ нимъ на одну минуту остановился Джобъ Гертъ, кузнецъ, противъ воли задержавшійся по дорогѣ въ харчевню «Телячьей Ножки», составлявшей задній планъ всей картины.

Тутъ же вблизи стояла парочка, парень и дѣвушка, очевидно сами не замѣтившіе, какъ они въ пылу разговора сюда попали. Парень, Джорджъ Херіонъ, казался кандидатомъ на почетное званіе, нѣкогда присвоенное почтенному Самсону. Онъ былъ строенъ и ловокъ и вся его фигура, въ особенности посадка головы и широкая грудь, говорили о недюжинной силѣ. Онъ и рядомъ съ нимъ Роза Эдмеръ, миловидная, темноволосая дѣвушка, не уступавшая ему въ стройности и молодой энергіи, были, очевидно, созданы другъ для друга, и несмотря на это, или, вѣрнѣе, благодаря этому, мѣтили куда-то очень высоко, особенно парень. Можно было безошибочно сказать, что онъ находится въ томъ періодѣ идилліи, когда надежды и опасенія въ такомъ совершенномъ равновѣсіи, что одинъ волосокъ можетъ его нарушить.

Кто былъ тотъ безцѣнный мудрецъ, который говорилъ, что счастье—постоянное стремленіе къ обладанію желаемымъ предметомъ? Онъ тщательно избѣжалъ говорить о достиженіи цѣли. Дѣвушка же принадлежала къ тѣмъ, которыя могутъ составить 'счастье обоихъ однимъ позволеніемъ любить себя.

Другая особа женскаго пола—это названіе необходимо, какъ знакъ уваженія—была старуха Салли Артифексъ, методистка, которую весь округъ считалъ наиболѣе уважаемымъ лицомъ, по той простой причинѣ, что ея жизнь, протекшая въ самомъ тяжеломъ трудѣ, являлась лучшимъ образцомъ общаго удѣла. Ея простая исторія была ясно написана на всей ея наружности: пьяница мужъ, давно нашедшій себѣ ничѣмъ не нарушимое успокоеніе, громадная семья, которую вдова «вывозила» при помощи всѣхъ извѣстныхъ ей добродѣтелей, и главнымъ образомъ строгой бережливости. Въ данную минуту она была на пути къ церкви, но не для молитвы, а для мытья половъ, что, конечно, не мѣшало ей появляться тамъ и въ качествѣ причастницы въ опредѣленные часы.

Старый Спёрръ, мелкій фермеръ, довольно дикая фигура въ одной рубахѣ, безъ сюртука, зарабатывавшій себѣ жалкое существованіе непрестанной работой, тоже позволилъ себѣ отвлечься на минуту отъ своихъ обычныхъ занятій.

Даже полицейскій остановился, полицейскій, по фамиліи Пискодъ, котораго еще вдобавокъ звали Гербертомъ по имени. По его круглому, какъ луна, лицу и длинной, нескладной фигурѣ видно было, что онъ никому не опасенъ. Его очень любили въ деревнѣ за сообщительность и за то, что онъ не отъ кого ни скрывалъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ: повыситься до службы въ столицѣ и отличиться, охотясь за ворами по крышамъ оптовыхъ складовъ.

Рупертъ Нессъ, егерь сэра Генри Лиддикотъ, сосѣдняго баронета и помѣщика, былъ, конечно, вмѣстѣ съ Гербертомъ Пискодъ; и весьма естественно взоры его были устремлены на смѣлую, коренастую фигуру браконьера Бэнгса, котораго, въ виду приближающагося вечера, легко можно было заподозрить въ томъ, что онъ вышелъ на добычу. Любопытство, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, имѣло своимъ представителемъ м-ра Гримбера, удалившагося отъ дѣлъ лондонскаго торговца, который доживалъ здѣсь свои дни на скромныя сбереженія—результатъ сорокалѣтней торговли свѣчами.

М-ръ Баскомбъ, викарій высокой церкви Большого Слокума, въ шапочкѣ и длинной черной рясѣ, подпоясанной кругомъ таліи поясомъ, слышалъ въ своемъ ученомъ уединеніи о событіи дня, какъ могъ, по своему духовному сану, слышать о привидѣніяхъ. Онъ вмѣшался въ толпу крестьянъ и наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ со снисходительнымъ, не лишеннымъ благосклонности видомъ. Всѣ

остальные были неизмѣримо малыя величины Малаго Слокума, упоминаемыя развѣ только въ метрическихъ книгахъ и ожидающихъ страшнаго суда, какъ единственнаго случая публичнаго выхода.

На слѣдующее утро всѣ языки въ Слокумѣ усердно заработали, и въ нѣсколько дней онъ пережили цѣлую эпопею. Харчевня была биткомъ набита, и не только по причинѣ жаркой погоды. Городскіе мастеровые были особенно награждены свыше органической жаждой, на которую время года не оказывало ни малѣйшаго вліянія. Тутъ царствовало необыкновенно счастливое сочетаніе дружескихъ разговоровъ, пьянства, толкотни, грязи и сквернаго воздуха, не только въ распивочной и въ пивномъ погребѣ, но даже въ кухнѣ и за дверями, гдѣ устроились непомѣстившіеся внутри. Потребители стремились со всѣхъ сторонъ. Весь округъ былъ въ волненіи, и не только одинъ округъ.

Всѣ помѣстья герцога желали принять участіе въ торжествѣ. Первое мѣсто, конечно, принадлежало Аллонби, на правахъ родового замка и постоянной резиденціи, но Анстедъ далеко на сѣверѣ приносилъ больше дохода, чѣмъ Аллонби, и съ Лидстономъ на западѣ тоже приходилось считаться. А кромѣ того была еще недвижимая собственность въ Лондонѣ. Два владѣнія принадлежали къ самымъ большимъ и самымъ богатымъ въ странѣ, владѣющей наибольшимъ въ свѣтѣ богатствомъ на одну квадратную милю. Въ нихъ было все то, что наиболѣе цѣнится: копи и цвѣтущіе города, гавани и порты, безконечныя пашни и луга, все принадлежало герцогу, также какъ и необыкновенно густое населеніе, фактически также ему принадлежащее. На двадцать миль въ окружности въ Анстедѣ, на тридцать въ Аллонби, на столько же въ Лидстонѣ вы попирали ногой землю только одного герцога.

И это были лишь бо̀льшія владѣнія, имѣнія, о которыхъ его свѣтлость снисходилъ упоминать. Небольшіе участки и чрезполосныя имѣнія, изъ которыхъ каждое казалось королевскимъ владѣніемъ для обыкновеннаго смертнаго, усѣивали карту соединеннаго королевства.

Въ тридцати различныхъ округахъ вы могли крикнуть: «Герцогъ Аллонби!» и на вашъ зовъ отозвался бы если не самъ герцогъ, то его представитель. Въ семьѣ было три пэрства и всего около четверти милліона акровъ земли. Недвижимая же собственность въ Лондонѣ измѣрялась квадратными футами, такъ драгоцѣнны были составлявшіе ее скверы и даже трущобы. Если бы замокъ Аллонби былъ разрушенъ землетрясеніемъ, то его владѣльцу пришлось бы выбирать между полудюжиной другихъ домовъ, убранныхъ съ одинаковой роскошью, создавшейся столѣтіями. Деревня, о которой мы уже говорили, лучше всего выказывала свою мудрость въ той готовности, съ которой она примирилась съ кличкой Глупый Слокумъ. Благодарность и невозмутимое спокойствіе, казалось, прямо вытекали изъ ея положенія въ такой мѣстности. А по ту сторону ограждавшей паркъ кирпичной стѣны,

отъ старости потерявшей цвѣтъ и порыжѣвшей, находился рай Аллонби, настоящій Божій садъ. Какъ легко быть добродѣтельнымъ въ такомъ мѣстѣ! Какъ трудно не быть поэтомъ, если только побужденіе слушается нѣжнаго внушенія природы и дарованія идутъ рука объ руку со случаемъ! Все было въ Аллонби—сады, лѣса, охоты, всѣ «благороднѣйшія деревья, пріятныя для зрѣнія, обонянія и вкуса», всѣ цвѣты всѣхъ временъ года произрастали на открытомъ воздухѣ или въ оранжереяхъ, пещеры и водопады, фонтаны и «кипящіе ручьи», веселыя поляны, мрачные холмы, чащи и бархатныя лужайки веселили глазъ.

Тріумфальныя ворота изъ остролиста, увѣнчанныя короной изъ овощей и оживленныя мѣстами щитами съ герцогскими гербами, хотя и свидѣтельствовали объ изысканномъ вкусѣ своихъ строителей, но казались лишь весьма бѣднымъ входомъ въ эту страну чудесъ. Вышитая гигантскими буквами и перекинутая черезъ дорогу надпись: «Добро пожаловать, наши благородные герцогъ и герцогиня!» была если не особенно оригинальна, то во всякомъ случаѣ проста и искренна. А кромѣ того всѣ крестьяне по собственному побужденію участвовали въ украшеніи. Почти у каждаго дома былъ выставленъ національный флагъ, который только потому не развѣвался по вѣтру, что былъ ради дешевизны напечатанъ на жести или на картонѣ.

Глава 4.

— Генри, какъ ты добръ ко мнѣ!

Августа и герцогъ стояли у окна своихъ собственныхъ аппартаментовъ на станціи желѣзной дороги и смотрѣли, какъ процессія выстраивалась, чтобы направиться въ Аллонби. Поѣздъ, привезшій ихъ сюда, уже скромно исчезаетъ изъ вида, точно конфузясь зеленыхъ гирляндъ, обвивающихъ трубу паровоза.

Она положила руку ему на плечо, и ихъ глаза встрѣтились.

— Все это для тебя, маленькая женщина. Пусть всѣ видятъ, какъ я горжусь моей женой.

Они пріѣхали для своего торжественнаго въѣзда, и она вся еще была подъ впечатлѣніемъ своего путешествія по прекраснѣйшимъ мѣстамъ Англіи. Порядокъ, тишина, богатство пейзажа, который, кажется, каждый день моютъ, расчесываютъ и даже подвиваютъ, поразили ее, какъ поражаютъ всякаго, кто видитъ его въ первый разъ. Дѣйствительность оказалась еще лучше мечтаній.

— Генри, я чувствую, что буду счастлива до конца моихъ дней. Только, ради Бога, не заставляй меня говорить.

Главною прелестью для нея являлась абсолютная новизна впечатлѣній, которая всегда дѣйствуетъ на человѣка, впервые переѣзжающаго границу новой страны. Все кажется ей не такимъ, какимъ должно

было бы быть, но тѣмъ не менѣе восхитительнымъ. Даже самъ Пискадъ претендуетъ на оригинальность, занимая свое мѣсто во главѣ полиціи, долженствующей открыть шествіе. Во всякомъ случаѣ ихъ головные уборы больше и безобразнѣе, чѣмъ у городской полиціи.

Первое отдѣленіе процессіи состоитъ изъ представителей земледѣльческихъ владѣній герцога—изъ его арендаторовъ. Впереди, верхомъ, богатые фермеры, арендующіе тысячи акровъ и большею частью принадлежащіе къ мелкому дворянству, а нѣкоторые и къ крупному. Они ѣдутъ съ видомъ превосходства, гордясь своими большими, прекрасно содержимыми фермами, своими домами, болѣе похожими на маленькіе дворцы, своимъ широкимъ образомъ жизни и утонченными вкусами, своими изящными женами и дочерьми въ роскошныхъ гостиныхъ и будуарахъ, своимъ премированнымъ скотомъ въ конюшняхъ и хлѣвахъ, причемъ они зачастую сами не живутъ въ деревнѣ и почти перестаютъ сѣять хлѣбъ и надзирать за своими людьми. Мелкіе фермеры, имѣющіе по пятьдесятъ коровъ или менѣе, слѣдуютъ за ними пѣшкомъ, и среди нихъ почтенный Сперръ, принаряженный для торжественнаго случая, но легко узнаваемый по неподдающимся никакому гребню бородѣ и сѣдымъ волосамъ.

— А поденщики за ними въ пиджакахъ!—сказала Августа.—Почему они не въ блузахъ?

— Потому что никто не носитъ ихъ, дорогая. Ты можешь увидѣть ихъ только на картинкахъ. Кстати, Августа, тебѣ все равно говорить «сельско-хозяйственные рабочіе»?

— О, Генри, а кто увѣрялъ меня, что у меня такой крошечный ротикъ?

Она не можетъ удержаться отъ чувства тайнаго недоброжелательства къ Кэтъ Гринвай, но молчитъ изъ боязни сдѣлать новую ошибку. Если бы не эта боязнь, то она рискнула бы замѣчаніемъ насчетъ смиренныхъ, лишенныхъ выраженія лицъ рабочихъ, происходящаго, хотя она не можетъ знать этого, оттого, что изъ пятидесяти ни у одного нѣтъ ни акра земли, ни проблеска мысли.

Экипажи, выстроенные въ одну длинную вереницу, снова возстановляютъ величественный видъ шествія. Они везутъ начальниковъ округовъ, въ которыхъ расположены владѣнія герцога; въ большинствѣ случаевъ это все младшіе сыновья, такъ какъ эти должности представляютъ много приманокъ для любящихъ охоту и спортъ дворянъ. Подобный чиновникъ является посредникомъ между арендаторами и главноуправляющимъ герцога, принимаетъ ихъ прошенія объ удовлетвореніи убытковъ, препровождаетъ ихъ, со своими примѣчаніями, въ центральное учрежденіе, и въ большинствѣ случаевъ является маленькимъ царькомъ своего округа.

Одного изъ агентовъ, видъ и возрастъ котораго исключали предположеніе о недавней службѣ въ кавалеріи, встрѣчаетъ сдержанный

ропотъ: «а вотъ и старый хищникъ!», ропотъ, выражающій смѣшанное со страхомъ восхищеніе части толпы.

— Старый хищникъ?—съ недоумѣніемъ вопросительно шепчетъ Ея свѣтлость, какъ будто позволяя объяснить себѣ это странное названіе, но вовсе не настаивая на объясненіи.

— Прозвище у него такое—уклончиво отвѣчаетъ герцогъ.

Этотъ почтенный дѣятель, проведшій всю свою жизнь на службѣ покойнаго герцога, считался, и не безъ основанія, самымъ ловкимъ собирателемъ забытыхъ клочковъ общественной земли. Въ прошедшія времена крестьянинъ, также какъ и лордъ, имѣлъ право пользоваться пустошами. Даже послѣдній только тогда могъ протягивать руку за излишкомъ, когда первый былъ удовлетворенъ. Цѣлыя поколѣнія хищниковъ положили конецъ подобному порядку вещей, но все-таки кое-гдѣ оставались драгоцѣнныя полоски придорожной земли, столь излюбленныя кочующими цыганами и собственно никому не принадлежащія. У почтеннаго хищника былъ особый способъ присваиванія такихъ участковъ въ пользу своего господина, въ чемъ его никто не могъ превзойти.

Сначала онъ водружалъ доску, предостерегающую прохожихъ отъ нарушенія правъ собственности и о послѣдствіяхъ такого нарушенія. Затѣмъ, когда всѣ привыкали къ доскѣ и никто не оспаривалъ ея права стоять на этомъ мѣстѣ, онъ огораживалъ участокъ. Изгородь уже показывала ясно, что онъ имѣетъ право ее поставить, слѣдовательно владѣетъ участкомъ съ незапамятныхъ временъ, и такимъ образомъ участокъ входилъ въ составъ герцогскихъ владѣній.

— Онъ, кажется, хорошій старикъ—замѣтила молодая герцогиня, готовая всѣхъ считать прекрасными людьми.

Молодой мужъ не сталъ ее разочаровывать.

Отдаленные звуки музыки оркестра, слѣдующаго за отрядомъ полиціи, показываютъ, что голова шествія тронулась въ путь. Теперь выстраивается слѣдующее отдѣленіе—штатъ чернаго двора.

Черный дворъ—одна изъ особенностей нѣкоторыхъ старинныхъ помѣстій, цѣлая большая промышленная деревня, примостившаяся подъ бокомъ у замка и гдѣ производятся всѣ ремесленныя работы, необходимыя для всего имѣнія, собственными людьми герцога. Это остатки традиціонной системы, что имѣніе должно само удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ и обходиться безъ помощи со стороны. Здѣсь помѣщаются кузницы, всевозможныя мастерскія, и всѣ онѣ принадлежатъ герцогу.

Управляющій, надсмотрщики, десятники, рабочіе идутъ, поднявъ голову, твердымъ шагомъ, съ видомъ старыхъ слугъ, гордыхъ своей службой и знающихъ, что, при хорошемъ поведеніи, это служба на всю жизнь. Ихъ глава, завѣдующій работами, слѣдуетъ въ экипажѣ, какъ и подобаетъ лицу, имѣющему рѣшающій голосъ и подчинен-

ному только главноуправляющему, который пользуется правомъ личной аудіенціи и часто получаетъ приказанія отъ самого герцога.

Опять музыка, за нею подданные съ сѣвера. Анстедъ, курортъ на берегу моря—собственность и созданіе герцога, и представителями его являются члены городского совѣта въ яркихъ тогахъ и золотыхъ цѣпяхъ. Большой морской портъ, который можно различить изъ Анстеда только въ сильный бинокль, такъ какъ онъ отстоитъ отъ него на много миль, также нераздѣльно принадлежитъ герцогу, и извѣстная часть прибылей его богатѣйшей торговли во всѣхъ моряхъ наполняетъ герцогскіе денежные сундуки.

Важные делегаты его торговой палаты слѣдуютъ за представителями Анстеда, чтобы со всѣми прочими принести свою дань уваженія.

Весь округъ богатъ рудниками и каменоломнями и также прислалъ представителей тѣхъ рудныхъ компаній, которыя считаютъ герцога въ числѣ своихъ акціонеровъ. Августа не можетъ удержаться отъ восклицанія при видѣ входящихъ въ составъ депутацій людей въ странныхъ, непривычныхъ одеждахъ. Лица ихъ блѣдны, но они сильны, судя по ихъ эластичной походкѣ.

— Рудокопы,—объясняетъ герцогъ.

Для колоритности картины они наряжены въ новые съ иголочки костюмы рудокоповъ и несутъ свои лампочки и кирки. Герцогиня смотритъ на нихъ съ удивленіемъ, не лишеннымъ нѣкотораго страха. У нихъ такой сосредоточенный, точно неземной видъ, присущій многимъ, даже грубѣйшимъ людямъ, которые знаютъ, что ихъ жизнь всегда въ ихъ собственныхъ рукахъ и они ежеминутно рискуютъ ею. Ряды рудокоповъ и каменщиковъ слѣдуютъ другъ за другомъ и заключаются экипажемъ, въ которомъ сидитъ горный инспекторъ.

Представители лидстонскихъ и лондонскихъ владѣній шествуютъ вмѣстѣ, такъ какъ ихъ немного, въ виду того, что эти владѣнія лежатъ слишкомъ далеко. Ихъ раздѣляетъ только кастелянъ замка Аллонби. Онъ падаетъ отъ усталости, но это ему къ лицу. Это—первый министръ въ домѣ герцога, и домъ этотъ такъ великъ, съ цѣлой арміей всевозможныхъ слугъ, и должность такъ затруднительна вслѣдствіе огромныхъ счетовъ поставщиковъ и вѣчной перемѣны резиденціи, что управляющій едва ли уступитъ любому вице-королю по утомленному своими многочисленными обязанностями виду. Представители лондонскихъ владѣній состоятъ изъ чиновниковъ, уполномоченныхъ, архитекторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые—члены комитета, управляющаго этими владѣніями, и составляютъ частный совѣтъ, гдѣ изрѣдка предсѣдательствуетъ самъ герцогъ.

Его свѣтлость привѣтствуетъ легкимъ наклоненіемъ головы появляющагося теперь великаго человѣка, въ государственномъ мозгу котораго сосредоточивается главное управленіе всѣми герцогскими дѣлами. Онъ единственный изъ всей толпы состоитъ по праву въ лич-

ныхъ отношеніяхъ со своимъ повелителемъ. Онъ сидитъ въ прекрасномъ экипажѣ, солидномъ, но не бросающемся въ глаза, запряженномъ кровными гнѣдыми лошадьми, и ни одинъ китайскій мандаринъ, пользующійся преимуществомъ лицезрѣнія богдыхана, не выглядитъ надменнѣе его. Вы не обойдетесь безъ него, и съ этимъ нужно считаться. Его протекціи ищутъ, какъ протекціи министра, и онъ держитъ въ рукахъ многихъ самыхъ гордыхъ аристократовъ Англіи. Онъ стоитъ лишь одной ступенью ниже высшей власти, такъ какъ надъ нимъ только одинъ герцогъ, какъ надъ герцогомъ—король Англіи.

Благородные лорды и дворяне, экипажи которыхъ слѣдуютъ длинной вереницей, въ общемъ равные герцогу, но они охотно отдаютъ ему дань уваженія, какъ вождю своего сословія. Многихъ изъ нихъ сопровождаютъ ихъ жены и дочери, чтобы представиться герцогинѣ. Герцогъ указываетъ своей женѣ на сэра Генри Лиддикотъ, своего ближайшаго сосѣда, и его дочку, свѣжій молодой цвѣточекъ въ шелку и кружевахъ, нѣжное личико которой вызываетъ искреннее восхищеніе Августы.

За дворянами слѣдуетъ высшее духовенство, ввидѣ особой любезности самъ епископъ, и нѣсколько членовъ капитула собора одного изъ городовъ, принадлежащихъ герцогу. Его свѣтлость имѣетъ въ своемъ распоряженіи столько приходовъ, что мудрая церковь не можетъ оставаться равнодушной, когда онъ привезетъ въ свой домъ свою молодую жену. И правосудіе тоже прислало своихъ представителей въ лицѣ членовъ суда графства изъ мѣстныхъ дворянъ.

Но вотъ является церемоніймейстеръ, со шляпой въ рукѣ, и требуетъ своихъ жертвъ. Августа чувствуетъ, какъ краска сбѣгаетъ съ ея лица, когда она, подъ руку съ мужемъ, выходитъ, чтобы занять свое мѣсто въ парадной каретѣ съ жокеями и форрейторами. Теперь ея интересъ къ толпѣ поглощенъ интересами толпы къ ней. Процессія подвигается подъ оглушительный концертъ привѣтственныхъ криковъ, мѣдныхъ инструментовъ и звона колоколовъ. Между тѣмъ, Слокумъ, не будучи въ состояніи сдерживаться дольше, посылаетъ на развѣдки скороходовъ изъ деревенскихъ школьниковъ, и вотъ, наконецъ, одни изъ нихъ возвращаются, задыхаясь, съ извѣстіемъ, что вдали слышенъ звукъ трубъ и видны блестящіе мундиры. Крестьяне выстраиваются въ линію между мачтъ съ флагами; школьники упреками и толчками приводятся въ порядокъ для исполненія привѣтственнаго хорала, и такъ какъ пока больше дѣлать нечего. то Слокумъ замираетъ въ неподвижности и прислушивается къ біенію собственнаго сердца.

Но вотъ шествіе входитъ въ деревню, и любительскій оркестръ начинаетъ «Героя-побѣдителя», пріятную перемѣну послѣ безконечнаго «Свадебнаго марша». Музыка умолкаетъ по командѣ, когда дѣти начинаютъ свой хоралъ; дѣтскіе голоса звучатъ такъ свѣжо, чисто и невинно

и проникаютъ въ самую душу, независимо отъ того, что пѣвцы могутъ быть, въ сущности, препротивными мартышками. Но отъ звуковъ доморощенаго оркестра можно съ ума сойти. Даже лягушки въ прудѣ, разбуженныя и потре[illegible]ныя въ своемъ покоѣ, поднимаютъ оглушительный протестъ, усиливающій общій хаосъ. Трудно сказать, кто является страдающей стороной, лягушки или почетные гости. А между тѣмъ, вѣдь, цѣлая пропасть отдѣляетъ лягушекъ отъ Генри-Плантагенета-Мэкензи-Норисъ-[illegible]ий-Ровелина-Харфута, герцога и маркиза Аллонби и Лидстонъ, гр[illegible]а Равелинъ, виконта и барона Родмундъ, графа Норисъ и лорда Пойнсъ. Это еще не всѣ его титулы, юристы нашли еще нѣсколько, копаясь въ старыхъ пергаментахъ при составленіи брачнаго контракта, а когда герольды будутъ возглашать ихъ надъ его могилой, то къ нимъ навѣрное прибавится еще нѣсколько новыхъ.

Судя по виду, онъ необыкновенно любезный вельможа, особенно теперь, когда онъ съ улыбкою раскланивается на всѣ стороны. Черты его лица, т.-е. родовыя черты, повидимому, были нѣкогда очень рѣзки. Но столѣтія беззаботной жизни, огражденной отъ всѣхъ непріятныхъ случайностей, смягчили ихъ. Глаза потеряли стальной блескъ того великаго предка, который держалъ въ осадѣ французскаго герцога при Кресси, пока первый изъ Лиддикотъ не пришелъ на помощь захватить драгоцѣнную добычу и получить пятую часть выкупа, послужившаго основаніемъ богатства обоихъ. Четырехъугольный подбородокъ скорѣе угадывается, такъ какъ его рѣзкая форма скрадывается нѣжнымъ закругленіемъ щекъ. Всѣ старинныя породистыя лица подвергаются такимъ измѣненіямъ. Курносые носы фараоновъ одни свидѣтельствуютъ о безконечной древности ихъ династіи. Это слѣдствіе покойной жизни и восточное искусство съ полнымъ правомъ избрало своимъ идеаломъ лицо, отрѣшившееся отъ всѣхъ земныхъ волненій. Лицо герцога во многомъ напоминало лицо Будды, но Будды современнаго, одѣтаго и причесаннаго по послѣдней модѣ. Волосы у него каштановые, не слишкомъ темные и не слишкомъ свѣтлые, голубые глаза блестятъ умомъ, но въ нихъ не горитъ пламя страстей и генія; брови вырисовываются правильной дугой, онъ не высокъ и не низокъ, но хорошаго средняго роста. Имѣя столько подвиговъ въ прошломъ, онъ удовлетворяется этимъ и не ищетъ кипучей дѣятельности.

Его герцогиня, минутная робость которой уже давно прошла, заслуживаетъ всеобщее одобреніе. Ея модистки и ея чувство собственнаго достоинства прекрасно снарядили ее для новой роли. Въ душѣ она еще чувствуетъ себя школьной учительницей, но учительницей-американкой, и во время своего недолгаго переѣзда до замка она заставила себя смотрѣть на волнующуюся толпу, какъ на большой классъ. Она хороша собой и прекрасно сложена, настоящая Діана Версальская, дозволившая сковать себя узами Гименея. Лицо ея оживлено, но полно до-

стоинства, она смотритъ на толпу снисходительно, но безъ пренебреженія. Она походитъ на тѣхъ обитательницъ Олимпа, которыя, будучи знакомы съ земными волненіями, имѣли право презирать ихъ. Строгія, правильныя черты лица смягчаются нѣжнымъ ротикомъ, кроткими глазами, чудными волосами, зачесанными съ высокаго лба. Она высокаго роста, это видно даже, когда она сидитъ, ея манеры величественны своей простотой. Она кланяется направо и налѣво, видъ у нея счастливый и даже растроганный, и часто она обращается къ герцогу, въ двухъ-трехъ словахъ передавая свои впечатлѣнія. Деревенская красавица Роза Эдмеръ, повидимому, служитъ предметомъ одного изъ такихъ замѣчаній. Глаза ихъ встрѣчаются и это является залогомъ будущаго знакомства. Въ то время, какъ Роза любуется герцогиней, Джорджъ Херіонъ, едва бросивъ любопытный взглядъ на экипажъ, любуется Розой.

Поземельная стража и конная полиція заключаютъ шествіе, которое скоро теряется въ оградѣ парка. Оно долго извивается по дорогамъ парка, пока достигаетъ самого замка, стоящаго по ту сторону озера, съ пожелтѣвшими отъ времени зубцами и башнями, грозно поднимающимися со скалы, служащей основаніемъ, и освѣщенными лучами заходящаго солнца. Приблизившись къ внѣшней оградѣ, шествіе останавливается; герцогъ въ нѣсколькихъ задушевныхъ словахъ благодаритъ своихъ подданныхъ и прощается съ ними, пригласивъ ихъ повеселиться въ его паркѣ.

Остальные почетные гости, миновавъ подъемный мостъ и норманскія ворота съ бойницами, выходятъ изъ экипажей у параднаго входа и поднявшись по величественной лѣстницѣ и пройдя черезъ кордегардію, вступаютъ въ громадный залъ, гдѣ состоится торжественный пріемъ. Обѣда не будетъ, такъ какъ слишкомъ много народу, но разносятъ угощеніе, которое репортеръ мѣстной газеты, описывавшій празднество, назвалъ царскимъ. Очень внушительна и торжественна минута, когда представители богатства и промышленности графства и всѣхъ владѣній герцога проходятъ передъ герцогской четой, и это шествіе даетъ недурную картину положенія современнаго магната и его двора, при которомъ военная организація уступила мѣсто развитію земледѣльческой, промышленной и торговой дѣятельности.

Глава 5.

Аллонби новая планета для Августы. Ничто изъ окружающаго ее не похоже на то, что она оставила за собой, кромѣ человѣческой природы. По фантазіи Утопіи, существа, обитающія на другихъ планетахъ, лишены легкихъ, желудка или органовъ чувствъ. Но и на этой планетѣ, хотя и обладая еще всѣми этими ненужными органами, они все-таки крайне своеобразны. Они начинаютъ тамъ, гдѣ другіе

кончаютъ, и кончаютъ тоже весьма эксцентрично. Міръ на изнанку, совсѣмъ особый міръ! Единственнымъ противникомъ является ея безграничный энтузіазмъ. Она пришла съ глубокой вѣрой, и это все-таки Англія ея мечтаній, Англія, гдѣ все такъ романтично, такъ прекрасно рисуется на фонѣ историческаго прошлаго.

Ея неувѣренность въ себѣ—только помѣха. Что бы она ни дала, чтобы быть только зрительницей, смотрѣть, удивляться, воспринимать, не участвуя самой, и только шопотомъ благодарить Бога за разнообразіе и красоту Его творенія. Но самой играть первую скрипку!

Это было бы невозможно, не будь въ ней укоренившейся рѣшимости безпристрастно относиться къ своей судьбѣ, чтобы она ей ни принесла. Она не искала доставшагося ей испытанія, но она бодро перенесла его. Въ этомъ заключеніи встрѣтились двѣ крайности—недовѣріе къ себѣ и самоувѣренность. Самообладаніе—золотое правило при путешествіяхъ по чужимъ странамъ. Съ нимъ вы не потеряете голову даже въ самыхъ критическихъ положеніяхъ. А Августа теперь очутилась среди людей, зорко, хотя доброжелательно слѣдящихъ, не выкажетъ ли она страха. Августа жестоко трусить, но держитъ себя молодцомъ.

Ея главныя качества тѣ же, что были у древнихъ персовъ: она умѣетъ ѣздить верхомъ и говорить правду. Верховая ѣзда—это случайное послѣдствіе кочевой жизни въ ранчахъ. Она не помнитъ того времени, когда она не могла справиться съ какой угодно лошадью. Это искусство завоевываетъ ей снисходительность къ ея невѣдѣнію во многихъ другихъ вещахъ.

— Душа моя,—говоритъ ей опекающая ее пожилая вдова, родственница герцога,—не говорите съ ними слишкомъ учено, а то они подумаютъ, что вы были учительницей.

— Тетя Эмми!

— Ну да, я знаю, но зачѣмъ объ этомъ говорить? А во время путешествій не ударяйтесь въ археологію. Это не принято. Не обижайтесь на совѣты старухи и поцѣлуйте меня, душа моя. Я такъ рада, что вы подружитесь съ Мери Лиддикотъ. Это прелестная дѣвушка.

Почтенная старушка оказалась пророкомъ: обѣ молодыя женщины,— если можно считать женщиной Мери, эту семнадцатилѣтнюю дѣвочку,— сейчасъ же подружились. Въ то утро, о которомъ идетъ рѣчь, онѣ вмѣстѣ гуляютъ по саду, составляющему частную собственность герцогини.

— Отчего бы намъ не сѣсть здѣсь, герцогиня?—И Мэри опустилась на истертыя отъ времени ступени террасы.—Въ тѣни этой баллюстрады мы, по крайней мѣрѣ, на часъ можемъ спрятаться отъ солнца.

— А ступеньки выдержатъ насъ, Мери? Вотъ въ чемъ вопросъ. И пожалуйста не зовите меня больше «герцогиней». Мое имя Августа.

— Почему вы сомнѣваетесь въ ступенькахъ, герц... т. е. Августа?

- То-то, предупреждаю васъ, а то берегитесь. Что же до вашего глупаго вопроса, то посмотрите на эти щели и на мохъ.

— Да; а что касается до вашего мудраго отвѣта, то не забывайте о новой кирпичной стѣнѣ съ той стороны.

— Новыя заплаты на старомъ порядкѣ, не такъ ли, Мери?

— Какъ всегда въ Аллонби, во всякомъ случаѣ. Мы, въ Лиддикатѣ, болѣе постоянны въ нашемъ разрушеніи.

— Хорошо, я вамъ вѣрю на слово; кому же знать Аллонби, если не вамъ? Поэтому то я и хочу, чтобы вы мнѣ показали мои собственныя владѣнія.

— Пойдемте на лужокъ для игры въ шары, тамъ намъ будетъ удобнѣе подъ защитой террасы. Помогите мнѣ нести мольбертъ, и я васъ поведу.

— О, вотъ такъ прелесть!—воскликнула герцогиня, когда онѣ подошли къ лужайкѣ, покрытой безукоризненнымъ газономъ, лежащей подъ защитой старой стѣны.—Но я забыла, такъ нельзя говорить.

— Почему нельзя?

— Это тривіально и не по англійски.

— Въ чемъ же дѣло?

— Мери, вы должны помогать мнѣ въ этихъ мелочахъ. Будьте жестоки, прошу васъ. Какъ бы вы сказали?

— О чемъ?

— О томъ, что лужокъ прелестенъ.

— Что же я могла бы сказать, какъ только: «Какая прелесть!»?

— А, вотъ видите, вы незамѣтно для себя сказали: «Какая прелесть!», а не: «Вотъ такъ прелесть!».

Дѣйствительно лужокъ прелестенъ, за неимѣніемъ болѣе подходящаго слова. Подстриженная травка держится прямо и стойко, какъ отрядъ испанской гвардіи съ пиками. Стѣна, случайно уцѣлѣвшая отъ какой-то развалины, использована наилучшимъ образомъ: она укрѣплена устоями и все пространство между ними представляетъ массу цвѣтовъ, посаженныхъ въ грядки у ея основанія. Грядка обведена рядомъ зеленыхъ растеній въ горшкахъ, сверху свѣшиваются еще цвѣты, такъ изящно выдѣляющіеся на темно-красномъ фонѣ изъѣденныхъ временемъ кирпичей. Подстриженная изгородь окаймляетъ дорожку съ другой стороны и пятна свѣта и тѣней играютъ на лужайкѣ. За стѣной опять газоны, а дальше густой, мрачный лѣсъ, гдѣ, повидимому, могли бы найти пріютъ цѣлыя поколѣнія дріадъ и фавновъ.

— Слишкомъ прекрасно,—снова шепчетъ Августа.—И кому можетъ захотѣться играть въ глупые шары въ такомъ мѣстѣ, или вообще играть во что бы то ни было, кромѣ игры въ рай?

— Это ваше дѣло, конечно. Это вашъ садъ, все ваше. Отецъ говоритъ, что самъ герцогъ не рѣшится придти сюда безъ вашего разрѣшенія.

— Мери, мы будемъ сидѣть здѣсь цѣлый день и читать «Золотое торжество».

— А какъ же моціонъ?—спокойно спросила Мери.

— Ахъ, Боже мой! Если нужно, я выучусь играть въ эту глупую игру.

— Зачѣмъ? Тамъ, около лѣса есть кольца и гимнастика. Тоже ваша собственная. Нарушители подвергаются законной отвѣтственности, даже ваши гости.

— Гости!—отозвалась Августа со вздохомъ.—Забудемъ о нихъ сегодня. Будемъ сидѣть здѣсь и жалѣть о большинствѣ нашихъ ближнихъ. Ахъ ты Господи!

Главный кучеръ подошелъ и снялъ шляпу.

— Не угодно ли вашей свѣтлости осмотрѣть конюшни? Лошади прибыли вчера.

— Конюшни, Мери? Надо ихъ смотрѣть? Если такъ, то можно просто вернуться домой.

— Видите, вѣдь это ваши конюшни. Джервисъ можетъ подумать...

— Довольно, не говорите, я знаю.

М-ръ Джервисъ очень гордится своими лошадьми, экипажами, сбруей, всѣмъ, что по праву принадлежитъ ему, главному кучеру герцога. Конюшни удивительны, и помѣщеніе людей не хуже лошадинаго, а этимъ все сказано. Всѣ деревянные части изъ рѣдкихъ, дорогихъ деревъ, металлическія—блестятъ, какъ чистое золото и серебро. Архитекторъ, очевидно, былъ поэтъ, обладавшій недюжинной фантазіей. Даже на крышѣ видны гербы, короны и монограммы изъ разноцвѣтныхъ черепицъ. Чистота вездѣ также поразительная. Идеалъ м-ра Джервиса, чтобы герцогъ, если только ему когда-нибудь придетъ такая дикая фантазія, могъ кушать свой обѣдъ на полу. Несмотря на всю роскошь, стиль конюшенъ строгъ, какъ стиль греческихъ храмовъ. Ничего лишняго, и поэтому нѣтъ грязи. Все самаго лучшаго качества, даже свѣтъ и воздухъ и, въ случаѣ надобности, искусственное тепло.

Верховыхъ лошадей показываетъ стремянной, аристократъ среди всей прислуги, не носящій ливреи, и должность котораго историческаго происхожденія. Чудесныя животныя, атласная шерсть которыхъ вполнѣ гармонируетъ съ окружающей обстановкой, поворачиваютъ свои кроткія головы съ огненными глазами вслѣдъ посѣтительницамъ, которыя переходятъ отъ стойла къ стойлу, не приподнимая даже подола своихъ платьевъ. Вотъ «Чифтэнъ», лучшая охотничья лошадь Англіи, который, надѣются, удостоится чести носить на себѣ герцогиню. Надеждамъ этимъ, вѣроятно, суждено сбыться.

— Красавецъ мой! Красавецъ!—восклицаетъ ея свѣтлость, проводя рукой по его атласной спинѣ.—Мы съ тобой будемъ самыми лучшими друзьями въ мірѣ, «Чифтэнъ».—И она прижимается щекой къ его шеѣ, и личико ея кажется еще бѣлѣе на его гнѣдой рубашкѣ.

— Шестнадцать ладоней, безъ дюйма, ваша свѣтлость.

— Не можетъ быть!

— Онъ очень соразмѣренъ, поэтому не кажется такимъ большимъ. Можно вырастить лошадь съ домъ величиною, при умѣломъ уходѣ и воспитаніи. Если что-нибудь съ нимъ случится, я приготовлю его скелетъ, и тогда ваша свѣтлость сами убѣдитесь, каковы у него кости.

— Я скорѣе соглашусь, чтобы мой скелетъ былъ готовъ первымъ. Я уже слишкомъ люблю его.

— Августа, Августа, взгляните на вашихъ новыхъ пони!—это зоветъ Мери, убѣжавшая впередъ. Она въ восхищеніи остановилась передъ парой пони, совершено одинаковыхъ во всемъ, кромѣ масти и этотъ контрастъ показываетъ, что ихъ нарочно такъ подобрали.

— Тысячу двѣсти пятьдесятъ гиней стоятъ они герцогу,—изрекаетъ м-ръ Джервисъ и, какъ мудрецъ, ничего больше не прибавляетъ.

— Онъ слишкомъ добръ,—шепчетъ герцогиня.

Право, могло быть хуже. Вѣдь была же египетская царица, которая тратила на башмаки доходы цѣлаго города. Пони упрямы и дичатся, когда ихъ ласкаютъ, но Августа грозитъ имъ пальцемъ и уходитъ по обѣщавъ, что справится съ ними.

— Американскій рысакъ для самого герцога. Говорятъ, побьетъ здѣсь всѣхъ,—говоритъ м-ръ Джервисъ тономъ пренебреженія ко всѣмъ, что ниже этого рысака.—Ваша свѣтлость, желаете видѣть комнаты для сбруи?

Онъ говоритъ вполнѣ правильно, и это свидѣтельствуетъ объ его общественномъ положеніи.

Эти комнаты похожи на гардеробную свѣтскаго франта, только уборы еще разнообразнѣе. Самые парадные наборы сверкаютъ золотыми бляхами и лакированной кожей въ шкапахъ, за зеркальными стеклами. Менѣе драгоцѣнные выглядятъ необыкновенно солидно. Видно, что м-ръ Джервисъ цѣнитъ только то, что приближается къ совершенству, и покупаетъ все самое лучшее, и въ этомъ онъ правъ. Гдѣ нѣтъ украшеній, кожа на ощупь какъ шелкъ, и искусство, съ которымъ сдѣлана ручная строчка, можетъ заставить ученика сѣдельника опуститься на колѣни отъ восхищенія. Стремянной, въ интересѣ своихъ товарищей, упоминаетъ о псарнѣ, о конскомъ заводѣ, о племенныхъ коровахъ, о птичникѣ, такъ какъ все это есть въ чудесномъ замкѣ. Но герцогиня говоритъ ему, что все это она оставитъ до другого раза и, благосклонно выразивъ свое одобреніе, она направляется къ замку, подхвативъ на руки растерявшуюся японскую болонку, которая забѣжала за нею въ конюшни. Безобразная крошка стоитъ дороже, чѣмъ всѣ подобныя ей въ Англіи. Въ Аллонби все стоитъ большихъ денегъ. Работникъ, вытирающій губкой глупую морду джерсейской лошади, которая, по приказанію доктора, не выходитъ изъ своего помѣщенія, готовъ, при ближайшемъ поощреніи, разсказать всю ея родословную

высокой посѣтительницѣ. «Салли»—героиня полдюжины сельскохозяйственныхъ выставокъ, и ея аттестаты прибиты подъ ея стойломъ. Она—лучшая лошадь джерсейской породы во всей Англіи, она получила всѣ лучшіе призы и принадлежитъ лучшему герцогу и лучшей герцогинѣ этой благословенной страны. Самые низшіе изъ слугъ чувствуютъ свою связь со старымъ порядкомъ вещей, и это даетъ имъ извѣстный нравственный импульсъ. Здѣсь Аллонби, а за его стѣнами, какъ противовѣсъ ему, весь міръ. Всѣ ихъ выраженія исполнены чувства достоинства ихъ должности, и даже случайныя ругательства считаются изысканнымъ способомъ выраженія въ стѣнахъ «Телячьей ножки».

Дамы уже собирались вернуться домой, какъ герцогинѣ пришла внезапная фантазія.

— Мери, мнѣ кажется, что мы съ «Чифтэномъ» уже друзья. Мнѣ страстно хочется прокатиться. Прикажите имъ осѣдлать его, пока я побѣгу переодѣться.

— Августа! А что скажетъ герцогъ?

— Я думала, что лошадь моя. Мнѣ во что бы то ни стало хочется прокатиться, а тамъ будь, что будетъ, если бы даже умереть пришлось.

Ея готовность къ такому печальному концу не внушила довѣрія стремянному.

— Ваша свѣтлость лучше бы попробовали его въ манежѣ. Мы сами еще хорошо не знаемъ его.

— Тише! Онъ никогда не простилъ бы намъ, если бы слышалъ такія рѣчи. Подождите меня здѣсь, Мери.

Она побѣжала къ дому, а Мери, вздохнувъ, пошла передавать ея приказанія. Не успѣли ихъ еще исполнить, какъ она вернулась въ амазонкѣ и бѣгомъ подбѣжала къ Мери и стремянному.

— Ея свѣтлость сама этого пожелала, миссъ Мери. Вы не откажитесь подтвердить это...

— А не лучше ли подождать, Августа? Вы сами видите, лошадь еще не привыкла ни къ мѣсту, ни къ людямъ. Она можетъ...

— Что же она можетъ сдѣлать теперь, когда я собираюсь угостить ее этимъ кусочкомъ сахару? Но, вѣдь, это не за сахаръ, «Чифтэнъ», дорогой? Ты, вѣдь, любишь меня?

Она опять прижалась къ лошади, гладила ее, шептала ей что-то на ухо, осмотрѣла подпругу и черезъ минуту очутилась въ сѣдлѣ, съ поводьями въ рукахъ.

— Adio, Мери. Только разокъ проскачу по парку!

— Ускакала!—пробормоталъ стремянной, очевидно недовольный ни ею, ни чѣмъ бы то ни было, ни даже собою.

Скачка была хорошая, хотя ее нельзя было назвать бѣшеною. «Чифтенъ» свѣжъ и ретивъ отъ радости жизни, но онъ забралъ себѣ въ голову нелѣпую мысль, что было бы еще лучше поскакать одному,

безъ наѣздницы. Онъ нѣсколько разъ пробуетъ нести и по времевамъ встряхивается, точно спрашивая себя, не лучше ли имъ разстаться? Но согласіе скоро возстановляется между ними, и тогда она позволяетъ ему скакать, куда онъ хочетъ, и все время ласково говоритъ съ нимъ. Потомъ, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ самъ чувствуетъ, что довольно скакать, она потихоньку переводитъ его на рысь, потомъ на шагъ, давая ему понять, да и сама въ эту минуту думаетъ, что испытаніе кончено. Но между ними и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоятъ Мери и конюха, длинная изгородь, и становится яснымъ, что Августа собирается взять это препятствіе на обратномъ пути. Постепенная перемѣна аллюра «Чифтэна» показываетъ, что онъ получилъ соотвѣтственное приказаніе, и скоро онъ во весь духъ несется къ препятствію.

— Не люблю я этихъ цирковыхъ фокусовъ,—ворчитъ м-ръ Джервисъ, вытирая со лба капли холоднаго пота.—Я прямо не выношу ихъ, если желаете знать?

Но онъ не успѣваетъ ни сказать, ни даже подумать ничего больше. Черезъ мгновеніе наѣздница съ лошадью уже у препятствія, а черезъ мгновеніе еще онѣ благополучно перелетѣли черезъ изгородь.

— А ловко, ч...—бормочетъ м-ръ Джервисъ, во время спохватившись, что чуть не сказалъ грубаго слова.—Сегодня для меня счастливый денекъ.

Онъ удержался и прибавилъ только мысленно:

«Кто бы сказалъ, что она была только гувернанткой. Молодецъ!»

— Простите!—смѣется Августа, соскочивъ на землю и похлопавъ подругу по щекѣ.—Это было необходимо. Я начинала чувствовать себя--ну, да вы понимаете. Не сердитесь, дорогая! Право, я справляюсь съ лошадью не хуже многихъ.

— А какъ же условленный визитъ м-ра Рейфа? — Вотъ все, что Мери позволила себѣ сказать.

— М-ра Рейфа?

— Домашняго капеллана, герцогиня.

— Августа къ вашимъ услугамъ, миссъ Лиддикотъ.

— И м-ра Боскомбъ тоже. Вы знаете, что они оба должны были придти къ вамъ сегодня утромъ, чтобы поговорить о деревенскихъ бѣднякахъ. Я думаю, они давно дожидаютъ васъ въ маленькой гостиной.

— О, Мэри, голубчикъ, бѣгите скорѣй, скорѣй и займите ихъ, пока я переодѣнусь. Я приду къ вамъ прежде, чѣмъ вы успѣете поговорить о погодѣ.

И она въ точности сдержала слово.

Глава VI.

М-ръ Рэйфъ, домашній капелланъ, самой природой отъ рожденія былъ предназначенъ быть духовникомъ въ благородномъ домѣ. Онъ такой гладкій, вылощенный, съ лицомъ похожимъ на спѣлое яблоко; видно, что никогда никакія сомнѣнія не мучатъ его. Всѣ тѣ, что у него были въ прошломъ, онъ изложилъ въ своемъ единственномъ научномъ трудѣ—«Борьба за вѣру», заглавіе котораго служитъ единственнымъ доказательствомъ, что и онъ нѣкогда боролся съ діаволомъ. Побѣда столь несомнѣнно была на сторонѣ добродѣтели, что онъ едва помнилъ объ этой стычкѣ.

Строгая церковность высказанныхъ имъ въ этомъ произведеніи взглядовъ, понравилась герцогу, и онъ былъ призванъ къ важной должности дважды въ день читать молитвы всѣмъ собраннымъ членамъ герцогскаго дома. Такимъ образомъ онъ, до срока, попалъ еще на землѣ въ царство небесное. Изъ оконъ его церковнаго дома, расположеннаго за оградой парка, разстилался широкій видъ, который смѣло можно было назвать преддверіемъ райскихъ долинъ. Тамъ, въ этой цвѣтущей зеленой равнинѣ, конечно, не теперь, а когда-нибудь, ангелы будутъ разносить небесный хлѣбъ, несравненно лучшій даже того, который подается у него къ чаю, ему и его гостямъ, собирающимся у него поиграть въ крокетъ. Въ небесныхъ пейзажахъ все находится въ полной гармоніи. Въ ближайшемъ разстояніи лежитъ образцовая деревня, въ которой м-ръ Рэйфъ утираетъ слезы замковымъ бѣднымъ, такъ какъ Аллонби, вмѣстѣ съ коровами и лошадьми собственныхъ заводовъ имѣетъ и собственную породу бѣдняковъ, отъ которыхъ для полнаго ихъ счастья требуется только, чтобы они были безукоризненно добродѣтельны. Они встаютъ утромъ вмѣстѣ съ жаворонками и ложатся въ одно время съ весьма порядочными птицами. Они пьютъ только минеральную воду. Они упиваются дешевыми изданіями англійскихъ поэтовъ въ читальнѣ, являющейся настоящимъ маленькимъ chef d'oeuvr'омъ домашней готики, гдѣ бюстъ Шекспира стоитъ рядомъ съ бюстомъ герцога. Они изучаютъ Палестину при помощи волшебнаго фонаря. Мы можемъ мечтать о столь блаженномъ житіи лишь въ будущей жизни.

— Я увѣренъ что ваша свѣтлость соблаговолите посѣтить насъ. Я не настаиваю. Я знаю, что въ данное время васъ призываютъ другія многочисленныя обязанности. Но нѣкоторые вопросы не терпятъ отлагательства. Буйный элементъ изъ числа посѣтителей нашей читальни собираетъ подписи на прошеніи о допущеніи пива!

— Очень жаль!

— Я былъ очень радъ, когда пріѣхавшіе для встрѣчи рудокопы разъѣхались по домамъ. Они не могутъ служить хорошимъ примѣ-

ромъ для нашихъ. По счастью, пѣтушиные бои по свѣтскимъ праздникамъ—совершенно случайное явленіе.

— Я думаю, что я должна была бы симпатизировать ему, Мэри,— сказала герцогиня, когда онъ откланялся, но что-то... ну, да все равно. Онъ вѣрно прекрасный человѣкъ.

— Мой любимецъ м-ръ Баскомбъ,—отвѣчала Мери.—Смотрите, вотъ онъ входитъ въ ворота. Я бы хотѣла, чтобы тотъ, другой, былъ менѣе увѣренъ въ своемъ совершенствѣ какъ на землѣ, такъ и на небесахъ. Милый старикъ! Онъ не представителенъ на землѣ. Онъ всегда умудряется выглядѣть неумытымъ, несмотря на свою рясу отъ головы до пятъ. Въ подобномъ одѣяніи, кажется, всякій человѣкъ долженъ выглядѣть представительнымъ. Но поглядите на его пуговицы—всѣ застегнуты криво!

— Ну, умный человѣкъ и въ мѣшкѣ будетъ такъ же хорошъ, какъ и во фракѣ. Разскажите-ка мнѣ лучше про него, пока онъ еще не дошелъ.

— Настоящій ученый и благороднѣйшій человѣкъ, — затрещала Мэри, стараясь выиграть время, пока священникъ съ трудомъ взбирался на довольно крутой холмъ.—Предупредите меня, когда онъ можетъ меня услышать, но помните что онъ глуховатъ.

— Продолжайте, у васъ еще есть полминуты времени.

— Онъ увѣренъ, что уже больше ста лѣтъ истинная христіанская церковь не существуетъ.

— О, Мери! Еще только десять секундъ. Употребите ихъ съ пользой!

— Онъ думаетъ, что Аллонби надо обратить въ звонкую монету и раздать ее тѣмъ, у кого ничего нѣтъ.

— Какъ? такъ онъ настоящій соціалъ... Какъ поживаете, м-ръ Боскомбъ? Я очень радъ васъ видѣть. Миссъ Лиддикотъ говорила о васъ съ такой похвалой.

М-ру Боскомбу лѣтъ сорокъ пять, но, благодаря его небрежному отношенію къ себѣ, онъ выглядитъ старше лѣтъ на десять. Сдвинутая на самый затылокъ шапочка придаетъ ему какой-то дѣтски-невинный видъ. Состояніе его рясы свидѣтельствуетъ, что его прислуга совершенно незнакома съ употребленіемъ платяной щетки. Высокая, худая фигура, сгорбленная отъ упорнаго кабинетнаго труда, римскій складъ лица выдавали въ немъ ученаго мистика, но что-то въ его задумчивыхъ глазахъ наводило на мысль, что не дай Богъ встрѣтиться съ нимъ на той биржѣ, гдѣ котируются души для будущаго блаженства.

Онъ ласково улыбнулся Мери и пожалъ ея руку, не безъ граціи отвѣсивъ поклонъ герцогинѣ. Потомъ онъ окинулъ новую владѣтельницу Аллонби взглядомъ, ясно показывающимъ, что онъ признаетъ ея красоту, но относитъ ее къ тѣмъ же безличнымъ чудесамъ природы, какъ восходъ и закатъ солнца.

— Я счастливъ познакомиться съ вами, сударыня. У васъ много власти творить добро, и, я увѣренъ, вы воспользуетесь ею.

Интонація его голоса очень музыкальна, какъ у всѣхъ людей, постоянно имѣющихъ дѣло съ духовными гармоніями, изъ которыхъ слагается музыка.

— Я надѣюсь, что съ вашею помощью я могу быть полезна. Но здѣсь, кажется, такъ мало можно сдѣлать. Въ городахъ не то.

— Сударыня, всѣ люди изъ одной глины. Я думаю, вы скоро въ этомъ убѣдитесь. Будьте увѣрены, что вамъ не долго придется ждать удобнаго случая.

— М-ръ Рэйфъ обѣщалъ показать мнѣ свою образцовую деревню.

Легкая тѣнь пробѣжала по его лицу.

— Я не сомнѣваюсь, что м-ръ Рэйфъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, но, какъ бы то ни было, эти вопросы организаціи... Черезъ нѣсколько времени я сочту своимъ долгомъ освѣдомиться, какого мнѣнія ваша свѣтлость о всѣхъ деревняхъ.

Разговоръ скоро перешелъ на общія темы, и здѣсь онъ показалъ себя такимъ несвѣдущимъ и, повидимому, чувствовалъ себя такъ неловко, что герцогиня сжалилась надъ нимъ и дала ему возможность откланяться. Прощаясь, онъ снова окинулъ ее взглядомъ, съ головы до ногъ, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ.

— Пожалуйста, не возомните о себѣ слишкомъ много,—смѣялась Мери.—Онъ такъ же смотритъ на каждую хорошенькую женщину; но имѣйте въ виду, что онъ въ большинствѣ случаевъ забываетъ сейчасъ же объ ихъ существованіи. Я увѣрена, что онъ считаетъ насъ растеніями, и не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день онъ попробуетъ оторвать у меня палецъ, чтобы украсить имъ свою бутоньерку. Когда я еще носила коротенькія юбочки, онъ ставилъ меня на столъ и смотрѣлъ на меня, какъ на статуетку святой. Но это онъ дѣлалъ со всѣми безъ различія, со мной такъ же, какъ съ Розой Эдмеръ. Милый старикъ, какъ я его люблю!

— И я тоже. А кто эта Роза Эдмеръ? Вы знаете, дитя, что вы мой проводникъ въ Аллонби.

— Роза Эдмеръ—мѣстная красавица. Въ каждой уважающей себя деревнѣ есть своя красавица.

—Такъ я ее отлично знаю. Слушайте: у нея темные глаза и темные волосы; глаза ея всегда опущены, точно вѣки ея тяжелы, и ей трудно ихъ поднимать, но это скорѣе отъ кокетства. Я-то ее заставила ихъ мнѣ показать, они были широко открыты, когда я проѣзжала. У нея правильный овалъ лица. Губы у нея немножко выдаются, точно надуты, но не капризно, а скорѣе рѣшительно, и навѣрное она умѣетъ хорошо пользоваться ими—въ различныхъ случаяхъ. Это маленькій шикъ! Нѣтъ, вовсе не шикъ, а сама природа. А каково описаніе? Право, точно изъ стариннаго романа!

— Очень похоже. Эта дѣвочка вѣрна, какъ сталь, если вы съумѣете привязать ее къ себѣ, но нужно съумѣть привлечь ее. Говорятъ, что Джорджъ Херіонъ съумѣетъ. Во всякомъ случаѣ, выиграетъ ли онъ партію или проиграетъ—игра будетъ интересна для жителей.

— Джорджъ Херіонъ? Я никогда его не видала.

— Возможно, герцогиня, именно потому, что и онъ васъ не видалъ, хотя стоялъ противъ васъ. Его судьба теперь рѣшается, какъ я слышала, а я каждый день узнаю всѣ самыя свѣжія новости отъ моей горничной.

— Неудивительно. Нельзя допустить, чтобы любовь считалась пустой забавой, поэтому будемъ слѣдить за Филлисой и Коридономъ. О, что за страна, что за страна!

— Что вы хотите сказать?

— Не знаю. Вся эта страна похожа на книгу съ картинками, которыя слишкомъ живописно хороши, чтобы походить на дѣйствительность. Это сознаніе внезапно обрушилось на меня въ Уорвиссѣ. Тамъ я видѣла старыхъ монаховъ въ плащахъ, напомнившихъ мнѣ похороны королевы Елизаветы, выходившихъ изъ такой же старой богадѣльни на фонѣ чисто шекспировской площади. Увѣряю васъ, что когда изъ одного изъ старыхъ домовъ вышелъ господинъ въ сюртукѣ и цилиндрѣ, я готова была побить его за нарушеніе впечатлѣнія. А на рынкѣ они жарили цѣликомъ быка и нанимали рабочихъ и скотницъ.

— А гдѣ же нанимать ихъ, Августа? Вѣдь такъ всегда дѣлается.

— А кто говоритъ, что это не хорошо? Что за милая старая страна!

— А какъ же ихъ нанимаютъ у васъ?

— Почемъ я знаю, какое мнѣ дѣло? Не такъ, во всякомъ случаѣ. Не такъ живописно.

— Странная у васъ страна!

— Нѣтъ нѣтъ. Она слишкомъ велика, чтобы быть чѣмъ-нибудь особеннымъ. Вотъ ваша—само совершенство, и если бы я могла, я бы посадила ее подъ стеклянный колпакъ. Нашъ, американскій, стеклянный колпакъ—небесный сводъ, а онъ слишкомъ великъ и неугасимъ для зрителя. Какъ вы будете сдувать пыль съ хлѣбнаго поля, тянущагося на двадцать пять миль въ длину, безъ перерыва? Здѣсь то, что вы теряете въ обширности, вы выигрываете въ разнообразіи, въ полнотѣ впечатлѣній. Цѣлая дюжина «слѣдовъ творенія» на пространствѣ не больше моей ладони! Я бы хотѣла на все наклеить ярлычки. Во всякомъ случаѣ, Мери, помогите мнѣ опредѣлить, что такое «графство», эта таинственная штука, о которой вы говорили мнѣ вчера; что это за люди, къ которымъ я должна ѣхать въ парадномъ экипажѣ «засвидѣтельствовать почтеніе», въ отвѣтъ на подобное же дѣйствіе съ ихъ стороны»?

— Ну, такъ прежде всего вамъ понадобится два шкафа для коллекціи, одинъ для вашего общества, другой для всѣхъ остальныхъ.

— Разскажите мнѣ про тѣхъ остальныхъ. Я уже начинаю разбираться въ нашемъ обществѣ: право рожденія, богатства, древности рода. О, какъ я боюсь нѣкоторыхъ изъ нихъ, Мери! Только не смѣйте этого говорить никому. Я собираюсь укротить ихъ, бросившись прямо въ клѣтку, стрѣляя изъ пистолета и постараюсь такъ занять ихъ фокусами, что имъ нѣкогда будетъ растерзать меня.

— Они не пожелаютъ растерзать васъ, развѣ только изъ любезности, какъ бы вы ни были милы.

— Вздоръ. Я увѣрена что этотъ почтенный дворянинъ (такъ я выражаюсь?), къ которому я ѣздила на этихъ дняхъ, просто людоѣдъ. Всѣ признаки на лицо! Длинное, торжественное лицо, замогильный голосъ, тощее семейство, выползшее за нимъ въ мрачную пещеру—гостиную и ожидающее добычи...

— Будьте великодушны. Вы совершенно то же самое увидите въ Лиддикотѣ, когда пріѣдете навѣстить насъ въ нашей старой берлогѣ. Развѣ люди виноваты, что ихъ роду тысяча лѣтъ?

— Дитя, вы знаете, что я не объ этомъ говорила.

— Кромѣ того, Огреби и мы—старомодные люди, мы не гонимся за модой. Но, увѣряю васъ, вы найдете очень много прелестныхъ, совсѣмъ современныхъ людей. Да взгляните хоть бы на Аллонби!

— Ну, Аллонби вызываетъ нѣкоторыя опасенія. На-дняхъ я попала въ семейный склепъ, отдѣленный отъ остальной церкви. Какой ужасъ всѣ эти изваянія, все еще гордо смотрящія своими пустыми глазными впадинами на судьбы людей! Право, это походитъ на храмъ солнца, съ рядами набальзамированныхъ инковъ, родоначальникъ которыхъ теряется во тьмѣ вѣковъ. Разница только въ томъ, что инки трудились всю жизнь. Ну, а что вы мнѣ скажете о немногихъ людяхъ?

— О, вы скоро сами узнаете о нихъ больше, чѣмъ бы желали. Они, дѣйствительно, опасны. Хотя вы и герцогиня, а вамъ будетъ трудно избѣжать ихъ когтей.

— Развѣ они такъ ужасны?

— Безусловно. Они нажили себѣ состояніе спекуляціями, — кучи денегъ, и если у насъ есть хоть что-нибудь продажное, они являются и покупаютъ. Иногда они прикрываются нами, какъ вывѣской, и выставляютъ наши имена на своихъ объявленіяхъ.

— Дерзкія созданія! И съ деньгами еще!

— Вы не понимаете, Августа, но потомъ поймете.

— Итакъ, молчаливое презрѣніе?

— А какъ же сохранить его, когда они поднимаютъ такой шумъ? Здѣсь недалеко есть ужасный человѣкъ по имени Кисби, который всѣми силами старался добыть себѣ мѣстечко въ вашемъ шествіи. Его пріемы—просто скандалъ, и онъ купилъ родовое имѣніе Паррингтоновъ.

— Ничего нѣтъ легче, какъ держаться подальше отъ него.

— Не такъ легко, какъ вы думаете. Онъ старается устраивать все, начиная съ охотъ и кончая обѣдами, вдвое лучше, чѣмъ всѣ остальные, во всемъ, что касается роскоши. И многіе изъ нашихъ младшихъ сыновей ѣздятъ къ нему, чтобы ѣсть его обѣды. Подумайте, даже мой собственный братъ Томъ—такой позоръ! И вернувшись домой, они надъ нимъ же издѣваются.

— А мы съ вами считаемъ это еще большимъ позоромъ, не такъ ли, Мери? Но не бойтесь, я буду вполнѣ правовѣрна и буду ненавидѣть Кисби. Только теперь меня больше занимаютъ типы положительные, чѣмъ отрицательные. Мнѣ такъ хочется полюбить всѣхъ, особенно женщинъ.

— Кто же вамъ мѣшаетъ? Я увѣрена, что онѣ всѣ готовы полюбить васъ.

— Иногда онѣ кажутся такими...

— Какими?

— Такими близкими и въ то же время далекими, какъ звѣзды въ пѣснѣ, такими восторженно равнодушными, задушевно холодными.

—Августа!

— О, поймите меня какъ слѣдуетъ. Въ моихъ словахъ нѣтъ ничего, относящагося къ личностямъ, къ вамъ въ особенности, и даже ко мнѣ самой. Я увѣрена, что онѣ относятся ко мнѣ такъ же, какъ и другъ къ другу. Но ихъ холодность для меня по временамъ просто мученіе. Я думаю, что это признакъ хорошаго тона. Имъ, кажется, ни до кого нѣтъ дѣла. Но какія удивительныя женщины между ними скрываются подъ этой маской циничнаго равнодушія! Онѣ такъ много знаютъ, такъ много видѣли, такъ много передумали и перечувствовали, и такъ стыдятся показать это. Я видѣла въ двухъ или трехъ здѣсь этотъ жесткій, сухой, холодный тонъ! Ни одна изъ насъ, женщинъ, не можетъ быть такой отъ природы—ихъ души обратились въ анатомическіе препараты. Зачѣмъ такъ коверкать себя и превращать себя въ плохія изваянія?

— Я никогда не думала объ этомъ. Вѣрно это такъ, если вы все это видите. Можетъ быть онѣ стали такими, чтобы нравиться мужчинамъ? Теперь я вспоминаю, какъ перемѣнился Томъ, когда онъ поступилъ въ Итонъ: онъ пересталъ цѣловаться, здороваясь и прощаясь. Уѣзжая послѣ первыхъ каникулъ, онъ украдкой обнялъ меня за дверью, но это было въ послѣдній разъ. Видите ли, наши мужчины не выносятъ «телячьихъ нѣжностей». А ваши?

— Мы ихъ не спрашивали,—просто отвѣчала Августа,—они должны мириться съ тѣмъ, каковы мы. И это имъ ужасно полезно.

— Я думаю. Вы никогда не выпускаете ихъ изъ своихъ рукъ. Я думаю, что они не меньше любятъ васъ за то, что вы остаетесь сами собою и не стараетесь говорить съ ними о гольфѣ, скачкахъ и конюшняхъ.

— Они насъ достаточно любятъ,—такъ же просто продолжала Августа,—но не огорчайтесь, милочка. Вы знаете, «съ волками жить» и такъ далѣе. А я постараюсь объангличаниться какъ можно скорѣе.

— Берегитесь, чтобы мы не объамериканились прежде, и тогда всѣ ваши труды пропадутъ даромъ.

— Нѣтъ, первая очередь моя. Помогите мнѣ лучше выучить списокъ моихъ гостей. Вотъ тутъ какой-то Блиссъ.

— Простите меня, не надо такъ рѣзко выговаривать послѣднюю букву. Вы сами просили меня поправлять васъ въ мелочахъ.

— Большое спасибо; но неужели въ этой странѣ нельзя называть своихъ близкихъ по имени, не коверкая ихъ? Вѣдь есть же какое-нибудь правило? Я думаю, оно гласитъ такъ: произносите имя любого англичанина такъ, какъ другіе его пишутъ... Я думаю, наша фамилія «Аппльбисъ» именно потому, что начинается на «Ал»? а «Галифаксъ» надо произносить «Гамшель», правда, дорогая? «Вальдегревъ» какъ «Зороастръ»...

— Августа, вамъ положительно не везетъ сегодня! Клянусь честью, надо говорить «Вальгревъ».

— Мери, Мери, мы проболтали все утро, а у насъ на рукахъ полонъ домъ гостей. Кромѣ того, мнѣ сегодня нужно взглянуть на деревню.

— Которую? м-ра Рейфа?

— Нѣтъ, на Малый Слокумъ. Она мнѣ больше по вкусу. Но онъ можетъ идти со мной, если это входитъ въ его обязанности.

Глава 7.

Но это оказалось не такъ просто. Для людей, стоящихъ столь высоко на общественной лѣстницѣ, каждый шагъ требуетъ самаго тщательнаго обсужденія. Герцогиня Аллонби едва ли можетъ прогуляться пѣшкомъ по Малому Слокуму, какъ мы съ вами. Ничто не случается просто у знатныхъ людей; все дѣлается по строго опредѣленнымъ образцамъ. Прежде всего прибѣгли къ совѣтамъ м-ра Джервиса относительно экипажа, и онъ приказалъ заложить драгоцѣнныхъ пони, чтобы дать имъ подышать воздухомъ. Ея свѣтлость предпочла бы идти пѣшкомъ, но ей намекнули, что это не принято. Затѣмъ потребовали экономку. Въ большихъ домахъ прислуга такъ же ревниво относится къ своимъ особымъ обязанностямъ, какъ придворные чины къ своему праву нести полотенце или пару шпоръ во время коронаціи. Несчастный предметъ ихъ заботливости будетъ тщетно посылать ихъ ко всѣмъ чертямъ. Это касается ихъ прерогативы, а вовсе не его удобства, и вся возня затѣвается ради нихъ, и вовсе не для него. Обычай требовалъ, чтобы герцогиня Аллонби впервые появлялась между своими подданными не иначе, какъ съ громадными корзинами, набитыми лекарствами и всякими припасами.

— Потомъ вы можете себѣ ходить въ старомъ платьѣ и ватерпруфѣ,—утѣшала Мери своего друга, садясь въ экипажъ. Августа вздохнула и взяла вожжи въ руки. М-ръ Рэйфъ и ливрейный лакей помѣстились сзади нихъ.

Быстрое движеніе на воздухѣ, освѣжаемомъ легкимъ вѣтеркомъ съ дальнихъ холмовъ и недавнимъ дождемъ, скоро развеселило ее. Дорога проходила по мѣстности необыкновенной красоты, среди роскошной, выхоленной въ теченіе столѣтій растительности. Деревня была живописна, какъ старая гравюра.

Жимолость и другія ползучія растенія густо обвивали окна и двери домовъ, маленькіе садики пестрѣли всевозможными цвѣтами. Какая-то дама, очевидно въ поискахъ за живописными уголками, поднялась отъ своего мольберта и поклонилась герцогинѣ, когда та проѣзжала мимо. Дѣти еще сидѣли за уроками, но когда экипажъ поравнялся со школой, то шарканье ногъ внутри ея ясно показало, что занятіе внезапно прервалось. Матери ихъ въ терпѣливомъ ожиданіи грядущихъ событій не покидали внутренности своихъ домовъ, точно приготовлялись къ судному дню и кончинѣ міра.

М-ръ Рейфъ оказался прекраснымъ проводникомъ, умѣвшимъ показывать товаръ лицомъ. Тамъ и здѣсь экипажъ останавливался по его указанію, и герцогиня заходила въ чистенькій домикъ, украшенный хромолитографіями королевской фамиліи, съ веселенькой мебелью и низко, но весьма неуклюже присѣдающей хозяйкой почтенной наружности въ ослѣпительно-бѣломъ передникѣ. Эти присѣданія приводили герцогиню въ отчаяніе. «Пожалуйста, будьте не такъ почтительны», пробовала она говорить сначала, пока не увидѣла, что, при ихъ воспитаніи, имъ гораздо труднѣе воздерживаться отъ низкопоклонства, чѣмъ ей переносить его. Тогда она покорилась своей участи съ новымъ вздохомъ. И кромѣ того, развѣ можно было возставать и возмущаться въ обстановкѣ, которая, казалось, могла заставить покраснѣть отъ стыда вывѣшенное у дверей мелочной лавки объявленіе газеты графства, трактовавшее о сраженіяхъ, убійствахъ и несчастныхъ случаяхъ въ другихъ частяхъ свѣта. На поворотѣ дороги ей попалась на глаза сгорбленная отъ старости фигура. Это былъ восьмидесятилѣтній Скеттъ, калѣка, бывшій землекопъ, съ которымъ мы уже познакомились, какъ съ однимъ изъ безчисленныхъ членовъ деревенской жизни. Онъ тащился домой при помощи двухъ палокъ, такъ какъ нижнія конечности его уже давно отказывались принимать участіе въ жизненной борьбѣ.—Бѣдный старикъ!—воскликнула герцогиня, придерживая своихъ лошадокъ.

— Откройте корзину, Джемсъ, и посмотрите, что можетъ доставить ему удовольствіе.

— Совершенно напрасно, герцогиня, — поспѣшно вмѣшался м-ръ Рэйфъ, — онъ вполнѣ обезпеченъ, и я боюсь, что не оцѣнитъ вашего баловства.

— Разскажите мнѣ про него.

— Нечего разсказывать. Въ свое время это былъ хорошій, честный, работящій человѣкъ, хотя не особенно бережливый, къ сожалѣнію, а теперь мы дѣлаемъ для него все, что можемъ.

— Что же вы дѣлаете?

— Право не знаю, навѣрное,—слегка скоофузился м-ръ Рэйфъ, но я легко могу навести справки.

— Гдѣ вы живете, старичокъ?—спросила ея свѣтлость, можетъ быть, только въ видѣ протеста противъ тираніи посредника, составляющей, насколько мнѣ извѣстно, одно изъ проклятій нашего времени.

Но не такъ легко было смутить м-ра Рэйфа.

— Онъ живетъ совсѣмъ одинъ, и я боюсь, что вашей свѣтлости едва ли понравится...

— Что-жъ, если барыня хочетъ потрудиться и навѣстить бѣднаго старичка,—заныдъ Самсонъ. Въ голосѣ его слышалось отчаяніе; онъ боялся, что это чудное видѣніе исчезнетъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ свести съ нимъ болѣе короткое знакомство.

— Можно ли къ вамъ зайти?—спросила герцогиня

— Покорнѣйше васъ благодарю, если вамъ не трудно пройтись,— отвѣчалъ неисправимый младенецъ, пережившій второе дѣтство; — ножки-то у васъ здоровенькія.

Герцогиня, очевидно, не обидѣлась на подобное замѣчаніе, но на лицѣ м-ра Рэйфа выразилось сильнѣйшее негодованіе.

Старикъ жилъ въ одномъ изъ ряда красныхъ кирпичныхъ домиковъ, обличающихъ полное отсутствіе вкуса строителя, какъ большинство подобныхъ современныхъ построекъ. Они составляли какъ бы задворки деревни, и ихъ замѣтное стремленіе избѣжать любопытныхъ взоровъ свидѣтельствовало, что и въ Слокумѣ было кое-что такое, что не должно было попадаться на глаза. Эти домики были обязаны своимъ возникновеніемъ разрушеніямъ, произведеннымъ старымъ герцогомъ, который руководствовался общимъ правиломъ, что для укрощенія населенія нужно сносить ихъ дома. Но старый герцогъ перестарался и разрушилъ такъ много, что его преемнику пришлось снова строиться для помѣщенія собственныхъ своихъ рабочихъ. Но арена разрушенія превосходила арену возведенія новыхъ построекъ, и въ наше время населеніе Слокума было менѣе многочисленно, чѣмъ оно было въ концѣ среднихъ вѣковъ. Оно даже достигло того совершеннаго истиннаго равновѣсія, которымъ славятся статистическія таблицы Франціи. Идеаломъ современной архитектурной постройки является опрокинутый вверхъ дномъ ящикъ съ дырами по бокамъ, поменьше для оконъ, побольше для дверей. Нижній ящикъ, если можно такъ выразиться, служитъ общей комнатой, верхній—спальней, и домъ готовъ. Двери, по мнѣнію любопытныхъ кумушекъ, которыя выглядывали изъ нихъ теперь, были совершенно ненужнымъ прибавленіемъ.

Одна изъ подобныхъ кумушекъ, м-ссъ Артифексъ, увидя, какія рѣдкія гостьи завернули къ старику Самсону, явилась тотчасъ же въ его жилище, чтобы «замолвить за него словечко», если его скромность или недостатокъ смѣлости не позволятъ ему обратиться съ просьбой о помощи. При этомъ, конечно, имѣлась въ виду и возможность подобной же услуги и съ его стороны.

Комната его была очень неопрятна. Виной этого была его старость и его убожество, какъ было и съ большинствомъ его сосѣдей. Всѣ ихъ сверстники въ могилѣ, а молодежь разбрелась по бѣлу свѣту въ поискахъ счастья. Старики являются прямой обузой для деревни; ихъ держатъ только потому, что они отказываются идти въ богадѣльню, на тѣ гроши, которые выдаетъ приходъ на ихъ содержаніе.

Самсонъ принималъ гостей по своему.

— Присядьте, барыня; вотъ какъ живетъ старый Самъ Скеттъ, поджидая смерти; не долго ему ждать придется, не долго.

— Не забывайтесь, Скеттъ,—сказалъ м-ръ Рэйфъ. —Такъ не говорятъ съ ея свѣтлостью.

— Пожалуйста, не мѣшайте ему говорить, какъ онъ хочетъ,—замѣтила ему Августа.—Онъ ничего дурного не сказалъ.

— Ахъ, вы моя красавица!—въ восторгѣ закричалъ старикъ. Этимъ восклицаніемъ онъ отдавалъ дань ея нравственнымъ качествамъ, не только физическимъ. М-ръ Рэйфъ негодующе поднялъ глаза къ небу и выразилъ протестъ всѣмъ своимъ существомъ, начиная съ подбородка.

Видно было, что манеры старика Самсона сильно вредили его карьерѣ въ жизни. Его нельзя было назвать воспитаннымъ нищимъ, и его безтолковость и глупость были причиной, что на него не простиралась милость м-ра Рэйфа, обладавшаго особымъ искусствомъ привлекать вниманіе великихъ міра сего къ нуждамъ бѣдняковъ. Большинство его сосѣдей подвергались той же участи. Любимцами м-ра Рэйфа были великолѣпные обитатели образцовой деревни у стѣнъ замка и немногіе избранники Малаго Слокума, которыхъ онъ только что показывалъ. Эти послѣдніе, подъ его мудрымъ руководствомъ, стали чисты и вылощены, какъ фарфоровые пастушки. Бѣднякъ Скеттъ казался грубымъ дикаремъ въ этой идиллической картинѣ. Онъ все еще былъ великолѣпенъ въ своемъ разрушеніи, ростомъ великанъ, широкоплечій и могучій, какъ старый воинъ, на котораго онъ походилъ, со своимъ широкимъ лицомъ и морщинистой шеей. Его голубые глаза, хотя и помутнѣвшіе отъ старости, свидѣтельствовали о его происхожденіи по прямой линіи отъ фризскихъ поселянъ. Тонкая кожа, покрытая сѣтью морщинъ, прорѣзанныхъ годами и тяжелымъ трудомъ, напоминала кожу носорога. Исторія его была исторіей многихъ современныхъ ему англійскихъ крестьянъ. Это былъ одинъ изъ тружениковъ земли въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ

дорогъ, оставившій на нашей планетѣ незамѣтный слѣдъ своей кирки и лопаты. Онъ ничего не читалъ, по самой уважительной изъ причинъ, ни о чемъ не думалъ, ни на что не надѣялся, но только копалъ, кое-какъ питался и спалъ. Этого было достаточно, чтобы возгордиться.

— Работалъ на самой первой желѣзной дороги въ мірѣ, — повѣствовалъ онъ,—а потомъ по всей странѣ на дорогахъ работалъ. Да. А вотъ мой братъ родной, такъ онъ ушелъ въ другую страну,—Франціей ее, что ли, зовутъ, или Испаніей,—тоже дороги строить съ господиномъ Миддльмассомъ, старикомъ Миддльмассомъ, вотъ что сынокъ его теперь лордомъ сталъ. Да вы вѣрно знаете.

— Какимъ вы силачомъ, должно быть, были!—замѣтила герцогиня.

Этотъ комплиментъ позволилъ Салли по-сосѣдски вмѣшаться въ разговоръ и начать пѣть ему хвалы.

— Еще бы, ваша свѣтлость, молодецъ онъ былъ въ свое время, шестьсотъ фунтовъ подымалъ, какъ перышко! И отецъ его такой же былъ. По сто фунтовъ каждой рукой подымалъ ни по чемъ.

— Да, объ закладъ на этомъ бился, пиво выигрывалъ,—бормоталъ старый Самсонъ, въ видѣ примѣчанія.

— Ну, а вотъ нашъ-то старикъ на пятьдесятъ больше поднималъ. «Никому не уступлю», говорилъ. Звѣрь былъ въ работѣ. Когда копать ужъ не подъ силу было, взялъ онъ мѣсто на дорогѣ, да разъ нашли его въ обморокѣ, а рядомъ съ нимъ камней кучу, а ему уже тогда за семьдесятъ было.

— А все же я не уступалъ никому,—заспѣшилъ Самсонъ.—Случайно это тогда вышло. Спину я себѣ повредилъ, вотъ что.

—Еще бы, подтвердила Салли,—онъ въ молодости-то лбомъ дверь вышибалъ въ шутку.

— Полно старину-то вспоминать,—смутился Самсонъ. — Извѣстно, дѣло молодое было!

Онъ сказалъ это тономъ старика, недовольнаго несвоевременнымъ напоминаніемъ юношескихъ проказъ, но видно было, что онъ гордился этимъ временемъ и съ удовольствіемъ вспоминаетъ о немъ.

— Надѣюсь что вамъ теперь хорошо живется?

— Получаю два шиллинга шесть пенсовъ въ недѣлю отъ прихода, да еще шесть пенсовъ на уголь въ холодное время. Осторожно жить приходится, тутъ и квартира, и все.

— Одинокъ онъ очень, ваша свѣтлость, — сказала м-ссъ Артифексъ.—Это-то всего хуже. На-дняхъ съ постели свалился и все лицо себѣ разбилъ.

— Прошло уже,— фыркнулъ старикъ.—Вотъ старый Грëттъ тоже такъ разбился въ прошломъ мѣсяцѣ, такъ до сихъ поръ еще не поправился.

М-ру Рэйфу, очевидно, было не по себѣ. Было чѣмъ хвастаться передъ герцогиней Аллонби! Онъ направился къ двери.

Герцогиня не безъ облегченія двинулась за нимъ, но ей хотѣлось сначала дать что-нибудь старику, и она вынула кошелекъ. Но тутъ явилось осложненіе. Она еще не вполнѣ была знакома съ цѣною денегъ, такъ какъ понять англійскую монетную систему не такъ-то легко и просто. Если старикъ живетъ на полкроны въ недѣлю то, пожалуй неблагоразумно будетъ дать ему больше. Но что такое полкроны? Она въ смущеніи вынула первую попавшуюся ей подъ руку монету—флоринъ. Теперь какъ предложить ее старику, не оскорбивъ его самолюбія. Ея американскіе взгляды еще не успѣли измѣниться во время ея короткаго путешествія по Европѣ. Лакомства въ ея корзинѣ могли скорѣе сойти за знакъ вниманія, но какъ предложить денежную подачку человѣку, честно работавшему всю жизнь и не бывшему бездомнымъ бродягой.

— Вы позволите мнѣ предложить вамъ маленькое, маленькое денежное пособіе?—робко спросила она, всовывая флоринъ въ его жесткую лапу.

Къ ея невыразимому облегченію, Самсонъ не швырнулъ его на землю въ припадкѣ оскорбленной гордости свободно рожденнаго человѣка. Онъ только сказалъ:

— Покорнѣйше васъ благодарю,—и схватилъ ее съ жадностью Тантала, получившаго кусокъ хлѣба.

М-ръ Рейфъ напрасно осматривался кругомъ, ища чѣмъ бы отвлечь вниманіе герцогини, когда это случилось помимо него, въ ту минуту, какъ они проходили мимо одного изъ обвитыхъ жимолостью домиковъ, направляясь къ своему экипажу.

Опрятно одѣтая дѣвушка стояла на крылечкѣ, наполовину скрытая зеленью, и, очевидно, подкарауливала кого-то на дорогѣ.

Герцогиня шепнула своему другу:

— Мери, посмотрите, это навѣрное ваша деревенская красавица, Роза, Роза...

— Роза Эдмеръ. О, развѣ это не забавно? Она поджидаетъ, чтобы взглянуть на него, когда онъ пойдетъ домой съ работы, но какъ только онъ покажется, она исчезнетъ. Вы знаете, она служитъ коровницей въ Аллонби, а онъ въ работникахъ у Кисби, вы помните, его зовутъ Джорджъ Херіонъ, я вамъ про него разсказывала сегодня. Поговорите съ ней, Августа. Она такая прелесть.

Моментъ для перваго знакомства былъ очень неудаченъ, такъ какъ Роза не желала никого видѣть, даже своего Джорджа. Она находилась въ первомъ и можетъ быть самомъ остромъ періодѣ стараго сладкаго недуга. Любовь Джорджа къ ней, его восхищенія ею открыли ей глаза и заставили полюбить себя и восхищаться собою. До сихъ поръ она была просто дѣвчонкой, не понимавшей, что она отличается отъ другихъ. Онъ пробудилъ въ ней сознаніе индивидуальности и влилъ въ ея душу сладкое чувство, что она составляетъ часть красоты міра.

Изъ этого чувства родилось изумленіе, радость, гордость собой, даже нѣкоторое почтеніе къ своей красотѣ. Въ одну ночь она превратилась изъ ребенка въ женщину. Она любила Джорджа, хотя и не торопилась ему въ этомъ признаться—за его любовь къ ней. Какое счастье быть всю жизнь любимой!

А кромѣ того, она не должна продешевить себя. У нея всегда передъ глазами стояло страшное предостереженіе — судьба ея подруги, дурочки Дженни. Дженни, еще совсѣмъ дѣвочкой, влюбилась внезапно въ конюха, признавшагося ей въ любви. Она сейчасъ же собрала всѣхъ своихъ подружекъ, чтобы въ ихъ присутствіи торжественно отказаться отъ всѣхъ дѣтскихъ забавъ. Она сказала, что не будетъ больше скакать черезъ веревочку и играть въ прятки, потому что у нея есть милый. Кромѣ того, она отказалась обѣдать съ другими, ей достаточно куска хлѣба съ масломъ и права цѣлый день тихонько напѣвать про себя. Вся деревня узнала объ этомъ, и въ «Телячьей ножкѣ» было не мало смѣху. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, конюхъ, котораго страшно дразнили въ деревнѣ, не говоря дурного слова, далъ пенни какому-то мальчишкѣ и послалъ его передать дурочкѣ Дженни, что она ему надоѣла. Порученіе было добросовѣстно исполнено передъ всей семьей, и родители Дженни нѣсколько дней изъ предосторожности караулили колодецъ. Но предосторожность эта оказалась излишней. Дурочка Дженни опять стала обѣдать и скакать черезъ веревочку, только служила всеобщимъ предметомъ насмѣшекъ. Но Роза думала, что она предпочла бы смерть подобной участи.

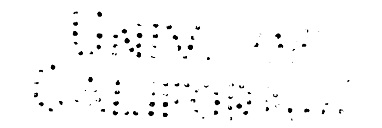
И вотъ когда м-ръ Рэйфъ открылъ калитку и позвалъ ее къ герцогинѣ, она убѣжала съ крылечка и заперлась въ своей комнатѣ съ рѣшимостью скорѣе умереть, чѣмъ встрѣтиться съ барыней.

Но несмотря на это пріятное отвлеченіе, чувствамъ м-ра Рэйфа предстояло вынести новый ударъ. Пони быстрою рысью бѣжали къ замку, когда вдругъ выказали желаніе понести, при видѣ страннаго предмета, стоящаго на деревенской площади и окруженнаго любопытными ребятишками. Это былъ большой крытый фургонъ въ родѣ тѣхъ, въ какихъ разъѣзжаютъ странствующіе фокусники и акробаты; онъ былъ выкрашенъ въ ярко-желтый цвѣтъ и на немъ висѣла вывѣска, приглашавшая вечеромъ на «лекцію о землѣ и народѣ». Таинственность еще болѣе усиливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что фургонъ былъ плотно закрытъ и не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, такъ какъ не было ни лошадей, ни сторожа около него.

— Что это значитъ?—спросила Мери.

— Радикалы, по всей вѣроятности,—отвѣчалъ м-ръ Рэйфъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Виды на урожай. Въ прошлой книжкѣ нашего журнала мы уже отмѣтили неутѣшительныя извѣстія, идущія изъ Костромской и Нижегородской губерній. Невеселыя вѣсти идутъ изъ другихъ мѣстъ земледѣльческой Россіи. Въ настоящій моментъ, когда отъ русскаго народа требуются такія громадныя жертвы въ виду событій на Дальнемъ Востокѣ, эта черная вѣсть о неурожаѣ становится особенно тревожной. «Кіевскіе Отклики» приводятъ предварительныя свѣдѣнія о состояніи озимыхъ посѣвовъ къ 15-му апрѣля, опубликованныя министерствомъ земл. и госуд. имуществъ. Эти данныя составлены на основаніи 8.800 сообщеній хозяевъ - корреспондентовъ отдѣла сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики и рисуютъ мало утѣшительную картину. «Въ общемъ, по оффиціальному свидѣтельству—посредственными или не вполнѣ удовлетворительными, а нерѣдко и плохими озимые посѣвы оказались въ трехъ отдѣльныхъ районахъ, обнимающихъ собою губерніи нижневолжскія, Курскую, западные уѣзды Орловской, Херсонскую, Бессарабскую, Подольскую и большую часть Кіевской.

Оффиціальныя показанія объ остальныхъ районахъ хотя и не такъ тревожны, но отличаются тоже нѣкоторой неопредѣленностью. Такъ—«въ черноземной полосѣ озимые посѣвы, несмотря на малоснѣжную зиму, вышли на весну въ большинствѣ случаевъ безъ значительныхъ поврежденій и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юго-западнаго и центральнаго районовъ они пострадали отъ рѣзкихъ колебаній температуры въ февралѣ»—а еще болѣе—въ мартѣ. Далѣе, о значительной части сѣвернаго района оффиціальныя данныя еще не опубликованы, такъ какъ тамъ озимые вышли изъ-подъ снѣга позже.

«Такимъ же—то неопредѣленнымъ, то малоутѣшительнымъ — характеромъ отличаются оффиціальныя свѣдѣнія о состояніи скота, конечно, главнымъ образомъ крестьянскаго, по началу весны. Благодаря мягкой зимѣ, скотъ перенесъ ее, въ большинствѣ случаевъ, значительно болѣе удачно, чѣмъ можно было ожидать, судя по запасамъ кормовъ, сдѣланнымъ въ минувшемъ году,

Недостатокъ кормовыхъ средствъ сказался въ весьма рѣзкой степени въ губерніяхъ сѣверныхъ, промышленныхъ, приуральскихъ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ земледѣльческихъ, главнымъ образомъ, приволжскихъ губерніяхъ

Въ перечисленныхъ мѣстностяхъ скотъ, вслѣдствіе плохого питанія, перезимовалъ съ трудомъ и вышелъ въ поле исхудалымъ и слабосильнымъ». То есть— въ доброй половинѣ Россіи крестьянскій скотъ «вышелъ въ поле исхудалымъ и слабосильнымъ». Показаніе—весьма неблагопріятное для судьбы яровыхъ посѣвовъ въ этихъ районахъ.

«Что касается состоянія яровыхъ посѣвовъ въ настоящее время, то сколько нибудь полныхъ свѣдѣній о нихъ мы, конечно, еще не имѣемъ. Но тѣ сообщенія, которыя мы постоянно встрѣчаемъ въ періодической печати, являются по большей части тоже мало утѣшительными.

«Что дастъ намъ ближайшее будущее, мы съ увѣренностью сказать, конечно, не можемъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ, конечно, результаты труда въ особенно сильной степени зависятъ отъ тѣхъ или другихъ комбинацій метеорологическихъ условій въ такъ называемые «критическіе» періоды развитія культурныхъ растеній и въ періодъ ихъ уборки. Но и тѣ данныя, которыми мы уже располагаемъ, серьезно говорятъ о возможности тяжелыхъ для земледѣльческой массы населенія Россіи затрудненій въ нынѣшнемъ году».

Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній въ Москвѣ. Только что окончилъ свои занятія 6-й съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, результаты работъ котораго, надо надѣяться, принесутъ нѣкоторую пользу для разрѣшенія такого наболѣвшаго вопроса, какъ вопросъ о «малолѣтнихъ преступникахъ». Изъ докладовъ, разсмотрѣнныхъ на этомъ съѣздѣ, отмѣтимъ (пользуясь отчетомъ, помѣщеннымъ въ «Сѣверномъ Краѣ») докладъ Тарновскаго, въ которомъ приводятся цифровыя данныя, указывающія на значительный процентъ малолѣтнихъ, попадающихъ въ тюрьмы даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются исправительные пріюты. Этихъ же послѣднихъ у насъ такъ мало, что только 20 процентовъ осужденныхъ малолѣтнихъ могутъ быть помѣщены въ нихъ, но оказывается, что даже и эта часть не всегда попадаетъ въ исправительныя заведенія. Напр., въ 1901 г. въ пріюты помѣщено всего 460 малолѣтнихъ, что къ общему числу осужденныхъ составитъ 13 процентовъ. Въ курской колоніи, по словамъ директора, «всегда есть свободныя мѣста и это объясняется только неосвѣдомленностью мѣстной администраціи и особенно земскихъ начальниковъ о числѣ мѣстъ. Съѣздъ рѣшилъ просить министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ обратиться къ земскимъ начальникамъ, чтобы они принимали во вниманіе въ своихъ приговорахъ существующія исправительныя заведенія и направляли дѣтей въ пріюты и колоніи, а не въ тюрьму.

Изъ оффиціальныхъ данныхъ видно, что въ 1900 году въ тюрьмахъ Россіи содержалось малолѣтнихъ 2.997, тогда какъ въ пріюты и колоніи было помѣщено въ этомъ году всего 387. Цифры эти поразительны, если подумать о томъ ужасномъ вліяніи, которое тюрьма всегда оказываетъ на малолѣтнихъ, имѣвшихъ несчастіе попасть въ нее.

На съѣздѣ были сдѣланы постановленія, касающіяся внутренняго быта исправительныхъ заведеній. Между прочимъ, представители нѣкоторыхъ испра-

вительныхъ заведеній сдѣлали сообщенія о росписаніи въ нихъ дня и съѣздъ выразилъ пожеланіе, чтобы школьнымъ занятіямъ въ пріютахъ посвящались утренніе часы, на праздничные дни не задавались уроки, на ночной отдыхъ удѣлялось не менѣе 8 часовъ, пища воспитанникамъ давалась 4 раза въ день.

Къ сожалѣнію, пожеланія съѣзда далеко не всегда исполняются въ исправительныхъ заведеніяхъ, хотя проведеніе въ жизнь многихъ постановленій съѣзда, казалось, и не должно встрѣчать препятствій... Какъ на примѣръ, укажемъ на постановленіе о школьномъ вакатѣ для воспитанниковъ заведеній.

Вопросъ этотъ возбудилъ оживленныя пренія. Еще четвертый съѣздъ призналъ, что часы школьныхъ занятій на лѣто могутъ быть уменьшаемы и этимъ занятіямъ можетъ быть приданъ характеръ повторительнаго курса, хотя школьныя занятія должны продолжаться круглый годъ. Изъ свода отвѣтовъ, представленныхъ съѣзду, оказывается, что во всей Россіи только въ 9 исправительныхъ заведеніяхъ вполнѣ исполняютъ приведенное постановленіе... Конечно, многое зависитъ отъ условій, въ которыхъ находятся большинство пріютовъ и колоній: недостатокъ средствъ, неудовлетворительный подборъ воспитателей и т. д. «Правильныя школьныя занятія могутъ вестись только въ тѣхъ пріютахъ, гдѣ правильно организованъ служебный персоналъ, какъ справедливо замѣтилъ К. В. Рукавишниковъ, указавшій на характерный примѣръ: въ Мологѣ, въ лицѣ одного директора пріюта сосредоточивается и смотритель, и весь персоналъ воспитателей и надзирателей.

Большинство членовъ съѣзда высказалось, чтобы на первомъ планѣ въ исправительныхъ заведеніяхъ были поставлены не сельскохозяйственныя работы, а умственное и нравственное воспитаніе. Указывали на заграничныя исправительныя заведенія, въ которыхъ школьныя занятія въ лѣтнее время только сокращаются, а не прекращаются. Съѣздъ принялъ заключеніе бюро: школьныя занятія не должны быть совсѣмъ прекращаемы на лѣтнее время, а могутъ быть сокращаемы до minimum'а и даже совсѣмъ пріостанавливаемы на нѣкоторое время согласно мѣстнымъ условіямъ.

Необходимость въ учрежденіи музея русскихъ исправительныхъ заведеній уже давно сознавалась членами съѣздовъ. На этотъ разъ вопросъ о музеѣ поднятъ директоромъ вятскаго исправительнаго пріюта М. П. Беклешовымъ, который «предложилъ устроить музей» и справочно-коммиссіонное отдѣленіе при немъ. Своими образцами и экспонатами музей долженъ служить для изученія вопроса о такъ называемыхъ малолѣтнихъ преступникахъ, для практическаго ознакомленія съ постановкою дѣла въ каждомъ отдѣльномъ заведеніи и т. д. Справочно-коммиссіонное бюро учреждается для экономическихъ цѣлей исправительныхъ заведеній. Докладъ встрѣченъ очень сочувственно съѣздомъ. Рѣшено устроить музей при рукавишниковскомъ пріютѣ, обратиться съ ходатайствомъ объ отчисленіи на содержаніе музея суммъ штрафного капитала и просить всѣ исправительныя заведенія присылать теперь же матеріалы для пополненія музея.

Нужно думать, что послѣдняя просьба не останется безъ отвѣта. Въ библіотекѣ музея было бы желательно собрать отчеты о дѣятельности пріютовъ

*

и колоній за все время ихъ существованія, а также матеріалы заграничныхъ исправительныхъ учрежденій для нагляднаго сравненія съ русскими.

Впервые на съѣздѣ присутствовали представители финляндскихъ исправительныхъ пріютовъ, изъ докладовъ о которыхъ выяснилось, что они мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ. Главное различіе то, что исправительныя заведенія въ Финляндіи содержатся исключительно на средства казны. Преподаваніе ведется на финскомъ языкѣ.

Въ заключеніе съѣздъ рѣшилъ существующія исправительныя заведенія именовать «пріютами, ремесленными или земледѣльческими колоніями для малолѣтнихъ». Слова «преступникъ», «исправительное» заведеніе, какъ набрасывающія тѣнь на дѣтей и безъ всякаго сомнѣнія вліяющія на ихъ дальнѣйшую судьбу—рѣшено исключить изъ употребленія. Давно уже слѣдовало бы сдѣлать такое постановленіе. Воспитанники исправительныхъ заведеній совсѣмъ не преступники: несчастныя дѣти, брошенныя на произволъ судьбы, никогда не знавшія ни ласки, ни участія...

Дѣятельность попечительствъ о народной трезвости въ 1901 году. «Русск. Вѣдомости» приводятъ извлеченіе изъ только что появившагося отчета попечительствъ о народной трезвости, дѣятельность которыхъ, какъ извѣстно, далеко не отвѣтила тѣмъ надеждамъ, какія на нихъ возлагались. Всѣхъ комитетовъ и отдѣловъ дѣйствовало въ 1901 г. 695. Въ составъ комитетовъ на правахъ полноправныхъ членовъ входили представители разныхъ правительственныхъ учрежденій, отъ 20-ти до 25-ти человѣкъ на каждый; кромѣ того въ губернскихъ и особыхъ (городскихъ) комитетахъ участвовали съ правомъ совѣщательнаго голоса участковые попечители и члены-соревнователи, избранные комитетами. Такихъ попечителей было въ среднемъ на одинъ комитетъ 20 человѣкъ, тогда какъ въ 1900 г.—27. Это значительное пониженіе числа участковыхъ попечителей отчетъ объясняетъ главнымъ образомъ «неполнымъ назначеніемъ ихъ во вновь учрежденныхъ въ 1901 г. попечительствахъ»; но изъ данныхъ отчета видно, что такое же явленіе имѣло мѣсто во всѣхъ монопольныхъ районахъ,—другими словами, интересъ общества къ попечительствамъ о народной трезвости, повидимому, ослабѣваетъ. Такое же уменьшеніе замѣтно и въ составѣ членовъ-соревнователей, сократившемся съ 89-ти (на комитетъ) до 68-ми человѣкъ (всѣхъ членовъ-соревнователей состояло въ 1901 г. 40.628 человѣкъ), и это совпаденіе еще болѣе убѣждаетъ въ правильности сдѣланнаго предположенія. Конечно, иначе и быть не можетъ. Ограниченные въ своихъ правахъ по сравненію съ участниками комитетовъ ex officio, выборные попечители и соревнователи во многихъ случаяхъ безучастно относятся къ дѣлу, такъ какъ при совѣщательномъ голосѣ они не имѣютъ возможности проводить свои взгляды въ жизнь. Къ тому же самый выборъ тѣхъ и другихъ производится изъ той же въ сущности среды, къ которой принадлежатъ и члены ex officio. Среди участковыхъ попечителей 60% (въ 1900 г.—54%), т.-е. болѣе половины, принадлежали къ лицамъ, состоящимъ на государственной или общественной

службѣ; среди членовъ-соревнователей 53,6% состояли на службѣ (1900 г.—51,5%). Такимъ образомъ, отъ присоединенія выборныхъ членовъ составъ комитетовъ мало измѣнился: попечительства о народной трезвости должны были сохранить характеръ правительственнаго учрежденія, и этотъ характеръ за послѣдній отчетный годъ еще болѣе усилился.

Доходы попечительствъ достигли на 1901 г. 5.879.272 р.; изъ нихъ на долю петербургскаго и московскаго комитетовъ приходилось 1.750 тыс. р., или ¼ общаго по всѣмъ попечительствамъ прихода. Въ большинствѣ губерній пособіе отъ казны составляло меньше половины общаго дохода, отъ 29 до 48%. Въ историческомъ развитіи попечительствъ вообще, какъ видно изъ данныхъ 1895—1901 гг., пособіе отъ казны составляетъ все уменьшающуюся, а доходы отъ предпріятій все увеличивающуюся величину. Что касается до самой дѣятельности попечительствъ о народной трезвости, то она, какъ и ранѣе, сосредоточивалась на устройствѣ чайныхъ, столовыхъ, библіотекъ, читаленъ, воскресныхъ школъ, чтеній, хоровъ, оркестровъ, театровъ и другихъ развлеченій. Въ цифрахъ дѣятельность эта выражалась такъ. Въ 1901 г. функціонировало: 3.254 чайныхъ, имѣвшихъ за годъ 52.016 тыс. посѣтителей, или по 17 тыс. на одну чайную: 1.102 учрежденія, выписывавшихъ только періодическія изданія; 1.711 читаленъ и читаленъ-библіотекъ; 352 библіотеки безъ читаленъ (всего въ библіотекахъ 127 тыс. томовъ, или въ среднемъ по 683 тома); посѣтителей въ библіотекахъ и читальняхъ—1.239 тыс., или 1.421 на одно учрежденіе; книжныхъ складовъ—200; публичныхъ чтеній было 30.725 въ 2.697 пунктахъ; вечернихъ и воскресныхъ классовъ—80, съ 4.472 посѣтителями (по 59 классамъ). Насколько можно судить по отчету, въ библіотекахъ попечительствъ о народной трезвости наибольшимъ спросомъ пользовались беллетристическія произведенія; въ публичныхъ чтеніяхъ въ 1901 г. главными темами стали научно-популярныя, оттѣснившія на второй планъ религіозно-нравственныя чтенія, занимавшія до сихъ поръ первое мѣсто. Организованныя попечительствами зрѣлища состояли изъ 3.940 представленій съ 754 тыс. зрителей, или 424 зрителями на одинъ спектакль (по даннымъ о половинѣ всего числа спектаклей), изъ 4.586 разныхъ гуляній, вечеровъ и тому подобныхъ развлеченій, довольно охотно посѣщавшихся публикой. При попечительствахъ имѣлось 856 хоровъ и 36 оркестровъ. При нѣкоторыхъ попечительствахъ стали образовываться учрежденія, «имѣющія лишь косвенное значеніе въ проведеніи основной своей задачи», какъ юридическія консультаціи, ночлежные пріюты (52), антиалкогольныя лечебницы, посредническія конторы; но такихъ учрежденій очень мало, и дѣятельность ихъ пока незначительна. Если вѣрна мысль составителя отчета, что «отношеніе населенія къ дѣятельности попечительствъ лучше всего опредѣляется тѣми пожертвованіями, которыя отъ него поступаютъ», то отношеніе это должно быть названно болѣе чѣмъ равнодушнымъ: всего поступило пожертвованій 36.733 р., изъ нихъ отъ частныхъ лицъ—14.000 р., отъ земствъ—3.641 р., городовъ—1.575 р., сельскихъ обществъ—1.664 р.

Мировой судъ въ Нижне-Колымскѣ. О томъ, какъ отправляется правосудіе въ этой «забытой Богомъ» окраинѣ Сибири, разсказываетъ корреспондентъ «Восточнаго Обозрѣнія». «Вотъ уже пять лѣтъ прошло,—пишетъ онъ,—со времени введенія въ Сибири института мировыхъ судей, но наша округа до сихъ поръ не видала ни одного судебнаго разбирательства. Это не потому, конечно, чтобы она представляла собою невинную Аркадію, а потому, что мировые судьи не хотятъ, или, можетъ быть, вѣрнѣе сказать, не могутъ насъ знать. Функціи мирового судьи въ нашемъ округѣ выполняетъ средне-колымскій исправникъ. У него такъ много прямыхъ обязанностей, что на судебную часть, очевидно, не остается времени. Въ самомъ Средне-Колымскѣ судебныя разбирательства не часты. Въ Нижне-Колымскѣ послѣдніе три года мы ни разу не видали у себя исправника-судью. И всѣ дѣла у насъ до сихъ поръ вершатся старымъ порядкомъ. Порядокъ этотъ одинаковъ у всего осѣдлаго населенія округи. Это населеніе составляютъ три общества: мѣщанское, якутское и юкагирское. Послѣднія два управляются на основаніи положенія объ инородцахъ (кочевыхъ,), но по языку и образу жизни они теперь ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ, составляющихъ нижне-колымское мѣщанское общество. И управленіе ихъ фактически совершенно тождественно съ мѣщанскимъ. У всѣхъ первой инстанціей суда является словесная расправа, т.-е. разбирательство тяжбъ общественниками и старостой. Первый родъ разбирательствъ, при рѣдкости населенія и громадности разстояній, бываетъ только на общественныхъ собраніяхъ, которыя собираются раза два-три въ годъ. Здѣсь истецъ въ присутствіи старосты проситъ на отвѣтчика. Иллюстраціей подобныхъ расправъ могутъ служить нѣсколько случаевъ, которые мнѣ пришлось наблюдать. Нынѣшней осенью на частномъ сборѣ въ Похотскѣ одинъ общественникъ докладываетъ, что такой-то избилъ его сына до того, что тотъ теперь не встаетъ съ постели. Свидѣтели, тутъ сидящіе и участвующіе въ сборѣ, говорятъ, что побитый самъ виноватъ: мѣшалъ старшимъ на берегу и бросилъ въ одного изъ нихъ палкой; тотъ его и поучилъ. Отецъ возражалъ, что онъ ребенокъ, игралъ съ другими ребятами, а старшихъ не думалъ трогать. «Міръ» очень несочувственно отнесся къ жалобѣ отца: на стариковъ жаловаться вздумалъ! Ребятъ учить надо. Дѣло этомъ и кончилось. Отецъ ограничился угрозой: ладно, только ужъ не взыщите, если и я при случаѣ кому-нибудь ребра поломаю».

Изъ дѣятельности просвѣтительныхъ обществъ. Томскій корреспондентъ «Русск. Вѣд.» сообщаетъ о слѣдующемъ фактѣ, который недавно имѣлъ мѣсто въ этомъ городкѣ:

Совѣтомъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ Томскѣ получена отъ полицеймейстера Аршаулова бумага, которою онъ поставляетъ совѣтъ въ извѣстность что имъ, полицеймейстеромъ, возбуждено передъ начальникомъ губерніи ходатайство о принятіи слѣдующихъ мѣръ по отношенію названнаго общества: во-первыхъ, чтобы какія бы то ни было собранія и засѣданія членовъ общества производились только съ согласія директора или инспектора народныхъ училищъ; во-вторыхъ, чтобы совѣтомъ не допускались въ зданіи общества публичныя

увеселительныя собранія, какъ танцовальные вечера, балы и проч., и, въ-третьихъ, чтобы не допускались учащіеся безъ особаго разрѣшенія на устраиваемыя обществомъ празднества, гулянья и проч.

Авторъ письма разъясняетъ, что ничего незаконнаго до сихъ поръ въ дѣятельности общества не было: совѣтъ дѣйствовалъ на основаніи утвержденнаго устава.

По уставу всѣ собранія общества разрѣшаются только его совѣтомъ, въ составъ котораго въ качествѣ непремѣннаго его члена входитъ представитель отъ учебнаго вѣдомства. Концерты, спектакли и проч. предусмотрѣны и разрѣшены тѣмъ же уставомъ и являются однимъ изъ главныхъ источниковъ матеріальныхъ средствъ общества, бюджетъ котораго достигъ 30.000 р. въ годъ.

Что касается танцовальныхъ вечеровъ и маскарадовъ, то за все время существованія дома общества, въ немъ ни разу не было устраиваемо маскарадовъ, само общество ни разу не устраивало въ своемъ зданіи ни баловъ, ни танцовальныхъ вечеровъ. Наконецъ, надзоръ за посѣщеніемъ учащимися тѣхъ или другихъ увеселеній, хотя бы и организуемыхъ какимъ-нибудь частнымъ обществомъ, врядъ ли можетъ быть возлагаемъ на эти общества, хотя бы уже потому, что ни одно изъ нихъ не располагаетъ необходимыми для того средствами, не говоря уже о томъ, что это выходило бы и изъ предѣловъ компетенціи обществъ, преслѣдующихъ свои собственныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ наблюденіемъ за поведеніемъ учащихся.

Съ этой точки зрѣнія совѣтъ общества и взглянулъ на предложеніе полицеймейстера.

Исключеніе изъ школъ дѣтей штундистовъ. Въ виду того, что въ минувшемъ году изъ земскихъ школъ Одесскаго уѣзда были исключены по требованію учебной администраціи дѣти штундистовъ, земскій гласный М. Ѳ. Лузановъ вошелъ, по словамъ «Одесск. Нов.», въ одесское земство съ заявленіемъ, въ которомъ указываетъ, что хотя штунда у насъ составляетъ явленіе прискорбное, но исключеніе дѣтей штундистовъ изъ земскихъ школъ все же представляется мѣрой нецѣлесообразною.

Такъ, изъ данныхъ о положеніи школьнаго дѣла въ Тираспольскомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ устанавливается, что обученіе въ тамошнихъ общихъ школахъ дѣтей шнундистовъ среди другимъ воспитанниковъ оказывало большое содѣйствіе склоненію штундистовъ къ православію. Въ виду этого М. Ѳ. Лузановъ предлагаетъ уѣздному земству возбудить предъ правительствомъ ходатайство о допущеніи дѣтей штундистовъ къ обученію во всѣхъ земскихъ школахъ Одесскаго уѣзда наравнѣ со всѣми другими воспитанниками. Къ этому пожеланію вполнѣ присоединился и предводитель дворянства Одесскаго уѣзда В. В. Якунинъ, отмѣтившій слѣдующее интересное обстоятельство. Одесскому уѣздному съѣзду земскихъ начальниковъ часто приходится имѣть дѣло съ обвиненіями крестьянъ Одесскаго уѣзда въ штундизмѣ, причемъ во многихъ случаяхъ такія дѣла оканчиваются оправданіемъ подсудимыхъ, такъ какъ между ними и тѣми штундистами, которые подлежатъ

уголовному преслѣдованію на основаніи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, оказывается большая разница. Согласно разъясненію министра, уголовному преслѣдованію подлежатъ штундистскія секты, въ основаніи ученія которыхъ лежитъ отрицаніе значенія властей. Штундисты же въ Одесскомъ уѣздѣ, наоборотъ, проявляютъ большую готовность подчиняться всѣмъ требованіямъ начальствующихъ лицъ и вообще не обнаруживаютъ ничего противнаго государственнымъ узаконеніямъ, а отличаются отъ прочаго населенія лишь своими воззрѣніями чисто религіознаго характера. Поэтому въ Одесскомъ уѣздѣ и не должно быть препятствій къ обученію дѣтей штундистовъ въ общихъ народныхъ школахъ.

Одесское земство сочувственно отнеслось къ предложенію М. Ѳ. Лузанова и В. В. Якунина и предложило уѣздной управѣ составить по этому предмету и вообще о штундистахъ въ Одесскомъ уѣздѣ детальный докладъ, который долженъ быть внесенъ на разсмотрѣніе нынѣшняго уѣзднаго земскаго собранія еще до окончанія его занятій.

Собиратели на Красный Крестъ. Война даетъ отличныя условія для разныхъ рыцарей наживы, которые спѣшатъ воспользоваться этимъ исключительнымъ событіемъ для пополненія своихъ собственныхъ кармановъ. «Недѣлю тому назадъ по деревнямъ нашей волости,—сообщаютъ «Днѣпр. В.» изъ Касплянской волости, Порѣчскаго уѣзда, — ходили четыре человѣка изъ «собирателей на Красный Крестъ». Собиратели эти—ни болѣе, ни менѣе, какъ простые «ходяки» изъ мѣщанъ (рославльскихъ, какъ передавали). Ходятъ они по болѣе глухимъ деревнямъ, при каждомъ удобномъ случаѣ стараясь какъ-нибудь обмануть крестьянъ и получить съ нихъ сколько-нибудь денегъ, подъ предлогомъ яко бы на Красный Крестъ. Въ качествѣ своихъ документовъ они показываютъ крестьянамъ простыя открытыя письма Краснаго Креста. Послѣдніе, ничего не понимая, вѣрятъ имъ во всемъ и охотно жертвуютъ кто чѣмъ можетъ: деньгами, мукой, холстомъ, яйцами и проч. Для записей пожертвованій у этихъ ходякъ есть какія-то свои особыя книги, куда вносятся также и имена жертвователей. Способъ ихъ собиранія слѣдующій. Войдя въ крестьянскую хату и показывая открытку Краснаго Креста,—такъ и такъ,—говорятъ обыкновенно, пожертвуйте кто-чѣмъ можетъ. Не стѣсняйтесь: «всякое даяніе благо». Крестьяне, думая, что они дѣйствительно посланы собирать въ пользу Краснаго Креста, охотно жертвуютъ, не разсмотрѣвши, что «открытки» не есть ихъ документы, а только «открытки». Пожертвованія сейчасъ же записываются въ «книжку». Когда собрано въ деревнѣ достаточное количество денегъ, — если крестьяне даютъ, за неимѣніемъ денегъ, холстъ, яйца, все продается здѣсь же по дешевой цѣнѣ, «собиратели» стараются поскорѣе «улизнуть» изъ деревни, хотя имъ и предлагали переночевать. Способъ собиранія вездѣ одинъ и тотъ же. Передаютъ слѣдующій, довольно интересный случай. Въ одной деревнѣ одинъ изъ этихъ ходякъ записалъ въ «книгу» за крестьянской женщиной одинъ рубль серебромъ. Та даетъ ему 50 коп.

«— Какъ?—говоритъ «собиратель»,—вѣдь я же за тобой записалъ цѣлковый, а ты даешь только 50 коп. Давай еще столько, не вычеркивать же мнѣ.

«— Я же не просила тебя записывать въ книгу; къ тому же у меня и денегъ еще нѣтъ.

«— Въ такомъ случаѣ давай холстомъ, яйцами, если есть; все равно, — отвѣчаетъ ходяка.

«Женщинѣ пришлось выложить ему на 50 коп. холста, который здѣсь же и былъ проданъ одному крестьянину, а деньги отданы «собирателю».

«Одинъ изъ этихъ ходякъ, немного загулявши, самъ хвалился, что онъ непремѣнно соберетъ до 99 руб. денегъ и до 1.000 яицъ, пройдя отъ Касили до Смоленска (около 40 верстъ), надѣясь въ городѣ, при помощи собранныхъ денегъ, попасть какъ-нибудь въ «писаря».

«Удивительно, какъ крестьяне сами не поймутъ, что ихъ ловко обманываютъ и что этихъ «ходякъ» слѣдуетъ немедленно отправлять къ урядннку. Неизвѣстно, откуда явились эти ходяки въ нашу волость и куда отправились теперь. Возможно думать, что къ Смоленску. Нашу волость они обошли всего въ 5—6 дней».

Въ Тургайской области. «Енисей» приводитъ интересные факты изъ жизни Тургайской области. Уже второй годъ, какъ введенъ здѣсь институтъ крестьянскихъ начальниковъ. Казалось бы, данная реформа, имѣющая цѣлью упорядочить управленіе киргизами, должна оказать уже благодѣтельное вліяніе: по крайней мѣрѣ, такъ мотивирована реформа. Однако, никакого улучшенія мы невидимъ. Напротивъ, получилось что-то двойственное въ управленіи; уѣздный начальникъ и крестьянскій начальникъ,—эти двѣ власти рѣшаютъ судьбы населенія уѣзда; при этомъ крайне трудно разобрать, гдѣ компетенція одного начинается и гдѣ другого кончается, вслѣдствіе чего киргизы положительно бродятъ въ потьмахъ. «Раньше знали одного уѣзднаго начальника и шли къ нему со всѣми своими дѣлами, а теперь придешь къ уѣздному, онъ провожаетъ къ крестьянскому, придешь къ этому, онъ говоритъ, что это «не ему подлежитъ», такъ сѣтуютъ киргизы.

Но всѣ эти шеровахотости ничто въ сравненіи съ самой дѣятельностью крестьянскихъ начальниковъ: она полна грубыхъ ошибокъ и промаховъ по существу, чревата курьезными недоразумѣніями. Да этого и слѣдовало ожидать: начальниками назначены лица, или совершенно неподготовленныя къ этого рода дѣятельности, или незнакомыя ни съ бытомъ, ни съ общественнымъ строемъ киргизской жизни.

Отсюда отчасти промахи въ судопроизводствѣ, которые заставляютъ гг. начальниковъ по два—три раза передѣлывать свои постановленія, осложняютъ рѣшеніе дѣлъ даже форменной волокитой.

Киргизы, чутко относящіеся къ тяжебнымъ дѣламъ, стали требовать «копію» съ постановленій уѣзднаго съѣзда, но, въ большинствѣ случаевъ, эти требованія вызываютъ окрикъ со стороны полковниковъ и капитановъ, смѣ-

нившихъ мечъ Марса на судейскую цѣпь. Такъ, недавно состоялось рѣшеніе, которымъ одна сторона осталась недовольна.

— Таксыръ (господинъ), копію...—низко кланяясь заявляетъ недовольная сторона.

— Вотъ тебѣ «копія»,—передразниваетъ начальство, складывая свои персты въ «фигуру», извѣстную у хохловъ-переселенцевъ подъ именемъ «дули».

Вообще за этотъ короткій періодъ накопилась масса фактовъ отрицательнаго характера, свидѣтельствующихъ о полной неподготовленности лицъ, которымъ, собственно говоря, ввѣрена киргизская жизнь во всей ея полнотѣ. Сама-то по себѣ реофрма создана нѣсколько искусственно, разработана кабинетно, а неудачный подборъ агентовъ, коимъ поручено проведеніе реформъ въ жизнь, окончательно дискредитируетъ институтъ.

Будемъ надѣяться на лучшія времена, когда киргизская степь,—по справедливому выраженію извѣстнаго знатока инородческаго быта Я. Я. Полферова,— получивъ «форму самоуправленія, созданную самой кочевой жизнью, выношенную обычаемъ, освященную семейнымъ правомъ».

Эмиграція евреевъ. Гродненская еврейская интеллигенція предполагаетъ учредить «справочное бюро для упорядоченія эмиграціи евреевъ». На дняхъ состоялось первое предварительное собраніе по этому поводу. На собраніи пріѣхавшій изъ Минска г. Г—гъ сообщилъ, между прочимъ, что съ 1880 года до послѣдняго времени изъ Россіи эмигрировали до 1.000.000 евреевъ, которые устроились, главнымъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Нѣкоторыя подробныя свѣдѣнія объ эмиграціонномъ движеніи имѣются за послѣдніе четыре года. Свѣдѣнія эти сводятся къ слѣдующему: ежегодно изъ Россіи эмигрируютъ до 50.000 евреевъ, изъ которыхъ около 40.000 остаются въ Сѣверной Америкѣ. Ремесленниковъ за 1898 годъ среди эмигрантовъ было 33%. Вся эта масса движется и разселяется безъ всякой системы, что приводитъ подчасъ къ весьма неблагопріятнымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, огромное большинство эмигрантовъ остается въ ближайшихъ къ Нью-Іорку мѣстностяхъ и главнымъ образомъ въ самомъ Нью-Іоркѣ, а это вызываетъ сильную конкуренцію и весьма сильное пониженіе заработной платы. Въ заключеніе г. Г-гъ указалъ на задачи справочнаго бюро, которыя заключаются въ слѣдующемъ: указать эмигрантамъ мѣсто, куда удобнѣе всего ѣхать; собирать всѣ свѣдѣнія о законодательствѣ, касающемся эмиграціи, въ тѣхъ странахъ, куда эмигранты направляются; содѣйствовать эмигрантамъ въ полученіи паспортовъ. Такія бюро уже учреждаются во многихъ городахъ, и представители ихъ надѣются въ недалекомъ будущемъ получить надлежащее разрѣшеніе правительства на соединеніе ихъ въ одно цѣлое. Тогда явится возможность заключать договоры съ пароходными обществами о предоставленіи извѣстныхъ льготъ эмигрантамъ.

Какъ строятъ у насъ дороги. Изъ жизни далекаго сѣвера: «Полное бездорожье въ Архангельской губерніи, — пишетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», не улучшается начинаніями, направленными на устрой-

ство дорогъ при содѣйствіи и участіи административныхъ и бюрократическихъ мѣстныхъ органовъ.

«Вотъ что говоритъ, напримѣръ, о постройкѣ дороги по Печорскому уѣзду бывшій архангельскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ въ своемъ трудѣ «Русскій Сѣверъ»: «Печорскій исправникъ, на котораго была возложена постройка дороги, лично не производилъ изысканій, положился на командированнаго имъ урядника и вырубку просѣки и корчевку лѣса сдалъ подрядчикамъ, а самъ занялся постройкою ближайшихъ къ Усть-Цильмѣ станціонныхъ домовъ. Подрядчики изъ личныхъ, конечно, выгодъ выбирали для дороги мѣсто, гдѣ лѣсъ былъ помельче, по тундрамъ и болотамъ, тогда какъ, напротивъ, дорогу слѣдовало вести тамъ, гдѣ лѣсъ покрупнѣе, что указывало бы на болѣе плотную и сухую почву; работы по устройству самаго полотна производились, повидимому, безъ всякой системы и заранѣе обдуманнаго плана,—больше на показъ. Въ результатѣ вышло то, что станціи были построены съ излишнею роскошью, на нихъ была потрачена большая часть ассигнованныхъ денегъ, а дорога оказалась никуда негодною» (стр. 208, изд. 1897 г.). И далѣе: «Лошади вязли по брюхо въ моховомъ болотѣ, потому что гати если и были устроены, то затонули въ этихъ топкихъ мѣстахъ» (стр. 209). Это было еще въ срединѣ девяностыхъ годовъ. Въ настоящее время идетъ постройка дороги по направленію отъ Онеги до г. Кеми. Работы начаты и ведутся на участкѣ с. Унежмя—Кемь на протяженіи 212 верстъ. Къ работамъ было приступлено еще въ 1901 г., но до сихъ поръ нельзя проѣхать ни по одной сажени пролагаемаго пути. Кредитъ по первоначально составленной смѣтѣ на сооруженіе дороги въ суммѣ 109.529 р. 6 к. давно исчерпанъ и произведены уже расходы, далеко превышающіе эту смѣту, по дополнительнымъ смѣтамъ. Между тѣмъ, нѣтъ на дорогѣ мостовъ, накатниковъ по болотистымъ мѣстамъ, отсутствуютъ насыпи. Вызываютъ изумленіе прежде всего общая система и планъ сооруженія дороги. Дорога отдѣлывается «клочками», съ пропусками и перерывами на всемъ протяженіи 212 верстъ. Въ результатѣ 4 года постройки не дали пока ни одного участка упорядоченнаго пути. А что будетъ дальше. Въ этомъ году испрашивалось на постройку дороги 62 тыс. руб. дополнительныхъ. Весьма вѣроятно, что, въ силу военныхъ дѣйствій и сокращенія государственныхъ расходовъ, деньги не будутъ отпущены и, быть можетъ, въ теченіе не одного только года.

Въ Саратовскомъ земствѣ. На закончившемся 29-го мая экстренномъ земскомъ собраніи, какъ сообщаютъ «С.-Петерб. Вѣд.», среди другихъ вопросовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два. Первый—докладъ губернской управы «о нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ губернскаго земства, вызванныхъ событіями на Дальнемъ Востокѣ»,—вызвалъ замѣчаніе губернскаго гласнаго, графа А. А. Уварова о неумѣстности вступленія нашего земства въ общеземскую организацію для помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Графъ Уваровъ мотивировалъ свои взгляды тѣмъ, что у саратовскаго земства есть болѣе близкое дѣло: отрядъ мѣстнаго отдѣленія Краснаго Креста, отправленный на театръ военныхъ дѣйствій, безъ сомнѣнія, скоро будетъ нуждаться въ средствахъ;

для него и нужно ассигновать 15 тыс. руб., а не отдавать ихъ въ общеземскую организацію, гдѣ эти 15 тыс. явятся каплей въ морѣ среди милліонныхъ пожертвованій московскаго и харьковскаго земствъ.

Въ дальнѣйшемъ гр. Уваровъ указалъ на то, что дѣло самостоятельной помощи раненымъ на войнѣ—не дѣло земства, на обязанности котораго лежитъ забота о семьяхъ воиновъ.

Такое заявленіе гр. Уварова вызвало рѣзкое осужденіе со стороны гласныхъ Львова, Давыдова и Масленникова, которые, указавъ на то, что общеземская организація удостоилась Высочайшаго одобренія, доказывали, что земство должно гордиться своей ролью. «Жертвуя на Красный Крестъ,—говорили гласные,—мы больше ничего не можемъ дѣлать: успѣхъ или неуспѣхъ въ дѣятельности отрядовъ—внѣ нашего вліянія. Совершенно другое—въ успѣхахъ или неуспѣхахъ земскихъ отрядовъ. Мы—здѣсь иниціаторы, нравстенно отвѣтственные за дѣятельность отрядовъ, а потому моральное значеніе вступленія въ земскую организацію огромно».

Собраніе, большинствомъ 45 голосовъ противъ 6, постановило присоединиться къ общеземской организаціи.

Второй вопросъ былъ возбужденъ тѣмъ же графомъ Уваровымъ. Онъ внесъ въ собраніе заявленіе о томъ, что его, какъ гласнаго, наводитъ на грустныя размышленія статья подъ заглавіемъ: «Земство и война», помѣщенная въ № 2 «Саратовской Земской Недѣли», и, главнымъ образомъ, такія слова въ статьѣ: «для достойнаго существованія Россіи не могутъ быть существенно важны военные успѣхи, намъ не могутъ быть обидны и неудачи»...

Графъ Уваровъ заявилъ, что для него неудачи обидны и онъ желаетъ скорѣйшаго и побѣдоноснѣйшаго окончанія войны. Затѣмъ онъ находилъ, что ни редакцію, ни автора статьи никто не уполномочивалъ говорить «намъ», и вообще печатаніе такихъ статей въ «Земской Недѣлѣ» онъ считаетъ неумѣстнымъ. «Намъ» можетъ быть истолковано, какъ мнѣніе саратовскаго земства, а потому гр. Уваровъ потребовалъ занесенія своего заявленія въ протоколъ собранія.

Къ заявленію Уварова присоединилась часть гласныхъ (8 человѣкъ), преимущественно отъ Сердобскаго уѣзда, а со стороны другой, неизмѣримо большей, заявленіе встрѣтило сильный протестъ. Графъ Орловъ-Денисовъ внесъ заявленіе, что онъ хотя и не вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе автора статьи «Земство и война», но не находитъ ее рѣзкой и тѣмъ менѣе сочувствуетъ недостойной выходкѣ графа Уварова. Другіе 24 гласныхъ подали заявленіе, что они «не находятъ въ статьѣ «Земство и война» какихъ-либо взглядовъ, изложеніе которыхъ было бы нежелательно въ «Земской Недѣлѣ», а самое заявленіе гр. Уварова, основанное на отдѣльныхъ выдержкахъ изъ статьи, признаютъ въ собраніи неумѣстнымъ».

Гр. Нессельроде просилъ предсѣдателя приложить къ протоколу цѣликомъ статью «Земство и война» и два нумера «Гражданина» (34 и 36), гдѣ «сугубо подтверждаются мысли, высказанныя въ статьѣ «Земство и война». А «Гражданинъ», конечно, не можетъ считаться антиправительственнымъ органомъ.

Помимо письменныхъ заявленій, были крайне горячія пренія, часто переходившія въ шумъ. Гласные протестовали противъ занесенія въ протоколъ заявленія гр. Уварова, полагая, что протоколы собранія совсѣмъ не для того существуютъ, а гр. Уварова никто не проситъ высказывать свое мнѣніе. Предсѣдатель губернской управы, какъ отвѣтственный редакторъ «Земской Недѣли», пояснилъ, что гр. Уваровъ невѣрно понимаетъ значеніе слова «намъ», полагая, что это можетъ быть принято за мнѣніе всего земства. «Мы», «намъ»—это обычная форма выраженія въ печати.

Гласные, сочувствующіе заявленію гр. Уварова, протестовали противъ статей политическаго характера въ «Земской Недѣлѣ», не желая, какъ они говорили,—потерять право на изданіе.

Предсѣдатель собранія князь А. А. Ухтомскій снялъ съ обсужденія собранія заявленіе Уварова, признавъ, однако, необходимымъ занести его въ протоколъ собранія и всѣ другія заявленія.

Земская помощь больнымъ и раненымъ. Объединенная земская организація для помощи больнымъ и раненымъ на Дальнемъ Востокѣ, какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.», сформировала пока 20 лечебно-питательныхъ отрядовъ, всего на 1.030 кроватей. Отряды эти, очень хорошо обставленные врачебнымъ и санитарнымъ персоналомъ, снабжены полнымъ госпитальнымъ снаряженіемъ, хирургическими инструментами, лечебными и перевязочными средствами; но кромѣ этого госпитальнаго оборудованія земскіе отряды приспособлены къ особымъ условіямъ своего назначенія. Такъ какъ отряды эти могутъ быть размѣщены не въ селеніяхъ, они всѣ снабжены необходимымъ количествомъ теплыхъ и непромокаемыхъ палатокъ, кровати у нихъ всѣ походнаго типа, всѣ грузы ихъ упакованы въ мѣста небольшого вѣса; отряды снабжены походными усовершенствованными кухнями, причемъ размѣръ и производительность этихъ кухонь разсчитаны не по числу кроватей, какое имѣется въ данномъ отрядѣ, а на гораздо большее число людей: одна изъ задачъ лечебно-питательныхъ отрядовъ состоитъ въ снабженіи чаемъ и по возможности горячею пищей проходящіе мимо транспорты раненыхъ и больныхъ, а при извѣстныхъ условіяхъ и проходящія воинскія команды; согласно съ этою дополнительною задачей, отряды снабжены значительными запасами питательныхъ средствъ. Земскіе лечебно-питальные отряды будутъ расположены въ тылу сражающихся, между линіей огня и главною базой нашей арміи, по грунтовымъ этапнымъ дорогамъ, и имѣютъ цѣлью облегчить и упорядочить передвиженіе больныхъ и раненыхъ отъ дѣйствующихъ частей, гдѣ мѣстные военные лазареты и летучіе отряды оказали имъ первую помощь; на лечебно-питательныхъ пунктахъ, расположенныхъ на разстояніи 10, 20, 25-ти верстъ одинъ отъ другого, оставляются раненые и больные, не могущіе выдержать дальнѣйшей перевозки; остальные получаютъ необходимую медицинскую и хирургическую помощь, имъ дается также пища, причемъ особенныя заботы направляются на питаніе и подкрѣпленіе болѣе слабыхъ. Эти лечебно-питательные отряды, расположенные по этапамъ, облегчаютъ передвиженіе боль-

ныхъ и раненыхъ или до большихъ госпиталей Краснаго Креста и военныхъ, или до путей намѣченной эвакуаціи для дальнѣйшаго слѣдованія. Если опытъ послѣдней турецкой войны показалъ, насколько необходимы мѣры къ упорядоченію транспортировки раненыхъ, то по условіямъ настоящей кампаніи значеніе лечебно-питательныхъ отрядовъ особенно важно, и нелегкое дѣло, взятое на себя объединенною земскою организаціей, должно оказать существенную помощь въ важномъ дѣлѣ, необходимость упорядоченія котораго выяснилась вполнѣ по извѣстіямъ объ условіяхъ о передвиженіи раненыхъ послѣ тюренченскаго сраженія. Согласно съ задачами, которыя поставлены лечебно-питательнымъ пунктамъ, земскіе санитарные отряды организованы такъ, что могутъ съ удобствомъ раздѣлиться на болѣе мелкія части для размѣщенія ихъ по этапной линіи согласно съ требованіями даннаго мѣста и даннаго времени.

Первый земскій отрядъ,—отрядъ тульскаго земства,—былъ сформированъ въ мартѣ, но за недостаткомъ вагоновъ отправился на Дальній Востокъ только 17-го апрѣля. Остальные земскіе отряды были готовы къ маю, а отправка ихъ состоялась между 4-мъ и 21-мъ мая. Первымъ пунктомъ назначенія для земскихъ отрядовъ опредѣленъ Харбинъ, откуда отряды будутъ двигаться дальше по распоряженію военнаго начальства. На мѣсто пока прибыли отряды тульскій и орловскій, которые удалось отправить эшелонами въ пассажирскихъ поѣздахъ. Теперь быстро одинъ за другимъ будутъ подходить и другіе отряды и займутъ этапныя дороги, вѣроятно, отъ Ляояна до линіи огня. Пять отрядовъ харьковскаго земства и одинъ соединенный отрядъ харьковскаго и пензенскаго земствъ переправились черезъ Байкалъ 3-го іюня. Изъ прибывшихъ отрядовъ орловскій находится въ Дашичао; о теперешнемъ мѣстѣ расположенія тульскаго отряда, двинутаго въ Ляоянъ немедленно по прибытіи въ Харбинъ, точныхъ свѣдѣній сейчасъ не имѣется.

За мѣсяцъ. 3-го іюня въ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику» напечатана телеграмма изъ Гельсингфорса отъ 3-го іюня: Сегодня, въ 11 ч. 5 м. дня, генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Бобриковъ при входѣ въ сенатъ на площадкѣ раненъ двумя выстрѣлами: однимъ—въ животъ тяжело, другимъ—въ шею легко. Преступникъ, сынъ сенатора Шаумана, тутъ же застрѣлился.

— Въ ночь на 4-е іюня въ 1 ч. 7 м. финляндскій генералъ-губорнаторъ Н. И. Бобриковъ скончался.

— Высочайшій указъ. «Признавъ необходимымъ привести на военное положеніе и въ усиленный составъ нѣкоторыя резервныя части войскъ въ Казанскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ военныхъ округахъ, а равно нѣкоторыя части спеціальныхъ родовъ оружія, военно-врачебныя заведенія и запасные батальоны арміи. Мы повелѣли указомъ Нашимъ, сего числа даннымъ военному министру, сдѣлать нынѣ же по указаніямъ Нашимъ всѣ надлежащія по сему распоряженія. Вмѣстѣ съ симъ повелѣваемъ: 1) призвать на дѣйствительную службу, согласно особаго на этотъ случай частнаго измѣненія дѣйствующаго мобилизаціоннаго росписанія, потребное число нижнихъ чиновъ за-

паса арміи изъ уѣздовъ: А) казанскаго военнаго округа: *Пензенской губ.*: пензенскаго, городищенскаго, инсарскаго, керенскаго, краснослободскаго, мокшанскаго, наровчатскаго, нижнеломовскаго, саранскаго, чембарскаго. *Пермской губ.*: красноуфимскаго. *Симбирской губ.*: сенгилейскаго. *Самарской губ.*: самарскаго, бугурусланскаго, бугульминскаго, бузулукскаго, новоузенскаго, ставропольскаго. *Саратовской губ.*: саратовскаго, балашовскаго, аткарскаго. *Оренбургской губ.*: оренбургскаго, верхнеуральскаго. *Уфимской губ.*: уфимскаго, златоустовскаго, мензелинскаго, стерлитамакскаго. Б) Московскаго военнаго округа: *Московской губ.*: бронницкаго, коломенскаго, серпуховскаго, богородскаго. *Тамбовской губ.*: тамбовскаго, кирсановскаго, козловскаго, моршанскаго, спасскаго, темниковскаго, шацкаго. *Владимірскай губ.*: александровскаго, покровскаго. *Воронежской губ.*: воронежскаго, бобровскаго, землянскаго, нижнедѣвицкаго. *Орловской губ.*: болховскаго, елецкаго, ливненскаго, мценскаго. *Рязанской губ.*: зарайскаго, сапожковскаго, спасскаго. *Тульской губ.*: веневскаго, епифанскаго, крапивенскаго, чернскаго и В) Кіевскаго военнаго округа: *Харьковской губ.*: ахтырскаго, волчанскаго, лебединскаго. *Курской губ.*: щигровскаго, тимскаго, рыльскаго, грайворонскаго.

2) Призвать на дѣйствительную службу всѣхъ тѣхъ проживающихъ въ предѣлахъ Имперіи офицерскихъ чиновъ запаса арміи, кои, согласно дѣйствующимъ распредѣленіямъ, предназначены на укомплектованіе войскъ и учрежденій, нынѣ приводимыхъ на военное положеніе и въ усиленный составъ, а равно въ мѣрѣ надобности и запасныхъ нижнихъ чиновъ, предназначенныхъ сими распредѣленіями къ замѣщенію офицерскихъ и классныхъ должностей въ тѣхъ же войскахъ и учрежденіяхъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ выше уѣздовъ, кромѣ призыва запасныхъ, поставить по военно-конской повинности потребное число лошадей согласно наряда, внесеннаго въ упомянутое, въ пунктѣ первомъ, частное измѣненіе дѣйствующаго росписанія.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано.

Николай.

Данъ въ Царскомъ Селѣ
27-го мая 1904 г.

— Выборгскій губернаторъ, какъ сообщаетъ «Право», издалъ слѣдующее распоряженіе: «по встрѣтившейся надобности я нахожу нужнымъ симъ запретить дачевладѣльцамъ въ райволовскомъ, теріокскомъ, кивинебскомъ, муаласкомъ, новокирскомъ и выборгскомъ ленсманскихъ участкахъ, подъ угрозой штрафа въ сто марокъ, отдавать въ наемъ принадлежащія имъ дачи лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія изъ Имперіи, не исходатайствовавшимъ надлежащаго разрѣшенія на проживаніе въ вышеназванныхъ мѣстностяхъ».

— Казанскій губернаторъ циркулярно предложилъ предсѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры «къ недопуще-

нію управъ къ какимъ-либо сношеніямъ и соглашеніямъ съ земскими учрежденіями другихъ губерній».

Въ цитируемомъ циркулярѣ, по словамъ «Волгаря», между прочимъ говорится, что «изъ получаемыхъ губернаторомъ свѣдѣній усматривается, что нѣкоторыя земскія собранія и управы при обсужденіи разнаго рода мѣропріятій, относящихся къ сферѣ дѣятельности земскихъ учрежденій, не ограничиваются возбужденіемъ и разсмотрѣніемъ вопросовъ въ порядкѣ, установленномъ положеніемъ о земскомъ учрежденіи 12-го іюня 1890 г., но приглашаютъ къ соучастію въ совѣщаніяхъ представителей земствъ сосѣднихъ и другихъ губерній и входятъ съ ними въ сношенія и соглашенія. Между тѣмъ,—говорится далѣе въ циркулярѣ,—подобныя соглашенія представителей земскихъ учрежденій разныхъ губерній вовсе не предусмотрѣны закономъ, на основаніи котораго кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда, подвѣдомственныхъ каждому изъ этихъ учрежденій (ст. 3 Полож. о земскомъ учрежденіи), а потому и не должны быть допускаемы безъ особаго на то разрѣшенія высшей власти, потому что всѣ подобныя дѣйствія являются нарушеніемъ закона, къ разъясненію точнаго смысла котораго имѣется достаточно указаній какъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и со стороны Сената».

— Въ «Кр. В.» напечатано: «штабъ черноморскаго флота предлагаетъ командирамъ экипажей немедленно донести, нѣтъ ли евреевъ въ числѣ призванныхъ нижнихъ чиновъ, состоявшихъ въ запасѣ по 82 ст. уст. о воинск. пов., и, въ утвердительномъ случаѣ, представить въ штабъ именные списки оказавшихся».

— Изъ Кутаиса сообщаютъ «Нов. Об»: 29-го мая, въ 4 ч. утра, въ оградѣ мѣстнаго тюремнаго замка былъ приведенъ въ исполненіе надъ лишеннымъ всѣхъ правъ Серапіономъ Кварацхелія приговоръ кавказскаго военно-окружнаго суда, которымъ С. Кварацхелія, вмѣстѣ съ крестьянами Несторомъ Кварацхелія и А. Лотаріа, былъ присужденъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за разбойное нападеніе и убійство кн. Даліани и его двухъ лѣсныхъ объѣздчиковъ. Для Н. Кварацхелія и А. Лотаріи смертная казнь замѣнена пожизненной каторгой.

— 1-го іюня въ кронштадтскомъ военно-морскомъ судѣ подъ предсѣдательствомъ ген.-маіора А. Д. Хвицкаго, при прокурорѣ д. с. с. Н. Г. Матвѣенко, разбиралось при закрытыхъ дверяхъ дѣло о кочегарѣ 2 ст., разряда штрафованныхъ 7-го флотскаго экипажа, Θедорѣ Кузьминѣ, преданномъ суду приказомъ главнаго командира флота и портовъ и начальника морской обороны балтійскаго моря по 2 ч. 97 ст. воен. мор. уст. о нак., съ примѣненіемъ къ нему, по приказанію управляющаго морскимъ министерствомъ, 90 ст. того же устава со строгостью законовъ военнаго времени. Военно-морской судъ, признавая кочегара 2 ст., разряда штрафованныхъ, Θедора Кузьмина виновнымъ по 2 ч. 97 ст. воен. мор. уст. о наказ. и, примѣняя къ нему 90 ст. того же устава, приговорилъ его, по совокупности съ приговоромъ кронштадтскаго военно-морского суда отъ 7-го мая сего года къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Подробный приговоръ осужденному былъ объявленъ того же числа въ 2 ч. дня.

— На основаніи статьи 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Сѣверный Край» на восемь мѣсяцевъ.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты «Русь», воспрещенную распоряженіемъ отъ 27-го апрѣля сего года.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости», воспрещенную распоряженіемъ отъ 1-го мая сего года.

— Имѣя въ виду статьи въ газетѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» подъ заглавіемъ «Замѣтки» (въ №№ 135 и 137 газеты отъ 20-го и 22-го мая сего года), напрасно тревожащія общественное мнѣніе, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи статьи 144 устава о цензурѣ и печати, св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., опредѣлилъ: объявить газетѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» второе предостереженіе въ лицѣ издателя князя Эспера Ухтомскаго и редактора дворянина Александра Столыпина.

А. С. ХОМЯКОВЪ, КАКЪ ФИЛОСОФЪ.

(Къ столѣтію дня рожденія).

Теоретическій глава славянофиловъ, А. С. Хомяковъ по справедливости долженъ быть признанъ однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ умовъ. Огромныя умственныя силы Хомякова были оцѣнены современными ему противниками западническаго лагеря *). Человѣкъ необыкновенно многосторонній, философъ, богословъ, историкъ, публицистъ и поэтъ, Хомяковъ является видной фигурой эпохи 40-хъ годовъ, столь богатой яркими дарованіями. И вмѣстѣ съ тѣмъ Хомякова не знаютъ и не читаютъ, онъ забытъ и не оцѣненъ. Цѣлыя поколѣнія русской интеллигенціи отъ Хомякова отдѣляли его славянофильскія заблужденія, съ которыми исторически ассоціировались слишкомъ тягостныя для насъ впечатлѣнія. Нѣкоторыя строки славянофильскаго ученія Хомякова были захвачены нечистыми руками и отъ прикосновенія ихъ были загублены мессіонистскія мечты о высокомъ призваніи русскаго народа; вѣра въ самобытную національную культуру, въ національное долженствованіе наше превратилась въ проповѣдь человѣконенавистничества и насильничества. Романтикъ и идеалистъ Хомяковъ съ ужасомъ долженъ былъ бы отвернуться отъ этихъ «русскихъ собраній». Дорогой цѣной искупаетъ этотъ большой человѣкъ, такъ беззавѣтно любившій свою Россію и вѣрившій въ ея великое творческое будущее, свой грѣхъ передъ будущимъ Россіи—идеализацію отсталыхъ формъ жизни, пытавшуюся приковать творчество національнаго духа къ этимъ заставнымъ формамъ. Проглядѣли все, что было у Хомякова значительнаго и цѣннаго, дѣйствительно пророческаго для нашей національной куль-

*) Герценомъ, въ „Былое и думы“.

туры. Я предполагаю въ своей замѣткѣ дать оцѣнку Хомякова исключительно, какъ философа.

Философскія статьи Хомякова, несмотря на ихъ отрывочный и несистематическій характеръ, представляютъ выдающійся интересъ и ничѣмъ нельзя оправдать игнорированіе Хомякова въ исторіи нашей философской мысли *). Философское міровоззрѣніе Хомякова сложилось въ духовной атмосферѣ германскаго классическаго идеализма, мысль его неустанно работала надъ философіей Шеллинга и Гегеля. Величественная система гегелевскаго панлогизма была предѣльной точкой въ развитіи германскаго идеализма. Дальше нельзя было идти, крушеніе системы Гегеля было серьезнымъ кризисомъ для философіи вообще, и вотъ Хомяковъ задумался надъ тѣми коренными недостатками и противорѣчіями, которые привели европейскую философскую мысль къ полному крушенію. И Хомяковъ далъ блестящую и глубокомысленную критику гегеліанства, критику раціонализма, этого изначальнаго грѣха всей почти европейской философіи, и ясно созналъ необходимость перехода отъ абстрактнаго идеализма, превращавшаго бытіе въ ничто, къ конкретному спиритуализму. Эти зачатки конкретнаго спиритуализма дѣлаютъ Хомякова родоначальникомъ самостоятельной русской философіи, такъ блестяще потомъ представленной Вл. Соловьевымъ. Соловьевъ по справедливости долженъ былъ бы назвать Хомякова своимъ непосредственнымъ предшественникомъ.

Прежде всего посмотримъ, какъ Хомяковъ критиковалъ Гегеля. «*Сущее*,—говоритъ онъ,—должно быть совершенно отстранено. Само понятіе, въ своей полнѣйшей отвлеченности, должно было все возродить изъ собственныхъ нѣдръ. Раціонализмъ или логическая разсудочность должна была найти себѣ конечной вѣнецъ и Божественное освященіе въ новомъ созданіи цѣлаго міра. Такова была огромная задача, которую задалъ себѣ германскій умъ въ Гегелѣ, и нельзя не удивляться той смѣлости, съ какою онъ приступилъ къ ея рѣшенію» **). «Логику Гегеля слѣдуетъ назвать *воодухотвореніе отвлеченнаго бытія*. Таково бы было ея полнѣйшее, кажется, никогда еще невысказанное опредѣленіе. Никогда такой страшной задачи, такого дерзкаго предпріятія не задавалъ себѣ человѣкъ. Вѣчное, самовозрождающееся твореніе изъ нѣдръ отвлеченнаго понятія, не имѣющаго въ себѣ никакой сущности» ***). Хомяковъ такъ формулируетъ ту точку, на которой остановилось философское движеніе въ Германіи: «возсозданіе цѣльнаго разума (т.-е. духа) изъ понятій разсудка. Какъ скоро задача опредѣлила себя такимъ образомъ (а собственно таковъ смыслъ

---

*) Важнѣйшія философскія статьи Хомякова помѣщены въ первомъ томѣ собранія его сочиненій: „По поводу Гумбольта“, „По поводу отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ И. В. Кирѣевскаго“, „О современныхъ явленіяхъ въ области философіи“, „Письмо о философіи къ Ю. Ѳ. Самарину“. Богословскія работы Хомякова составляютъ второй томъ собранія сочиненій, но ихъ я не предполагаю касаться.

**) См. „Соч. Хомякова“, т. I, стр. 267.

***) Тамъ же, стр. 268. Честь этого глубокаго проникновенія въ духъ гегелевской философіи Хомяковъ долженъ раздѣлить съ И. В. Кирѣевскимъ, философскія мысли которато онъ извлекаетъ изъ найденныхъ въ бумагахъ отрывковъ.

гегелевской дѣятельности), путь долженъ былъ прекратиться: всякій шагъ былъ невозможенъ» *). И дальше: «общая ошибка всей школы, еще не ясно выдающаяся въ ея основателѣ—Кантѣ и рѣзко характеризующая ея довершителя—Гегеля, состоитъ въ томъ, что она постоянно принимаетъ движеніе понятія въ личномъ пониманіи за тождественное съ движеніемъ самой дѣйствительности» **). «Нельзя было начать развитіе съ того субстрата, или лучше сказать, съ того отсутствія субстрата, отъ котораго отправлялся Гегель; отъ этого цѣлый рядъ ошибокъ, смѣшеніе личныхъ законовъ съ законами міровыми; отъ этого также постоянное смѣшеніе движеній критическаго понятія съ движеніемъ міра явленій, несмотря на ихъ противоположность; отъ этого и разрушеніе всего титанскаго труда. Корень же общей ошибки Гегеля лежалъ въ ошибкѣ всей школы, принявшей разсудокъ за цѣлость духа. Вся школа не замѣтила, что, принимая понятіе за единственную основу всего мышленія, разрушаетъ міръ: ибо понятіе обращаетъ всякую, ему подлежащую, дѣйствительность въ чистую, отвлеченную возможность» ***). Хомяковъ глубоко понялъ невозможность дальнѣйшаго развитія философіи по раціоналистическому, разсудочному, отвлеченному пути, такъ какъ путь этотъ приводитъ къ абсолютному ничто, превращаетъ міръ въ тѣнь тѣни. Нужно выйти изъ этого безысходнаго круга понятій къ бытію, искать субстрата, сущаго. Гегель сдѣлалъ грандіозную попытку вдохнуть въ отвлеченныя идеи живой духъ, но оказалось невозможнымъ создать міръ сущаго раціоналистической дедукціей понятій.

Хомяковъ превосходно объясняетъ роковую неизбѣжность перехода гегеліанства въ матеріализмъ, который фактически произошелъ въ нѣмецкой философіи и былъ показателемъ болѣзненнаго ея кризиса. «Критика сознала одно: полную несостоятельность Гегельянства, силившагося создать міръ безъ субстрата. Ученики его не поняли того, что въ этомъ то и состояла вся задача учителя, и очень простодушно вообразили себѣ, что только стоитъ ввести въ систему этотъ недостающій субстратъ, и дѣло будетъ слажено. Но откуда взять субстратъ? Духъ очевидно не годился, во-первыхъ потому, что самая задача Гегеля прямо выражала себя, какъ исканіе процесса, созидающаго духъ; а во-вторыхъ и потому, что самый характеръ Гегелева раціонализма, въ высшей степени идеалистическій, вовсе не былъ спиритуалистическимъ. И вотъ самое отвлеченное изъ человѣческихъ отвлеченностей, — Гегельянство,—прямо хваталось за вещество и перешло въ чистѣйшій и грубѣйшій матеріализмъ. Вещество будетъ субстратомъ, а затѣмъ система Гегеля сохранится, т.-е. сохранится терминологія, бо́льшая часть опредѣленій, мысленныхъ переходовъ, логическихъ пріемовъ и т. д., сохранится однимъ словомъ то, что̀ можно назвать фабричнымъ процессомъ Гегелева ума. Не дожилъ великій мыслитель до такого посрамленія; но, можетъ быть, и не осмѣлились бы его ученики

*) Стр. 291.
**) Стр. 296.
***) Стр. 299.

на такое посрамленіе учителя, если бы гробъ не скрылъ его грознаго лица» *). Это очень интересная страница въ исторіи человѣческой мысли. Такъ сложился «діалектическій матеріализмъ», владѣющій и до сихъ поръ многими умами, или вѣрнѣе, сердцами, — это странное и логически несостоятельное сочетаніе идей, взаимно исключающихъ одна другую. Діалектика предполагаетъ панлогизмъ, діалектическая логика вещей немыслима при принятіи матеріальнаго, вещественнаго субстрата, это было бы чудовищнымъ логизированіемъ матеріи, которое дѣлаетъ матеріалистовъ такими же раціоналистами, какъ и идеалисты, и указываетъ на невозможность, внутреннюю несостоятельность матеріализма. Все это Хомяковъ понималъ лучше многихъ людей нашего времени, претендующихъ на званіе философовъ. «Вся школа, которой Фейербахъ служитъ блистательнымъ средоточіемъ, считаетъ себя Гегельянскою, а между тѣмъ посмотрите на ея отношенія къ основнымъ положеніямъ Гегеля. Кантъ говорилъ, что *вещи въ ней самой знать не можемъ*. Гегель говорилъ, что *вещь въ себѣ самой вовсе не существуетъ, а существуетъ только въ понятіи* **). У него это положеніе не случайно, не вводное, а коренное и прямо связанное съ самимъ основаніемъ его философіи; ибо вся его система есть не что иное, какъ возможность понятія, развивающаяся до всего разнообразія дѣйствительности и завершающаяся дѣйствительностью духа. И вотъ у его учениковъ *вещь* вообще является какъ общій субстратъ, и именно *вещь въ себѣ самой*, не какъ самоограничивающееся понятіе и даже не какъ предметъ понятія, а именно въ себѣ самой. Вы видите, что я былъ правъ, говоря что ново-нѣмецкая школа, мнимо Гегельянская, взяла отъ учителя только, такъ сказать, фабричный процессъ мышленія и терминологическія графы, будучи въ то же время совершенно чуждою его духу и смыслу. Понятіе безъ субстрата, или возможность быть понятіемъ, переходящая въ дѣйствительность помимо чего-нибудь понимаемаго и чего-нибудь понимающаго, такова была задача Гегеля, и объ ней-то вообще Шеллингъ сказалъ, что это мысль, въ которой ничто не мыслится. Для осуществленія всей системы, хотя разумѣется съ полнымъ ея извращеніемъ, введено было новое начало—вещь, какъ вещество вообще. Устранено ли было, по крайней мѣрѣ, то обвиненіе, которое падало на первоначальный, настоящій Гегелизмъ, т.-е. получена ли мысль, въ которой что-нибудь мыслится?» ***). «Когда школа въ своемъ послѣднемъ, Гегелевскомъ развитіи дошла до окончательнаго отрицанія какого бы то ни было субстрата, понятно, что ея послѣдніе ученики, чтобы спасти погибающее ученіе, съ которымъ они срослись всѣми привычками ума, рѣшились ввести въ него субстратъ самой осязательной, самой противоположной той отвлеченности, отъ которой гибла система учителя, и не позаботились спросить у себя, примиримы ли между собою понятія, которыя они насильно сводили» ****). Матеріализмъ

*) Стр. 302.

**) Это теперь повторяетъ такъ называемая иманентная школа.

***) Стр. 303—4.

****) Стр. 308.

не выдерживаетъ ни малѣйшей научной критики; но передъ чистымъ раціонализмомъ онъ имѣетъ то кажущееся превосходство, что представляетъ какой-то (хотя и мнимый) субстратъ и тѣмъ удовлетворяетъ внутреннему требованію дѣйствительности, которое лежитъ въ душѣ человѣка; оба же, и раціонализмъ частей, и матеріализмъ, суть не что иное, какъ двѣ стороны одной и той же системы, которую я иначе не могу назвать, какъ системою *нецессарданизма*, иначе безвольности» *).

Я сдѣлалъ много выносокъ изъ Хомякова въ виду того большого интереса, который представляютъ его мысли и для нашего времени. Хомяковъ въ этомъ отношеніи нисколько не устарѣлъ: мы стоимъ передъ тѣми же философскими проблемами, мы также живо чувствуемъ несостоятельность раціонализма во всѣхъ его видахъ и формахъ, хотя бы подъ маскою критицизма или эмпиризма, также ищемъ субстрата, истинно сущаго. Разница лишь въ томъ, что мы критикуемъ теперь не столько Канта, сколько неокантіанцевъ; не столько Гегеля, сколько неогегеліанцевъ, и пережили еще большее количество разочарованій. Хомяковъ предвосхитилъ теорію «мистическаго воспріятія» Соловьева и его критику отвлеченныхъ началъ, а также и всѣ новѣйшія исканія гносеологическихъ точекъ зрѣнія, преодолѣвающихъ раціонализмъ, эмпиризмъ и критицизмъ. «Вся нѣмецкая критика,—говоритъ онъ,—вся философія Кантовской школы, осталась еще на той степени, на которую ее поставилъ Кантъ. Она не двинулась далѣе разсудка, т.-е. той аналитической способности разума, которая сознаетъ и разбираетъ данныя, получаемыя ею отъ цѣльнаго разума, и имѣя дѣло только съ понятіями, никогда не можетъ найти въ себѣ критеріума для опредѣленія внутренняго и внѣшняго, ибо имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что уже воспринято и, слѣдовательно, сдѣлалось внутреннимъ. Вы помните, что стараясь отчасти изложить тотъ великій шагъ, который совершенъ былъ нашимъ слишкомъ рано умершимъ мыслителемъ, И. В. Кирѣевскимъ, именно — разумное признаніе цѣльности разума, которая воспринимаетъ дѣйствительныя (реальныя) данныя, передаваемыя ею на разборъ и сознаніе разсудка. Въ этой только области данныя еще носятъ въ себѣ полноту своего характера и признаки своего начала. *Въ этой области, предшествующей логическому сознанію и наполненной сознаніемъ жизненнымъ, не нуждающимся въ доказательствахъ и доводахъ, сознаетъ человѣкъ, что принадлежитъ его умственному міру и что міру внѣшнему»* **). Раціонализмъ и эмпиризмъ отвлеченно разсѣкаютъ живое сознаніе и закрываютъ отъ насъ тотъ *опытъ*, въ которомъ непосредственно дано реальное бытіе, сущее. Я не считаю философски удачными термины «мистическое воспріятіе» или «вѣра». Этотъ опытъ, въ которомъ соприкасается съ сущимъ цѣлостное наше существо, а не раціоналистически разсѣченное, обязателенъ для всѣхъ, возвышается надъ условнымъ противоположеніемъ раціональнаго и эмпириче-

*) Стр. 312.

**) Я подчеркиваю это мѣсто какъ особенно важное для гносеологіи Хомякова и близкое намъ.

скаго, является источникомъ *метафизическаго* знанія и обрабатывается метафизическимъ разумомъ *).

Русская философская мысль стоитъ теперь на распутьи и ей слѣдуетъ помнить, что есть пути уже пройденные и ведущіе въ пустыню. Таковы пути раціонализма, путь кантіанства, съ роковой неизбѣжностью ведущій къ гегеліанству, упирающемуся въ ничто или прозрачное вещество. Для насъ есть только одинъ путь, ведущій къ сознанію сущаго, путь спиритуализма, очищеннаго отъ всѣхъ грѣховъ раціонализма и отвлеченности. Наша философская мысль вступаетъ на этотъ путь и въ моментъ ея подъема не мѣшаетъ вспомнить о первомъ русскомъ мыслителѣ, указавшемъ вѣрный путь для нашей самостоятельной философіи, объ А. С. Хомяковѣ.

Николай Бердяевъ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

„Русское Богатство"—май. „Правда"—май. „Образованіе"—мартъ. „Вѣстникъ Права"—май.

Въ своей послѣдней статьѣ о рабочемъ вопросѣ въ Россіи («Рус. Бог.», № 5) г. М. Лунцъ разсматриваетъ законъ 2-го іюня 1903 г. — объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ. Чтобы оцѣнить, хотя приблизительно, важность интересовъ, которые затрагиваетъ этотъ законъ, достаточно сказать, что только на горныхъ и горнозаводскихъ работахъ въ 1898 г. пострадало, по оффиціальнымъ даннымъ, свыше 20 тысячъ человѣкъ. Количество несчастій на нѣкоторыхъ заводахъ невольно заставляетъ вспомнить о кровопролитныхъ сраженіяхъ: только на двухъ заводахъ, Путиловскомъ и Невскомъ въ 1898 г. было 7.693 несчастныхъ случая (см. «Сборн. статистическ. свѣд. о горнозаводск. промышленности въ Россіи въ 1899 г.» Изданіе горнаго комитета).

На основаніи закона 2-го іюня, «при несчастныхъ случаяхъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности владѣльцы предпріятій обязаны вознаграждать рабочихъ за утрату долѣе, чѣмъ на три дня, трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго имъ работами по производству предпріятія, или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ». Отъ обязанности вознаграждать рабочихъ или членовъ ихъ семействъ владѣлецъ предпріятія освобождается «только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиной несчастнаго случая былъ злой умыселъ самого потерпѣвшаго, или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ».

При временной потери трудоспособности, потерпѣвшій получаетъ, впредь до выздоровленія, пособіе въ размѣрѣ половины своего заработка; при полной

---

*) Часто интеллектуальныя ошибки мѣшаютъ вѣрному истолкованію этого опыта.

утратѣ способности къ работѣ, потерпѣвшій получаетъ пожизненную пенсію въ размѣрѣ $^2/_3$ своего годового содержанія; при неполной потерѣ трудоспособности—пенсію въ уменьшенномъ размѣрѣ. Въ случаѣ смерти потерпѣвшаго, владѣлецъ предпріятія обязанъ дать на погребеніе 30 руб. и выдавать пожизненную пенсію женѣ, въ размѣрѣ $^1/_3$ заработка мужа; кромѣ пенсіи женѣ, законъ обязываетъ платить опредѣленныя пенсіи дѣтямъ, до 15-лѣтняго возраста, и родителямъ. Общая сумма пенсій не должна превышать $^2/_3$ заработка потерпѣвшаго. Положительную сторону новаго закона авторъ статьи видитъ въ томъ, что по существу своему онъ приближается къ соотвѣтствующимъ западноевропейскимъ актамъ объ отвѣтственности предпринимателей и рѣшительно отличается отъ примѣнявшихся до сихъ поръ нормъ гражданскаго права. Потерпѣвшіе не должны доказывать чьей бы то ни было вины; они имѣютъ право на вознагражденіе въ силу самаго факта тѣлеснаго повреждения, «причиненнаго имъ работами по производству предпріятія или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ». Этого права они лишаются въ извѣстныхъ, указанныхъ закономъ случаяхъ, доказательство которыхъ составляетъ уже дѣло владѣльцевъ предпріятія. Тогда какъ основное начало прежняго права фактически гласило: владѣлецъ предпріятія безотвѣтственъ, пока потерпѣвшіе не докажутъ своего права, новый законъ внесъ принципъ — владѣлецъ отвѣтственъ, пока онъ не докажетъ противнаго.

«Но стоитъ ближе присмотрѣться къ новымъ правиламъ, — продолжаетъ авторъ,—и станетъ яснымъ, какое ограниченное примѣненіе получилъ новый принципъ, какъ слабо обезпечивается новымъ закономъ дѣйствительное полученіе потерпѣвшими слѣдующаго имъ вознагражденія, какая значительная масса рабочихъ остается внѣ его дѣйствія».

Анализируя редакцію закона, сравнивая ее съ предварительными законопроектами и законами другихъ странъ, авторъ убѣдительно доказываетъ, что по новому закону владѣльцы предпріятій совершенно освобождаются отъ отвѣтственности, если несчастье съ рабочими произошло вслѣдствіе дѣйствія стихійныхъ силъ природы, преступленія или проступка третьихъ лицъ, къ производству непричастныхъ.

«Грубая неосторожность потерпѣвшаго, которая по закону 2-го іюня также избавляетъ предпринимателей отъ вознагражденія,—понятіе юридически очень неопредѣленное; результатомъ же этой неопредѣленности въ терминахъ закона можетъ явиться то, что безъ вознагражденія останутся многіе рабочіе, ставшіе жертвой самой обыкновенной неосторожности». Авторъ всецѣло присоединяется къ аргументамъ министерства финансовъ, которое было противъ того, чтобы «обнаруженіе вины или неосторожности самого рабочаго влекло за собой лишеніе его права на вознагражденіе, или же вліяло бы на размѣръ послѣдняго». По мнѣнію министерства, такой порядокъ требовалъ бы, по справедливости, увеличенія вознагражденія потерпѣвшимъ въ тѣхъ случаяхъ когда несчастье случалось бы по винѣ или неосторожности предпринимателей. «Нельзя упускать изъ виду,—говорило оно,—что нарушеніе рабочими правилъ предосторожности, въ которомъ можно

усмотрѣть вину, или неосторожность, весьма часто проистекаетъ исключительно отъ недостатка вниманія, или разсѣянности, зависящихъ отъ физической усталости, малой умственной развитости и иныхъ, тому подобныхъ, причинъ. Неосторожность, или вина являются всегда, безъ всякихъ исключеній, однимъ изъ факторовъ несчастья, тогда какъ другимъ остается кроющаяся въ условіяхъ производства опасность; наконецъ, самая неосторожность рабочихъ едва ли не въ большинствѣ случаевъ является слѣдствіемъ условій работъ: находясь постоянно въ опасной обстановкѣ, рабочіе невольно привыкаютъ къ ней, а эта привычка ослабляетъ ихъ бдительность, и безъ того ослабленную естественнымъ утомленіемъ ихъ». Ни въ законопроектѣ 1893 г., ни въ проектѣ 1901 г. не было и рѣчи о неосторожности, говоритъ авторъ статьи—и только въ самую послѣднюю минуту, по неизвѣстнымъ соображеніямъ... вопреки всей убѣдительной аргументаціи составителей законопроекта, какъ deus ex machina, появилась въ законѣ «грубая неосторожность». По даннымъ нѣмецкой статистики, около 40% всѣхъ несчастій съ рабочими было вызвано вполнѣ или отчасти виною самихъ потерпѣвшихъ, и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія нашего законодательства, во всѣхъ этихъ случаяхъ долженъ бы рѣшаться роковой для потерпѣвшихъ вопросъ, отъ грубой или не грубой неосторожности своей они изувѣчены *). По законопроекту 1893 г. владѣльцы предпріятій были обязаны вознаграждать рабочихъ, потерявшихъ работоспособность отъ профессіональныхъ болѣзней; «съ этимъ согласились въ то время и соединенные департаменты государственнаге совѣта. Но и много позже, въ 1900 г., соединенные департаменты промышленности, наукъ и торговли проводили ту же точку зрѣнія; они исходили изъ того положенія, что крайне неблагопріятныя условія нѣкоторыхъ производствъ неминуемо приводятъ къ преждевременному изнашиванію организма и сокращенію продолжительности жизни, что явленіе это общеизвѣстно въ заводской и фабричной практикѣ и, при современномъ состояніи прикладныхъ знаній, не поддается пока устраненію, что потому профессіональныя заболѣванія, по справедливости, должны быть приравнены къ увѣчьямъ. Рабочіе казенныхъ горныхъ заводовъ пользуются болѣе широкимъ покровительствомъ закона, такъ какъ на основаніи временныхъ правилъ 15-го мая 1901 г. получаютъ вознагражденіе не только увѣчные и семьи умершихъ отъ несчастія, но также и потерявшіе работоспособность отъ профессіональныхъ болѣзней. Кромѣ того, казенные горнорабочіе лишаются права на вознагражденіе лишь тогда, когда причиною увѣчья или болѣзни былъ злой умыселъ потерпѣвшаго; но и въ этомъ случаѣ, если потерпѣвшій умеръ, члены его семьи имѣютъ право на полученіе пенсіи на общемъ основаніи». Сумма вознагражденія потерпѣвшимъ казеннымъ горнорабочимъ больше, чѣмъ соотвѣтствующее вознагражденіе на основаніи закона 2-го іюня 1903 г.

*) „Количество увѣчій зависитъ не только отъ времени дня, какъ это доказала оффиціальная русская „Статистика несчастныхъ случаевъ", но и отъ грамотности рабочихъ: такъ, на промыслахъ Балахно-Сабунчинскаго района среди грамотныхъ было увѣчныхъ 33%, а среди неграмотныхъ 67% („Нефтяное Дѣло" № 4, „Матеріалы къ статистикѣ поврежденій").

Авторъ спрашиваетъ: «ужели по отношенію къ представителямъ одного и того же рабочаго класса могутъ быть допустимы двѣ различныя юридическія нормы, ужели частные предприниматели не обязаны отвѣчать за несчастія съ рабочими и профессіональныя ихъ заболѣванія въ томъ же объемѣ, какъ и казна?»

Новыя права, полученныя рабочими на основаніи закона 2-го іюня, имѣютъ цѣну, конечно, лишь постольку, поскольку они могутъ быть осуществлены. «Потерпѣвшимъ предоставляется двоякаго рода возможность: или обратиться къ суду, или заключить съ предпринимателемъ соглашеніе о видѣ и размѣрѣ причитающагося имъ вознагражденія, свидѣтельствуемое фабричнымъ инспекторомъ (или окружнымъ инженеромъ). Первый способъ, по идеѣ законодателя, является какъ бы исключеніемъ; нормальнымъ же признается свидѣтельствованіе соглашенія у фабричной (горной) инспекціи, которая провѣряетъ его со стороны соотвѣтствія съ закономъ и отказываетъ въ засвидѣтельствованіи соглашенія, если признаетъ его *явно и существенно* нарушающимъ настоящія правила. Если добровольнаго соглашенія между сторонами не послѣдуетъ, то по обращенію одной изъ нихъ къ фабричному инспектору, тотъ разъясняетъ имъ права и обязанности согласно требованіямъ закона и условіямъ настоящаго случая и такимъ образомъ пытается достигнуть соглашенія; если и тутъ соглашенія не послѣдуетъ, или инспекція откажетъ въ засвидѣтельствованіи, потерпѣвшему предоставляется искать судомъ. Чтобы склонить стороны къ нормальному разрѣшенію спора, въ законѣ установлены извѣстныя невыгоды для владѣльца предпріятія, который бы вздумалъ не свидѣтельствовать соглашенія у инспекціи (ст. 38), и для потерпѣвшихъ въ случаѣ предъявленія ими иска помимо предварительнаго обращенія къ инспекціи (ст. 40)».

Разъ инспекторъ найдетъ соглашеніе отвѣчающимъ требованіямъ закона и засвидѣтельствуетъ его, то дѣло считается навсегда поконченнымъ и не можетъ быть возобновлено. Принимая во вниманіе всю трудность веденія дѣла въ судѣ, можно видѣть, какое огромное значеніе для потерпѣвшихъ будутъ имѣть фабричные инспекторы. Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «предоставляя дѣйствіямъ инспекціи такую огромную юридическую силу, законъ долженъ былъ бы предоставить потерпѣвшимъ извѣстныя гарантіи въ томъ, что инспекція дѣйствительно отнесется къ своему дѣлу съ полнымъ знаніемъ и безпристрастіемъ, что засвидѣтельствованіе инспекціей не отвѣчающаго обстоятельствамъ даннаго случая соглашенія будетъ по требованію увѣчныхъ вновь пересмотрѣно или обжаловано въ опредѣленномъ порядкѣ. Къ несчастію, никакихъ гарантій законъ не далъ увѣчнымъ». Кромѣ того, имѣются серьезныя основанія усомниться, что фабричная инспекція окажется органомъ вполнѣ подходящимъ для той серьезной и отвѣтственной функціи, къ которой она призвана закономъ 2-го іюня. «Пока фабричная инспекція была подчинена одному лишь министерству финансовъ, отъ нея почти исключительно требовался надзоръ за исполненіемъ фабричныхъ законовъ, и хотя одностороннее покровительство интересамъ капитала, проводившееся во всей политикѣ министерства финансовъ, неизбѣжно должно было отразиться и на характерѣ дѣя-

тельности чиновъ инспекціи, но все же подобное направленіе умѣрялось личными качествами фабричныхъ инспекторовъ перваго призыва и публичностью ихъ дѣятельности. Но по мѣрѣ того, какъ агитація предпринимателей противъ инспекціи приводила къ такимъ важнымъ результатамъ, какъ прекращеніе публичности отчетовъ, а функціи фабричныхъ инспекторовъ усложнялись совершенно посторонними ихъ назначенію обязанностями, институтъ фабричныхъ инспекторовъ сталъ рѣшительно мѣнять свою физіономію. Что бы ни говорили,—фактъ возбужденія инспекціей преслѣдованія противъ предпринимателей по 920 протоколамъ при... 31.438 правонарушеніяхъ (1901 г.) съ достаточной опредѣленностью свидѣтельствуетъ о новѣйшей тенденціи въ жизни фабричнаго надзора. Съ другой стороны, основный характеръ дѣятельности долженъ былъ измѣниться параллельно все усиливавшейся зависимости фабричныхъ инспекторовъ отъ другихъ вѣдомствъ, завершившейся Высочайшимъ Повелѣніемъ 30-го мая 1903 г. «о порядкѣ и предѣлахъ подчиненія чиновъ фабричной инспекціи начальникамъ губерній и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ во внутренней организаціи ея». Отнынѣ фабричные инспекторы, находясь въ вѣдѣніи министерства финансовъ, «дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора (градоначальника, оберъ-полиціймейстера)», которымъ предоставляется даже право «требовать отъ чиновъ фабричной инспекціи представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекціи», а въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ отмѣнять противорѣчащія закону и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи» (ст. 5). Такимъ образомъ фабричная инспекція была низведена на степень подчиненной губернскому начальству полицейской «власти».

«Самый принципъ опредѣленія правъ увѣчныхъ волей единоличнаго административнаго органа не даетъ никакихъ гарантій въ правомѣрности его дѣйствій; закономъ создается какъ бы новый видъ земскихъ начальниковъ со смѣшеніемъ административныхъ и судебныхъ функцій, но безъ отвѣтственности за неправильныя рѣшенія. Для правильной постановки вопроса необходимо было бы создать такія формы, при наличности которыхъ не возникло бы нынѣ основательныхъ опасеній, что фабричная инспекція склонна относиться будетъ снисходительно къ интересамъ предпринимателей. Съ этою цѣлью слѣдовало бы создать извѣстное представительство отъ предпринимателей и рабочихъ, и тогда можно быть увѣреннымъ, дѣятельность административнаго учрежденія получила бы совершенно иное направленіе. Такъ, напр., поступили въ Даніи. Рѣшеніе всѣхъ притязаній увѣчныхъ подлежитъ, на основаніи закона объ отвѣтственности предпринимателей, особому совѣту, который состоитъ изъ трехъ назначаемыхъ королевскою властью членовъ (изъ нихъ одинъ долженъ быть врачемъ), двухъ представителей отъ работодателей и двухъ отъ рабочихъ. Совѣту подлежитъ не свидѣтельствованіе соглашеній между предпринимателемъ и рабочимъ, въ которомъ уже должно сказаться извѣстное преобладаніе перваго, а рѣшеніе вопроса о правѣ увѣчнаго, возбуждаемаго при томъ даже не по иниціативѣ послѣдняго: предприниматель обязанъ увѣдомить совѣтъ о происшедшемъ у него несчастіи, и все дальнѣйшее производство уже течетъ не-

зависимо отъ воли той или другой стороны. Такая постановка вопроса и такой составъ «совѣта» исключаютъ всѣ тѣ опасенія, которыя неизбѣжны при передачѣ функцій судьи фабричному инспектору. Законъ 2-го іюня не представляетъ даже гарантій, что основной для выясненія права документъ—протоколъ о несчастномъ случаѣ—не будетъ составленъ во вредъ рабочему, тогда какъ по временнымъ правиламъ 1901 г. протоколъ (или онъ зовется въ правилахъ—дознаніе) составляется при участіи не только полицейской власти и представителя отъ заводоуправленія, но и члена горнозаводскаго попечительнаго приказа, т.-е. рабочаго. По мнѣнію автора «Рабочаго вопроса въ Россіи», самая слабая сторона закона 2-го іюня въ томъ, что онъ представляетъ потерпѣвшимъ слишкомъ мало гарантій дѣйствительно получить даже присужденное имъ вознагражденіе. «Законъ возлагаетъ матеріальную отвѣтственность на владѣльцевъ предпріятія, въ которомъ произошло несчастіе; слѣдовательно, все будущее несчастныхъ калѣкъ зависитъ отъ матеріальнаго благополучія предпринимателя, и если въ его дѣлахъ произойдетъ крахъ, всѣ права увѣчныхъ мигомъ превратятся въ пустой звукъ. Если владѣлецъ предпріятія состоятеленъ, то и въ этомъ случаѣ право увѣчныхъ зависитъ отъ доброй его воли; сколько мытарствъ придется пережить имъ, прежде чѣмъ они получатъ свою пенсію! Чтобы понудить владѣльца къ платежу, въ законѣ установлена одна только карательная мѣра—пеня въ размѣрѣ... 1% въ мѣсяцъ и только при шестимѣсячной просрочкѣ онъ обязуется обезпечить платежи страхованіемъ. Но какими мѣрами можно понудить предпринимателя къ страховкѣ—объ этомъ въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній, потому что... его и нельзя понудить.

Примѣненіе закона должно повлечь за собою извѣстныя жертвы и со стороны предпринимателей, но какъ онѣ ничтожны въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя неизбѣжно выпадутъ на долю живыхъ «отбросовъ» производства; сколько мукъ они переживутъ, сколько слезъ прольютъ, прежде чѣмъ фабричная контора выброситъ имъ нѣсколько рублей; сколько натерпятся они страха, что вотъ-вотъ предпріятіе рухнетъ и своимъ банкротствомъ увлечетъ безслѣдно и ихъ жалкіе гроши. На законъ 2-го іюня мы должны смотрѣть, какъ на временную переходную мѣру, которая—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше—должна уступить свое мѣсто обязательному страхованію. Только съ осуществленіемъ этого страхованія будутъ устранены всѣ недостатки, составляющіе сущность законовъ объ индивидуальной отвѣтственности».

«Недостаточность вновь созданнаго порядка и необходимость обязательнаго страхованія хорошо сознавались и въ правительственныхъ сферахъ. При обсужденіи законопроекта одно изъ министерствъ опредѣленно высказалось, что «цѣль, съ которою проектированъ законъ—матеріальное обезпеченіе рабочихъ и ихъ семействъ на случай неспособности къ труду или смерти, по глубокому его убѣжденію, могла бы быть достигнута съ большимъ успѣхомъ путемъ введенія обязательнаго страхованія рабочихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ правительства; проектированный законъ, по мнѣнію этого вѣдомства, является «лишь скромной попыткой вмѣшательства правительственной власти въ дѣло обезпеченія рабочихъ».

Вполнѣ признавая огромную важность обязательнаго для предпринимателя страхованія рабочихъ, авторъ возражаетъ противъ идеи государственнаго страхованія, такъ какъ по «всѣмъ условіямъ русской общественной жизни,... замѣна союзовъ взаимнаго страхованія... штатомъ безучастныхъ къ дѣлу и незаинтересованныхъ во всей экономической сторонѣ организаціи чиновниковъ, явилась бы съ культурно-политической точки зрѣнія мѣрой, отрицательное вліяніе которой съ избыткомъ перевѣсило бы положительныя стороны института обязательнаго страхованія».

Въ майской книжкѣ «Правды» тотъ же авторъ, М. Лунцъ, подвергаетъ критикѣ инструкціи по примѣненію закона 2-го іюня, вошедшаго въ силу съ 1-го января настоящаго года, несмотря на многочисленныя ходатайства представителей крупной промышленности объ отсрочкѣ его примѣненія. «Къ несчастію,—говоритъ авторъ,—инструкція не оправдала самыхъ скромныхъ ожиданій: все неясное и недоговоренное въ законѣ не получило и въ ней разрѣшенія; тѣ же указанія, которыя ею даны, явились новымъ и серьезнымъ ограниченіемъ сферы дѣятельности новаго закона».

По разъясненію въ инструкціи, новый законъ не распространяется на ремесленныя учрежденія, хотя бы они и были подчинены надзору фабричной инспекціи. Изъ 18.279 заведеній, подчиненныхъ надзору ея, 7.224 принадлежали къ числу имѣющихъ менѣе 20 рабочихъ, и слѣдовательно, по установившейся за послѣдніе годы административной практикѣ, должны быть отнесены въ категорію ремесленныхъ заведеній. Такимъ образомъ не оправдалось самое естественное ожиданіе, что новый законъ будетъ распространенъ на всѣ предпріятія, подчиненныя фабричной инспекціи.

По мнѣнію автора, инструкція не дала никакихъ отвѣтовъ по самымъ главнымъ вопросамъ, оставшимся невыясненными въ законѣ. Такъ, совершенно не выяснено, какими данными должны руководиться чины инспекціи для критической оцѣнки врачебной экспертизы и, слѣдовательно, для опредѣленія матеріальныхъ правъ увѣчнаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; что понимать подъ «грубой неосторожностью», лишающей рабочаго права на вознагражденіе. Въ инструкціи не выяснено, долженъ ли фабричный инспекторъ считать незаконными и потому не утверждать тѣ соглашенія потерпѣвшихъ съ предпринимателями, въ которыхъ, по его мнѣнію, условленное сторонами вознагражденіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительной потерѣ трудоспособности.

«Не беремся сказать, причисляли-ли составители инструкціи и эти случаи къ явнымъ нарушеніямъ закона, но вся исторія закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими, какъ и всего нашего фабричнаго законодательслва вообще, вся дѣятельность органовъ надвора по примѣненію этого законодательства приводитъ къ заключенію, что многія недомолвки въ законѣ и административныхъ распоряженіяхъ не являются случайными и ведутъ на практикѣ къ рѣшительному ограниченію правъ трудящихся. Если соглашенія о вознагражденіи, не отвѣчающемъ степени утраты

трудоспособности потерпѣвшихъ. не признаются явно и существенно нарушающими законъ, то вся дѣятельность инспекціи по примѣненію закона неизбѣжно обратится въ одностороннее покровительство интересамъ капитала: зависимые и юридически неопытные рабочіе не могутъ критически относиться къ вопросу, соотвѣтствуетъ ли предлагаемое предпринимателями вознагражденіе дѣйствительнымъ ихъ правамъ».

Детальную критику новаго закона читатель можетъ найти, кромѣ цитированныхъ въ нашей замѣткѣ статей г. М. Лунца, еще въ статьѣ г. С. Прокоповича («Образованіе», № 3). Г. Прокоповичъ, излагая исторію закона 2-го іюня 1903 г., обращаетъ особенное вниманіе на связь изданія его съ предшествовавшимъ ему распространеніемъ страхованія рабочихъ предпринимателями. Распространеніе въ рабочей средѣ убѣжденія въ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи, все болѣе и болѣе умножавшее число судебныхъ процессовъ по этому поводу—съ одной стороны, измѣненіе въ практикѣ суда, быть можетъ, подъ вліяніемъ фабричныхъ инспекторовъ, обнаруживавшаго все менѣе и менѣе склонности приписывать несчастные случаи неосторожности самихъ потерпѣвшихъ—съ другой, привели въ 1887 г. къ возникновенію страхованія предпринимателей отъ несчастныхъ случаевъ съ ихъ рабочими. Оно избавило фабрикантовъ отъ риска непосильныхъ расходовъ въ случаѣ какого-либо крупнаго несчастія, угрожавшаго иногда самому существованію промышленнаго предпріятія. По свидѣтельству фабричнаго инспектора В. Е. Варзара, въ Эстляндской губерніи «охота страховать своихъ рабочихъ явилась у фабрикантовъ исключительно подъ вліяніемъ нѣсколькихъ спасительно-суровыхъ приговоровъ суда, принудившихъ фабрикантовъ обезпечить крупными суммами или пенсіями семьи рабочихъ, убитыхъ или искалѣченныхъ на фабрикахъ». Разъ возникнувъ на нѣсколькихъ фабрикахъ, страхованіе скоро становится неизбѣжнымъ и для всѣхъ остальныхъ. Въ Одессѣ, по словамъ фабричнаго инспектора А. Микулина, у нѣкоторыхъ фабрикантовъ «всѣ рабочіе застрахованы, и рабочіе эти, переходя въ другія промышленныя заведенія, не соглашаются поступать на работу безъ такого же страхованія», что принуждаетъ и другихъ фабрикантовъ вводить его у себя. Распространеніе страхованія, по мнѣнію г. Микулина, «возможно объяснить лишь проникающимъ въ среду рабочихъ сознаніемъ о возможности таковаго и стремленіемъ, благодаря этому, предпочтительно на тѣ заводы, гдѣ оно примѣняется». Число застрахованныхъ рабочихъ въ 1888 г. было 40.000, въ 1893 г.—143.000, а въ 1902 г.—891.000; страховая сумма каждаго на случай смерти за тѣ же годы увеличилась съ 700 р. до 776 р.; страховая же сумма на случай инвалидности съ 743 р. возросла до 1.103 р.

«Движеніе, начавшееся съ сознанія рабочими своего права на вознагражденіе за всѣ несчастные случаи, обусловленные профессіональною опасностью производства, привело къ утвержденію ихъ естественнаго права первоначально въ формѣ факта, а теперь, съ изданіемъ закона 2-го іюня, въ формѣ положительнаго закона. Законодатель въ этомъ случаѣ шелъ не впереди, а позади

жизни, закрѣпивъ за рабочими тѣ права, которыя признали за нимъ страховыя общества, коммерческія и взаимныя».

Въ 5-ой книжкѣ «Вѣстника Права» помѣщено начало статьи В. К. Агафонова, посвященной нѣкоторымъ сторонамъ университетскаго вопроса. Главными источниками для автора служили сочиненія лицъ, близко стоящихъ или стоявшихъ къ высшему образованію въ Россіи: Н. И. Пирогова и гр. Капниста—бывшихъ попечителей учебнаго округа, А. Классовскаго и В. И. Вернадскаго—профессоровъ университета. Изъ публицистовъ, писавшихъ по университетскому вопросу, авторъ удѣляетъ много вниманія Н. П. Гилярову-Платонову, такъ какъ сборникъ газетныхъ статей его былъ изданъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевымъ.

Характерною особенностью реформъ университетской жизни за послѣдніе 40 лѣтъ, по мнѣнію почти всѣхъ названныхъ авторовъ, было то, что поводомъ къ нимъ всегда служили студенческіе безпорядки.

До 1859 г. типическихъ для настоящаго времени студенческихъ безпорядковъ не было, и университетскія реформы, по мнѣнію г. Агафонова, обусловливались общими политическими соображеніями.

Съ воцареніемъ Александра II были отмѣнены многочисленныя стѣсненія университетской жизни и преподаванія, «и только съ 1859 года студенты подпали внѣ стѣнъ университета обще-полицейскому надзору, а въ маѣ 1861 г. были воспрещены всякія сходки безъ разрѣшенія начальства и отмѣнена форменная одежда. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ осенью того же 1861 г. студенческія волненія начались въ Москвѣ изъ-за изданныхъ министерствомъ правилъ о «матрикулахъ» и впервые приняли весьма значительные размѣры, захвативъ, кромѣ Москвы и Петербурга, многіе другіе университетскіе города; безпорядки вышли на улицы Петербургскій университетъ былъ закрытъ».

«Почему же,—спрашиваетъ авторъ,—студенты не волновались раньше, когда жизнь ихъ была стѣснена, пожалуй, даже больше, чѣмъ въ концѣ 50-хъ и въ 1861 году?» Отвѣтъ на это въ самой обобщенной формѣ авторъ находитъ у Н. И. Пирогова. Вотъ что онъ писалъ въ 1862 г., вскорѣ послѣ окончанія безпорядковъ: «Университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, болѣе, чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени. И нашъ университетъ выражаетъ это еще болѣе чѣмъ всѣ западные... Разумѣется, кто хочетъ по немъ судить о состояніи общества, долженъ имѣть въ виду не одно положительное, но и отрицательное, т.-е. судить не по тому одному, что есть, но и по тому, чего нѣтъ въ университетѣ... Общество видно въ немъ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. Университетъ есть лучшій барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать,—лучше все-таки смотрѣть и, смотря по времени, дѣйствовать. Только тамъ, гдѣ политическія стремленія и страсти проникли глубоко черезъ всѣ слои общества, они не ясно отражаются въ университетѣ. Но чѣмъ болѣе настигаютъ они

общество въ расплохъ, чѣмъ менѣе оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ, тѣмъ сильнѣе выразится его настроеніе въ университетѣ. Во Франціи едва слышно про него во время политическихъ реформъ. Въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ бытъ общества открытъ и установился, студенты живутъ средневѣковою жизнью и не мѣшаются въ политику, предоставивъ ее другой сферѣ; общество не мѣшается въ ихъ коммерши, дуэли и стычки съ кногами. Напротивъ, у насъ, едва повѣяло новою жизнью, едва общество почувствовало новыя стремленія,—и тотчасъ же появились рефлективныя движенія въ униниверситетѣ. Но отражательныя движенія не могли быть цѣлесообразны, и потому они перешли въ безпорядки».

«Такимъ образомъ,—говоритъ В. К. Агафоновъ, — еще съ 1862 г. великій ученый и чуткій педагогъ не сомнѣвался, что причины студенческихъ волненій лежатъ внѣ университета, что ихъ нужно искать въ глубинахъ общественной и государственной жизни, съ которой они связаны тысячами видимыхъ и невидимыхъ нитей».

Всецѣло раздѣляя точку зрѣнія Н. И. Пирогова на причины студенческихъ волненій, авторъ, конечно, не можетъ согласиться съ тѣми писателями, которые главную причину ихъ видятъ въ недостаткахъ университетскихъ уставовъ или въ особыхъ условіяхъ студенческой жизни.

Въ 1869 г. произошли крупныя волненія въ петербургскомъ университетѣ, медико-хирургической академіи и технологическомъ институтѣ; отразились они также и въ кіевскомъ университетѣ. «На безпорядки эти было отвѣчено слѣдующими мѣрами, выработанными особымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ Делянова: 1) затрудненъ переходъ студентовъ изъ одного заведенія въ другое, 2) при назначеніи стипендій предписано обращать вниманіе, не только на успѣхи учащихся, но и на ихъ поведеніе, 3) студентовъ, отлучающихся изъ университетскаго города, увольнять изъ заведенія».

Хорошо освѣдомленный Гиляровъ-Платоновъ писалъ въ октябрѣ 1872 г., что сущность преобразованія университетскаго устава «уже намѣчена, и самый проектъ едва ли не составленъ. Отличительная особенность его, говорятъ, будетъ въ томъ, что самоуправленіе отъ университетовъ отнимается, и не только мѣста ректоровъ, но даже кафедры профессоровъ будутъ наполняться по назначенію отъ министерства». Осенью 1874 г. снова начались сильные безпорядки въ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Совѣщаніе министровъ, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, предполагало, что причины студенческихъ волненій могутъ быть устранены репрессивными мѣрами, которыя, между прочимъ, были узаконены 10 лѣтъ спустя, въ уставѣ 1884 года.

«Въ мартѣ 1878 г. въ Кіевѣ вспыхнули новыя студенческія волненія и захватили всѣ университетскіе города; эти волненія были одни изъ самыхъ продолжительныхъ: они не прекращались почти цѣлый годъ.

«Тогда и профессора взялись съ своей стороны за разсмотрѣніе столь нежелательнаго положенія дѣлъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и совѣтъ петербургскаго университета, по предложенію профессора Фаминцына, приступилъ

къ «теоретическому изученію» причинъ студенческихъ волненій. Вотъ заключенія, къ которымъ пришли профессора петербургскаго университета: «Разсмотрѣвъ подробно жизнь студенчества и его отношенія къ университету и администраціи, совѣтъ находитъ, что ближайшими причинами студенческихъ безпорядковъ являются преимущественно слѣдующія (засѣданіе 29-го декабря 1878): 1) предвзятое, недовѣрчивое отношеніе къ студенчеству, какъ элементу, будто бы по существу своему политически неблагонадежному; 2) значительныя полицейскія стѣсненія студенчества въ его частной жизни, лишающія молодежь не только возможности пользоваться обществомъ товарищей, но даже отнимающія у нея сознаніе личной безопасности; 3) стѣсненное положеніе университетскаго начальства, лишеннаго возможности пользоваться со спокойной совѣстью дисциплинарными мѣрами для прекращенія возникающихъ безпорядковъ, и 4) отсутствіе строгой разборчивости въ производствѣ арестовъ и примѣненіе административныхъ каръ, гибельно дѣйствующихъ на всю будущность молодого человѣка».

Записка петербургскихъ профессоровъ не была одобрена министромъ народнаго просвѣщенія. «Нельзя же было думать, что графъ Толстой способенъ своими руками уничтожить созданную имъ систему. Тѣмъ болѣе нельзя этого было предполагать, что не только въ высшихъ сферахъ, но даже и въ нѣкоторой части общества были убѣждены, что студенческія волненія—дѣло рукъ очень немногихъ неблагонадежныхъ лицъ, случайно находящихся въ университетѣ; стоитъ принять мѣры къ удаленію этихъ элементовъ, и безпорядки исчезнутъ».

«Въ отвѣтъ на волненія 1878 г. была созвана новая коммиссія, снова подъ предсѣдательствомъ Валуева, и затѣмъ выработаны и утверждены инструкціи 1879 г. (26-го октября), упразднявшія университетскій судъ съ выборными судьями-профессорами, устранявшія совѣтъ отъ назначенія стипендій, причемъ это дѣло передавалось всецѣло въ руки инспектора, которому предоставлялось, съ разрѣшенія попечителя, замѣнять выдачу стипендій устройствомъ общежитій для студентовъ подъ непосредственнымъ надзоромъ его и одного изъ его помощниковъ. Вообще эти инструкціи въ значительной степени усиливали власть инспекціи, которая должна была знать ввѣренныхъ ей студентовъ въ лицо и по фамиліи, знать характеръ и наклонность каждаго изъ нихъ, разспрашивать ихъ о родѣ ихъ жизни, занятіяхъ, о ихъ знакомствахъ, посѣщать ихъ квартиры».

Результаты примѣненія новой инструкціи не могли еще выясниться, какъ на постъ министра народнаго просвѣщенія былъ назначенъ А. А. Сабуровъ, и начались новыя вѣянія, чуждыя всему духу этой инструкціи. Безпорядки тѣмъ не менѣе не прекращались: въ концѣ 1880 г. они начались въ Москвѣ, а затѣмъ въ февралѣ 1881 г. въ Петербургѣ. Въ мартѣ 1881 г. Сабуровъ былъ уволенъ. Въ октябрѣ 1882 г. въ петербургскомъ университетѣ снова начались безпорядки, захватившіе и другія высшія учебныя заведенія. «Снова было созвано совѣщаніе министровъ для обсужденія вопроса о томъ, какія общія мѣры могутъ быть приняты къ устраненію на будущее время столь прискорбныхъ явленій». Впервые въ этой коммиссіи было предложено «отдавать

въ дисциплинарные баталіоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для ихъ исправленія». Предложеніе это, вслѣдствіе сильныхъ возраженій представителей военнаго и морского вѣдомствъ (П. С. Ванновскаго и И. А. Шестакова) не прошло. Студенческіе безпорядки продолжались въ 1883 г., а въ 1884 г. былъ утвержденъ новый университетскій уставъ. Изъ книги проф. Клоссовскаго авторъ приводитъ крайне интересную характеристику новаго устава, данную директоромъ департамента министерства народнаго просвѣщенія тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ. «Уставъ этотъ, — говоритъ онъ, — заключалъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для полнаго оздоровленія университетовъ. Новый университетскій уставъ предоставилъ правительственной власти назначеніе всѣхъ профессоровъ, ректора, декана, инспектора и подчинилъ ея вліянію все университетское преподаваніе и ученіе студентовъ; онъ поставилъ въ прямую зависимость отъ нея же назначеніе пособій, стипендій и льготъ относительно платы за ученіе и тѣмъ самымъ внесъ собою всѣ необходимыя условія для оздоровленія въ будущемъ нашихъ университетовъ. Такъ какъ отъ установленія правильныхъ истинно-наставническихъ отношеній профессоровъ къ студентамъ и отъ согласнаго во всемъ съ видами правительства образа дѣйствій профессоровъ зависитъ весь успѣхъ дѣла, ввѣреннаго высшимъ учебнымъ заведеніямъ, то при назначеніи профессоровъ на должности, при повышеніи ихъ изъ экстраординарныхъ въ ординарные и при всякихъ почетныхъ и иныхъ наградахъ, должно быть обращено строжайшее вниманіе не на одни ученыя ихъ качества и заслуги или на даръ изложенія и преподаванія, а столько же на ихъ религіозное, нравственное и патріотическое направленіе и на ихъ способность и готовность быть истинно-доброжелательными руководителями и наставниками юношества. Въ нѣкоторыхъ университетахъ предначертанія устава 1884 г. получили желательное примѣненіе; такъ, напримѣръ, было установлено тщательное наблюденіе за студентами, за посѣщеніемъ ими лекцій, за исполненіемъ ими всѣхъ обязанностей; въ концѣ каждаго полугодія инспекція представляла деканамъ списки относительно правильнаго посѣщенія лекцій; не бездѣйствовалъ также и карцеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ инспекція въ Казани была поставлена въ правильныя отношенія къ общей полиціи и жандармскому управленію, и, какъ кажется, первая напала на слѣдъ такъ называемыхъ «землячествъ». Тѣмъ не менѣе новый уставъ вызвалъ несочувствіе въ средѣ защитниковъ автономіи университетовъ 1863 г. или всѣхъ тѣхъ, кто полагаетъ, что для Россіи нужно не усиленіе, а, напротивъ, ослабленіе правительственной власти, — всѣхъ, кому ненавистны были государственныя и педагогическія идеи М. Н. Каткова, и всѣхъ, наконецъ, по натурѣ своей склонныхъ къ распущенности, къ небрежному исполненію своихъ обязанностей». Таково было заключеніе бывшаго предсѣдателя ученаго комитета А. И. Георгіевскаго, по цитатамъ изъ его записки, приведеннымъ въ упомянутой книгѣ проф. Клоссовскаго.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Женскіе конгрессы въ Берлинѣ. Столица Германіи была въ этомъ году центромъ женскаго движенія всего міра, такъ какъ въ теченіе іюня тамъ происходило пять женскихъ конгрессовъ, которые всѣ вмѣстѣ образовали международный конгрессъ, привлекшій до 6.000 женщинъ, явившихся сюда изъ всѣхъ странъ свѣта.

Первый конгрессъ былъ посвященъ движенію въ пользу избирательныхъ правъ женщинъ и онъ оказался наименѣе многолюднымъ изъ всѣхъ, такъ какъ далеко не всѣ феминистскія группы въ Германіи примыкаютъ къ передовой программѣ такъ называемыхъ «политическихъ женщинъ». Главнымъ ораторомъ на этомъ конгрессѣ была миссъ Сусанна Антони, 84-хъ-лѣтняя американка, посвятившая всю свою жизнь женскому дѣлу. Кромѣ того, она состоитъ въ американскомъ протестантскомъ духовенствѣ и въ силу своего духовнаго званія въ первое же воскресенье она выступила въ качествѣ служителя церкви и въ американской церкви въ Берлинѣ читала евангеліе, произносила обычныя молитвы и говорила проповѣдь, въ которой религія примѣшивалась къ гражданской морали и къ избирательнымъ правамъ женщины. Ей помогала другая американка, Анна Сеганъ, имѣющая права пастора евангелической церкви. Само собою разумѣется, что такая новинка привлекла въ американскую церковь много народа и, вѣроятно, она никогда не была такъ переполнена, какъ въ тотъ день, когда двѣ женщины совершали въ ней богослуженіе.

Изъ докладовъ, прочитанныхъ на этомъ конгрессѣ, общее вниманіе возбудилъ докладъ мистриссъ Добсонъ, делегатки Тасманіи, гдѣ женщины недавно получили избирательныя права. Она съ грустью констатировала, что результаты этого перваго опыта оказались неблагопріятными для женщинъ, такъ какъ тасманскія женщины воспользовались своими правами для того только, чтобы выбирать мужчинъ, между тѣмъ какъ женщины также имѣютъ право быть избранными. Конечно, надо время, чтобы женщины вполнѣ сознали свое равноправіе и воспользовались бы имъ въ полной мѣрѣ. Женщинѣ недостаетъ гражданскаго воспитанія, но, разумѣется, современемъ этотъ пробѣлъ будетъ восполненъ. Еще печальнѣе, по мнѣнію мистриссъ Добсонъ, было то, что дамы изъ общества обнаружили большой индифферентизмъ къ этому дѣлу и ни одна изъ нихъ не приняла участія въ выборахъ и только женщины рабочихъ классовъ клали свои бюллетени въ избирательную урну.

Послѣ этого конгресса происходило собраніе всемірной феминистской лиги, которую обыкновенно обозначаютъ иниціалами I. C. W. (International Conceil of Women). Собранія этой лиги, къ которой принадлежатъ болѣе семи милліоновъ женщинъ, бываютъ каждое пятилѣтіе, и въ Берлинѣ они предшествовали собственно международному конгрессу. Одно изъ засѣданій было посвящено вопросу мира, причемъ главной ораторшѣ на этомъ засѣданіи, баронессѣ Зутнеръ, была устроена восторженная овація.

На международномъ конгрессѣ собрались представительницы не менѣе семи милліоновъ женщинъ разныхъ странъ и ровно половина членовъ конгрессовъ

(3.000) были иностранки. Большую сенсацію произвело появленіе среди референтокъ негритянки, которая прочла на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ докладъ о положеніи цвѣтныхъ женщинъ. Миссъ Мери Чёрчъ-Терилль—такъ звали докладчицу—состоитъ въ Вашингтонѣ почетнымъ президентомъ національнаго союза цвѣтныхъ женщинъ. «Я обязана войнѣ 1861 года, между южными и сѣверными штатами,—сказала она,—тѣмъ, что нахожусь здѣсь, среди васъ, а не на какой-нибудь плантаціи южныхъ штатовъ, въ цѣпяхъ рабства. Я—единственная женщина на этомъ конгрессѣ, являющаяся представительницей такой расы, которая стала свободной не болѣе сорока лѣтъ тому назадъ. Мои родители еще были рабами. Во времена же нашего рабства было даже запрещено учить насъ, и мы не смѣли имѣть никакой собственности. Даже наше собственное тѣло намъ не принадлежало! Но и теперь, когда мы стали уже свободными, намъ приходится бороться съ ужасными предразсудками. Наше движеніе впередъ совершается съ величайшими затрудненіями, но тѣмъ не менѣе цвѣтныя женщины уже достигли большихъ успѣховъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Цвѣтныхъ женщинъ можно теперь встрѣтить среди слушательницъ самыхъ знаменитыхъ университетовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ лучшихъ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и часто онѣ кончаютъ курсъ съ отличіемъ. Многія изъ нихъ достигли уже академическихъ степеней и такимъ образомъ разрѣшили въ положительномъ смыслѣ вопросъ о способностяхъ цвѣтныхъ женщинъ. Но уже раньше цвѣтныя женщины доказали, что онѣ одарены не менѣе своихъ бѣлыхъ сестеръ. Въ 1883 году появилась книга, заключавшая въ себѣ стихотворенія на тему о нравственности и религіи, написанныя негретянкой, Филлой Гретлей, которая была привезена въ Америку на невольничьемъ кораблѣ, восьмилѣтнею дѣвочкой, а въ 17 лѣтъ уже превосходно владѣла англійскимъ и латинскимъ языками. Съ тѣхъ поръ цвѣтныя женщины не разъ доказывали свою способность къ литературѣ, также какъ и въ области изящныхъ искусствъ. Наши дѣвушки, обучающіяся въ лучшихъ консерваторіяхъ музыкѣ, часто получаютъ высшіе дипломы. У насъ есть уже адвокаты среди нашихъ женщинъ, зубные врачи, учительницы, не говоря уже объ другихъ профессіяхъ и мастерствахъ, въ которыхъ цвѣтныя женщины занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто. Но за границей, къ сожалѣнію, больше знаютъ и слышатъ о недостаткахъ цвѣтныхъ женщинъ, нежели объ ихъ качествахъ и добродѣтеляхъ. Увѣряю васъ, что чернокожій вовсе не такъ черенъ, какъ его обыкновенно изображаютъ! Что касается толковъ о безнравственности цвѣтныхъ женщинъ, то, безъ сомнѣнія, тутъ заключается много преувеличеній. Но надо помнить все-таки, что законы и общественное мнѣніе не ограждаютъ молодость и невинность негритянки въ такой степени, какъ бѣлой женщины. И тѣмъ не менѣе, я все-таки утверждаю, что безнравственность негритянокъ ничуть не больше, чѣмъ безнравственность другихъ женщинъ, живущихъ въ такихъ же условіяхъ. Вѣдь намъ приходится и теперь еще вести очень тяжелую борьбу! Однако, уже то, что цвѣтныя женщины принимаютъ такое живое участіе въ стремленіяхъ своей расы къ регенераціи, указываетъ на ихъ способность ле-

лѣять въ душѣ высшіе идеалы. Нашъ національный союзъ, насчитывающій 10.000 членовъ, представительницей которыхъ я здѣсь являюсь, посвящаетъ свое главное вниманіе и заботы національному воспитанію. Мы устраиваемъ дѣтскіе сады, ясли, профессіональныя школы, пріюты для павшихъ дѣвушекъ и разныя другія благотворительныя учрежденія. Такой народъ, женщины котораго проникнуты сознаніемъ своего долга, ни на минуту не долженъ отчаяваться въ своей судьбѣ».

Эти заключительныя слова рѣчи чернокожей ораторши были покрыты восторженными аплодисментами, также какъ и ея заявленіе признательности президенту Рузвельту, отъ лица всѣхъ негритянокъ, какъ истинному другу цвѣтной расы.

Остальные доклады на международномъ конгрессѣ вращались около обычныхъ вопросовъ—воспитанія женщины, материнства, ея положенія въ семьѣ и обществѣ и т. д. Леди Эбердонъ прочла докладъ «О женщинѣ, какъ соціальной воспитательницѣ», и о заработной платѣ женщинъ, а леди Маржори Гординъ—о женщинахъ въ англійской литературѣ. Елена Ланге много распространялась о значеніи умственнаго развитія и расширенія познаній для женщины даже въ области ея прямого призванія, т.-е. материнства. Но самое большое сочувствіе вызвала своею рѣчью писательница Адель Гергардъ, которая возстала противъ крикливыхъ, ходячихъ фразъ, что умственная дѣятельность женщины препятствуетъ материнству и возражала по существу гг. Мебіусу и К°, утверждавшимъ это въ своихъ научныхъ трудахъ. Она закончила свою рѣчь заявленіемъ, что если даже новая женщина и не можетъ теперь такъ всецѣло отдаваться своему материнству, какъ мать прежнихъ временъ, то все же возвышенное пониманіе жизни и пріобрѣтеніе политическихъ и соціальныхъ интересовъ, дѣлая ее богаче въ умственномъ отношеніи, въ то же время и даетъ ей возможность съ большимъ успѣхомъ удовлетворять разностороннимъ образомъ тѣмъ требованіямъ, которыя ставитъ ей жизнь.

Послѣ международнаго конгресса происходилъ еще конгрессъ германскихъ феминистскихъ обществъ и собраніе германоизраилитской женской лиги. Германскія газеты, конечно, напечатали цѣлый рядъ сочувственныхъ статей конгрессу, а его делегатки удостоились разныхъ знаковъ вниманія, какъ со стороны Бюлова, который угощалъ ихъ чаемъ и сандвичами, такъ и со стороны другихъ министровъ и даже самой императрицы, принимавшей ихъ у себя, такъ что можно подумать, видя такую любезность, что женскій вопросъ въ Германіи находится въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Но... «наружность обманчива» и несмотря на свои медовыя рѣчи, гг. верховныя законодатели Германіи продолжаютъ свою борьбу со стремленіями женщины хоть нѣсколько расширить свои права.

Обструкція въ капскомъ парламентѣ. — Религіозный расколъ среди буровъ. Послѣдняя сессія капскаго парламента закончилась послѣ очень долгихъ и бурныхъ дебатовъ, снова выдвинувшихъ на сцену расовую борьбу и показавшихъ въ новомъ свѣтѣ парламентскіе нравы

этой автономной колоніи. Какъ извѣстно, послѣдніе выборы доставили англосаксонцамъ большинство, но столь незначительное, что англосаксонская партія, носящая громкое названіе «прогрессистской», не можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ, если новое министерство Джемсона не проведетъ въ парламентѣ новый избирательный законъ, который долженъ увеличить число полномочій, получаемыхъ англосаксонцами въ капской области. Понятно, что африкандерская партія, являющаяся представительницей голландской расы, выказала сильнѣйшую оппозицію этому законопроекту и впервые прибѣгла къ европейской системѣ, т.-е. къ обструкціи, которая, въ свою очередь, повела за собою парламентскій «coup d'etat». А именно: такъ какъ засѣданіе парламента продолжалось болѣе сутокъ безъ перерыва, то президентъ, сэръ Биссетъ Берри, потерявъ терпѣніе, объявилъ закрытіе преній и голосованіе. Только благодаря этому способу добавочный билль къ избирательному закону прошелъ большинствомъ 42 голосовъ противъ 34 и этимъ, вѣроятно, положилъ начало новой главѣ въ исторіи борьбы двухъ расъ, англосаксонской и голландской въ южной Африкѣ.

Согласно избирательному закону въ Капѣ, каждый избиратель колоній, будь онъ бѣлой, черной или даже желтой расы, получаетъ право голоса на выборахъ послѣ годового пребыванія въ колоніи, если только онъ обладаетъ имуществомъ на сумму въ 1.625 франковъ или заработкомъ въ 1.500 фр. и если онъ въ состояніи подписать свое имя и написать свой адресъ. Война, разорившая буровъ, принесла неграмъ благосостояніе, такъ что скоро почти все чернокожее населеніе Капа будетъ удовлетворять условіямъ избирательнаго ценза въ имущественномъ отношеніи. Что же касается образованія, то это будетъ сдѣлано школами и возможно, что черезъ нѣсколько лѣтъ негры избиратели займутъ преобладающее мѣсто въ южной Африкѣ. Такимъ образомъ. Джемсонъ, своимъ избирательнымъ закономъ, призываетъ къ политической жизни все чернокожее населеніе южной Африки. Теперь уже 93.000 маленькихъ негровъ обучаются въ школахъ южной Африки, число же бѣлыхъ дѣтей въ школахъ всего 60.000. Пожалуй, современемъ черный цвѣтъ будетъ преобладающимъ въ капскомъ парламентѣ, и бѣлые элементы вынуждены будутъ уступить ему главное мѣсто. Вѣроятно, это предвидѣніе и заставило лорда Грея сказать недавно въ парламентѣ: «Въ южной Африкѣ меня пугаютъ не желтые, а черные!» Только благодаря поддержкѣ черныхъ членовъ и удалось англосаксонской партіи восторжествовать въ парламентѣ надъ обструкціей африкандеровъ. Но, конечно, эта поддержка оказывается не даромъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ бурской церкви произошелъ расколъ, вызванный ея отказомъ снова принять въ число своихъ членовъ такъ называемыхъ «National Scouts», т.-е. буровъ, сражавшихся подъ знаменами англичанъ въ послѣднюю войну. Само собою разумѣется, что буры, сражавшіеся за свою родину до послѣдней капли крови, не въ состояніи простить такой измѣны своимъ товарищамъ, но расколъ имѣлъ бы чисто мѣстный интересъ, еслибъ не нѣкоторыя послѣдствія его и не то, что этотъ конфликтъ,

возникшій, повидимому, въ области церковныхъ вопросовъ и интересовъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе умовъ среди бурской націи. Чтобы понять хорошенько то, что теперь происходитъ, надо бросить взглядъ назадъ, ко времени уступки Англіи голландской колоніи Капа и началу бурскихъ трековъ. Врядъ ли буры могли бы такъ стойко перенести тогда всѣ бѣдствія, которыя на нихъ обрушились, еслибъ они не сгруппировались вмѣстѣ и не нашли бы точки опоры въ то время, когда казалось, все кругомъ нихъ рушилось. Этою точкою опоры было не правительство, а церковь. Каждый буръ былъ членомъ церкви и рѣшеніе старостъ этой церкви почиталось священнымъ и непреложнымъ, такъ что среди буровъ господствовала самая строгая дисциплина. Впослѣдствіи, когда образовалось правительство, оно стало управлять народомъ рука объ руку съ церковью и никакого спора и разлада между свѣтскою и духовною властью не происходило; онѣ дѣйствовали всегда вмѣстѣ, всегда заодно. Теперь же, когда буры потеряли свою независимость и свое собственное правительство, то они еще тѣснѣе сгруппировались около своей церкви.

Отвергнутые бурскою церковью, «National Scouts» созвали въ декабрѣ прошлаго года, во Влаклаагте, собраніе, съ цѣлью организовать свою собственную, новую церковь, независимую отъ прежней.

Школы для журналистовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ открывается въ недалекомъ будущемъ высшая школа журналистовъ по иниціативѣ Джозефа Пулицера, издателя газеты «New-York World», пожертвовавшаго два милліона долларовъ университету Колумбія на устройство этой школы. Первый милліонъ уже выданъ, второй же будетъ полученъ высшею школою журнализма лишь послѣ того, какъ она просуществуетъ три года и будетъ имѣть успѣхъ. Административный совѣтъ университета Колумбія принялъ на себя устройство школы и тотчасъ же постановилъ истратить полмилліона на постройку великолѣпнаго новаго зданія, гдѣ будетъ помѣщаться новый журналистскій факультетъ. Для выработки программы была избрана коммиссія изъ восьми человѣкъ, во главѣ которой находится ректоръ университета, профессоръ Буттлеръ, и послѣ продолжительныхъ дебатированій этого вопроса былъ выработанъ слѣдующій планъ занятій на новомъ факультетѣ:

1) Администрація газеты; ея организація, дѣятельность издателя, экспедиція, отдѣленіе объявленій, редакція и отдѣленіе репортерской службы. Организація мѣстной службы и иностранныхъ извѣстій, политической, литературной и финансовой части; отдѣлъ спорта и другіе спеціальные отдѣлы. Финансовая часть.

2) Производство газеты; печатныя машины, краски, бумага, стереотипы и электротипы, шрифтъ и машины для набора, печатаніе рисунковъ, фальцованіе, брошюровка и почтовая пересылка печатныхъ вещей.

3) Юридическія права печати: права основателя газеты; процессы за клевету и уголовныя и гражданскія послѣдствія этихъ процессовъ; права и обязанности печати въ области репортерской службы. Поведеніе издателей, редакторовъ, репортеровъ и не принадлежащихъ къ штату редакціи сотрудниковъ.

4) Этика журнализма. Истинное значенiе гласности и отвѣтственность публициста передъ общественнымъ мнѣнiемъ. Насколько репортеры должны подчиняться взглядамъ редакцiи и собственника газеты? Отношенiя между издателемъ, редакторомъ и репортерами и свобода мнѣнiй.

5) Исторiя печати, со спецiальнымъ обзоромъ законовъ, касающихся печати и введенiя свободы печати.

6) Литературныя формы печати.

Кромѣ этихъ спецiальныхъ предметовъ, на курсахъ будутъ устроены практическiя занятiя и упражненiя въ писанiи газетныхъ статей на разныя темы, историческiя, географическiя, юридическiя, политико-экономическiя, финансовыя и другiя. Лица, прослушавшiя полный курсъ на этомъ факультетѣ и сдавшiя экзаменъ, могутъ получить званiе магистра или доктора журнализма и соотвѣтствующiй этому дипломъ.

Хотя школа еще не открыла своихъ дѣйствiй, но ея идея уже подверглась нѣкоторой критикѣ. Пулицеръ возражаетъ на эту критику въ своей статьѣ, напечатанной въ «North American Review». Онъ предсказываетъ, что этотъ вѣкъ будетъ свидѣтелемъ развитiя школъ журнализма, которыя будутъ распространены повсемѣстно, совершенно также, какъ и другiя спецiальныя высшiя школы, юридическiя и медицинскiя. Школа журнализма имѣетъ цѣлью повышенiе нравственнаго значенiя журнализма. Необходимо внушать студентамъ школы журнализма, что они, прежде всего, должны позаботиться о выработкѣ твердыхъ убѣжденiй и что это именно составляетъ высшiй принципъ журналистики, котораго она должна держаться. Конечно, Пулицеръ признаетъ, что никакая коллегiя не можетъ создать способностей тамъ, гдѣ ихъ не существуетъ; но она дастъ правильное направленiе и разовьетъ природные таланты и врожденныя качества, которыя должны будутъ крѣпнуть въ атмосферѣ коллегiи. Затѣмъ эта же коллегiя будетъ способствовать развитiю нравственнаго мужества и высшаго сознанiя профессiональнаго долга при неуклонномъ слѣдованiи своимъ убѣжденiямъ.

Самъ Пулицеръ проработалъ около сорока лѣтъ въ журналистикѣ и считаетъ эту профессiю одной изъ самыхъ благородныхъ. «Печать—великая сила,— говоритъ онъ—но только она должна стоять на высотѣ идеала и тогда она можетъ претендовать на роль руководительницы общества и оказывать на него высокое нравственное влiянiе. Журналистъ долженъ быть всесторонне образованнымъ человѣкомъ и особенно хорошо долженъ знать исторiю, законы и политику. Но главное—онъ долженъ обладать высоко развитымъ нравственнымъ чувствомъ, мужествомъ, гуманностью, неподкупностью и горячею симпатiею къ угнетенному и страдающему человѣчеству. Онъ долженъ быть преданъ общественному дѣлу и стремиться приносить пользу обществу своею дѣятельностью».

Для изученiя практической стороны, при школѣ будетъ издаваться газета и студенты будутъ учиться на этой газетѣ редакторскимъ обязанностямъ, репортерскому дѣлу, будутъ писать статьи, критическiя замѣтки и читать коректуру. Все это будетъ происходить подъ наблюденiемъ профессора. Студенты

будутъ писать статьи на заданныя темы и лучшія изъ нихъ будутъ напечатаны въ школьной газетѣ.

Въ Швейцаріи, при цюрихскомъ университетѣ, по почину профессоровъ философскихъ и политическихъ наукъ, Губера, Геркнера, Фрея и Беца были открыты спеціальные курсы для журналистовъ. Учрежденіе отдѣльнаго факультета сочли лишнимъ, такъ какъ большинство наукъ, необходимыхъ для журналиста входятъ въ программу уже существующихъ факультетовъ. Спеціальныя же лекціи читаются только по исторіи печати, техникѣ печатнаго дѣла и законодательству, относящемуся къ печати. Кромѣ того, учреждены практическія занятія по журнализму. Въ будущемъ имѣется въ виду пригласить для руководства этими занятіями одного изъ извѣстныхъ цюрихскихъ редакторовъ, д-ра Ветштейна, который уже раньше читалъ лекціи по этому предмету и устраивалъ у себя практическія упражненія. Экзамены и испытанія по спеціальнымъ предметамъ признаны лишними, такъ какъ студенты всегда могутъ, если захотятъ, получить докторскую степень на любомъ изъ другихъ факультетовъ.

Французская военная реформа. Съ тѣхъ поръ, какъ французская республика энергично повела борьбу съ клерикализмомъ, въ ней снова повѣяло духомъ реформъ. Клерикализмъ вдвойнѣ оказался вреднымъ для третьей республики. Во-первыхъ, онъ очень ловко и умно пользовался разногласіями, существовавшими въ республиканскомъ лагерѣ, и во-вторыхъ, онъ съумѣлъ проникнуть всюду, въ администрацію, суды, войско, флотъ и школы. Но лишь тогда, когда республиканцы, подъ руководствомъ Вальдека Руссо, образовали сильную и сплоченную правительственную партію, возможна сдѣлалась борьба съ клерикализмомъ, у котораго и стали постепенно отнимать одну позицію за другой. Лишивъ клерикализмъ его могущества, республиканцы могли возобновить свою прежнюю политику реформъ, которая цѣлыхъ двадцать лѣтъ не двигалась съ мѣста. Господство клерикализма поддерживало реакцію и застой и въ корнѣ подрывало всѣ стремленія къ прогрессу; теперь же, два послѣдніе министерства, Вальдека Руссо и Комба, привели въ исполненіе за короткое время больше реформъ, чѣмъ десять предшествующихъ министерствъ.

Въ данный моментъ французскій парламентъ озабоченъ военною реформою, главнымъ ядромъ которой является введеніе двухлѣтняго срока службы. Уменьшеніе военнаго бремени давно уже занимаетъ мѣсто въ ряду требованій республиканцевъ, и еще Гамбетта формулировалъ его въ 1869 г., настаивая на введеніи системы милиціи. Война 1870 года и ея результаты не благопріятствовали, однако, такой реформѣ и, наоборотъ, вызвали чрезвычайное усиленіе военнаго бремени. Конечно, сначала думали, что выгоднѣе всего будетъ цѣликомъ перенять систему побѣдителей и это было сдѣлано, но результатами не остались довольны. Во Франціи хотѣли непремѣнно быть сильнѣе Германіи и поэтому нормировали дѣйствующій составъ арміи выше, чѣмъ въ Германіи. Между тѣмъ, Франція, вслѣдствіе незначительнаго прироста населенія, числен-

ность котораго была въ то время на 20 милліоновъ меньше численности германскаго населенія, могла достигнуть желательной цифры рекрутскаго набора, только понизивъ свои требованія относительно силы и здоровья рекрутъ и повысивъ число одногоднихъ вольноопредѣляющихся. Но даже и при такихъ условіяхъ численность дѣйствующаго состава арміи только на бумагѣ достигала требуемой цифры и къ тому же такая система имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что войска были неодинаково обучены и ихъ состояніе здоровья было хуже. Относительно послѣдняго пункта военный министръ, еще недавно, сдѣлалъ довольно неутѣшительныя сообщенія въ палатѣ, подтвержденныя затѣмъ статистическими данными. Смертность и болѣзни во французской арміи оказываются на 198% выше, чѣмъ въ Германіи, и въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1882 по 1901 годъ французская армія потеряла 67.000 человѣкъ отъ различныхъ болѣзней и главнымъ образомъ туберкулёза, тифа и т. п., между тѣмъ какъ Германія, въ этотъ же промежутокъ времени, потеряла только 25.000. Причины такого плохого санитарнаго состоянія французскаго войска надо искать въ томъ, что въ ряды его зачисляется слишкомъ много такихъ молодыхъ людей, которые, вслѣдствіе слабости своего здоровья, не въ состояніи вынести тяжести военной службы и либо умираютъ раньше отбытія службы, или же увольняются съ разбитымъ здоровьемъ и нося уже въ своемъ организмѣ зародышъ смертельной болѣзни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Фрейсинэ обратилъ вниманіе сената на такое ненормальное положеніе вещей и доказывалъ, что необходимо положить конецъ нелѣпому соперничеству съ Германіей относительно численности войска, такъ какъ все равно невозможно идти ровнымъ шагомъ съ нею въ этомъ отношеніи. Безъ сомнѣнія, будетъ лучше и полезнѣе обратить главное вниманіе на крѣпость и силу войска и хорошее обученіе, нежели добиваться извѣстной численности, не обращая вниманія на матеріалъ. Другіе вліятельные политики республиканской партіи поддерживали этотъ взглядъ и такимъ образомъ былъ выработанъ законопроектъ, сокращающій срокъ военной службы до двухъ лѣтъ и отмѣняющій всѣ исключенія, а также одногоднихъ вольноопредѣляющихся. Этотъ законопроэктъ сохранялъ демократическій принципъ равныхъ правъ и обязанностей и достигалъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія военнаго бремени. Дополнительными пунктами законопроэкта устанавливается, во-первыхъ, налогъ на освобожденныхъ отъ военной службы и, во-вторыхъ, государственная поддержка, оказываемая семьямъ, лишившимся своего кормильца, вслѣдствіе зачисленія его на военную службу.

Само собою разумѣется, что проектъ военной реформы встрѣчаетъ ярыхъ противниковъ, особенно среди милитаристовъ, возстающихъ противъ какого бы то ни было сокращенія срока военной службы, опасаясь, что это поведетъ къ ослабленію военнаго духа. Консерваторы также противятся сокращенію срока военной службы, потому что въ новомъ законѣ они подозрѣваютъ переходную ступень къ демократической милиціонной системѣ и уже поэтому возстаютъ противъ него. Но и среди радикаловъ и соціалистовъ находятся также противники законопроекта, считающіе его слишкомъ умѣреннымъ и желающіе болѣе прямого перехода къ милиціонной системѣ. Наконецъ, всѣ тѣ классы,

которые пользовались до сихъ поръ привилегіей одногодней службы, также недовольны законопроектомъ. Конечно, поэтому, нѣтъ недостатка во всевозможныхъ контръ-проектахъ, добавленіяхъ и поправкахъ, которыя внесены въ палату, но самое сильное сопротивленіе встрѣчаетъ все-таки отмѣна одногоднихъ вольноопредѣляющихся и большинство предсказываетъ, что правительство будетъ все-таки вынуждено сдѣлать въ этомъ отношеніи уступки.

Странствующій театръ для пропаганды идеи мира. Одинъ французскій писатель, «Stefane-Pol», разсказываетъ въ журналѣ «Revue» объ интересной попыткѣ, сдѣланной имъ въ Нимѣ, гдѣ происходилъ національный конгрессъ мира. Организаторы этого конгресса были очень озабочены придумываніемъ какого-либо развлеченія, которое могло бы служить отдохновеніемъ для ума, послѣ длинныхъ теоретическихъ разсужденій во время засѣданій и въ своихъ поискахъ набрели на мысль устроить театральное представленіе. Но, конечно, для этого нужно было найти пьесу, идея которой отвѣчала бы цѣлямъ пропаганды мира, что и было сдѣлано. Какъ разъ передъ этимъ авторъ статьи напечаталъ въ «Bibliothèque pacifiste internationale» драму, которая была проникнута антимилитаристскимъ духомъ и чрезвычайно рельефно изображала ужасы войны и поэтому вполнѣ подходила для цѣлей конгресса. На ней-то и остановился выборъ и тотчасъ же была организована труппа любителей изъ членовъ конгресса. Несмотря на большія старанія со стороны организаторовъ, на огромныя усилія и хорошую, тщательную постановку пьесы, которая должна была пропагандировать идею мира, все-таки участники испытывали сильнѣйшее волненіе передъ открытіемъ занавѣса. Какъ отнесется публика къ пьесѣ, къ ея идеѣ и реальности изображеній? Вопросы эти волновали автора пьесы не меньше актеровъ, но пьеса имѣла успѣхъ, превзошедшій всѣ ожиданія. Зрители тѣснились въ большомъ залѣ, неистово апплодировали высказываемымъ со сцены теоріямъ и малѣйшія фразы вызывали энтузіазмъ. Когда же слухъ объ этомъ успѣхѣ распространился при помощи печати, то разные маленькіе города по сосѣдству обратились къ организаціонному комитету ассоціацій «La Paix par le Droit», съ просьбою поставить и у нихъ эту драму. Въ нѣкоторыхъ городахъ даже нарочно устроили залы для этого представленія, твердо увѣренные въ успѣхѣ и встрѣтили артистовъ-пропагандистовъ самымъ восторженнымъ образомъ. Этотъ успѣхъ и заставляетъ автора думать, что можетъ народиться новое искусство и театръ будущаго, сдѣлавшись соціальнымъ, будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ пропаганды и будетъ существовать для народа и заниматься имъ. «Я хотѣлъ представить въ своей пьесѣ,—говоритъ авторъ,—нелѣпость и въ то же время вредъ войны. Я изобразилъ сначала миръ, во всей его сверкающей красотѣ, среди плодоносныхъ полей, залитыхъ солнцемъ, — поселянъ, въ праздничной одеждѣ, души которыхъ были преисполнены радостью. Но вотъ, во второмъ актѣ война начинаетъ свое страшное дѣло разрушенія, подъ звуки молитвъ и священныхъ гимновъ и стоны и вопли раненыхъ и умирающихъ. Въ третьемъ актѣ публикѣ указывается, во что превращаетъ война людей: истерическое состояніе,

порождаемое битвой, дѣлаетъ ихъ безумными или преступными. Эти истины часто повторялись людямъ, но подтвержденіе ихъ посредствомъ реальнаго изображенія на сценѣ производило гораздо болѣе сильное впечатлѣніе. Четвертый актъ имѣетъ цѣлью еще болѣе подкрѣпить это впечатлѣніе, но заключительною нотою является гимнъ мира, который служитъ подтвержденіемъ надежды на то, что царство силы должно будетъ уступить мѣсто царству справедливости и мира»...

Этотъ первый удачный опытъ пропаганды идей мира съ театральныхъ подмостковъ, — по словамъ автора, — вызвалъ многочисленныя подражанія на югѣ Франціи. Авторъ указываетъ, что въ этой пропагандѣ заключается болѣе чистый и болѣе здоровый источникъ драматическаго искусства, нежели всѣ тѣ обычныя темы, которыя служатъ матеріаломъ для пьесъ, даваемыхъ въ общедоступныхъ театрахъ. Исходя изъ этой идеи, авторъ предлагаетъ слѣдующее: авторы драматическихъ произведеній должны стремиться къ тому, чтобы возбудить интересъ публики, не къ бѣдствіямъ и несчастіямъ какого-нибудь частнаго лица, хотя бы это былъ образецъ всякихъ добродѣтелей, а къ худшимъ катастрофамъ, порокамъ и язвамъ, которыя губятъ цѣлые народы и производятъ ихъ дезорганизацію. Но недостаточно, конечно, однихъ авторовъ; необходимо найти такихъ артистовъ, профессіональныхъ или любителей, которые согласились бы посвятить себя такому великому дѣлу. Такой театръ «пропаганды мира», конечно, долженъ быть странствующимъ, долженъ переѣзжать изъ города въ городъ и вездѣ давать представленія. Во всякомъ случаѣ любители-актеры города Нима показали, что эту идею не трудно осуществить.

Государство Конго на скамьѣ подсудимыхъ. Въ Лондонѣ состоялся очень многолюдный митингъ, устроенной съ цѣлью выразить протестъ общественнаго мнѣнія Англіи противъ администраціи государства Конго. Въ тотъ же день происходили также пренія въ парламентѣ по вопросу о дѣйствіяхъ администраціи Конго. Сэръ Чарльзъ Дилькъ, въ очень горячей рѣчи, представилъ цѣлую картину злодѣяній правительства Конго; рабство, принудительная работа, притѣсненія и жестокости—вотъ обычные способы, къ которымъ прибѣгаетъ правительство въ своей системѣ администраціи страны. Такъ какъ державы, подписавшія берлинскій трактатъ, не желаютъ, повидимому, вмѣшиваться въ это дѣло, прибавилъ Дилькъ, то пусть дѣйствуетъ Англія, совмѣстно съ Соединенными штатами и постарается прекратить безобразныя дѣянія, ложащіяся позорнымъ клеймомъ на европейскую цивилизацію.

Въ послѣднее время, дѣйствительно, стали появляться въ европейской печати разоблаченія возмутительныхъ поступковъ европейскихъ администраторовъ Конго, возбудившія, въ концѣ концовъ, сильнѣйшее негодованіе англійскаго общественнаго мнѣнія, настоятельно требующаго теперь вмѣшательства Англіи. Это искусственное, «независимое» государство, организованное международною конференціею въ Берлинѣ, въ 1885 году, является настоящею аномаліею среди другихъ государствъ, такъ какъ оно оказалось созданнымъ, все цѣликомъ, для выгоды только одного человѣка, въ рукахъ котораго сосредоточивается

теперь вся государственная власть. Послѣ ожесточеннаго соревнованія, происходившаго въ Конго между представителемъ интересовъ Франціи Браццой и Стэнли, уполномоченнымъ бельгійскаго короля Леопольда, была, наконецъ, созвана международная конференція, которая и создала нѣчто еще совершенно новое въ области международнаго права, а именно: колонію, безъ метрополіи, и поставила эту колонію подъ неограниченную верховную власть конституціоннаго короля Леопольда,—короля страны, конституція которой запрещаетъ ей имѣть заокеанскія владѣнія. Эта первая аномалія повела за собою другія. Въ 1889 году король, въ своемъ завѣщаніи, передавалъ свои права бельгійскому королевству, а затѣмъ въ 1890 г. территоріи Конго были объявлены неотчуждаемыми и заключена конвенція, которая давала право присоединить Конго къ бельгійскому королевству по прошествіи десяти лѣтъ со дня заключенія трактата. Такимъ образомъ, бельгійскій король постепенно превратился въ неограниченнаго властителя «независимаго государства». Первоначально, когда Конго былъ открытъ для всѣхъ націй, Биконсфильдъ, въ 1876 г. поручилъ коммодору сэру Уильяму Гевету, заключить договоръ съ туземными вождями, съ цѣлью гарантировать свободу торговли, которая тогда, до появленія Чэмберлена, считалась основою британскаго величія и могущества. Въ 1882 г. король Леопольдъ громогласно заявилъ, что его единственная цѣль—это открытіе Африки для торговли всѣхъ націй и для цивилизаціи. Акты берлинской конференціи были составлены согласно этимъ торжественнымъ заявленіямъ короля Леопольда. Всѣ монополіи, всѣ привилегіи, какого бы то ни было рода въ области торговли, были строго воспрещены протоколомъ конференціи. Дополнительныя конвенціи подтвердили международный договоръ, на основаніи котораго всѣ націи, одинаково, получили право покупать, продавать или брать въ аренду земли, совершенно свободно и безъ всякихъ затрудненій. Предполагалось создать въ Конго образцовое государство, которое могло бы послужить примѣромъ для другихъ и гдѣ избытокъ энергіи всѣхъ націй находилъ бы примѣненіе. Предполагалось также, что создавая въ центрѣ черкаго континента, среди племенъ людоѣдовъ и ужасовъ рабства, молодое, цивилизованное государство, удастся постепенно распространить оттуда цивилизацію и европейскую культуру на всѣ прилегающія области. Изъ Конго, какъ изъ центра, исходили бы лучи, которые должны были проникнуть въ дебри дѣвственныхъ лѣсовъ Африки. Однимъ словомъ, надеждъ и ожиданій было много, но оправдались ли они? Теперь Конго обвиняется въ томъ, что произвольно нарушилъ самыя основныя условія своего существованія, отдалъ свои земли и свою производительность въ полное и безусловное владѣніе короля и предоставилъ монополію всякихъ коммерческихъ сдѣлокъ девяти компаніямъ, пользующимся концессіями. Эти компаніи окончательно убили иностранную торговлю въ Конго. Что же касается покровительства туземцамъ, о которомъ такъ много говорилось на берлинской конференціи, то и въ этомъ отношеніи Конго обвиняется, что оно обмануло «цивилизованное человѣчество». Безчисленное множество документовъ, миссіонерскихъ донесеній, частныхъ писемъ и донесеній различныхъ коммерсантовъ, чиновниковъ, торговцевъ самымъ вопіющимъ обра-

зомъ обвиняютъ правительство въ томъ, что оно вводитъ каторжныя работы, зачисляетъ въ свои войска людоѣдовъ и отправляетъ ихъ грабить мирное населеніе, вымогая, путемъ насилій и жестокостей, уплату непомѣрно высокихъ налоговъ, которыми оно обложило чернокожее населеніе. Разсказы о тѣхъ жестокостяхъ, которыя совершаются въ Конго, вызываютъ содроганіе; напр., одинъ очевидецъ разсказываетъ, что въ одномъ только отгороженномъ пространствѣ онъ насчиталъ 80 окровавленныхъ, отрубленныхъ рукъ, которыя были тутъ свалены въ кучу. Тысячи туземцевъ бѣгутъ изъ своихъ деревень и ищутъ убѣжища у миссіонеровъ. Таковъ обвинительный актъ, который предъявляется государству Конго. Вслѣдствіе представленій Англіи, правительство «независимаго государства» согласилось на назначеніе слѣдствія. Теперь остается ждать его результатовъ.

Приключенія англійской южно-полярной экспедиціи. Съ прибытіемъ въ Литльтоунъ англійскаго экспедиціоннаго судна: «Discovery», въ сопровожденіи двухъ, посланныхъ на помощь судовъ «Morning» и «Terra Novo», закончился краткій, но очень важный по своимъ результатамъ періодъ антарктическихъ изслѣдованій, организованный тремя націями, отправившими экспедиціи къ южному полюсу въ 1901 году. Теперь послѣдняя изъ этихъ экспедицій, англійская, возвращается назадъ.

Вспомогательное судно «Morning» уже въ прошломъ году посылалось на помощь экспедиціи, когда у организаціоннаго комитета явились опасенія насчетъ «Discovery». Была собрана по подпискѣ нужная сумма, и норвежское китоловное судно «Morning» отправилось съ припасами отыскивать экспедицію, которая и была найдена къ юго-западу отъ вулкановъ Эребусъ и Терроръ въ проливѣ Макъ Мурдо, гдѣ эта экспедиція зимовала подъ 77° 30′ южной широты. На этомъ мѣстѣ она оставалась ровно два года, заключенная во льдахъ, и только въ февралѣ этого года освободилась отъ ледяныхъ тисковъ.

Китоловное судно прибыло въ прошломъ году какъ разъ во-время, чтобы избавить экспедицію отъ большихъ страданій, такъ какъ припасы были у нея на исходѣ. По уходѣ этого судна экспедиція начала приготовляться къ зимней стоянкѣ. Прежде всего занялись охотою на тюленей, которыхъ было убито 150 штукъ. Настроеніе экипажа очень улучшилось послѣ посѣщенія китоловнаго судна, такъ что на «Discovery» снова возникла общественная жизнь, совсѣмъ было прекратившаяся за послѣдніе зимніе мѣсяцы, когда почти никто не хотѣлъ разговаривать другъ съ другомъ. Офицеры развлекались теперь игрою въ мячъ и въ другія общественныя игры и даже устроили концерты, доставившіе большое удовольствіе экипажу. Зимою, когда наступила полная темнота, пробовали заниматься рыбною ловлей, продѣлывая дыры во льду, но результаты не вознаградили за потраченные труды. Въ концѣ іюня начались снѣжныя бури, температура очень понизилась и доходила временами до—61° по Фаренгейту. Къ концу зимы начали устраивать санныя экскурсіи въ разныхъ направленіяхъ. Въ одной изъ такихъ экскурсій капитанъ Скоттъ, начальникъ экспедиціи, чуть чуть не поплатился жизнью. Онъ отправился вмѣ-

стѣ съ матросами Эвансомъ и Лейтлей къ Голубому глетчеру и на обратномъ пути они вдругъ провалились въ расщелину льда, представлявшуюся бездонной. По счастью сани переломились, и задняя ихъ часть, вмѣстѣ съ матросомъ Лейтлей, осталась на краю расщелины, и Лейтлею, съ большими усиліями, удалось все-таки удержать ее и удержаться самому отъ паденія, но онъ больше ничего не могъ сдѣлать, а въ это время капитанъ Скоттъ и Эвансъ оставались висѣть надъ зіяющею пропастью, такъ какъ по счастью они не выпустили канатъ. Послѣ нѣсколькихъ страшныхъ минутъ капитану Скотту удалось найти ногами маленькій выступъ и удержаться на немъ и тогда онъ постарался направить туда же и ноги своего товарища. Оба висѣли на глубинѣ 14 футъ, и самое ужасное въ ихъ положеніи было то, что температура въ расщелинѣ, которая направлялась совершенно вертикально, была еще ниже, чѣмъ на поверхности, гдѣ термометръ показывалъ —40° по Фаренгейту. «Одинъ изъ насъ долженъ постараться вскарабкаться наверхъ», сказалъ капитанъ, и хотя у него не было даже мѣховыхъ перчатокъ на рукахъ, онъ все-таки постарался исполнить это трудное дѣло и оно удалось ему послѣ неимовѣрныхъ усилій. Но когда онъ достигъ, наконецъ, края расщелины, то обѣ руки оказались у него отмороженными и онъ едва могъ ворочать ими, тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ Лейтлеемъ, принялся вытаскивать Эванса. Всѣ трое почувствовали такое изнеможеніе, когда опасность миновала, что не въ состояніи были двинуться дальше. Они добрались до своего судна только въ самый рождественскій сочельникъ, пробывъ, такимъ образомъ, въ отсутствіи больше трехъ мѣсяцевъ.

Между тѣмъ, оба вспомогательныя судна, «Morning» и «Terra Novo», вышедшія изъ Гобарта 6-го декабря прошлаго года, прибыли въ область льдовъ, гдѣ находилось въ заточеніи «Discosery», 26-го декабря и продолжали дальнѣйшій путь по узкому каналу, между льдами; путешествіе это было сопряжено съ величайшими затрудненіями, такъ какъ безпрестанныя уклоненія магнитной стрѣлки мѣшали опредѣлить съ точностью положеніе. Наконецъ, въ день новаго года съ судна увидѣли первую землю—Моунтъ Мельбурнъ, а 5-го января капитанъ «Terra Novo», самъ полѣзшій на мачту для высматриванія мѣстностей, увидѣлъ «Discovery», во льду, на разстояніи около 17-ти географическихъ миль. Капитанъ Скоттъ, находившійся въ это время на островѣ Эребусѣ, гдѣ онъ производилъ метеорологическія наблюденія, также замѣтилъ суда и тотчасъ отрядилъ одного изъ матросовъ сообщить эту радостную вѣсть членамъ экспедиціи на «Discovery».

Когда матросъ явился съ этимъ извѣстіемъ, то на «Discovery» всѣ до такой степени обрадовались, что начали танцовать и кружиться, словно малыя дѣти. Ликованіе было всеобщимъ и даже по этому случаю была устроена выпивка. Затѣмъ часть членовъ отправилась въ лагерь къ капитану Скотту, котораго она достигла около двухъ часовъ ночи. Но капитана Скотта уже тамъ не было; онъ поспѣшилъ навстрѣчу къ судамъ. Тамъ его ждало, впрочемъ, непріятное извѣстіе. Онъ получилъ строжайшее предписаніе отъ англійскаго адмиралтейства покинуть «Discovery» во льдахъ и вернуться со всѣмъ экипа-

жемъ. Только въ томъ случаѣ, если бы судно освободилось отъ льда, ему разрѣшалось продолжать свои магнитныя наблюденія, но ему ставилось на видъ, что онъ долженъ остерегаться снова очутиться въ ледяныхъ тискахъ. Капитанъ Скоттъ получивъ эти категорическія приказанія, совсѣмъ пришелъ въ уныніе. Вѣдь онъ уже сдѣлалъ всѣ приготовленія на случай новой зимовки и весь его экипажъ, выразилъ, по собственному побужденію, полное согласіе выдержать еще годъ, если нужно. Въ припасахъ теперь у него не было недостатка и заболѣваній опасаться было нечего. Онъ даже отказался взять какіе-нибудь припасы со вспомогательныхъ судовъ. «Чего у насъ нѣтъ, безъ того мы обойдемся», сказалъ онъ.

Между тѣмъ вѣтеръ перемѣнился и ледъ пришелъ въ нѣкоторое движеніе, что позволяло надѣяться на освобожденіе «Discovery». Всѣ лихорадочно принялись работать и дѣйствительно съ 13-го февраля освобожденіе ото льда стало подвигаться очень быстро. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледъ уже сдѣлался настолько рыхлымъ, что одинъ матросъ провалился и только присутствіе духа его товарищей спасло его отъ гибели. Наконецъ, ночью, въ три четверти двѣнадцатаго, 14-го февраля, «Discovery» двинулось съ мѣста. Радость, охватившая въ этотъ моментъ экипажъ, не поддается описанію. Всѣ начали обниматься другъ съ другомъ и по огрубѣлымъ отъ непогоды лицамъ моряковъ текли настоящія слезы радости. Одинъ изъ участниковъ экспедиціи говорилъ потомъ, что «эта сцена совершенно не носила англійскаго характера!» Куда дѣвалась пресловутая сдержанность сыновъ Альбіона! Очевидно, что несмотря на «добровольное согласіе» экипажа, перспектива новой зимовки во льдахъ южнаго полюса не очень-то была привлекательна.

Научные результаты экспедиціи очень значительны. Разумѣется, полный отчетъ объ этомъ и работахъ экспедиціи можетъ быть полученъ только тогда, когда она прибудетъ въ Англію и весь матеріалъ сдѣланныхъ изслѣдованій будетъ переданъ лондонскому королевскому географическому обществу.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Обычаи англійскаго парламента.—Японскія женщины и война.—Ньюфаундлендскіе моряки.—Новое религіозное теченіе въ Индіи.

Разсказываютъ, что когда одинъ изъ новоиспеченныхъ членовъ англійскаго парламента обратился къ Парнеллю съ вопросомъ, какимъ образомъ можно скорѣе и лучше усвоить себѣ всѣ парламентскія правила и обычаи, то Парнелль отвѣтилъ: «Нарушая ихъ!»

Дѣйствительно, лучшаго способа поскорѣе изучить парламентскій регламентъ, пожалуй, не существуетъ. Правила эти нигдѣ не напечатаны, спеціальнаго устава нѣтъ, но каждому члену парламента вмѣняется въ обязанность знать ихъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ постоянно будетъ навлекать на себя призывы къ порядку. Всѣ одинаково строго слѣдятъ за точнѣйшимъ соблюденіемъ парламентскаго регламента и самомалѣйшее нару-

шеніе его тотчасъ же вызываетъ окрики: «Order! Order!» (къ порядку!), которые немедленно раздаются въ стѣнахъ парламента. Одинъ изъ членовъ парламента, описывающій въ «Century Magazine» его порядки, говоритъ, что каждый, впервые попадающій въ эту «святая святыхъ», непремѣнно чувствуетъ робость и смущеніе и даже если онъ предварительно познакомился съ нѣкоторыми правилами и вступаетъ въ парламентъ подъ руководствомъ какого-нибудь старѣйшаго члена, то все-таки вначалѣ дѣло не обходится безъ промаховъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ долженъ помнить прежде всего, когда надо надѣвать шляпу и когда надо снимать ее. Члены парламента могутъ сидѣть въ шляпѣ, но поднимаясь со своего мѣста, должны немедленно снимать ее. Вообще стоя, членъ парламента не можетъ оставаться въ шляпѣ ни одной минуты. Нельзя читать газету или книгу въ парламентѣ; нельзя проходить черезъ свободное пространство между спикеромъ и членомъ, произносящимъ рѣчь. Нельзя лично обращаться въ своей рѣчи ни къ одному изъ членовъ парламента и всѣ замѣчанія должны быть обращены къ спикеру (предсѣдателю) и т. д. Зато въ парламентѣ можно иной разъ наблюдать любопытную картину: какой-нибудь изъ молодыхъ товарищей министра (under secretary), развалившись на спинку скамьи, вытягиваетъ свои ноги на столъ. Это считается дозволеннымъ и поэтому можетъ случиться, что какой-нибудь почтенный старый государственный дѣятель, обращаясь съ рѣчью къ спикеру, будетъ видѣть передъ собою подошвы сапогъ молодого статсъ-секретаря, который годился бы ему во внуки. Авторъ прибавляетъ впрочемъ, что лишь немногіе изъ молодыхъ «under secretary» поступаютъ такимъ образомъ, большинство же воздерживается отъ такого удобства, такъ что привычка эта мало-по-малу выходитъ изъ употребленія.

Самымъ тяжелымъ испытаніемъ для каждаго члена, впервые вступающаго въ парламентъ, является его первая рѣчь, такъ называемая «Maiden Speech». Даже самые блестящіе парламентскіе ораторы испытывали при этомъ такое волненіе, которое почти лишало ихъ способности говорить. Джонъ Брайтъ, напр., разсказывалъ, что у него такъ дрожали колѣни, когда онъ началъ говорить свою первую рѣчь, что онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою неимовѣрное усиліе, чтобы побороть свою слабость. Всѣ взоры всегда бываютъ устремлены на оратора и всѣ слушаютъ его со вниманіемъ, поэтому неудивительно, что съ непривычки имъ овладѣваетъ смущеніе и часто бываетъ, что подъ вліяніемъ волненія, онъ забываетъ, что шляпа, которую онъ снялъ съ головы, когда всталъ, чтобы говорить рѣчь, была положена имъ на сидѣніе; кончивъ рѣчь и съ облегченіемъ переводя духъ, онъ сразу опускается на скамью, прямо на свою шляпу, что, разумѣется, довершаетъ его смущеніе и портитъ эффектъ его рѣчи. Потомъ уже въ палатѣ онъ становится извѣстенъ подъ именемъ «достопочтеннаго джентльмена, который сѣлъ на свою шляпу», и ему надо не мало усилій, чтобы сгладить это первое впечатлѣніе.

Характерную фигуру въ парламентѣ представляютъ такъ называемые «whipo» (загонщики). Это должность оффиціальная, и какъ правительство, такъ и каждая политическая партія имѣютъ своихъ «whip'овъ», съ тою только

разницею, что правительственный «whip» получаетъ жалованье, а тотъ, который служитъ партіи, дѣлаетъ это даромъ. Это должность нелегкая и «whip» долженъ быть очень расторопнымъ, находчивымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ. Онъ долженъ слѣдить за преніями и если замѣтитъ, что онѣ начинаютъ клониться къ концу и можетъ наступить голосованіе раньше времени, когда, напр., оппозиція не располагаетъ достаточнымъ количествомъ членовъ, чтобы помѣшать неблагопріятному голосованію, то онъ немедленно принимаетъ мѣры. Кому-нибудь изъ опытныхъ членовъ партіи онъ поручаетъ затянуть пренія, пока онъ не соберетъ достаточное количество членовъ для голосованія. Обыкновенно партія имѣетъ въ своей средѣ такихъ искусныхъ ораторовъ, которые могутъ говорить до безконечности, подвергая тяжелому испытанію спикера и остальныхъ членовъ палаты, но прекратить такое словоизверженіе не во власти спикера, хотя онъ отлично понимаетъ тактику оратора. А въ это время «whip» оппозиціи отправляетъ телеграммы, телефонируетъ, разсылаетъ посыльныхъ во всѣ концы, въ клубы, театры и т. д., чтобы вызвать оттуда членовъ и пригласить ихъ поскорѣе явиться въ парламентъ, такъ какъ сейчасъ должно произойти голосованіе. Всѣ повинуются этому зову безпрекословно и спѣшатъ въ парламентъ, чтобы исполнить свой гражданскій долгъ. Когда «whip» видитъ, что членовъ собралось достаточно, то онъ дѣлаетъ знакъ оратору и тотъ кончаетъ свою рѣчь.

Задача правительственнаго «whip'а» особенно бываетъ трудна, когда министерское большинство въ палатѣ невелико. Тогда, вѣдь, ему надо постоянно заботиться, чтобы всѣ члены министерской партіи были на лицо во время голосованія, а то можетъ произойти неожиданное паденіе министерства по какому-нибудь самому незначительному вопросу, какъ это было, напр., съ министерствомъ лорда Розберри, который былъ побѣжденъ большинствомъ всего семи голосовъ, по причинѣ отсутствія членовъ министерской партіи, не ожидавшихъ, что по какому-то совсѣмъ второстепенному вопросу можетъ произойти такое серьезное голосованіе.

Поздно вечеромъ или ночью, когда заканчивается засѣданіе, неизмѣнно повторяется довольно курьезная церемонія, представляющая одинъ изъ пережитковъ далекой старины. Въ прежніе времена, когда еще не было ни освѣщенія, ни хорошихъ, мощеныхъ улицъ, а надо было пробираться домой по тропинкамъ и освѣщать путь факелами, члены парламента не рѣшались совершать въ одиночку путешествіе въ Лондонъ, а собирались обыкновенно группами, что было гораздо безопаснѣе. И вотъ, по корридорамъ палаты, въ просторныхъ сѣняхъ и на лѣстницѣ, раздавался громкій призывъ: «Who goes home?» (Кто идетъ домой?). Этотъ призывъ раздается и теперь, хотя у воротъ парламента дожидаются шикарные экипажи и извозчичьи кэбы, и возвращеніе членовъ парламента домой не сопряжено уже ни съ какими затрудненіями и опасностями. Но англичане сохраняютъ этотъ обычай, который напоминаетъ имъ отдаленныя времена, и въ стѣнахъ парламента раздается ночью все тотъ же мощный призывъ, который раздавался въ нихъ за много, много поколѣній назадъ.

Джонъ Фоксъ говоритъ о героизмѣ и самопожертвованіи японскихъ женщинъ. Въ своей статьѣ, напечатанной въ журналѣ «Seribnes», онъ разсказываетъ то, что видѣлъ въ Японіи передъ началомъ войны.

Женщины отдавали все, что имѣли; онѣ сократили свой расходъ на парикмахера и жертвовали сбереженныя такимъ образомъ деньги. Служанки отдавали часть своего жалованія ежемѣсячно, и сотни тысячъ семействъ отказывались отъ одного кушанья въ день, для того только, чтобы имѣть возможность больше пожертвовать на военныя нужды. Когда авторъ статьи хотѣлъ внести деньги за свою служанку, то она воспротивилась и сказала: «Этого нельзя, сэръ. Вѣдь это большая честь—жертвовать, а если вы за меня заплатите, то, значитъ, вы исполните, вмѣсто меня, тотъ долгъ, который лежитъ на мнѣ».

Матери съ радостью отправляли своихъ сыновей на войну; ни у одной не было замѣтно ни слабости, ни горя. Одна изъ такихъ матерей, провожавшая своего послѣдняго сына на войну, воскликнула: «Какое счастье имѣть четырехъ сыновей и всѣхъ ихъ отдать отечеству!» Такіе возгласы, по словамъ автора, ему приходилось слышать неоднократно, и онъ убѣжденъ, что они были сказаны отъ души и что въ нихъ не было никакой рисовки. На дверяхъ тѣхъ домовъ, откуда хоть одинъ членъ семьи отправился на войну, красуется красная доска съ надписью: «Отправился въ армію». Въ случаѣ же, если онъ будетъ убитъ, то эта красная доска замѣняется черной, съ надписью: «Вѣчная храбрость!»

Вообще, по мнѣнію автора, эта война выдвинула японскую женщину изъ ея униженнаго, подчиненнаго положенія. Она—мать, отправляющая своихъ сыновей на войну, и гордится этимъ. Она поддерживаетъ и подстрекаетъ воинственный пылъ мужчинъ и, если возможно, переодѣвается и сопровождаетъ войска, исполняя разныя, доступныя ея силамъ, обязанности. Она является душою войны и она же несетъ безпрекословно ея тяжкое бремя.

Англо-французское соглашеніе и отношеніе его къ Ньюфаундленду придаетъ особенный интересъ всему, что касается этого острова и живущихъ на немъ моряковъ. Норманъ Дунканъ, въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Words Work», описываетъ жителей Ньюфаундленда и ихъ нравы и характеръ.

«Ньюфаундлендцы,—говоритъ онъ,—мужественные, смѣлые, предпріимчивые люди, безстрашно пускающіеся въ море и презирающіе опасность. Слабые и трусы почти не встрѣчаются между ними; для нихъ нѣтъ мѣста въ Ньюфаундлендѣ, среди этой великолѣпной расы людей. Дѣти уже съ шести - семилѣтняго возраста отправляются въ море, научаются править парусами и смотрѣть въ лицо опасностямъ. Они выростаютъ, закаленные въ борьбѣ со стихіями, крѣпкіе духомъ и тѣломъ, такъ какъ болѣе слабые организмы не въ состояніи бываютъ вынести такихъ суровыхъ условій жизни и погибаютъ раньше. Даже игры дѣтей всегда бываютъ сопряжены съ опасностью для жизни, но зато служатъ для развитія ловкости и силы, какъ, напр., любимая игра ньюфаундлендскихъ мальчиковъ—перепрыгиваніе съ одной плывучей льдины на другую. Каждый мальчуганъ имѣетъ собственную маленькую лодку, на кото-

рой выходитъ въ море, и всегда гордится своимъ маленькимъ судномъ. Онъ упражняется въ морскомъ искусствѣ на этой лодкѣ, и когда наступитъ время, т.-е. онъ сдѣлается постарше, то и отправляется на рыбную ловлю, какъ это дѣлали его дѣдъ и отецъ и будутъ продолжать дѣлать его собственныя дѣти.

«Ньюфаундлендскій рыбакъ, закидывающій свои сѣти, ведетъ уединенную жизнь. Отъ утренней зари до поздней ночи онъ остается одинъ въ морѣ. Но онъ держится береговъ, и когда стемнѣетъ, то бросаетъ якорь въ какой-нибудь уединенной маленькой гавани. Иногда онъ долго остается въ отсутствіи, особенно если ловъ бываетъ не совсѣмъ удаченъ, такъ какъ ему не хочется возвращаться домой съ пустыми руками. Жены этихъ рыбаковъ привыкли къ ихъ долгимъ отсутствіямъ и хотя стараются не показывать вида, но все же сердца ихъ бываютъ переполнены тревогой и они живутъ въ вѣчномъ страхѣ. Несмотря, однако, на такую тяжелую, суровую жизнь, отличительную черту характера ньюфаундлендскихъ моряковъ составляетъ оптимизмъ. Удачный ловъ надолго дѣлаетъ ихъ счастливыми и хотя онѣ окружены постоянными опасностями, но многіе ихъ нихъ доживаютъ до очень преклонныхъ лѣтъ.

«— Я уже не могу больше выѣзжать въ море,—говорилъ съ грустью одинъ восьмидесятилѣтній рыбакъ автору. — Мое времячко уже прошло, но повѣрьте мнѣ, я много изловилъ рыбы на своемъ вѣку!»

«Revue internationale» говоритъ о новыхъ религіозныхъ теченіяхъ въ Индіи, которыя большею частью ускользаютъ отъ взоровъ постороннихъ, болѣе или менѣе поверхностныхъ наблюдателей, такъ какъ индусъ, по причинѣ глубоко развитого религіознаго чувства, избѣгаетъ говорить объ этомъ съ чужестранцами. Между тѣмъ, болѣе внимательный наблюдатель, несмотря на сдержанность индуса, непремѣнно долженъ будетъ подмѣтить слѣды этихъ новыхъ теченій, всего яснѣе выступающихъ въ сектѣ «Брамо Сомай», представляющей общество образованныхъ индусовъ, распространенное по всей. Индіи. Однако, эти прогрессивно мыслящіе индусы не отступаютъ все-таки отъ вѣры своихъ предковъ, но они столько заимствовали отъ христіанства, что ихъ религіозныя понятія и вѣрованія являются уже настоящимъ соединеніемъ двухъ религій. Новое религіозное ученіе индуизма сохраняетъ въ неприкосновенности основы индійской религіозной философіи, вмѣстѣ съ ученіемъ о воплощеніи и попрежнему крѣпко держится за неподвижный, окаченѣлый законъ Кармы, но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ ученіи уже заключается новый, очень важный элементъ, заимствованный отъ христіанства, это—искупленіе грѣха, посредствомъ дѣйствительной работы на пользу человѣчества. На этомъ основаніи членъ общества «Брамо Сомай» непремѣнно принимаетъ самое дѣятельное участіе въ соціальныхъ реформахъ и стремится къ выполненію своихъ обязанностей гражданина и члена общества и все это онъ дѣлаетъ изъ религіозныхъ основаній, для того, чтобы укрѣпить свою душу и сдѣлать ее достойной соединенія со своимъ первоначальнымъ божественнымъ источникомъ.

Особенно заслуживаютъ вниманія взгляды «Брамо Сомай» на женщину, отличающіеся отъ взглядовъ индуизма. Отношеніе къ женщинѣ, вообще, соста-

вляетъ слабый пунктъ индійской жизни, но «Брамо Сомай» становится на совершенно иную точку зрѣнія и желаетъ, чтобы дѣвушки получали гораздо болѣе широкое школьное воспитаніе, чѣмъ теперь, и чтобы прекратилось такое строгое обособленіе женщинъ, какое существуетъ до сихъ поръ въ Индіи, и имъ была бы предоставлена свобода въ извѣстныхъ границахъ. Въ настоящее время около 100.000 дѣвочекъ учится въ школахъ Индіи и это всецѣло слѣдуетъ приписать усиліямъ общества «Брамо Сомай», старающагося распространить просвѣщеніе среди женщинъ, но тѣмъ не менѣе, несмотря на свой прогрессивный взглядъ на женщину, «Брамо Сомай» ставитъ ей все-таки извѣстныя границы. Женщина, по индійскимъ воззрѣніямъ, рождена для того, чтобы покорно переносить извѣстныя ограниченія и подчиняться мужчинѣ. Обычаи, существовавшіе тысячелѣтія, можно улучшить постепенно, но нельзя сразу ихъ уничтожить, и поэтому «Брамо Сомай» допускаетъ для женщинъ свободу съ извѣстными ограниченіями, также какъ и извѣстную степень образованія, не идущую, пожалуй, дальше простой грамотности. Но и это уже есть большой шагъ впередъ и эта первая уступка, въ сущности, должна будетъ повести за собою коренное измѣненіе взглядовъ индуса на женщину. Впрочемъ, и теперь уже въ числѣ слушательницъ университета въ Калькуттѣ насчитывается двѣнадцать женщинъ индусскаго происхожденія, и, быть можетъ, недалеко то время, когда и въ Индіи возникнетъ женскій вопросъ; во всякомъ случаѣ «Брамо Сомай» положила уже первый камень фундамента, на которомъ можетъ быть выстроено зданіе.

Англія пока относится совершенно безучастно къ этому новому движенію, которое можетъ подмѣтить только очень внимательный наблюдатель и знатокъ Индіи. Между тѣмъ, это движеніе по многимъ причинамъ, представляетъ интересъ и въ особенности для англичанъ. Индусы-реформаторы не довольствуются только выполненіемъ своихъ соціальныхъ обязанностей, но считаютъ своимъ долгомъ и призваніемъ непосредственное участіе въ управленіи страной и хотятъ руководить судьбами своего отечества. Во-первыхъ, они твердо убѣждены, что, какъ индусы, они лучше иностранцевъ понимаютъ нужды своихъ соотечественниковъ, а во-вторыхъ, они готовы отдать и свою волю, и все свое состояніе на службу отечеству. Чѣмъ больше они проникаются европейскими воззрѣніями, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ у нихъ желаніе быть руководителями своей страны, и весьма возможно, что дальнѣйшее развитіе общества «Брамо Сомай» поведетъ къ конфликту съ англійской властью и врядъ ли побѣда останется на сторонѣ послѣдней.

ПЕЧАТЬ И КУЛЬТУРА ВЪ СИРІИ.

(Корреспонденція изъ Дамаска).

Рядомъ съ нами умираетъ великій языкъ и говорящій на немъ народъ, и мы, русскіе, почти ничего не знаемъ ни о томъ, ни о другомъ. Всякій языкъ дорого стоитъ человѣчеству. Даже въ самомъ дикомъ языкѣ отложилось столько людского труда, столько цѣнныхъ кристалловъ человѣческаго духа, что, по справедливости, языкъ составляетъ изъ себя высшее духовное богатство всякаго народа. Потерять его, значитъ потерять свою исторію, свою философію,

свою поэзію, даже свою нравственность, однимъ словомъ, потерять свою душу... Но исторія неумолима, жестокимъ свидѣтельствомъ чего служитъ совершающееся передъ нами постепенное умираніе знаменитаго арабскаго языка и даже всей арабской культуры. Задолго до Мухаммеда арабскій языхъ былъ довольно развитымъ и богатымъ. Объединивъ всѣ арабскія племена въ одинъ народъ, Мухаммедъ соединилъ и всѣ арабскія нарѣчія въ одинъ языкъ и далъ толчокъ къ дальнѣйшему развитію его формъ и содержанія. Въ Коранѣ онъ и самъ далъ примѣръ высшаго поэтическаго творчества и мысли. Коранъ и до сихъ поръ у магометанъ считается недосягаемымъ образцомъ краснорѣчія и поэзіи.

Но прошла тысяча съ лишнимъ лѣтъ. Голодному, порабощенному сирійцу говорить на такомъ обширномъ и богатомъ формами языкѣ было, очевидно, трудно, какъ бѣдняку содержать въ чистотѣ царскій дворецъ. И языкъ въ обыденномъ употребленіи сократился, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ: изъ ста тысячъ словъ арабскаго языка на языкѣ самаго развитого сирійца врядъ ли наберется теперь болѣе пяти тысячъ! Отпали и окончанія именъ и глаголовъ. Языкъ сталъ грубѣе, но легче и удобнѣе для жизненнаго употребленія. Вмѣстѣ съ европейскими товарами, науками, модами, къ этому языку примѣшались цѣлыя тысячи новыхъ словъ. Языкъ совершенно измѣнился.

Несмотря на то, что народный арабскій языкъ въ большинствѣ случаевъ имѣетъ корни древняго арабскаго, но разница между нимъ и древнимъ языкомъ такъ велика, что получилось какъ бы два языка: одинъ—старый, на которомъ силятся писать, а въ торжественныхъ случаяхъ и говорить арабскіе «ученые», и другой—новый, на которомъ говоритъ и понимаетъ только народная масса. Арабскіе «ученые» пишутъ иногда такія книжки, что понимать ихъ могутъ лишь немногіе, посвященные въ тайны арабскаго языка люди. Говорить они на немъ не любятъ, ибо боятся ошибиться. Къ тому же людей, говорящихъ правильнымъ арабскимъ языкомъ, въ Сиріи не любятъ и называютъ: «синтактическій холодный!» Такъ, когда къ извѣстному знатоку арабскаго языка, сирійцу Насыфу Ильязжи, приходили въ Дамаскѣ люди и начинали разговоръ по литературному, то онъ съ самымъ мужицкимъ выговоромъ обрывалъ такого: «Говори, мой господинъ, по-коровьи, лучше будетъ»...

Современные народы, говорящіе на арабскомъ языкѣ, наслѣдовали отъ древнихъ арабовъ одно громадное неудобство: неполное начертаніе словъ, письменность, не закончившую своего развитія и въ Коранѣ получившую божественную санкцію. Чтобы пояснить это, нужно сначала сказать, что въ арабскомъ языкѣ есть долгія и короткія гласныя. Долгія пишутся въ строчку, а короткія изображаются въ видѣ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ, которые въ печати, а тѣмъ болѣе въ письмѣ, обыкновенно опускаются. Такимъ образомъ, напримѣръ, слово «бакаратонъ» (корова) безъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ будетъ изображено «бкрт». Древнему арабу, говорившему на чистомъ арабскомъ языкѣ полными формами словъ, достаточно было намека на слово, чтобы догадаться, о чемъ пишется. Но современному сирійцу читать въ сокращеніи полупонятныя или совсѣмъ непонятныя, мертвыя слова древняго арабскаго языка, очевидно, очень трудно. Для этого нужно потратить годы труда на изученіе арабской грамматики и син-

таксиса. Чтобы судить о трудности чтенія безъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ, достаточно привести слѣдующій примѣръ. Такъ какъ при незнаніи слова можно каждую его букву читать съ тѣмъ или инымъ знакомъ, то слово «бда», написанное безъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ, можетъ быть прочитано въ 273-хъ различіяхъ. А слово «мстулит» въ десяткахъ тысячъ различіяхъ. Понятно, что многія изъ этихъ различій трудно или совсѣмъ непроизносимы, но они возможны. Одинъ сиріецъ полагаетъ, что для того, чтобы научиться правильно по-арабски читать, необходимо современному взрослому арабу потратить девять лѣтъ труда—время, въ которое, по его выраженію, европеецъ можетъ жениться, будетъ имѣть сына, сынъ его выраститъ, пойдетъ въ школу и успѣетъ научиться совершенно правильно читать на родномъ языкѣ.

Не мало затрудняетъ чтеніе арабской печати также и то, что въ арабскомъ алфавитѣ многія буквы попарно отличаются другъ отъ друга только точками, поставленными вверху или внизу. Кромѣ того, одна и та же буква при сліяніи съ другими измѣняетъ свои формы, смотря потому, стоитъ ли она въ концѣ, въ началѣ или срединѣ слова. Нѣкоторыя буквы имѣютъ до четырнадцати формъ. Передъ наборщикомъ въ типографіи должно быть болѣе четырехсотъ значковъ.

Понятно теперь, какія трудности представляетъ изъ себя арабское чтеніе, въ особенности для малограмотнаго человѣка, если къ тому же припомнить, что большинство книгъ написано литературнымъ — мертвымъ, непонятнымъ языкомъ. Вслѣдствіе всего этого читать книжку или газету на арабскомъ языкѣ можетъ далеко не всякій грамотный человѣкъ, какъ у европейцевъ, и грамотѣи пользуются на востокѣ совершенно особымъ почетомъ. Для сирійца достаточно знать арабскую грамматику и синтактисъ, чтобы прослыть «ученымъ». Знаніе же всѣхъ формъ арабскаго стихосложенія и умѣнье разбираться въ древнихъ писателяхъ окружаетъ человѣка ореоломъ таинственной мудрости: онъ становится магомъ и волшебникомъ; кажется, что онъ постигъ все, на что способенъ разумъ человѣческій...

Конечно, такой языкъ является тормазомъ, едва ли преодолимымъ, умственнаго и даже общественнаго развитія народа; чѣмъ ближе между собой книжный и разговорный языки, тѣмъ больше возрастаетъ значеніе книги, и наоборотъ. Между тѣмъ, корпорація мусульманскихъ «ученыхъ» противится всякимъ попыткамъ введенія въ литературу народнаго языка. Журналы и газеты, упрощающіе свой слогъ, подвергаются насмѣшкамъ и обвиненіямъ въ искаженіи «Богомъ ниспосланнаго» арабскаго языка. Поэтому арабская литература влачитъ самую жалкую рабскую жизнь. Она не знаетъ, за кого ей встать и какимъ языкомъ говорить. У ней нѣтъ одного всѣмъ родного, милаго и понятнаго языка. А турецкая цензура постаралась задавить въ ней всякую мысль. И вотъ нѣкогда великая арабская литература теперь обратилась въ сухую шелуху, которой не насыщаются ни звѣри, ни люди.

Нѣтъ газеты безцвѣтнѣе, безсодержательнѣе и неинтереснѣе сирійской. Красивый и богатый арабскій языкъ, самый обширный изъ всѣхъ языковъ міра, оказывается неспособнымъ сказать отъ себя что-либо хорошее, жизненное. Арабскіе газетчики, силящіеся еще говорить высокимъ торжественнымъ сло-

гомъ вдохновеннаго Корана, съ важностью повѣствуетъ другъ другу о пріѣздѣ и выѣздѣ изъ города различныхъ эффендіевъ, о кражахъ, праздникахъ, постройкахъ, молебнахъ и даже, если позволятъ, объ убійствахъ. Иногда газеты побранятъ кого-либо изъ европейцевъ, но это рѣдко. Говорятъ все больше о своихъ и все хвалятъ. Извѣстно, сирійцы очень любезный народъ.

Всѣ газеты въ Турціи подвергаются предварительной цензурѣ. Въ виду особенной, запуганной благонадежности сирійскаго редактора—правило провѣрки каждаго нумера соблюдается не всегда. Газета и подъ отвѣтственностью редактора выходитъ такой же безсодержательной, какъ если бы ее просматривалъ добрый десятокъ турецкихъ цензоровъ. Цензорами являются часто турки-чиновники, иногда почти совсѣмъ не знающіе арабскаго языка. Поэтому иногда происходятъ большіе курьезы. Одинъ цензоръ въ Байрутѣ никакъ не хотѣлъ позволить газетѣ слова «мурад», что значитъ «желаніе», ибо оно похоже на имя свергнутаго Абдуль-Гамидомъ и заточеннаго въ крѣпость Мурада V. Другой не хотѣлъ позволить іезуитскому арабскому журналу слова «Богородице-дѣво», ибо, какъ онъ говорилъ, та, которая родила, уже не дѣва. Но бѣднаго цензора за это выгнали по настоянію французской дипломатіи.

Въ Турціи страшно боятся всего того, что происходитъ въ Европѣ. Боятся, какъ бы Европа не повліяла дурно своимъ примѣромъ на благонравныхъ турецкихъ подданныхъ. Во время убійства Карно (1894 г.) сирійскія арабскія газеты перепечатали было съ европейскихъ это извѣстіе. На другой день цензоръ призвалъ всѣхъ редакторовъ байрутскихъ газетъ и заставилъ ихъ напечатать, что Карно умеръ естественною смертью. Газеты извинились передъ публикой въ ошибкѣ и въ слѣдующихъ нумерахъ напечатали, что Карно умеръ тихо, какъ младенецъ, лежа на своей постели. Запрещено было печатать и объ убійствѣ Макъ-Кинлея. Газеты съ большой осторожностью употребляютъ слово «телефонъ», ибо по телефону младотурки, не собираясь въ одно мѣсто, могли бы вести переговоры и строить современной власти козни. Съ опаской употребляется и слово «электричество»—названіе непокорной силы, которая никакъ не хочетъ повиноваться турецкому правительству и съ замѣчательной быстротой разноситъ по всему свѣту вѣсти о дѣлахъ въ турецкой имперіи. Понятно, что и теперь газеты молчатъ о звѣрствахъ албанцевъ и турокъ, о волненіяхъ въ Македоніи. О неудачахъ русскихъ въ войнѣ, впрочемъ, печатаютъ съ наслажденіемъ. Свободно позволяется также хвалить предусмотрительность, деликатность и благородство турецкаго правительства.

Вообще, безпрепятственно печатается только то, что касается доблестей турецкаго чиновника, солдата, правительства. Во время войнъ Турція, по телеграммамъ, никогда не терпитъ пораженій. Въ послѣднюю русско-турецкую войну, какъ мнѣ передавали, русскіе, по турецкимъ извѣстіямъ, не только постоянно терпѣли пораженія, но даже русскій императоръ неоднократно попадался туркамъ въ плѣнъ, и только великодушіе султана спасло его отъ смерти. Для мусульманъ все это логично, ибо вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію о султанѣ, какъ намѣстникѣ пророка Мухаммеда на землѣ. Султану принадлежитъ весь міръ. Если есть другіе цари и государства, то это такъ, только временное и съ соизволенія султана происшедшее нарушеніе единовластія на землѣ. То мѣсто, гдѣ сул-

танъ ступитъ ногой, принадлежитъ ему. Внутри имперіи и подавно нѣтъ частныхъ владѣній: все принадлежитъ султану. Живутъ въ имперіи тоже съ соизволенія султана... Естественны страхъ и трепетъ сирійской прессы передъ всѣми дѣлами «помощниковъ» и слугъ султана, его чиновниковъ и войска. Впрочемъ, въ случаѣ неповиновенія, и расправа съ газетой бываетъ короткая...

Арабская газета представляетъ изъ себя яркій примѣръ того, до чего можетъ придушить печать бдительность зараженнаго свѣтобоязнью правительства и невѣжество цензуры. Корректуры возвращаются въ редакціи часто въ совершенно невозможномъ видѣ: вычеркивается почти все, въ чемъ есть хотя бы только отдаленный намекъ на собственное мнѣніе. Бываетъ даже иногда и такъ, что газета выпускается, за неимѣніемъ матеріала, съ большими пробѣлами—слѣдами досужливаго цензорскаго пера.

Болѣе или менѣе свободно пишутъ только арабскія газеты и журналы Египта. Нѣкоторые изъ нихъ дерзаютъ даже нападать на беззаконіе турецкаго чиновника, порицать турецкое правительство и порядки имперіи. Разскажу характерный случай.

Одинъ арабъ, по имени Салимъ Саркисъ, издавалъ въ Александріи журналъ, гдѣ началъ осуждать порядки турецкой имперіи и даже смѣяться надъ священной особой султана. Наконецъ, великій визирь приказалъ турецкому коммиссару въ Александріи призвать Салима Саркиса, сдѣлать ему самое строгое внушеніе и посовѣтовать не писать ничего противъ турецкаго правительства и султана, а если все это не подѣйствуетъ,—принять подходящія мѣры.

Испугался Салимъ Саркисъ, когда пришелъ жандармъ и потребовалъ его къ коммиссару. Онъ сказалъ, что придетъ, а самъ пошелъ къ лорду Кромеру, англійскому намѣстнику въ Египтѣ, къ которому имѣлъ какими-то путями доступъ, и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

— Такъ иди,—сказалъ лордъ Кромеръ.

— Боюсь я,—отвѣтилъ Салимъ Саркисъ.—Боюсь, что меня схватятъ и убьютъ.

— Иди. Я пошлю за тобой четырехъ англійскихъ солдатъ не въ формѣ. Если тебѣ будетъ грозить какая-нибудь опасность, крикни. Они услышатъ и сдѣлаютъ свое дѣло. Иди, не бойся.

Пришелъ Салимъ Саркисъ къ коммиссару. Тотъ встрѣтилъ его сурово.

— Это ты Салимъ Саркисъ?!

— Да, я Салимъ Саркисъ.

— Ты развѣ не турецкій подданный?!

— Да, я турецкій подданный.

— Какъ же ты осмѣливаешься писать противъ турецкаго правительства?

— Я хотѣлъ только исправить то, что дурно въ турецкой имперіи...

— Ты собака, сынъ собаки! Какъ же смѣешь ты говорить такъ?!

— Я ничего не говорю дурного.

— А какъ смѣешь ты, собака, смѣяться надъ священной особой его величества, турецкаго султана Абдулъ-Гамида?!

— ?!.

— Какъ же, съ какими глазами смѣлъ ты явиться ко мнѣ и такъ со мной говорить? Ты, собака, къ несчастью, подданный Турціи!

— Мой господинъ, если бы мнѣ не сказалъ лордъ Кромеръ: «иди», я не пришелъ бы къ тебѣ...

Коммиссаръ вдругъ понизилъ тонъ и заговорилъ ласково.

— Мой сынъ! Развѣ такъ можно? Ты осмѣиваешь султана, бранишь законы... Нельзя такъ. Перемѣни твои рѣчи, мой сынъ.

— Мой господинъ только что называлъ меня собакой, а теперь называетъ своимъ сыномъ. Я теперь и не знаю, кто же изъ насъ собака...

Но и въ Египтѣ для издателя много соблазна не столь поднимать голосъ, быть поскромнѣе и къ Турціи почтительнѣе. Тогда его газета найдетъ себѣ доступъ въ Сирію, Палестину, Малую Азію и пріобрѣтетъ большее число подписчиковъ. Заносчивая газета изъ Египта можетъ проникнуть въ Сирію только контрабандой съ тюками товаровъ и прочей кладью, или въ крайнемъ случаѣ, прикрывшись именемъ какого-либо изъ европейскихъ консуловъ. Впрочемъ, Турція чаще всего покупаетъ слишкомъ разшумѣвшагося редактора: ему предлагаютъ какое-либо болѣе или менѣе доходное мѣсто, и... врагъ уничтоженъ.

По оффиціальному турецкому ежегоднику въ Сиріи и Палестинѣ за прошлый годъ числилось 33 періодическихъ изданій. Наибольшее число падаетъ на Байрутъ (12 газетъ и 9 журналовъ); въ Іерусалимѣ издается лишь три газеты, въ Дамаскѣ—2 (и одинъ журналъ), въ Ливанѣ—4 газеты (и одинъ журналъ); наконецъ, одна газета издается въ Халебѣ. Изъ этого числа 24 періодическія изданія выходятъ на арабскомъ языкѣ, 3—на французскомъ, по одному на турецкомъ и еврейскомъ, четыре газеты разомъ на двухъ языкахъ.

Можно подумать, пожалуй, что Сирія и Палестина ведутъ довольно оживленную умственную жизнь, если на пять вилайетовъ (губерній) съ разновѣрнымъ населеніемъ въ три съ небольшимъ милліона, приходится 33 періодическихъ изданія. Но это совершенно ошибочное впечатлѣніе. Всѣ эти газетки и журнальчики обыкновенно имѣютъ по 400, 500 и 1.000 подписчиковъ. Самое большее число подписчиковъ имѣетъ байрутская газета «Ѳамаратъ» (Плодъ)—4.000 человѣкъ. Кромѣ того, изъ 33 изданій только три ежедневныхъ, всѣ же остальныя выходятъ недѣльными листочками или мѣсячными книжечками, въ которыхъ дѣльнаго и умнаго гораздо меньше, чѣмъ бумаги. Въ европейскихъ государствахъ умственная жизнь цѣлой страны сосредоточивается обыкновенно въ одномъ, двухъ центрахъ, главнымъ же образомъ въ столицѣ. Но въ Константинополѣ при разнообразіи языковъ его повседневной печати нѣтъ ни одного органа на арабскомъ языкѣ.

Въ Константинополѣ арабъ такъ же рѣдокъ, какъ и русскій. А изъ Египта, какъ уже было сказано выше, большинство изданій въ Сирію и Палестину не пропускается. Такимъ образомъ Сирія и Палестина живутъ умомъ своего собственнаго района, такъ сказать, по домашнему.

Несмотря на такое слабое развитіе въ публикѣ потребности къ чтенію, несмотря на малое число подписчиковъ, сирійскія газеты стоятъ, въ сущности, очень недорого: отъ 3 до 10 р. въ годъ (отъ 40 до 140 піастровъ по мѣстному счету). И все же издавать газету считается въ Сиріи вообще предпріятіемъ выгоднымъ. Для этого, собственно, почти ничего и не требуется, кромѣ фирмана (утвержденія) султана. Даже денегъ почти не нужно, не говоря уже

объ образованіи. Издатели вербуютъ подписчиковъ очень нахально: знакомымъ лицамъ они разсылаютъ прямо нумера газеты, не справляясь, желаютъ тѣ получать ее или нѣтъ; ихъ же хорошіе знакомые навяжутъ газету другимъ своимъ знакомымъ, и дѣло въ шляпѣ. Разъ набралось 1.000 подписчиковъ— издатель ликуетъ. Онъ чувствуетъ себя Крезомъ. Въ концѣ года онъ разсылаетъ вынужденнымъ подписчикамъ расписки въ полученіи денегъ, а тѣ волей-неволей высылаютъ ему деньги. Такъ просто абонируютъ и абонируются на газету въ Сиріи.

Расходы по изданію газеты грошовые. Напримѣръ, одинъ нумеръ еженедѣльной газеты «Тарабулусъ» (Триполи), выходящей въ количествѣ одной тысячи экземпляровъ, обходится всего (съ пересылкой)—26 р. 12 к. При подписной цѣнѣ въ 10 франковъ (=3 руб. 75 коп.) издатель получаетъ 3.750 руб. въ годъ. Значитъ, онъ будетъ имѣть чистой прибыли 1.500 руб., кромѣ того, что выручитъ отъ объявленій, правда, немногочисленныхъ.

Платы сотрудникамъ не полагается. Арабская газета избѣгаетъ этого дурного обычая. Она знаетъ, что сиріецъ тщеславенъ, и для того, чтобы прослыть «писателемъ», «ученымъ», онъ будетъ писать для газеты даромъ «ради чести». Онъ не получитъ за свой трудъ денегъ, зато люди будутъ о немъ говорить: «Онъ пишетъ въ газетахъ, онъ писатель!» Ему на письмахъ будутъ писать: «Извѣстному, славному, великому писателю, почитаемому NN!» Голова закружится у кого угодно. А досуга у сирійца много, некуда дѣвать. Получаютъ за трудъ только рѣдкіе наемные редакторы, пищущіе къ тому же и передовыя статьи. Ну, тѣ оплачиваются хорошо, рублей до 50 въ мѣсяцъ! Но въ большинствѣ случаевъ самъ издатель, онъ же и редакторъ, пишетъ передовыя и всякія статьи, морочитъ ими и свою, и чужія головы; самъ надписываетъ адреса, складываетъ и заклеиваетъ газету, самъ относитъ на почту и продаетъ газету въ розницу. Однимъ словомъ, онъ и «царь и рабъ, и червь и Богъ» своей газеты. Зато ему ни съ кѣмъ не приходится дѣлиться громадной для него прибылью. Заработать въ Сиріи 1.500—2.000 руб. въ годъ могутъ только турецкіе крупные чиновники. А имъ, какъ извѣстно, всякій завидуетъ.

Несмотря на такое слабое распространеніе въ массѣ печатнаго слова, сиріецъ большой политиканъ. Пріѣзжайте въ самую глухую деревню, и тамъ васъ будутъ разспрашивать о Китаѣ, Англіи, Трансваалѣ, Манчжуріи, Македоніи и всѣхъ текущихъ событіяхъ міровой жизни, перевирая ихъ на всѣ лады. А между тѣмъ рѣдкіе знаютъ, какіе новые налоги изобрѣла для нихъ Турція... Такъ многовѣковое общественное рабство научило ихъ относиться безучастно къ собственной судьбѣ, а рабство мысли заставило интересоваться только явленіями внѣшняго и притомъ чуждаго имъ міра. Оттого и во всей жизни замѣтно полное отсутствіе предпріимчивости, почина. Оттого и невѣжество и бѣдность. Оттого такъ безцвѣтно и неинтересно печатное слово и такъ мало проникаетъ оно въ народную среду. А тутъ еще непонятный языкъ, получившій въ Коранѣ божественное утвержденіе!..

С. Кондурушкинъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Іюль. 1904 г.

Содержаніе: — **Беллетристика.—Исторія литературы и критика.—Исторія.—Соціологія.—Астрономія.—Народовѣдѣніе и географія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Владиміръ Голиковъ. „Разсказы"—*Михаилъ Радловъ*. „Живыя фотографіи".—*Эллисъ*.—Иммортели".—*Валерій Брюсовъ*". Urbi et orbi".

Владиміръ Голиковъ. Разсказы. Спб. 1904 г. Ц 1 р. Книжка г. Голикова, если ее прочитать сразу, производитъ неровное, смутное, двойственное впечатлѣніе. Между тремя—четырьмя очень плохими разсказами вдругъ попадается одинъ, положительно художественный и яркій, на которомъ останавливаешься съ удовольствіемъ. Но и въ этихъ немногихъ разсказахъ общая архитектура произведенія иногда портится ненужными, фальшивыми надстройками въ излишне-реальномъ, всегда сильно преувеличенномъ вкусѣ. И все-таки, несмотря на нѣкоторую внѣшнюю пестроту и невыдержанность разсказовъ г. Голикова, въ нихъ чувствуется настоящее, искренне дарованіе, размѣры котораго опредѣлить теперь было бы очень затруднительно.

Наиболѣе цѣльный и, по нашему, самый лучшій во всей книжкѣ—разсказъ «Пассажиры». Содержаніе его заключается въ слѣдующемъ. Дѣвушку-учительницу, ѣхавшую по желѣзной дорогѣ въ дальнее село, заподозрили въ томъ, что она умышленно оставила въ вагонѣ ребенка, заподозрили на томъ основаніи, что нѣкоторые видѣли, какъ она, по своей сердечной добротѣ и по просьбѣ настоящей матери, возилась въ дорогѣ съ этимъ ребенкомъ. И вотъ на станціи праздная, скучающая толпа, движимая отчасти лицемѣрнымъ, подогрѣтымъ негодованіемъ, отчасти жаждой скандала, отчасти тайными, грязными побужденіями, окружаетъ дѣвушку и, постепенно озвѣрѣвая, долго и мучительно издѣвается надъ ней.

„— Засвидѣтельствовать ее, засвидѣтельствовать правильно!.. Валяй фершала, жандаръ!

„Жандармъ колебался одну минуту, потомъ, видя раздраженіе и настойчивость публики и растерянность дѣвушки, выдававшую ея виноватость,—особенно потому, что она была бѣдно одѣта,—и не находя другого выхода въ этомъ трудномъ обстоятельствѣ, сдѣлалъ строгое и безстрастное лицо и вѣжливо забормоталъ.

„— Пожал-те въ дежурную комнату, барышня!.. къ фершалу!

Дѣвушка, дрожа, рыдая, безсвязнымъ голосомъ стала увѣрять, оправдываться, просить, но толпа своими криками, гнѣвными и насмѣшливыми, злыми и добродушными, заглушала ея рыданія и мольбы.

„— Иди, шкуреха, иди, подлая.

„— По закону ежели... Ничего противъ не подѣлаешь!..

„— Не конфузьтесь, барышня, дѣло самое обыкновенное.

„— Не бойсь, не бойсь, дѣвонька... Фершалъ, онъ ничего... не обидитъ... Не бойсь... Вѣдь только того... Кофтишку маленько разстегнуть.

„И черезъ пеструю смѣсь голосовъ особенно пронзительно, уничтожающе

обидно и спокойно увѣренно просачивался злорадный, торжествующій, сочно вибрирующій голосъ.

— Не подкидывай невинныхъ младенцевъ, тварь!.. Соблюдай себя!.. Не забывай Бога!.. Имѣй совѣсть!...

„Упирающуюся дѣвушку стали толкать къ дверямъ дежурной комнаты“ и т. д.

Дѣвушка оказалась, какъ объ этомъ заявилъ черезъ нѣсколько минутъ фельдшеръ, «вполнѣ дѣвицей», и этимъ исчерпывается незатѣйливая фабула разсказа, если не считать благороднаго негодованія по этому поводу студента Иванова. Этотъ студентъ, занимающій въ разсказѣ самое видно мѣсто (такъ какъ черезъ него авторъ передаетъ свои наблюденія)—восторженный, глуповатый, наивный и жалкій человѣчекъ—единственная фигура, которая не задалась автору. Зато второстепенныя лица въ разсказѣ—толстый, румяный и лысый купецъ, маленькій, добродушный мужиченко, развязный гимназистъ, самоувѣренная, солидная и, повидимому, добродѣтельная женщина—предводительница осатанѣвшей толпы, жандармъ, фельдшеръ,—всѣ они схвачены очень живо и нарисованы свѣжо.

Недуренъ разсказъ «Неудобный родственникъ», хотя страшно старъ по сюжету. Сколько ужъ разъ пріѣзжали къ благонамѣреннымъ, чистенькимъ чиновникамъ забулдыги-братья! Новаго здѣсь только одно: въ отсутствіе брата чиновника, другой, «неудобный» братъ приходитъ въ кухню и разсказами о своей безалаберной жизни трогаетъ простыя, безхитростныя сердца пожилой кухарки и хорошенькой горничной. Не лишены интереса разсказы: «Воспоминаніе» (съ нѣсколько произвольной психологіей деревенскаго идіота) и «Оленька Бархатова».

Въ общемъ настроеніе у г. Голикова, по преимуществу, пессимистическое и выбираетъ онъ краски густыя, темно-коричневыя, но подъ этимъ мрачнымъ фономъ угадывается теплое, сострадательное сердце. Можно было бы посовѣтовать г. Голикову остерегаться такихъ сюжетовъ, какъ «Кошмаръ», «Ожесточенный», «Дилехторъ» и «Золото въ грязи»: юморъ, аллегорія и крайній реализмъ, не его сфера. Особенно опасенъ «Ожесточенный». Такія рискованныя вещи, какъ насиліе босяка надъ курсисткой, надо или вовсе не писать, или *умѣть* дѣлать это только съ громаднымъ талантомъ.

Языкъ у г. Голикова свой собственный, и это, я думаю, большой плюсъ для начинающаго автора. Но надо избѣгать неуклюжаго построенія фразы съ нагроможденными другъ на друга придаточными предложеніями, въ родѣ хотя бы тѣхъ двухъ первыхъ образцовъ, которыми начинается весь сборникъ. Выходитъ и грубо, и запутанно, и мало понятно. *А. К.*

Михаилъ Радловъ. Живыя фотографіи. Разсказы. 1904 г. Ц. 30 коп. Москва. Почему г. Радловъ озаглавилъ сборникъ своихъ разсказовъ «Живыя фотографія»—неизвѣстно. Если ужъ давать книжкѣ особое заглавіе, то надо, чтобы оно, по крайней мѣтѣ исчерпывало ея содержаніе. А сдѣлать это г. Радлову было бы очень легко: дѣйствіе всѣхъ его разсказовъ происходитъ на большой мануфактурной фабрикѣ, около ткацкихъ станковъ. Исключеніе составляетъ только первый разсказъ—«Кузнецъ Тихонъ Ермолаевичъ» въ немъ авторъ переноситъ читателя въ заводскую кузницу,—да и тамъ жена кузнеца Михайлы больна отъ того, что ее ударило по животу челнокомъ отъ фабричнаго станка.

Пишетъ г. Радловъ довольно сѣро, но фабричный бытъ знаетъ очень хорошо. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ часто и близко видалъ всѣхъ этихъ тяскальщиковъ, котлочистовъ, фабричныхъ хожалыхъ, ткачихъ и ткачей,—маленькихъ, незамѣтныхъ тружениковъ, которыхъ узкая профессія такъ обезличиваетъ и дѣлаетъ точно составными частями огромнаго бездушнаго механизма. Цѣна книжки чрезвычайно низкая. Думаемъ, что многіе разсказы изъ нея пригодились бы для дешевыхъ народныхъ изданій. *А. К.*

Эллисъ. Иммортели. Вып. I. Ш. Бодлеръ. М. 1904. Стр. 133. Ц. 80 к. При первомъ взглядѣ книжка г. Эллиса производитъ впечатлѣніе не только любовнаго, но даже благоговѣйнаго отношенія переводчика къ Бодлеру: имѣется въ книжкѣ рисунокъ—маска Бодлера, автографъ поэта, отрывки изъ статей о немъ Т. Банвилля и П. Бурже, письма къ поэту Сентъ-Бёва и Гюго, предисловіе и послѣсловіе (въ стихахъ) г. Эллисъ... Но при ближайшемъ ознакомленіи убѣждаешься, что въ дѣйствительности у переводчика нѣтъ ни истиннаго уваженія къ переводимому автору, ни таланта. Гдѣ та «конгеніальность» между авторомъ и переводчикомъ, та психическая близость и параллелизмъ, которые необходимы для того, чтобы получился переводъ, а не «переложеніе въ стихахъ?» Русская литература имѣетъ уже стихотворные переводы изъ Бодлера г. П. Я.; всякій новый переводчикъ долженъ предложить намъ переводы лучшіе, чѣмъ у г. П. Я., или не предлагать вовсе. Переводы г. Эллисъ не только значительно хуже переводовъ г. П. Я., но и безотносительно плохи. Г. Эллисъ прежде всего совершенно не съумѣлъ передать мрачной красоты и силы оригинала: стихъ его блѣденъ, тягучъ и невыразителенъ; его размѣры мертвенно-однообразны. Укажемъ, напр., на «Флаконъ», «Превратности», «Приглашеніе къ путешествію» и особенно, «Змѣю-плясунью»; третья изъ упомянутыхъ пьесъ вышла очень прозаичной со своимъ refrein:

„Все такъ стройно, такъ дивно-прекрасно,
„Полно нѣги роскошной и страстно!!!

и такими строчками:

И нашъ жаркій альковъ
Запахъ амбры, *курясь*, *напояетъ*.

Или

Про милый востокъ
Все бесѣду съ душой начинаетъ.

«Змѣя-плясунья» переведена такъ, что отъ Бодлера почти ничего не осталось. У Бодлера оно начинается такъ:

Que j'aime voir, chère indolente,
De ton corps si beau,
Comme une étoile vacillante
Miroiter la peau.

У г. Эллисъ получилось слѣдующее:

Рѣзвушка милая! какъ я любилъ всегда
Тебя, безпечное и нѣжное созданье!
И какъ во тьмѣ небесъ дрожащая звѣзда,
Мнѣ сердце радуетъ твоихъ красотъ блистанье.

Или въ срединѣ той же пьесы:

Когда несешься ты и такту отвѣчаешь,
Роскошная красавица моя,
Въ тотъ мигъ ты танецъ мнѣ иной напоминаешь,
Такъ можетъ танцовать лишь рѣзвая змѣя.

О г. Эллисѣ, очевидно, нельзя сказать, что онъ «отвѣчаетъ такту». Вотъ заключительная строфа стихотворенія «Превратность»:

Ангелъ радостный, полный восторга, сіянья!
Умирая, Давидъ умолилъ бы, любя,
Чтобъ ему дали жизнь твои благоуханья,
Я же только молитвы прошу у тебя,
Ангелъ радостный, полный восторга, сіянья!

Къ сожалѣнію, у насъ подъ рукой нѣтъ оригинала для сравненія; но, независимо отъ Бодлера, поэзія ли это вообще?

Подчеркнутыя въ предыдущихъ цитатахъ выраженія указываютъ на другую сторону переводовъ г. Эллиса: на значительную неряшливость формы и банальность эпитетовъ. Страницы сборника такъ и пестрятъ безвкусными

старинными выраженіями: длань, злато, младой, кладъ, хладный, дѣва, дивная фея, роскошная струя, роскошныя кудри, лобзанье, болѣ; очень много неправильныхъ ударенiй: мóе; киркóю; прокляты́мъ, заня́ты, óбвилъ... Много также сомнительныхъ риѳмъ: внимаю — кивая, безумный — шумно, моя— принося, напорѣ—моря; стихотвореніе «Фонтанъ» очень бѣдно съ музыкальной стороны: переводчикъ злоупотребляетъ здѣсь (и не только здѣсь) глагольными и флексивными риѳмами. Нельзя не указать, далѣе, на цѣлый рядъ неправильныхъ выраженій и крайне неблагозвучныхъ комбинацій словъ; таковы, напр., «непрошенный завѣсъ» (стр. 127), «твоихъ валовъ *скаканье*» (стр. 107); «и вотъ *крѣпчаетъ* грудь при яростномъ напорѣ» (стр. 93); прозаичное «луна печалится, луна не можетъ спать» въ стих—іи «Печальная луна»; «личинокъ жадныхъ *полкъ*» («Падаль»). Наконецъ, рядъ «какофоническихъ» стиховъ и выраженій:—въ скобкахъ указаны страницы): «О, лучше-бъ мнѣ судьба»; «я все-жъ отмщу ему», «я такъ отмщу, чтобъ плодъ»; (36); сотни люстръ блистая» (36), крикъ, отвсюду повторенный», (45); маякъ *на тысячи высотахъ* засвѣченный (ibid);

„И со свистомъ пронзительнымъ вѣтеръ развиваетъ
Бѣлоснѣжныя пряди родимыхъ (? *Л. В.*) волосъ“ (54)
Опершися на шпагу“ (ib)
Онъ снова прянуть могъ на смрадный трупъ тотчасъ“ (66)
О, какъ смѣшонъ и пошлъ плясуньи трудъ бездушной (83).
Въ гирляндахъ гербовыхъ весь одръ какъ холмъ могильный (104)."

Справедливость требуетъ, однако, указать тѣ немногія стихотворенія, которыя г. Эллису удалось перевести недурно. Таковъ переводъ знаменитаго «Альбатроса», «Гармонія вечера», «Кошка» (I пьеса) и «Слѣпцы».

Еще два слова: въ апрѣльской книжкѣ «Вѣсовъ» г. Аврелій даетъ обстоятельный разборъ работы г. Эллисъ и, помимо бездарности перевода и недостаточнаго знакомства переводчика съ французскимъ языкомъ, дѣлаетъ еще одно любопытное «наблюденіе» надъ разсматриваемымъ сборникомъ: изъ 84 помѣщенныхъ здѣсь стихотвореній—25 (почти цѣлая треть!) носятъ на себѣ слѣды *слишкомъ* пристальнаго вчитыванія г. Эллисъ въ переводы Бодлера— г-омъ П. Я.; г. Аврелій приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ болѣе чѣмъ страннаго «совпаденія» текста г. Эллисъ съ текстомъ г. П. Я. Если совпаденія, вообще говоря, могутъ быть объяснены случайностью, то какъ усмотрѣть «случайность» тамъ, гдѣ г. П. Я. переводитъ «expiation» (искупленіе) словомъ «позоръ» и г. Эллису приходитъ въ голову также «позоръ»; въ другомъ мѣстѣ г. П. Я. переводитъ «perles de la mer» черезъ «алмазы и сапфиры»; г. Эллисъ—тоже. И такихъ мѣстъ много. Тамъ, гдѣ г. П. Я., въ виду требованій стиха, сознательно ставитъ вмѣсто бодлеровскаго слова свое, тамъ г. Эллисъ сознательно... переписываетъ у г. П Я. его слово. Въ лицѣ г. Эллисъ русская литература не пріобрѣла, такимъ образомъ, не только талантливаго, но и—добросовѣстнаго переводчика Бодлера. *Л. В.*

Валерій Брюсовъ. Urbi et orbi. Стихи 1900—1903 г. Москва. К-во «Скорпіонъ». 1904 г. Г. В. Брюсовъ выражаетъ, повидимому, намѣреніе стать вполнѣ «серьезнымъ» поэтомъ. Онъ значительно эволюціонировалъ съ того времени, какъ пріобрѣлъ впервые извѣстность, далеко, къ сожалѣнію, не почетную, пресловутымъ стихомъ—«О, закрой свои блѣдныя ноги». Эти «блѣдныя ноги» рѣшительно мѣшали сколько нибудь внимательному отношенію къ автору, «побившему рекордъ» въ глумленіи надъ словомъ. Но пусть это останется «грѣхомъ юности»; въ лежащемъ передъ нами сборникѣ стиховъ за послѣдніе три года авторъ выказываетъ иныя качества: «за мной паденій стыдъ и боль палящихъ ранъ»... Въ своей новой манерѣ г. Брюсовъ пріобрѣлъ несомнѣнную виртуозность стиха,—порой нѣсколько тягучаго, слишкомъ длиннаго,

какъ бы волочащагося за мыслью, вмѣсто того, чтобы поднять ее крылатымъ словомъ или яркимъ образомъ, но порою представляющагося въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ стихотворенія. Вотъ, напримѣръ, небольшое стихотвореніе—«Каменьщикъ» (изъ отдѣла—«На улицѣ»), которое мы приведемъ цѣликомъ:

— Каменьщикъ, каменьщикъ, въ фартукѣ бѣломъ,
Что ты тамъ строишь? Кому?
— Эй не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.

— Каменьщикъ, каменьщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
— Вѣрно не ты, и не твой братъ, богатый.
Незачѣмъ вамъ воровать.

— Каменьщикъ, каменьщикъ, долгія ночи
Кто жъ проведетъ въ ней безъ сна?
— Можетъ быть сынъ мой, такой же рабочій.
Тѣмъ наша доля полна.

— Каменьщикъ, каменьщикъ, вспомнитъ пожалуй
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!
— Эй берегись! Подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи!

Мы начали съ конца, тогда какъ авторъ въ предисловіи къ своему сборнику рекомендуетъ читать его послѣдовательно подрядъ, «какъ романъ, какъ трактатъ», ибо—«стихотвореніе, выхваченное изъ общей связи, теряетъ столько же, какъ отдѣльная страница изъ связнаго разсужденія». Для общей оцѣнки индивидуальности поэта это, можетъ быть, и справедливо, но стихотвореніе должно представлять изъ себя и самостоятельное цѣлое, иначе оно не отвѣчаетъ своему назначенію. Обязывать читателей сборниковъ стихотвореній читать не иначе, какъ подрядъ, чрезмѣрная претензія со стороны автора. Претенціозно и заглавіе—«Urbi et orbi». Поэтамъ, правда, свойственно стремленіе къ нѣкоторому мессіанизму, но когда съ нимъ выступаешь, нужна большая опредѣленность міросозерцанія и большая устойчивость въ тѣхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, о которыхъ оповѣщаешь міру, чѣмъ мы это находимъ у г. Брюсова. Въ самомъ дѣлѣ, если въ свое время поэта уподобляли «пророку» и Пушкинъ, и Лермонтовъ, то каждый изъ нихъ выражалъ опредѣленно и содержаніе пророческой вѣсти поэта. Между тѣмъ, г. Брюсовъ ограничивается замѣчаніемъ: «Не знаю самъ какая, и все-жъ я міру вѣсть!» Неопредѣленность этого вывода не отстраняется предъидущими строками: «Я къ вамъ вернусь, о люди,—вернусь преображенъ, вся жизнь былая будетъ, какъ нѣкій душный сонъ» и т. д. Мы готовы порадоваться этому «возвращенью» г. Брюсова—«воскресшимъ, проснувшимся отъ сна», готовы привѣтствовать его преображеніе, переходъ отъ «душнаго сна» моральнаго и художественнаго «декадентства» къ широкимъ запросамъ жизни и смѣлому полету индивидуальныхъ стремленій, но все же не можемъ повѣрить, чтобы въ «самохваленьи было служенье Богу», и чтобы въ этомъ заключалась какая либо вѣсть міру. Добро бы еще рѣчь шла о *самосознаніи*, ибо въ сознаніи нашемъ отраженіе вселенной, и есть въ немъ, стало быть, то, что можетъ служить «объектомъ культа». Самохваленіе» въ крайнемъ случаѣ неумѣстная игра словъ. Для роли пророка,—помимо неопредѣленности призванія,—слишкомъ шатки и идеалы автора. Онъ заявляетъ во вступленіи:

Я создалъ и отдалъ, и поднялъ я молотъ, чтобъ снова сначала ковать.
Я счастливъ и силенъ, свободенъ и молодъ, творю, чтобы кинуть опять!

Такое отношеніе автора къ отбрасываемымъ имъ самимъ продуктамъ своего творчества ничуть не располагаетъ къ ихъ воспріятію и другими. И, вообще,

всѣ претензіи на «пророчество» не удаются автору. Главный источникъ его вдохновенія, его мечтаній и сокрушеній все таже «болѣзнь вѣка»—непомѣрное ношеніе съ своею личностью, со своимъ маленькимъ «я», которому дается исключительное значеніе. Поэзія г. Брюсова по преимуществу «эгоцентрическая» и, какъ знаменіе переходной эпохи, пріобрѣтаетъ интересъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это «я» рисуется въ обобщенной формѣ вѣчной неудовлетворенности человѣка. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ произведеній въ этомъ родѣ является стихотвореніе (въ отдѣлѣ «Исканія»): «Я жить усталъ среди людей и въ дняхъ» (особенно хороша третья строфа: «И думы... Сколько ихъ, въ одеждахъ золотыхъ, завѣтныхъ думъ, лелѣянныхъ съ любовью» и т. д.). Но эта разочарованность—тема, очевидно, далеко не новая — представляется въ рѣзкомъ противорѣчіи съ призывами къ ликованію и... самолюбованію. Нездоровое чувство возбуждаютъ стихи, воспѣвающіе на разные лады сладострастье, хотя по формѣ они очень цѣльны («Рабъ», «Помпеянка», «Рѣшетка», «Городъ женщинъ»). Если авторъ имѣетъ въ виду символику «Пѣсни пѣсней», то крайне затуманилъ иносказательность своихъ чисто эротическихъ образовъ. Жалобы на одиночество довольно часты въ поэзіи г. Брюсова, но одиночество его вполнѣ добровольное, такъ какъ онъ самъ отворачивается отъ міра и людей. И чуждаясь проблемъ, объединяющихъ личную жизнь съ пониманіемъ запросовъ чужихъ жизней, авторъ рискуетъ подвергнуть свои произведенія той участи, которую предрекаетъ, въ его «Терцинахъ къ спискамъ книгъ»,—«Скелетъ всего, что было жизнью сто вѣковъ»...

Я всѣмъ даю опредѣленный срокъ.
Твори и ты, а изъ твоихъ мечтаній
Я сохраню на вѣкъ семь-восемь строкъ.

Хорошо, если и этого достичь, а единственный путь къ тому, на нашъ взглядъ, это прежде всего упразднить «самохваленіе», и чаще выглядывать «на улицу», ища въ общемъ сознаніи проясненія индивидуальныхъ проблемъ и въ преслѣдованіи идеаловъ справедливости достойную задачу, чтобы служить противоядіемъ taedium vitae и восполнить недочеты личной неудовлетворенности.

Ѳ. Бат—овъ.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКА.

И. Ф. Рында. „Черты изъ жизни И. С. Тургенева“.—Проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* „Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева“.

И. Ф. Рында. Черты изъ жизни И. С. Тургенева. Спб. 1903. Стр. 78. (Цѣна 50 к.). Авторъ этой книжки—землякъ Тургенева и страстный его поклонникъ. Будучи къ тому же охотникомъ, онъ неоднократно посѣщалъ тѣ мѣста, въ которыхъ охотился самъ Тургеневъ, и нерѣдко встрѣчался съ лицами, которыя могли кой-что сообщить ему о великомъ писателѣ. Въ числѣ этихъ лицъ г. Рында называетъ священниковъ оо. Рѣзанова и Казанскаго, М. А. Щепкина (внука знаменитаго актера), П. М. Перегримова (бывшаго лакея Тургенева), помѣщика А. В. Кривцова, а также дочерей охотника Аѳанасія, сопровождавшаго Тургенева въ его охотничьихъ экскурсіяхъ и изображеннаго въ «Запискахъ охотника» подъ именемъ Ермолая. Изъ устныхъ разсказовъ названныхъ лицъ, а также изъ архива и записокъ священника села Спасскаго г. Рындѣ удалось извлечь нѣсколько не лишенныхъ интереса свѣдѣній о Тургеневѣ и о его матери. О матери Тургенева говорится: «По разсказамъ всѣхъ современниковъ, Варвара Петровна обладала очень некрасивою, даже отталкивающею наружностью: опа была маленькаго роста, съ лицомъ,

частію прыщеватымъ, частію изрытымъ глубокими порами; при этомъ она говорила въ носъ, гнусявила». Далѣе г. Рында высказываетъ мнѣніе, что мать Тургенева была женщина душевнобольная, и приводитъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о ея ненормальности. У нея былъ цѣлый штатъ людей, которые пекли хлѣбы, дѣлали изъ него катышки и разбрасывали ихъ по выгону... для воронъ, къ которымъ суровая барыня относилась гораздо гуманнѣе, чѣмъ къ своимъ крѣпостнымъ. Дворовымъ дѣвушкамъ, напримѣръ, она не позволяла выходить замужъ и результатомъ этого барскаго каприза было «нѣсколько десятковъ дѣтскихъ скелетовъ», вытащенныхъ неводомъ изъ пруда. Отношенія Варвары Петровны не только къ крѣпостнымъ, но и къ собственнымъ сыновьямъ, рѣзко колебались: «приливъ горячей нѣжности смѣнялся безпричинной злобой». Иногда въ припадкѣ гнѣва барыня сама бросалась на неугодившаго ей двороваго и начинала его душить, обмотавъ ему шею платкомъ. Потерявъ мужа, Варвара Петровна, по словамъ г-на Рынды, «въ своихъ причудахъ и выдумкахъ все болѣе и болѣе выходила изъ границъ нормальности. Такъ, она приказала сдѣлать себѣ кресло на носилкахъ; бока его были стеклянные, а крыша деревянная, покатая. Барыня, сидя въ этомъ креслѣ, осматривалась по сторонамъ и видимо блаженствовала, когда ее носили вокругъ Спасскаго. Но не легко было смотрѣть Ивану Сергѣевичу на эту «богородицу» (какъ прозвали ее окрестные помѣщики»). «Если собрать— говоритъ г. Рында,—всѣ разсказы... о дѣяніяхъ Ив. Ив. Лутовинова и Варвары Петровны Тургеневой, ихъ бурмистровъ и управляющихъ и другихъ начальниковъ, получается такая картина, передъ которою волосы становятся дыбомъ. Кажется, вокругъ Спасскаго нѣтъ ни одной пяди земли, которая не была бы орошена слезами отчаянія, поруганнаго достоинства и кровью, лившеюся, когда двое названныхъ владѣльца, люди безспорно даровитые, но не удовлетворенные жизнью, искали острыхъ ощущеній въ звѣрскихъ поступкахъ, чинимыхъ ими надъ своими беззащитными подданными».

Совершенно инымъ характеромъ отличаются воспоминанія о Тургеневѣ, сохранившіяся на его родинѣ. По отзывамъ бывшихъ его крѣпостныхъ и дворовыхъ, «дуренъ былъ лицомъ Иванъ Сергѣевичъ, а какъ ангелъ». Съ необычайной добротой по отношенію къ людямъ, такъ много настрадавшимся отъ деспотизма его матери, Тургеневъ соединялъ и необыкновенную вѣжливость и деликатность. Возвращаясь съ прогулки, онъ самъ очищалъ отъ грязи свои сапоги; отвѣчая на поклонъ, онъ снималъ шляпу даже передъ крестьянскимъ ребенкомъ. Эта деликатность Тургенева особенно бросалась въ глаза при сравненіи его съ Фетомъ, который, по словамъ г. Рынды, «держалъ себя очень надменно, съ пренебреженіемъ относясь ко всѣмъ тѣмъ, кого судьба не удостоила быть дворяниномъ и владѣть помѣстьями... Встрѣчаясь на прогулкѣ по саду съ крестьянами, онъ съ брезгливостію повертывался къ нимъ спиною, дѣлая видъ, что разсматриваетъ цвѣточки».

Интересные факты сообщаетъ г. Рында и въ томъ очеркѣ, который посвященъ спеціально охотничьей жизни Тургенева, а также въ очеркѣ, посвященномъ описанію Льгова. Хищническая охота и, какъ прямое слѣдствіе ея, исчезновеніе дичи въ этомъ прославленномъ «Записками охотника» мѣстѣ наводитъ автора на самыя грустныя размышленія Но еще большей грустью вѣетъ отъ его описанія тургеневской усадьбы въ селѣ Спасскомъ.

«Школа закрыта, въ зданіи бывшей богадѣльни живетъ урядникъ. Домъ опустѣлъ, полы въ немъ провалились, мебели нѣтъ; библіотека, когда-то очень обширная, въ настоящее время представляетъ собою безпорядокъ». А библіотека эта представляетъ двойной интересъ: въ нее вошла и библіотека Бѣлинскаго, и г. Рында видѣлъ многія книги съ автографами великаго критика. Очеркъ, посвященный «Забытой усадьбѣ» Тургенева, оканчивается горькимъ,

но справедливымъ упрекомъ русскому обществу, которое до сихъ поръ ничего не сдѣлало для сохраненія въ приличномъ видѣ тургеневскаго «гнѣзда».

Сообщая новые факты для біографіи и характеристики Тургенева, очерки г. Рынды въ то же время не свободны отъ неточностей, гиперболизмовъ и маловѣроятныхъ предположеній. Трудно, напримѣръ, повѣрить, что проводя въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ каждое лѣто въ селѣ Спасскомъ, Тургеневъ въ хорошіе дни охотился, а «въ ненастные дни, когда охотиться было нельзя, онъ записывалъ свои впечатлѣнія, въ которыхъ въ художественной формѣ раскрывалъ язвы общественной жизни и бичевалъ своего ненавистнаго врага—крѣпостное право». Какъ извѣстно, «Записки охотника» были написаны не въ первой, а во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, а до того времени Тургеневъ писалъ стихотворенія и поэмы, въ которыхъ почти не упоминалъ о крѣпостномъ правѣ и крестьянахъ. Ни на чемъ не основано также и предположеніе г. Рынды, что Тургеневъ именно во время охоты давалъ «клятвы... быть непримиримымъ врагомъ деспотизма и крѣпостного права». Что касается гиперболизмовъ, то ихъ особенно много въ біографической замѣткѣ о Тургеневѣ. Если повѣрить г. Рындѣ, то Тургеневъ подготовилъ почву для «женскаго вопроса» не только въ Россіи, но и на западѣ (ст. 14). На той же самой страницѣ сообщается, что Тургеневъ создалъ русскій бытовой романъ и что «англійскіе критики отводятъ Тургеневу первое мѣсто среди современныхъ писателей». Упоминая объ исторической роли «Записокъ Охотника», г. Рында, конечно, не удержался, чтобы не привести словъ, будто бы сказанныхъ Тургеневу Императоромъ Александромъ II. Въ своихъ не всегда умѣренныхъ восторгахъ передъ Тургеневымъ г. Рында доходитъ и до такихъ странныхъ утвержденій, какъ, напримѣръ, слѣдующее: «весь укладъ русской общественной жизни, накопившійся (!) въ твореніяхъ Тургенева, вылился и въ устройствѣ гласнаго судопроизводства, земства, городскомъ самоуправленіи, всеобщей воинской повинности и въ самое послѣднее время въ уничтоженіи круговой поруки» (стр. 6).

Въ общемъ, книжка г. Рынды не лишена интереса, но пользоваться ею можно только съ извѣстною осторожностью. Слѣдуетъ упомянуть также, что нѣкоторые изъ очерковъ, вошедшихъ въ эту книжку, были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», о чемъ можно было бы сказать въ предисловіи. Къ книжкѣ приложенъ всѣмъ извѣстный портретъ Тургенева и четыре рисунка къ очерку «Забытая усадьба». *С. Ашевскій.*

Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. Спб. К-во «Оріонъ». 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ новомъ изданіи «Этюдовъ о творчествѣ Тургенева», появленіе котораго нельзя не привѣтствовать, какъ показателя возростающаго интереса нашей читающей публики къ серьезному изученію своихъ классическихъ писателей, авторъ прибавилъ довольно обстоятельное введеніе о «западническихъ» воззрѣніяхъ Тургенева и два приложенія: бѣглый очеркъ главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи критики Тургенева и разъясненіе философской темы, затронутой г. Овсянико-Куликовскимъ въ своихъ этюдахъ—«о связи между моральнымъ и религіознымъ укладомъ въ душѣ человѣка». Кромѣ того, сдѣлано нѣсколько поправокъ въ текстѣ. Послѣднее приложеніе дано по поводу анализа характера Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Авторъ пытается объяснить, какъ требованія личной совѣсти приводятъ, подчиняясь «соціальной тягѣ», къ началу религіозному, которое есть и «сверхъ-соціальное». «Когда человѣкъ,—пишетъ г. Овсянико-Куликовскій, обладающій высоко-развитымъ нравственнымъ чувствомъ и утонченнымъ аппаратомъ совѣсти, станетъ пристально и «неотвратимо» всматриваться въ свой внутренній міръ, въ таинственную лабораторію своей совѣсти, то его умствен-

ный взоръ увидитъ либо Божество, либо Космосъ». Такъ случилось-де и съ Лизой, которая, «пристально и *неотвратно* (выраженіе Тургенева) всматриваясь въ свой нравственный міръ,... увидѣла Бога». И, увидавъ, полюбила— восторженной, мистической любовью, которая поглотила ее всецѣло, отвративъ даже отъ подвига служенія страждущему человѣчеству или служенія на почвѣ общественной борьбы, такъ какъ она вся стала «не отъ міра сего». Авторъ называетъ такое состояніе души—«мистическимъ счастьемъ, котораго нельзя ни отнять, ни отравить, ни опошлить». Пусть такъ; но можно ему сдѣлать иную оцѣнку. Идеалъ Лизы это пассивный идеалъ самоотреченія, а «радость духа» все же должна заключаться въ дѣятельности. То, что авторъ называетъ «мистическимъ счастьемъ» Лизы—мертво и сколько бы ея уходъ изъ міра ни былъ обусловленъ возвышенными и благородными свойствами ея натуры,— отказъ отъ жизни есть отказъ отъ жизни, для котораго не надо было никакой «соціальной тяги», по выраженію автора. Тургеневъ, конечно, со свойственнымъ ему мастерствомъ очертилъ обликъ чисто подвижнической натуры, какія создавала, а можетъ быть и продолжаетъ создавать русская дѣйствительность, и указалъ, какимъ путемъ она пришла и къ самоотреченію и къ отказу отъ жизни, но мы должны поискать въ окружавшихъ ея общественныхъ условіяхъ причины, почему, увидѣвъ «въ таинственной лабораторіи своей совѣсти... Бога», Лиза не постигла Бога во вселенной и замкнулась, какъ средневѣковые затворники, очень цѣльная и сильная въ своемъ порывѣ къ одиночеству, но все же безнадежно одинокая и пассивная Подвижничество возможно и на міру, и именно въ такихъ чертахъ не разъ выставлялся другой типъ Тургенева—Базаровъ. Если Писаревъ упрекалъ Тургенева «въ томъ, что онъ заставилъ Базарова отрицать эстетику, искусство, поэзію», то Страховъ изъ этого отрицанія поэзіи, искусства и т. д. дѣлалъ выводъ объ аскетизмѣ натуры Базарова. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ Страхова и даже усматриваетъ въ немъ нѣкоторую ошибку (стр. 258), такъ какъ-де: «Базаровскій аскетизмъ не средневѣковой, не монашескій; онъ также не религіознаго порядка, а равно не можетъ быть названъ моральнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это—«аскетизмъ» суровой, гордой, независимой личности, это также—аскетизмъ «революціонера». Такой аскетизмъ вовсе не обязываетъ отрицать искусство». Быть можетъ, не «обязываетъ», однако, наличное свойство Базарова вполнѣ вяжется съ его обликомъ человѣка, страстно преданнаго идеѣ реформы, сознательно ограничивающаго свои духовныя потребности и отрѣшившагося отъ едва ли не единственныхъ устойчивыхъ радостей въ жизни, доставляемыхъ искусствомъ. Базаровъ, конечно, въ своемъ родѣ подвижникъ, но подвижникъ, преданный міру и мірскимъ интересамъ, поборникъ идеи и въ то же время, по своимъ человѣческимъ свойствамъ, богато одаренная натура, которая только въ силу сосредоточенной напряженности мысли въ извѣстномъ направленіи, обусловленномъ историческимъ моментомъ, кажется намъ на разстояніи полувѣка какъ бы умышленно урѣзанной, односторонней, поставленной въ какія-то шоры. Въ иное время Базаровъ могъ бы и не отрицать искусства. Но тогда онъ не былъ бы типическимъ представителемъ въ литературѣ пережитого момента въ исторіи русской интеллигенціи. Г. Овсянико-Куликовскій отрицаетъ за нимъ значеніе типа: «Базаровъ—это въ нѣкоторомъ родѣ фантомъ, видѣніе художника. Это не типъ въ тѣсномъ смыслѣ слова» (стр. 55). Свое мнѣніе критикъ основываетъ на томъ соображеніи, что-де «Базаровъ интересенъ и значителенъ» не «взглядами», не «направленіемъ» (связывающими его внѣшнимъ образомъ съ типомъ «нигилистовъ» и «мыслящихъ реалистовъ» 60-хъ гг.), а внутренней содержательностью и сложностью натуры». Цитуя извѣстное мѣсто изъ письма Тургенева къ Случевскому, въ которомъ Тургеневъ сообщаетъ, что, задумавъ Базарова, онъ рисо-

валъ себѣ образъ, который долженъ былъ бы представиться, какъ—«странный pendant съ Пугачевымъ», человѣка, обреченнаго на гибель, потому что онъ стоитъ лишь въ преддверьи будущаго, демократа до мозга костей, «и если онъ называется нигилистомъ, то надо читать: революціонеромъ» (письмо 1862 г. № 18, приведено у проф. Овсянико-Куликовскаго), авторъ оспариваетъ Тургенева противъ него самого и старается доказать, что Базаровъ отнюдь не подходитъ къ типу «революціонера». Онъ намѣчаетъ,—конечно, гипотетически,—свойства, которыми Тургеневъ долженъ былъ бы надѣлить своего героя, если бы онъ дѣйствительно далъ то, что сулилъ, и затѣмъ опровергаетъ мнѣніе автора на основаніи анализа качествъ Базарова, главнымъ образомъ присущей ему «внутренней свободы и скептицизма», а также вѣчной неудовлетворенности при сознаніи своего «ничтожества». Весь этотъ экскурсъ автора намъ представляется, какъ говорится, — «никчемнымъ». Во-первыхъ, и Тургеневъ, говоря о Базаровѣ, могъ имѣть въ виду конечно лишь идейнаго, а не какого-либо другого революціонера. Во-вторыхъ, намѣченный авторомъ «шаблонъ» для провѣрки очень произвольно имъ скроенъ. Въ третьихъ, наконецъ, г. Овсянико-Куликовскій очень преувеличиваетъ въ самомъ Базаровѣ черты, которыми, по его мнѣнію, Тургеневъ «отъ себя» надѣлилъ своего героя. Мысль о своемъ «ничтожествѣ», отъ котораго «смердитъ»,—возникаетъ у Базарова лишь послѣ неудачи у Одинцовой, подъ вліяніемъ «несчастной любви» (Аркадій такъ и понялъ его замѣчаніе), а вовсе не въ силу какого-нибудь «космическаго пессимизма». Базаровъ человѣкъ съ большимъ честолюбіемъ и до самой смерти готовилъ себя къ великимъ дѣламъ. «Внутренняя свобода» ничуть не идетъ въ разрѣзъ съ мыслями создать жизнь по новому и даже является первымъ условіемъ самостоятельнаго мышленія. И «скептицизмъ» Базарова не есть тотъ философскій скептицизмъ, который, повидимому, авторъ имѣетъ въ виду, а только критическое отношеніе ко всему традиціонному, желаніе жить своимъ умомъ, а не авторитетами. Г. Овсянико-Куликовскій, признавая въ Тургеневѣ по преимуществу объективнаго художника, въ чемъ онъ, конечно, вполнѣ правъ, считаетъ все же, что именно при созданіи Базарова онъ многое восполнилъ своимъ, субъективнымъ. Доля субъективизма неизбѣжна во всякомъ творчествѣ—это безспорно. Но «субъективизмъ» Тургенева по отношенію къ Базарову мы усмотрѣли бы не въ томъ направленіи, какое представляется автору, лишая Базарова значенія типичности. Намъ кажется, что писатель, избравъ данное лицо и развивъ въ немъ общечеловѣческія свойства (что не противорѣчитъ свойствамъ типа), сосредоточилъ главное вниманіе именно на провѣркѣ даннаго міровоззрѣнія, которое онъ взялъ, такъ сказать, готовымъ, указаннымъ современною жизнью. *Субъективное* отношеніе Тургенева къ своему герою, сказалось въ томъ, во 1-хъ, что человѣка, отрицающаго любовь, онъ заставилъ влюбиться и именно въ безнадежной любви познать все могущество этого общечеловѣческаго фактора, хотя бы многіе и обходились безъ нея: но самъ Тургеневъ вѣрилъ въ любовь. Во-2-хъ, человѣка, усвоившаго себѣ «реалистическое міросозерцаніе», исключавшее всякую мечтательность и поэзію, онъ заставляетъ именно мечтать, лежа подъ стогомъ сѣна, и пускаться въ разсужденія о бренности всего мірского передъ вѣчностью. Наконецъ, человѣка, который вѣрилъ только въ себя, въ свои силы, въ свою великую будущность, онъ заставляетъ внезапно умереть отъ «безсмысленной случайности», безъ всякихъ надеждъ впереди, безъ удовлетворенія въ прошломъ: «сила-то, сила вся еще тутъ, а надо умирать»... Это нѣчто роковое, и Тургеневъ надъ силой человѣка ставитъ силу фатума, заставилъ склониться передъ нимъ гордаго человѣка. Не столько въ личныхъ свойствахъ Базарова, какъ въ созданной авторомъ схемѣ событій, обстановкѣ дѣйствія, подвергающаго провѣркѣ правильность міровоззрѣнія героя повѣсти, сказался, на нашъ взглядъ, *субъекти-*

визмъ Тургенева, какъ художника и мыслителя. Онъ, конечно, обобщилъ типъ, развивъ въ немъ его человѣческія свойства, но все-таки типъ есть, и Базаровъ характеренъ для опредѣленнаго историческаго момента; «вѣчное» въ немъ не субъективно-тургеневское, а общечеловѣческое, о которомъ Тургеневъ напомнилъ силой художественнаго обобщенія начертаннаго типа.

Наша замѣтка слишкомъ разрослась, чтобы здѣсь исчерпать во всякомъ случаѣ крайне содержательные этюды г. Овсянико-Куликовскаго, съ многочисленными экскурсами на общія этико-философскія темы, и если нѣкоторые доводы и построенія автора не представляются намъ вполнѣ убѣдительными, то все же они всегда интересны и свидѣтельствуютъ о большой вдумчивости, и порой даже кропотливости критика—изслѣдователя, который по возможности придерживается научныхъ методовъ работы. Кромѣ Базарова, онъ подробно разбираетъ Соломина и затѣмъ серію женскихъ типовъ Тургенева, справедливо оттѣняя ихъ важность. Въ введеніи онъ излагаетъ остроумную теорію, по которой и славянофильство, и западничество объясняется изъ «классовой психологіи *мыслящаго барства*», представляясь лишь двумя сторонами тоже барскаго націонализма—положительнаго и отрицательнаго. Аргументація автора весьма остроумна, но все же его теорія парадоксальна, ибо съ формулой, что западничество есть не отрицаніе націонализма, а «отрицательный націонализмъ», врядъ ли можно согласиться. Къ счастью, въ этюдахъ г. Овсянико-Куликовскаго достаточно и вѣрнаго, и убѣдительнаго, чтобы не настаивать на спорномъ, которое намъ лишь поневолѣ пришлось выдвинуть въ краткой рецензіи. *Ѳ. Батюшковъ.*

ИСТОРІЯ.

З. А. Рагозина. „Краткая всемірная исторія". *С. И. Кисовъ.* „Изъ боевой и походной жизни 1877—1878 г.г."

З. А. Рагозина. Краткая всемірная исторія. Выпускъ I. Древнѣйшіе народы. Съ 100 рисунками и 1 картой. Ц. въ папкѣ 60 к., съ перес. 75 к. (140 стр. 8°). Выпускъ II. Древнѣйшій Египетъ. Съ 100 рис. и 1 картой. Ц. въ папкѣ 60 к., съ перес. 75 к. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. (Безъ указанія года; но «дозволено цензурою», I вып. 16-го іюня, а II—30 іюня 1903 года). Г-жа Рагозина, уже извѣстная русской читающей публикѣ тремя томами своей «Древнѣйшей исторіи востока» (см. «М. Б.», 1903, іюнь), въ настоящее время издала въ свѣтъ два выпуска новаго обширнаго предпріятія «Краткой всемірной исторіи». Предпріятіе это заслуживаетъ полнаго сочувствія, и потому слѣдуетъ внимательно разсмотрѣть, какія цѣли преслѣдуетъ авторъ въ своемъ новомъ трудѣ и какими принципами онъ руководится въ выборѣ и изложеніи матеріала. Прежде всего надо обратить вниманіе на то, что г-жа Рагозина пишетъ для «дѣтей лѣтъ десяти—четырнадцати, не имѣющихъ еще никакого понятія объ исторіи» (I вып., стр. 11). Это обусловливаетъ для нея необходимость возможно большей простоты изложенія, безъ всякихъ замысловатыхъ словъ. Но, по мнѣнію автора, «непремѣнное условіе хорошей дѣтской книги,—чтобы взрослые могли прочесть ее безъ скуки», (тамъ же, стр. 12) и этому требованію г-жа Рагозина надѣется удовлетворить. Такимъ образомъ задача автора можетъ быть сведена къ краткому общедоступному изложенію всемірной исторіи.

Выполненіемъ этой задачи г-жа Рагозина надѣется разрѣшить «самый насущный вопросъ въ современномъ образованіи: положительную необходимость заново перебрать, переработать всю массу того, что нужно выучить, чтобы

имѣть право назваться образованнымъ человѣкомъ» (тамъ же, стр. 8). Конечно, авторъ имѣетъ въ виду область исторической науки: «и въ этой области приходится слишкомъ многому учиться, если относиться къ предмету серьезно и добросовѣстно: слишкомъ много именъ, слишкомъ много датъ, родословныхъ, сраженій; все это мертвая тяжесть, давящая мозгъ. Но все это вовсе не необходимо. Нужно только умѣть различить существенное отъ несущественнаго, и все устроится само собою». И далѣе (стр. 9) авторъ отвѣчаетъ на вопросъ, что́ же существенно въ исторіи, что́ стоитъ знать: «Стоитъ знать все то, что́ приближаетъ къ намъ прошлое, живитъ его, представляетъ намъ историческихъ лицъ въ видѣ живыхъ людей, а не мертвыхъ именъ: стоитъ изучить все, что́ даетъ намъ возможность заглянуть въ глубину души этихъ оживленныхъ исторіей людей, что́ заставляетъ насъ вмѣстѣ съ ними чувствовать и переживать, ощущать къ нимъ любовь, удивленіе, жалость, ненависть совершенно такъ же, какъ бы мы ощущали ихъ къ своимъ современникамъ...; стоитъ знать все то, что помогаетъ намъ наглядно уразумѣть, что мы не отрѣзаны даже отъ самаго отдаленнаго прошлаго...» Отвѣтъ этотъ нельзя назвать опредѣленнымъ, но общій смыслъ его, повидимому, заключается въ противуположеніи культурной исторіи всему тому, что составляетъ «мертвую тяжесть, давящую мозгъ». Въ этомъ смыслѣ принципы г-жи Рагозиной заслуживаютъ полнаго сочувствія, но критерія для отдѣленія существеннаго отъ несущественнаго они все же не даютъ, предоставляя очень много простора личнымъ вкусамъ. Далѣе, въ этой программѣ бросается въ глаза то обстоятельство, что существеннымъ признается по преимуществу элементъ чувства, художественная сторона историческаго изложенія. Ту же самую мысль г-жа Рагозина высказываетъ словами Карлэйля: «исторія—та же поэзія, лишь бы умѣть разсказывать». Въ настоящее время едва ли нужно указывать на то, что въ этой мысли больше лжи, чѣмъ правды. Правда—только то, что хорошее, умѣлое изложеніе исторіи имѣетъ очень важное значеніе. Но гдѣ же хорошее изложеніе не нужно? А отожествлять исторію съ поэзіей мнѣ кажется совершенно ошибочнымъ. Скорѣе наоборотъ, умѣло проведенное противоположеніе исторіи и поэзіи могло бы служить недурнымъ введеніемъ въ исторію. Правда, г-жа Рагозина дѣлаетъ отоворку: «разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь объ исторіи для массы, а не для спеціалистовъ» (стр. 9). Но эта оговорка имѣетъ болѣе чѣмъ странный видъ. Какъ будто «для массы» исторія должна быть поэзіей, а для спеціалистовъ чѣмъ то инымъ. Или авторъ неясно выражаетъ свою мысль, или «для массы» онъ признаетъ необходимымъ какъ-то подмалевывать исторію, подкрашивать ее, слѣдовательно, фальсифицировать, хотя бы и въ сторону красоты. Неужели въ этомъ заключается умѣнье разсказывать?

Этимъ принципамъ нѣсколько противорѣчитъ забота о точности и достовѣрности иллюстрацій, что̀, конечно, можно только одобрить, такъ какъ о томъ же, по нашему мнѣнію, необходимо заботиться и въ текстѣ исторіи. «Всѣ рисунки,—говоритъ г-жа Рагозина,—взяты изъ достовѣрныхъ (?) научныхъ сочиненій или исполнены по фотографическимъ снимкамъ...»

Далѣе останавливаться на общихъ соображеніяхъ г-жи Рагозиной мы не станемъ, такъ какъ для насъ важнѣе, конечно, то, что она дала, а не то, что хотѣла дать. Но нельзя не отмѣтить той наивной постановки «самаго насущнаго вопроса современнаго образованія»: «что́ нужно выучить, чтобы имѣть право назваться образованнымъ человѣкомъ?» Какъ будто и это предисловіе писано для дѣтей 10—14 лѣтъ. Намъ думается, однако, что и для дѣтей высказываніе подобныхъ мыслей только вредно. Можетъ быть, дѣти не могутъ понять значенія той или другой науки, но тогда лучше ничего не говорить, чѣмъ говорить, что это нужно для того, чтобы называться образованнымъ

человѣкомъ, чтобы газеты читать или что-нибудь въ этомъ родѣ. Послѣдній примѣръ вовсе мною не выдуманъ: приступая къ объясненію словъ «самодержавная монархія, строго централизованная, съ организованной до мелочей бюрократіей», г-жа Рагозина восклицаетъ: «Трудныя слова; но необходимо ознакомиться съ ними и хорошо освоиться съ ихъ значеніемъ, такъ какъ въ наше время почти нельзя развернуть газеты безъ того, чтобы не встрѣтиться съ тѣмъ или другимъ» (выпускъ II, стр. 46). Неужели нельзя было привести болѣе вѣскую причину? Мало ли въ газетахъ трудныхъ словъ?

Но обратимся къ содержанію обоихъ выпусковъ «Краткой всемірной исторіи». Первая половина I выпуска излагаетъ «доисторическія времена», т.-е. культуру, возстановляемую на основаніи ископаемыхъ остатковъ ея, восходящихъ къ доисторическимъ временамъ; а вторая половина содержитъ краткое изложеніе исторіи Вавилона и Ассиріи. Второй выпускъ посвященъ исторіи древнѣйшаго Египта. Такимъ образомъ только вторая часть перваго выпуска повторяетъ содержаніе двухъ изданныхъ уже раньше томовъ «Древнѣйшей исторіи востока», именно «Исторіи Халдеи» и «Исторіи Ассиріи», все же остальное является новымъ. Г-жа Рагозина извѣстна своимъ серьезнымъ знакомствомъ съ исторіей древняго востока, такъ что на фактическій матеріалъ, сообщаемый ею, можно вполнѣ положиться. Нѣтъ, поэтому, никакой нужды останавливаться на мелочахъ, которыя могутъ подать поводъ къ возраженію. Гораздо важнѣе обратить вниманіе на способъ изложенія, которому, какъ мы видѣли, и сама г-жа Рагозина придаетъ серьезное значеніе, и который, дѣйствительно, играетъ важную роль въ общедоступномъ изложеніи предмета. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи авторъ далеко не безупреченъ. Прежде всего непріятное впечатлѣніе производятъ совершенно ложные пріемы популярнаго изложенія, сводящіеся къ тому, что подробно разсказывается совершенно постороннее, почему-то признаваемое болѣе занимательнымъ, въ ущербъ существу дѣла. Вотъ какъ, напр., разсказываетъ г-жа Рагозина объ открытіи древней пещеры близь Ориньяка: «Молодой крестьянинъ гнался за кроликомъ, который вдругъ исчезъ въ густой поросли, покрывавшей крутой обрывъ. Крестьянинъ сталъ шарить рукой въ поросли,—и рука его попала въ отверстіе. Онъ расчистилъ это мѣсто, и передъ нимъ открылась пещера, въ которой оказалось 17 человѣческихъ остововъ. На мѣсто открытія поспѣшилъ извѣстный въ то время ученый Лартэ, но опоздалъ: скелеты уже были свезены и похоронены на кладбищѣ по приказанію мэра города (градоначальника), человѣка набожнаго, но ничего не смыслившаго въ наукѣ» (вып. I, стр. 15). Вотъ и все. Но какова же дальнѣйшая судьба этихъ скелетовъ? Неужели они такъ и остались въ новой могилѣ? Каково же значеніе этого открытія? Вмѣсто отвѣта на эти вопросы читатель узнаетъ, что меръ города—это градоначальникъ, что онъ былъ набоженъ и притомъ невѣжественъ и т. д. Неужели все это такъ важно, интересно и занимательно, что можетъ замѣнить изложеніе существа дѣла? Въ другомъ мѣстѣ (ст. 57, вып. I) въ видѣ такого же украшенія изложенія мы встрѣчаемъ «стада хорошенькихъ, черномордыхъ овечекъ», которыя «невинно (?) пасутся тутъ же» и даже «тихую ночь» съ «полной луной». По нашему мнѣнію, это знаменуетъ возвращеніе къ замѣнѣ исторіи анекдотами «отъ Ромула до нашихъ дней».

Но эти пріемы еще не такъ вредны, такъ какъ весь ихъ вредъ заключается въ ихъ ненужности. Гораздо хуже, когда такое оживленіе разсказа искажаетъ дѣйствительность, когда, напр., для живости изложенія говорится, что въ доисторическую пору «самыми роскошными жилищами считались пещеры» (стр. 13), что свайныя постройки «часто погибали отъ пожаровъ, вслѣдствіе нерадѣнія обывателей, а еще чаще отъ поджога» (стр. 31) и т. д.

Откуда можно узнать такія сокровенныя мысли и эстетическіе вкусы доисторическихъ людей? Откуда можетъ быть извѣстна даже статистика причинъ пожаровъ? Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много.

Не безупреченъ также и языкъ изложенія. Нерѣдко встрѣчаются неточныя и неясныя выраженія. Напр.: «бронза—не чистый металлъ, а сплавъ двухъ металловъ: мѣди и олова (отъ 5-ти до 10-ти сотыхъ долей послѣдняго)»; слѣдовало бы сказать: послѣдняго—отъ 5-ти до 10-ти сотыхъ долей всего сплава. Или: «желѣзную руду очень трудно отдѣлить отъ разныхъ другихъ металловъ и веществъ, съ которыми она плотно (?) соединена» (стр. 39). Здѣсь вмѣсто желѣзной руды слѣдовало бы просто сказать «желѣзо», такъ какъ руда и есть соединеніе металла съ другими веществами. Нельзя также сказать, что «многоженство соблюдалось (?) всѣми народами» (стр. 49), что «полное собраніе (миѳовъ) составляетъ миѳологію» (стр. 51, вып. II) и т. д.

Однимъ словомъ, наше мнѣніе объ обоихъ выпускахъ «Краткой всемірной исторіи» то, что они значительно слабѣе вышедшихъ раньше томовъ «Древнѣйшей исторіи востока», и слабую ихъ сторону составляютъ ложные пріемы популяризаціи. Но этотъ недостатокъ не лишаетъ ихъ того значенія, которое они могутъ и должны имѣть, такъ какъ, несмотря на упомянутыя лишнія прибавки, они все же очень содержательны и такъ богато иллюстрованы, что дѣйствительно даютъ очень живое представленіе о жизни описываемыхъ древнихъ народовъ. *Д. Кудрявскій.*

С. И. Кисовъ. Изъ боевой и походной жизни 1877—1878 г. Перевелъ съ болгарскаго М. Горюнинъ. Ц. 3 р. 50 к. Воспоминанія полковника запаса болгарской арміи С. И. Кисова объ «освободительной» войнѣ представляютъ безхитростный пересказъ событій, пережитыхъ авторомъ въ качествѣ офицера болгарскаго ополченія (большинство офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ которомъ были русскіе), съ подробнымъ описаніемъ маршей, сраженій, различныхъ деталей даннаго похода и пр. Съ этой точки зрѣнія книга представляетъ преимущественный интересъ для военныхъ, хотя нельзя не замѣтить, что въ описаніяхъ отчаяннаго сопротивленія далеко выдвинутой впередъ горсти людей противъ многочисленнаго непріятеля подъ Старой Загорой и на Шипкинскихъ высотахъ есть много понятнаго всѣмъ драматизма, особенно въ связи съ переживаемыми нами на Дальнемъ Востокѣ событіями, наводящими на нѣкоторыя любопытныя сопоставленія на тему о томъ, чему можетъ учить старый опытъ и какъ важно не забывать его уроковъ.

Насъ интересуетъ, однако, другая сторона книги, а именно откровенная передача въ ней нѣкоторыхъ бытовыхъ подробностей, которыя сравнительно рѣдко обращаютъ на себя вниманіе военныхъ писателей. Съ точки зрѣнія «обличительной» воспоминанія Кисова даютъ богатый матеріалъ (вѣрность его, конечно, остается на отвѣтственности автора). Надо еще замѣтить, для характеристики автора и его освѣщенія переживаемыхъ событій, что, рѣзко осуждая поведеніе отдѣльныхъ офицеровъ, онъ ни въ какую принципіальную критику не пускается, и во всей его книгѣ нигдѣ не видно иного отношенія къ «Освободительницѣ—Россіи» и къ ея арміи, кромѣ выраженій уваженія и благодарности.

Книга Кисова не прошла у насъ незамѣченною и вызвала, между прочимъ, крайне рѣзкій отзывъ извѣстнаго нашего военнаго писателя генерала Паренсова въ «Развѣдчикѣ» (№ 693). «Стремленіе разскать побольше,—говоритъ Паренсовъ,—привело автора къ совершенному забвенію того, что принято называть литературной этикой. Авторъ не только безпощаденъ въ приводимыхъ имъ разсказахъ о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ лицъ, но даже, какъ бы въ удостовѣреніе правдивости разсказа, нимало не стѣсняется называть лицъ по

фамиліямъ, съ прибавленіемъ титула и служебнаго положенія. И достается отъ него сильно намъ—русскимъ; обличаетъ онъ насъ жестоко, не щадя ни заслугъ, ни трудовъ, ни крови нашей. Не останавливаетъ безпощадныхъ словъ и самая смерть нашихъ,—павшихъ за освобожденіе Болгаріи». Генералъ Паренсовъ, конечно, неправъ. Названіе дѣятелей, принимавшихъ участіе въ томъ или другомъ событіи, собственными ихъ именами, напротивъ, является желательнымъ. Никогда не слѣдуетъ также замалчивать какихъ-либо фактовъ. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, вѣрно ли они переданы—во-первыхъ, необходимы-ли были совершенные поступки—во вторыхъ. А затѣмъ, каждый долженъ нести падающую на него нравственную отвѣтственность, тѣмъ болѣе, если онъ распоряжался на основаніи дискреціонной власти. Откровенность Кисова составляетъ крупную заслугу его книги, если, повторяемъ, приводимые имъ эпизоды вѣрны.

Неправъ Паренсовъ и тамъ, гдѣ говоритъ, что обличенія Кисова заслоняютъ картину русскихъ жертвъ на поляхъ Болгаріи, тѣхъ потоковъ крови, которые пролили наши войска за освобожденіе этой страны. Холодная жестокость по отношенію къ солдатамъ въ мирное время, случаи которой попадаютъ въ печать преимущественно изъ Германіи, вызываетъ, дѣйствительно, только глубокое отвращеніе. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ совершенно инымъ положеніемъ вещей. Описываемые авторомъ офицеры являются въ то же время героями. Подполковникъ Калитинъ, (стр. 68), погибаетъ во главѣ своей дружины въ моментъ послѣднихъ усилій отстоять Старую Загору съ ея беззащитнымъ болгарскимъ населеніемъ. Многіе другіе офицеры, поступки которыхъ возмущали Кисова въ началѣ кампаніи, также гибнутъ вмѣстѣ съ солдатами, съ которыми они раньше такъ дурно обращались. И при чтеніи воспоминаній Кисова, не столько чувствуешь негодованіе, сколько ставишь себѣ горестный вопросъ о томъ, зачѣмъ нужны были всѣ прежнія мучительства, что ея грустное недоразумѣніе заслонило собою болѣе человѣческія отношенія и помѣшало кому слѣдуетъ понять, что послѣднія являются никакъ не менѣе дѣйствительнымъ пріемомъ для связи людей, чѣмъ муштра и безжалостная дисциплина. Тѣ же вопросы поставлены, какъ извѣстно, въ «Воспоминаніяхъ рядоваго» Гаршина.

Отмѣтимъ еще одну интересную сторону книги Кисова. Всѣ выводимыя имъ лица необычайно нервны, раздражительны, не владѣютъ собою. Не видно ли тутъ вліяніе трудовъ, усталости и постояннаго напряженія, которыя, въ военное время, такъ тяжело отражаются на организмахъ, но и требуютъ поэтому отъ начальниковъ сохраненія особаго хладнокровія и сдержанности.

Съ изданіемъ книги Кисова связанъ слѣдующій любопытный эпизодъ. 18-го декабря 1903 г. въ «Новомъ Времени» напечатано было письмо редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» А. Столыпина (цитируемъ по вышеупомянутой замѣткѣ Паренсова), въ которомъ сообщается, что корреспондентъ газеты, М. Юркевичъ (Горюнинъ), устраненъ редакціею, «какъ стамбуловецъ, тенденціозно освѣщавшій болгарскія дѣла»; одною изъ причинъ устраненія было то, что «въ угоду новому режиму онъ перевелъ на русскій языкъ порочащія офицеровъ воспоминанія г. Кисова и способствовалъ распространенію этой книги, изданной въ Софіи съ цѣлью вызвать самыя дурныя чувства къ Россіи въ болгарскомъ населеніи». Сами мы особой тенденціи у Кисова, повторяемъ, не видимъ. Въ своемъ предисловіи онъ отрекается отъ всякихъ политическихъ тенденцій. И въ самомъ дѣлѣ, тепло отзываясь о Петковѣ, онъ (на стр. 214) самымъ презрительнымъ образомъ относится къ Стамбулову.

Б. В—ръ.

СОЦІОЛОГІЯ.

А. Де-Морсье. „Права женщины". *C. Bouglé.* „La Démocratie devant la Science". *Dr. Karl Bücher.* „Der deutsche Buchhandel und die Wissenschaft".

А. Де-Морсье. Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Пер. съ фран. Эльтъ. Спб. Изд. Пирожкова. 1904. Стр. VIII+80. Ц. 50 к. Авторъ—горячій сторонникъ полнаго уравненія женщины въ правахъ съ мужчиной; онъ проповѣдуетъ поднятіе личности женщины, ея человѣческаго достоинства путемъ измѣненія, главнымъ образомъ, характера ея воспитанія и образованія. Онъ считаетъ необходимымъ, съ одной стороны, сдѣлать программу ея образованія болѣе практичной, болѣе приспособленной къ жизни и преподавать ей начатки физіологіи и гигіены; для этого онъ рекомендуетъ исключить изъ программъ все лишнее, безъ нужды обременяющее голову дѣвушки и направленное къ тому, чтобы въ обществѣ казаться образованной, а не быть ею; съ другой стороны онъ считаетъ, совершенно основательно, очень важнымъ, чтобы родители, особенно матери не старались «завѣшивать шелкомъ» уши своихъ дочерей, а знакомили бы ихъ мягко, бережно, исподволь съ жизнью, какъ она есть. Де-Морсье, кромѣ того, настойчиво подчеркиваетъ ту мысль, что свободная и просвѣщенная женщина—жена и мать—отнюдь не разрушаетъ семью, а напротивъ, даетъ ей внутреннюю цѣнность и крѣпость. Авторъ стоитъ, далѣе, за совмѣстное обученіе обоихъ половъ. Со всѣми этими положеніями нельзя, конечно, не согласиться; онѣ не новы, но хорошо повторить такое старое тоже полезно. Къ сожалѣнію, авторъ далеко не хорошо повторяетъ старое: книжка почти сплошь догматична; она не доказываетъ, не убѣждаетъ, а декретируетъ и ссылается in verba magistri. Этихъ послѣднихъ «magistri» очень много; книга пестритъ ссылками и цитатами, которыя далеко не всегда цѣнны и придаютъ ей только внѣшній видъ «капитальности». Какую цѣну, напр., имѣютъ такія ссылки: «Въ этомъ случаѣ мы повторимъ слова Florian, приведенныя Er. Naville: «пусть каждый занимается своимъ дѣломъ» или «трудно быть матерью», говорится въ одной извѣстной драмѣ (стр. 4—5). И такихъ примѣровъ можно привести много. Есть въ книжкѣ спорныя и прямо невѣрныя мѣста; такъ, на стр. 67 авторъ иронически говоритъ: «Демографы только развѣ (стиль! *Л. В.*) считаютъ себя настолько «компетентными», чтобы оцѣнивать нравственную силу націи... приростомъ населенія. Невѣрно, будто... «количествомъ ежегодныхъ рожденій обусловливается мощь націи». Какіе же это «демографы» обусловливаютъ мощь націи» однимъ только количествомъ рожденій, не считаясь съ процентомъ выживаемости дѣтей и смертности взрослыхъ? На стр. 42 авторъ почему-то находитъ, что условія соціальной жизни женщины въ ея историческомъ прошломъ «мало извѣстны», а на 50 стр. пишетъ: проблема о томъ, «служитъ ли продолженіемъ біологической дифференціаціи половъ раздѣленіе труда и соціальныхъ функцій мужчины и женщины»,—эта проблема «никогда категорически не ставилась», и авторъ «можетъ только указать на нее». Между тѣмъ, оба указанныхъ вопроса уже порядочно разработаны и имѣютъ обширную литературу. Слогъ и языкъ перевода мѣстами очень плохи. На стр. 41: вслѣдствіе болѣзненности мужей женщины часто остаются безплодными, подвергаются выкидышамъ или рождаютъ уродовъ. «Все это, конечно, происходитъ *благодаря* тому, что мужья ихъ сохраняютъ въ большинствѣ случаевъ серьезныя воспоминанія о прежнихъ привязанностяхъ» (?). Попадаются мѣста, изложенныя савсѣмъ непонятно (стр. 8—10) или такія фразы: «Такъ какъ принципъ раздѣленія труда вообще прюченъ, то почему же мужчина на-

ходитъ достаточными приводимые имъ аргументы для самооправданія?» (стр. 57), или: «Производительнымъ факторомъ служитъ не свойство, а свободный половой отборъ» (стр. 68). Переводъ часто безграмотенъ: «женщина привыкла быть ей» (рабой); «не однѣ только женщины имущественныхъ группъ (имущихъ классовъ? *Л. В.*) являются жертвами такого порядка вещей»; «ошибка начинается съ того, что... «и во мнѣніи о невозможности» и т. д. *Л. В.*

C. Bouglé. La Dèmocratie devant la Science. Paris. 1904. 312 стр. Ц. 6 фр. (Проф. Бугле. Демократія передъ судомъ науки. Парижъ. 1904 г.). Э. Вандервельдъ закончилъ недавно свою интересную статью объ «идеализмѣ въ марксизмѣ» слѣдующими яркими словами: «Девятнадцатое столѣтіе было одновременно и вѣкомъ рабочихъ и вѣкомъ ученыхъ. Но до послѣднихъ лѣтъ наука и демократія каждая въ отдѣльности стремились къ одной и той же цѣли, какъ воды тѣхъ рѣкъ, которыя текутъ въ одну сторону, не смѣшиваясь. Отнынѣ, это соединеніе совершилось или по крайней мѣрѣ оно наканунѣ совершенія. Люди науки идутъ въ народъ. Народъ идетъ къ ученому. Недовѣріе между ними исчезаетъ, предубѣжденія сглаживаются; теорія и практика примиряются». Лежащая передъ нами книга французскаго профессора является знаменательнымъ симптомомъ этого сближенія между правдой теоретическаго неба и правдой практической земли, какъ выражался покойный Н. К. Михайловскій.

Въ первой главѣ своей книги «Демократія передъ судомъ науки» проф. Бугле обрисовываетъ отношеніе видныхъ представителей антропологіи и біологіи къ демократическимъ стремленіямъ современной эпохи. Привлекаемая къ суду науки современная демократія, говоритъ Бугле, сплошь и рядомъ оказывалась обвиненной въ стремленіи ниспровергнуть всѣ существующіе законы антропологіи и біологіи. Идеалъ демократіи признавался несовмѣстимымъ съ основными истинами біологической науки. Восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ великой французской революціи, клеймится Лапужемъ, однимъ изъ виднѣйшихъ французскихъ антропологовъ, какъ «самый анти—научный вѣкъ».

Нѣмецкій антропологъ Отто Аммонъ заявляетъ, что «соціальное неравенство нельзя устранить, ибо оно также неразрывно связано съ человѣческою расою какъ рожденіе и смерть, оно неизмѣнно какъ математическія истины, вѣчно какъ законъ вращенія планетъ». Французъ Мора говоритъ: «Дѣятели французской революціи твердили—«Братство или смерть!», а современная наука говоритъ: «Неравенство или смерть». Проф. Бугле строго научнымъ изслѣдованіемъ пересматриваетъ этотъ смертный приговоръ, вынесенный современной демократіи многими представителями науки. Внимательно и строго объективно пересматривая всѣ основанія, послужившія къ обвиненію демократическихъ стремленій въ «ненаучности», проф. Бугле раньше всего останавливается на вопросѣ о наслѣдственности и ея соціальномъ значеніи.

Излагая и критикуя новѣйшія теоріи наслѣдственности, останавливаясь на теоріи Вейсмана и другихъ новѣйшихъ работахъ, авторъ показываетъ, что вопросъ о закрѣпленіи и передачѣ путемъ наслѣдственности индивидуально пріобрѣтенныхъ свойствъ и особенностей разрѣшается современною наукою въ отрицательномъ смыслѣ. И это-то обстоятельство отнимаетъ у представителей науки одинъ изъ ихъ главнѣйшихъ аргументовъ въ признаніи научной несостоятельности демократическихъ стремленій. Эти представители науки защищаютъ кастовый строй общества, доказываютъ необходимость прочныхъ перегородокъ между отдѣльными классами, сословіями, профессіями, ссылаясь, между прочимъ, на то, что только эти перегородки могутъ гарантировать, что весь опытъ, все умѣніе, накопленное отцами, не будетъ пропадать даромъ, а будетъ наслѣдоваться сыновьями и такимъ путемъ будутъ постоянно пріумножаться соціальныя завоеванія человѣчества. Если, напр., военные будутъ жить замкну-

той кастой, въ которую бы не проникали элементы извнѣ, то всѣ завоеванія въ области военнаго искусства, вся военная профессіональная выучка и ловкость будутъ подхвачены и переданы подростающимъ поколѣніямъ благодаря крѣпкой наслѣдственной связи между ними. То же самое приходится сказать и о замкнутой кастѣ духовенства, политиковъ, инженеровъ, рабочихъ. Теперешняя же демократія, сломавшая всѣ кастовыя и сословныя перегородки, тѣмъ самымъ, такъ сказать, пробила брешь, открыла течь въ процессѣ наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ навыковъ, положила конецъ бережному и непрерывному унаслѣдованію изъ поколѣнія въ поколѣніе профессіональныхъ способностей и талантовъ.

Таково первое обвиненіе «науки» по адресу демократіи.

Разбираясь въ справедливости этого обвиненія, проф. Бугле, прежде всего, привлекаетъ къ разсмотрѣнію біологическій матеріалъ, показывая, что современная біологическая наука отрицаетъ возможность унаслѣдованія индивидуально пріобрѣтенныхъ качествъ. Теченіе наслѣдственности захватываетъ и передаетъ дальше лишь тѣ индивидуальныя черты, которыя связаны неотрывно со всѣмъ существомъ и естествомъ человѣка, а профессіональные навыки, техническая ловкость военнаго, врача, сапожника къ таковымъ качествамъ, конечно, не принадлежатъ и поэтому ни о какой наслѣдственной передачѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію и рѣчи быть не можетъ. А если профессіональные навыки и способности не передаются по наслѣдству, какъ это доказываетъ современная біологія, то тѣмъ самымъ отпадаетъ первый упрекъ, дѣлаемый наукой демократіи, упрекъ въ томъ, что демократія, разрушая кастовыя перегородки, поступаетъ вопреки даннымъ науки.

Болѣе того, Бугле доказываетъ, что кастовая замкнутость не только не содѣйствуетъ упроченію въ потомствѣ всѣхъ профессіональныхъ способностей и талантовъ, но наоборотъ, она ведетъ неизбѣжно къ физическому и духовному вырожденію данной касты. Представители замкнутой касты, не допускающей прилива извнѣ свѣжихъ элементовъ, очень скоро истощаются, дѣлаясь физически и духовно безплодными, обнаруживая наклонность къ психозамъ, чему не мало содѣйствуетъ то обстоятельство, что браки, совершаемые внутри этой касты, постепенно связываютъ членовъ касты узами родства и вызываютъ частые случаи браковъ между родственниками. Просматривая, такъ сказать, сословный составъ выдающихся представителей любой профессіи, мы убѣждаемся, что подавляющее большинство ихъ вышло изъ совершенно посторонней среды. Напр., изъ 100 членовъ парижской академіи лишь 5 членовъ вышли изъ семей докторовъ и фармацевтовъ, тогда какъ изъ крестьянской среды вышло 14 человѣкъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ломая кастовыя перегородки, демократія не только не нарушала этимъ основныхъ законовъ біологіи, но, наоборотъ, устранила искусственныя условія, мѣшавшія ихъ проявленію. Она открыла возможность постояннаго прилива свѣжихъ и здоровыхъ элементовъ ко всѣмъ профессіямъ и вмѣсто застаивавшагося и потому загнивающаго общественнаго строя создала болѣе здоровую атмосферу постояннаго круговорота соціальныхъ силъ и элементовъ.

Въ слѣдующей главѣ авторъ разсматриваетъ рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ біологической и соціологической дифференціаціи. За недостаткомъ мѣста мы не будемъ останавливаться на этой главѣ и прямо перейдемъ къ центральной главѣ, посвященной пресловутому вопросу о борьбѣ за существованіе въ зоологическомъ и историческомъ мірѣ.

И здѣсь, какъ въ вопросѣ о наслѣдственности, проф. Бугле, прежде всего, старается опровергнуть слишкомъ упрощенное представленіе многихъ о роли этой борьбы въ мірѣ зоологическомъ. Онъ, прежде всего, показываетъ, что

борьба эта отнюдь не всегда несетъ смерть побѣжденнымъ, что эти побѣжденные сплошь и рядомъ лишь ставятся въ болѣе тяжелыя, гнетущія условія существованія, подъ вліяніемъ которыхъ они становятся еще слабѣе. Не губя прямо слабыхъ, а лишь ухудшая ихъ положеніе, борьба за существованіе, тѣмъ самымъ не прекращаетъ процессъ ихъ размноженія и закрѣпленія наслѣдственностью ихъ слабостей. Кромѣ того, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ, борьба за существованіе ведетъ къ гибели не худшихъ элементовъ, а лишь менѣе приспособленныхъ. А менѣе приспособленными сплошь и рядомъ оказываются элементы съ болѣе тонкою и сложною организаціей, съ болѣе богатыми запросами, болѣе смѣлыми требованіями. Читатель, знакомый съ знаменитыми статьями Михайловскаго: «Что такое прогрессъ?», «Аналогическій методъ», «Борьба за индивидуальность» и т. д., легко увидитъ сближеніе аргументаціи французскаго профессора и покойнаго русскаго соціолога-публициста, неустанно всегда указывавшаго, что въ борьбѣ за существованіе часто гибнутъ именно лучшіе элементы, а торжествуютъ «подслѣповатые и слабокрылые».

Проф. Бугле далѣе показываетъ, какую роль уже въ зоологическомъ мірѣ играетъ взаимная симпатія, сотрудничество, кооперація.

Переходя затѣмъ отъ зоологическаго міра къ міру историческому, проф. Бугле прежде всего показываетъ, что условія борьбы за существованіе въ первомъ и второмъ совершенно иные. Въ первомъ, т.-е. въ мірѣ зоологическомъ, побѣда одерживается во всякомъ случаѣ благодаря преимуществу тѣхъ или иныхъ личныхъ *органическихъ* качествъ—остротѣ зрѣнія, силѣ зубовъ, костей, ловкости и т. д. Слѣдовательно, здѣсь, дѣйствительно, можно говорить, что борьба ведетъ къ подбору болѣе ловкихъ, сильныхъ, здоровыхъ, а наслѣдственность передаетъ и закрѣпляетъ эту силу, ловкость, здоровье. Въ человѣческомъ же обществѣ побѣда въ борьбѣ за существованіе одерживается не качествами лично, органически присущими индивидууму, а обладаніемъ факторами не органическаго, а соціальнаго порядка — капиталами, привилегіями и т. д. Вмѣсто біологической наслѣдственности органическихъ свойствъ мы уже имѣемъ здѣсь юридическое унаслѣдованіе соціальныхъ факторовъ. Наличность-то этой юридической наслѣдственности капиталовъ и привилегій совершенно измѣняетъ характеръ борьбы за существованіе и вооружаетъ индивидуумовъ въ этой борьбѣ орудіями, не находящимися ни въ какой органической связи съ ними. Истощенный, физически и духовно деградированный потомокъ милліонера оказывается благодаря своимъ капиталамъ и своему соціальному положенію побѣдителемъ въ борьбѣ за существованіе и онъ можетъ оставить новое потомство слабыхъ и дегенерированныхъ людей. Такимъ образомъ, современная юридическая наслѣдственность, наслѣдованіе капиталовъ совершенно парализуетъ дѣйствіе органической борьбы за существованіе, органической наслѣдственности. Можно еще утверждать, что и въ людской борьбѣ за существованіе одерживаютъ верхъ, пробиваются къ самымъ вершинамъ соціальной пирамиды люди сильной воли, смѣлаго почина, ловкаго разсчета, словомъ люди съ личными, органическими, имъ присущими выдающимися качествами. Но, вѣдь, ихъ потомство уже при рожденіи становится обладателемъ всѣхъ этихъ не ею добытыхъ и съ ея личными качествами не связанныхъ соціальныхъ факторовъ, уже заранѣе обезпечивающихъ ей побѣду въ борьбѣ за существованіе.

И когда демократія борется противъ соціальнаго неравенства, когда она стремится устранить соціальныя привилегіи капитала, заранѣе опредѣляющія кто останется побѣдителемъ и кто побѣжденнымъ въ борьбѣ за существованіе, то неподкупная объективная наука, прославляющая теорію Дарвина, должна была бы только привѣтствовать демократическія стремленія современной эпохи, которыя, устраняя соціальныя неравенства, тѣмъ самымъ впервые даютъ воз-

можность проявиться и развиться личнымъ, индивидуальнымъ талантамъ и способностямъ.

Такимъ образомъ, послѣ внимательнаго строго объективнаго изслѣдованія, проф. Бугле приходитъ къ выводу, что современное демократическое движеніе должно быть только привѣтствовано со сторожевыхъ постовъ науки, съ ея высокихъ башенъ, что «передъ судомъ науки» демократія оказывается не только оправданной отъ обвиненія въ нарушеніи основныхъ законовъ науки, но признанной вѣрной союзницей науки.

Мы могли передать только сухой остовъ интереснѣйшей книги Бугле, недостатокъ мѣста не позволилъ намъ входить въ подробности, но полагаемъ, что и этотъ остовъ дастъ читателю понятіе о новомъ трудѣ талантливаго французскаго профессора, трудѣ, представляющемъ большой и живой интересъ и самъ по себѣ, и какъ симптомъ того знаменательнаго сближенія между наукой и демократіей, о которомъ мы говорили въ началѣ этой замѣтки.

П. Берлинъ.

Dr. Karl Bücher. Der deutsche Buchhandel und die Wissenschaft. Denkschrift, ein Auftrage des Akademischen Schutzverein. 2-e, stark vermehrte und verbesserte Auflage. Leipzig. 1903. Preis: 2 Mk. Ss. VII+314. (К. Брюхеръ. Нѣмецкая книжная торговля и наука).

R. L. Prager. Die Ausschreitungen des Buchhandels. Antwort auf die Denkschrift des Akademischen Schutzverein. Berlin. 1903. Ss. 142. (**Прагеръ. Злоупотребленія книготорговли. Отвѣтъ на воззваніе «Университетскаго союза обороны»). (Не поступало въ продажу).** Старый предразсудокъ, будто въ хозяйственной организаціи нуждается только тотъ трудъ и только тѣ продукты труда, которые предназначены для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, становится все въ большее и большее противорѣчіе съ измѣнившимися условіями жизни культурнаго человѣчества. Представители интеллигентныхъ профессій все яснѣе чувствуютъ, что возрастающая власть капитализма далеко не безразлична для духовныхъ интересовъ народа и что имъ, трудящимся надъ удовлетвореніемъ духовныхъ нуждъ, необходимо либо подчиниться капитализму, либо пойти къ нему на выучку и, выучившись, замѣнить современную коммерческую организацію труда иною, болѣе совершенной. Въ частности, ученые и писатели по неволѣ начинаютъ сознавать, съ одной стороны, всю унизительность своей зависимости отъ купеческаго книгоиздательства и барышнической книготорговли, а съ другой—всю этическую цѣнность просвѣщеннаго издательства и безкорыстной книготорговли. Возникаетъ вопросъ: возможно ли, какъ нормальное явленіе, какъ практическая сила, просвѣщенное и безкорыстное книгоиздательство, просвѣщенная и безкорыстная книготорговля? А за этимъ вопросомъ поднимается другой, еще болѣе важный: если безкорыстное предпринимательство возможно въ книжномъ дѣлѣ, то не значитъ ли это, что оно возможно во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности—на фабрикахъ и заводахъ, въ сельско хозяйственномъ, въ транспортномъ и торговомъ дѣлѣ, т.-е., другими словами, не значитъ ли это, что темныя стороны капитализма могутъ быть устранены безъ уничтоженія частной собственности и частнаго предпринимательства?

Вотъ какіе широкіе вопросы встаютъ за скромной темой, которой посвящена книжка извѣстнаго нѣмецкаго экономиста, пользующагося большою популярностью и у насъ въ Россіи. Самъ авторъ, впрочемъ, не касается общаго вопроса объ отношеніи между современной, частно-предпринимательской организаціей труда и интересами науки и литературы. Тѣмъ не менѣе его рѣзкая отповѣдь книгоиздателямъ и книготорговцамъ отъ имени науки, отповѣдь, вызванная практическими потребностями и преслѣдующая практическія цѣли, имѣетъ глубокое принципіальное значеніе. Она показываетъ, что интересы

капиталистовъ и предпринимателей въ книжномъ дѣлѣ сталкиваются съ интересами авторовъ и читателей и что этимъ послѣднимъ—авторамъ и потребителямъ книгъ — пора позаботиться объ организованной защитѣ своихъ законныхъ требованій.

Въ Германіи книжная торговля получила своеобразную организацію *), которою сами нѣмецкіе книготорговцы чрезвычайно гордятся. Долгое время ею были вполнѣ довольны и ученые, и литераторы, и всѣ читатели и покупатели книгъ. Но когда образовался могучій синдикатъ книготорговцевъ, присвоившій себѣ надзоръ и руководительство въ книжномъ дѣлѣ по всей Германіи, въ обществѣ возникли подозрѣнія, какія всегда возникаютъ при появленіи синдикатовъ, картелей, трестовъ—этихъ грозныхъ, загадочныхъ порожденій капитализма. Книготорговцы не только не сочли нужнымъ посчитаться съ этими подозрѣніями, но наоборотъ, предприняли рядъ мѣръ, способныхъ превратить обычныя подозрѣнія въ явное раздраженіе. Въ самое послѣднее время синдикатъ книготорговцевъ рѣшилъ уничтожить обычныя скидки покупателямъ, издавна практиковавшіяся въ книжныхъ лавкахъ, и тѣмъ самымъ довольно чувствительно повысилъ цѣны на книги. При проведеніи этой мѣры синдикатъ малодушно бѣжалъ отъ свѣта гласности: его печатный органъ «Биржевой листокъ», свободно высылавшійся раньше во всѣ библіотеки, былъ сдѣланъ секретнымъ, конфиденціальнымъ изданіемъ, доступнымъ только для книготорговцевъ. Тогда среди профессоровъ Лейпцигскаго университета возникла мысль создать союзъ для охраны нѣмецкой науки отъ корыстныхъ посягательствъ книготорговцевъ. Быстро былъ выработанъ уставъ и составленъ планъ дѣйствія. Союзъ образовался подъ именемъ «Университетскаго союза обороны» (Academischen Schutzverein). Къ нему примкнули выдающіеся ученые многихъ германскихъ университетовъ. Проф. Бюхеру было поручено писать «записку» или «воззваніе» (Denkschrift), для выясненія значенія и цѣли союза, что и исполнено въ книжкѣ «Нѣмецкая книжная торговля и наука».

Бюхеръ старается дать читателямъ полную картину современнаго положенія книжнаго дѣла въ Германіи. Но, конечно, главное вниманіе его сосредоточено на темныхъ сторонахъ. Онъ разрушаетъ старую легенду о великихъ заслугахъ нѣмецкой книжной торговли передъ нѣмецкой культурой. Онъ обвиняетъ синдикатъ книготорговцевъ въ томъ, что онъ въ ущербъ нѣмецкому просвѣщенію искусственными мѣрами поддерживаетъ многочисленный классъ торговцевъ, плохо исполняющихъ свои профессіональны обязанности, не желающихъ отказаться отъ рутины и взимающихъ чрезмѣрное вознагражденіе за свои мнимыя услуги, за свой непроизводительный трудъ. Запрещая продавать книги ниже назначенной цѣны, синдикатъ уничтожаетъ естественное право и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность каждаго купца—приводить въ соотвѣтствіе спросъ и предложеніе. Въ результатѣ получились многочисленныя тайныя нарушенія синдикатскаго постановленія, взаимное недовѣріе торговцевъ, выслѣживаніе другъ друга и инквизиторскіе пріемы для борьбы съ нарушителями новыхъ правилъ. Между тѣмъ всѣ усилія синдиката сохранить въ неприкосновенности многочисленный классъ розничныхъ книготорговцевъ («сортиментеровъ») все равно осуждены на неудачу.

При современномъ развитіи почтоваго дѣла, при быстромъ усовершенствованіи и удешевленіи средствъ сообщенія, вообще, при поразительныхъ успѣхахъ въ техникѣ книгопечатанія—книжныя лавки стараго типа все болѣе и болѣе теряютъ подъ собою почву. Крупныя капиталистическія предпріятія постепенно отвоевываютъ у нихъ покупателя, то путемъ основанія большихъ оптовыхъ

---

*) Эта организація довольно подробно описана въ книгѣ Р. фонъ-деръ-Боргта: „Торговля и торговая политика". (Спб. 1902).

складовъ, то путемъ разсылки зоркихъ коммиссіонеровъ, соблазняющихъ публику солидностью и роскошью многотомныхъ энциклопедическихъ изданій, и удобствами покупки въ разсрочку, то путемъ массоваго сбыта дешевой рыночной литературы въ большихъ универсальныхъ магазинахъ, заодно съ платьемъ, утварью, пищей и другими, самыми разнообразными товарами. Новыя условія жизни требуютъ и новыхъ пріемовъ въ книжномъ дѣлѣ. Во многихъ случаяхъ посредничество купца является теперь излишнимъ: удобнѣе прямо выписывать книги отъ издателей. Синдикатъ своими ограничительными мѣрами пытается задержать общій ходъ развитія, но это возможно только въ ущербъ народнымъ интересамъ: весь народъ облагается своего рода налогомъ для обезпеченія легкаго заработка классу безполезныхъ посредниковъ. Въ эпоху, когда государство призываетъ народныя массы къ просвѣщенію, къ сознательному участію въ политической и общественной жизни, книги становятся не дешевле а дороже. И безъ того ужъ въ Германіи цѣна на книги выше, чѣмъ въ другихъ культурныхъ странахъ. По вычисленіямъ Бюхера, англичане, американцы и французы платятъ за свои книги дешевле, чѣмъ нѣмцы за свои: Бюхеръ сравниваетъ цѣлый рядъ однородныхъ книгъ по политической экономіи на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ и, принимая въ соображеніе число страницъ, число строкъ и размѣръ шрифта, выводитъ, что нѣмцу приходится платить дороже всѣхъ. Дороговизна эта получаетъ особенно пикантный характеръ при сопоставленіи съ тѣмъ фактомъ, что тѣ же самыя нѣмецкія книги продаются за предѣлами Германіи дешевле, чѣмъ въ самой Германіи. Здѣсь происходитъ то же искусственное охраненіе внутренняго рынка, какъ и въ другихъ отрасляхъ торговли и промышленности, подпавшихъ подъ деспотическую власть предпринимательскихъ союзовъ. Подобно тому, какъ русскій сахаръ продается въ Англіи гораздо дешевле, чѣмъ въ Россіи, такъ и нѣмецкія книги можно купить дешевле въ Америкѣ, чѣмъ въ Германіи. Профессора, по убѣжденію Бюхера, обязаны протестовать противъ подобныхъ злоупотребленій, во-первыхъ, какъ потребители книгъ, во-вторыхъ, какъ авторы и какъ ученые, заинтересованные въ распространеніи своихъ идей и въ успѣхахъ просвѣщенія. Кромѣ того, Бюхеръ указываетъ еще на одну опасность, угрожающую профессорамъ, какъ авторамъ: опасность унизительной зависимости отъ издательскаго кошелька. Пользуясь возрастающимъ спросомъ на популярно-научную литературу, крупныя издательскія фирмы вербуютъ десятки и сотни молодыхъ ученыхъ, заставляютъ ихъ работать въ своихъ интересахъ, даютъ имъ ничтожное вознагражденіе и ставятъ имъ такія требованія, которыя понижаютъ научную цѣнность ихъ работъ и прямо противорѣчатъ достоинству и добрымъ традиціямъ науки. Для примѣра достаточно указать на одинъ случай, разсказанный Бюхеромъ. Ординарный профессоръ нѣмецкаго университета написалъ популярный очеркъ по своей спеціальности и въ предисловіи счелъ долгомъ оговорить, что очеркъ этотъ основанъ на трудахъ профессора такого-то, которому авторъ и приноситъ свою благодарность. Но издатель собственной властью вычеркнулъ предисловіе, очевидно съ той цѣлью, чтобы не ронять значенія книжки въ глазахъ покупателя, всегда предпочитающаго имѣть оригинальную работу, а не компиляцію. И ординарный профессоръ долженъ былъ подчиняться произволу издателя, ограничившись тѣмъ, что въ частномъ письмѣ поблагодарилъ своего коллегу, трудами котораго онъ воспользовался для написанія популярнаго очерка!

«Университетскій союзъ», отъ имени котораго говоритъ Бюхеръ, конечно и не думаетъ, въ своей борьбѣ съ синдикатомъ книгопродавцевъ, обращаться за помощью къ правительству. Союзъ не желаетъ никакихъ исключительныхъ мѣръ противъ книгопродавцевъ, никакихъ привилегій для себя. Его ближайшія цѣли: поощрять непосредственныя сношенія покупателей съ издателями, отстаи-

вать полную свободу покупателей на книжномъ рынкѣ, свободу, подъ которую подкапывается синдикатъ,—далѣе, защищать интересы авторовъ при заключеніи договоровъ съ издателями и, наконецъ, бороться съ низко-пробнымъ книжнымъ товаромъ при помощи объективной литературной критики.

Заслуга Бюхера заключается въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе широкихъ слоевъ общества на тѣсную связь между этической и экономической стороной книжнаго дѣла. Книжка его произвела сильное впечатлѣніе и породила цѣлую литературу. Книготорговцы, конечно, поспѣшили дать дружный отпоръ. Нѣсколько профессоровъ выступили съ подробными разъясненіями по близкому для нихъ вопросу, такъ рѣзко поставленному Бюхеромъ. Еще до Бюхера высказался противъ современной организаціи книжной торговли извѣстный профессоръ Фр. Паульсенъ, который, впрочемъ, держался въ своихъ обвиненіяхъ болѣе умѣреннаго тона. Но далеко не всѣ профессора сочувственно отнеслись къ учрежденію «Университетскаго союза», и многіе неодобрительно отозвались о книжкѣ Бюхера. Трудно было, конечно, ожидать полнаго единодушія въ новомъ дѣлѣ. Но нельзя отрицать, что и самъ Бюхеръ запальчивостью, рѣзкостью и поспѣшностью своихъ сужденій лишилъ себя многихъ союзниковъ какъ изъ университетской среды, такъ и изъ среды просвѣщенныхъ книгоиздателей и книготорговцевъ. Бюхеръ слишкомъ увлекся благодарной ролью обличителя и нѣкоторыя его обвиненія остались недоказанными. Въ названной нами книжкѣ Р. Прагера, берлинскаго книготорговца, подробно разобраны, глава за главой, всѣ аргументы Бюхера и вскрыты многія усложняющія обстоятельства, обойденныя молчаніемъ въ книжкѣ лейпцигскаго экономиста. Эти возраженія, напечатанныя первоначально въ злополучномъ «Биржевомъ Листкѣ для нѣмецкой книжной торговли» и собранныя въ отдѣльную брошюру, составляютъ хорошее дополненіе къ картинѣ, нарисованной Бюхеромъ. Бюхеръ во всемъ обвиняетъ книготорговцевъ. Прагеръ ихъ защищаетъ, хотя и соглашается, что въ книжной торговлѣ не все обстоитъ благополучно. Какъ водится, обѣ стороны преувеличиваютъ—и безпристрастному читателю не трудно уличить обоихъ авторовъ въ односторонности и неосторожности.

Но главная ошибка Бюхера не въ преувеличеніяхъ, а въ самой постановкѣ вопроса. На первомъ планѣ у него стоитъ выдвинутое противъ книготорговцевъ обвиненіе въ томъ, что они недобросовѣстно исполняютъ свои профессіональныя купеческія обязанности. Другими словами, онъ утверждаетъ, что современные нѣмецкіе книготорговцы работаютъ менѣе добросовѣстно, чѣмъ другіе торговцы. Неужели въ этомъ вся суть дѣла? Неужели ни въ какихъ реформахъ не было бы надобности, если бы книготорговцы не нарушали правилъ обычной купеческой этики? Развѣ купцы обязаны заботиться о народномъ просвѣщеніи, о подборѣ хорошаго чтенія для общества, о повышеніи заработка университетскихъ преподавателей? Нѣтъ, тѣ высокія прекрасныя цѣли, которыми одушевленъ Бюхеръ и его товарищи, никакъ нельзя вывести изъ традиціонныхъ грубыхъ правилъ купеческой этики. Если найдутся торговцы, способные преслѣдовать эти высокія цѣли, то это должны быть торговцы новаго, повышеннаго типа. Традиціонная купеческая этика запрещаетъ купцамъ составлять заговоры противъ потребителей, но она не предписываетъ понижать цѣны на товаръ въ ущербъ собственнымъ интересамъ купца. Безкорыстныя заботы о народномъ просвѣщеніи, объ успѣхахъ науки и объ охраненіи достоинства ученыхъ гораздо ближе подходятъ къ обязанностямъ профессоровъ, чѣмъ купцовъ. И профессорамъ слѣдовало бы потрудиться надъ удешевленіемъ книгъ и улучшеніемъ качества популярной литературы, не дожидаясь особыхъ злодѣяній со стороны книготорговцевъ. Бюхеръ же не находитъ лучшаго средства для защиты науки и просвѣщенія, какъ охраненіе свободы торговли, будто бы уничтоженной синдикатомъ книготорговцевъ. Сво-

бода торговли! Избитый терминъ, изъ котораго историческіе факты и теоретическіе споры выколотили всякое содержаніе! «Союзъ обороны, — пишетъ Бюхеръ,—прежде всего желаетъ и долженъ желать только того, чтобы принципы свободной торговли и соперничества, на которыхъ покоится вся наша хозяйственная система, снова получали признаніе и силу также въ книжной торговлѣ» (Bücher, 292). Въ дѣйствительности, однако, тѣ нарушенія принциповъ свободы торговли и соперничества, въ которыхъ провинились нѣмецкіе книготорговцы, представляютъ нормальное и необходимое явленіе современной жизни. Конечно, синдикатъ книготорговцевъ ограничиваетъ свободу отдѣльныхъ торговцевъ. Но такія ограниченія существуютъ вездѣ, гдѣ есть организація, гдѣ дѣйствуетъ союзъ заинтересованныхъ лицъ. Считать нормировку цѣнъ злымъ посягательствомъ на потребительскій карманъ—простительно неразмышляющему обывателю, падкому на дешевку, но не серьезному экономисту, обязанному «смотрѣть въ корень». Весь шумъ, вѣдь, начался съ того, что синдикатъ книготорговцевъ предпринялъ борьбу противъ скидокъ покупателямъ. Если считать, что эта борьба есть посягательство на свободу торговли, тогда, прежде всего, нужно отвергнуть обычай «назначенныхъ цѣнъ» на книги. Если же признавать за издателемъ право назначать опредѣленныя цѣны на издаваемыя книги, то нужно признать за нимъ право охранять эти цѣны отъ произвола отдѣленныхъ книгопродавцевъ. Лавочникъ, получающій отъ издателя книгу съ тѣмъ, чтобы продавать ее по 2 руб., а потомъ продающій ее за 1 р. никакой особой добродѣтели не проявляетъ, и сами покупатели въ концѣ концовъ мало выиграютъ, если цѣна, выставляемая на обложкахъ книгъ, обратится въ фикцію. Бюхеръ не возстаетъ противъ «назначенныхъ цѣнъ»,—наоборотъ, онъ считаетъ этотъ обычай вполнѣ нормальнымъ для книжнаго дѣла. Но съ другой стороны, какія бы то ни было мѣры противъ скидокъ покупателямъ онъ признаетъ незаконнымъ посягательствомъ на интересы потребителя. По его словамъ, торговцы, продолжавшіе дѣлать скидки вопреки постановленіямъ синдиката, «дѣлали или хотѣли дѣлать только то, что всегда ставилось и будетъ ставиться въ заслугу каждому порядочному купцу: они хотѣли довольствоваться болѣе низкимъ барышомъ, чѣмъ другіе» (Bücher, 88). Это утвержденіе, быть можетъ, слишкомъ категорично. Авторъ, вообще, прибѣгаетъ иногда къ слишкомъ рѣзкимъ пріемамъ въ своей борьбѣ съ синдикатомъ книготорговцевъ. Однако, само по себѣ дѣло—установленіе правильныхъ отношеній между наукой и книжной торговлей—заслуживаетъ полнаго вниманія и полнаго сочувствія. Взаимное раздраженіе между нѣкоторой частію ученыхъ и интеллигенціи съ одной стороны и книготорговцами съ другой врядъ ли способно принести большой вредъ дѣлу, а можетъ быть даже принесетъ и пользу. И какъ знать, если бы Бюхеръ проявилъ полное безпристрастіе и объективность и ограничился бы спокойнымъ обсужденіемъ недостатковъ системы, вмѣсто того, чтобы обличать мнимую порочность заинтересованныхъ лицъ, его книжка, быть можетъ, прошла бы незамѣченной или возбудила бы гораздо меньшій интересъ. И хотя мы не раздѣляемъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ авторомъ,—нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ искренности его аргументаціи для благой цѣли.

А. Рыкачевъ.

АСТРОНОМІЯ.

Аббатъ Т. Морэ. „Солнце“.—*Н. П. Двигубскій.* „Что и какъ наблюдать на небѣ“.

Аббатъ Т. Морэ. Солнце; съ предисловіемъ Камилла Фламмаріона и съ прибавленіемъ (въ русскомъ изданіи) статистики солнечныхъ пятенъ за все время наблюденія ихъ. Переводъ съ французскаго В. Л. Р—ова. (Съ

99 рисунками). Безплатное приложеніе къ «Новому Журналу Иностранной Литературы». С.-Петербургъ, 1904 г. Извѣстно, что въ числѣ задачъ, поставленныхъ астрономамъ результатами современныхъ изслѣдованій о жизни солнца, видное мѣсто занимаютъ: вопросъ о происхожденіи солнечныхъ пятенъ и о причинѣ появленія ихъ въ ограниченномъ только поясѣ геліоцентрическихъ широтъ (преимущественно отъ 8^0 до 20^0 къ сѣверу и югу отъ экватора), выясненіе причины разности скоростей вращенія поверхности солнца въ различныхъ широтахъ и, наконецъ, происхожденіе связи между максимумомъ и минимумомъ числа пятенъ на солнцѣ съ одной стороны и формой короны солнца, съ другой стороны. Эта связь выражается тѣмъ, что въ періодъ максимума числа пятенъ корона окружаетъ солнце въ видѣ сіянія симметричнаго по отношенію къ его диску, а въ періодъ минимума—наоборотъ, въ видѣ несимметричныхъ лучистыхъ придатковъ къ этому диску.

Въ попыткахъ рѣшенія этихъ задачъ астрономами создано нѣсколько гипотезъ о происхожденіи пятенъ, которыя всѣ можно раздѣлить на двѣ группы: *эруптивныя*—гипотезы (типъ—гипотеза Секки), объясняющія пятна вулканическими процессами на солнцѣ, и *циклоническія* гипотезы (какъ, напримѣръ, гипотеза Фая), предполагающія, что пятна суть циклоны въ фотосферѣ солнца.

Ни та, ни другая изъ этихъ гипотезъ не даетъ полнаго объясненія вышеупомянутыхъ явленій, и разсматриваемая нами книга аббата Морэ имѣетъ цѣлью, во-первыхъ, доказательство, что причина такого неуспѣха ихъ лежитъ въ невѣрности основного положенія, предполагающаго, что «пятна и протуберанцы дѣйствуютъ на корону и обусловливаютъ измѣненія ея формы и строенія», а во-вторыхъ, изложеніе новой, предлагаемой имъ самимъ теоріи происхожденія пятенъ, согласно которой «корона производитъ возмущенія въ близкихъ къ фотосферѣ средахъ и является прямою причиной протуберанцевъ такъ же, какъ и солнечныхъ пятенъ; ея сгущеніе на поверхности даетъ объясненіе закона вращенія солнца; самыми измѣненіями своего вида она опредѣляетъ, соотвѣтственно періодамъ максимума и минимума, болѣе или менѣе высокія широты этихъ пятенъ».

Выводъ, къ которому аббатъ Морэ приходитъ на основаніи своей теоріи, формулированъ въ главѣ VII-й книги слѣдующими словами: «Пятна не вулканы и не циклоны; по новой теоріи, которую мы предлагаемъ, пятна суть *гипертермическія, т.-е. перегрѣтыя области...* Излишекъ теплоты, необходимый для образованія пятенъ, имѣетъ причиной мѣстную конденсацію (т.-е. сгущеніе) матеріи короны и хромосферы».

Остроумную теорію свою авторъ основываетъ на гипотезѣ французскаго полковника Дю-Лигондэса о происхожденіи солнечнаго шара изъ хаотической массы матеріи, изъ которой образовалась и вся солнечная система... Къ сожалѣнію, однако, изложеніе этой гипотезы составляетъ очень слабое мѣсто книги, полное неясностей, въ которыхъ, быть можетъ, виноватъ до нѣкоторой степени и переводчикъ. Укажемъ для примѣра на слѣдующія строки страницы 49-й:

«Онъ (Дю-Лигондэсъ) доказываетъ сначала съ помощью законовъ механики, что если бы превратить нынѣшнее солнце и всю его систему въ однородную приблизительно круглую туманность, простирающуюся до границъ сферы притяженія солнца, то движеніе молекулъ внутри этой массы гигантскихъ размѣровъ должно было бы, даже въ плоскости наибольшей площади, происходить почти въ равныхъ пропорціяхъ въ томъ и другомъ направленіи. *Перевѣсъ движенія достигъ бы, самое большее,* $^1/_{30000}$ *части общей массы движущихся молекулъ»* *)... Читатель, знакомый съ механикой, со-

---

*) Курсивъ нашъ.

гласится, что всѣ эти строки понять не легко, а тѣ изъ нихъ, которыя напечатаны курсивомъ, и—невозможно.

Несмотря, однако, на нѣкоторые недостатки изложенія, въ общемъ, книга аббата Морэ читается съ интересомъ. Она не только знакомитъ читателя въ сжатомъ и картинномъ очеркѣ съ явленіями, происходящими на поверхности солнца, а также съ происхожденіемъ и сохраненіемъ солнечной энергіи, но и рисуетъ мѣсто солнца во вселенной.

Авторъ, придающій вмѣстѣ съ Фламмаріономъ большое значеніе популяризаціи астрономическихъ наблюденій, въ послѣдней главѣ своей книги даетъ для астрономовъ-любителей цѣнныя указанія къ производству наблюденій надъ солнцемъ, а также къ зарисовыванію и фотографированію наблюдаемыхъ явленій.

Въ заключеніе замѣтимъ, что книга издана опрятно и иллюстрирована 99 рисунками, исполненными достаточно ясно. Довольно цѣннымъ является также прибавленіе къ русскому переводу труда аббата Морэ ститистики солнечныхъ пятенъ, за все время наблюденій ихъ, по даннымъ Р. Вольфа и П. А. Вольфера. *Н. П. А.*

Что и какъ наблюдать на небѣ. Практическое руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ для любителей. Составилъ Н. П. Двигубскій, дѣйствительный членъ русскаго и французскаго астрономическихъ обществъ. С.-Петербургъ, типографія П. П. Сойкина. 1904 г. Цѣна 1 рубль. Во введеніи къ этой книгѣ авторъ говоритъ, что цѣль ея—«дать въ систематическомъ порядкѣ болѣе или менѣе подробныя практическія указанія о томъ, что̀ и какъ, съ самыми ограниченными средствами и съ пользой для науки, можно наблюдать на небѣ невооруженнымъ глазомъ, въ обыкновенный бинокль и въ астрономическую трубу».

Въ предисловіи же авторъ объясняетъ, что рѣшается выпустить въ свѣтъ эту книгу потому, что въ отношеніи практическихъ руководствъ и пособій для астрономическихъ наблюденій любителей русская литература очень бѣдна, при чемъ онъ характеризуетъ нѣсколькими критическими замѣчаніями труды на эти темы: «Путеводитель по небу» К. Покровскаго; «Русскій Астрономическій Календарь», издаваемый нижегородскимъ кружкомъ любителей физики и астрономіи, и «Астрономъ-любитель» Е. Предтеченскаго. Лучшимъ изъ этихъ руководствъ авторъ справедливо считаетъ трудъ К. Покровскаго, по поводу котораго, однако, говоритъ, что «и этому прекрасному изданію, какъ практическому руководству, можно тѣмъ не менѣе поставить въ упрекъ (помимо сравнительно высокой стоимости) *отсутствіе* въ немъ *необходимаго единства въ матеріалѣ,* такъ какъ въ этой книгѣ очень много теоретическихъ данныхъ, которыя, не имѣя прямого отношенія къ практической дѣятельности, напрасно только, какъ намъ кажется, увеличиваютъ объемъ книги (а слѣдовательно и ея цѣну) и затемняютъ ея сущность».

Въ разсматриваемомъ нами трудѣ г. Двигубскій старался избѣжать этого крупнаго, по его мнѣнію, для практическаго руководства недостатка, безъ вреда, однако, для полноты чисто-практическихъ свѣдѣній. Онъ исходитъ изъ того, что «лицо, рѣшившееся приступить самостоятельно къ производству астрономическихъ наблюденій, безъ сомнѣнія, *пріобрѣло уже* изъ соотвѣтствующихъ книгъ *необходимыя теоретическія свѣдѣнія* *) (стр. 6).

Съ этимъ нельзя не согласиться, точно также какъ и съ соображеніями, въ силу которыхъ авторъ отказался отъ приложенія къ своей книгѣ звѣздныхъ картъ. «Даже такія карты, какими снабженъ «Путеводитель по небу» (К. Покровскаго), врядъ ли избавитъ серьезнаго любителя отъ необходимости

---

*) Курсивъ нашъ.

пріобрѣсти болѣе или менѣе подробный звѣздный атласъ или карты. Пріобщеніе же къ практическому руководству хорошихъ звѣздныхъ картъ неизбѣжно повлекло бы за собой значительное повышеніе стоимости его, что̀, конечно, нежелательно» (стр. 7).

Содержаніе книги раздѣлено на три отдѣла: *I. Наблюденіе невооруженнымъ глазомъ; II. Наблюденіе въ обыкновенный бинокль и III. Наблюденіе въ астрономическую трубу.*

Въ I-мъ отдѣлѣ содержатся, по нашему мнѣнію, всѣ необходимыя свѣдѣнія, расположенныя съ достаточной систематичностью; но изложеніе этихъ свѣдѣній оставляетъ желать многаго, какъ по нѣкоторому несоотвѣтствію характера его съ задачей книги, такъ и по отсутствію точности математическихъ указаній.

Прежде всего, авторъ совершенно забылъ о высказанномъ ранѣе предположеніи своемъ, что пользующійся его книжкой обладаетъ уже «необходимыми теоретическими свѣдѣніями по астрономіи», и поэтому объясняетъ самыя элементарныя понятія. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 14-й къ слову «созвѣздіе» дается поясненіе, что «такъ называются болѣе или менѣе правильныя группы звѣздъ»; о сѣверномъ небесномъ полюсѣ говорится, что это есть «воображаемая точка неба, въ которую упирается мысленно продолженная со стороны сѣвернаго полюса земная ось»... Если нужны такія поясненія, то они должны были бы удвоить объемъ книги. Къ счастью, въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ вспоминаетъ о своей задачѣ и не дѣлаетъ поясненій даже къ такимъ понятіямъ, какъ: «прямое восхожденіе», «склоненіе», «уравненіе времени» и т. п.

Что касается отсутствія надлежащей ясности и точности изложенія, то примѣръ этого читатель найдетъ хотя бы на страницѣ 15-й, гдѣ читаемъ: «Точка сѣвера на горизонтѣ вамъ уже извѣстна. Станьте лицомъ къ ней и поднимите глаза къ небу (тѣмъ выше, чѣмъ сѣвернѣе лежитъ мѣсто вашего наблюденія). На этой вертикальной линіи или немного вправо или влѣво отъ нея, въ зависимости отъ времени ночи и года, вы легко узнаете великолѣпное созвѣздіе сѣвера, никогда не сходящее съ нашего горизонта»... Никто не догадается, о какой *вертикальной линіи* здѣсь говорится.

Слабая сторона II-го отдѣла, занимающаго всего три страницы, состоитъ въ томъ, что здѣсь мы не находимъ никакихъ указаній, которыми можно было бы руководствоваться при выборѣ бинокля для астрономическихъ наблюденій.

Самый полный по содержинію и удачный по изложенію, это—отдѣлъ III-й; онъ состоитъ собственно изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая даетъ необходимыя свѣдѣнія изъ оптики для пониманія устройства трубы и требованій ухода за нею, а также свѣдѣнія объ установкѣ трубы; вторая часть говоритъ объ общихъ условіяхъ и правилахъ производства наблюденій въ трубу; и, наконецъ, третья часть имѣетъ предметомъ «объекты для наблюденій въ трубу». Содержаніе этой послѣдней части хорошо опредѣляется замѣчаніемъ автора, что цѣль ея—«указать, главнымъ образомъ, тѣ небесные предметы, которые могутъ быть наблюдаемы въ трубы съ діаметромъ объектива отъ 54 до 108 миллиметр. ($2^1/_8$—$4^1/_4$ англ. дюймъ) не только ради удовольствія, но и съ *пользой для науки*, а потому въ тѣхъ случаяхъ, когда оптическая сила такой трубы не позволяетъ произвести надъ извѣстнымъ свѣтиломъ научныхъ ступныя для наблюденій, мы ограничиваемся лишь краткими указаніями».

Такимъ образомъ въ III-мъ отдѣлѣ читатель найдетъ, дѣйствительно, все, что необходимо знать астроному-любителю, который хочетъ выбрать астрономическую трубу, установить ее содержать ее, въ исправности и производить доступныя ея оптической силы астрономическія наблюденія.

Въ концѣ книги авторъ даетъ небольшой, но довольно хорошо составлен-

ный списокъ сочиненій, могущихъ служить для общаго знакомства съ астрономіей.

Въ общемъ, серьезныя достоинства труда г. Двигубскаго вполнѣ искупаютъ недостатки его, на которые мы обратили вниманіе въ нашей рецензіи на случай, если бы авторъ захотѣлъ принять во вниманіе наше мнѣніе при 2-мъ изданіи своей книги... *Н. П. А.*

НАРОДОВѢДѢНІЕ И ГЕОГРАФІЯ.

Ангьюсъ Гамильтонъ „Корея". *А. Іонинъ.* „По Южной Америкѣ".—*В. В. Корсаковъ.* „Въ старомъ Пекинѣ".—*Г. Шуртцъ.* „Народовѣдѣніе".—*Д. А. Коропчевскій.* „Первые уроки этнографіи".

Корея. Ангьюсъ Гамильтонъ. Переводъ съ англійскаго (Приложенія: Очеркъ современнаго государственнаго устройства корейской имперіи.—Языкъ, литература и образованіе.—Географическая карта Кореи). С.-Петербургъ, изданіе А. С. Суворина, 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к. На русскомъ языкѣ имѣется одно только обстоятельное сочиненіе о Кореѣ, а именно: «Описаніе Кореи» (въ трехъ частяхъ), составленное при министерствѣ финансовъ и изданное послѣднимъ въ 1900 году. Цѣна (6 руб.) этого сочиненія, хотя и болѣе, чѣмъ умѣренная по отношенію къ дѣйствительной стоимости изданія, сама по себѣ все-таки настолько велика, что оно является мало доступнымъ для читателя средняго достатка; кромѣ того, какъ значительный объемъ сочиненія, такъ и сухой, чисто дѣловой тонъ изложенія, отнюдь не умаляющія драгоцѣнныхъ свойствъ книги при пользованіи ею, какъ источникомъ для научныхъ занятій, — въ то же время не располагаютъ къ ней, какъ къ матеріалу для чтенія съ цѣлью полученія тѣхъ свѣдѣній о странѣ и ея народѣ, которыя отвѣчаютъ обычнымъ общеобразовательнымъ запросамъ любознательнаго читателя.

Въ виду этого, а также острыхъ текущихъ событій на Дальнемъ Востокѣ, книга Гамильтона *), написанная живымъ и увлекательнымъ языкомъ и дающая полное описаніе корейскаго полуострова и архипелага, его населенія, обычаевъ послѣдняго, торговли и промышленности страны, настоящихъ рессурсовъ и надеждъ ея въ будущемъ, а также рельефное понятіе о переживаемомъ страной кризисѣ, какъ объектомъ сталкивающихся интересовъ Россіи и Японіи, является какъ нельзя болѣе своевременной.

Авторъ составлялъ свой трудъ не по изученію чужихъ наблюденій и мнѣній, хотя и пользовался существующею англіскою литературою о Кореѣ и бесѣдами со многими иностранными представителями въ этой странѣ, но главнымъ образомъ по собственнымъ изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ имъ въ теченіе долгаго пребыванія тамъ, когда онъ «проѣхалъ насквозь отъ Фузана до Сеула и отъ Сеула до Гензана; осмотрѣлъ побережные и внутренніе промышленные и пріисковые центры, изучилъ красоты Алмазныхъ горъ съ ихъ буддійскими монастырями».

Книга состоитъ изъ введенія и двадцати четырехъ главъ.

Введеніе даетъ полное понятіе о сравнительныхъ стратегическихъ положеніяхъ Россіи и Японіи на Дальнемъ Востокѣ и о сравнительныхъ боевыхъ силахъ ихъ флотовъ; кромѣ того, здѣсь изложены свѣдѣнія объ организаціи, численномъ составѣ и вооруженіи японской арміи, а также о русскихъ сухопутныхъ силахъ въ Манчжуріи и во Владивостокѣ.

---

*) 1-е изданіе англійскаго оригинала ея вышло въ январѣ, а второе—въ февралѣ текущаго 1904 г.

По поводу японскаго флота авторъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее интересное замѣчаніе: «За однимъ только исключеніемъ всѣ суда, входящія въ составъ первой дивизіи японскаго флота, построены въ Англіи. Чертежи, панцырная обшивка, вооруженіе близко держатся типа и образца англійскаго флота; поэтому, очевидно, что англичане не могутъ не волноваться по поводу исхода всякаго могущаго произойти столкновенія. У каждой націи есть въ водахъ Дальняго Востока суда, снабженныя новѣйшими приспособленіями, измышленными наукой. Но у англичанъ, безопасность которыхъ, главнымъ образомъ, зиждется на ихъ флотѣ, интересъ къ русско-японской войнѣ сильнѣе, чѣмъ у другихъ, по причинѣ сходства между судами одной изъ воюющихъ сторонъ съ судами англійскаго флота».

О самой Кореѣ авторъ въ концѣ своего введенія говоритъ: «Положеніе Кореи безнадежное: корейское правительство безсильно воспрепятствовать и наступательному движенію Россіи, и постоянному распространенію японскаго вліянія. Корея не имѣетъ ни арміи, ни флота, которые могли бы быть пущены въ ходъ съ пользой; она находится въ положеніи страны, лишенной даже возможности возвысить голосъ въ свою собственную защиту. Войска всего нѣсколько тысячъ человѣкъ»... При этомъ: «Въ арміи имѣется много офицеровъ, а флотъ состоитъ, кажется, изъ двадцати трехъ адмираловъ и одного желѣзнаго угольнаго лихтера, до самаго послѣдняго времени бывшаго собственностью японской компаніи».

По ограниченности рамокъ рецензіи, мы не можемъ дать полное понятіе объ изложеніи авторомъ всѣхъ затронутыхъ имъ вопросовъ, но на наиболѣе интересномъ изъ нихъ, а именно на отношеніяхъ къ Кореѣ Россіи и Японіи, все-таки слѣдуетъ остановиться.

Признавая «законность» интересовъ Японіи въ Кореѣ и высказывая мнѣніе, что прогрессъ послѣдней «съ тѣхъ поръ, какъ страна подпала подъ японское вліяніе, былъ болѣе очевиднымъ, чѣмъ то зло, какое произошло отъ наклонности японцевъ запугивать и тиранить корейцевъ», Гамильтонъ все-таки глубоко возмущается образомъ дѣйствій японцевъ въ описываемой имъ странѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ его замѣчаній: «Въ Кореѣ живетъ до 25.000 японцевъ; но японскія колоніи являются сущими проклятіями для каждаго корейскаго порта», потому что издавна «на побережьи Кореи селились подонки японскаго народа...». «Возмутительно видѣть, какъ правительство, претендующее на званіе первоклассной державы, допускаетъ, чтобы поселенія его подданныхъ въ дружественной странѣ являлись пятномъ на его репутаціи и наказаніемъ для страны, пріютившей ихъ». Хотя въ послѣднее время японское правительство и старается часто проявлять дѣйствія, болѣе согласныя съ закономъ настоящей цивилизаціи и гуманности, но тѣмъ не менѣе не далѣе, какъ въ 1900 году, во время голода, постигшаго Корею вслѣдствіе засухъ, Японія настояла на отмѣнѣ запрещенія корейскимъ правительствомъ вывоза хлѣбныхъ злаковъ изъ страны. Такая отмѣна,—говоритъ Гамильтонъ,—несомнѣнно способствовала тому, что въ минуту нужды не хватило средствъ продовольствія; цифра смертности въ областяхъ, опустошаемыхъ голодомъ, доказываетъ, что бѣдствіе коснулось цѣлаго милліона народа. Изъ этого видно, какъ возмутителенъ былъ образъ дѣйствія Японіи, настаивавшей на отмѣнѣ запрещенія вывоза хлѣба въ тѣхъ видахъ, чтобы не пострадали какихъ-нибудь полдюжины японскихъ торговцевъ рисомъ».

Сущность того, что авторъ говоритъ о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Россіи въ Кореѣ заключается въ слѣдующихъ строкахъ его: «Повидимому Россія твердо намѣрена подчинить своей власти Манчжурію. Ничто иное, кромѣ войны, не побудитъ ее сойти съ занятыхъ позицій въ Манчжуріи; но между тѣмъ какъ корейская территорія имѣетъ мало цѣнности для русскаго про-

тектората, можно ожидать, что Россія сдѣлаетъ рѣшительное усиліе, чтобы установить свое господство на нижнемъ теченіи рѣки Ялу. Въ дѣйствительности, какъ это ни покажется страннымъ, устья р. Ялу—та самая мѣстность, которая является спорной между обѣими державами, такъ какъ если бы Россіи когда нибудь было дозволено господствовать на рѣкѣ Ялу, то она бы сразу заняла то особое положеніе на границахъ Кореи, какому Японія именно желаетъ помѣшать. Рѣка Ялу—пограничная рѣка между Манчжуріей и Кореей и въ Іонампо заложено ядро важнаго русскаго поселенія».

Исторія этого поселенія, возникшаго на основаніи договора между представителями Россіи и Кореи отъ 20-го іюля 1903 года, изложена авторомъ подробно въ главѣ XVI-й его книги, въ которой прослѣжены относящіяся къ этому предмету событія вплоть до 23-го октября 1903 года, когда въ видѣ контръ-демостраціи дѣйствіямъ русскихъ «японское военное судно бросило якорь въ рукавѣ р. Ялу въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Іонампо».

Такъ же обстоятельно, какъ и политическое положеніе Кореи, описываетъ авторъ внутренній бытъ страны и характеръ корейцевъ. Но къ представителямъ простого народа его онъ относится съ несправедливымъ презрѣніемъ говоря, что поборы и угнетенія со стороны правительственныхъ чиновниковъ убили у населенія всякую энергію и желаніе работы, и тѣмъ самымъ отняли у него чувство собственнаго достоинства, обративъ представителей низшаго класса населенія чуть-ли не въ животныхъ. На основаніи этого авторъ позволялъ себѣ, какъ онъ откровенно и говоритъ объ этомъ, неоднократно пускать въ дѣло при сношеніяхъ съ ними кулакъ и хлыстъ. Безпристрастный анализъ послѣдствій такого отношенія къ корейскому населенію долженъ бы былъ, однако, показать автору, что онъ жестоко ошибается: въ послѣдней главѣ труда его мы читаемъ, что какъ разъ, когда онъ уже собрался въ сухопутное путешествіе «отъ Сеула—древней столицы Кореи—во Владивостокъ центръ русской власти на берегахъ Тихаго океана», съ цѣлью изслѣдованія той еще никѣмъ не описанной мѣстности, по которой пришлось бы пройти ему, онъ своими дѣйствіями, «кулакомъ и хлыстомъ», на дворѣ сеульской гостинницы возбудилъ такое негодованіе погонщиковъ и конюховъ, которые должны были сопровождать его въ путешествіи, что здѣсь же подвергся ихъ открытому нападенію, послѣдствіемъ котораго у него оказались «легкая рана на головѣ и сложный переломъ руки», помѣшавшіе исполненію его намѣренія. Авторъ былъ наказанъ, безъ сомнѣнія, по заслугамъ; но мы рады, что это «наказаніе» не помѣшало ему выпустить въ свѣтъ свой интересный трудъ.

Намъ остается сказать еще, что русскій переводъ книги, къ которому приложены статьи, восполняющія пробѣлы автора, сдѣланъ хорошимъ языкомъ. Однако сравненіе съ подлинникомъ показываетъ, что во-первыхъ, при печатаніи введенія пришлось опустить много интересныхъ подробностей,—безъ сомнѣнія по цензурнымъ условіямъ; и во-вторыхъ,—что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводчикъ не былъ достаточно внимателенъ и неточно передалъ подлинникъ. Такъ напримѣръ, на стр. 121-й читаемъ: «Поселенія въ Фузанѣ и основанное задолго передъ тѣмъ на островѣ Цусима»... Это не вѣрно; въ подлинникѣ сказано совсѣмъ другое: «Поселеніе въ Фузанѣ, которое было основано задолго передъ тѣмъ воинами свиты даимія съ острова Цусима»... Въ другомъ мѣстѣ (стр. 18) переводчикъ употребляетъ выраженіе «русскій захватъ», тогда какъ въ подлинникѣ сказано «Russian lust», что ближе всего переводится словами «русскія вождѣленія» и вполнѣ отвѣчаетъ смыслу того, о чемъ говоритъ авторъ и чего терминъ «захватъ» не передаетъ.

Русское изданіе не иллюстрировано и снабжено очень посредственною схематическою картою Кореи, тогда какъ англійское—снабжено прекрасными иллюстраціями и отличнѣйшей картой, въ краскахъ и съ показаніями рельефа

мѣстности. Этого, однако, не должно ставить издателю русскаго перевода въ вину, такъ какъ только при «скромности» изданія въ типографскомъ отношеніи оно сдѣлалось по цѣнѣ (1 р. 50 коп.) въ желательной мѣрѣ доступно для средняго читателя. *Н. П. А.*

А. Іонинъ. По Южной Америкѣ. Въ обработкѣ для юношества Е. Лазаревской. Изд. т-ва «Общественная Польза». Ц. 3 р. 50 к. Обширный и содержательный трудъ Іонина, съ 1884—1892 гг. бывшаго русскимъ посланникомъ въ Ріо-Жанейро и имѣвшаго возможность посѣтить самые отдаленные пункты южно-американскаго материка, справедливо считается однимъ изъ лучшихъ обзоровъ природы и жизни Южной Америки за послѣднее время. Но трудъ этотъ, по своей обширности, мало доступенъ для большой публики и особенно для учащихся, которыхъ, вѣроятно, и имѣла въ виду г-жа Лазаревская. Неутомимый, внимательный, остроумный наблюдатель, человѣкъ весьма образованный, Іонинъ далъ въ своей книгѣ множество чрезвычайно яркихъ картинъ природы и жизни посѣщенныхъ имъ малоизвѣстныхъ странъ. Авторъ ведетъ своего читателя вдоль восточныхъ береговъ Бразиліи, изображаетъ поразительную силу растительной жизни подъ вліяніемъ необычайнаго количества влаги и страшнаго жара, вводитъ его въ безпредѣльныя естественныя оранжереи—тропическіе лѣса Бразиліи, въ безконечныя травянистыя равнины—пампасы, знакомитъ съ «величественной и злой природой Фанкландскихъ острововъ, Магелланова пролива и Патагоніи, съ миловидными пейзажами Арауканіи (на югѣ Чили) и съ устрашающими берегами пустыни Атакамы. Читатель съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдитъ за восьмидневнымъ путешествіемъ автора по пампѣ въ дилижансѣ, за его остановками въ уединенныхъ ранчахъ въ обществѣ гаучосовъ, ловкихъ, дикихъ и смѣлыхъ, его поѣздкой въ только что замиренную страну арауканцевъ, за его описаніями Монтевидео, Буэносъ-Айреса, Сантъ-Яго и такихъ городовъ, какъ Вальпараисо, Антофогаста, Икике, Арекипа, въ самыхъ названіяхъ которыхъ чувствуется что-то экзотическое. Мимоходомъ и въ весьма живой формѣ читатель получаетъ много интересныхъ свѣдѣній объ оригинальныхъ животныхъ и растеніяхъ Бразиліи и вообще Южной Америки, о скотоводствѣ въ пампасахъ, о значеніи для мѣстныхъ жителей парагвайскаго чая (мате), о климатѣ Бразиліи, пампасовъ, Патагоніи, Чили, объ условіяхъ жизни въ этихъ странахъ, о нѣмецкой колонизаціи въ Бразиліи и т. д. Безспорныя достоинства труда Іонина не умаляются даже отъ односторонняго, чисто механическаго и и нѣсколько неумѣлаго сокращенія г-жой Лазаревской, неправильно названнаго «обработкой». Г-жа Лазаревская задалась очевидною цѣлью извлечь изъ книги Іонина, живописной, яркой и разнообразной, какъ тропическій лѣсъ, только одни чисто внѣшнія географическія описанія мѣстностей. «Обработка» заключалась преимущественно въ сокращеніи, въ пропускахъ страницъ и цѣлыхъ главъ. Напримѣръ, 3 глава сокращена изъ 7 главъ оригинала (7—12 перваго тома), хотя здѣсь затрогиваются интересные вопросы о колонистахъ изъ Германіи, Италіи, Россіи и сообщается типичная для Бразиліи исторія колонизаціи провинціи Санъ-Фернандо; выпущена и 20 глава (политическія партіи Уругвая), изъ 21 главы опущены характерныя для Монтевидео свѣдѣнія о мѣстныхъ церквахъ. Особенно сокращенъ II томъ оригинала. Не говоря уже о томъ, что выпущено все, касающееся исторіи Уругвая, Аргентины и Парагвая, характеристики тамошнихъ политическихъ партій, pronunciamentas, классической страной которыхъ справедливо считается Южная Америка, г-жа Лазаревская выпустила все, что могло бы дать понятіе о мѣстной наукѣ и литературѣ, разныя чрезвычайно типичныя черты мѣстныхъ политическихъ и общественныхъ нравовъ, интересныя свѣдѣнія объ иммиграціи въ Аргентину, объ измѣненіи въ ней экономическихъ условій въ послѣднее время. Опущено

почему-то и очень типичное, яркое, хотя производящее очень тяжелое впечатлѣніе, описаніе боенъ въ Монтевидео и способы консервированія мяса, которое идетъ, между прочимъ, и въ Европу. Наконецъ, выпущено все описаніе чрезвычайно интереснаго путешествія Іонина въ Парагвай (съ 137 стр. II тома до конца, до 462 стр.), уединенную республику, почти не затронутую никакими внѣшними вліяніями. Изъ III тома выброшено все, что касается исторіи Чили, его сношеній съ Перу, исторіи Арауканіи, значенія Магелланова пролива для мореплаванія, о вліяніи иностранцевъ въ Чили, о жизни рабочихъ и предпринимателей-авантюристовъ въ Чили и Перу на рудникахъ и въ приморскихъ городахъ. Словомъ, г-жа Лазаревская преднамѣренно опускала все, что имѣетъ отношеніе къ исторіи, политической и религіозной жизни южно-американскихъ республикъ, о положеніи въ нихъ трудящагося класса, эмигрантовъ, за исключеніемъ нѣмцевъ въ Бразиліи. Слово «революція», столь знакомое обитателямъ всего континента Южной Америки, особенно тщательно избѣгается г-жой Лазаревской. Выдвигать на первый планъ только природу и вообще неодушевленные предметы, давать только картины внѣшней жизни, маскировать условія экономическаго и политическаго быта страны, не освѣщать и объяснять ихъ мѣстной исторіей—не значитъ давать полную и всестороннюю картину жизни, быта и нравовъ описываемой страны, тѣмъ болѣе, если она столь мало извѣстна, какъ Южная Америка. Наконецъ, хотя въ предисловіи и говорится, что «разсказъ доходитъ только до того мѣста, на которомъ авторъ самъ закончилъ III томъ своего произведенія, не зная, удастся ли ему напечатать и все остальное»,—однако, еще въ 1902 г. вышелъ и IV т., изъ котораго г-жа Лазаревская воспользовалась только первой главой, оставивъ безъ вниманія 10 остальныхъ; между тѣмъ, въ этихъ главахъ заключаются весьма интересныя описанія Кордильеръ, оз. Титикахи и картина жизни чрезвычайно типичнаго въ старо-испанскомъ родѣ природы Арекипы въ Кордильерахъ. Въ общемъ, достоинства книги Іонина такъ велики, что она читается съ большимъ интересомъ и въ одностороннемъ сокращеніи г-жи Лазаревской. Послѣ устарѣвшихъ уже Дюмона д'Юрвиля и Чуди въ русской географической литературѣ не появлялось, насколько намъ извѣстно, такого типа сочиненій о Южной Америкѣ, какъ книга Іонина, и потому сокращеніе ея г-жой Лазаревской, несмотря на всю его односторонность, является хорошимъ вкладомъ въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Опечатки оригинала перешли и въ сокращеніе, напр., «illa de Fares» (вм. ilha dos Frores), «tertulla» (tertulia), «al signor distintissimo estrangero» (al señor distintísinne extranjero) и т. п. Книга украшена рисунками (91), умѣло выбранными и недурно исполненными, и снабжена двумя картами, изъ которыхъ одна (Южной Америки) большая и въ краскахъ.

В. В. Корсаковъ. Въ старомъ Пекинѣ. Очерки изъ жизни въ Китаѣ. 358 стр. Ц. 1 р. 25 к. Оригинальная литература наша по описанію чужихъ—неевропейскихъ—странъ страдаетъ какъ количественною, такъ и качественною бѣдностью. Среди нашихъ путешественниковъ мало дѣловыхъ людей—будь то ученые, коми-вояжеры или миссіонеры,—которымъ приходилось бы обязательно знакомиться въ деталяхъ хотя бы съ одною стороною быта незнакомаго народа. Наши путевыя описанія грѣшатъ поэтому слишкомъ часто поверхностностью и отзываются простымъ туристомъ. Не избѣгаетъ этого упрека и книга В. В. Корсакова, много лѣтъ проведшаго въ Китаѣ, хорошо съ нимъ знакомаго и посвятившаго ему рядъ трудовъ. Мы видимъ въ авторѣ умнаго, тонкаго наблюдателя, но его основные взгляды, тотъ уголъ зрѣнія, съ котораго онъ смотритъ на интересующія его явленія, остается неяснымъ. Кое-чему онъ въ китайцахъ сочувствуетъ, кое-чего не одобряетъ, но его симпатіи и антипатіи довольно случайны и не мотивированы. Достоинства и недостатки китайцевъ не сливаются

въ его описанiи въ одно стройное живое цѣлое, и нравственная физiономiя обитателей небесной имперiи не дѣлается ясной по прочтенiи его книги. Между тѣмъ, цѣль ея, какъ пишетъ въ предисловiи авторъ, познакомить читателя съ тѣмъ существенно важнымъ наслѣдствомъ, которое отходящая уже въ область преданiй старая жизнь китайскаго народа оставляетъ новой его жизни. А въ этомъ наслѣдствѣ важнѣе всего тотъ отпечатокъ, который наложила на духовный складъ китайцевъ ихъ тысячелѣтняя своеобразная культура.

Здѣсь многое чуждо и непонятно европейцу. Послѣднему приходится имѣть дѣло съ прочнымъ, вѣками воздвигнутымъ зданiемъ; цѣлью его изученiя должно быть примиренiе кажущихся въ немъ на первый взглядъ противорѣчiй, освѣщенiе тѣхъ идей, которыя лежатъ въ основѣ его, а не одно только сообщенiе голыхъ фактовъ, значенiе которыхъ трудно оцѣнить при недостаточной ясности общей обстановки, въ которой они происходятъ. Книга г. Корсакова даетъ богатый матерiалъ для характеристики психологiи китайца, но это—матерiалъ сырой. Авторъ не производитъ указаннаго синтеза и только ставитъ вопросы, не отвѣчая на нихъ. Онъ указываетъ, напримѣръ (стр. 99—101), на широко распространенные случаи убiйства и продажу дѣтей (послѣдняя разрѣшается законами), рядомъ съ самой горячей любовью китайцевъ къ своимъ дѣтямъ.—«За жизнь въ Пекинѣ,—говоритъ онъ,—ни разу не видалъ на улицахъ иного обращенiя съ дѣтьми, кромѣ самого ласковаго, самаго отечески-любящаго». Отцовская любовь доходитъ до того, что тамъ, гдѣ приходится искать убiйцъ европейцевъ, для совершенiя надъ ними смертной казни, обыкновенно находится нѣсколько несчастныхъ бѣдняковъ, которые продаютъ свою жизнь, лишь бы обезпечить отъ голодной смерти свою семью, и передъ казнью благодарятъ осудившихъ ихъ за возможность такой выгодной сдѣлки (стр. 286 и 340). Интересны указанiя г. Корсакова на (довольно, впрочемъ, извѣстныя) черты вѣротерпимости у китайцевъ, оригинальнаго смѣшенiя въ ихъ вѣрованiяхъ рацiонализма съ грубыми суевѣрiями, на презрѣнiе къ военному дѣлу, склонность къ образованiю широко распространенныхъ въ странѣ тайныхъ обществъ и пр.; любопытны отмѣчаемыя имъ характерное соединенiе честности и обмана у китайскихъ слугъ, составляющее по его мнѣнiю, очень распространенное свойство китайскаго характера—лживость (стр. 134), необыкновенная солидарность между собою всѣхъ китайцевъ и пр. Но г. Корсаковъ нигдѣ не пытается глубже вникнуть въ китайскую психологiю, и всѣ подобнаго рода указанiя его носятъ нѣсколько поверхностный характеръ. Китаецъ для него самого, а слѣдовательно и для читателя, остается огромною, загадочною тайною. Приведемъ, чтобы не быть голословнымъ, напримѣръ, слѣдующiй отрывокъ, въ которомъ авторъ, отмѣчая крайне цѣнныя черты китайской толпы, дѣлаетъ изъ нихъ, однако, самые поверхностные, далеко не полные выводы, отчасти противорѣчащiе самимъ себѣ, равно какъ приводимымъ имъ же фактамъ. «Въ Китаѣ отсутствуетъ хотя бы намекъ на организованную полицiю, которая могла бы найти виновниковъ совершеннаго преступленiя, всегда скрывающихся. Само же населенiе избѣгаетъ имѣть какое-либо дѣло съ казенными учрежденiями и разбирается въ своихъ дѣлахъ своими средствами. Въ Китаѣ поражаетъ европейца уличная жизнь полнымъ отсутствiемъ правительственнаго надзора; эта жизнь *можетъ служить прекраснымъ образцомъ общественной анархiи*, гдѣ каждый дѣлаетъ, что ему угодно, и многое, что нарушаетъ интересы частныхъ лицъ, разбирается самосудомъ или насилiемъ. Уличная толпа остается обыкновенно совершенно безучастной зрительницей при уличныхъ ссорахъ и принимаетъ участiе только тогда, когда противники, исчерпавъ весь весьма обширный въ китайскомъ языкѣ запасъ ругательствъ, охватывающихъ родню мужскую и женскую, обращаются уже къ памяти предковъ, послѣ чего неизмѣнно, разъяренные, готовы броситься другъ на друга, но тутъ толпа

моментально обоихъ ихъ схватываетъ, становясь посрединѣ, и расталкиваетъ въ разныя стороны. За три слишкомъ года жизни въ Пекинѣ я видѣлъ много уличныхъ ссоръ, но *не видалъ ни одной уличной драки, благодаря такому поведенію толпы*. Въ нѣкоторыхъ (?), однако, обстоятельствахъ равнодушіе (?) китайской толпы къ совершающимся на ея глазахъ явленіямъ прямо возмутительно въ понятіяхъ европейца. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующей крайне тягостной уличной сцены. Проходя по одной людной площади въ Пекинѣ, я былъ привлеченъ толпой и выходящими изъ ея средины отчаянными воплями и криками женскихъ голосовъ. Изъ разспросовъ я узналъ: что китаянка-мать разыскиваетъ украденную у нея трехлѣтку-дочь и у одной нищей узнала свою дѣвочку и стала отнимать. На помощь къ нищей подоспѣли ея товарки и стали отнимать дѣвочку обратно, доказывая, что мать ошиблась въ ребенкѣ. Изступленныя рыданія матери, зовущей свою дѣйствительную или воображаемую дочь, испуганный крикъ и плачъ ребенка среди борющихся за нее трехъ растерзанныхъ женщинъ и безучастная совершенно толпа,--какое возмутительное зрѣлище, вызывающее негодованіе въ душѣ европейца и *презрѣніе къ этой тупой и безсердечной китайской толпѣ*! Китаецъ поражаетъ европейца часто и крайней безсердечностью, самымъ узкимъ эгоизмомъ ко всему и ко всѣмъ, что только не касается его личныхъ интересовъ». (340—3). Не ясно ли изъ начала этой цитаты, что китайская толпа не тупа и не безсердечна, а что поведеніе ея лишь регулируется извѣстными правилами. Но какими именно—этого не говоритъ авторъ.

Нѣкоторое объясненіе того недостатка книги г. Корсакова, на который мы обращаемъ вниманіе, даетъ одно мѣсто изъ собственнаго его введенія, гдѣ онъ указываетъ на вліяніе, оказываемое на Китай европейскою цивилизаціею. «Не ясно ли,—говоритъ онъ,—что покровительствуемая пушками и штыками вошла въ Китай не истинная цивилизація, а изнанка цивилизаціи, уже покорившая себѣ всю Европу. Не ясно ли, что пронесшійся по Китаю ураганъ не былъ освѣжающей грозою, очистившей воздухъ, которымъ дышалъ народъ, а былъ бурей, принесшей заразу изъ Европы, и бросилъ не свѣжія и здоровыя дрожжи, которыя могутъ вызвать бодрую, здоровую и дѣятельную жизнь среди народа, а бросилъ старую, испорченную, загрязненную и зараженную закваску, которой пропитана европейская лживая цивилизація».

Этотъ взглядъ автора очень характеренъ, тѣмъ болѣе, что весьма у насъ въ Россіи распространенъ. Г. Корсаковъ искренно возмущается поступками европейцевъ въ Китаѣ; есть, однако, у насъ, достаточно и небезкорыстныхъ враговъ «европейской лживой цивилизаціи», которые, браня ее, имѣютъ въ виду замѣну ея въ Китаѣ истинною, русскою цивилизаціей. На самомъ дѣлѣ вся современная цивилизація имѣетъ, конечно, изнанку, и даже очень большую, на эта изнанка неотдѣлима отъ положительныхъ сторонъ общаго цѣлаго, она органически съ нимъ связана и создана тѣми же условіями, которыя произвели его. Путешествовать одна на Дальній Востокъ эта изнанка поэтому не можетъ, а неизбѣжно должна потянуть за собою раньше или позже свой антиподъ. Г. Корсаковъ, между тѣмъ, находитъ, повидимому, возможнымъ отдѣлять изнанку культуры отъ ея положительныхъ сторонъ; производя эту операцію надъ китайцами и ихъ культурою, онъ и приходятъ къ заключенію, что они обладаютъ такими-то и такими-то добродѣтелями и такими то (категорично противорѣчащими имъ) пороками. Получается двойственная, неясная картина, изъ которой, однако, было бы, повидимому, не трудно сдѣлать общій выводъ. Вѣдь всякій народъ и классъ при настоящихъ условіяхъ представляетъ подобный же китайцамъ агрегатъ положительныхъ и отрицательныхъ чертъ, въ дѣйствительности тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ и другъ въ друга переходящихъ, смотря по обстановкѣ, въ которой онѣ проявляются. Надо

только понять эту обстановку, освѣтить ту историческую декорацію, на фонѣ которой движится народная жизнь. Мы не хотѣли бы, чтобы читатель изъ настоящихъ замѣчаній вынесъ дурное впечатлѣніе отъ книги г. Корсакова. Мы высказали ихъ потому, что при томъ практическомъ значеніи, которое играетъ въ настоящее время въ нашей общественной жизни Дальній Востокъ, желательно возможно серьезное и вдумчивое отношеніе къ нему. Очерки г. Корсакова нѣсколько поверхностны, но они написаны живо, хорошо и искренно, сообщаютъ много любопытнаго, и если читатель не найдетъ въ нихъ отвѣта на многіе важные вопросы современности, то онъ, по крайней мѣрѣ, познакомится съ обильнымъ бытовымъ матеріаломъ, изъ котораго, быть можетъ, самъ съумѣетъ вывести заключенія. *Б. Витмеръ.*

Генрихъ Шуртцъ, Народовѣдѣніе. Съ рисунками въ текстѣ. 1903 г. Цѣна 3 р. 50 к. Шуртцъ одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ ученыхъ народовѣдовъ, умѣющій изобразить свой предметъ въ сжатой, но въ то же время и въ привлекательной формѣ. Мы прочли его недавно вышедшую книгу съ неменьшимъ интересомъ, какъ въ свое время «Народовѣдѣніе» Оск. Пешеля въ подлинномъ изданіи и въ переработкѣ проф. Кирхова. Шуртцъ уклоняется отъ своихъ многочисленныхъ предшественниковъ, главнымъ образомъ, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ: исходною точкою изслѣдованія народовъ ему служатъ не продукты и условія дѣятельности человѣка, а *сама природа человѣка*, человѣкъ какъ таковой—онъ начинаетъ свое изложеніе прямо съ *живыхъ людей*, со всѣми ихъ особенностями, преимуществами и недостатками. Во-вторыхъ—Шуртцъ не пренебрегаетъ въ своемъ изслѣдованіи никакими научными средствами и матеріалами, къ какой бы отрасли знанія они не принадлежали лишь бы они способствовали уясненію и правильной оцѣнкѣ изслѣдуемаго предмета. Оттого его изложеніе свободно отъ той односторонности, которою обычно страдаютъ сочиненія по этнологіи.

Физіологія, психологія и анатомія расъ—вотъ тѣ фундаменты, на которыхъ Шуртцъ строитъ свое зданіе. Онъ не сомнѣвается, что изъ природныхъ особенностей расъ удастся пролить свѣтъ на историческое и культурное развитіе человѣчества и на сложныя проблемы исторической антропологіи. Многаго Шуртцъ ожидаетъ особенно отъ *племенной психологіи*. По его мнѣнію, всякая научная классификація человѣческихъ расъ должна быть построена на ихъ *естественномъ, историческомъ развитіи*, а не на внѣшнихъ признакахъ, настоящій смыслъ которыхъ намъ остается непонятнымъ. Въ предлагаемой имъ системѣ мы встрѣчаемъ три группы: 1) древнія или первичныя расы, 2) главныя расы и 3) рядъ смѣшанныхъ расъ. И все. Другіе этнологи, напр. Кеаи, уже до Шуртца проводили подобныя же идеи—Шуртцъ увѣренъ, что первичныя расы большею частью исчезли вслѣдствіе процессовъ скрещиванія, переселенія и изолированія, а также подъ вліяніемъ географическихъ условій.

Антропогеографическія проблемы въ книгѣ Шуртца разсматриваются непосредственно въ связи съ расами. Авторъ пытается освѣтить вліяніе климата, морскихъ границъ, географическаго уровня, и всего прочаго аппарата «естественной среды» на этнологическую судьбу народовъ и государствъ.

Для исторіи культуры особенный интересъ представляютъ тѣ типы человѣка, которые обособляются въ силу естественнаго отбора въ *спеціальныя сословія и профессіи*, смотря по особенностямъ ихъ природныхъ наклонностей и способностей. Авторъ полагаетъ, что этотъ процессъ обособленія имѣетъ физіологическія причины.

То, что обыкновенно составляетъ предметъ такъ наз. *соціологіи*, излагается во второй части «Народовѣдѣнія» Шуртца: это вопросъ о возникновеніи общественныхъ союзовъ, нравовъ, правовыхъ установленій. Въ связи съ соціо-

логіей въ узкомъ смыслѣ этого слова мы встрѣчаемъ въ книгѣ Шуртца обзоръ исторіи хозяйства и культуры, какъ проблемы, подлежащія «*сравнительному* народовѣдѣнію». Наконецъ, третій отдѣлъ посвященъ частной этнологіи народовъ земного шара и изученію ихъ расоваго состава, ихъ рѣчи, ихъ матеріальной и духовный культуры (общія начала психическаго народовѣдѣнія, какъ-то происхожденіе рѣчи, отношенія между языкомъ и народомъ, лингвистическое раздѣленіе человѣчества и т. д. разсмотрѣны въ первой части книги, въ связи съ ученіемъ о расахъ).

При чтеніи всѣхъ этихъ страницъ всякому станетъ ясно значеніе «народа» и «расы» въ исторіи культуры. Повсюду *человѣкъ является естественнымъ продуктомъ общественныхъ группировокъ, и эта зависимость объясняетъ намъ возникновеніе, развитіе и упадокъ матеріальной и духовной культуры* въ различныя эпохи исторіи.

Таковъ основной смыслъ «Народовѣдѣнія» г. Шуртца.

Р. Вейнбергъ.

Д. А. Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. Ц. 75 к. «Книжка эта, пишетъ въ предисловіи авторъ, образовалась изъ лекцій, читанныхъ мною въ іюнѣ 1901 г. въ Саратовѣ, на педагогическомъ съѣздѣ земскихъ учителей и учительницъ. Благосклонное вниманіе, оказанное этимъ чтеніямъ моими слушателями и слушательницами, даетъ мнѣ надежду, что они окажутся не безполезными и другимъ учащимъ въ народныхъ школахъ, для которыхъ они собственно и предназначаются».

Указанная цѣль книги можетъ, повидимому, считаться достигнутой. Ясное, доступное, интересное изложеніе, хорошо подобранный матеріалъ, наконецъ, многочисленныя иллюстраціи—все это даетъ основаніе думать, что лекціи Д. А. Коропчевскаго найдутъ многочисленныхъ и внимательныхъ читателей.

Наиболѣе заслуживающей вниманія стороною настоящей работы является принятый авторомъ порядокъ изложенія. Этнографія обыкновенно описываетъ человѣческія племена по расамъ. Г. Коропчевскій справедливо указываетъ на связанныя съ этимъ неудобства. Такъ напримѣръ, расы во многихъ мѣстахъ такъ перемѣшаны между собою, что трудно подчасъ опредѣлить, какіе народы являются чистыми представителями ихъ; для полной классификаціи всѣхъ группъ человѣчества необходимо было бы также указать цѣлый рядъ физическихъ признаковъ, которые далеко не всѣ могли бы быть усвоены читателями. Къ этимъ замѣчаніямъ автора слѣдуетъ прибавить еще одно, имѣющее наибольшее значеніе въ такой популярной работѣ, какъ настоящая: расовая классификація какъ бы разъединяетъ человѣчество, она кладетъ между разными представителями его слишкомъ рѣзкія грани и идетъ противъ того все болѣе растущаго объединенія общею культурою всѣхъ народовъ земного шара, которое желательно всегда выдвигать на первый планъ, особенно въ популярныхъ работахъ. Авторъ предпочитаетъ описывать человѣчество, какъ совокупность разныхъ переходящихъ одна въ другую культурныхъ группъ—народовъ бродячихъ, охотничьихъ и рыболовныхъ, пастушескихъ, земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ—и въ этомъ особое достоинство его работы. «Мы убѣждаемся, говоритъ онъ, что несмотря на расовыя различія, т. е. несходства въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, между всѣми людьми замѣчается такъ много общаго, что, при одинаковыхъ условіяхъ, они прибѣгаютъ къ однимъ и тѣмъ же средствамъ для обезпеченія своего существованія». Можно было бы, пожалуй, только возразить противъ того исключительнаго значенія, которое Д. А. Коропчевскимъ придается въ исторіи культуры фактору географическому; изученіе народовъ онъ ставитъ въ слишкомъ рѣзкую связь съ ихъ мѣстообитаніемъ, т. е. зависимостью ихъ отъ естественныхъ условій—геогра-

фическаго положенія, климата, почвы, растительнаго и животнаго міра. «Можно сказать, что каждый народъ есть продуктъ той области, въ которой онъ живетъ». Это, конечно, совершенно вѣрно, но все же и географическія условія ничто иное, какъ факторъ консервативный, значеніе котораго все болѣе съуживается при культурѣ и взаимнаго вліянія другъ на друга разныхъ народовъ.

Позволимъ себѣ еще два замѣчанія. На стр. 115 авторъ, предсказывая политическое паденіе турокъ, винитъ въ этомъ мусульманство, «эту настоящую религію кочевниковъ, ученіе которой не только разрѣшаетъ насиліе надъ иновѣрными народами, но даже требуетъ его ради торжества ислама». Но вѣдь каждая религія, поскольку она играетъ соціологическую роль, на извѣстной ступени оказываетъ задерживающее вліяніе. Въ этомъ отношеніи мусульманство ничуть не хуже, напримѣръ, средневѣковаго католицизма, вопреки которому создалась въ упорной борьбѣ вся наша современная культура. Да и теперь не мало существуетъ попытокъ, особенно въ сношеніяхъ съ языческими народами, эксплуатировать интересы христіанства для оправданія необходимости насилій и войнъ. Затѣмъ, авторъ, слишкомъ мало удѣляетъ вниманія наиболѣе высоко стоящимъ въ культурѣ народамъ, напримѣръ, англичанамъ. Хотя онъ и упоминаетъ въ предисловіи, что «краткость главъ, посвященныхъ народамъ западной Европы, объясняется тѣмъ, что литература по этнографіи названныхъ странъ гораздо богаче и доступнѣе преподавателямъ, будучи указана въ каталогахъ министерства народнаго просвѣщенія», но сама книга отъ такой краткости несомнѣнно теряетъ. Для завершенія картины жизни человѣчества, было бы крайне желательно изобразить тѣ высшія формы, которыхъ она успѣла достигнуть, какъ бы ни были онѣ пока несовершенны. Въ этомъ отношеніи было бы особенно интересно описаніе нѣкоторыхъ англійскихъ колоній. Вообще къ Англіи авторъ отнесся не совсѣмъ благосклонно, что связано съ отсутствіемъ въ его работѣ свѣдѣній о политическомъ устройствѣ различныхъ государствъ.

Эти мелкія замѣчанія не умаляютъ, впрочемъ, указанныхъ общихъ достоинствъ лежащаго передъ нами труда. *Б. Витмеръ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го мая по 15-ое іюня 1904 г.)

Н. Гаринъ. По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1904 г. Ц. 1 р.
С. Найденовъ. Пьесы. Т. I. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1904 г. Ц. 1 р.
Л. Гуревичъ. Сѣдокъ и другіе разсказы. Изд. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
Поль д'Ивуа. Въ Китаѣ. Романъ. Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.
Мирэ. Жизнь. Изд. Мукосѣева. Ниж.-Новг. 1904 г. Ц. 1 р.
Ив. Наживинъ. У дверей жизни. Очерки и разсказы. Изд. книгоизд. «Трудъ». М-ва. 1904 г. Ц. 1 р.
Танъ. Очерки и разсказы. Т. IV. Изд. Глаголева. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.
Его же. Пашенькина смерть. Изд. Глаголева. Спб. 1904 г. Ц. 7 к.
Его же. Черный студентъ. Изд. Глаголева. Спб. 1904 г. Ц. 4 к.
Его же. Кто первый пролилъ на землѣ кровь. Изд. Глаголева. Спб. 1904 г. Ц. 4 к.
Уайльдъ Оскаръ. Баллада рэдингской тюрьмы. Пер. Бальмонта. Изд. «Скорпіонъ». М-ва 1904 г. Ц. 50 к.
Н. Гаринъ. Корейскія сказки. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1904 г. Ц. 60 к.
Русско-японская война на сушѣ и на морѣ. Художественный альбомъ съ текстомъ. Изд. Березовскаго. Вып. I—II. Цѣна каждаго выпуска 1 р. 50 к.
Ауэрбахъ. Вальпурга. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.
Н. И. Позняковъ. Дневникъ. Магдалинки. Москва. 1904 г. Ц. 1 р.
Генрихъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Т. VII. Изд. Скирмунта. М-ва 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.
Любичъ. Тѣни жизни. Изд. Каранта. Одесса. 1904 г. Ц. 50 к.
Муравей. Повѣсти. Т. II. Казань. 1903 г. Ц. 1 р.
Самъ. Для чего жить? Т. I. Изд. Валаева. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.
Чуносовъ. Этюды. Изд. Ясинскаго «Новыя сочиненія». Спб. 1904 г.
Таранчукъ. Іерей Макарій. М-ва. 1904 г. Ц. 35 к.
Его же. Діаконъ Назарій. Москва. 1904 г. Ц. 90 к.
Антонъ Чеховъ. Вишневый садъ. Изд. Маркса. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.
Ст. Пшибышевскій. Для счастья. Изд. С. Г-а. Одесса. 1904 г. Ц. 25 к.
Флеровскій. Критика основныхъ идей естествознанія. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.
Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія. Характеристики. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.
Бэмъ-Баверкъ. Основы теоріи цѣнности хозяйственныхъ благъ. Изд. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
Бондаренко. Англійскій городъ въ средніе вѣка. Одесса. 1904 г. Ц. 1 р.
Г. Ивановъ. Начальный курсъ географіи. Изд. 3-ое. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.
Оствальдъ. Школа химіи. Ч. I. М-ва 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.
Чистяковъ. Образованіе народа во Франціи (эпоха третьей республики). М-ва. 1904 г. Ц. 3 р.
Программы чтенія для самообразованія. Изд. 4-ое, отдѣла для содѣйствія самообразованію. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.
Кузминъ. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.
Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Изд. ред. газ. «Восточное Обозрѣніе» Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института. 1904 г. Т. I, вып. 3—4. Спб. 1904 г.
Н. Карѣевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 5-ое. Доходъ поступитъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Спб. Политехническаго Института. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.
Лукинъ. Кавказскіе курорты. М-ва. 1904 г. Ц. 75 к.
Тэнъ. Исторія англійской литературы т. V (современники). М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гетте. Зоологія. Изд. «Научно-образовательная библіотека». Москва. 1904 г. Ц. 40 к.

Василенко. О. М. Бодянскій. Кіевъ 1904 г.

Мигулинъ. Русскій государственный кредитъ (1769—1903). Т. III. Вып. IV. Хар. 1904 г. Ц. 1 р. 30 к.

Да Коста. Націонализмъ въ германской средней школѣ. Москва 1904 г. Ц. 20 к.

Д-ръ Розенбаумъ. Мальтузіанизмъ и дѣторожденіе (Медико-соціологическіе этюды). Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Авчинникова. Проституція и проф. В. М. Тарновскій. Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

Лѣтопись войны съ Японіей, вып. I.

Мигулинъ. Выкупные платежи къ вопросу о ихъ пониженіи. Хар. 1904 г. Ц. 50 к.

Щетинскій. Практическое руководство къ собиранію естественно-историческихъ коллекцій. Изд. 2-ое. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Воблый. Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія. Варшава. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Луйо Брентано. Профессіональныя организаціи рабочихъ. Изд. ред. журн. «Всемірный Вѣстникъ. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

Карта театра русско-японской войны. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1904 г. Ц. 65 к.

Новая карта театра военныхъ дѣйствій. Изд. Маркса. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.

А. Г. Наши задачи на востокѣ. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.

Проф. Томсонъ. Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Одесса. 1904 г. Ц. 30 к.

Казанцевъ. Задачи внѣшкольнаго образованія. Вып. I. Сар. 1904 г. Ц. 40 к.

Д-ръ Франке. Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ. Хар. 1904 г.

Первовъ. Международная школьная переписка. М-ва. 1904 г.

Изданія О. Н. Поповой «Библіотека нашихъ дѣтей»:

А. Додэ. Моя мать. Жакъ. Ц. 12 к.

Его же. Разсказы. Книжка 1-ая. Ц. 10 к

Его же. Тоже. Книжка 2-ая. Ц. 6 к.

Гауффъ. Избранныя сказки. Ц. 30 к.

Мировичъ. Снѣжинки. Ц. 30 к.

А. Додэ. Военные разсказы. Ц. 8 к.

Пенькова. Въ гору. Ц. 50 к.

Изд. склада «Школьное дѣло». «Библіотека для всѣхъ».

Елпатьевскій. Служащій. Ц. 10 к.

Его же. Апельсинщикъ. Ц. 3 к.

Его же. От. Кириллъ. Ц. 5 к.

Ив. Наживинъ. Два старика. Ц. 3 к.

Н. Гаринъ. На практикѣ. Ц. 5 к.

Изд. Сиякова: **Японія.** Москва. 1904 г. Ц. 1½ к. **Корея и Манджурія.** Москва. 1904 г. Ц. 1½ к. **Война Россіи и Японіи.** Москва. 1904 г. Ц. 1½ к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Kant's Lehre von Glauben» von D-r Ernst Sänger. (Dürrsche Buchhandlung). Leipzig. (Ученіе Канта о вѣрѣ). Обыкновенному читателю, еслибъ онъ заинтересовался отношеніемъ Канта къ вопросамъ вѣры, было бы очень трудно оріентироваться въ его сочиненіяхъ и выдѣлить изъ нихъ то, что ему нужно, т.-е. выяснить себѣ ученіе Канта о вѣрѣ. Чтобы объяснить этотъ трудъ читателямъ и почитателямъ великаго нѣмецкаго философа, авторъ занялся изысканіями въ сочиненіяхъ Канта всего того, что относится къ его взглядамъ на вѣру и его міросозерцанію. Книга распадается на три главныя части, согласно различнымъ взглядамъ, которые обнаруживалъ Кантъ въ періодъ своей писательской дѣятельности и которые были выражены имъ въ его сочиненіяхъ въ разное время.

(Frankfurt. Zeit).

«H. Taine. Sa vie et sa correspondance». Tome II.—Le Critique et le Philosophe (1853 — 1870). (Hachette). (И. Тэнъ; его жизнь и переписка). Это собраніе писемъ Тэна служитъ прекраснымъ матеріаломъ для его біографіи, такъ какъ его взгляды и всѣ событія, играющія какую-либо роль въ его жизни, выражаются въ его переапискѣ, которая, особенно мѣстами, представляетъ огромный интересъ и заключаетъ въ себѣ данныя для характеристики выдающагося французскаго писателя и историка.

(Frankfurt. Zeit).

«Labour and other Questions in South Africa» by Indins (Fishes Unwin).3 s. 6 d. (Трудъ и другіе вопросы въ южной Африкѣ). Вопросъ о болѣе раціональномъ обращеніи съ цвѣтными расами въ южной Африкѣ принадлежитъ къ числу такихъ, которые въ достаточной степени волнуютъ общественное мнѣніе. Авторъ, посѣтившій южную Африку въ прошломъ году, старается выяснить въ своей книгѣ взаимныя отношенія бѣлыхъ и цвѣтныхъ племенъ и найти способъ разрѣшенія весьма трудной и жгучей южно-африканской проблемы.

(Daily News).

«The Authracite Coal Communities» by D-r Roberts (Macmillan). 15 s. (Угольныя общины). Чрезвычайно интересное изслѣдованіе промышленной и соціальной жизни новой угольной общины, образованіе которой является однимъ изъ характерныхъ симптомовъ нашего времени. Тутъ происходитъ до нѣкоторой степени созидательная работа и на развалинахъ старой націи возникаетъ новая. Въ этихъ антрацитовыхъ округахъ обитаютъ до 630.000 людей, среди которыхъ находятся представители 26 различныхъ человѣческихъ расъ, и изъ этого смѣшенія народовъ долженъ произойти «американецъ будущаго». Но авторъ не ограничивается только проблемою развитія новой расы, а главное вниманіе обращаетъ на проблемы новой промышленной жизни и на ихъ вліяніе на интеллектуальное, соціальное и религіозное развитіе, на семейную жизнь, воспитаніе, печать и т. п.

(Daily News).

«Biographia Philosophica» A. Retrospect. By Alexander Campbell Fraser, Prof. (Blockwood) 12 s 6 d. (Философская біографія). Въ послѣднее время книжный рынокъ обогатился автобіографіями различныхъ современныхъ философовъ, но названная автобіографія отличается отъ всѣхъ другихъ, во-первыхъ тѣмъ, что она не такъ объемиста, какъ, напр., автобіографія Спенсера, и, во-вторыхъ, она скорѣе является изложеніемъ развитія философскаго мышленія, нежели подробнымъ повѣствованіемъ о всѣхъ мелочахъ жизни автора и событіяхъ, хотя бы и малозначащихъ, но связанныхъ съ его существованіемъ.

(Times).

«L'Empire Libéral» Etudes, Récits, Souvenirs, par Emile Ollivier, L'Année fatale. (Garnier) 3 f. 50. (Либеральная имперія), Это восьмой томъ обширнаго труда Эмиля Олливье содержитъ въ себѣ исторію 1866 г. Авторъ называетъ этотъ годъ «роковымъ годомъ», но хотя онъ и старается по возможности сохранять объективность историка, тѣмъ не менѣе въ тонѣ его повѣствованія ясно замѣтно не только сочувственное отношеніе къ Наполеону III, но даже привязанность къ нему, что и заставляетъ автора съ особеннымъ стараніемъ подчеркивать все то, что можетъ

выставить императора съ симпатичной стороны. Оставляя въ сторонѣ это пристрастіе автора, надо все-таки отдать ему справедливость, что его исторія второй имперіи представляетъ огромный интересъ и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно богатый матеріалъ.

(Temps).

«A History of European Thought in the Nineteenth Century» by I. T. Merz (Blockwood) 15 s. (Исторія европейской мысли въ девятнадцатомъ вѣкѣ). Въ двухъ томахъ своей исторіи авторъ изучаетъ главныя идеи, заключающіяся въ современной научной литературѣ. Оба тома представляютъ вполнѣ законченный трудъ, хотя и составляютъ лишь часть задуманнаго авторомъ обширнаго изслѣдованія философской мысли. Авторъ отличается чрезвычайно обширной эрудиціей и обнаруживаетъ основательное знакомство съ предметомъ, который обсуждаетъ въ своей книгѣ. Во второмъ томѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ глава о развитіи математической мысли, такъ какъ она является первою попыткой отвести этой абстрактной области мышленія соотвѣтствующее мѣсто въ исторіи интеллектуальнаго прогресса.

(Times).

«The Penetration of Arabia» by D. G. Hogarth (The Story of Exploration Series) (Lowrence and Bullen). 7 s. 6 d. (Проникновеніе въ Аравію). Несмотря на большой историческій интересъ, который представляетъ Аравія, эта страна все еще очень мало извѣстна. Причину ея изоляціи, конечно, слѣдуетъ искать въ комбинаціи ея физическихъ условій, затрудняющихъ путешествіе по странѣ; поэтому литература объ Аравіи невелика, въ особенности, сравнительно съ другими областями Азіи и прилегающей къ ней Африки. Вышеназванная книга пополняетъ этотъ пробѣлъ и даетъ очень обстоятельное описаніе Аравіи, ея природы, климата и жителей, ея населяющихъ. Карты Аравіи, приложенныя къ тексту, вполнѣ удовлетворительны.

(Times).

«The Progress of Education in England» by I. S. G. de Montmorency (Knight). 5 s. (Прогрессъ воспитанія въ Англіи). Авторъ поставилъ себѣ задачей изслѣдованіе развитія просвѣщенія въ Англіи и въ своей книгѣ знакомитъ читателя съ исторіей народнаго воспитанія, начиная съ восьмого столѣтія до нашего времени.

(Saturday Review).

«Confessions of a Journalest» by Chris. Healy. (Chatto Windus) London. 6 s. (Исповѣдь журналиста). Очень занимательно написанныя воспоминанія журналиста, развертывающія передъ читателемъ интересную картину жизни и труда различныхъ дѣятелей печати и обрисовывающія нравы и обычаи, господствующіе въ журналистикѣ.

(Saturday Review).

«Autobiography» by Alexander Bain (Longman) 14 s. (Автобіографія). Покойный профессоръ логики Бэнъ оставилъ свою автобіографію, которая теперь издана съ дополнительною статьею профессора Давидсона, дѣлающаго обзоръ всей научной дѣятельности Бэна и его важнѣйшихъ трудовъ въ области психологіи. Автобіографія этого ученаго представляетъ выдающійся интересъ, такъ какъ онъ былъ, что называется, «Self made man» и самому себѣ обязанъ всѣмъ своимъ образованіемъ и развитіемъ. Съ одиннадцати лѣтъ онъ былъ взятъ изъ школы и поставленъ работать на ткацкомъ станкѣ, и несмотря на такую тяжелую обстановку, мальчикъ все-таки выбился на дорогу и съ четырнадцати лѣтъ началъ усиленно учиться и работать надъ своимъ развитіемъ и сдѣлался потомъ свѣтиломъ, которымъ гордится теперь вся Англія.

(Academy).

«Theodore Roosevelt, the Man and the citizen» by Jacob A. Riis, With 17 illustrations. (Hodder and Stoughton). 7 s. 6 d. (Теодоръ Рузвельтъ, человѣкъ и гражданинъ). Очень хорошій біографическій очеркъ, въ которомъ Рузвельтъ представленъ какъ человѣкъ и гражданинъ. Вмѣстѣ съ этимъ авторъ знакомитъ читателей съ современнымъ политическимъ положеніемъ и борьбою партій въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Saturday Review).

«Au milieu des massacres» par M-me Carlier. Paris. (Juven). (Среди убійствъ). Этотъ трудъ состоитъ изъ двухъ частей, одинаково интересныхъ, хотя совершенно различныхъ. Въ первой части авторъ разсказываетъ о своемъ путешествіи по Арменіи, а во второй о своемъ пребываніи въ Сивасѣ, какъ разъ въ то время, когда кругомъ происходили страшныя избіенія армянъ, которыя покрыли потоками крови всю Арменію. Онъ описываетъ тѣ ужасы, которые совершались на его глазахъ, грабежи и убійства беззащитнаго населенія и подтверждаетъ, что поведеніе турецкихъ властей было въ высшей степени предосудительное. Во всякомъ случаѣ, по его словамъ, на оттоманскомъ правительствѣ всецѣло лежитъ отвѣтственность за тѣ событія, которыя произошли въ Арменіи и которыя возбудили такое негодованіе всего цивилизованнаго міра. Кромѣ описаній кровавыхъ событій въ книгѣ заключается еще много любопытнаго матеріала, иллюстрирующаго жизнь страны и нравы ея населенія въ обыкновенное мирное время.

(Temps).

*

«Die Amerikaner» von D-r Hugo Münsterberg, professor an der Harvard-Universität. Erstes Band. Das politische und wirtschaftliche Leben. Berlin (Ernst Siegfrid Mittlir und Sohn). (*Американцы*). Авторъ этой книги, бывшій профессоръ Фрейбургскаго университета, переселился въ Америку, но не порвалъ связи со своей родиной, хотя проникся такимъ же чувствомъ любви и къ своей новой родинѣ. Онъ написалъ свою книгу со спеціальною цѣлью представить американцевъ такими, каковы они па самомъ дѣлѣ, и разрушить существующіе на ихъ счетъ взгляды и предубѣжденія. Въ этомъ первомъ томѣ авторъ, главнымъ образомъ, занимается экономическою и политическою жизнью американскаго народа, которую онъ разбираетъ во всѣхъ подробностяхъ, стараясь выдѣлить главные моменты, вліяющіе на эволюцію экономическихъ и политическихъ условій въ томъ или другомъ направленіи.

(Frankfurt Zeit).

«L'Empire d'Annam» par Ch. Gosselin (Perrin). (*Аннамская имперія*). Эта книга заключаетъ въ себѣ весьма цѣнный соціологическій и историческій матеріалъ, относящійся къ Индо-Китаю. Нравы, обычаи и преданія аннамитовъ изучены довольно хорошо, но въ соціологическомъ и историческомъ отношеніяхъ страна эта все еще представляетъ малоизслѣдованную область. Авторъ старается пополнить этотъ пробѣлъ и на основаніи собственныхъ наблюденій и изученія трудовъ различныхъ изслѣдователей Аннама, онъ даетъ въ своей книгѣ соціологическій и историческій очеркъ аннамской имперіи.

(Temps).

Le roman Social en Angleterre» (1830—1850). Dickens-Dusraeli, M-rs Gasnell-Kingsley. Par Louis Casamian (Société nouvelle de librairie et d'edition). 3 fr. 50 s. (*Соціальный романъ въ Англіи*). Авторъ задался цѣлью выяснить связь, существующую между писателями, воспроизводящими извѣстныя идеи въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, условіями ихъ жизни, порождающими эти идеи, и вѣкомъ, способствующимъ образованію этихъ условій. Для своихъ очерковъ авторъ выбралъ четырехъ англійскихъ писателей и, подвергнувъ тонкому критическому разбору ихъ произведенія, доказалъ, что въ сущности они были проповѣдниками и произведенія ихъ носили характеръ обличеній и проповѣди извѣстныхъ идей.

(Times).

«Social Life under the Stuart» by Elizabeth Godfrey (Grant Richards): 12 s. 6 d. (*Соціальная жизнь во времена Стюартовъ*). Нормальная соціальная жизнь культурныхъ и зажиточныхъ классовъ Англіи ко времени взрыва гражданской войны, отличалась отъ той, которую можно было наблюдать спустя нѣсколько лѣтъ послѣ реставраціи. Врядъ ли можно найти въ исторіи другой примѣръ такой же быстрой перемѣны, какая совершилась въ Англіи въ такой короткій промежутокъ времени. Въ своей книгѣ авторъ старается прослѣдить эти измѣненія въ англійскомъ обществѣ той эпохи и въ индивидуальныхъ семьяхъ и съ этою цѣлью онъ собралъ очень большой и интересный историческій матеріалъ.

(Times).

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Аномалiи въ распредѣленiи тяжести на земной поверхности.—Окраска воды озеръ.

Давно уже было замѣчено, что часы съ маятникомъ, совершающимъ въ нашихъ широтахъ свой размахъ въ 1 секунду, въ широтахъ экваторiальныхъ отстаютъ, и для урегулированiя требуется, напр. на экваторѣ, укоротить маятникъ на $1^3/_4$ линiи. Такъ какъ качанiя маятника происходятъ вслѣдствiе земного притяженiя, то ясно, что чѣмъ медленнѣе совершается это качанiе, тѣмъ меньше въ данныхъ мѣстахъ величина земного притяженiя. Съ другой стороны, также ясно, что притягательная сила земли уменьшается по мѣрѣ удаленiя отъ центра земли, а, слѣдовательно, разстоянiе поверхности земли отъ центра ея меньше у полюсовъ, чѣмъ у экватора, земля сплющена у полюсовъ и какъ бы растянута у экватора. Такъ была опредѣлена форма земли, какъ эллипсоида вращенiя.

Наблюденiя надъ колебанiями маятника, предпринятыя для опредѣленiя формы земли, попутно указали наибольшiя различiя въ распредѣленiи тяжести на земной поверхности. Многiе ученые объясняютъ эти аномалiи различнымъ распредѣленiемъ въ землѣ массъ различной плотности. Такъ, проф. Ратцель въ своемъ недавно вышедшемъ трудѣ «Земля и жизнь» *) говоритъ слѣдующее:

«Подъ высшими горными цѣпями, какъ Альпы, Гималаи, Кавказъ, подъ горами средней высоты, какъ Юра, подъ древними горными хребтами, какъ Шварцвальдъ, лежатъ довольно легкiя массы; подобныя же массы лежатъ подъ слоями древнихъ кристаллическихъ горныхъ породъ, которыя мы встрѣчаемъ въ большомъ количествѣ въ Богемiи и въ Моравiи. И подъ плоскогорiями залегаютъ иногда легкiя массы. Въ восточныхъ Альпахъ, а также и въ швейцарскихъ Альпахъ переходъ отъ меньшей плотности къ большей начинается почти точно съ подошвы Альпъ; такъ, напримѣръ, у восточной подошвы у Граца, у южной подошвы—въ области верхнеитальянскихъ озеръ. Въ Богемiи

---

*) Проф. Ф. Ратцель. „Земля и жизнь". Переводъ подъ ред. В. К. Агафонова. „Библ. естествознанiя". Изд. Акц-наго о-ва „Брокгаузъ и Ефронъ". Вып. XXII, стр. 101.

земля плотнѣе въ опустившихся частяхъ, чѣмъ подъ краевыми ея горами. Во многихъ равнинахъ, на островахъ, въ открытомъ морѣ тяжесть, наоборотъ, гораздо больше, чѣмъ въ плоскогоріяхъ, хотя въ данномъ случаѣ граница плотности не проходитъ совершенно точно между горами и низменностями. Съ большою вѣроятностью можно также принять смѣну болѣе плотныхъ болѣе рыхлыми массами въ сѣверно-нѣмецкой низменности. Точно также подъ Ломбардской низменностью лежатъ горныя породы толщиною въ 4—5 километровъ и по плотности близкіе базальту. По мѣрѣ того, какъ мы спускаемся съ горъ къ берегу, увеличивается тяжесть, и если продолжить измѣренія при помощи маятника далѣе отъ берега въ открытомъ морѣ и на островахъ, то окажется, что плотность все болѣе и болѣе возрастаетъ. Итакъ, подъ сушею лежатъ, въ общемъ, болѣе легкія горныя породы, чѣмъ подъ морскимъ дномъ, а на материкѣ плотность горныхъ породъ меньше тамъ, гдѣ на поверхности собраны массы въ большомъ количествѣ, т.-е. подъ плоскогоріями. Такимъ образомъ, какъ на континентахъ вообще, такъ и въ плоскогоріяхъ въ частности, недочеты массы въ глубинѣ какъ бы возмѣщаются скопленіемъ массы на поверхности. Явленіе это пытались объяснить такимъ образомъ, что будто бы тонкая земная кора земли утолщается подъ морскимъ дномъ и утончается подъ плоскогоріями».

Астрономъ Фай объяснилъ такое увеличеніе плотности подъ водой океановъ продолжительнымъ воздѣйствіемъ холодной воды морскихъ глубинъ на породы морского дна. Другіе ученые объясняютъ эти аномаліи распредѣленія тяжести на земной поверхности не различіемъ въ плотностяхъ различныхъ горныхъ породъ, а существованіемъ громадныхъ пустотъ внутри земной коры.

Послѣдній международный геодезическій конгрессъ высказался по этому вопросу съ большой осторожностью. Вотъ его формулировка: тяжесть проявляется съ большей (сравнительно съ вычисленной теоретически) силою въ частяхъ земного шара, занятыхъ морями, и съ меньшей — на континентахъ.

Недавно директоръ катанской обсерваторіи Рикко (Ricco) опубликовалъ результаты своихъ детальныхъ работъ, посвященныхъ изученію аномалій тяжести на югѣ Италіи и Сициліи. Извѣстный французскій геологъ Лаппаранъ въ своемъ докладѣ парижской академіи о работахъ Рикко сообщаетъ и свои весьма интересныя соображенія по этому вопросу. Въ дальнѣйшемъ мы воспользуемся и тѣмъ и другимъ. Наблюденія Рикко, сдѣланныя имъ на 43 станціяхъ, показали, что аномаліи тяжести почти совершенно отсутствуютъ на вершинѣ Этны и Аппепинъ къ сѣверу отъ Неаполя, но эти аномаліи постепенно усиливаются по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ берегу; усиленіе идетъ въ различныхъ пунктахъ различно. Если соединять линіей пункты съ одинаковыми по величинѣ аномаліями, то получимъ изоаномальныя кривыя, которыя, съ одной стороны, совпадаютъ съ контурами Тирренскаго моря, съ другой—съ контурами Іоническаго; кромѣ того, области, въ которыхъ эти кривыя наиболѣе сближены, являются въ то же время областями, наиболѣе подверженными землетрясеніямъ, напримѣръ, мѣстность, лежащая

между вершиной Энысы и Катаной. Эти факты становятся особенно интересными, если мы сопоставимъ ихъ съ данными гидрографическихъ картъ, говоритъ Лаппаранъ. Извѣстно, что глубины Тирренскаго моря быстро увеличиваются по направленію отъ берега и достигаютъ 3.731 метра въ глубинахъ того подводнаго рва, береговыми высотами котораго являются Италія, Сицилія, и Сардинія. Не менѣе рѣзокъ спускъ сицилійскаго берега и по направленію къ іонійскому рву, глубина котораго достигаетъ почти 4.000 метровъ. Между тѣмъ, вода этихъ «рвовъ» имѣетъ постоянную температуру въ 13° Ц. и, конечно, не можетъ, какъ-то предполагалъ Фай, охлаждать морское дно и вызывать уплотненіе его породъ. Аномаліи тяжести, говоритъ Лаппаранъ, появляются не потому, что мы изъ области суши переходили въ область моря, а потому, что послѣдняя является въ данномъ случаѣ областью *дислокацій* *), мѣстомъ соприкосновенія двухъ участковъ земной коры, изъ которыхъ одинъ опускается и, слѣдовательно, сдавливается, а другой остается неподвижнымъ или поднимается, благодаря чему появляются условія для образованія пустотъ, достаточныхъ для того, чтобы вызвать отрицательныя аномаліи тяжести. Такимъ же образомъ, по мнѣнію Лаппарана, можетъ быть объяснено то общее явленіе, о которомъ мы уже упоминали выше, а именно, что въ областяхъ подъ морями, т.-е. областяхъ опусканія наблюдается увеличеніе силы тяжести, а на материкахъ уменьшеніе. Эта законность была установлена, благодаря наблюденіямъ на островахъ восточной части Тихаго океана; особенно сильно проявляются здѣсь аномаліи тяжести около знаменитаго острова Бонинъ, лежащаго на громадномъ разстояніи отъ азіатскаго берега, въ лентѣ тѣхъ островковъ, которые соединяютъ Японію съ Маріанскими островами; замѣчательно, что эта лента окаймлена также двумя громадными подводными рвами, изъ которыхъ восточный уже въ очень незначительномъ разстояніи отъ острововъ достигаетъ глубины въ 6.000 метровъ. Поэтому, по мнѣнію Лаппарана, логичнѣе считать причиной появленія здѣсь аномалій тяжести не сосѣдство моря, а подводнаго рва, образованнаго дислокаціей и вызвавшаго уплотненіе въ данномъ мѣстѣ пластовъ морского дна.

Эту гипотезу, по мнѣнію Лаппарана, подтверждаютъ и точныя изслѣдованія *Гекера*, сдѣланныя послѣднимъ во время путешествія между Гамбургомъ и Ріо-де-Жанейро. Эти изслѣдованія показали, что на протяженіи между Лисабономъ и Байей, при глубинахъ отъ 3.800 до 4.500 метровъ, величина силы тяжести оставалась совершенно нормальной, такой, какой она должна быть при данной широтѣ и на материкѣ, на уровнѣ моря. Такое противорѣчіе съ общепринятымъ положеніемъ Лаппаранъ объясняетъ тѣмъ, что глубины въ данной части Атлантическаго океана измѣняются постепенно: нигдѣ здѣсь не встрѣчается глубокихъ рвовъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы упоминали выше; слѣдовательно, нигдѣ здѣсь не было значительныхъ перемѣщеній земной коры. Еще

---

*) *Дислокаціей* называется перемѣщеніе кверху или книзу какого-нибудь участка земной коры.

болѣе ясное подтвержденіе этой гипотезы даетъ совокупность изслѣдованій Гекера. На всемъ пройденномъ имъ пути онъ отмѣтилъ только три значительныя аномаліи въ силѣ тяжести: первая появляется при рѣзкомъ переходѣ отъ мели Геттисбергъ (Gettysburg) къ громаднымъ глубинамъ, лежащимъ передъ Канарскими островами; вторая соотвѣтствуетъ крутому паденію морского дна между островомъ Св. Павла и экваторомъ и, наконецъ, третья какъ бы отмѣчаетъ внезапное поднятіе морского дна при приближеніи къ бразильскому мысу Рокъ. Отъ Гамбурга до Бретани и Ла-Манша аномаліи (отрицательныя) силы тяжести были крайне незначительны, но при приближеніи къ склону бискайскаго рва все еще отрицательная аномалія увеличивается болѣе, чѣмъ въ 10 разъ; у Португаліи сила тяжести становится снова почти нормальной, но передъ устьемъ Таго, т.-е. уже вблизи атлантическаго рва, аномалія снова быстро возрастаетъ и достигаетъ почти той же величины, что и у склона бискайскаго рва, но только обратнаго знака—она становится положительной.

Кромѣ изслѣдованій Гекера, Лаппаранъ приводитъ еще данныя, полученныя Нансеномъ во время его путешествія на кораблѣ «Фрамъ» и указывающія, что въ арктическихъ областяхъ не наблюдается аномалій въ силѣ тяжести. Этого, по мнѣнію Лаппарана, и слѣдовало ожидать, такъ какъ Сѣверный океанъ, при своей незначительной глубинѣ, имѣетъ дно относительно ровное,—здѣсь нѣтъ рѣзкихъ опусканій и поднятій, слѣдовательно здѣсь не происходило и значительныхъ перемѣщеній участковъ земной коры. Ко всему этому можно прибавить, что наиболѣе значительная аномалія въ силѣ тяжести наблюдается на Гималаяхъ, области, въ которой рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ земного шара, выражены явленія дислокаціи земной коры.

Итакъ, колебанія въ силѣ тяжести наблюдаются только въ тѣхъ частяхъ земного шара, гдѣ, благодаря дислокаціи, приходятъ въ соприкосновеніе участки земной коры, изъ которыхъ одинъ опустился и сдавленъ, а другой остался на мѣстѣ или приподнятъ. Поэтому наиболѣе интересными областями для изслѣдованія аномалій въ проявленіи силы тяжести будутъ дислокаціонныя области; напримѣръ, Небесныя горы въ Азіи, гдѣ вершины въ 6.000 метровъ высотой находятся рядомъ съ депрессіонной (опустившейся) областью—равниной Люкчунъ, или Южный, крутой склонъ Альпъ по направленію къ Пьемонту. Тѣ цифры, которыя будутъ здѣсь найдены, интересно сравнить съ имѣющимися уже цифрами аномалій Тихаго океана. Лаппаранъ идетъ даже далѣе и предполагаетъ, что въ тѣхъ областяхъ, гдѣ характеръ поверхности не указываетъ ни на какія дислокаціи земной коры, констатированіе аномалій силы тяжести, будетъ доказательствомъ того, что такія перемѣщенія скрыты отъ насъ гдѣ-нибудь въ глубинахъ земной коры данной области. Отмѣченная нами выше связь аномалій силы тяжести съ областями, въ которыхъ распространены явленія вулканизма, указываетъ, что подобнаго рода изслѣдованія силы тяжести могутъ открыть намъ мѣста на нашей планетѣ, которымъ наиболѣе угрожаютъ землетрясенія.

Оканчивая эту замѣтку, мы можемъ прибавить, что *Платанья* (Platania)

въ сообщеніи, сдѣланномъ недавно Парижской академіи наукъ, приводитъ въ доказательство гипотезы Лаппарана, развитой нами выше, слѣдующее: восточную часть Этны, гдѣ аномаліи силы тяжести являются и самыми значительными, и самыми рѣзкими (т.-е. не постепенными), можно назвать не только областью частыхъ проявленій вулканическихъ силъ, но также и областью глубокихъ трещинъ земной коры, въ которыхъ участки, приподнятые и опущенные, находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи.

Если бы даже объясненіе Лаппарана аномалій силы тяжести оказалось и не столь всеобъемлющимъ, какъ онъ самъ предполагаетъ, все же эта гипотеза окажетъ большую услугу геологіи и физической географіи, такъ какъ она внесетъ планомѣрность въ изученіе этихъ аномалій, изслѣдованіе которыхъ до настоящаго времени носило довольно случайный характеръ.

* * *

Вопросъ о томъ, отчего зависитъ цвѣтъ морской и озерной воды, оставался до сихъ поръ открытымъ. Одни ученые видѣли здѣсь чисто физическое явленіе—окрашиваніе мутной среды, другіе считали цвѣтъ воды присущимъ ей, какъ химическому соединенію. Оба мнѣнія были мало обоснованны, такъ какъ до послѣдняго времени никто не производилъ систематическихъ количественныхъ измѣреній окраски естественныхъ водъ. Этотъ пробѣлъ пополнила недавно появившаяся работа *О. Фрейгерра*. При помощи спектрофотометра (приборъ, позволяющій количественно опредѣлять поглощеніе различныхъ лучей спектра различными средами) авторъ и на мѣстѣ—въ озерахъ и въ лабораторіи изслѣдовалъ воду одиннадцати баварскихъ озеръ, наблюдая параллельно съ этимъ ея температуру и прозрачность въ разное время дня и въ различныхъ условіяхъ. Съ другой стороны, онъ такимъ же образомъ измѣрялъ свѣтопоглощающую способность совершенно чистой, дважды перегнанной воды и различной крѣпости растворовъ минеральныхъ солей и органическихъ веществъ. Оказалось, что цвѣтъ озерной воды не зависитъ ни отъ ея прозрачности, ни отъ температуры. Первая вліяетъ лишь на интенсивность окраски, вторая—сама находится въ зависимости отъ цвѣта, смотря по тому, какъ сильно данная вода поглощаетъ красные лучи спектра. Нѣкоторыя прежнія теоріи пытались объяснить окраску воды диффракціей свѣта, производимой висящей въ водѣ мельчайшей пылью или мутью. Прямые опыты показали ошибочность такого мнѣнія: цвѣтъ очень мутной и совершенно лишенной взвѣшенныхъ частицъ воды оказывается одинаковымъ. Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что единственной причиной окраски естественныхъ водъ являются растворы различныхъ веществъ, сообщающіе водѣ присущій имъ цвѣтъ. Вещества эти,—главнымъ образомъ,—известь и органическія соединенія. При большомъ содержаніи извести вода окрашивается въ зеленый цвѣтъ, органическія соединенія сообщаютъ ей желтоватые и коричневые тона. Кромѣ этихъ двухъ веществъ, содержаніе которыхъ было довольно значительно въ изслѣдованныхъ Фрейгерромъ озерахъ, окраска воды въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ зависѣть и отъ присутствія

другихъ соединеній, напримѣръ углежелѣзистой соли, тоже сообщающей водѣ опредѣленный тонъ. Такимъ образомъ, нужно признать, что вода всякаго водоема обладаетъ своей собственной окраской, зависящей, прежде всего, отъ цвѣта, присущаго чистой водѣ; послѣдній измѣняется въ зависимости отъ химической природы растворенныхъ въ водѣ веществъ, которая обусловливается геологическими условіями окрестностей водоема. Сообразно съ этимъ авторъ дѣлитъ всѣ озера, по цвѣту ихъ воды, на четыре группы: 1) синіе лучи не поглощаются—цвѣтъ воды синій; 2) синіе лучи слабо поглощаются—цвѣтъ воды зеленый; 3) синіе лучи сильно поглощаются—цвѣтъ воды желтовато-зеленый; 4) синіе лучи вполнѣ поглощаются — цвѣтъ воды желтый или коричневый.

II.

Объ оплодотвореніи яицъ морского ежа сѣменемъ морской звѣзды.—О пищеварительномъ процессѣ у змѣй.—О новой функціи надпочечныхъ железъ.—О причинѣ эпилепсіи.—О переходѣ ребенка съ молочнаго режима на обычный.

Безспорно однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ біологіи, до сихъ поръ окончательно еще не выясненнымъ, является вопросъ объ измѣнчивости видовъ. Для изученія этого вопроса пользуются иногда методомъ полученія помѣсей, такъ какъ такимъ путемъ легче всего можно вызвать наслѣдственныя отклоненія отъ первоначальнаго вида. Но такъ какъ скрещиванію въ обыкновенныхъ условіяхъ поддаются только родственные виды, то и отклоненія получаются незначительныя. Поэтому крайне важно было найти методъ, при которомъ возможно было бы скрещивать виды, не стоящіе въ близкомъ родствѣ другъ къ другу. Американскому ученому Лёбу удалось, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, благодаря измѣненію состава морской воды оплодотворить яйца морского ежа (strongylo-centrotus purpuratus и strong. franciscanus) сѣменемъ морской звѣзды (Asterias ochracea). Предварительно Лёбомъ былъ опредѣленъ составъ жидкости въ которой можетъ совершаться оплодотвореніе яицъ морского ежа сѣменемъ того же вида. Оказалось, что такой жидкостью можетъ служить во 1-хъ, морская вода, обладающая не щелочной реакціей, какъ это обыкновенно принимается, а нейтральной, и во-2-хъ, искусственный растворъ также нейтральный, содержащій хлористый натрій и хлористый кальцій въ извѣстныхъ пропорціяхъ. Затѣмъ, Лёбъ попытался оплодотворить яйца ежа сѣменемъ морской звѣзды также въ нейтральной, такъ называемой жидкости Фантъ-Гоффа (100 хлористаго натра, 2,2 хлористаго калія, 7,8 хлористаго магнія, 3,3 сѣрнокислаго магнія и 2 хлористаго кальція), взятой въ коцентраціи морской воды. Опытъ не удался. Тогда онъ слегка измѣнилъ составъ жидкости Фантъ-Гоффа, прибавляя 0,3—0,4 кубич. сантим. децинормальнаго раствора ѣдкаго натра къ 100 куб. сант. раствора Фантъ-Гоффа; благодаря такому измѣненію жидкости, Лёбу удалось въ короткое время оплодотворить отъ 50 до 80% яицъ морскихъ ежей сѣменемъ морской звѣзды: какъ и послѣ обыкновеннаго оплодо-

творенія, такъ и въ данномъ случаѣ въ опредѣленное время происходило дѣленіе яйца и изъ него развивалась плавающая личинка. При прибавленіи же къ раствору Фантъ-Гоффа около 0,2 куб. сант. децинормальнаго раствора ѣдкаго натра ($^2/_8$ грамма ѣдкаго натра на 100 куб. сант. воды) только немногія яйца оказывались оплодотворенными; если же щелочи прибавлялось меньше (0,1 куб. сант. децинормальнаго раствора или больше 0,4 куб. сан.), то ни одно изъ яицъ не оплодотворялось.

Для того чтобы быть увѣреннымъ, что во всѣхъ опытахъ яйца дѣйствительно оплодотворялись сѣменемъ чужого вида, Лебъ поставилъ на ряду съ ними контральные опыты и убѣдился, что въ самомъ дѣлѣ взятыя яйца не соприкасались съ сѣменемъ того же вида. Кромѣ этого, противъ оплодотворенія яицъ сѣменемъ собственнаго вида говоритъ и тотъ фактъ, что въ жидкости Фантъ-Гоффа, измѣненной Лёбомъ, въ которой яйца ежа хорошо оплодотворялись сѣменемъ морской звѣзды, тѣ же яйца совсѣмъ или съ трудомъ оплодотворялись сѣменемъ своего вида. Контрольные опыты показали также, что партеногенетическое (безъ оплодотворенія) развитіе яицъ въ жидкости Фантъ-Гоффа не можетъ имѣть мѣста. Въ доказательство же того, что съ сѣменемъ морской звѣзды не было занесено какого бы то ни было вещества, могущаго оплодотворить яйца ежа; Лебъ убивалъ при помощи высокой температуры сѣмя морской звѣзды и затѣмъ вносилъ его въ жидкость, содержащую яйца морского ежа,—никакого оплодотворенія не происходило. Слѣдовательно, говоритъ Лебъ,—«изъ всѣхъ этихъ опытовъ можно вывести только то заключеніе, что развитіе яицъ морского ежа совершалось, благодаря жизнеспособнымъ живчикамъ морской звѣзды».

Почему оплодотвореніе совершается въ жидкости приблизительно $^3/_{10000}$ щелочности Лёбъ объяснить не можетъ. Но безспорнымъ фактомъ, является что для оплодотворенія, совершающагося въ очень короткій промежутокъ времени, необходима щелочная жидкость; дальнѣйшее же развитіе яйца можетъ происходить и въ обыкновенной морской водѣ. Возможно, что все дѣйствіе щелочи ограничивается при этомъ незначительнымъ физическимъ измѣненіемъ протоплазмы или микропиле яйца (входнаго для живчиковъ отверстія въ оболочкѣ яйца), или же, наконецъ, измѣненіемъ поверхности живчиковъ примѣненіемъ, облегчающимъ проникание ихъ въ яйцо. Но, возможно, что здѣсь дѣйствуютъ и другіе факторы. Дальнѣйшее развитіе личинки, происшедшей отъ оплодотворенія яицъ морского ежа живчиками морской звѣзды изучается въ настоящее время Лебомъ, но еще не опубликовано имъ.

Жеральдомъ Лейтономъ (Gerald Leighton) изученъ недавно механическій процессъ пищеваренія у змѣй. Извѣстно, что змѣи проглатываютъ добычу сравнительно большой величины, не пережевывая ея. Челюсти у нихъ устроены такъ, что позволяютъ значительное расширеніе рта. Пищеварительный каналъ у змѣй состоитъ изъ трехъ частей—изъ передняго, средняго (или желудка) и

задняго. Передній—длиненъ, легко растягивается, съ очень тонкими и эластическими стѣнками, но пищеварительной функціей онъ не обладаетъ. Переходъ передняго канала въ средній обозначается суженіемъ, состоящимъ изъ толстаго слоя мышцъ; за суженіемъ слѣдуетъ средній каналъ, очень короткій, по крайней мѣрѣ, у европейскихъ змѣй, стѣнки его съ продольными складками толсты и съ многочисленными сосудами. Сзади средній каналъ оканчивается такимъ же суженіемъ, какъ впереди; за нимъ идетъ задній каналъ.

По Лейтону передній каналъ служитъ только для храненія добычи; пищевареніе же совершается въ среднемъ каналѣ, притомъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ добыча поступаетъ изъ передняго канала.

Задній же каналъ служитъ какъ для пищеваренія всего того, что не было переварено въ среднемъ, такъ и для всасыванія продуктовъ пищеваренія, что и составляетъ главную его функцію. Первое суженіе—между переднимъ и среднимъ каналомъ, задерживаетъ добычу и пропускаетъ такую часть ея, какая можетъ помѣститься въ среднемъ каналѣ, причемъ слѣдующая часть ея пропускается только послѣ того, какъ часть пропущенная раньше была уже переварена. Цѣлая лягушка можетъ быть проглочена змѣей Tropidonotus natrix и оставаться въ теченіе 20 минутъ въ переднемъ каналѣ совершенно невредимой, оттуда ее можно вынуть живой. Если же она остается тамъ больше 20 минутъ, то умираетъ, но все-таки не переваривается. Польза, которую приноситъ суженіе между двумя передними каналами очевидна: средній каналъ или желудокъ—очень малъ, поэтому важно, чтобы добыча, служащая пищей, входила бы въ него по частямъ и чтобы такимъ образомъ она была переварена какъ слѣдуетъ. Малой величиной желудка и медленностью пищеваренія и объясняется тотъ фактъ, что у змѣй между каждой ѣдой проходитъ такой длинный промежутокъ времени.

Лöперъ и Крузонъ на основаніи своихъ опытовъ и клиническихъ наблюденій считаютъ, что надпочечныя железы должны играть роль въ урегулированіи количества красныхъ кровяныхъ тѣлецъ и гемоглобина крови. При опытахъ, тотчасъ же послѣ впрыскиванія адреналина замѣчалось значительное уменьшеніе красныхъ кровяныхъ шариковъ. Адреналинъ—вещество, находящееся при нормальномъ состояніи нашего организма въ надпочечныхъ железахъ. Кромѣ того Лöперъ и Крузонъ изслѣдовали кровь у пяти больныхъ такъ называемой аддиссоновой болѣзнью *), при которой почти всегда наблюдается атрофія надпочечныхъ железъ, и нашли у нихъ увеличеніе числа красныхъ кровяныхъ шариковъ (иногда очень значительное) и во всякомъ случаѣ непропорціональное слабости и плохому состоянію больныхъ. У троихъ изъ нихъ,

*) Аддисонова болѣзнь или бронзовая болѣзнь характеризуется главнымъ образомъ темной окраской кожи и сильной слабостью.

какъ показало вскрытіе, надпочечныя железы были совершенно уничтожены туберкулезомъ, гнѣздившимся въ нихъ.

Затѣмъ Лёперъ и Крузонъ поставили слѣдующій опытъ: у двухъ морскихъ свинокъ вырѣзали сначала одну надпочечную железу, затѣмъ черезъ 6 дней другую. Одна изъ морскихъ свинокъ прожила послѣ операціи 3 дня, другая—4. Количество красныхъ кровяныхъ шариковъ до операціи у одной изъ нихъ = 4.700.000, у другой—4.540.000. Черезъ два дня послѣ операціи количество красныхъ кровяныхъ шариковъ увеличилось у первой на 500.000, у второй—на 800.000. Слѣдовательно, надпочечныя железы вліяютъ на измѣненіе состава крови.

Если сравнить надпочечную железу съ щитовидной, то увидимъ, что обѣ эти железы, функціи которыхъ до сихъ поръ далеко не ясны, являются антагонистами другъ друга. Надпочечныя железы содержатъ жиръ, въ щитовидной же его не имѣется; сокъ, извлеченный изъ первой, суживаетъ сосуды, сокъ же второй ихъ расширяетъ. Вырѣзываніе щитовидной железы ведетъ за собой уменьшеніе числа кровяныхъ шариковъ, при вырѣзываніи же надпочечныхъ железъ число кровяныхъ шариковъ увеличивается; наконецъ, впрыскиваніе сока щитовидной железы увеличиваетъ количество красныхъ шариковъ, наоборотъ, впрыскиваніе сока надпочечной железы или адреналина уменьшаетъ число ихъ.

Судорожные припадки при падучей болѣзни (эпилепсіи) *). объясняются съ одной стороны большой возбудимостью мозговой коры, съ другой—дѣйствіемъ на эту послѣднюю ядовитыхъ веществъ. Ядовитость крови, пота и церебро-спинальной жидкости у эпилептиковъ не разъ ужъ была доказана. Недавно же Донатъ показалъ, что въ церебро-спинальной жидкости эпилептиковъ почти постоянно встрѣчается холинъ. Холинъ является продуктомъ распада лейцитина—одного изъ главныхъ составныхъ веществъ нервной ткани. По Бригеру холинъ отличается большой ядовитостью и при введеніи въ кровь вызываетъ ослабленіе сердечной дѣятельности, одышку, паденіе кровяного давленія, поносъ; въ количествѣ 0,04 грам. на кило вѣса кролика вызываетъ смерть въ судорогахъ. Поэтому неудивительно, что Донатъ нашелъ холинъ въ церебро-спинальной жидкости не только у эпилептиковъ, но и у людей, страдающихъ другими нервными болѣзнями. Такъ, холинъ былъ найденъ:

---

*) Падучая болѣзнь причисляется къ такъ называемымъ функціональнымъ неврозамъ, т.-е. къ такимъ болѣзнямъ, при которыхъ до сихъ поръ не найдено никакихъ анатомическихъ измѣненій нервной системы. Припадки этой болѣзни характеризуются, главнымъ образомъ, потерей сознанія, а въ типическихъ случаяхъ—общими судорогами. Впрочемъ, точно такіе же припадки, какъ при чистой эпилепсіи, бываютъ нерѣдко и при болѣзняхъ, въ основѣ которыхъ лежатъ анатомическія измѣненія мозга,—но въ этомъ послѣднемъ случаѣ припадки эти служатъ только симптомомъ другихъ болѣзней (опухолей, сифилиса и пр.).

На 21	случай	падучей болѣзни	15	разъ
» 3	»	джэксоновской эпилепсіи *).	3	»
» 1	»	сифилитической »	1	»
» 15	»	спинной сухотки (tabes dorsalis) . . .	10	»
» 3	»	сифилиса мозга	3	»
» 2	»	нарыва въ мозгу	2	»

Такимъ образомъ видно, что холинъ былъ находимъ почти постоянно при различныхъ формахъ эпилепсіи, а также при всѣхъ болѣзняхъ, сопровождающихся разрушеніемъ нервной ткани. При истеріи холинъ не былъ найденъ. Какъ было выше сказано, Бригеръ считалъ холинъ веществомъ ядовитымъ, другіе же ученые находили, что ядовитость холина очень незначительна. Донатъ подтверждаетъ мнѣніе Бригера. Изъ опытовъ Доната видно, что дѣйствіе холина проявляется особенно сильно при непосредственномъ соприкосновеніи его съ мозговой корой; въ такомъ случаѣ у собаки, напр., появляются чрезвычайно сильныя судороги. Такъ какъ такія явленія вызываются и невриномъ—веществомъ близкимъ къ холину, то Донатъ для своихъ опытовъ приготовлялъ холинъ синтетическимъ путемъ по способу Вюртца, чтобы быть увѣреннымъ въ отсутствіи неврина. Донатъ считаетъ, что холинъ является главной причиной эпилептическихъ припадковъ при большей противъ нормальнаго возбудимости мозговой коры. Возможно, что кромѣ холина и другія ядовитыя вещества играютъ при этомъ роль. Изслѣдованія Доната требуютъ еще дальнѣйшихъ подтвержденій, но во всякомъ случаѣ они заслуживаютъ того, чтобы невропатологи обратили бы на нихъ вниманіе.

Многіе врачи занимались уже вопросомъ объ отнятіи отъ груди или вѣрнѣе о подготовленіи ребенка къ переходу отъ исключительно молочной къ обыкновенной пищѣ; этому вопросу посвящена и недавно опубликованная работа Бови. Вліяніе отнятія отъ груди на смертность дѣтей громадно. Въ первый годъ жизни смертность среди дѣтей такъ же велика, какъ и среди 80-ти-лѣтнихъ стариковъ, и достигаетъ 200 на 1.000. Такимъ образомъ, Франція, напр., теряетъ ежегодно 120.000 дѣтей; при этомъ 50% дѣтей умираетъ отъ желудочно-кишечныхъ заболѣваній и главнымъ образомъ на 12-мъ мѣсяцѣ жизни, когда въ большинствѣ случаевъ и происходитъ отнятіе отъ груди. На второмъ же году смертность равняется всего $^1/_2$ или даже $^1/_3$ смертности на первомъ году.

При отнятіи отъ груди необходимо имѣть въ виду, что, замѣщая молоко другой пищей, ребенокъ долженъ найти въ ней тоже количество калорій и бѣлка.

Здоровый 8-ми-мѣсячный ребенокъ обыкновенно вѣситъ приблизительно

*) Джэксоновская эпилепсія выражается въ припадкахъ, захватывающихъ только одну сторону тѣла, или только ногу, руку, или область лицевого нерва. Болѣзнь эта является слѣдствіемъ заболѣванія извѣстной части мозговой коры.

8 кило (20 фунтовъ); ежедневное увеличеніе его въ вѣсѣ должно=12 грам., а длина — равняться 65 сант. Такой ребенокъ потребляетъ ежедневно 900 грам. молока, что даетъ ему, если его кормитъ сама мать, 20 гр. бѣлковыхъ тѣлъ, 40 гр. — жировъ и 50 гр. углеводовъ, т.-е., переводя это на тепловую энергію, 648 калорій; на каждый же килограммъ вѣса ежедневно приходится, слѣдовательно, 2,5 гр. бѣлка или 81 калорія.

При кормленіи этого же ребенка коровьимъ молокомъ въ томъ же количествѣ, онъ получитъ 32 гр. бѣлковыхъ тѣлъ, 36 гр. жировъ, 50 гр. лактозы (молочный сахаръ) или 684 калоріи; на каждый килограммъ вѣса придется 4 гр. бѣлка или 86 калорій.

Слѣдовательно, грудной 8-ми-мѣсячный ребенокъ утилизируетъ ежедневно приблизительно 80 калорій,—столько, сколько и вначалѣ перехода къ обыкновенной пищѣ. Сколько же ему нужно калорій въ концѣ второго года, когда переходъ этотъ уже совершился?

Въ концѣ второго года вѣсъ его приблизительно равняется $11^1/_2$ кило, ежедневно онъ долженъ увеличиваться въ вѣсѣ на 5 гр., а ростъ его долженъ равняться 80 сант.

Съ другой стороны, извѣстно, что для взрослаго, вѣсящаго 65 кило, необходимы 2.800 калорій, т.-е. на каждое кило его вѣса—43 калоріи; количество же потребленныхъ калорій зависитъ, съ одной стороны, отъ внутренней работы организма, которая пропорціональна вѣсу тѣла, съ другой—отъ лучеиспусканія теплоты, пропорціональнаго поверхности тѣла. 8-ми-мѣсячный ребенокъ 65 сант. длины потребляетъ 86 калорій на каждое кило; взрослый же на каждое кило при ростѣ въ 1 метръ 65 сант. потребляетъ 43 калоріи; слѣдовательно, разницѣ въ 1 метръ соотвѣтствуетъ разница въ 43 калоріи, а потому разницѣ въ ростѣ около 15 сант., существующей между годовалымъ и двухлѣтнимъ ребенкомъ, соотвѣтствуетъ разница въ 6 калорій. Другими словами, къ концу перехода къ обыкновенной пищѣ ребенокъ нуждается приблизительно въ 80 калоріяхъ на каждый килограммъ своего вѣса. Нужно также знать и количество бѣлка, необходимаго двухлѣтнему ребенку. Взрослый потребляетъ около 1,60 гр. на каждое кило своего вѣса, 8-ми-мѣсячный грудной ребенокъ 2,50 гр., причемъ ежедневно вѣсъ его увеличивается на 12 гр.; двухлѣтнему же нужно ежедневно отъ 20 до 40 гр. бѣлка.

Важно поэтому, чтобы пищевые продукты, замѣняющіе молоко, давали бы столько же, сколько и это послѣднее. Но помимо того, что новые пищевые продукты должны быть въ извѣстномъ количествѣ, необходимо еще считаться съ ихъ большей или меньшей удобоваримостью. Въ молокѣ матери ребенокъ находитъ пищу очень легко переваримую, такъ какъ бѣлковыя вещества и молочный сахаръ находятся въ немъ въ растворимомъ состояніи, жиръ же въ эмульсіи, которая и въ такомъ видѣ всасывается кишечникомъ; что же касается минеральныхъ веществъ (фосфатовъ), то они находятся въ соединеніи съ органическими веществами.

Въ коровьемъ молокѣ вещества, составляющія его, также легко ассимили-

руются, но переваривается коровье молоко гораздо медленнѣе, чѣмъ женское, и даетъ большее количество кислотъ, что въ свою очередь можетъ повредить правильному пищеваренію. Все это говоритъ за то, что если при коровьемъ молокѣ, такъ близко стоящемъ по своему составу къ женскому, получается все же довольно значительная разница въ пищевареніи, то какъ нужно быть осторожнымъ при питаніи дѣтей веществами, по своему составу сильно разнящихся отъ женскаго молока.

Но кромѣ того, что нужно считаться съ тѣмъ, хорошо или плохо данное вещество переваривается желудочно-кишечными ферментами, не слѣдуетъ забывать, что и пищевые продукты сами по себѣ содержатъ различные ферменты. Такъ, въ коровьемъ молокѣ были найдены слѣдующіе ферменты: амилаза (способствующая перевариванію крахмала), липаза (переваривающая жиръ), ферментъ, способствующій свертыванію молока, ферментъ, препятствующій свертыванію, ферментъ, способствующій перевариванію бѣлковыхъ тѣлъ и проч. Многіе изъ этихъ ферментовъ существуютъ также и въ женскомъ молокѣ, такъ что при перемѣнѣ пищи вводятся не только новые ферменты, но организмъ лишается и нѣкоторыхъ прежнихъ.

Въ доказательство того, что всякую непривычную пищу нужно вводить осторожно, постепенно и придерживаясь извѣстнаго метода, можно привести наблюденіе Моро, показавшее, что если дѣтямъ, кормившимся исключительно грудью, дать коровьяго молока, то количество бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ увеличивается на 20.000, изъ чего онъ заключаетъ, что въ коровьемъ молокѣ содержится какое-то ядовитое вещество; если же вводить коровье молоко въ пищевой режимъ ребенка постепенно, то организмъ привыкаетъ къ нему, дѣлается къ нему невосpріимчивымъ.

Итакъ, ясно, что отнятіе отъ груди и пріученіе дѣтей къ новой пищѣ должно подчиняться слѣдующимъ правиламъ:

1) Замѣнять одинъ пищевой продуктъ другимъ только при условіи одинаковой ихъ питательности.

2) Сохранять общее количество бѣлковыхъ веществъ.

3) Уменьшать постепенно количество жировъ, уменьшая также постепенно количество молока.

4) Увеличить количество пищевыхъ продуктовъ, содержащихъ клѣтчатку для возбужденія мышечной дѣятельности желудка.

Въ общемъ, пріученіе къ новой пищѣ должно быть постепеннымъ. Для того, чтобы пища ребенка была разнообразна, питательна и подчинялась вышеизложеннымъ правиламъ, необходимо сообразоваться съ составомъ ея, а для этого существуютъ особыя таблицы, указывающія составъ различныхъ пищевыхъ продуктовъ.

III.

Некрологи: В. В. Марковниковъ. Карлъ-Альфредъ фонъ-Циттель. Фердинандъ Фукэ. Эмиль Дюкло.

Въ теченіе текущаго года наука понесла тяжелыя утраты и мы считаемъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ о наиболѣе выдающихся представителяхъ естествознанія, закончившихъ свою многотрудную, но славную жизнь. Прежде всего остановимся на нашихъ соотечественникахъ. Какъ читатели, вѣроятно, знаютъ уже изъ газетъ, скончался академикъ Бредихинъ. Знаменитому астроному у насъ будетъ посвященъ особый некрологъ, написанный спеціалистомъ, и потому мы перейдемъ къ другой крупной потерѣ, понесенной русской наукой.

30-го января скончался въ Москвѣ одинъ изъ старѣйшихъ представителей «бутлеровской школы» русскихъ химиковъ, профессоръ *Владиміръ Васильевичъ Марковниковъ*. В. В. родился въ Нижегородской губерніи въ 1838 г. По окончаніи курса въ казанскомъ университетѣ онъ въ скоромъ времени защитилъ магистерскую диссертацію и отправился за границу, гдѣ работалъ въ лабораторіяхъ Кольбе, Эрленмейера и Байера. Плодомъ заграничной поѣздки была докторская диссертація В. В. подъ заглавіемъ «Матеріалы по вопросу о взаимномъ вліяніи атомовъ въ химическомъ соединеніи», защитивъ которую онъ получилъ профессуру сперва въ Казани, потомъ въ Одессѣ и, наконецъ, съ 1873 г.—въ Москвѣ. Здѣсь, главнымъ образомъ, и протекла его почти полувѣковая дѣятельность, обращенная съ 1881 г. на изслѣдованіе русской нефти и создавшая В. В. почетную извѣстность въ Европѣ и въ Америкѣ. Онъ показалъ, что наша бакинская нефть состоитъ изъ особыхъ, кольчатаго строенія углеводородовъ, названныхъ имъ «нафтенами». Эти «нафтены», какъ показали дальнѣйшія его изслѣдованія, не стоятъ особнякомъ отъ другихъ органическихъ соединеній, но являются лишь простѣйшими по составу членами цѣлаго громаднаго класса веществъ, изъ которыхъ многія очень широко распространены въ природѣ. Уже изъ одного этого ясно, какое громадное значеніе имѣютъ работы Марковникова не только для чистой науки, но и для всей промышленности, такъ или иначе связанной съ нефтяными богатствами Кавказа. Какъ научный работникъ и какъ профессоръ-руководитель, В. В. до конца жизни оставался вѣренъ традиціямъ бутлеровской школы: работалъ самъ и училъ работать другихъ. Свое бодрое рабочее настроеніе, не покидавшее его до самой смерти, Марковниковъ какъ нельзя лучше выразилъ въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ своей отвѣтной рѣчи, сказанной имъ въ день его 40-лѣтняго юбилея: «Жизнь есть борьба, и препятствія необходимо всѣми силами устранять. Нечего бояться, что иной разъ при этомъ приходится расходиться съ окружающимъ большинствомъ.

Нужно только быть твердо и продуманно убѣжденнымъ въ справедливости преслѣдуемой цѣли, а тамъ толпа пускай осуждаетъ и ворчитъ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Поймутъ потомъ!»

5-го января нов. ст. въ Мюнхенѣ скончался *Карлъ-Альфредъ фонъ-Циттель*, котораго по справедливости можно назвать однимъ изъ творцовъ современной палеонтологіи. Циттель родился въ Балингенѣ близъ Фрейбурга въ 1839 г. Его студенческіе годы протекли въ Гейдельбергѣ, откуда онъ для завершенія своего научнаго образованія отправился въ Парижъ. Занявшись здѣсь; подъ руководствомъ выдающихся французскихъ геологовъ, главнымъ образомъ Э. Гебера, молодой ученый воспользовался своимъ пребываніемъ во Франціи для изученія классическихъ третичныхъ отложеній Сенской котловины и другихъ замѣчательныхъ въ геологическомъ отношеніи мѣстностей Франціи. Затѣмъ Циттель перенесъ свою дѣятельность въ Австрію, въ Вѣну, гдѣ былъ ассистентомъ въ мѣстныхъ ученыхъ геологическихъ учрежденіяхъ и выступалъ въ качествѣ приватъ-доцента въ вѣнскомъ университетѣ. Въ 1863 г. онъ возвратился на родину—профессоромъ политехникума въ Карлсруэ, въ 1866 г. получилъ каѳедру палеонтологіи въ мюнхенскомъ университетѣ, а въ 1869 г. былъ избранъ членомъ баварской академіи наукъ, гдѣ въ послѣдніе годы, послѣ смерти Петтенкоффера, занималъ президентское кресло. Длинный рядъ выдающихся ученыхъ трудовъ Циттеля открывается со времени его пребыванія во Франціи, когда онъ совмѣстно съ Губеромъ опубликовалъ свою первую работу о юрскихъ окаменѣлостяхъ (1861). Расцвѣтъ его дѣятельности начался съ переходомъ въ Мюнхенъ. На ряду съ обширными трудами, дѣлавшими эпоху въ развитіи науки, онъ изъ года въ годъ печаталъ цѣлыя серіи мелкихъ работъ по различнымъ вопросамъ палеонтологіи, предпринимая время отъ времени путешествія по разнымъ областямъ Европы и Сѣверной Америки. Изъ такихъ предпріятій нужно отмѣтить его участіе въ экспедиціи въ ливійскую пустыню, снаряженной въ 1873—1874 г. хедивомъ египетскимъ. Громадная эрудиція Циттеля помогла ему осуществить предпріятіе, которое останется для него вѣчнымъ памятникомъ: это изданіе пятитомнаго «Руководства по палеонтологіи». Ни въ одной справочной книгѣ нельзя найти такого подробнаго изложенія и такого обилія указаній для спеціальныхъ изслѣдованій; нѣкоторыя группы ископаемыхъ животныхъ здѣсь впервые получили правильную научную систематику; читателю дается масса идей—словомъ, всѣ условія соединились въ этой книгѣ для того, чтобы сдѣлать ея автора учителемъ почти всѣхъ новѣйшихъ палеонтологовъ.

7-го марта нов. ст. скончался на 76-мъ году жизни извѣстный французскій геологъ, членъ парижской академіи наукъ *Фердинандъ Фукэ*. Ученикъ обоихъ братьевъ Санъ-Клеръ-Девиль и Эли-Де-Бомона, Фукэ началъ самостоя-

тельно заниматься геологіей въ началѣ 50-ыхъ годовъ истекшаго столѣтія, когда только что закладывался фундаментъ современной геологіи—и не одинъ камень этого фундамента положенъ былъ покойнымъ геологомъ. Первыя работы Фукэ были посвящены вулканамъ; имъ были изучены вулканическія фумаролы, а затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ экскурсій,—Этна, Везувій, вулканы о-ва Санторина и Азорскихъ острововъ. Эти работы имѣли громадное значеніе въ вулканологіи и, окончательно разбивъ гипотезу поднятія вулкановъ, установили теперь всѣмъ извѣстный фактъ, что конусы вулкана насыпные, что они образованы изъ продуктовъ изверженія самихъ вулкановъ, вынесенныхъ изъ глубинъ земной коры. Во время этихъ же изслѣдованій Фукэ удалось открыть подъ лавой остатки весьма древней и примитивной цивилизаціи, которую онъ назвалъ цивилизаціей Pompei antehistorique. Но несмотря на большое значеніе работъ Фукэ въ области вулканизма, все же главная заслуга его не здѣсь, а въ петрографіи—въ примѣненіи микроскопа къ изученію состава и строенія горныхъ породъ. Во Франціи онъ первый началъ разрабатывать методъ, предложеный Сорби въ 1858 г. и состоявшій въ приготовленіи тонкихъ прозрачныхъ пластинокъ изъ горныхъ породъ, благодаря чему ихъ можно было разсматривать подъ микроскопомъ. Фукэ примѣнилъ этотъ методъ прежде всего къ изученію различныхъ полевыхъ шпатовъ и обогатилъ науку многими цѣнными фактами и обобщеніями. Благодаря микроскопу и примѣненію къ нему поляризованнаго свѣта, удалось показать, что многія горныя породы, считавшіяся прежде однородными, состоятъ изъ различныхъ минераловъ, удалось проникнуть во внутреннее строеніе горныхъ породъ, открыть въ нихъ твердыя, жидкія и газообразныя включенія и въ концѣ концовъ составить правильное представленіе о составѣ и о происхожденіи многихъ горныхъ породъ, что въ свою очередь расширило наши идеи о происхожденіи и различныхъ періодахъ жизни земли. Въ этой плодотворной работѣ второй половины XIX столѣтія Фукэ (съ 1879 г. въ сотрудничествѣ съ Мишель Леви) принадлежитъ видное мѣсто. Параллельно съ микроскопическимъ анализомъ горныхъ породъ шли попытки и ихъ синтеза, а также и синтеза отдѣльныхъ минераловъ—и здѣсь Фукэ съ Мишель Леви идутъ во главѣ новаго движенія—ихъ сочиненіе «Synthèse des minéraux et des roches» (1882 г.) и понынѣ считается основнымъ и классическимъ, настольной книгой каждаго минералога и петрографа. Можно смѣло утверждать, что Фукэ былъ однимъ изъ творцовъ современной геологіи и отцомъ школы французскихъ петрографовъ.

3-го мая (нов. ст.) 63-хъ лѣтъ отъ роду скончался знаменитый французскій бактеріологъ, директоръ пастеровскаго института и членъ парижской академіи наукъ *Эмиль Дюкло*. По университетскому образованію Дюкло также, какъ и его учитель Пастеръ, химикъ и физикъ. Первыя его работы были посвящены химіи («О поглощеніи амміака и объ образованіи жирныхъ кислотъ при алкогольнымъ броженіи» и др.) и физикѣ («О законахъ движе-

нія жидкостей въ капиллярахъ». «О вліяніи поверхностнаго натяженія жидкостей на ареометрическія измѣренія» и др.), но постепенно онъ оставляетъ эти области и всѣ свои силы отдаетъ бактеріологіи—изученію новой болѣзни винограда, изученію ферментовъ и микробовъ («Ferments et maladies»—1882; Lemicrobe et la maladie»—1884 и др.). Основнымъ его трудомъ является— «Основы микробіологіи» («Traité de microbiologie») — громадное четырехтомное сочиненіе, охватывающее всѣ отрасли бактеріологіи и написанное однимъ Дюкло, безъ помощи какихъ бы то ни было сотрудниковъ.

Дюкло былъ не только талантливымъ ученымъ, но и прекраснымъ организаторомъ: благоустройство пастеровскаго института во многомъ обязано ему, и имъ же основаны въ 1887 году знаменитыя «Annales de l'Institut Pasteur».

В. Аг.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Съ угрюмымъ удовольствіемъ разсматривалъ онъ эти маленькія штучки. Пѣхотные-то револьверы, положимъ, были много лучше, на десять милиметровъ выше калибромъ. Металлическія части потускнѣли отъ долгаго лежанія. Онъ теръ и чистилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ снова заблестѣли.

Теперь все было въ порядкѣ. Дуэль могла хоть сейчасъ состояться.

Единственное затрудненіе представляло мѣсто и время.

Но и тутъ Геймертъ скоро придумалъ выходъ. За казармой дорога шла прямо въ гору и расширялась на поворотѣ въ маленькую площадку. Лучшаго мѣста и придумать нельзя. Само собой разумѣется, что все должно произойти ночью. Онъ посмотрѣлъ въ календарь. Черезъ день предстояло полнолуніе. Свѣта будетъ вполнѣ достаточно, чтобъ разглядѣть другъ друга на разстояніи десяти шаговъ. Луна всходила около десяти часовъ, въ полночь, значитъ, она должна стоять высоко на небѣ.

На слѣдующій день вице-вахмистръ по своему обыкновенію аккуратно и добросовѣстно выполнялъ свои служебныя обязанности. Онъ избѣгалъ только встрѣчаться съ Гепнеромъ. Только вечеромъ или даже лучше ночью передъ самымъ поединкомъ сдѣлаетъ онъ ему вызовъ, такъ чтобы дуэль могла быть сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, безъ долгихъ разговоровъ. Гепнеръ, вѣдь, не трусъ.

Альбина вела себя какъ всегда. О поцѣлуѣ она не сказала ему ни слова. Въ сущности теперь это было все равно.

Послѣ полудня погода вдругъ измѣнилась. Всѣ послѣдніе дни солнце свѣтило скорѣе слишкомъ ярко, а тутъ вдругъ оно спряталось за тучи, поднялся холодный вѣтеръ и нѣсколько разъ начиналъ прыскать дождь. И вечеромъ небо все еще было обложено тучами.

Геймертъ хмуро поглядывалъ въ окно. Пожалуй, сегодня ничего не выйдетъ. Если луна не покажется и будетъ стоять такая же тьма, стрѣлять невозможно.

Но, повидимому, это были только отзвуки ранней грозы, разразившейся гдѣ-то въ окрестности. Когда стемнѣло, небо постепенно прояснилось.

Послѣ чтенія вечернихъ приказовъ, онъ услышалъ, какъ Гепнеръ условливается съ Блехшмитомъ, вахмистромъ пятой батареи, отправиться вмѣстѣ въ ресторанъ «Бѣлаго Коня».

Это великолѣпно. Онъ подождетъ его возвращенія и все можетъ устроиться въ нѣсколько минутъ.

Онъ поужиналъ молча. Альбина думала, что у него вышла какая-нибудь непріятность съ капитаномъ или еще съ кѣмъ-нибудь и не приставала къ нему съ вопросами. Убравъ со стола, она принялась за уголовный романъ въ приложеніи къ мѣстной газетѣ, которымъ она зачитывалась. При этомъ она закусывала шоколадомъ. Потомъ она занялась своимъ туалетомъ на ночь и спокойно легла спать. Еще не было девяти часовъ. Но это не остановило ее,—Альбина любила лежать въ постели.

Часы пробили девять; слышно было, какъ хлопнула наружная дверь,—вахмистръ вышелъ изъ дому. Въ сѣняхъ онъ встрѣтилъ солдата, выбѣгавшаго во дворъ безъ фуражки, и намылилъ ему голову. Потомъ его сабля застучала по ступенямъ внизъ, и все стихло.

Геймертъ снесъ лампу въ кухню и устроился на столѣ у окна писать. Онъ потребовалъ себѣ списки лошадей, чтобы заполнить графу о ковкѣ лошадей. Это было самое подходящее занятіе, чтобы убить время до возвращенія Гепнера.

Своимъ медленнымъ, но четкимъ почеркомъ онъ старательно выводилъ букву за буквой. Онъ писалъ:

«Родригъ»—заднія ноги 3 и 5.

«Сатана»—переднія ноги 3 и 5.

«Невѣста»—заднія ноги 8 и 5.

«Шутка»—переднія—10 и 5.

«Змѣя»—переднія—3 и 5.

«Фрундсбергъ»—переднія 10, заднія 5.

Онъ такъ погрузился въ свою работу, что не слышалъ даже, какъ играли зарю. Когда онъ поднялъ голову отъ книгъ, было уже больше 11 часовъ.

Но времени еще оставалось достаточно. Вахмистръ, конечно, не вернется раньше двѣнадцати, скорѣе гораздо позже.

Геймертъ открылъ окно.

Отъ дождя всѣ почки и бутоны окон-

чательно распустились. Легкій вѣтерокъ заносилъ въ комнату свѣжій ароматъ молодой зелени и шевелилъ ситцевыми занавѣсками. Мѣсяцъ стоялъ прямо надъ крышей и отбрасывалъ рѣзкія тѣни отъ зданій. Среди густой тѣни яркимъ четырехъугольнымъ пятномъ падалъ свѣтъ отъ его окна. Онъ освѣщалъ какъ разъ маленькую бесѣдочку, выстроеную имъ для Альбины и выкрашенную бѣлыми и зелеными полосами. Другіе садики и лугъ до самой подошвы горы лежали въ глубокой тѣни.

Но лѣсъ и склонъ горы были озарены яркимъ луннымъ свѣтомъ. Тропинка вилась вверхъ свѣтлой лентой, пока не пропадала въ тѣни лѣса. По склону раскинуты были группы молодыхъ березъ. Бѣлые стволы ихъ сіяли, а блестящіе листья, можетъ быть еще не обсохшіе послѣ дождя, блестѣли точно серебряные.

Вицевахмистръ тупо глядѣлъ передъ собой, не замѣчая прелести этой майской ночи. Онъ радовался тому, что мѣсяцъ ярко свѣтитъ. При такомъ освѣщеніи не трудно попасть въ человѣка.

Онъ принесъ револьверъ и прицѣлился въ доску съ объявленіемъ, гласившимъ, что «входъ постороннимъ лицамъ въ казармы и принадлежащія къ нимъ строенія, а равно на плацъ запрещается; виновные будутъ подвергнуты денежному штрафу до 60 марокъ или аресту до 5 дней». Бѣлая доска была приколочена къ стволу бука громаднымъ гвоздемъ. Онъ нацѣлился прямо въ шляпку этого гвоздя, рѣзко выдѣлявшуюся на бѣломъ фонѣ доски.

И довольный тѣмъ, что цѣль видна ясно, опустилъ пистолетъ.

Онъ снова сѣлъ за столъ, потомъ вдругъ вскочилъ и вышелъ со свѣчой въ сѣни.

Онъ угадалъ. Револьверъ Гепнера висѣлъ по обыкновенію на вѣшалкѣ. Онъ взялъ его съ собой, вернулся въ кухню и опять опустился на стулъ. На его карманныхъ часахъ было почти 12. Медленно прозвучали 12 ударовъ большихъ казарменныхъ часовъ, а вслѣдъ за ними торопливо пробили стѣнные часы въ сосѣдней комнатѣ.

Геймертъ ждалъ.

Но вотъ голова его опустилась на столъ, и онъ заснулъ.

Странное дѣло! Онъ увидѣлъ во снѣ Юлію [Гепнеръ, первую жену вахмистра, къ которой онъ иногда заходилъ, когда она была одна. Въ то сентябрьское утро онъ, спѣша съ отъѣздомъ, только на минутку подошелъ къ постели умершей. Выраженіе страшной, неизъяснимой муки застыло на искаженномъ лицѣ несчастной женщины. Теперь онъ снова увидѣлъ во снѣ это страдальческое, исхудалое лицо.

Въ половинѣ третьяго вахмистръ Гепнеръ вернулся домой. Въ «Бѣломъ Конѣ» ему не повезло: онъ проигралъ болѣе ста марокъ и взялъ эти деньги изъ кассы батареи.

Сначала все шло хорошо: онъ выигралъ около 40 марокъ и собирался уже уходить съ выигрышемъ въ карманѣ, какъ вдругъ кому-то пришло въ голову удвоить ставку. Въ одну минуту весь его выигрышъ исчезъ, онъ сталъ отыгрываться и проигралъ сто марокъ изъ кассы. У него не осталось и пфеннига въ кошелькѣ, и ему пришлось занять у товарища Блехшмита, чтобы расплатиться съ трактирщикомъ.

Неожиданное несчастіе совершенно ошеломило его. Онъ шелъ въ казарму, не сознавая ничего окружающаго и едва различая дорогу; нѣсколько разъ запнулся онъ о свою саблю и зацѣпился шпорами. Позвонивъ у воротъ, онъ вдругъ страшно разсердился. Онъ не слышалъ и шума и звона колокольчика, подумалъ, что звонокъ оборванъ, и разозлился, зачѣмъ его не починили. Но дежурный унтеръ-офицеръ открылъ ему ворота. Значитъ, колокольчикъ не испорченъ, онъ только не слышалъ его звона. Шатаясь, переступилъ онъ порогъ.

Часовой съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Что такое съ вахмистромъ? Спитъ онъ, что ли? Онъ шелъ, шатаясь съ открытыми остановившимися глазами, словно лунатикъ. Должно быть, онъ просто пьянъ.

Гепнеръ прошелъ мимо конюшни. Тамъ было неспокойно. Какія-то двѣ

лошади, очевидно, кусались, и одна изъ нихъ жалобно ржала. Онъ былъ увѣренъ, что это толстая «Каролина», и что ее кусаетъ ея сосѣдъ старый, сердитый «Уріанъ». Сторожъ при конюшнѣ бранился и разгонялъ лошадей кнутомъ.

Вахмистръ прошелъ мимо. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, у него одно только страстное желаніе—не думать больше о своемъ несчастіи, лечь и заснуть, заснуть надолго, надолго...

Въ сѣняхъ съ нимъ встрѣтился Геймертъ. У него былъ такой видъ, точно онъ сейчасъ только проснулся; знакомъ пригласилъ онъ вахмистра въ свою кухню.

Гепнеръ вошелъ и закрылъ за собою дверь. Свѣтъ комнаты слѣпилъ ему глаза; онъ прищурился и ему показалось, что два блестящіе револьвера лежатъ на столѣ подъ лампой.

— Цѣловалъ ты вчера мою жену?— спросилъ вице-вахмистръ вполголоса.— Цѣловалъ? Говори правду!

Гепнеръ кивнулъ. Да, конечно. Чего этотъ дуракъ пристаетъ! Понятно, онъ цѣловалъ его жену. Онъ и опять будетъ ее цѣловать, и не только цѣловать...

— Если такъ, то ты долженъ со мною драться,—продолжалъ тотъ.— Драться на дуэли! Согласенъ?

Вахмистръ опять молча кивнулъ. Отчего же имъ не подраться? Благородные господа всегда дерутся на дуэли.

— Согласенъ ты, чтобы мы сейчасъ покончили съ этимъ дѣломъ?

Гепнеръ кивнулъ въ третій разъ. Ему было все равно, только бы скорѣй отдохнуть.

Геймертъ взялъ оба пистолета въ одну изъ своихъ большихъ рукъ, другою онъ показывалъ на окно сзади себя.

— Мы пойдемъ туда,—сказалъ онъ,— тамъ хватитъ мѣста. Револьверы мы возьмемъ съ собой. Смотри я ихъ заряжаю, въ каждый я кладу по одному патрону.

Онъ передъ самыми глазами Гепнера всунулъ патроны въ барабаны, и мѣдное донышко гильзъ выдѣлилось блестящимъ пятномъ на матовой стали. Затѣмъ онъ взялъ пистолеты за стволы, а прикладами протянулъ ихъ вахмистру:

— Ну, выбирай!

Гепнеръ медленно взялъ правой рукой револьверъ, который онъ держалъ въ лѣвой.

Вице-вахмистръ поднесъ оставшійся у него пистолетъ къ лампѣ и разглядѣлъ нумеръ.

— У меня твой,—сказалъ онъ,—а у тебя мой. Теперь подождемъ, пока часовой зайдетъ за уголъ.

Онъ осторожно высунулся въ окно и осмотрѣлся.

Луна стояла почти въ зенитѣ. Дома, деревья и кусты отбрасывали очень короткую тѣнь. Часовой медленно двигался вдоль забора сада. Онъ вложилъ тесакъ въ ножны, засунулъ руки въ карманы панталонъ, и что-то насвистывалъ вполголоса. По временамъ онъ останавливался, то сталкивалъ ногой камешекъ съ дороги, то громко зѣвалъ. При этомъ онъ поднималъ вверхъ голову, и луна свѣтила ему прямо въ широко раскрытый ротъ.

Наконецъ, онъ исчезъ за угломъ дома.

— Пора!—прошепталъ Геймертъ.— Ступай ты впередъ! Только сними прежде саблю!

Гепнеръ покорно разстегнулъ портупею.

Онъ осторожно засунулъ револьверъ въ карманъ мундира и вылѣзъ изъ окна. Ему не въ первый разъ приходилось дѣлать это и для сколько-нибудь ловкаго человѣка прыжокъ съ высоты человѣческаго роста на мягкую траву былъ пустякомъ. Кромѣ того можно было спуститься по толстой желѣзной обшивкѣ громоотвода, который былъ прикрѣпленъ къ стѣнѣ около самаго кухоннаго окна. Гепнеръ скакнулъ задомъ на передъ и тяжело спустился на землю.

Вице-вахмистръ быстро потушилъ лампу и послѣдовалъ за нимъ.

Рядомъ, точно два пріятеля, поднимались вахмистры по тропинкѣ въ гору. Геймертъ шелъ спокойно, ровнымъ шагомъ, у Гепнера дрожали колѣни, онъ чувствовалъ стѣсненіе въ груди и

машинально старался идти въ ногу со своимъ спутникомъ.

Они исчезли въ густой тѣни лѣса и черезъ нѣсколько минутъ появились на вершинѣ пригорка, снова залитые свѣтомъ луны, которая стояла прямо надъ ихъ головами.

Вице-вахмистръ, шелъ не останавливаясь, до того мѣста, гдѣ кончался подъемъ и разстилалась вполнѣ ровная площадка.

— Здѣсь, по моему, всего лучше,— сказалъ онъ.

Онъ провелъ толстымъ каблукомъ сапога борозду въ тинистой почвѣ.

— Согласенъ ты стоять тутъ?—спросилъ онъ у вахмистра.

Гепнеръ, ни слова не говоря, сталъ на указанное мѣсто. Онъ старательно уставилъ ноги такъ, чтобы онѣ носками касались проведенной борозды.

Геймертъ отошелъ на десять шаговъ, при чемъ дѣлалъ не такіе большіе шаги, какъ полагается по законамъ дуэли, а обыкновенные, средніе, по 75 сантиметровъ каждый. Послѣ десятаго шага онъ повернулся и его каблукъ взбороздилъ землю.

Противники стояли другъ противъ друга, раздѣленные пространствомъ всего въ какихъ нибудь 8 метровъ.

— Подыми курокъ, — скомандовалъ Геймертъ.

Вахмистръ исполнилъ его приказаніе. Онъ не сознавалъ, что дѣло идетъ о жизни или смерти. Онъ дѣйствовалъ какъ во снѣ.

Вдругъ у Геймерта вырвалось проклятіе.

Въ послѣднюю минуту явилось препятствіе, о которомъ онъ не подумалъ, но которое уничтожало весь планъ.

Какъ имъ стрѣлять?

Конечно, по счету. Онъ предполагалъ сказать «разъ», затѣмъ подождать по часамъ двѣ секунды, сказать «два» и еще черезъ двѣ секунды «три». Въ промежуткѣ между «разъ» и «три» слѣдовало стрѣлять. Но, чортъ возьми! Какъ же онъ можетъ цѣлиться, если ему надобно держать въ рукѣ часы и отсчитывать секунды!

Нерѣшительно посмотрѣлъ онъ на часы. Этакая отвратительная штука! Можно просто съ ума сойти!

Вдругъ у него блеснула мысль. Стрѣлка показывала безъ двухъ минутъ три. Значитъ, черезъ двѣ минуты они услышатъ, какъ казарменные часы пробьютъ три. Это вполнѣ можетъ замѣнить счетъ.

Онъ громкимъ голосомъ обратился къ своему противнику:

— Слушай, Гепнеръ, что я тебѣ сейчасъ скажу! Черезъ двѣ минуты часы пробьютъ три часа, пробьютъ, значитъ, три раза, правда вѣдь? При первомъ ударѣ мы должны поднять револьверы, а раньше будемъ держать опущенными. Между первымъ и третьимъ ударомъ мы будемъ стрѣлять, послѣ третьяго уже нельзя. Понимаешь ты меня? Согласенъ?

Тутъ только вахмистръ въ первый разъ заговорилъ:

— Конечно!—сказалъ онъ.

Голосъ его звучалъ хрипло, и онъ слегка откашлялся.

— Отлично,—отвѣчалъ Геймертъ,— значитъ, все ладно.

Онъ сталъ на свое мѣсто и пристально глядѣлъ передъ собой.

Луна лила свой свѣтъ съ безоблачнаго неба. Одно только легкое облачко плыло по темному небосклону и казалось бѣлоснѣжной лодочкой.

Къ концу облачка прицѣпился легкій клочокъ тумана и все время слѣдовалъ за нимъ, точно водяная пѣна за килемъ лодки. Гепнеръ слѣдилъ глазами за облачкомъ. Онъ старался понять, какимъ образомъ очутился онъ на этомъ мѣстѣ, на горѣ, въ лѣсу, ночью. Но онъ ничего не могъ сообразить, и ощущалъ одно только: свинцовую тяжесть во всемъ тѣлѣ. Ему больше всего хотѣлось сѣсть хотя бы на голую землю.

Вокругъ все было темно и тихо.

Секунды тянулись медленно.

Вдругъ совсѣмъ близко въ вѣтвяхъ дерева крикнула какая-то ночная птица и сразу послѣ этого раздался первый ударъ казарменныхъ часовъ.

Вахмистръ вздохнулъ, сознаніе вдругъ проснулось въ немъ, и онъ оглядѣлся кругомъ. Противъ него стоялъ Геймертъ съ револьверомъ въ рукѣ, и самъ онъ

чувствовалъ, что его правая рука сжимаетъ прикладъ.

Но вѣдь это же глупость! Это преступленіе! Онъ хотѣлъ крикнуть: «стой!» Особенно въ настоящую минуту эта нелѣпость совершенно невозможна. Если съ нимъ что-нибудь случится, онъ погибъ. Вѣдь въ батарейной кассѣ не хватаетъ денегъ. Онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, пополнить ее.

Вотъ уже второй ударъ. Стой! стой! Что-то сдавило ему горло

Геймертъ замѣтилъ, какъ онъ выпрямился. Ему показалось, что противникъ приготовляется стрѣлять и онъ быстро поднялъ револьверъ. Указательный палецъ нажалъ курокъ, раздался выстрѣлъ и почти одновременно часы пробили третій ударъ.

Гепнеръ еще съ секунду держался на ногахъ. Его револьверъ упалъ на землю, лѣвая рука ухватилась за грудь, и вотъ высокая фигура вахмистра упала на землю безжизненной массой.

Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ лежавшаго. Тѣло его корчилось, вытягивалось, перевернулось и съ глухимъ ударомъ упало на спину. Затѣмъ все затихло.

Геймертъ все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ. Рука его, державшая револьверъ, медленно опустилась и повисла недвижно. Отъ трупа взглядъ его перешелъ къ барьеру, который онъ намѣтилъ ногой. Онъ его не переступилъ.

Все произошло, какъ слѣдуетъ по правиламъ.

Наконецъ, онъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія. Онъ заставилъ себя перешагнуть черезъ маленькую борозду на глиняной землѣ и подошелъ къ противнику. Онъ ступалъ тяжелымъ невѣрнымъ шагомъ. Ему казалось, что подошвы его пристаютъ къ землѣ.

Вахмистръ былъ мертвъ, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Изъ лѣвой стороны груди бѣжала тоненькая струйка крови. Рана была самая незначительная. Широко открытые глаза трупа смотрѣли прямо на луну.

Геймертъ осторожно опустилъ ему вѣки, постоялъ нѣсколько времени подлѣ него, сложивъ руки, и вполголоса проговорилъ «Отче нашъ». Затѣмъ онъ отправился въ обратный путь.

Но тутъ ему, очевидно, пришла въ голову какая-то новая мысль. Онъ вернулся изъ-подъ тѣни деревьевъ и сталъ на колѣни подлѣ вахмистра. Осторожно положилъ онъ револьверъ, изъ котораго стрѣлялъ, на мѣсто заряженнаго оружія, которое выскользнуло изъ рукъ Гепнера при паденіи.

Когда онъ всталъ, на лицѣ его было какое-то странное лукавое выраженіе.

Скрываясь за бѣлыми стволами молодой березовой рощицы, онъ слѣдилъ за движеніями часового. Тотъ навѣрно слышалъ выстрѣлъ, и теперь надобно было идти особенно осторожно, чтобы незамѣтно вернуться въ казарму.

Часовой пристально смотрѣлъ въ лѣсъ, откуда раздался выстрѣлъ. Повернувъ голову къ склону пригорка, онъ подошелъ къ воротамъ и ждалъ смѣны.

Когда появился разводящій ефрейторъ со смѣной, онъ доложилъ ему о случившемся, причемъ нѣсколько разъ указывалъ на лѣсъ. Разводящій пожалъ плечами и задалъ ему еще нѣсколько вопросовъ. Наконецъ, они оба скрылись за воротами. Калитка хлопнула и связка ключей зазвенѣла, когда замокъ запирался.

Новый часовой прислушивался съ минуту къ шагамъ товарища. Затѣмъ онъ спокойно пошелъ въ обходъ, поглядывая по временамъ на горную дорожку. Онъ шелъ, не торопясь, и безконечно долго не могъ зайти за уголъ канцеляріи.

Геймертъ воспользовался удобной минутой. Быстро сбѣжалъ онъ по тропинкѣ къ казармѣ, съ помощью громоотвода влѣзъ на стѣну, вскочилъ на подоконникъ и вздохнулъ свободно, очутившись у себя въ кухнѣ.

Ему не нужно было зажигать огня. Луна поднялась выше домовъ и ярко освѣщала комнату. Маленькій садикъ около стѣны, бѣлая бесѣдка Альбины, а дальше березовая роща и поросшій деревьями склонъ—все свѣтилось въ ея лучахъ.

Одинъ изъ этихъ лучей упалъ на что-то блестящее, стоявшее около спинки

кухоннаго стула. Это была сабля Гепнера.

Геймертъ осторожно взялъ ее и повѣсилъ на крюкъ въ сѣняхъ.

Онъ простоялъ тамъ съ минуту, прислушиваясь. У Гепнеровъ плакалъ ребенокъ. Ясно слышно было, какъ мать успокаиваетъ его: «шшъ!.. шшъ»!

Онъ на цыпочкахъ вернулся къ себѣ. Безшумно заперъ онъ дверь на ключъ и быстро раздѣлся. Онъ осторожно легъ на постель и боялся пошевелиться, чтобы кровать не заскрипѣла.

Его предосторожность была совершенно излишня: Альбина спала, какъ всегда, очень крѣпко. Землетрясеніе могло разрушить около нея цѣлый міръ, она и то не проснулась бы.

Вице-вахмистръ лежалъ и прислушивался. Онъ ничего не слышалъ, кромѣ біенія собственнаго сердца да плача ребенка, глухо отдававшагося черезъ двери.

«Вдова и сирота», пришло ему въ голову. Жалобный плачъ постепенно умолкъ. Должно быть мальчикъ уснулъ, или, можетъ быть, мать кормитъ его грудью.

А отецъ лежитъ тамъ наверху, и высокая фигура его раскинулась во всю ширину дороги.

Свѣтъ луны погасъ въ передразсвѣтныхъ сумеркахъ, и солнце взошло изъ-за холмовъ съ противоположной долины.

Всюду распространило оно свѣтъ и жизнь, блескъ и красоту.

Лицо мертвеца тоже измѣнилось подъ его ласковыми лучами. Ужасъ, отражавшійся на немъ ночью, смягчился и при тепломъ дневномъ свѣтѣ уступилъ мѣсто почти совершенно покойному выраженію.

Толстый полковой казначей Шельгорнъ, который, по предписанію военнаго врача Андреа, пилъ карлсбадскія воды, во время своей обычной утренней прогулки вдругъ наткнулся на трупъ, лежавшій поперекъ дороги.

Онъ поспѣшилъ въ казармы и поднялъ тревогу.

По освидѣтельствованіи трупа четыре канонира понесли на носилкахъ тяжелое тѣло съ горы внизъ и положили его на постель въ его комнатѣ.

Бѣдная жена смотрѣла на нихъ безумными глазами.

По поводу этого происшествія не могло быть никакихъ сомнѣній: очевидно, это самоубійство. Направленіе выстрѣла, выяснившееся при вскрытіи трупа, не противорѣчило этому предположенію. Неоспоримымъ же доказательствомъ служило то, что побудительная причина для самоубійства была на лицо. Въ разныхъ отдѣленіяхъ кассы, которою завѣдывалъ покойный, не хватало около ста двадцати марокъ.

Вахмистръ Гепнеръ застрѣлился изъ боязни, что растрата откроется.

Случилось это въ три часа ночи. Это было установлено записью въ караульной книгѣ:

«Часовой у заднихъ воротъ, канониръ Фивея, заявилъ, что ровно въ три часа онъ слышалъ выстрѣлъ въ лѣсу за казармой. Никакого шума ни до, ни послѣ этого онъ не слыхалъ». Полковникъ, маіоръ Шрадеръ и капитанъ фонъ-Вегштетенъ согласились, что объ этомъ происшествіи слѣдуетъ сдѣлать донесеніе высшему начальству, и затѣмъ не разглашать его дальше. Шрадеръ, ни слова не говоря, внесъ въ кассу недостающую сумму.

Картежники, игравшіе съ Гепнеромъ, получили строгое внушеніе. Вахмистру Блехшмидту, оказавшемуся наиболѣе виновнымъ, было объявлено, чтобы онъ не разсчитывалъ на дальнѣйшее повышеніе.

Вдову убѣдили, что мужъ ея лишилъ себя жизни въ припадкѣ лунатизма.

Энергичная женщина мужественно покорилась своей судьбѣ. У нея сильныя руки, а въ деревнѣ всегда можно найти работу. Кто не боится труда, тотъ непремѣнно заработаетъ себѣ тамъ кусокъ хлѣба. Всякій хозяинъ увидѣвъ, какая она хорошая работница, не задумается взять вмѣстѣ съ нею и ея мальчика.

Съ высоко поднятой головой вышла она изъ воротъ казармы, неся ребенка на рукахъ.

Будущее не пугало ее.

Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ, вице-вахмистръ Геймертъ былъ назначенъ на мѣсто Гепнера.

Ему было очень трудно привыкать къ своимъ новымъ обязанностямъ, а между тѣмъ едва ли можно было найти человѣка, который бы относился къ дѣлу болѣе усердно и добросовѣстно.

Капитанъ Вегштетенъ часто сердился, что вахмистръ плохо понимаетъ его. Съ простыми намеками, полусловами не стоило обращаться къ тугому на соображеніе, довольно ограниченному Геймерту. Необходимо было разъяснить и показать ему все до послѣднихъ мелочей. Но разъ онъ что-нибудь вполнѣ усвоивалъ себѣ, онъ оказывался аккуратнымъ и добросовѣстнымъ исполнителемъ.

Всего больше любилъ вахмистръ сидѣть въ канцеляріи у своего письменнаго стола.

На Альбину онъ послѣ своего повышенія не обращалъ никакого вниманія. Онъ какъ-то сторонился ее и избѣгалъ оставаться съ ней лишнюю минуту. Альбина спокойно относилась къ его страннымъ причудамъ и не жалѣла о прежнихъ слишкомъ частыхъ ласкахъ нелюбимаго мужа.

Долго послѣ зари горѣла лампа въ канцеляріи батареи. Часовые, проходя мимо освѣщеннаго окна, съ удивленіемъ думали: неужели этотъ долгоносый вахмистръ никогда не спитъ?

А Геймертъ писалъ цѣлыми часами, далеко за полночь, медленно выводя букву за буквой, цифру за цифрой.

Вѣдомости и донесенія, написанныя имъ, представляли образцы каллиграфическаго искусства.

Кепхенъ, писарь батареи, гордившійся собственнымъ красивымъ почеркомъ, смотрѣлъ на нихъ съ восхищеніемъ.

— Осмѣлюсь сказать, г. вахмистръ,— замѣтилъ онъ какъ-то,—это прямо точно отлитографировано.

Геймертъ кивнулъ и равнодушно отвѣчалъ:

— Что же тутъ удивительнаго, когда можно писать, не торопясь.

— Но вамъ, г. вахмистръ, не надо бы сидѣть такъ долго по ночамъ! продолжалъ Кепхенъ.—У васъ плохой видъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ, подъ глазами и вообще... Вамъ бы надо побольше спать, г. вахмистръ.

— Я сплю довольно,—отвѣчалъ Геймертъ.

Ну, если вахмистръ не хочетъ слушать добраго совѣта, Кепхенъ не виноватъ. Для него настало необыкновенно спокойное время. Геймертъ непремѣнно хотѣлъ писать все самъ и не отказывался ни отъ какой работы. Писарь могъ лѣниться, сколько угодно.

Мало-по-малу Кепхенъ пришелъ къ заключенію, что у вахмистра не хватаетъ въ головѣ какого-то винта или винтика. Разумный человѣкъ не станетъ безъ нужды надрываться надъ работой.

Кромѣ того, у Геймерта были и другія странности. Онъ просто приходилъ въ бѣшенство, когда ему подавали пеструю вставочку для пера, которую употреблялъ Гепнеръ, или когда передъ нимъ лежало прессъ-папье Гепнера изъ осколка гранаты. Съ нимъ дѣлался прямо припадокъ ярости. Онъ не дотрогивался ни до одного изъ этихъ предметовъ, приказывалъ помощнику писаря унести ихъ и строго запрещалъ класть ихъ опять на конторку.

Кепхенъ иногда, забавы ради, подсовывалъ ему пеструю вставочку, когда надобно было подписать что-нибудь спѣшное.

Онъ находилъ, что у вахмистра пресмѣшной видъ, когда глаза его сверкаютъ гнѣвомъ, а все лицо, и особенно носъ, становится темно багровымъ.

Несмотря на работу, вахмистру казалось, что дни слишкомъ длинны. Какъ ни медленно онъ писалъ, но все-таки кончалъ, наконецъ, все что нужно, а времени оставалось еще много.

Скоро онъ придумалъ, чѣмъ его наполнить.

На ученьяхъ съ лошадьми онъ до сихъ поръ, какъ вице-вахмистръ, велъ третью колону. Теперь какъ вахмистръ, онъ долженъ былъ занимать совсѣмъ другое мѣсто. Въ сущности роль его была легче, чѣмъ прежде. Но въ послѣднее время онъ сталъ понимать вдвое труднѣе, чѣмъ прежде. Онъ часто не зналъ, куда ему стать, и когда Вегштетенъ дѣлалъ ему выговоръ, это страшно угне-

тало его. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не стыдно для батареи, когда вахмистръ, ея старшій унтеръ-офицеръ, не знаетъ своего мѣста?

Когда онъ, заткнувъ уши и низко наклонивъ голову надъ книгой, принимался изучать правила строевого ученія, мысли его скоро разбѣгались въ разныя стороны. Онъ никакъ не могъ составить себѣ яснаго понятія о всѣхъ передвиженіяхъ различныхъ частей.

Чтобы помочь этому горю, онъ съ безконечнымъ трудомъ вырѣзалъ перочиннымъ ножомъ изъ мягкаго дерева маленькія фигурки, которыя въ грубыхъ чертахъ изображали пушки, зарядные ящики и отдѣльныхъ всадниковъ. Эти фигурки онъ раскрасилъ разными цвѣтами, такъ что онѣ рѣзко отличались одна отъ другой: начальникъ батареи, колонновожатый, вахмистръ, трубачъ, замыкающій унтеръ-офицеръ и возницы. Онъ заставлялъ ихъ продѣлывать учебныя упражненія на столѣ, маршировать взадъ и впередъ, составлять колонны, сходиться и расходиться и постоянно обращалъ главное вниманіе на то, чтобы желтый вахмистръ стоялъ, гдѣ слѣдуетъ.

Скоро Вегштеттенъ пересталъ дѣлать замѣчанія вахмистру: во время ученій онъ всегда зналъ свое мѣсто. Но Геймертъ продолжалъ играть со своими фигурками. Для этихъ деревянныхъ пушекъ и солдатиковъ онъ былъ батарейнымъ командиромъ. Онъ не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не привелъ свое игрушечное войско въ такое же безукоризненное состояніе, какъ капитанъ шестую батарею; при этомъ онъ раздавалъ по заслугамъ порицанія и похвальные отзывы всѣмъ служащимъ.

Альбина покачивала головой на затѣи мужа.

Она была увѣрена, что онъ боленъ, и попробовала уговорить его показаться доктору, но Геймертъ грубо отвѣчалъ ей:

— Слава Богу, я совсѣмъ здоровъ, хорошо, если бы всѣ были такъ же здоровы, какъ я!

Тогда она оставила его въ покоѣ. По ея мнѣнію, у него была какая-нибудь скрытая болѣзнь, которая рано или поздно проявится наружу.

Геймертъ почти ничего не пилъ и не ѣлъ. Онъ всегда былъ очень некрасивъ, но теперь лицо его стало просто безобразно. Прежде у него былъ здоровый цвѣтъ кожи, теперь она сдѣлалась землистою, глаза провалились и пріобрѣли какой-то колющій взглядъ, а на исхудаломъ землистомъ лицѣ страшно выдавался огромный носъ.

Альбина вздыхала. Съ такимъ мужемъ, по правдѣ сказать, стыдно показаться въ люди. Хорошо, что онъ пересталъ приставать къ ней.

Но при этомъ она въ концѣ концовъ страшно скучала.

Чисто отъ скуки она вздумала завиваться. Цирюльникъ, который брилъ каждое утро вахмистра, предложилъ ей свои услуги, причемъ сдѣлалъ лестное замѣчаніе насчетъ великолѣпныхъ волосъ, которые «барыня» недостаточно выставляетъ на видъ.

До тѣхъ поръ Альбина гордо проходила мимо него. Цирюльникъ былъ ничтожество въ ея глазахъ. Теперь она получше разглядѣла его. Оказалось, что это очень вѣжливый и пріятный молодой человѣкъ.

Густыя темныя кудри украшали его голову. Съ одной стороны волосы были красиво зачесаны вверхъ, съ другой помощью помады примазаны къ головѣ. Эта прическа невольно обращала на себя вниманіе, оеобенно среди стриженныхъ головъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Короткія развѣвающіяся бакенбарды немного напоминали Альбинѣ ея родину--Австрію. Кромѣ того, молодой человѣкъ одѣвался всегда очень изящно. Правда, бѣлье и платье на немъ не отличалось чистотой,—но Боже мой, гдѣ же требовать отъ цирюльника осебенной опрятности. При его дѣлѣ такъ легко брызнуть на себя капельку мыльной пѣны.

Еще достоинство—онъ былъ очень разговорчивъ. У него былъ пропускной билетъ изъ полковой канцеляріи и онъ свободно ходилъ по всей казармѣ. Онъ разсказывалъ самыя интересныя вещи о всевозможныхъ людяхъ.

— Не правда ли, сударыня,—часто

говорилъ онъ,—цирюльникъ до нѣкоторой степени свой человѣкъ въ домѣ? Ему приходится видѣть людей, такъ сказать, въ неглиже. При этомъ невольно узнаешь иногда очень странныя вещи. Конечно, наша профессіональная честь мѣшаетъ намъ все это разсказывать. Но такъ, разныя мелкія, неважныя вещицы, вѣдь можно же разсказать? Это доставляетъ удовольствіе господамъ. Вѣдь это же можно себѣ позволить? Не правда ли, сударыня?

Альбина вполнѣ съ нимъ соглашалась. Вотъ по крайней мѣрѣ, человѣкъ, съ которымъ можно вести разумный разговоръ...

Какъ-то разъ утромъ, во время ученья, капитанъ подъѣхалъ къ вахмистру.

— Поѣзжайте скорѣй домой, вахмистръ,—приказалъ онъ.—Маіоръ требуетъ оправдательные документы по продовольствію солдатъ во время маневровъ. У него не сходятся какіе-то счеты. Отыщите бумаги и пришлите ихъ сейчасъ же.

— Теперь ѣхать?—спросилъ Геймертъ.

— Ну, да, конечно! Поѣзжайте скорѣй!

Вахмистръ поѣхалъ домой. Съ каской на головѣ и съ саблей на боку принялся онъ разыскивать бумаги. Кепхенъ понесъ ихъ въ канцелярію отдѣленія, а Геймертъ вошелъ къ себѣ на квартиру.

Въ спальнѣ онъ засталъ Альбину съ цирюльникомъ. Безстыдная женщина чувствовала себя настолько безопасной, что не потрудилась даже запереть дверь на задвижку.

Любовникъ ловко выскочилъ въ окно.

Альбина не успѣла сдѣлать того же. Геймертъ схватилъ ее и потащилъ къ двери такъ, какъ она была, въ ночной кофточкѣ и тоненькой юбкѣ.

Кофточка разорвалась. Въ рукѣ его остались клочья ея.

Тогда онъ схватилъ Альбину за волосы. Она стала кричать. Но онъ вытолкнулъ ее въ сѣни.

На гвоздѣ висѣла плетка. Проходя мимо, онъ схватилъ ее, и вотъ посыпался цѣлый градъ ударовъ на голову, на голыя плечи и на обнаженную грудь Альбины.

Она отчаянно завыла отъ боли. Немногіе солдаты, не пошедшіе на ученье и оставшіеся въ казармѣ, сбѣжались на шумъ и, раскрывъ ротъ, смотрѣли на эту расправу. Плеть проводила темно красныя полосы по гладкой кожѣ, и крики несчастной женщины раздавались все громче и громче.

Геймертъ стащилъ ее съ лѣстницы на дворъ казармы. Она запнулась на ступенькахъ и потеряла башмаки. Онъ ни на что не обращалъ вниманія и тащилъ ее дальше.

Когда она останавливалась, плеть стегала ее по ногамъ, по щиколкамъ и подъ колѣнками.

Она съ ревомъ опустилась на землю и старалась руками защититься отъ побоевъ.

Геймертъ поднялъ ее. Она опять упала и опять безжалостный кулакъ вцѣпившійся въ ея волосы, заставилъ ее встать.

Съ плечъ ея текла кровь, а удары продолжали градомъ сыпаться на нее.

Наконецъ, около заднихъ воротъ разжалась желѣзная рука, которая чуть не сорвала ей всей кожи съ головы. Послѣдній жестокій ударъ разорвалъ на ней рубашку, пробилъ ея кожу и залилъ кровью ея изорванное бѣлье. Она остановилась, сложивъ избитыя руки надъ головой, закрывъ глаза, чувствуя какъ дрожатъ ея колѣни.

Вдругъ она почувствовала себя свободной и въ нѣсколько прыжковъ добѣжала до опушки лѣса.

Геймертъ не трогался съ мѣста и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Добѣжавъ до пригорка Альбина еще разъ повернулась. Ея голое тѣло блистало въ лучахъ солнца, растрепанные волоса нависли ей на лобъ. Она съ бѣшенствомъ потрясла голыми руками и бросила въ лицо вахмистру страшное проклятіе, отвратительную ругань.

Затѣмъ она исчезла въ рощѣ.

Геймертъ молча слѣдилъ за ней глазами, пока ея бѣлая рубашка не исчезла окончательно среди зеленой листвы.

Послѣ этого онъ твердыми шагами вернулся къ себѣ на квартиру.

Вегштетенъ приказалъ не трогать его весь этотъ день. Такого рода драмы человѣкъ переживаетъ легче, если его оставить одного.

Но когда и на слѣдующій день вахмистръ не показывался, онъ послалъ за нимъ Кепхена.

Писарь вернулся встревоженный и доложилъ:—Простите г. капитанъ, но мнѣ кажется, вахмистръ съ ума сошелъ.

— Что такое! Вы сами съ ума сошли! закричалъ на него капитанъ.

Онъ самъ отправился въ квартиру вахмистра. Геймертъ сидѣлъ за столомъ, а передъ нимъ были разставлены его деревянные пушки и солдатики. Онъ улыбался и заставлялъ ихъ производить маневры, причемъ самъ произносилъ вполголоса слова команды.

Своего батарейнаго командира онъ, повидимому, не узналъ. Когда Вегштетенъ заговорилъ съ нимъ, онъ тупо посмотрѣлъ на него.

— Вы, кажется, не узнаете меня, вахмистръ? спросилъ капитанъ.

Геймертъ съ улыбкой взглянулъ на него и показалъ ему на своихъ лошадокъ.

— Я спрашиваю васъ, вахмистръ, узнаете вы своего батарейнаго командира?—еще разъ спросилъ Вегштеттенъ.

Вахмистръ покачалъ головой и поморщился. Затѣмъ онъ наклонился къ столу и его пушки начали двигаться въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, а всѣ солдаты и офицеры стали на свои мѣста.

Геймерта свезли въ мѣстную больницу для умалишенныхъ.

Онъ бушевалъ только, когда женщины близко подходили къ нему. Вообще же онъ былъ совершенно спокойный больной.

Всего больше любилъ онъ играть одною деревянною игрушкой, которая представляла пушки и разныхъ солдатиковъ.

XIII.

„Слушайте всѣ! Стой на мѣстѣ!“

Незадолго до Рождества оберъ-лейтенантъ Гюнцъ былъ произведенъ въ капитаны и батарейные командиры. Ему поручено было командованіе пятой батареей.

Варваринъ день оказался роковымъ для капитана Мора.

Въ сущности во всемъ виновата была вишня, засахаренная вишня, которую деньщикъ, прислуживавшій въ казино, уронилъ на полъ около стула Мора изъ полнаго блюда компота.

Моръ наступилъ на нее, поскользнулся и сломалъ себѣ лѣвую руку.

Переломъ руки прошелъ бы, конечно, безъ послѣдствій, благодаря двоюродному братцу, г. тайному совѣтнику въ министерствѣ исповѣданій, но къ нему присоединился двойной переломъ ноги.

Капитанъ Моръ привыкъ 4 декабря, въ день святой покровительницы всѣхъ канонировъ напиваться, какъ слѣдуетъ порядочному канониру. А когда его съ перевязанной рукой доставили отъ оберштаблекаря Андреа на собственную квартиру, онъ далеко еще не выпилъ всей своей порціи.

Во время болѣзненной операціи вправливанья сломанной руки ему сдѣлалось дурно, и деньщикъ поспѣшилъ уложить его въ постель. Въ лежачемъ положеніи капитанъ почувствовалъ себя гораздо лучше. Онъ немедленно потребовалъ вина, побольше вина, чтобы подкрѣпиться. Между тѣмъ, докторъ запретилъ деньщику давать ему какихъ бы то ни было спиртныхъ напитковъ.

Но какъ только докторъ вышелъ, Моръ такъ же строго приказалъ деньщику принести себѣ вина изъ погреба.

Солдатикъ возражалъ и пытался уговорить своего капитана. Тотъ пустилъ ему въ голову сапогомъ и грозилъ многими днями ареста. Въ концѣ концовъ Моръ впалъ въ настоящее бѣшенство. Онъ ломалъ все, что попадалось ему подъ руку, и хотѣлъ саблей принудить деньщика къ повиновенію.

Перепуганный деньщикъ согласился принести вина; онъ сбѣжалъ съ лѣстницы и побѣжалъ позвать доктора, который еще сидѣлъ за обѣдомъ.

Но прежде чѣмъ пришелъ докторъ, несчастье уже случилось.

Можетъ быть, жажда Мора стала нестерпимой, а можетъ быть, онъ угадалъ намѣренiе деньщика, это осталось невыясненнымъ. Андреа нашелъ его лежащимъ на полу безъ сознанiя съ перекошеннымъ лицомъ, съ ногой переломанной въ двухъ мѣстахъ, при чемъ одинъ переломъ у самаго колѣна.

Капитанъ Моръ получилъ отставку за полную неспособность къ военной службѣ.

Новая метла хорошо мететъ.

Гюнцъ бодро принялся за трудную задачу ввести порядокъ и дисциплину въ батарею слишкомъ распущенную прежнимъ командиромъ. Это оказалось легче, чѣмъ онъ предполагалъ. Да и не удивительно. Во всѣхъ случаяхъ, исключая изъ ряда вонъ выходящихъ преступленiй, командиръ батареи имѣетъ дискредицiонное право подвергать наказанiямъ своихъ подчиненныхъ. И Гюнцъ, не колеблясь, пользовался этимъ правомъ всякiй разъ, когда кроткiя мѣры оставались безъ результата.

Онъ съ удовольствiемъ замѣтилъ, что труды его не пропадаютъ даромъ. У новобранцевъ дурныя привычки еще не успѣли укорениться, и то что привилось къ нимъ при прежнемъ командирѣ уничтожалось благодаря энергiи новаго. Лучшiе элементы стараго призыва очень скоро вполнѣ подчинились новой, строгой дисциплинѣ, и только нѣсколько лѣнтяевъ да неисправимыхъ негодяевъ не отставали отъ прежняго порядка. Съ ними приходилось поступать строго.

Можно было надѣяться, что со временемъ пятая батарея станетъ на одну доску съ образцовыми четвертою и шестою. Маiоръ Шрадеръ радостно потиралъ руки: имѣть трехъ такихъ замѣчательныхъ батарейныхъ командировъ въ своемъ дивизiонѣ это рѣдкое счастье и это, конечно, послужитъ ему къ не малой выгодѣ.

На весеннемъ смотрѣ батарей онъ получилъ отъ бригаднаго командира большiя похвалы.

Веселый возвращался онъ домой и на дворѣ встрѣтилъ Гюнца.

— Знаете, мой дорогой капитанъ,— сказалъ онъ,—вашъ предшественникъ Моръ былъ куда лучше васъ, когда дѣло шло о бургундскомъ, я самъ не прочь былъ выпить стаканчикъ его вина, старый пьянчуга былъ человѣкъ съ тонкимъ вкусомъ. Но вѣдь что ни говори, мы не виноторговцы! На смотрахъ онъ вѣчно былъ для меня загвоздкой. Теперь моя дивизiя можетъ отъ A до Z считаться первоклассной. Благодарю васъ, любезный Гюнцъ!

Гюнцъ былъ самъ очень радъ, что смотръ сошелъ такъ гладко. Онъ не вполнѣ разсчитывалъ на это, такъ какъ еще не окончательно прибралъ свою батарею къ рукамъ.

— Правда, вѣдь не дурно сошло?— спросилъ онъ скромно.

— Безукоризненно! Безукоризненно! —отвѣчалъ маiоръ.

—Это немножко зависитъ отъ счастья, г. маiоръ. Когда командуешь батареей, все дѣло видно вблизи, иной разъ замѣчаешь, что вотъ сейчасъ пойдетъ не такъ, вдругъ подвернется счастливый случай, и все наладится.

Маiоръ остановился около дома канцелярiи. Видно было, что ему нужно еще что то сказать, онъ въ смущеньи теребилъ свои бакенбарды.

— Конечно, конечно,—проговорилъ онъ,—безъ счастья ничего не подѣлаешь. Но это нисколько не уменьшаетъ вашихъ заслугъ, мой дорогой Гюнцъ.

— И знаете,—проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ,—потому-то мнѣ это такъ и непрiятно. Я вамъ не все сказалъ. У этихъ господъ, у высшаго начальства, никогда не бываетъ похвалы безъ разныхъ «но»...

Гюнцъ взялъ подъ козырекъ и проговорилъ официальнымъ тономъ:

— Извольте говорить, г. маiоръ, я слушаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый Гюнцъ,— возразилъ Шрадеръ.—Полковникъ былъ такъ любезенъ, что избавилъ меня отъ непрiятнаго порученiя, и я очень этому

радъ. Мнѣ вся эта исторія совсѣмъ не по вкусу, и я ничего вамъ не скажу. Нѣтъ, нѣтъ, мой милый Гюнцъ, идите спокойно къ полковнику и не принимайте au tragique того, что тамъ услышите! Очень вамъ благодаренъ, мой милый Гюнцъ! Прощайте, прощайте!

Онъ направился въ канцелярію и съ лѣстницы ласково кивалъ капитану.

Гюнцъ не безъ волненія ожидалъ предстоявшаго ему разговора. Онъ сознавалъ, что исполнилъ свою обязанность, насколько могъ, хорошо. Но, Боже мой, начальство привязывается иногда къ очень страннымъ вещамъ. Можетъ быть, онъ чего-нибудь не досмотрѣлъ. Но къ чему же тогда всѣ эти подготовленія, эта таинственность! Сдѣлали бы просто замѣчаніе, а на слѣдующій разъ онъ постарается не повторить ошибки.

Полковникъ ф. Фалькенгеймъ встрѣтилъ его очень дружелюбно.

— Ну, милый другъ,—сказалъ онъ,—поздравляю! Лучшаго дебюта, въ роли новаго батарейнаго командира, вы и пожелать не могли.

— Покорнѣйше благодарю, г. полковникъ,—отвѣчалъ Гюнцъ.

И онъ сразу перешелъ къ таинственному дѣлу, по которому пришелъ. Въ сущности любопытство его было вполнѣ простительно.

— Извините меня г. полковникъ,—сказалъ онъ,—г. маіоръ Шрадеръ намекнулъ мнѣ на...

Фалькенгеймъ перебилъ его:—Да, вы правы, это для васъ, конечно, всего интереснѣе. Видите ли, нашъ уважаемый бригадный генералъ сдѣлалъ одно замѣчаніе. Онъ, какъ я уже сказалъ, остался вполнѣ доволенъ состояніемъ вашей батареи, но относительно дисциплины въ батареѣ онъ находитъ, что вы, повидимому, еще не вполнѣ освоились съ этимъ дѣломъ.

Этого Гюнцъ всего менѣе ожидалъ. Онъ думалъ, что именно въ этомъ отношеніи стоитъ выше всякаго упрека.

— Не будете ли вы такъ добры, г. полковникъ, объяснить мнѣ, какъ это такъ?—спросилъ онъ не скрывая своего удивленія.

Фалькенгеймъ улыбнулся его растерянному виду и сказалъ, пожимая плечами.

— Да, это мнѣніе генерала. Я сообщилъ его вамъ, какъ мнѣ было приказано, а теперь, мой милый Гюнцъ, потолкуемъ объ этомъ по-товарищески. Я понимаю, что вы вытаращили глаза отъ удивленія, но сейчасъ вы будете еще болѣе изумлены. Генералъ привелъ, какъ основаніе своего мнѣнія; тотъ фактъ, что вы въ своей батареи назначали слишкомъ много наказаній, вдвое больше, чѣмъ въ четвертой и въ шестой вмѣстѣ взятыхъ.

Гюнцу хотѣлось всплеснуть руками. Это было непостижимо!

— Но, вѣдь, вамъ извѣстно, г. полковникъ,—замѣтилъ онъ,—при какихъ обстоятельствахъ я принялъ командованіе!

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ Фалькенгеймъ.—Я это все ему объяснилъ. Но онъ нашелъ, что я преувеличиваю. Между нами сказать: онъ принадлежалъ къ той кликѣ, которая поддерживала покойнаго Мора. И онъ считалъ неоспоримымъ свое заключеніе, что большое количество наказаній, налагаемыхъ въ полку, указываетъ на недостатокъ дисциплины. По его мнѣнію необходимо стремиться къ тому, чтобы штрафные списки во всѣхъ батареяхъ были по возможности равнаго размѣра, противное служитъ доказательствомъ неспособности того или другого командира.

Гюнцъ страшно разсердился. Когда его возмущала какая-нибудь чрезмѣрная нелѣпость, ему было все равно, съ кѣмъ онъ говоритъ. Онъ долженъ былъ откровенно высказаться, даже передъ полковнкомъ.

— Простите меня, г. полковникъ,—началъ онъ, — но генералъ, вѣроятно, упустилъ при этомъ изъ виду, что одинаковые результаты вызываются одинаковыми причинами. Позвольте замѣтить, что люди, входящіе въ составъ нормальныхъ батарей, далеко не одинаковы, и что въ одной и той же батареѣ всякій призывъ новобранцевъ можетъ произвести громадное измѣненіе въ штрафномъ спискѣ. Не говоря уже о

тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ я принялъ командованіе. Если бы у меня штрафной списокъ былъ не больше, чѣмъ въ четвертой и шестой батареѣ, тогда можно бы сдѣлать неблагопріятный для меня выводъ. Я позволяю себѣ надѣяться, что для генерала пріятнѣе получить штрафные списки не шаблонно равные, чѣмъ видѣть упадокъ дисципилины въ батареѣ.

Онъ остановился чтобы перевести духъ и прибавилъ:

— Простите меня, г. полковникъ.

Лицо Фалькенгейма стало очень серьезно.

— Я не сержусь на васъ, мой милый Гюнцъ,— отвѣчалъ онъ.—Я не могу не сознаться, что вы вполнѣ правы. Всѣ доводы, какіе вы приводите, я сообщилъ генералу и разъяснилъ очень обстоятельно. Въ концѣ концовъ онъ довольно холодно простился со мною.

Полковникъ остановился и улыбнулся самъ про себя. Онъ вспомнилъ свой разговоръ съ генераломъ. Генералъ чуть не лопнулъ отъ гнѣва: никому другому не простилъ бы онъ возраженій себѣ. Но Фалькенгеймъ былъ любимецъ стараго монарха, онъ проводилъ цѣлые дни съ королемъ на охотѣ и держался на своемъ мѣстѣ прочнѣе, чѣмъ самъ генералъ. Съ нимъ нельзя было поступать слишкомъ круто.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ полковникъ болѣе веселымъ тономъ,— онъ заявилъ, что желаетъ, чтобы хоть постепенно установилась большая равномѣрность наказаній.

— Простите меня г. полковникъ,— твердымъ голосомъ отвѣчалъ Гюнцъ,— но я не могу обѣщать исполнить желаніе генерала. Это противорѣчило бы моему понятію о призваніи офицера.

— Отлично, — сказалъ Фалькенгеймъ,—это вы мнѣ говорите, какъ товарищу и другу. Но, какъ вашъ начальникъ, я твердо увѣренъ, что вы сдѣлаете, что найдете полезнымъ для службы его величеству, и что въ этомъ смыслѣ вы постараетесь исполнить желаніе генерала.

Гюнцъ поклонился и проговорилъ:

— Радъ стараться, г. полковникъ.

Придя въ батарейную канцелярію, онъ спросилъ:

— Вахмистръ, что «Цампа» ѣздила сегодня?

— Нѣтъ еще, г. капитанъ.

— Ну, такъ велите осѣдлать ее, я хочу самъ немного покататься.

Вахмистръ подумалъ: «Что это съ командиромъ сегодня? Кажется, все хорошо сошло. Даже эти собаки Мортагъ и Эльнеръ держались порядочно.»

Никогда капитанъ такъ не торопился какъ въ этотъ разъ. Онъ подписалъ всѣ бумаги, какія ему представили, и послѣ минутнаго размышленія отвѣчалъ на всѣ предложенія вахмистра: «да, согласенъ».

Когда къ подъѣзду подвели «Цампу», онъ не сразу вспомнилъ, что хотѣлъ проѣхаться. Онъ вскочилъ на лошадь и медленно перебиралъ повода. «Цампа» нетерпѣливо топала ногами, и Гюнцъ пустилъ ее рысью.

Онъ поѣхалъ вдоль шоссе вверхъ по долинѣ. Слѣва на склонѣ горы лежала среди зеленыхъ кустовъ площадка для стрѣльбы изъ револьвера, на которой за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ происходила дуэль съ лейтенантомъ Ландсбергомъ. Но онъ меньше думалъ объ этомъ заключительномъ актѣ всего эпизода, чѣмъ о предшествовавшей ему ночи, когда онъ изложилъ на бумагѣ причину, заставляющую его выйти въ стотавку.

Теперь къ этимъ причинамъ прибавилась еще одна новая.

«Цампа», которая, мало-по-малу замедляя ходъ, спокойно пошла шагомъ, получила весьма чувствительный ударъ шпорами и принуждена была на мягкой луговой дорожкѣ перейти въ быстрый галопъ.

Чортъ возьми, не возмутительно ли это вѣчное стремленіе все подвести подъ извѣстный шаблонъ? Неужели этотъ проклятый гнетъ всѣхъ подгоняющій подъ одну мѣрку, этотъ принципъ парадной маршировки заразитъ все и вся? Неужели вездѣ все должно идти ровно, по приказу, для того чтобы высшее начальство сохраняло убѣжденіе въ превосходствѣ системы?

Даже штрафные списки должны быть подведены подъ ранжиръ! Никто не смѣетъ выставляться передъ другими. Это просто смѣшно. Учителя могутъ имѣть дурныхъ учениковъ, но батарейный командиръ ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть дурныхъ солдатъ въ своей батареѣ. И при этомъ позволительно примѣнять военные способы воспитанія не иначе, какъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ не превышающихъ средняго уровня?

По счастью, онъ лично находился въ весьма благопріятныхъ условіяхъ. Его полковой командиръ пользовался милостью государя, и, благодаря этому, могъ заступиться за него, и не побоялся оспаривать мнѣніе начальства. Только поэтому дѣло обошлось благополучно и безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. А что, если бы командиръ чувствовалъ, что не проченъ на своемъ мѣстѣ? Развѣ у него хватило бы гражданскаго мужества противорѣчить вліятельному начальнику, хотя бы въ формѣ самаго скрытнаго замѣчанія? Развѣ изъ страха за свою карьеру онъ не сказалъ бы: «Слушаю-съ ваше превосходительство».

На подчиненныхъ произведутъ давленіе и много ли найдется капитановъ, которые не принесутъ своихъ убѣжденій въ жертву будущей карьерѣ? Большая часть станетъ заботиться о равномѣрности штрафныхъ списковъ, и батарейный командиръ лишится возможности бороться съ дурными элементами которые пренебрегаютъ дисциплиной, портятъ хорошихъ солдатъ и, выйдя въ резервъ, распространяютъ неуваженіе къ арміи. Это все не бѣда! Зато штрафной списокъ не превышаетъ общей нормы, «что вызвало бы неблагопріятное сужденіе о дисциплинѣ батареи и способности ея командира». А между тѣмъ въ бумагахъ многихъ новобранцевъ заключаются справки о наказаніяхъ, какимъ они подвергались до поступленія на военную службу, что указываетъ на довольно непріятныя стороны ихъ личности.

Не бѣда! Штрафной списокъ не нарушаетъ общей парадной стройности, и отечество спасено.

Невинная «Цампа» получила еще ударъ шпорами. Но лошадь не двинулась дальше. Она заржала и слегка поднялась на дыбы.

Ей было страшно ступать въ болото.

Гюнцъ одобрительно потрепалъ ее по головѣ.

Умное живетное исправило разсѣянность свое хозяина. Трава подъ ея передними ногами была темно-зеленой, и своими толстыми длинными стеблями напоминала тростникъ. Нѣсколько дальше сквозь нее уже виднѣлась вода.

Гюнцъ повернулъ назадъ и медленно ѣхалъ луговой дорожкой. Самъ того не замѣчая, онъ попалъ въ маленькую долинку въ сторонѣ отъ дороги. Внизу блестѣли въ солнечномъ свѣтѣ бѣлыя стѣны казармы, свѣжій вѣтеръ слегка раскачивалъ молодыя цвѣтущія вѣтви деревьевъ, кругомъ все цвѣло и зеленѣло, все было полно свѣжихъ силъ. Осторожно направилъ онъ лошадь мимо баранчиковъ которые перекинули черезъ тропинку ленту своихъ желтыхъ цвѣтковъ.

Онъ стряхнулъ съ себя всѣ мрачныя мысли. Развѣ онъ не имѣлъ возможности перейти къ другой дѣятельности, разъ онъ убѣдится въ безплодности настоящей? Сегодняшній опытъ прибавилъ новую тяжесть на вѣсы его мнѣній. Съ нимъ необходимо считаться. Но стоитъ-ли приходить изъ-за этого въ отчаяніе? Никогда въ жизни!

Казалось, картина этой свѣтлой весенней природы съ ея живучими силами вливала въ него покой и самоувѣренность.

Многое старое, многое, что десятки лѣтъ считалось великимъ, разрушилось и пало, но отъ этого не потеряла своей силы земля, которая повсюду даетъ жизнь новымъ сѣменамъ, выпускаетъ на свѣтъ новые ростки. Она тотъ вѣчный, неизсякаемый источникъ, изъ котораго новыя поколѣнія черпаютъ новую жизнь, она вѣчно обновляющая сила.

Гюнцъ опустилъ поводья на шею лошади и смотрѣлъ впередъ яснымъ, свѣтлымъ взглядомъ.

Но когда копыта «Цампы» снова застучали по твердой шоссейной дорогѣ,

онъ вернулся къ дѣйствительности. Долго предаваться мечтательности было не въ его натурѣ. Онъ долженъ обдумать другіе болѣе положительные вопросы.

Онъ въ послѣднее время усиленно трудился надъ разрѣшеніемъ задачи, которая пришла ему въ голову при его послѣдней командировкѣ въ Берлинъ.

Онъ считалъ несомнѣннымъ, что французская полевая артиллерія со своими самооткатывающимися лафетами пріобрѣла преимущество надъ всѣми прочими арміями, преимущество громадное, если окажется, что новое изобрѣтеніе примѣнимо на войнѣ. Французскіе лафеты до сихъ поръ употреблялись только въ мирное время при непродолжительныхъ маневрахъ. Неизвѣстно, въ состояніи ли они вынести трудности длиннаго похода въ военное время. Онъ усердно работалъ надъ упрощеніемъ сложнаго устройства этихъ лафетовъ и надъ приданіемъ имъ большей прочности, такъ чтобы они могли служить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Кромѣ того, онъ обратилъ вниманіе на стальные щиты, которыми снабжены были французскія полевыя орудія для защиты прислуги при орудіи. При будущихъ снаряженіяхъ необходимо съ математическою точностью вычислять процентъ потерь, и во всякомъ случаѣ крайне выгодно, благодаря щитамъ, обезопасить канонировъ. Противники этой мѣры приводятъ то соображеніе, что люди будутъ постоянно прятаться за прикрытіе или во всякомъ случаѣ производить наводку слишкомъ спѣшно отъ чего неизбѣжно пострадаетъ вѣрность прицѣла. Но въ такомъ случаѣ можно утверждать, что и пѣхота не захочетъ выходить изъ своихъ траншей. Другое возраженіе болѣе убѣдительно: орудія снабженныя стальными щитами и поставленныя на самооткатывающіеся лафеты, слишкомъ тяжелы. Это должно вредно отзываться на ихъ подвижности, и вотъ почему Гюнцъ старался отыскать какой-либо способъ для уменьшенія ихъ тяжести. Передокъ служитъ для передвиженія лафета и кромѣ того, для перевозки снарядовъ, необходимыхъ на выстрѣлы. Но къ чему же помѣщать въ него такую массу снарядовъ, которые въ большинствѣ случаевъ остаются безъ употребленія. И вотъ онъ составлялъ проектъ передка, въ которомъ бы помѣщалось зарядовъ втрое меньше прежняго, и такимъ образомъ тяжесть самооткатывающагося лафета и стального щита была вполнѣ уравновѣшена.

Въ Берлинѣ онъ подробно говорилъ о своемъ проектѣ съ представителемъ одной большой рейнской оружейной фабрики. Этотъ представитель предложилъ ему выйти въ отставку и за большое вознагражденіе поступить на службу къ фирмѣ. Въ то время Гюнцъ не согласился на такую крутую перемѣну жизни, но на прощанье его собесѣдникъ замѣтилъ ему:

— Кто знаетъ, можетъ быть, мы еще увидимся?

Неужели предсказаніе этого человѣка сбудется?

Такъ или иначе, но Гюнцъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы пробить себѣ дорогу въ жизни.

У дверей сада деньщикъ взялъ лошадь. Гюнцъ ласково похлопалъ «Цампу» по спинѣ. Онъ знакомъ велѣлъ деньщику увести ее, но въ эту минуту на дорожкѣ сада показался его сынишка, который, кряхтя и переваливаясь, бѣжалъ изъ дому. Малютка уже довольно твердо ступалъ своими толстыми ножонками и держалъ кусокъ сахару въ крошечной ручкѣ. А сзади него шла сіявшая счастьемъ Клара, протягивая руки, чтобы не дать ребенку упасть.

«Цампа» осторожно взяла сахаръ изъ ручки мальчика и тутъ же выронила его изъ взнузданнаго рта.

— Ну, что, хорошо ли сошло? спросила Клара.

— Очень хорошо, отвѣчалъ капитанъ.

Передавая полученныя имъ похвалы, онъ не скрылъ отъ нея и «но». Спокойный, ясный умъ жены служилъ ему до нѣкоторой степени для провѣрки собственныхъ ощущеній.

Вѣдь Клара была совсѣмъ особенная женщина, другой такой нѣтъ на свѣтѣ, она будто нарочно для него создана!

Дѣйствительно, это была женщина единственная въ своемъ родѣ.

Врожденный тактъ заставлялъ ее всегда брать настоящій тонъ. Нѣкоторыя офицерскія жены, въ родѣ г-жи Кауергофъ, и дома не говорили ни о чемъ, кромѣ смотровъ и производства, вѣдомостей и отчетовъ. Другія, какъ, напр., маленькая Кейль II, урожденная Мюллеръ, не позволяли мужу у себя на квартирѣ сказать слова о службѣ. «Миленькій мой,—говорила обыкновенно эта нѣжнѣйшая изъ женъ,—я умираю отъ тоски, когда ты на своей противной службѣ, не говори же о ней хоть въ тѣ минуты, которыя ты отдаешь мнѣ».

Клара умѣла избѣгать той и другой крайности.

Когда за обѣдомъ мужъ ея омрачалъ тѣсный семейный кругъ тѣнью Мортага, первѣйшаго негодяя въ батареѣ, она незамѣтно прогоняла непріятный призракъ. Но когда онъ обращался къ ней со своими тяжелыми сомнѣніями, она всегда готова была и утѣшить его, и дать ему совѣтъ. Она знала о его намѣреніи попробовать остаться батарейнымъ командиромъ еще годъ и часто хотѣлось ей уговорить его сократить этотъ срокъ.

Какъ женщина умная она предвидѣла, что ровно черезъ годъ онъ сниметъ военный мундиръ.

Лейтенантъ Реймерсъ былъ попрежнему желаннымъ гостемъ въ домѣ Гюнца.

Онъ, наконецъ, убѣдился, что своими частыми посѣщеніями не надоѣдаетъ друзьямъ, и когда Клара, съ любезностью гостепріимной хозяйки, показывала вниманіе къ его вкусамъ, онъ лишь слабо защищался:

— Право, вы меня слишкомъ балуете! Что же я буду дѣлать, когда мнѣ придется уѣхать на будущій годъ въ военную академію?

Гюнцу онъ говорилъ:

— Знаешь, когда смотришь на тебя и на твою жену, становится понятнымъ, что всякій холостякъ только получеловѣкъ.

Толстый капитанъ самодовольно засмѣялся.

— Клара,—обратился онъ къ входившей въ комнату женѣ,—кажется, я не сдѣлалъ ошибки, когда выбралъ тебя своей женой.

— Какъ такъ, толстякъ?—спросила жена.

— Реймерсъ сказалъ сейчасъ, что наша супружеская жизнь возбуждаетъ въ немъ желаніе жениться. Какъ тебѣ это нравится?

— Это очень разумно, г. лейтенантъ, отвѣчала Клара.

Реймерсъ слегка покраснѣлъ и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ я при первой возможности отправлюсь на выставку невѣстъ. Все, что вы совѣтуете, всегда безусловно хорошо.

— Старый льстецъ! проворчалъ Гюнцъ. Ты мнѣ избалуешь жену.

Но когда Реймерсъ распрощался, онъ сказалъ Кларѣ:

— Я думаю, что Реймерсу въ самомъ дѣлѣ всего умнѣе жениться. У него душа не клубная, не трактирная. Надобно бы ему познакомиться со здѣшними барышнями.

— Зачѣмъ же искать далеко, когда счастье такъ близко, такъ возможно! проговорила Клара.

Капитанъ даже привскочилъ

— Что такое?

Клара улыбаясь показала черезъ плечо на сосѣднюю виллу.

— Марія Фалькенгеймъ?—спросилъ Гюнцъ.

Клара утвердительно кивнула головой.

— Смотри!—погрозилъ ей мужъ.—Не вздумай явиться свахой.

— Вотъ еще! Развѣ ты когда-нибудь видалъ меня въ этой роли!—протестовала Клара.—Нѣтъ, съ какой стати! Но право, мнѣ кажется, изъ нихъ вышла бы прелестная парочка. И я не вижу, почему которому-нибудь изъ нихъ чувствовать отвращеніе къ другому. Относительно Мари я даже положительно знаю, что она находитъ Реймерса очень пріятнымъ; для начала этого довольно, если только у нашего милаго Реймерса откроются глаза.

— Да, только сами по себѣ, безъ чужой помощи, пожалуйста, прошу тебя! сказалъ капитанъ.

— Да конечно, сами собой, толстякъ.

— Хорошо, Клара, а исторія съ Гропхузенъ? Развѣ уже это совсѣмъ покончено?

— Совершенно! Это былъ простой флиртъ, ничего больше!

Гюнцъ сомнительно покачалъ головой.

— Наврядъ ли, Клара, возразилъ онъ.—Я хорошо знаю Реймерса. Пустымъ флиртомъ онъ заниматься не можетъ. Въ томъ-то и несчастье этого милаго человѣка, что онъ все принимаетъ слишкомъ серьезно. Дѣло съ Гропхузенъ глубоко затронуло его, повѣрь мнѣ.

— Во всякомъ случаѣ, нельзя же цѣлый вѣкъ носиться съ такою безнадежною любовью!

Капитанъ былъ далеко не убѣжденъ.

— Отъ него все станется! проговорилъ онъ.—Но будемъ надѣяться, что ты не ошибаешься. По правдѣ сказать, они въ самомъ дѣлѣ очень подходятъ другъ къ другу.

Спокойно расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ продолжалъ разсуждать:

— И все, вообще, хорошо сходится. У Реймерса тысячъ семьдесятъ марокъ капитала, полковникъ тоже дастъ кой-какое приданое за дочерью. По моему онъ, не стѣсняя себя, можетъ дать тысячъ двадцать. Правда, онъ не богатъ, но зато скоро будетъ генераломъ. Это дастъ возможность Реймерсу удовлетворить свою страсть къ книгамъ. Право! Дѣло налаживается отлично.

Онъ остановился и стряхнулъ пепелъ съ сигары.

— Чего ты смѣешься, несносная женщина? спросилъ онъ, взглянувъ на жену.

— Какой ты смѣшной, мой толстячекъ!—отвѣчала Клара.—Когда я говорила, ты хмурился и обвинялъ меня въ самыхъ дурныхъ намѣреніяхъ, а теперь самъ строишь разные планы и высчитываешь, какой процентъ перепадетъ тебѣ, какъ посреднику.

Гюнцъ отвѣтилъ на ея насмѣшку любезностью:

— Дорогая Клара, это опять-таки комплиментъ тебѣ: только счастливые мужья заботятся о томъ, чтобы женить своихъ пріятелей.

Безъ всякаго вліянія со стороны супруговъ Гюнцъ, Реймерсъ вскорѣ послѣ этого разговора спросилъ своего толстаго друга:

— Послушай, Гюнцъ, какъ ты находишь, не правда ли, Мари Фалькенгеймъ очень милая дѣвочка?

Гюнцъ спокойно откинулся на спинку стула и отвѣчалъ

— Милая дѣвочка? Какъ тебѣ сказать? Правда, она недурненькая, у нея очень пріятные глаза и ростъ хорошъ. Немножко худощава, на мой вкусъ по крайней мѣрѣ.

— Нѣтъ, не то, возразилъ Реймерсъ.— Я не объ этомъ говорю. Она очень хорошенькая, это несомнѣнно. Но это не самое важное. Я говорилъ о ней вообще. Мнѣ кажется, она производитъ впечатлѣніе чего-то успокаивающаго, бодрящаго, утѣшающаго. Ты этого не находишь?

— Да, знаешь, такъ подробно я ее еще не наблюдалъ. Но ты, пожалуй, правъ. Я тоже думаю, что изъ нея со временемъ выйдетъ отличная женщина. Она очень мила и граціозна, а въ то же время у нея не замѣтно ни малѣйшаго легкомыслія, она умѣетъ устроить домашній комфортъ, у нея много простого и очень здраваго смысла. Счастливъ будетъ тотъ мужчина, который возьметъ ее въ жены.

Реймерсъ какъ-то невольно подтянулся.

— Что ты говоришь! — возразилъ онъ.—Она еще слишкомъ молода.

— Ну, ну, — отвѣчалъ Гюнцъ, — осенью ей минетъ 18, а, вѣдь, у нея еще нѣтъ жениха. Между помолвкой и свадьбой пройдетъ, какъ принято у цивилизованныхъ европейцевъ, не меньше полугода, такъ и протянется до 20, а въ двадцать лѣтъ въ нашемъ климатѣ дѣвушка вполнѣ способна быть женой.

Реймерсъ, казалось, что-то обдумывалъ. Онъ вмѣсто отвѣта протянулъ «гмъ»... и перемѣнилъ разговоръ.

Но у полковыхъ дамъ скоро явилась новая тема для разговоровъ: лейтенантъ Реймерсъ сватается къ Мари Фалькенгеймъ. У него самыя серьезныя намѣренія, это несомнѣнно. Соперниковъ ему бояться нечего. Фалькенгеймъ человѣкъ

бѣдный, это всѣмъ извѣстно. У него еле хватаетъ средствъ чтобы держаться въ полку. А дочка? Что же? Она миленькая, очень недурненькая, но красавицей ей никакъ нельзя назвать, она не можетъ разсчитывать на блестящую партію.

Дамы находили, что Реймерсъ, съ своей красивой наружностью, могъ бы найти невѣсту получше. Но тутъ г-жа Кауергофъ, жена полковаго адъютанта, обратила вниманіе общества на одинъ пунктъ, ускользавшій отъ нихъ до тѣхъ поръ. Развѣ нельзя назвать ловкимъ разсчетомъ со стороны Реймерса женитьбу на дочери человѣка, которому несомнѣнно предстоитъ блестящая карьера.

Конечно, разсчетъ не такой очевидный, какъ у капитана Маделунга, который привелъ въ изумленіе весь гарнизонъ, женившись на пожилой, некрасивой ханжѣ, фрейлинѣ при дворѣ наслѣдника, но что тутъ разсчетъ—это несомнѣнно.

Съ такой точки зрѣнія все дѣло становилось вполнѣ понятнымъ, и полковая сплетня прямо называла Марію фонъ-Фалькенгеймъ и лейтенанта Бернгарда Реймерса невѣстой и женихомъ.

Между тѣмъ Гюнцы, которые стояли ближе прочихъ къ заинтересованнымъ молодымъ людямъ, не замѣчали съ ихъ стороны никакихъ попытокъ къ сближенію. На совмѣстныхъ ужинахъ обитателей двухъ виллъ Реймерсъ обращалъ нѣсколько больше прежняго вниманія на молодую дѣвушку, но вотъ и все. Они вели вдвоемъ очень серьезные разговоры и отлично понимали другъ друга. Молодой дѣвушкѣ это, повидимому, доставляло большое удовольствіе, она вспыхивала нѣжнымъ румянцемъ при легкой, сдержанной любезности лейтенанта, но Реймерсъ какъ будто не замѣчалъ ничего.

— Знаешь, толстякъ.—сказала Клара,—твой Реймерсъ престранный человѣкъ. Этакій великорослый дѣтина и ведетъ себя точно какой-нибудь средневѣковый пажъ, добродѣтельный Фридолинъ. Мнѣ все представляется, что онъ смотритъ на Мари скорѣе какъ на любимую сестру, чѣмъ какъ на свою будущую жену.

Гюнцъ утвердительно кивнулъ головой.

— Ты вѣрно замѣтила, моя умница,—поддакнулъ онъ.—Вотъ видишь, ты всегда нападаешь на мою флегматичность, но скажи, развѣ мое ухаживанье за тобой не было прямо бурнымъ, сравнительно съ ухаживаньемъ Реймерса?

— Нѣтъ, нѣтъ,—продолжалъ онъ задумчиво,—до сихъ поръ дѣло еще далеко не дошло до настоящаго. Можетъ быть, когда нибудь дойдетъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ долго не могли выясниться его отношенія ко мнѣ. Дружба и любовь, вѣдь, имѣютъ много общаго. А онъ черезчуръ основательный человѣкъ, нашъ милый Реймерсъ.

Болтливые языки, конечно, не замедлили сообщить г-жѣ Гропхузенъ интересную новость. Надобно отдать ей справедливость: если прошлогодній флиртъ и оставилъ какой-нибудь слѣдъ въ ея сердцѣ, то она умѣла скрывать его. За ней зорко наблюдали, но не могли ничего замѣтить. Ни вздрагиванья, ни паузы въ разговорѣ, никакой перемѣны въ лицѣ или въ голосѣ. Жаль! Въ этой глуши нельзя имѣть театра, взамѣнъ его такъ пріятно слѣдить за маленькими драмами дѣйствительной жизни.

Анна Гропхузенъ не прекратила своихъ визитовъ къ женѣ оберъ-лейтенанта Гюнца. Она приходила, какъ прежде, не чаще и не рѣже. Очевидно, прошлогодняя исторія была забыта.

День рожденія Клары праздновался въ бесѣдкѣ сада Фалькенгейма. Уже много тостовъ за здоровье новорожденной было произнесено и выпито, когда на улицѣ послышался звонокъ велосипеда. Шумъ быстрыхъ колесъ приблизился и слышно было, какъ чьи-то легкія ножки соскочили на землю около самаго сада.

Громкій голосъ, который долженъ былъ звучать очень весело, но на самомъ дѣлѣ показывалъ, что обладатель его немного задыхается, прокричалъ:—Ура! ура! и въ третій разъ «ура!» Можно у васъ выпить стаканчикъ чего-нибудь?

Гюнцъ поспѣшилъ къ рѣшеткѣ.

— Г-жа ф.-Гропхузенъ!—вскричалъ онъ съ удивленіемъ.—Конечно, можно! У насъ еще много всего.

Онъ обернулся къ Фалькенгейму.—

Позволите, г. полковникъ? Г-жа ф.-Гропхузенъ пріѣхала.

Фалькенгеймъ быстро подошелъ къ ней:

— Милости просимъ! Намъ очень пріятно! Позвольте мнѣ взять вашъ велосипедъ.

Онъ вышелъ изъ воротъ и провелъ г-жу ф.-Гропхузенъ въ бесѣдку. Гюнцъ подставилъ ей стулъ къ столу и налилъ стаканъ вина.

«Кто ѣдетъ, кто скачетъ подъ хладной мглой?»—весело вскричала Клара и дружески протянула обѣ руки поздней гостьѣ.

Анна Гропхузенъ, весело улыбаясь, поздоровалась со всей компаніей и сказала:

— Извините меня, пожалуйста, но меня соблазнилъ свѣтъ и смѣхъ въ вашей бесѣдкѣ, г. полковникъ.

Она подняла стаканъ и чокнулась съ Кларой.

— За ваше здоровье, милая г-жа Гюнцъ! Отъ всего сердца желаю вамъ счастья!

— Я засидѣлась у г-жи фонъ-Штукардъ,—разсказывала она,—или скорѣй г-жа Штукардъ не отпускала меня.

— Штукардъ говорилъ, — перебилъ полковникъ,—что его жена больна?

— Да, у нея опять ея обыкновенная боль въ лицѣ, которую ни одинъ докторъ не можетъ вылечить, поэтому то, представьте себѣ, г-жа Гюнцъ, представьте себѣ, полковникъ, я и должна была сидѣть у нея. Она просила меня приложить ей руки къ щекамъ, увѣряла, что мои руки дѣйствуютъ успокоительно, утишаютъ боль. Конечно, при этомъ я не могла уйти отъ нея.

Реймерсъ посмотрѣлъ на нее. Она сидѣла нѣсколько въ тѣни, лица ея не было видно, на темномъ фонѣ выдѣлялась только ея бѣлая соломенная шляпка и бѣлая блузка. Маленькій брильянтъ блестѣлъ на ея галстухѣ. Лампа освѣщала только кончикъ ея ноги, красивой, узкой, изящно обутой ноги, которая быстро раскачивалась вверхъ и внизъ.

Лейтенантъ избѣгалъ встрѣтиться съ нею глазами. Поэтому онъ старался оживленно разговаривать со своей сосѣдкой, Мари Фалькенгеймъ. Отъ вина у него немножко шумѣло въ головѣ. Онъ весело болталъ и смѣялся. Молодая дѣвушка слушала его съ раскраснѣвшимися щеками, съ сіявшими счастьемъ глазами иотвѣчала ему молодой улыбкой.

Они оба и не замѣтили, какъ г-жа Гропхузенъ допила свое вино и встала прощаться.

— Благодарю васъ!—сказала она.—Я чуть не падала отъ усталости. Ваше вино подкрѣпило меня. Но уже поздно, мнѣ пора домой.

— Васъ, вѣроятно, ждутъ дома?—спросилъ Фалкенгеймъ.

Анна Гропхузенъ засмѣялась съ нѣкоторою горечью.

— Меня?—переспросила она.—Кому же меня ждать? Нѣтъ, нѣтъ. Мужъ навѣрно ушелъ куда-нибудь. Только, пожалуйста, полковникъ, не наказывайте его за это.

Это былъ нѣсколько щекотливый оборотъ разговора. Но г-жа фонъ-Гропхузенъ такъ просто и мило со всѣми распрощалась, что всѣ о немъ забыли. Полковникъ проводилъ ее до воротъ.

Четверо остальныхъ подошли къ рѣшеткѣ. Гюнцъ нѣжно обнималъ одною рукою Клару, а Реймерсъ стоялъ подлѣ Маріи Фалькенгеймъ. Они смотрѣли, какъ Анна Гропхузенъ сѣла на велосипедъ и медленно отъѣхала. Дорогой она повернулась, махнула имъ правой рукой и, смѣясь, крикнула: «Покойной ночи!»

Отъѣхавъ еще немного, она еще разъ обернулась. Ея рука въ бѣлой перчаткѣ махала имъ, но лица нельзя было разглядѣть.

Послѣ этого велосипедъ скрылся въ темнотѣ.

Г-жа фонъ-Гропхузенъ не спѣша доѣхала до своего дома.

У воротъ ее ждалъ деньщикъ. Онъ взялъ у нея велосипедъ и повелъ его сзади нея.

— Прикажете подать чай?—спросилъ онъ.—Въ столовой накрыто.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Я ужинала. Уберите со стола.

Не раздѣваясь, въ велосипедномъ ко-

стюмѣ, бросилась она на постель въ своей комнатѣ. Она натянула на себя одѣяло и закуталась въ него.

Горничная тихонько постучала.

— Прикажете зажечь огонь, барыня?

— Нѣтъ, ничего не надо?

До глубокой ночи лежала такимъ образомъ Анна Гропхузенъ и смотрѣла широко открытыми глазами въ ночную тьму.

Нѣсколько дней спустя Марія Фалькенгеймъ пришла черезъ садовую калитку къ Кларѣ Гюнцъ.

— Клара,—сказала она,—я иду въ городъ къ г-жѣ Штукардъ, узнать, какъ ея здоровье. Хочешь я зайду въ аптекарскій магазинъ и скажу, чтобы тебѣ прислали молочнаго сахару для мальчика?

Клара оглядѣла съ ногъ до головы молодую дѣвушку и, улыбаясь, погрозила ей пальцемъ.

— Марихенъ! Дѣвочка! — вскричала она.—Никогда бы мнѣ не пришло въ голову, что такой младенецъ умѣетъ такъ ловко лицемѣрить!

Марія покраснѣла.

— Я все понимаю, — продолжала она.—Ты слышала, какъ я нѣсколько разъ смѣялась надъ страстью къ нарядамъ, по этому тебѣ было стыдно похвастать мнѣ своимъ новымъ платьемъ и новою шляпкою. Но сердцемъ тебя тянуло показаться старому другу. Правда вѣдь, я отгадала?

Молодая дѣвушка густо покраснѣла и утвердительно кивнула головой.

Клара ласково потрепала ее по щекѣ и продолжала:

— Глупенькая овечка! Такой хорошенькой дѣвочкѣ, какъ ты, не грѣхъ принарядиться. Но скажи, ради Бога, гдѣ ты достала этотъ прелестный костюмъ?

— Ахъ, Клара,—отвѣчала дѣвушка,— конечно, не здѣсь. Г-жа фонъ-Гропхузенъ ѣздила со мной покупать и помогла мнѣ выбирать. Вотъ ужъ можно сказать, Клара, она знаетъ толкъ въ вещахъ!

Клара поставила подругу передъ собой и осмотрѣла ее съ ногъ до головы.

Дѣйствительно, трудно было выдумать костюмъ, который бы шелъ къ нѣжной фигуркѣ Мари больше, чѣмъ это платье изъ легкой, свѣтло-сѣрой шелковой матеріи съ отдѣлкой изъ бѣлыхъ лентъ и эта свѣтло-сѣрая шляпка, оттѣнявшая нѣжную красоту ея личика, узкую форму головы и въ особенности ея тоненькій прямой носикъ.

Клара крѣпко поцѣловала дѣвушку и сказала:

— Ты просто картинка, моя дѣвочка! Очаровательна! А что сказалъ суровый отецъ?

Марія покраснѣла отъ чувства горделивой радости.

— Онъ прежде всего сказалъ: «Чортъ возьми!»,—отвѣчала она,—потомъ поцѣловалъ меня, а потомъ забезпокоился и сталъ спрашивать, не надѣлала ли я долговъ. Я должна была поклясться ему, что все это великолѣпіе стоило не больше того, сколько онъ мнѣ далъ на нарядъ.

— А правда ли это, дѣвочка?

— Ахъ Боже мой! Я только прибавила четыре марки изъ своихъ карманныхъ денегъ.

Клара съ улыбкой покачала головой.

— Ай, ай, ай! Такая молоденькая и уже такая испорченная. Лицемѣрка, клятвопреступница! Ну, да по крайней мѣрѣ было изъ-за чего!

Г-жа фонъ-Гропхузенъ стала послѣ этого усердно заниматься туалетами Маріи Фалькенгеймъ. Ея тонкія изящныя руки были искуснѣе рукъ самой ловкой горничной, и она умѣла превращать самыя простенькія домашнія платьица молодой дѣвушки въ хорошенькіе оригинальные костюмы.

При этомъ относилась къ Маріи съ такою материнскою нѣжностью, которая какъ-то мало вязалась съ ея собственною молодостью.

Мари Фалькенгеймъ мало-по-малу теряла свой видъ школьницы-подростка и превращалась въ изящную молодую женщину.

— Чортъ возьми!—замѣтилъ какъ-то Гюнцъ своей женѣ. — Мари удивительно выравнивается! Изъ нея выходитъ чертовски прелестная штучка.

И Реймерсъ началъ смотрѣть на дѣ-

вушку глазами, въ которыхъ свѣтилось нѣчто побольше спокойной братской дружбы.

За нѣсколько дней до отправленія полка въ лагери полковой адъютантъ оберъ-лейтенантъ Кауергофъ упалъ съ лошади. Онъ растянулъ себѣ сухожиліе подъ колѣномъ и принужденъ былъ взять пятимѣсячный отпускъ.

Вмѣсто него назначенъ былъ адъютантомъ лейтенантъ Реймерсъ. Онъ былъ старшимъ лейтенантомъ въ полку, производство его въ оберъ-лейтенанты ожидалось со дня на день.

Реймерсъ былъ въ восторгѣ отъ этого назначенія и принялся за свои новыя обязанности съ неутомимымъ рвеніемъ. Онъ, можно сказать, угадывалъ желанія Фалькенгейма, ему почти никогда не нужно было объяснять, какимъ образомъ сдѣлать то или другое. Полковникъ зналъ, что онъ все устроитъ, какъ слѣдуетъ. Воззрѣнія лейтенанта вполнѣ совпадали съ убѣжденіями полковника.

Фалькенгеймъ не могъ представить себѣ болѣе внимательнаго адъютанта, адъютанта, который и внѣ службы, въ походѣ и въ лагерѣ заботился о немъ такъ нѣжно, съ такою любовью. Онъ еще раньше замѣтилъ, что лейтенантъ немножко ухаживаетъ за его дочерью. Мысль ввѣрить судьбу своей Мари этому достойному молодому человѣку была ему отрадна. Онъ и безъ того смотрѣлъ на Реймерса почти какъ на сына, бракъ только скрѣпилъ бы тѣ узы, которыя нравственно соединили ихъ.

Эти радостныя мечты дѣлали полковника болѣе общительнымъ, чѣмъ онъ былъ обыкновенно. Всѣмъ было извѣстно, что онъ не особенно доволенъ разными новшествами, введенными въ армію со вступленіемъ на престолъ молодого императора. Онъ зналъ, что можетъ вполнѣ довѣрять своему временному адъютанту, что Реймерсъ никогда не передастъ его словъ въ искаженномъ видѣ недоброжелательному слушателю, и потому свободно высказывалъ ему свои опасенія и неудовольствія.

Нѣкоторыя изъ этихъ откровенныхъ признаній привели Реймерса въ ужасъ. Онъ надѣялся, что Фалькенгеймъ, какъ опытный офицеръ, совершенно разобьетъ тѣ сомнѣнія, которыя возбудилъ въ немъ Гюнцъ, а теперь оказалось, что даже этотъ выдающійся человѣкъ далеко не увѣренъ въ цѣлесообразности и совершенствѣ устройства германской арміи.

Онъ сталъ записывать по вечерамъ наиболѣе интересные изъ своихъ разговоровъ съ полковникомъ.

2-го іюня.

Красивая лошадь лейтенанта Ландсберга, «Миссисъ Паже», на которой самъ онъ не можетъ ѣздить, вчера взяла первый призъ на скачкахъ. Вслѣдствіе этого Ландсбергъ со своей компаніей пропилъ вчера марокъ 200 на шампанскомъ. Сегодня полковникъ сильно намылилъ ему голову и, находя, что онъ представляетъ прежалкую фигуру верхомъ на своей лошади, заставилъ его цѣлые полчаса упражняться при насъ въ верховой ѣздѣ.

По этому поводу полковникъ много говорилъ о составѣ корпуса нѣмецкихъ офицеровъ.

Лучшихъ офицеровъ, по его мнѣнію, все еще даетъ такъ называемое военное дворянство т.-е. тѣ семьи,—не исключительно дворянскія,—члены которыхъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ были нѣмецкими, т.-е. прусскими, саксонскими, ганноверскими и проч. офицерами. (Примѣры: самъ полковникъ, Вегштеттенъ, моя скромная особа). Это семьи по большей части небогатыя и часто заключаютъ браки въ своей средѣ. Увлеченіе офицерскимъ призваніемъ до самоотверженія вошло имъ въ плоть и кровь, принимается ими какъ нѣчто безспорное. Оно имъ прирождено и прочно вкореняется въ нихъ и путемъ простого строгаго воспитанія подготовляющаго ихъ къ будущему призванію. Но въ этомъ заключается и своего рода опасность: вслѣдствіе односторонняго развитія ума, кругозоръ этихъ офицеровъ становится слишкомъ узкимъ, они не въ состояніи ни понимать современный образъ мыслей, ни правильно относиться къ нему.

Поэтому въ высшей степени важно, чтобы составъ нѣмецкаго офицерства освѣжался членами изъ бюргерскихъ семей. Эти элементы выросшіе и воспитанные въ современныхъ понятіяхъ, благотворно дѣйствуютъ на своихъ товарищей, тѣмъ, что расширяютъ кругозоръ ихъ, они приносятъ съ собой свѣтлый умъ, очищенный отъ предразсудковъ, и стремленіе къ техническимъ усовершенствованіямъ военнаго дѣла (прим. Гюнца).

Самый плохой матеріалъ представляютъ тѣ офицеры, которые, пользуясь отцовскими деньгами, смотрятъ на офицерскую службу, какъ на видный, блестящій и поэтому очень пріятный спортъ. Они набираются частью изъ богатыхъ бюргерскихъ семей (Ландсбергъ) частью—преимущественно для гвардейскихъ полковъ изъ семей богатыхъ землевладѣльцевъ и тузовъ промышленности. Особенно эти послѣдніе считаютъ придворныя залы и скачки болѣе подходящимъ для себя мѣстомъ, чѣмъ казармы и учебные плацы. Они по большей части не честолюбивы, такъ какъ поступаютъ на службу единственно съ цѣлью пробыть нѣсколько лѣтъ въ полку и затѣмъ вернуться къ частной жизни, въ свои помѣстья. Они, правда, считаютъ за честь служить государю дольше срока (напр. въ званіи офицеровъ запаса), но этимъ они оказываютъ плохую услугу королю. Ихъ нельзя назвать хорошими офицерами, такъ какъ офицерская служба требуетъ всего человѣка,—для хорошаго офицера недостаточно граціозно стоять подъ вражеской пулей—а какъ граждане они тоже мало полезны; напр., для управленія большимъ помѣстьемъ требуется значительная научная подготовка, а они въ качествѣ офицеровъ во всякомъ случаѣ не могли пріобрѣсти ее.

Послѣ этихъ словъ полковникъ вдругъ замолчалъ пришпорилъ свою лошадь и галопомъ въѣхалъ въ лѣсную просѣку.

— Иногда случается, что такіе офицеры по капризу судьбы становятся командующими генералами и т. под., проговорилъ онъ вслѣдъ за тѣмъ.—Тогда дѣло плохо!

3-го іюня.

Полковникъ продолжалъ вчерашній разговоръ. Мы съ нимъ толковали о дворянствѣ и бюргерствѣ въ арміи.

Онъ безусловно соглашался, что, начиная со штабъ-офицерскихъ чиновъ, бюргеровъ обыкновенно обходятъ по службѣ безъ всякаго законнаго основанія. Это есть отраженіе прежнихъ личныхъ связей между монархомъ и леннымъ дворянствомъ, смягченное возведеніемъ въ дворянство бюргеровъ,—явленіе, которое онъ въ общемъ осуждалъ. Ленцъ представляетъ въ этомъ отношеніи исключительный случай. Я считаю это страшною несправедливостью. Полковникъ равнодушнѣе смотритъ на дѣло.—Если считать, что при движеніи по службѣ должны приниматься въ соображеніе способности даннаго лица, разсуждаетъ онъ,—то вѣдь сужденіе объ этихъ способностяхъ составляютъ все же люди, которые могутъ ошибаться, не смотря на искреннее желаніе судить вполнѣ объективно.

Вообще геній самъ себѣ пробиваетъ дорогу, и не только геній, а всякій выдающійся талантъ, какъ, напр., Ленцъ. Мелкія различія не имѣютъ значенія. Хорошо, если бы хоть изъ дворянъ получали высшія назначенія наиболѣе способные люди,—прибавилъ онъ въ заключеніе.

Неужели же это не такъ?!

Вчера онъ высказывалъ опасеніе, что воспитаніе, господствующее среди военнаго дворянства, развиваетъ односторонность, сегодня онъ остановился на хорошихъ сторонахъ этого воспитанія: оно создаетъ спеціально военныя качества, какъ нравственныя, такъ и физическія. Я думаю, что онъ правъ. Я вспоминаю Лудвига фонъ-Оттензенъ, моего товарища въ младшихъ классахъ гимназіи и въ военной школѣ. Въ гимназіи онъ былъ положительно дуракомъ, теперь—я говорю по искреннему убѣжденію—онъ весьма порядочный кавалерійскій офицеръ. Помню, какъ за уроками гимнастики этотъ Оттензенъ безпомощно висѣлъ на трапеціи, а между тѣмъ въ бѣганьи и въ прыганьи никто не могъ побѣдить его. Верхніе члены его были

поразительно не развиты по сравненію съ нижними. Причина: отецъ и предки Оттензена до пятаго поколѣнія всѣ были кавалеристами. Онъ теперь самый искусный наѣздникъ въ полку.

Второе преимущество предоставляемое дворянскому элементу—то, что офицеры изъ дворянъ назначаются обыкновенно или въ гвардію или въ армейскіе полки, расположенные въ хорошихъ пріятныхъ мѣстностяхъ,—полковникъ считаетъ несоотвѣтственнымъ пресловутымъ идеальнымъ стремленіямъ нѣмецкаго офицерства.

Онъ справедливо разсуждаетъ: гораздо почетнѣе стоять на границѣ, въ какой нибудь грязной польской или лотарингской трущобѣ, имѣя въ виду первыми сразиться съ непріятелемъ и до послѣдней капли крови защищать свою позицію, пока идетъ мобилизація и передвиженіе арміи, чѣмъ занимать караулъ во дворцѣ и танцовать кадриль на всякомъ придворномъ балу...

6-го іюня.

Кронпринцъ обѣдалъ съ нами вчера и сегодня въ казино. Онъ пріѣхалъ на два дня сдѣлать смотръ драгунскому полку, входящему въ составъ его бригады. Очень любезный, добродушный человѣкъ, съ удовольствіемъ ѣлъ кушанья, приготовленныя нашей хозяйкой, и не прочь провести лишній часокъ за бутылкою вина. За обѣдомъ Фалькенгеймъ сидѣлъ противъ него.

Когда мы съ нимъ ѣздили верхомъ послѣ обѣда, онъ разсказалъ мнѣ, какими рискованными шутками его высочество уснащалъ свой разговоръ. Послѣ этого мы толковали о нѣкоторыхъ стратегическихъ вопросахъ, вызываемыхъ послѣднею войною. Полковникъ перешелъ въ серьезный тонъ. Такія до нѣкоторой степени товарищескія посѣщенія принцами офицеровъ могутъ, по его мнѣнію, имѣть дурныя послѣдствія. Чѣмъ шире сфера власти принца, тѣмъ она опаснѣе. Принцъ легко можетъ счесть за геніальнаго воина пріятнаго, остроумнаго собесѣдника, который въ сущности представляетъ умственное ничтожество. Члены военнаго совѣта не всегда имѣютъ мужество оспаривать мнѣніе государя. Результатомъ являются генералы, отличающіеся на обѣдахъ и балахъ и задающіе тонъ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ. Онъ напомнилъ при этомъ, что дѣлалось въ женскомъ царствѣ при дворѣ Наполеона III.

8-го іюня.

Вчера намѣчены подробности осеннихъ маневровъ. Полковникъ не считаетъ маневры особенно полезными для войска. Они только даютъ высшимъ офицерамъ возможность проявить свои стратегическія способности. Онъ жалѣлъ, что слишкомъ рѣдко производятся маневры большими массами. Упражненія мелкими отрядами, по его мнѣнію, нецѣлесообразны. Они имѣютъ цѣлью пріучить унтеръ-офицеровъ къ самостоятельному командованію, но это ни къ чему,—на войнѣ унтеръ-офицеру почти никогда не приходится командовать отдѣльнымъ отрядомъ, онъ долженъ проявлять свою инициативу, подчиняясь движенію массы войска, то присоединяясь къ нему, то поддерживая его, то удлинняя ея флангъ.

По поводу маневровъ большими отрядами онъ съ ироніей передаетъ нѣкоторые случаи, показывающіе, какъ часто все дѣло сводится къ блестящей, но чисто диллетантской выставкѣ. Два года тому назадъ, онъ былъ на сѣверѣ, на похоронахъ одного своего родственника. При этомъ онъ воспользовался случаемъ присутствовать на маневрахъ двухъ армейскихъ корпусовъ.

— Это было внушительное зрѣлище,— разсказывалъ онъ,—12 батарей стояли рядомъ подъ командой полковника, браваго молодца съ длинными усами à la Валенштейнъ. Два батальона гренадеровъ должны были прикрывать крайній флангъ и лѣниво топтались на лугу. Батареи обстрѣливали непріятельскую артиллерію. Вдругъ во всю прыть подъѣзжаютъ два фланговыхъ развѣдчика и въ то же время съ боку поднимается громадное облако пыли.

— Вахтбергъ, — крикнулъ старый полковникъ маіору, командывавшему пѣхотой, насъ сейчасъ разобьютъ! Кавалерія впередъ, направо!

Онъ приказываетъ конной батареѣ

изъ резерва стать между батальонами гренадеръ; обѣ крайнія фланговыя батареи двигаются впередъ и канониры уже держать на готовѣ бѣлые значки *), чтобы поднять ихъ, какъ только покажутся первые всадники. Облако пыли приближается, это ѣдутъ 4 красивые кавалерійскіе полка и главный режиссеръ турнира впереди на великолѣпномъ жеребцѣ.

«Стрѣлять!» раздается команда. Гренадеры открываютъ оживленный огонь, три батареи присоединяютъ къ нему грохотъ картечныхъ выстрѣловъ. При Седанѣ было не больше пальбы, когда кавалерійская дивизія Маргерита легла на полѣ битвы. Между тѣмъ, кавалерія продолжаетъ приближаться на четыреста, на триста, на двѣсти, на сто метровъ...Вдругъ: «Стой!» Посредникъ подъѣзжаетъ галопомъ; бѣлая перевязь едва видна изъ-за эксельбантовъ и всякихъ финтифлюшекъ, усы торчатъ чуть не до козырька каски, въ глазу монокль. Мой старый полковникъ спѣшитъ къ нему навстрѣчу, дѣлая подъ козырекъ, и, предупреждая его, говоритъ:

— Мы, конечно, разбиты, ваше превосходительство?

У посредника монокль выпадаетъ изъ глаза.

— Само собою разумѣется,—проговорилъ онъ.—Часъ на отдыхъ послѣ битвы!

— Слушаю, ваше превосходительство!—отвѣчаетъ полковникъ. Онъ поворачиваетъ лошадь и даетъ приказъ отступить.

Онъ стоялъ со своимъ адъютантомъ на холмѣ подлѣ меня, пока его 13 батарей медленно отступали изъ своей неприступной позиціи. Въ этотъ день дулъ сильный вѣтеръ, но навѣрно не онъ одинъ былъ виноватъ въ томъ, что двѣ слезы выкатились изъ глазъ добраго малаго.

Вотъ что разсказывалъ полковникъ.

11-го іюня.

Въ рейсскомъ пѣхотномъ полку служитъ адъютантомъ маленькій, комичный оберъ-лейтенантъ Шрекъ.

Онъ участвовалъ въ китайскомъ походѣ и получилъ за это орденъ. Его никогда нельзя встрѣтить безъ желто-красной орденской ленточки, и полковникъ, смѣясь, спросилъ его:

— Что у васъ и къ ночной рубашкѣ прикрѣплена такая же ленточка, г. лейтенантъ Шрекъ?

Маленькій человѣчекъ, сидѣвшій на своей длинноногой взъерошенной карей кобылѣ, съ негодованіемъ отвѣчалъ:

— Вы изволите шутить, г. полковникъ!

— Ахъ Боже мой, — сказалъ послѣ этого Фалькенгеймъ,—въ 70-мъ году я точно такъ же гордился, когда получилъ свой первый крестъ.

— Но,—продолжалъ онъ, этотъ градъ орденовъ, посыпавшійся послѣ китайской войны, ведетъ къ самообману. Онъ заставляетъ придавать слишкомъ большое значеніе мелкому событію. Легкіе успѣхи пріобрѣтаютъ значеніе большихъ побѣдъ и возбуждаютъ преувеличенное представленіе о собственныхъ силахъ. Совершенно то же было послѣ голландскаго похода 1787 г., за которымъ слѣдовали битвы при Вальми и Іенѣ.

Іена,—Гюнцъ тоже какъ-то разъ поминалъ.

Впрочемъ, полковникъ не отрицаетъ, что война съ Китаемъ велась успѣшно и дала хорошіе результаты. Ему только противно вызванное ею хвастовство, которое часто еще соединяется съ какимъ-то елейнымъ ханжествомъ.

— Во всякомъ случаѣ это знаменіе времени,—говоритъ онъ.—Но это время не нравится мнѣ. Вся эта показная религіозность съ своимъ мистицизмомъ и проч. имѣетъ весьма непріятный запахъ. При Бишофсвердерѣ и Вальнерѣ въ Берлинѣ и въ Потсдамѣ было совершенно то же самое.

Значитъ, опять-таки передъ—Іеной.

13-го іюня.

Сегодня въ первый разъ полковникъ сталъ разспрашивать меня о моихъ

*) Чтобы на маневрахъ показать, на какую часть непріятельскаго войска направленъ огонь, солдаты имѣютъ при себѣ особые значки, которые они поднимаютъ въ томъ или другомъ случаѣ. Красный значокъ означаетъ огонь по пѣхотѣ, бѣлый—по кавалеріи, желтый—по артиллеріи.

южно-африканскихъ впечатлѣніяхъ. Его навелъ на эту мысль случайный пріѣздъ въ лагерь одного лейтенанта изъ южно-африканскаго гарнизона. Я долженъ былъ признаться ему, что вынесъ изъ Трансвааля безграничное отвращеніе къ войнѣ.

— Къ войнѣ вообще? — спросилъ Фалькенгеймъ.

— Да, вообще,—отвѣчалъ я, не подумавъ. Но тутъ я понялъ, какъ нелѣпъ мой отвѣтъ со стороны офицера, и я постарался ограничить свое утвержденіе:—я попалъ во время несчастнаго поворота бурской войны, во время паники, вызванной плѣномъ Кронье, я видѣлъ только обратную сторону военнаго дѣла, разрушенныя фермы, истоптанныя поля, при мнѣ не было ни одной настоящей, хорошей битвы, только мелкія стычки и постоянныя пораженія.

Полковникъ молча слушалъ мои объясненія.

— Боже мой,—сказалъ онъ въ заключеніе, — мыслящій человѣкъ *долженъ* ненавидить войну, всякую войну. Но не слѣдуетъ быть сентиментальнымъ. Сентиментальность въ этомъ случаѣ равняется глупости.

Онъ долго говорилъ объ этомъ внутреннемъ противорѣчіи, и въ заключеніи сказалъ:

— На свѣтѣ существуетъ много такихъ загадокъ, которыя до поры до времени останутся не разрѣшенными, но съ которыми человѣчеству приходится считаться въ практической жизни, даже рискуя принять неправильное рѣшеніе. Поэтому слѣдуетъ держаться разумной середины. Не быть ни слишкомъ поверхностнымъ, ни слишкомъ глубокомысленнымъ. Не философствовать черезчуръ много.

— Къ сожалѣнію, я не способенъ на такого рода компромисы.

16-го іюня.

Мы съ полковникомъ завтракали около трактира, на скамейкѣ въ лѣсу, ѣли хлѣбъ съ колбасой и запивали его великолѣпнымъ пивомъ. Невдалекѣ сидѣли вольноопредѣляющіеся, около нихъ нѣсколько вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ. Они смутились, когда увидѣли насъ, потому что имъ запрещено водить компанію съ унтеръ-офицерами.

Полковникъ не особенно настаивалъ на этомъ запрещеніи.

— Это, кажется, совершенно неизбѣжно,—говоритъ онъ.

Затѣмъ онъ сталъ толковать о вольноопредѣляющихся—вообще объ однолѣткахъ. Но его мнѣнію, это учрежденіе обоюдоострое. Оно даетъ порядочныхъ офицеровъ запаса — это его хорошая сторона. Дурныя же стороны его заключаются въ слѣдующемъ: оно до нѣкоторой степени вводитъ деморализацію въ среду унтеръ-офицеровъ. Хотя всякій подкупъ унтеръ-офицеровъ строго запрещенъ, но это пустая формальность, запрещеніе, которое ежедневно нарушается, и на нарушеніе котораго приходится волей - неволей смотрѣть сквозь пальцы. Это развиваетъ въ унтеръ-офицерахъ такія потребности, которыя не соотвѣтствуютъ ихъ доходамъ и мало-по-малу даже лучшихъ изъ нихъ заставляютъ уклоняться отъ исполненія обязанностей и тяготиться службою. Далѣе однолѣтній срокъ службы для вольноопредѣляющихся отнимаетъ у войска тѣ элементы, которые, благодаря своему развитію и образованію, могли бы противодѣйствовать соціалистической пропагандѣ въ войскахъ и до нѣкоторой степени повысить умственный уровень солдатъ. Полковникъ считаетъ всѣ запрещенія и предписанія болѣе или менѣе нецѣлесообразными мѣрами противъ зараженія арміи революціоннымъ духомъ. Единственное вѣрное средство—это надзоръ благонадежныхъ элементовъ изъ среды самихъ солдатъ. Помѣщеніе вольноопредѣляющихся въ казармахъ, вмѣстѣ съ прочими солдатами, требуетъ значительной доли патріотизма со стороны молодыхъ людей, но даетъ возможность такого надзора и, кромѣ того, способствуетъ весьма полезному ознакомленію ихъ съ образомъ мыслей и чувствъ простыхъ солдатъ. Французское военное вѣдомство, издавшее недавно приказъ о помѣщеніи вольноопредѣляющихся въ казармахъ, поступило весьма разумно. Неудобства,

сопряженныя съ этой мѣрою, пугаютъ легкомысленныхъ юношей, и заставляютъ ихъ отказаться отъ военной службы; но она служитъ хорошимъ воспитательнымъ средствомъ для болѣе зрѣлыхъ, болѣе мужественныхъ офицеровъ и благодаря ей такимъ офицерамъ, не будетъ вполнѣ чуждо міровоззрѣніе ихъ подчиненныхъ.

Испытаніе полка въ стрѣльбѣ сошло безукоризненно. Командующій генералъ заявилъ, что онъ обыкновенно ѣдетъ на смотръ полковъ остерландской полевой артиллеріи съ пріятною увѣренностью въ успѣхѣ, и эта увѣренность еще ни разу не была обманута.

— Поздравляю,—въ заключеніе сказалъ онъ,—и полкъ, и васъ, г. полковникъ Фалькенгеймъ. Полкъ съ тѣмъ, что онъ стоитъ подъ начальствомъ такого достойнаго командира, васъ, г. полковникъ, съ тѣмъ, что вы такъ превосходно съумѣли обучить свой полкъ.

Это было не особенно ясно и не особенно остроумно сказано, но все-таки хорошо, большей похвалы нельзя было и требовать.

Фалькенгеймъ былъ въ очень веселомъ расположеніи духа.

— Поѣдемте, Реймерсъ,—сказалъ онъ послѣ завтрака, проводивъ отъѣзжавшаго генерала до экипажа,—сдѣлаемъ маленькій моціонъ моимъ лошадямъ. Онѣ сегодня все утро стоятъ.

Они направились спокойной рысью къ тому мѣсту, гдѣ стояли мишени. Тамъ было много народа. Искатели пуль перерывали шанцы, солдаты заклеивали отверстія въ мишеняхъ кусками полотна замазаннаго дегтемъ.

Полковникъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на ихъ работу. Онъ велѣлъ подать себѣ особенно сильно прострѣленныя мишени. Пули засѣли такъ крѣпко въ дерево, что ихъ нельзя было вынуть голыми руками, хотя казалось, что онѣ коснулись только поверхности.

Онъ пошутилъ съ солдатами и повернулъ лошадь назадъ.

Налѣво тянулась на нѣсколько миль совершенно гладкая равнина. Свѣтъ солнца, озарявшій ее, смягчался легкимъ покровомъ облаковъ.

Фалькенгеймъ окинулъ взглядомъ этотъ однообразный ландшафтъ и сказалъ:

— Слава Богу, черезъ три дня мы уѣдемъ изъ этой неприглядной мѣстности. Я буду очень радъ, когда вернусь въ свое гарнизонное гнѣздо съ его горами и долинами.

Лейтенантъ сталъ защищать окружающую мѣстность.

— Въ самомъ этомъ однообразіи,—сказалъ онъ,—есть своего рода величіе. Эта равнина представляется мнѣ олицетвореніемъ идеи высокой резиньяціи, *добровольнаго* отреченія отъ разнообразныхъ красотъ другихъ мѣстностей или, пожалуй, идеи величаваго покоя послѣ утомившей умъ пестроты. А когда солнце освѣщаетъ ее своими веселыми лучами, она становится прямо красивой.

Полковникъ искоса взглянулъ на него и добродушно улыбнулся.

— Ну, да, конечно,—сказалъ онъ,—вы всегда были мечтателемъ. А здѣсь стали совсѣмъ меланхоликомъ. Этотъ пустырь прямо опасенъ для васъ. Что, красиво, по вашему?

Въ эту минуту густое облако закрыло солнце, казалось, что равнина сразу потеряла всѣ свои краски и вплоть до горизонта протянулась печальнымъ, сѣрымъ пустыремъ.

Реймерсъ пожалъ плечами.

Но полковникъ не былъ расположенъ поддаваться унынію.

— Послушайте, мой милый Реймерсъ,—заговорилъ онъ,—это и васъ касается. Въ среду, когда мы пріѣдемъ домой, будетъ журъ-фиксъ у Гюнца. Марихенъ писала мнѣ, онѣ готовятъ намъ сюрпризъ—ужинъ изъ своихъ собственныхъ овощей и собственныхъ птицъ. Дѣвочка такъ все расписала, что просто слюнки текутъ, даже послѣ обѣдовъ въ казино. Наши хозяюшки обѣщаютъ намъ доморощенную спаржу, домашнихъ цыплятъ, молодой картофель, салатъ, компотъ, ревенное варенье и земляничный крюшонъ,—все изъ своихъ огородовъ. Цыплята обрекаются на смерть по жребію,

и онѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ деньщиковъ, такъ какъ ни одна изъ служанокъ не рѣшается свернуть имъ шею. Потомъ дѣвочка благодаритъ васъ за поклонъ, сама вамъ кланяется и высказываетъ признательность за то, что вы такъ заботились о ея старомъ папашѣ.

Реймерсъ поблагодарилъ тихимъ голосомъ.

— Удивительно, — продолжалъ спокойно разсуждать Фалькенгеймъ,—такое маленькое существо, какъ моя дѣвочка, и можетъ совершенно измѣнить домашнюю жизнь. Прежде мнѣ было все равно, гдѣ ночевать, здѣсь въ баракахъ, или дома. Послѣ смерти жены у меня собственно и дома-то нигдѣ не было. А теперь, благодаря этой дѣвочкѣ, я опять радъ-радешенекъ, когда могу жить въ въ своихъ четырехъ стѣнахъ.

Лейтенантъ нашелъ, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. И когда полковникъ сталъ весело болтать о своей любимой дочуркѣ, молчаливый до тѣхъ поръ Реймерсъ вдругъ разразился цѣлымъ потокомъ краснорѣчія.

Фалькенгеймъ время отъ времени искоса поглядывалъ на него. Молодой человѣкъ, видимо, говорилъ отъ души. Онъ воодушевился, и даже глаза его заблистали, когда онъ сталъ вспоминать разные случаи, въ которыхъ проявлялась доброта и милая привѣтливость Маріи.

Вдругъ Реймерсъ замолчалъ. У него уже вертѣлась на языкѣ просьба, чтобы полковникъ отдалъ ему это сокровище, эту прелестную дѣвушку. Такое заключеніе ихъ разговора было бы вполнѣ естественно, и онъ почти не сомнѣвался, что отвѣтъ будетъ благопріятный. Но нѣтъ, какъ простой лейтенантъ, онъ не обратится къ Фалькенгейму съ такою просьбою, онъ подождетъ, по крайней мѣрѣ, своего производства въ оберъ-лейтенанты. Онъ удержался и не сдѣлалъ предложенія.

Пока они ѣхали домой, разныя мысли вертѣлись въ головѣ полковника. Онъ, съ своей стороны, былъ бы очень радъ, если бы молодые люди полюбили другъ друга. Дочь его будетъ счастлива съ Реймерсомъ; правда, они не въ состояніи будутъ вести богатую, блестящую жизнь, но все-таки будутъ достаточно обезпечены, если къ деньгамъ Реймерса прибавить тѣ нѣсколько тысячъ марокъ, которыя онъ дастъ за дочерью. Ни у него, ни у нея нѣтъ никакихъ разорительныхъ вкусовъ. Будущее рисовалось ему въ розовомъ цвѣтѣ.

Къ великому удивленію своего сосѣда за обѣдомъ унылаго полковника-отъ инфантеріи, который съ нетерпѣніемъ ждалъ вакансіи бригаднаго, онъ спросилъ себѣ вмѣсто обычнаго столоваго мозельвейна полбутылки Диксъ Бара. Это было самое дорогое шампанское изъ всѣхъ значившихся на картѣ винъ лагернаго казино.

— Хорошо сошло сегодня, Фалькенгеймъ?—спросилъ пѣхотинецъ.

— О да, очень хорошо, благодарю васъ,—отвѣчалъ полковникъ.

Онъ поднялъ стаканъ и любезно обратился къ своему сосѣду:

— За ваше здоровье, Гогенговенъ! За скорое исполненіе вашихъ желаній!

Но онъ вовсе не думалъ о томъ человѣкѣ, который сидѣлъ рядомъ съ нимъ и мечталъ о широкихъ красныхъ лампасахъ на штаны, въ воображеніи его рисовалась Марихенъ съ сіяющимъ счастьемъ личикомъ, съ веселыми глазками, и онъ пилъ за здоровье своей единственной дочки.

По случайному стеченію обстоятельствъ на слѣдующій день пришла въ полковую канцелярію остерландской полевой артиллеріи служебная телеграмма, извѣщавшая о производствѣ лейтенанта Реймерса въ оберъ-лейтенанты.

Полковникъ Фалькенгеймъ первый поздравилъ своего временнаго адъютанта. Онъ очень удивился, когда всегда спокойный Реймерсъ выказалъ такую необыкновенную радость по поводу вполнѣ естественнаго, почти неизбѣжнаго факта.

Да и самъ новый оберъ-лейтенантъ, обыкновенно равнодушно относившійся ко всѣмъ внѣшнимъ знакамъ отличія, не узнавалъ себя. Та радость, съ какою онъ прикрѣплялъ звѣздочку къ погонамъ, была едва ли меньше той, какую онъ испытывалъ 7 лѣтъ тому

назадъ, надѣвая свои первые погоны, а тогда онъ считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.

Деньщикъ, помогавшій ему при этой торжественной операціи, получилъ за труды цѣлый талеръ. Съ испугомъ посмотрѣлъ онъ сначала на своего оберъ-лейтенанта, а потомъ на монету. Это былъ добродушный крестьянскій парень, совершенная противоположность ловкому Гелеру. Этого послѣдняго, кстати сказать, Реймерсу удалось перевоспитать въ нравственномъ отношеніи: отбывъ свой срокъ службы, Гелеръ не вернулся грумомъ къ изящному графу Вокингъ, а поступилъ въ солидный генеральскій домъ. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ деньщикъ пролепеталъ:

— Покорнѣйше благодарю, г. оберъ-лейтенантъ.

Онъ выговорилъ новое званіе съ особымъ удареніемъ, и круглое лицо его сіяло отъ радости, что онъ съумѣлъ такъ ловко ввернуть свое поздравленіе.

Когда оберъ-лейтенантъ Реймерсъ явился по службѣ къ полковнику, Фалькенгеймъ сдѣлалъ ему неожиданное предложеніе.

— Вы знаете, мой милый Реймерсъ,— сказалъ онъ,—что Кауергофъ считается теперь старшимъ оберъ-лейтенантомъ въ полку. Прежде чѣмъ получить батарею, ему необходимо на время вернуться во фронтъ. Мнѣ приходится искать себѣ новаго адъютанта. Я подумалъ о васъ, милый Реймерсъ. Вы такъ отлично исполняли должность адъютанта, такъ превосходно помогали мнѣ, что я ничего лучшаго и желать не могу. Что вы объ этомъ думаете?

Реймерсъ покраснѣлъ отъ радости и гордости.

— Если вы, г. полковникъ, считаете меня достойнымъ такой чести, отвѣчалъ онъ,—то я постараюсь какъ можно лучше исполнять свою обязанность.

Полковникъ кивнулъ и продолжалъ:

— Ну, мнѣ остается только поблагодарить васъ за доброе желаніе. А какъ же съ военной академіей?

— При такихъ обстоятельствахъ, отвѣчалъ, не задумываясь, оберъ-лейтенантъ,— я, понятно, откажусь отъ военной академіи.

— Нѣтъ, этого не должно быть!— возразилъ Фалькенгеймъ. — Вы непремѣнно должны поступить въ военную академію, мой милый Реймерсъ. Я этого хочу и ради вашей пользы, и ради вашей карьеры. Но, можетъ быть, можно уладить дѣло, если вы немного отложите экзаменъ. Теперь при усиленіи нашего военнаго состава, вамъ навѣрное придется ждать не меньше шести лѣтъ, прежде чѣмъ получить батарею. Пробудьте первые два года моимъ адъютантомъ, а затѣмъ держите экзаменъ. Къ тому времени и я, по всей вѣроятности буду полковымъ командиромъ, такъ или иначе. Согласны?

Реймерсъ охотно согласился. Въ одинъ день два такія радостныя событія! Всѣ его желанія, казалось, исполнялись. Не попросить ли кстати теперь же руки Марихенъ?

Минута, повидимому, самая благопріятная, теперь, когда онъ получилъ ясное доказательство уваженія и благорасположенія Фалькенгейма.

Отъ исполненія этого намѣренія его удержало чисто формальное соображеніе: ему показалось некорректнымъ соединить докладъ по службѣ со сватовствомъ.

За обѣдомъ въ этомъ день безпрестанно раздавалось: «Ваше здоровье, Реймерсъ!» Ординарцы подходили къ нему и шептали:

— Г. полковникъ X или г. лейтенантъ Y пьютъ здоровье г. оберъ-лейтенанта. И Реймерсъ съ удовольствіемъ чокался со всѣми. Онъ пригласилъ Гюнца и маленькаго доктора фонъ-Фребена распить вмѣстѣ бутылку шампанскаго и становился все болѣе и болѣе оживленнымъ.

Когда на столѣ появились свѣчи для закуриванья сигаръ, Гюнцъ сказалъ ему:—Ну, братъ, ты немножко запьянѣлъ, ложись-ка спать!

Но Реймерсъ чувствовалъ, наоборотъ, приливъ необыкновенной энергіи.

— Вотъ выдумалъ!—вскричалъ онъ.—

Я еще поѣду кататься верхомъ! Сегодня я не успѣлъ!

— Это тоже не дурно!—отвѣчалъ Гюнцъ.—Поѣзжай голубчикъ! Это протрезвитъ тебя.

Онъ съ улыбкой смотрѣлъ, какъ новоиспеченный оберъ-лейтенантъ вскакивалъ на сѣдло.

Первая попытка не удалась, вторая оказалась удачной, но прыжокъ былъ необыкновенно тяжелъ. Не бѣда, Реймерсъ крѣпко держался въ сѣдлѣ; кромѣ того «Доротея», какъ лошадь адъютанта, была хорошо вымуштрована и не позволяла себѣ никакихъ глупыхъ выходокъ: Гюнцъ весело кивнулъ пріятелю, который повернулъ по дорогѣ въ лѣсъ.

Копыта лошади тонули въ мягкомъ пескѣ дороги. Она пошла тихимъ шагомъ, и Реймерсъ не подгонялъ ее. Когда она вытянула голову и выдернула поводъ изъ его руки, онъ не поднялъ его.

Теперь только замѣтилъ онъ, что тѣ глотки и глоточки, которые онъ выпивалъ, чокаясь, должно быть, въ концѣ концовъ, составили очень много. Онъ старался сосредоточить на чемъ-нибудь мысли, но онѣ самымъ коварнымъ образомъ разбѣгались въ разныя стороны. Онъ пытался возстановить въ памяти свой утренній разговоръ съ полковникомъ, но это оказалось невозможнымъ. Отъ разговора осталось только общее приподнятое настроеніе, неясная панорама какихъ-то очень пріятныхъ образовъ въ головѣ. Онъ смутно вспоминалъ, что именно въ такомъ настроеніи онъ въ прежнія времена дѣлалъ разныя маленькія дурачества и веселыя шалости. Отчего же не дѣлать ему и теперь того же? Развѣ онъ не молодъ и не свободенъ?

То уединеніе, въ которое онъ попалъ послѣ шума и духоты казино, было удивительно пріятно.

Чудный іюньскій вечеръ. Должно быть часовъ шесть; ему лѣнь было вытянуть часы изъ кармана. Да, навѣрно шесть. По субботамъ обѣдъ подавался въ четыре, часа два они просидѣли за столомъ. Вотъ колоколъ зазвонилъ къ вечернѣ въ одной изъ деревень за лѣсомъ. Солнце стояло еще высоко, но оно уже не палило, такъ что жаръ не былъ непріятенъ. Воздухъ нѣжилъ словно тепловатая ванна.

Густой лѣсъ по обѣ стороны дороги молчалъ, ни одинъ звукъ не раздавался среди высокихъ стройныхъ стволовъ. Только шаги лошади слегка шуршали по бѣлому песку.

На одномъ изъ перекрестковъ лошадь остановилась. Она повернула голову къ узенькой тропинкѣ, потянула носомъ воздухъ и свернула съ песчаной дороги на поросшую травой дорожку.

Реймерсъ предоставилъ ей идти, куда она хотѣла. Эта дорожка, вѣроятно, вела въ ближайшую деревню.

Лѣсъ порѣдѣлъ. Высокія сосны смѣнились порубками и молодыми порослями лѣса. Затѣмъ влѣво открылась довольно большая поляна. Сѣно было уже скошено и свезено, только въ одномъ углу еще стояла небольшая копна. Но отъ этой копны несся сильный запахъ, запахъ лѣса, травы и солнца; лошадь жадно втягивала его въ ноздри.

Реймерсомъ вдругъ овладѣло непреодолимое желаніе растянуться на сѣнѣ и вздремнуть немножко.

Не долго думая, онъ сошелъ съ лошади, подвинулъ ей ногой немного сѣна, затѣмъ привязалъ ее къ стволу дерева, уединенно стоявшаго на краю поляны, и бросился на сѣно. Онъ подложилъ фуражку себѣ подъ голову и зарылся въ шуршавшее, мягкое сѣно. Онъ вытянулъ длинную травинку и принялся жевать ее, въ ней еще сохранялся вкусъ свѣжаго растенія. Отдѣльные стебельки опускались надъ его лицомъ и сквозь нихъ онъ, лѣниво щурясь, поглядывалъ на голубое небо. Кругомъ господствовала полная тишина.

Только когда онъ поворачивалъ голову, сухія травинки начинали хрустѣть, и въ ушахъ его поднимался такой шумъ, точно распиливали цѣлыя бревна и толстыя деревья.

Онъ такъ долго глядѣлъ на солнце, что въ концѣ концовъ у него заболѣли глаза, и онъ закрылъ ихъ. Тогда вмѣсто голубого неба передъ нимъ появились красныя пятна, и лежать съ за-

крытыми глазами оказалось еще пріятнѣе, чѣмъ глядѣть на ослѣпительный свѣтъ.

Онъ бросилъ полусонный взглядъ на свою лошадь.

Она стояла спокойно и колотила себя хвостомъ по бокамъ. Узда мѣшала ей ѣсть, она поднимала сѣно съ земли и роняла его изо-рта. У него мелькнуло въ головѣ, что слѣдовало бы разнуздать лошадь, но ему было лѣнь.

Когда онъ засыпалъ, ему показалось, будто что-то промелькнуло мимо него. Одну минуту онъ почувствовалъ вмѣстѣ съ запахомъ сѣна другой запахъ, хотя слабый, но вполнѣ опредѣленный. Это не заставило его открыть глаза. Ему было все равно, что бы ни дѣлалось вокругъ него.

Онъ проснулся отъ легкаго щекотанія и покалыванья. Точно будто кто-то осторожно водилъ травинкой вокругъ его рта. Онъ схватилъ травинку и длинный стебелекъ очутился въ его рукѣ.

Онъ какъ-то смутно различалъ предметы и посмотрѣлъ прежде всего на солнце, которое уже значительно опустилось. Лѣниво оглядывался онъ кругомъ.

Слава Богу, лошадь стоитъ на мѣстѣ, повернувъ къ нему голову, внимательно настороживъ уши. А что же тутъ, подлѣ него?

Тутъ сидѣла женщина; изящную фигуру облекало платье изъ легкой шелковой матеріи, на свѣтло-желтыхъ, по модѣ вздутыхъ волосахъ ея возвышалась громадная шляпа, съ которой спускались ярко желтыя цвѣты мака. Она повернулась къ нему спиною и старалась вытащить самый длинный стебелекъ изъ кучи травы, росшей на краю поляны.

Онъ протеръ себѣ глаза.

Чортъ возьми! что это? все еще сонъ?

Отъ ея шелковаго платья шло какое-то удушающее вѣяніе, напоминающее соблазны большого города, какой-то опьяняющій запахъ, передъ которымъ исчезло чистое благоуханіе смолистыхъ сосенъ.

Реймерсъ въ смятеніи снова закрылъ глаза. Хмѣль еще не вполнѣ оставилъ его; онъ никакъ не могъ заставить себя вполнѣ проснуться.

Женщина повернула къ нему голову. Прелестное личико съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ порочности наклонилось надъ нимъ, и влажныя губы жадно прижались къ его губамъ.

И Реймерсъ снова очутился въ томъ настроеніи, въ которомъ онъ въ прежнее время принималъ участіе въ разныхъ дурачествахъ...

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого происшествія оберъ-лейтенантъ Реймерсъ имѣлъ разговоръ съ главнымъ военнымъ врачомъ Андреа.

— То, что вы сказали, докторъ, — проговорилъ онъ въ заключеніе, — есть не болѣе не менѣе, какъ смертный приговоръ личному счастью мужчины? Онъ, значитъ, никогда не можетъ стать отцемъ семьи?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Андреа.—Порядочный человѣкъ не женится при данныхъ обстоятельствахъ. Если онъ это дѣлаетъ, онъ свершаетъ, завѣдомо или нечаянно, преступленіе. Преступленіе не только противъ женщины, но еще больше противъ своихъ дѣтей.

— Благодарю васъ, докторъ.

Реймерсъ хотѣлъ проститься, но Андреа удержалъ его.

—Прошу васъ, мой милый Реймерсъ,— сказалъ что,—не придавайте слишкомъ трагическаго значенія тому, что съ вами случилось. Увѣряю васъ, очень много людей, съ которыми бываетъ то же самое, и это не мѣшаетъ имъ хорошо устроиться въ жизни. Вообще, среди молодыхъ людей процентъ такого рода больныхъ громаденъ, хотя къ счастью не у всѣхъ дѣло настолько серьезно, какъ у васъ, да, увѣряю васъ, мы, врачи не можемъ безъ ужаса подумать, какъ великъ этотъ процентъ! Но въ сущности жизнь вѣдь, не исчерпывается одними половыми отношеніями. Тѣ люди, которымъ приходится отказаться отъ семейнаго счастья, часто бываютъ превосходными офицерами. Въ мирное время они вполнѣ предаются своему призванію, безъ всякихъ постороннихъ заботъ, въ родѣ того, какъ католическая церковь требуетъ отъ своихъ священниковъ, предписывая имъ безбрачіе, а въ случаѣ войны, они должны по моему раздѣлять отчасти

фанатизмъ магометанъ, тотъ фанатизмъ, который въ концѣ концовъ довелъ турокъ до Вѣны. Вы видите, что далеко не все погибло, мой милый Реймерсъ. Я со всѣхъ сторонъ слышу похвалы вамъ, какъ человѣку и какъ выдающемуся офицеру. Будьте же мужественны и отбросьте прочее, какъ ненужный балластъ. Ваше призваніе можетъ послужить вамъ путеводной звѣздой. Не правда ли?

Реймерсъ утвердительно кивнулъ головой.

— Совершенная правда, докторъ,— отвѣчалъ онъ,—благодарю васъ.

Уходя отъ доктора, онъ имѣлъ усталый, растерянный видъ.

Однимъ легкомысленнымъ поступкомъ онъ разрушилъ счастье всей своей жизни. За этотъ поступокъ онъ долженъ теперь расплачиваться, и онъ зналъ, что съумѣетъ выдержать испытаніе.

Но онъ чувствовалъ, что не одинъ только этотъ вопросъ рѣшился для него. Ему казалось, что на все, чѣмъ онъ до сихъ поръ жилъ, опустилось сѣрое покрывало, на все, не исключая и того, что представлялось ему выше ничтожной человѣческой жизни.

Не потому ли это случилось, что та звѣзда, на которую указывалъ ему докторъ, померкла для него?

Въ глубокой задумчивости шелъ онъ по лѣсной тропинкѣ въ городъ.

Внизу, на лугу сзади казармъ старый сержантъ училъ молодыхъ трубачей. Солдатики выдували изъ своихъ трубъ страшную безсмыслицу. Тогда сержантъ приложилъ свою трубу къ губамъ и въ воздухѣ ясно пронесся тотъ сигналъ, которымъ на маневрахъ прекращается всякое движеніе:

«Слушайте всѣ! Стой на мѣстѣ!»

XIV.

Прослуживъ полтора года, Густавъ Вейзе былъ произведенъ въ ефрейторы. Капитанъ фонъ-Вегштеттенъ рѣшилъ испытать въ этой роли бывшаго соціалъ-демократа, предоставивъ ему, кромѣ того, право носить на погонахъ жгуты, какъ отбывшему срокъ службы. Но въ унтеръ-офицерахъ все-таки чувствовался большой недостатокъ.

Сержантъ Вигандъ къ 1-му апрѣля кончилъ срокъ службы, онъ былъ лучшимъ унтеръ-офицеромъ Вегштеттена и ушелъ счастливымъ супругомъ сіявшей отъ радости Фриды. Его должны были въ скоромъ времени произвести въ вице-вахмистры, но даже эта перспектива не удержала его. Къ Михайлову дню кончался срокъ службы еще двухъ унтеръ-офицеровъ. Гепнеръ умеръ, Геймертъ сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ; вмѣсто старыхъ, испытанныхъ людей вездѣ появлялись новыя лица. И ихъ все-таки не хватало.

Въ виду этого затрудненія, командиръ батареи вспомнилъ о Фохтѣ. Это былъ честный, исправный солдатъ, на котораго можно было положиться. Всѣ начальствующія лица хвалили его; кромѣ того, въ немъ должна была быть капля отцовской крови, онъ долженъ былъ унаслѣдовать что-нибудь отъ добраго стараго фельдфебеля съ его желѣзнымъ крестомъ и медалью за храбрость.

Но Фохтъ не выказывалъ особой готовности принять почетное назначеніе. Всякій разъ, когда, проѣзжая дорогой, онъ видѣлъ плугъ или работника съ косой, въ немъ просыпалась тоска по родному дому, по крестьянской работѣ. Онъ охотно, даже съ удовольствіемъ носилъ солдатскій мундиръ. Это было нѣчто неизбѣжное, и безъ этого ему было бы еще хуже. Но носить его дольше, чѣмъ необходимо, ему вовсе не хотѣлось.

Вегштеттенъ зналъ, чѣмъ можно взять человѣка. Онъ съумѣлъ объяснить канониру всѣ преимущества, весь почетъ, соединенный со званіемъ унтеръ-офицера, и не забылъ упомянуть, какъ обрадуется отецъ, когда узнаетъ, что и сынъ, также какъ онъ, имѣетъ нашивки.

Фохтъ обратился за совѣтомъ къ

отцу, и старый сборщикъ шоссейной повинности отвѣтилъ ему:

«Согласись на то, что тебѣ предлагаетъ твой капитанъ. Я, какъ старый солдатъ, радъ, что и мой сынъ будетъ унгеръ-офицеромъ. Обо мнѣ не думай. Ты меня такъ порадовалъ, что я совсѣмъ помолодѣлъ, и силы у меня прибавилось, я могу безъ твоей помощи содержать въ порядкѣ поле, пока ты не вернешься домой».

Послѣ этого Фохтъ согласился прослужить лишній годъ.

Но почти въ ту минуту, какъ онъ давалъ согласіе, его взяло раскаяніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ его пріятель Клицингъ, онъ чувствовалъ себя въ батареѣ совершенно одинокимъ. Онъ ни къ кому особенно не привязался и все время мечталъ объ одномъ, скорѣй вернуться домой къ отцу и тамъ найти свое счастье.

И вотъ онъ согласился! Значитъ, ему придется еще цѣлый годъ жить совсѣмъ одинокимъ.

Никто изъ товарищей не нравился ему. Трухзесъ былъ, правда, добродушный человѣкъ, но уже слишкомъ лѣнивый и тупоумный. Графъ Плетау не походилъ на другихъ. Часто нельзя было разобрать, говоритъ онъ что-нибудь въ шутку или въ серьезъ, но съ нимъ все-таки можно было на худой конецъ вести разумный разговоръ. А все же искренней, горячей пріязни къ графу Фохтъ не чувствовалъ.

Плетау, напротивъ, съ большимъ интересомъ относился къ нему. Міровоззрѣніе этого мужика было такъ противоположно его собственному, что онъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. Самъ онъ ненавидѣлъ всякую осѣдлость, а этотъ мужикъ всѣми своими фибрами приросъ къ землѣ; онъ бы погибъ, если бы кто-нибудь вздумалъ оторвать его отъ земли.

Графъ разсказывалъ ему о крестьянахъ своей родины, Вестфаліи, о крестьянахъ, которые цѣлыми столѣтіями живутъ въ своихъ усадьбахъ и гордятся своимъ крестьянскимъ званіемъ.

Глаза Фохта загорѣлись. Эти люди, люди земли были ему вполнѣ по сердцу.

— Да, — говорилъ онъ, — хорошо, если бы и по всей Германіи было такъ же! Все бы крестьянскія усадьбы, одна подлѣ другой! Тогда нужды никто бы не зналъ!

Графъ Плетау думалъ про себя, что мечты о лучшемъ будущемъ бѣднаго Вольфа, который сидѣлъ въ крѣпостной тюрьмѣ подъ замкомъ, не скоро осуществятся, пока живутъ такіе люди, какъ Фохтъ. Лично его, графа, нисколько не интересовало, что дѣлается въ государствѣ. Ему было все равно, кому принадлежитъ власть; онъ зналъ, что во всякомъ случаѣ можетъ пробиться, но люди, въ родѣ Фохта, представлялись ему надежною опорою существующаго государственнаго строя, это были люди, которыхъ нельзя было прельстить красивыми словами. И ему было пріятно сознавать это: должно быть, въ немъ говорила старая кровь аристократа. Онъ старался поддержать товарища въ его воззрѣніяхъ и, въ концѣ концовъ, по своему даже полюбилъ его. Фохтъ съ своей стороны былъ очень благодаренъ графу, который такъ умно разговаривалъ съ нимъ, но видѣть въ немъ друга, который замѣнилъ бы ему Клицинга, онъ не могъ.

Бѣдняга съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя все болѣе одинокимъ и несчастнымъ въ своемъ солдатскомъ мундирѣ.

Къ этому присоединились еще непріятности по службѣ.

Капитанъ фонъ-Вегштеттенъ и лейтенантъ Реймерсъ, которые, конечно, хорошо знали свое дѣло, были постоянно довольны имъ, но послѣ святой въ батареѣ появился новый оберъ-лейтенантъ, Бретшнейдеръ. Тотъ дѣлалъ ему постоянно замѣчанія и выговоры.

Оберъ-лейтенантъ Бретшнейдеръ кончилъ курсъ въ военной академіи, и среди унтеръ-офицеровъ ходили слухи, что онъ уменъ, какъ чортъ. Можетъ быть, онъ и вправду былъ уменъ, но, какъ оберъ-лейтенантъ, онъ не былъ безукоризненъ. На ученьѣ у него случались ошибки и недосмотры, какъ у

силы. По мѣрѣ подъема аэростата, давленіе окружающаго его воздуха уменьшается и слѣдовательно, наоборотъ, давленіе газа на внутреннія стѣнки оболочки увеличивается: газъ расширяется и излишекъ его выходитъ черезъ отверстіе аппендикса. Объемъ аэростата при этомъ, конечно, не измѣняется, но вѣсъ воздуха, вытѣсненнаго этимъ объемомъ, уже не будетъ прежнимъ—онъ будетъ уменьшаться параллельно съ уменьшеніемъ атмосфернаго давленія, и при дальнѣйшемъ подъемѣ аэростата долженъ непремѣнно наступить моментъ, когда подъемная сила аэростата сдѣлается равной нулю. Пояснимъ это примѣромъ. Положимъ, что мы имѣемъ водородный аэростатъ въ 1.000 куб. метровъ вмѣстимости. Вѣсъ вытѣсненнаго имъ воздуха будетъ равенъ на поверхности земли при 760 мм. давленія 1.000 × 1.293 = 1.293 килограмма, а его подъемная сила *) (предполагая вѣсъ 1 куб. метра водорода равнымъ 90 граммамъ) 1.200 килогр. Но на высотѣ 2.000 метровъ отъ земли, т.-е. при давленіи приблизительно въ 600 мм., 1.000 куб. метровъ воздуха (если не принимать въ расчетъ температуры) будутъ вѣсить уже не 1.293, а лишь 1.021 килограммовъ, а тотъ же объемъ водорода не 90, а лишь 71 килогр., и слѣдовательно подъемная сила нашего аэростата на этой высотѣ уменьшится до 950 килогр. Такимъ образомъ если бы вся первоначальная подъемная сила аэростата при его отправленіи была занята грузомъ и балластомъ, то для того, чтобы заставить подняться аэростатъ на высоту 2.000 метровъ, потребовалось бы выбросить 250 килогр. (1.200—950) балласта. Отсюда мы видимъ, что количество балласта, которое нужно выбросить для того, чтобы данный аэростатъ могъ подняться на извѣстную высоту можетъ быть вычислено заранѣе, а слѣдовательно можетъ быть вычислена и та предѣльная высота, на которую способенъ подняться данный аэростатъ безъ затраты балласта. При одинаковыхъ температурныхъ и гигрометрическихъ условіяхъ воздуха, высота эта зависитъ отъ объема, подъемной силы газа и общаго вѣса снаряженія и экипажа аэростата **). Достигнувъ опредѣленой высоты подъема, такъ называемаго *пояса равновѣсія*, аэростатъ, если бы не было причинъ, обусловливающихъ дальнѣйшее уменьшеніе его подъемной силы, (т.-е. отъ 0 до величины отрицательной), пришелъ бы въ устойчивое равновѣсіе съ окружающей его атмосферой. Чтобы вывести аэростатъ изъ этого равновѣсія и заставить спуститься ниже, воздухоплаватель долженъ уменьшить его подъемную силу. Въ распоряженіи воздухоплавателя имѣется лишь одно средство достигнуть этого: онъ можетъ уменьшить объемъ аэростата, и слѣ-

---

*) Для упрощенія, подъемная сила отнесена здѣсь къ общему грузу шара.

**) Количество балласта находится изъ формулы: $G = \frac{V.A.}{n}$ (1), гдѣ A—подъемная сила 1 куб. метра газа, которымъ наполненъ аэростатъ, V—его объемъ и $n = \frac{p}{p^1}$ —отношеніе атмосферныхъ давленій внизу и на данной высотѣ отъ поверхности земли; что касается опредѣленія такъ называемой *нормальной* высоты, т.-е. высоты, которая можетъ быть достигнута аэростатомъ при условіи, что температура воздуха и газа будетъ равна во все время подъема 0° C, то высота эта вычисляется по формулѣ $h = 18.400 \log \frac{n}{\frac{g}{Om} + 1}$ гдѣ n—упомянутое выше отношеніе атмосферныхъ давленій, легко находимое изъ формулы (1), O—поверхность оболочки, m—вѣсъ 1 кв. метра ея и g—вѣсъ груза и балласта см. H. Moedebeck. „Taschenbuch für Flugtechniker und Luftschiffer“. Berlin, 1904, стр. 101 и слѣд.).

довательно, объемъ вытѣсняемаго имъ воздуха, выпустивъ черезъ клапанъ часть наполняющаго оболочку газа. Что же происходитъ при этомъ? До тѣхъ поръ, пока аэростатъ поднимался вверхъ, объемъ его, какъ мы видѣли, оставался неизмѣннымъ, т.-е. аэростатъ, какъ говорятъ воздухоплаватели, былъ все время *совершенно выполненъ*. Наоборотъ, при спускѣ объемъ аэростата будетъ послѣдовательно уменьшаться, ибо сжиманіе газа будетъ возрастать прямо пропорціонально увеличенію атмосфернаго давленія; съ другой стороны, подъемная сила газа будетъ увеличиваться также пропорціонально давленію, такъ что вліянія этихъ двухъ факторовъ будутъ взаимно уничтожатся. Отсюда слѣдуетъ, что, разъ начавъ спускаться, аэростатъ не остановится до тѣхъ поръ, пока онъ не коснется поверхности земли, и если бы воздухоплаватель не захотѣлъ прекратить своего полета, онъ долженъ бы былъ, въ такомъ случаѣ, снова увеличить подъемную силу аэростата т.-е. прибѣгнуть къ выбрасыванію балласта. Тогда шаръ снова начнетъ подниматься, пока не достигнетъ пояса равновѣсія. Но въ виду того, что объемъ и грузъ шара теперь уменьшились, и слѣдовательно, совершенное выполненіе шара можетъ произойти лишь при меньшемъ атмосферномъ давленіи, поясъ равновѣсія на этотъ разъ будетъ находиться выше предыдущаго. Вотъ почему однимъ выбрасываніемъ балласта аэростатъ, начавшій опускаться невозможно удержать въ болѣе низкихъ слояхъ атмосферы. Для этого воздухоплаватель долженъ пользоваться попеременно то балластомъ то клапаномъ. Разумѣется подъемная сила аэростата при этомъ очень скоро исчерпывается, а соотвѣтственно съ этимъ уменьшается и продолжительность полета.

На практикѣ указанныя трудности управленія вертикальными движеніями шара осложняются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что существуетъ масса причинъ, вызывающихъ тѣ или другія вертикальныя движенія аэростата помимо воли воздухоплавателя. Къ причинамъ, обусловливающимъ спускъ аэростата нужно прежде всего отнести потерю газа черезъ диффузію. Диффузія происходитъ не только черезъ отверстіе аппендикса, если оно остается открытымъ во время полета, но и черезъ всю поверхность оболочки аэростата. Дѣло въ томъ что при самой идеальной конструкціи аэростата существующіе способы лакировки оболочки не гарантируютъ полной газонепроницаемости ея, въ виду того что всякія лакировки подвержены дѣйствію атмосферныхъ вліяній и въ особенности чувствительны къ перемѣнамъ температуры. Благодаря диффузіи, газъ наполняющій оболочку аэростата постепенно замѣняется воздухомъ и такъ какъ скорость диффузіи обратно пропорціональна плотности *) диффундирующихъ газовъ, то эта замѣна, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ослабленіе подъемной силы шара, при водородномъ наполненіи аэростата будетъ происходить значительно быстрѣе, нежели при наполненіи свѣтильнымъ газомъ. По приблизительной оцѣнкѣ Линке **), водородный аэростатъ объемомъ въ 1.000 куб. метровъ теряетъ черезъ диффузію нѣсколько килограммовъ подъемной силы въ часъ. Далѣе къ причинамъ, вызывающимъ спускъ относятся: быстрое охлажденіе оболочки аэростата, вслѣдствіе появленія облаковъ, неожиданно прекращающихъ доступъ солнечныхъ лучей, прохожденіе аэростата надъ водными и лѣсистыми пространствами, вліяніе которыхъ чувствуется часто на очень

---

*) Точнѣе квадратнымъ корнямъ изъ этихъ плотностей.
**) Linke. „Moderne Luftschiffahrt", стр. 83.

значительныхъ высотахъ, встрѣча съ холодными воздушными теченіями, циркулирующими иногда посреди болѣе теплыхъ теченій, увеличеніе вѣса аэростата, вслѣдствіе образованія влажныхъ осадковъ на его оболочкѣ и снастяхъ при прохожденіи черезъ облака *), и наконецъ образованіе инея на оболочкѣ. Послѣдняя причина опусканія аэростатовъ представляется тѣмъ болѣе серьезною, что одновременно съ увеличеніемъ тяжести аэростата происходитъ сильное охлажденіе и вслѣдствіе этого сжатіе газа, причемъ происходитъ настолько быстрое паденіе аэростата, что его не всегда удается удержать выбрасываніемъ балласта. Случаи поднятія аэростата, независимо отъ воли воздухоплавателя, могутъ быть сведены къ одной причинѣ—нагрѣванію оболочки солнечными лучами и происходящему отъ этого расширенію газа. Сказанное даетъ намъ понятіе о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходится считаться воздухоплавателю при управленіи вертикальными движеніями аэростата и о томъ огромномъ вліяніи, которое должно оказывать колебанія аэростата въ вертикальной плоскости на успѣхъ воздушношаровыхъ полетовъ вообще.

Возможно бо́льшая горизонтальность полета составляетъ одно изъ главныхъ условій этого успѣха, ибо отъ нея зависитъ какъ продолжительность полета, такъ и возможность пользоваться благопріятными вѣтрами и совершать полетъ въ опредѣленномъ направленіи. Въ самомъ дѣлѣ, постоянный расходъ балласта и газа, съ которымъ сопряжены колебанія аэростата въ вертикальной плоскости, быстро истощаетъ его подъемную силу и тѣмъ самымъ сокращаетъ продолжительность полета. Съ другой стороны, изслѣдованія воздушныхъ теченій, происходящихъ въ различныхъ слояхъ атмосферы, показали, что съ измѣненіемъ высоты слоевъ измѣняется не только скорость этихъ теченій, но и самое направленіе ихъ; такимъ образомъ вертикальныя колебанія могутъ отклонить и даже измѣнить въ обратную сторону благопріятный курсъ аэростата. Вотъ почему на ряду съ проблемой управленія горизонтальнымъ полетомъ аэростата, задача управленія его вертикальными движеніями, которая, какъ мы видѣли, сводится къ возможности безъ затраты балласта и газа достигать наибольшей горизонтальности полета,—эта задача не переставала занимать воздухоплавателей почти съ самаго момента изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ. Посмотримъ же, каковы тѣ результаты, которыхъ удалось до сихъ поръ добиться воздухоплавательной техникѣ, въ смыслѣ рѣшеніи этой задачи. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ остановиться на системѣ регулированія вертикальныхъ движеній аэростата, предложенной еще 120 лѣтъ тому назадъ французскимъ генераломъ Менье, о классическихъ работахъ котораго по воздухоплаванію мы уже говорили въ историческомъ очеркѣ воздухоплаванія (см. стр. 47). Система Менье, если читатель припоминаетъ, заключается въ томъ, что внутри оболочки аэростата помѣщается еще другая оболочка изъ прочной ткани, такъ (называемый баллонетъ-компенсаторъ), которая при помощи нагнетательнаго насоса или мѣховъ можетъ наполняться воздухомъ, а при помощи особаго клапана освобождается отъ него, смотря по надобности. Въ первомъ случаѣ сжатый въ баллонетѣ воздухъ сжимаетъ, въ свою очередь, газъ аэростата и уменьшаетъ его объемъ, а значитъ и подъемную силу, во второмъ случаѣ—на оборотъ. Получается такимъ образомъ возмож-

*) Это увеличеніе можетъ достигать до 200 и 250 граммовъ на 1 квадр. метръ поверхности, т.-е. до 200 килогр. на аэростатъ.

ность регулировать движенія аэростата въ вертикальной плоскости безъ потери балласта и газа или, по крайней мѣрѣ, съ громадной экономіей того и другого. Баллонетомъ можно пользоваться и не сжимая находящагося въ аэростатѣ газа. Дѣло въ томъ, что практика аэростатическаго воздухоплаванія выработала два типа аэростатовъ: аэростаты съ постояннымъ объемомъ и перемѣннымъ количествомъ газа и аэростаты съ перемѣннымъ объемомъ и постояннымъ количествомъ газа. Аэростаты перваго типа наполняются газомъ до полнаго объема, причемъ объемъ этотъ остается неизмѣннымъ во все время подъема аэростата, не смотря на то, что количество газа по мѣрѣ подъема уменьшается. Въ аэростатахъ второго типа въ моментъ отправленія газъ не занимаетъ всего объема оболочки; послѣдняя наполняется имъ лишь по мѣрѣ поднятія аэростата, благодаря расширенію самого газа, количество же газа при этомъ остается неизмѣннымъ. Баллонетъ-компенсаторъ даетъ возможность воспользоваться преимуществами обоихъ названныхъ типовъ аэростата. Въ самомъ дѣлѣ, если устранить выходъ газа черезъ отверстіе аппендикса и помѣстить внутри аэростата баллонетъ, снабженный автоматическимъ клапаномъ и наполненный воздухомъ настолько, чтобы объемъ воздуха и газа совершенно наполняли оболочку аэростата, то при подъемѣ послѣдняго будетъ измѣняться лишь количество воздуха, количество же газа останется все время неизмѣннымъ. Благодаря этой комбинаціи, вертикальные маневры аэростата значительно облегчаются, и въ такомъ видѣ компенсаторъ Менье неоднократно примѣнялся въ современной воздухоплавательной практикѣ. Но въ самое послѣднее время начинаютъ появляться попытки примѣненія идеи Менье въ ея первоначальной формѣ. Такъ, извѣстный французскій воздухоплаватель-спортсменъ графъ Анри де-ла-Во (Henri de-la-Vaux) *), желая провѣрить идеи Менье на практикѣ, построилъ недавно аэростатъ, строго придерживаясь въ его конструкціи указаній генерала Менье. Аэростатъ этотъ **), названный «Djinne», наполняется водородомъ и, при вмѣстительности оболочки въ 1.650 куб. метровъ, снабженъ внутреннимъ баллонетомъ 500 куб. метровъ. Послѣдній при помощи ручного вентилятора можетъ наполняться воздухомъ въ теченіе одного часа. Аппендиксъ Djinne'a снабженъ автоматическимъ клапаномъ, который открывается только при расширеніи газа выше извѣстной, заранѣе вычисленной нормы. Кромѣ того, «Djinne» снабженъ и обыкновеннымъ верхнимъ клапаномъ, а также разрывнымъ приспособленіемъ какъ для оболочки аэростата, такъ и для оболочки баллонета, позволяющими, въ случаѣ надобности, произвести мгновенный выпускъ газа. Наконецъ, къ числу особенностей Djinne'a относится также сдѣланный изъ ткани конусъ, который растягивается подъ извѣстнымъ угломъ надъ верхнимъ клапаномъ, чтобы препятствовать скопленію дождевой воды на клапанѣ и неровностяхъ, образующихся обыкновенно въ верхней части шара подъ вліяніемъ тяжести клапана и сѣтки.

---

*) Де-ла-Во, между прочимъ, еще въ 1902 г. побилъ всемірный рекордъ на продолжительность и дальность полета, пройдя на шарѣ 1.925 километровъ (отъ Парижа до Коростышева, Кіевск. губ.) въ 36 часовъ. Годомъ раньше, въ 1901 г., де-ла-Во совершилъ свой знаменитый полетъ надъ Средиземнымъ моремъ. Объ этомъ послѣднемъ полетѣ его мы будемъ говорить ниже.

**) Заимствуемъ описаніе аэростата изъ статьи лейтенанта Большева „Изъ Парижа въ Іоркъ на воздушномъ шарѣ“, помѣщенной въ журналѣ „Воздухоплаватель“, № 3, 1904 г.

Блестящій опытъ съ этимъ аэростатомъ былъ произведенъ графомъ де-ла-Во въ ночь *) съ 26-го на 27-е сентября 1903 г. Поднявшись изъ Парижа въ 7 ч. вечера, въ компаніи съ капитаномъ Вуайе и графомъ д'Утремономъ, де-ла-Во на другой день въ 11 ч. 40 м. утра опустился недалеко отъ англійскаго города Hull въ графствѣ Іоркъ, пройдя такимъ образомъ 600 километровъ въ теченіе 16 ч. 40 м., при средней скорости въ 36 километровъ въ часъ. Благодаря баллонету-компенсатору путешественникамъ удавалось все время держаться на желательной высотѣ, причемъ изъ взятаго ими запаса балласта въ 432 килограмма было израсходовано лишь 216 килогр., т.-е. ровно половина. Принимая во вниманіе продолжительность полета и длину пройденнаго пути, а также то обстоятельство, что путешественникамъ пришлось при этомъ больше 100 километровъ пролетѣть надъ моремъ (черезъ Ла-Маншъ), результаты этого опыта должны быть признаны блестящими. Другая возможность регулировать вертикальныя колебанія аэростата, не ослабляя его подъемной силы, заключается въ примѣненіи гайдъ-ропа. Гайдъ-ропъ, или тормазный канатъ, какъ мы видѣли, былъ введенъ въ воздухоплавательную практику впервые англійскимъ воздухоплавателемъ Грипомъ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Первоначальное его назначеніе было замедлять спускъ аэростата и ослаблять его ударъ о землю. Гайдъ-ропомъ служитъ толстая (отъ 35 до 40 миллиметровъ въ діаметрѣ) веревка длиною отъ 100 до 250 и болѣе метровъ, смотря по величинѣ и силѣ аэростата. При опусканіи на землю аэростата съ распущеннымъ гайдропомъ, послѣдній будетъ ложиться на землю, причемъ грузъ аэростата облегчится ровно настолько, сколько вѣситъ находящаяся на землѣ часть гайдъ-ропа. Соотвѣтственно съ этимъ увеличивается, конечно, и подъемная сила аэростата, чѣмъ и объясняется уравновѣшивающее дѣйствіе гайдъ-ропа при спускѣ. Въ томъ случаѣ, когда тяжесть находящейся на землѣ части гайдъ-ропа придетъ въ равновѣсіе съ подъемной силой аэростата, спускъ послѣдняго, понятно, остановится и аэростатъ будетъ двигаться въ горизонтальномъ направленіи волоча за собою гайдъ-ропъ; съ увеличеніемъ своей подъемной силы, онъ будетъ поднимать за собою часть гайдъ-ропа, а съ уменьшеніемъ ея снова укладывать на землю. Такимъ образомъ гайдъ-ропъ даетъ возможность автоматически регулировать вертикальныя колебанія аэростата (въ предѣлахъ длины гайдъ-ропа) при минимальной затратѣ балласта и газа. Этимъ свойствомъ гайдъ-ропа и пользуются въ широкихъ размѣрахъ тамъ, гдѣ это возможно **), для продолжительныхъ

---

*) Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что вообще продолжительные полеты на воздушныхъ шарахъ выгоднѣе совершать ночью, такъ какъ вертикальные маневры шаромъ требуютъ ночью несравненно меньшаго расхода балласта, нежели днемъ: ночью шаръ быстро поднимается вверхъ и медленно спускается внизъ, тогда какъ днемъ наблюдается совершенно обратное явленіе. Кромѣ того, ночные полеты значительно менѣе утомительны для воздухоплавателя, нежели полеты днемъ. Нѣсколько затруднительно лишь оріентированіе при ночномъ полетѣ, хотя астрономическія наблюденія съ одной стороны и освѣщеніе большихъ городовъ, благодаря которому ихъ можно различать иногда на 70 километровъ и болѣе,—съ другой во многихъ случаяхъ позволяютъ оріентироваться воздухоплавателю ночью не хуже, чѣмъ днемъ.

**) Разумѣется пользованіе гайдъ-ропомъ при полетѣ надъ городами и жилыми мѣстами было бы неблагоразумно. Кромѣ того, полетъ на гайдъ-ропѣ чрезвычайно затруднителенъ надъ лѣсистыми мѣстностями и безусловно невозможенъ надъ мѣстами, покрытыми виноградникомъ, надъ телеграфными проводами и пр.

полетовъ на большихъ разстояніяхъ. Можно сказать, что успѣхъ большинства совершающихся въ настоящее время продолжительныхъ полетовъ обязанъ, главнымъ образомъ гайдъ-ропу. Насколько ничтоженъ можетъ быть расходъ подъемной силы аэростата при извѣстныхъ условіяхъ пользованія гайдъ-ропомъ, это доказываютъ недавніе опыты французскаго воздухоплавателя капитана Дебюро (Deburaux alias Leo Dex). Дебюро *) уже много лѣтъ занимается вопросомъ о возможности полета на воздушномъ шарѣ черезъ Сахару (изъ Туниса во Французскій Суданъ) при помощи благопріятныхъ пассатныхъ вѣтровъ, дующихъ тамъ почти впродолженіи полугода съ сѣверо-востока на юго-западъ. Въ виду того, что воздушное путешествіе черезъ пустыню на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ километровъ возможно лишь при условіи, что аэростатъ не потеряетъ своей подъемной силы, въ теченіе нѣсколькихъ дней, Дебюро выработалъ особый типъ аэростата, при которомъ совершенно устраняется необходимость какой бы то ни было траты подъемной силы черезъ выпусканіе газа; что же касается балласта, то пользованіе имъ должно опредѣляться лишь потерей подъемной силы черезъ диффузію газа, которая благодаря особенностямъ конструкціи сводится къ минимуму. Существенною особенностью этого аэростата является его гайдъ-ропъ. Послѣдній долженъ представлять собою стальной канатъ въ 1.200 метровъ длины и до 1.300 килограммовъ вѣсомъ, причемъ вѣсъ каната долженъ соотвѣтствовать какъ разъ той свободной подъемной силѣ **), которою путешественники будутъ располагать въ моментъ подъема. По разсчету Дебюро случайное увеличеніе тяжести аэростата (отъ осадковъ, дождей, измѣненія температуры и пр.) не должно превышать 1.200 килограммовъ, и слѣдовательно одного гайдъ-ропа въ 1.300 килограммовъ совершенно достаточно, чтобы удерживать аэростатъ во все время путешествія на высотѣ не превышающей ни въ какомъ случаѣ его длины. Чтобы провѣрить раціональность своей системы и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить направленіе вѣтровъ, дующихъ въ Габешѣ, откуда онъ намѣревается предпринять свое воздушное путешествіе черезъ Сахару, Дебюро пустилъ изъ окрестностей Габеша въ январѣ 1903 г. два небольшихъ пробныхъ шара, горизонтальность полета которыхъ регулировалась стальными гайдъ-ропами. Одинъ изъ этихъ шаровъ «Eclaireur» («Развѣдчикъ»), пролетѣвъ незначительное пространство, былъ пойманъ и испорченъ туземцами арабами, другой «Leo Dex», хотя и подвергся той же участи, но продержавшись предварительно въ воздухѣ 26 часовъ, въ теченіе которыхъ онъ успѣлъ пройти путь въ 600 километровъ (отъ Габеша до границы Алжира). Шаръ этотъ всего лишь въ 87 куб. метровъ вмѣстимости, кромѣ гайдъ-ропа въ 49 килогр. былъ снабженъ автоматически-выливающимся водянымъ баластомъ, а также самопишущими метеорологическими приборами. На основаніи записей этихъ послѣднихъ слѣдуетъ заключить, что «Leo Dex», во все время пути ни разу не останавливался волоча за собою, безпрепятственно гайдъ-ропъ, слѣдовательно не поднимаясь выше заранѣе опредѣленной высоты, причемъ израсходовалъ лишь 4 килогр. баласта, т.-е. $^1/_{25}$ своей абсолютной подъемной силы потеря которой произошла исключительно черезъ диффузію газа. Опытъ этотъ такимъ образомъ блестяще подтвердилъ

---

*) См. „L'anné scientifique et industrielle“, за 1904 г., стр. 102 и слѣд.

**) Абсолютная подъемная сила аэростата должна достигать огромной цифры 12.000 килогр.

разсчеты Дебюро и доказалъ возможность наиболѣе продолжительныхъ полетовъ съ гайдъ-ропомъ при минимальномъ расходѣ подъемной силы аэростата. Разумѣется, подъемъ съ гайдъ-ропомъ такихъ размѣровъ какъ проектируемый гайдъ-ропъ Дебюро возможенъ лишь въ безлюдной африканской пустынѣ, но не слѣдуетъ забывать, что размѣры его гайдъ-ропа объясняются размѣрами самого аэростата, предназначеннаго для перевозки 6.000 килогр. груза и условіями страны, надъ которой Дебюро предполагаетъ совершить свое путешествіе, въ компаніи шести своихъ спутниковъ. Кромѣ тѣхъ огромныхъ выгодъ, которыя гайдъ-ропъ представляетъ при управленіи вертикальными движеніями аэростата, онъ даетъ возможность примѣнить къ аэростату парусъ и слѣдовательно до извѣстной степени управлять его горизонтальнымъ полетомъ. Одна изъ основныхъ трудностей проблемы управленія воздушными шарами заключается между прочимъ въ томъ, что воздушный шаръ не имѣетъ собственнаго движенія, а движется вмѣстѣ съ уносящимъ его воздушнымъ теченіемъ, составляя какъ бы часть послѣдняго. Вотъ почему ни руль, ни парусъ не могутъ быть примѣнимы къ управленію аэростатами: они не находятъ въ воздухѣ того сопротивленія, которымъ обусловливается ихъ дѣйствіе въ водяныхъ судахъ, такъ какъ при полетѣ аэростата воздухъ движется съ одинаковой скоростью во всѣхъ точкахъ аэростата, какъ у руля, такъ и у паруса, и вся система остается совершенно неподвижной по отношенію къ увлекающему ее воздушному потоку. Гайдъ-ропъ же, благодаря своему тренію о землю, измѣняетъ скорость аэростата и сообщаетъ ему, такъ сказать, собственное движеніе въ сторону, обратную направленію вѣтра. Воздухъ при этомъ обгоняетъ аэростатъ и стремится натянуть прикрѣпленный къ аэростату парусъ съ тѣмъ большею силою, чѣмъ тяжелѣе гайдъ-ропъ, т.-е. чѣмъ больше разность скоростей аэростата и воздуха. При удачномъ боковомъ расположеніи паруса получается возможность отклонять курсъ аэростата иногда подъ довольно значительнымъ угломъ вправо или влѣво отъ направленія вѣтра. Примѣненіе паруса совмѣстно съ гайдъ-ропомъ неоднократно уже практиковалось съ успѣхомъ при воздушно-шаровыхъ полетахъ *). Прилагаемый рисунокъ (см. рис. 60) даетъ представленіе о способахъ пользованія парусомъ при полетѣ на гайдъ-ропѣ. Особенно благопріятныя условія для пользованія парусомъ представляютъ воздушные полеты надъ моремъ. Для этихъ послѣднихъ существуютъ также спеціальныя приспособленія, одни изъ которыхъ имѣютъ въ виду обезпечить безопасность полета, другія сообщать аэростату возможно большую устойчивость въ вертикальномъ направленіи и, до извѣстныхъ предѣловъ, отклонять его курсъ отъ линіи вѣтра. Къ приборамъ перваго рода относится такъ называемый якорь-конусъ Сивеля. Онъ состоитъ изъ широкаго конусообразнаго мѣшка изъ просмоленой парусины, который остается все время открытымъ благодаря деревянному ободу, вставленному въ его устье. Якорный канатъ прикрѣпляется къ ободу, какъ показано на рис. 61. Кромѣ того, къ вершинѣ мѣшка-конуса привязана бичевка, позволяющая воздухоплавателю въ случаѣ надобности опрокидывать конусъ, когда онъ наполненъ водой. Наполненный водою, конусъ играетъ роль якоря, удерживая аэростатъ на незначительной высотѣ надъ поверхностью воды или—

---

*) Между прочимъ и описанный нами выше пробный аэростатъ Дебюро „Leo Dex“ былъ также снабженъ тремя пирамидально расположенными парусами.

при очень сильномъ вѣтрѣ—значительно уменьшая скорость его наступательнаго движенія. Въ такомъ положеніи аэростатъ можетъ безопасно выжидать помощи съ судна. По минованіи надобности въ якорѣ, достаточно при помощи упомянутой бичевки опорожнить изъ него воду, и аэростатъ можетъ продолжать свой полетъ. Исторія морскихъ полетовъ

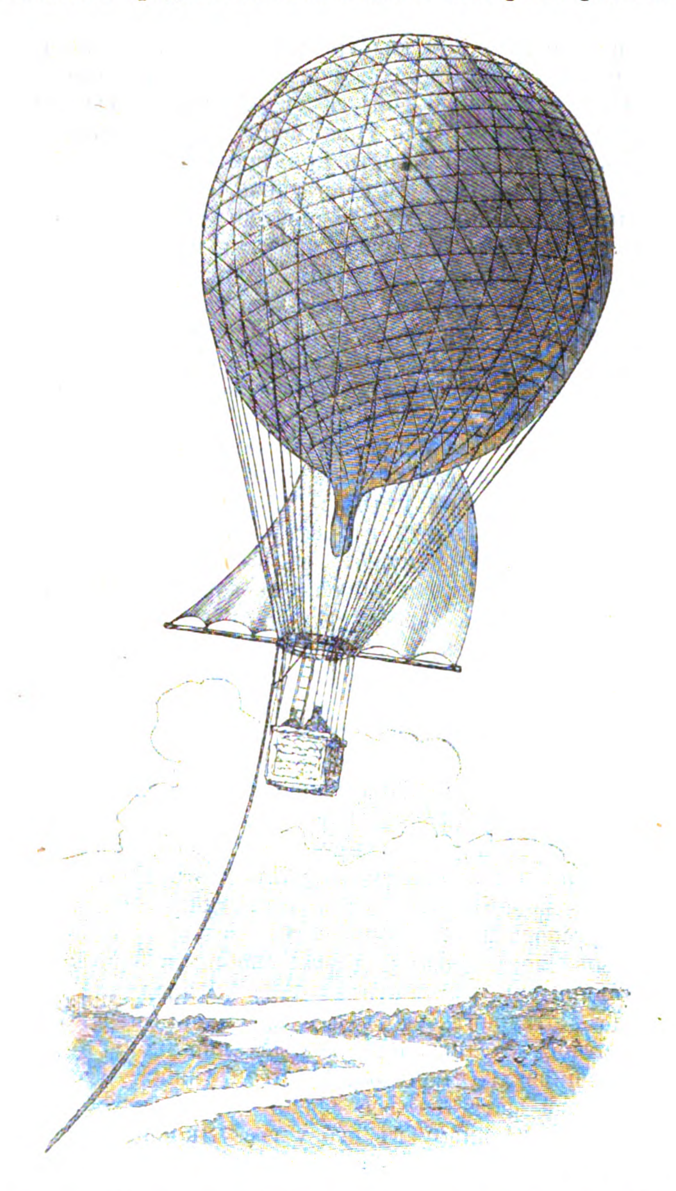

Рис. 60. Полетъ на гайдъ-ропѣ съ парусомъ (по Линкѣ).

на воздушномъ шарѣ показываетъ, что большинство несчастій при этихъ полетахъ происходило главнымъ образомъ, оттого, что вѣтеръ уносилъ аэростатъ далеко въ открытое море. Такъ погибъ въ 1854 г. воздухоплаватель Арбанъ, унесенный въ Средиземное море, такъ же по-

гибъ и матросъ Прэнсъ, который во время осады Парижа поднялся на воздушномъ шарѣ изъ Орлеанскаго вокзала и былъ унесенъ сильнымъ западнымъ вѣтромъ въ Атлантическій океанъ. Еще позже, въ 1887 г. та же участь постигла двухъ французскихъ воздухоплавателей Лоста и Манго, которые, желая перелетѣть черезъ Ла-Маншъ, были унесены въ Атлантическій океанъ. Якорь-конусъ имѣетъ въ виду предупредить возможность этой опасности и, настолько показала практика морскихъ полетовъ, онъ прекрасно выполняетъ свое назначеніе. Благодаря пользованію имъ, воздухоплаватели неоднократно избавлялись отъ вѣрной гибели при совершеніи полетовъ надъ моремъ и вблизи моря. Такъ, самъ изобрѣтатель этого якоря, Сивель, два раза подвергался опасности быть унесеннымъ въ море *), и лишь благодаря его якорю въ обоихъ случаяхъ ему удавалось выжидать помощи спасательныхъ судовъ. Къ приборамъ второго рода, имѣющимъ въ виду вертикальную устойчивость аэростата во время полета надъ мо-

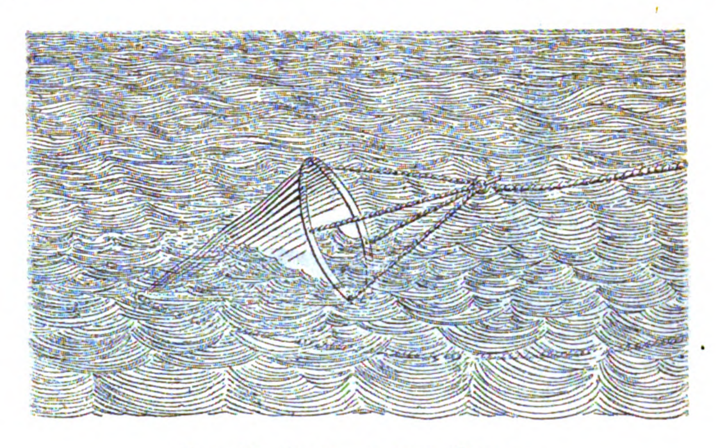

Рис. 61. Якорь—конусъ Сивеля.

ремъ и до извѣстной степени борьбу съ вѣтромъ при поступательномъ движеніи аэростата, относятся приспособленія французскаго инженера Герве, имя котораго носятъ и самые приборы. Первый изъ нихъ, такъ называемый «стабилизаторъ» Герве, состоитъ изъ ряда толстыхъ деревянныхъ брусьевъ, соединенныхъ между собою по способу, показанному на рис. 62. Посредствомъ каната стабилизаторъ волочится по водѣ за аэростатомъ, причемъ часть его находится надъ поверхностью воды. Уравновѣшивающее дѣйствіе стабилизатора основано на томъ же принципѣ, что и дѣйствіе гайдъ-ропа; разница между этими приборами заключается лишь въ вѣсѣ, который у стабилизатора значительно больше, нежели у гайдъ-ропа **), благодаря чему предѣлы вертикальныхъ колебаній аэростата при немъ становятся еще меньше и вмѣстѣ съ тѣмъ аэростатъ получаетъ возможность держаться на самой незначительной высотѣ надъ уровнемъ воды. Пока стабили-

*) Одинъ разъ при полетѣ изъ Неаполя надъ Средиземнымъ моремъ и въ другой разъ въ Копенгагенѣ при полетѣ черезъ Зундъ.

**) Вѣсъ стабилизатора берется по разсчету 1 килогр. на 10 куб. метровъ объема аэростата, такъ что при аэростатѣ въ 1.000 куб. метровъ стабилизаторъ будетъ вѣсить 100 килогр.

заторъ находится на поверхности воды, тяжесть его мало чувствительна для аэростата, но какъ только подъемная сила послѣдняго почему-либо увеличится, и часть стабилизатора поднимается надъ водой, благодаря его тяжести тотчасъ же возстановляется нарушенное равновѣсіе аэростата; столь же быстро возстановляется это равновѣсіе и въ случаѣ уменьшенія подъемной силы аэростата, когда, наоборотъ, свободная часть стабилизатора погружается въ воду и сразу освобождаетъ аэростатъ отъ довольно значительнаго груза. Нѣсколько иное назначеніе имѣетъ *девіаторъ Гервэ*. Какъ показываетъ названіе

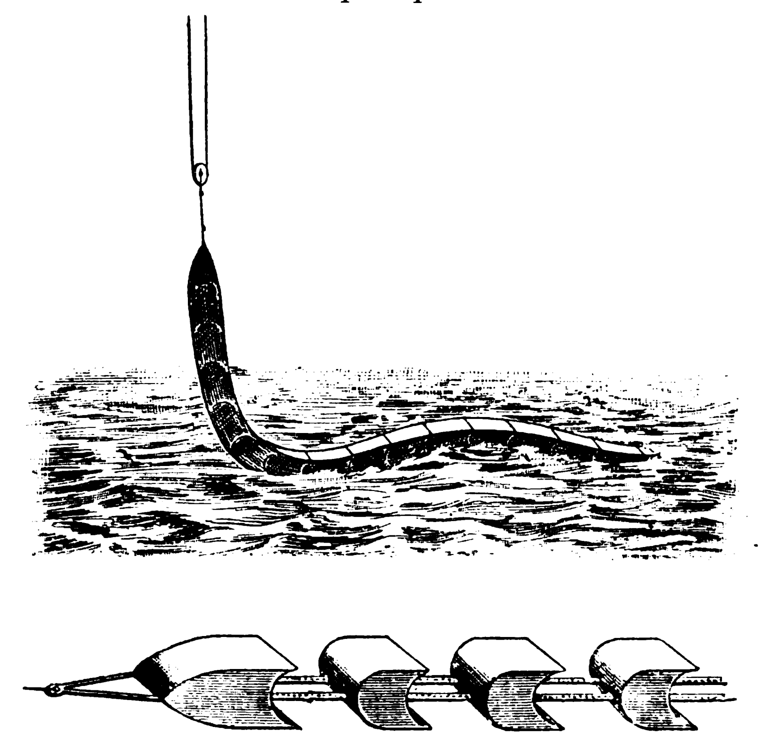

Рис. 62. Стабилизаторъ Герве. Нижняя часть рисунка показываетъ способъ соединенія отдѣльныхъ частей стабилизатора.

этого прибора онъ даетъ возможность отклонять горизонтальный полетъ шара отъ линіи направленія вѣтра и, въ предѣлахъ этихъ отклоненій, приближаться къ плывущему судну или отдаляться отъ него, въ случаѣ надобности. Девіаторъ состоитъ изъ ряда параллельно расположенныхъ и нѣсколько выгнутыхъ деревянныхъ планокъ, которыя вставляются въ стальную раму. Благодаря послѣдней вся система, по своему устройству напоминающая оконныя жалюзи, можетъ погружаться въ воду (см. рис. 63). Рамы соединены съ аэростатомъ системою веревокъ, позволяющей воздухоплавателю измѣнить наклонъ всего аппарата, а слѣдовательно и планокъ по отношенію къ поверхности воды. Во время движенія аэростата аппаратъ, находящійся на извѣстной глубинѣ, будетъ испытывать сильное давленіе со стороны воды. Направленіе этого давленія, перпендикулярное къ планкамъ девіатора, образуетъ уголъ съ направленіемъ полета аэростата, послѣдній будетъ отклоняться въ сторону отъ линіи вѣтра. Придавая девіа-

тору то или другое положеніе, воздухоплаватель можетъ увеличивать или уменьшать это отклоненіе въ предѣлахъ отъ 0° до 70°. Герве были выработаны два такихъ девіатора: максимальной и минимальный. Первый позволяетъ, при наименьшемъ отклоненіи полета отъ линіи вѣтра (0°), оказывать наибольшее сопротивленіе движенію аэростата; второй (см. рис. 64) при наименьшемъ отклоненіи оказываетъ

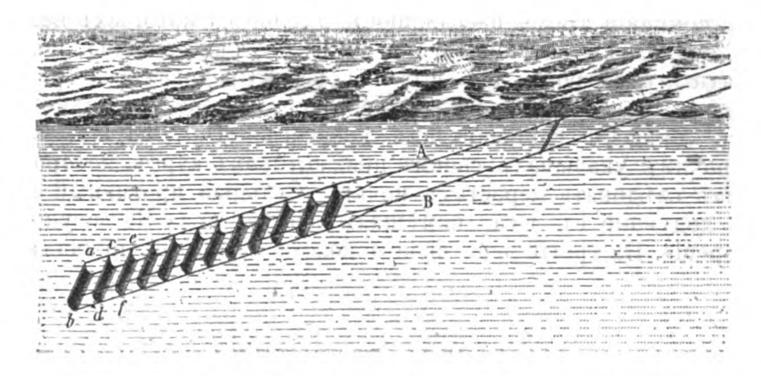

Рис. 63. Максимальный девіаторъ Герве A,B—привязи, ab, cd, ef, вогнутыя створки девіатора.

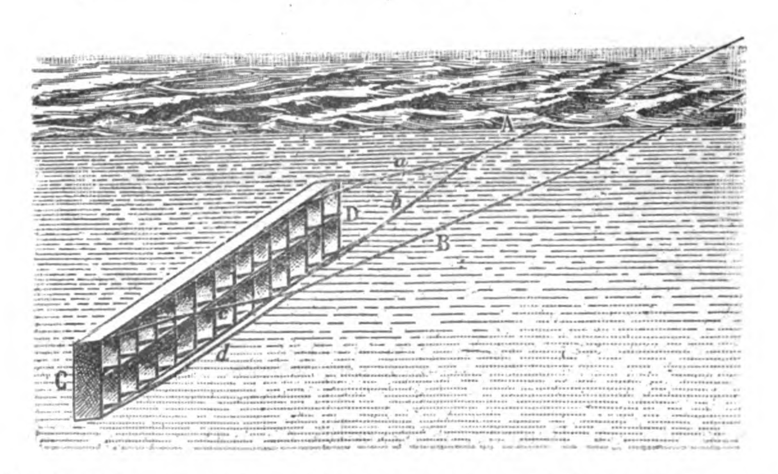

Рис. 64. Минимальный девіаторъ Герве A,B—привязи; C,D—девіаторъ; ab, cd,—система прикрѣпленія девіатора.

сопротивленіе также наименьшее, слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ сопротивленіе воды будетъ направлено на ребра планокъ девіатора. Пользованіе тѣмъ или другимъ аппаратомъ зависитъ отъ силы вѣтра и цѣлей, которыя преслѣдуетъ въ данномъ случаѣ воздухоплаватель. Отклоняющее дѣйствіе сильнѣе у первой модели девіатора, нежели у второй. Прилагаемый рисунокъ показываетъ пользованіе приспособленіями Герве во время извѣстнаго полета графа Де-ла-Во надъ Средиземномъ моремъ.

Въ первый разъ приборы Герве были испытаны самимъ изобрѣтателемъ, совершившимъ въ сентябрѣ 1886 г. полетъ надъ Сѣвернымъ моремъ. Поднявшись изъ Булони въ 6 ч. 30 м. вечера, Герве оста-

вался въ воздухѣ въ теченіе 24½ часовъ, пролетѣвъ надъ моремъ 300 километровъ. Уголъ отклоненія котораго ему удавалось достичь при этомъ достигалъ 68°. Но наиболѣе интересный опытъ съ приборами Герве и въ то же время наиболѣе продолжительный изъ всѣхъ совершенныхъ до сихъ поръ морскихъ полетовъ былъ произведенъ въ 1901 г. извѣстнымъ уже намъ графомъ де-ла-Во на воздушномъ шарѣ «Средиземный» (Méditeranéen). 12-го октября въ 5 часовъ вечера де-ла-Во въ компаніи трехъ пассажировъ, въ числѣ которыхъ находился и Герве, поднялся съ тулонскаго берега, съ тѣмъ чтобы, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, перелетѣть черезъ Средиземное море и спуститься на Алжирскомъ берегу. Съ разрѣшенія морского министерства, аэростатъ де-ла-Во сопровождалъ крейсеръ «Du Chayla», который между прочимъ указывалъ своимъ прожекторомъ курсъ, которому долженъ былъ слѣдовать аэростатъ ночью. Сильный противный вѣтеръ, внезапно подувшій съ юга, помѣшалъ графу де-ла-Во осуществить его намѣреніе. На третій день своего полета аэростатъ принялъ курсъ

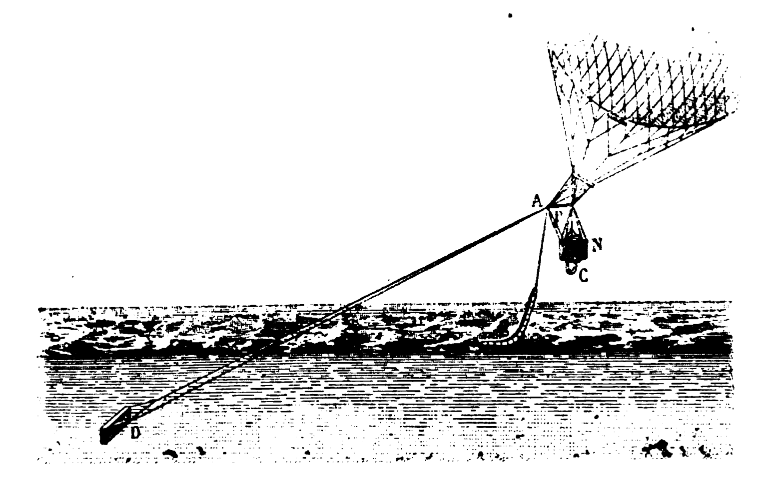

Рис. 65. Снаряженіе аэростата, на которомъ графъ де-ла-Во совершилъ полетъ надъ Средиземнымъ моремъ.

по направленію къ Испаніи, и де-ла-Во, не будучи въ состояніи бороться съвѣтромъ, рѣшилъ высадиться на палубу «Du Chayla». Полетъ (см. прилагаемуы ниже карту полета) продолжался 42 часа, и если бы вѣтеръ позволилъ избѣжать береговъ Испаніи, аэростатъ, который былъ снабженъ всѣми тремя приспособленіями Герве, благодаря имъ могъ бы оставаться надъ водой по крайней мѣрѣ еще столько же времени. Такимъ образомъ, несмотря на то, что цѣль, поставленная графомъ де-ла-Во, не была достигнута, опытъ этотъ доказалъ, какое огромное значеніе имѣютъ приспособленія Герве для безопасности морскихъ полетовъ не только на простыхъ, но и на управляемыхъ воздушныхъ шарахъ, когда техникой будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ о практическомъ примѣненіи ихъ къ воздушной навигаціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ аваріи съ двигателемъ управляемаго аэростата, послѣдній пожалуй еще въ большей степени, чѣмъ обыкновенный аэростатъ, сдѣлался бы игрушкой вѣтра, который могъ бы унести его на громадное разстояніе отъ ближайшихъ

береговъ. Тогда какъ стабилизаторъ Герве позволитъ ему очень долго держаться на самой незначительной высотѣ надъ поверхностью воды *) почти безъ всякой траты балласта и газа, девіаторъ же дастъ возможность уклониться отъ линіи вѣтра и достигнуть берега. Вообще можно сказать, что съ введеніемъ приборовъ Герве продолжительность и безопасность морскихъ полетовъ на воздушныхъ шарахъ увеличились въ нѣсколько разъ. Замѣтимъ кстати, что аэростаты, снабженные приспособленіями Герве, съ успѣхомъ могутъ примѣняться для спасенія утопающихъ на морскихъ спасательныхъ станціяхъ, какъ это показалъ недавній опытъ полковника Ренара, произведенный въ Остенде со спасательнымъ аэростатомъ, который былъ снабженнымъ девіаторомъ.

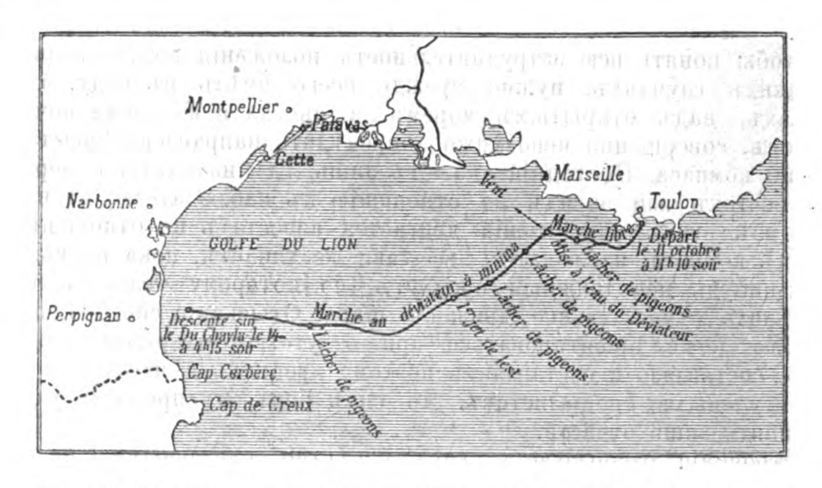

Рис. 66. Карта полета графа де-ла-Во надъ Средиземнымъ моремъ.

Перейдемъ теперь къ способамъ оріентированія съ воздушнаго шара которое играетъ весьма важную роль въ практикѣ аэростатическихъ полетовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда видъ на землю не закрытъ облаками, воздухоплаватель даже съ наиболѣе значительныхъ высотъ легко распознаетъ города и населенныя мѣста, лежащія по направленію желѣзнодорожныхъ линій, шоссейныхъ и другихъ дорогъ. Еще легче оріентироваться въ мѣстностяхъ, расположенныхъ вблизи рѣкъ, озеръ или морей, благодаря характерному ландшафту такихъ мѣстностей. При этомъ весьма важно, конечно, отмѣчать время прохожденія аэростата надъ опознанными пунктами, такъ какъ это даетъ возможность судить о скорости полета. Измѣряя разстояніе между двумя пройденными пунктами по картѣ **), не трудно вычислить скорость полета воздушнаго шара если было отмѣчено время прохожденія его надъ этими пунктами. Съ обозначеніемъ большого количества такихъ пунктовъ получается возможность выяснить, измѣняется ли съ высотой скорость движенія аэростата и его направленіе.

*) Аэростатъ де-ла-Во, напр., могъ летѣть на высотѣ 2 или 3 метровъ надъ уровнемъ моря.

**) Карта должна составлять разумѣется необходимую принадлежность каждаго воздушнаго путешествія. Наиболѣе пригодными для воздухоплавательныхъ цѣлей считаются карты въ масштабѣ 1 : 100.000.

Одной изъ главныхъ причинъ, затрудняющихъ оріентированіе при полетѣ на воздушномъ шарѣ являются облака. Въ тѣхъ случахъ, когда они не сплошь закрываютъ землю у воздухоплавателя еще есть нѣкоторая возможность оріентироваться и, въ крайнемъ случаѣ, опредѣлить съ помощью компаса направленіе полета. Но когда облака застилаютъ землю сплошнымъ густымъ слоемъ, оріентированіе становится чрезвычайно затруднительнымъ, и воздухоплаватель можетъ оставаться на воздушномъ шарѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, не имѣя представленія о томъ куда и съ какою скоростью онъ его уноситъ. Лишь шумъ большихъ городовъ и свистки локомотивовъ *), въ связи съ ранѣе установленными данными относительно направленія и скорости полета, могутъ иногда облегчить безпомощность такого положенія и дать нѣкоторыя косвенныя указанія на счетъ пути аэростата.

Чтобы понять всю затруднительность положенія воздухоплавателя въ такихъ случаяхъ, нужно прежде всего имѣть въ виду, что въ облакахъ, надъ открытымъ моремъ, а иногда и во время ночныхъ полетовъ, совершенно невозможно опредѣлить направленіе полета при помощи компаса. Послѣдній укажетъ лишь, гдѣ находится сѣверъ или югъ, востокъ или западъ по отношенію къ наблюдателю, но въ какомъ изъ этихъ направленій двигается аэростатъ по отношенію къ стрѣлкѣ компаса, наблюдатель все-таки не узнаетъ, пока не увидитъ какой-нибудь неподвижный предметъ, по которому только и можно опредѣлить относительное движеніе шара. Отысканіе способа, позволяющаго легко оріентироваться при отсутствіи открытаго вида на землю, составляло и составляетъ поэтому предметъ дѣятельныхъ изысканій ученыхъ спеціалистовъ. До сихъ поръ эту проблему удалось разрѣшить лишь отчасти.

Астрономія располагаетъ, какъ извѣстно, идеальнымъ способомъ опредѣленія мѣста по положенію звѣздъ и, главнымъ образомъ, солнца, и вопросъ оріентированія съ воздушнаго шара повидимому, легко разрѣшался бы при наличности въ корзинѣ аэростата необходимыхъ приборовъ для астрономическихъ измѣреній и при умѣніи надлежащимъ образомъ пользоваться ими. Дѣло, однако, въ томъ, что при постоянномъ вращеніи воздушнаго шара и тѣхъ хотя и незначительныхъ, но постоянныхъ колебаніяхъ корзины, которыя неизбѣжно связаны съ присутствіемъ въ ней воздухоплавателя, совершенно невозможно неподвижно установить эти приборы и точно направить ихъ на предметъ наблюденія. Съ другой стороны, астрономическія опредѣленія требуютъ времени, и поэтому пользованіе ими имѣетъ смыслъ лишь при очень продолжительныхъ полетахъ. Несмотря, однако, на эти неудобства, астрономическій способъ опредѣленія мѣста нашелъ уже нѣкоторое примѣненіе въ воздухоплаваніи. Между прочимъ, въ 1887 г. нѣмецкій воздухоплаватель, капитанъ Зигсфельдъ, придумалъ остроумный приборъ для горизонтальной установки зеркала, при помощи

*) Шумъ городовъ можетъ доноситься до воздухоплавателя иногда на высотѣ двухъ и даже трехъ тысячъ метровъ, лай собакъ, ружейные выстрѣлы слышны на высотѣ 3.000—4.000 метровъ. Еще большей высоты достигаетъ свистъ локомотивовъ. Совершенно обратное явленіе наблюдается въ томъ случаѣ, когда звукъ направляется отъ шара къ землѣ. Въ то время, какъ голосъ человѣка съ земли слышенъ воздухоплавателемъ на высотѣ 1.000 метровъ совершенно явственно, сильный крикъ съ шара уже на разстояніи 200 метровъ различается съ трудомъ.

котораго измѣряется высота солнца и опредѣляется географическая широта мѣста. Въ послѣднее время конструированъ также очень простой приборъ для измѣренія солнечной высоты безъ помощи зеркала; это особый секстантъ, дающій возможность дѣлать опредѣленія мѣста съ воздушнаго шара съ точностью до 20-ти километровъ, въ общемъ вполнѣ достаточной для воздухоплавательныхъ цѣлей. Наконецъ, въ послѣднее время дѣлаются попытки воспользоваться для опредѣленія мѣста земнымъ магнетизмомъ *). Конструированные для этой цѣли приборы дали удовлетворительные результаты при испытаніи ихъ на воздушномъ шарѣ.

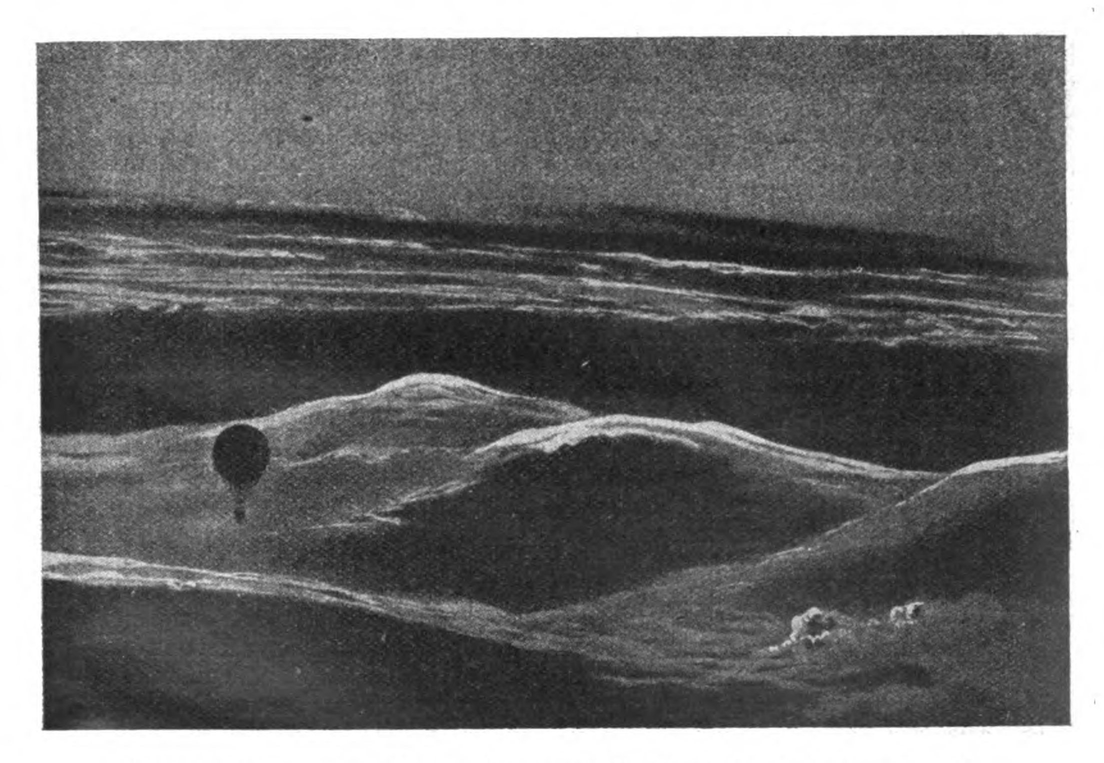

Рис. 67. Воздушный пейзажъ. Горы изъ облаковъ (по рисунку съ натуры А. Тиссандье).

Одинъ изъ способовъ для опредѣленія направленія и скорости низко летящихъ аэростатовъ былъ предложенъ вышеупомянутымъ капитаномъ Зигсфельдомъ. Его приборъ, напоминающій морской лагъ **), состоитъ изъ намотанной на катушку длинной бичевки, къ концу которой привязывается мѣшокъ съ пескомъ. Если послѣдній опустить на землю, то при движеніи шара веревка разматывается, причемъ автоматическій счетчикъ показываетъ, сколько метровъ ея размоталось въ одну секунду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разстояніе, пройденное въ это время аэростатомъ.

*) Методъ этихъ опредѣленій данъ извѣстнымъ изслѣдователемъ земного магнетизма, профессоромъ Эшенхагеномъ.

**) Приборъ для опредѣленія скорости движенія морскихъ судовъ.

Нерѣдко, въ особенности опытнымъ воздухоплавателямъ, удается оріентироваться въ облакахъ и безъ помощи названныхъ приборовъ. Такъ, горы, вершины которыхъ поднимаются выше облаковъ, даютъ возможность довольно легко и скоро оріентироваться надъ облаками, причемъ нужно быть очень осторожнымъ, чтобы не смѣшать горныхъ вершинъ съ кучевыми облаками: сходство между ними бываетъ часто настолько поразительно, что вводитъ въ забужденіе даже опытныхъ альпинистовъ. Прилагаемый рисунокъ даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ далеко можетъ простираться это сходство (см. рис. 67). Говоря вообще, облаками, конечно, нельзя пользоваться для опредѣленія скорости и направленія полета, по той простой причинѣ, что они сами находятся въ движеніи, но въ томъ случаѣ, когда точно извѣстно направленіе и скорость движенія самихъ облаковъ, они могутъ служить хорошимъ способомъ оріентированія. Когда аэростатъ пересѣкаетъ облачные слои атмосферы, очень важно наблюдать, не чувствуется-ли при этомъ движенія вѣтра и съ какой именно стороны. Присутствіе вѣтра служитъ признакомъ того, что аэростатъ со скоростью и направленіемъ нижняго воздушнаго слоя перенесся въ другой слой, гдѣ вѣтеръ мѣняетъ свое направленіе и получаетъ другую скорость. Такъ какъ аэростатъ пріобрѣтаетъ направленіе и скорость тѣхъ слоевъ атмосферы, изъ которыхъ онъ поднимается, то ясно, что вѣтеръ, ощущаемый при подъемѣ слѣва, будетъ показывать, что аэростатъ поварачивается вправо и наоборотъ; направленіе же вѣтра спереди или сзади будетъ свидѣтельствовать о томъ, что скорость движенія аэростата въ первомъ случаѣ уменьшилась, во второмъ—увеличилась. Такія наблюденія чрезвычайно важны для оріентированія, въ особенности, если одновременно съ ними отмѣчаются время и высота нахожденія шара въ данный моментъ. Опытные воздухоплаватели при своемъ перемѣщеніи изъ одного воздушнаго слоя въ другой чувствуютъ даже самую незначительную перемѣну въ направленіи вѣтра и быстро оріентируются благодаря этому.

Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что существующія средства, которыми располагаетъ воздухоплаватель для оріентированія съ воздушнаго шара, не устраняютъ окончательно тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено это оріентированіе при отсутствіи открытаго вида на землю. Въ тѣхъ случаяхъ, когда воздухоплаватель лишенъ всякой возможности оріентироваться, полетъ надъ облаками становится далеко не безопаснымъ, въ особенности тамъ, гдѣ воздухоплаватель можетъ предполагать близость моря. Благоразуміе требуетъ, чтобы въ такихъ случаяхъ полетъ былъ прекращенъ или продолжался ниже облаковъ.

Послѣдняя стадія полета аэростата, его спускъ, является наиболѣе важнымъ и серьезнымъ моментомъ для воздухоплавателя. Главная доля трудностей и опасностей, съ которыми связано управленіе воздушными шарами и полетъ на нихъ, должна быть отнесена именно къ этому моменту полета. «При самомъ полетѣ,—говоритъ Линке,—существуетъ лишь двѣ возможныхъ опасности: это разрывъ оболочки аэростата, при очень высокихъ подъемахъ, въ случаѣ недостаточной ширины отверстія аппендикса, и затѣмъ гроза. Серьезная опасность появляется лишь съ приближеніемъ къ землѣ, т.-е. непосредственно передъ спускомъ и при спускѣ» *).

*) Linke. „Moderne Luftschiffahrt“, стр. 113.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы**—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку**.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 25 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годоваго экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ**, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 3 до 4½ час. *и пятницамъ* отъ 3 до 4½ час. *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

